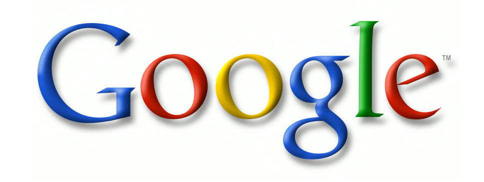
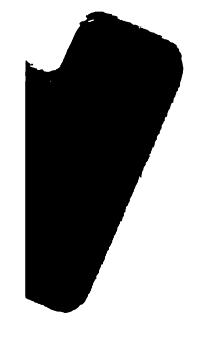
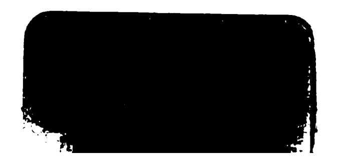

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

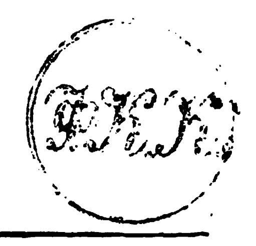
ЧТЕНІЯ

О

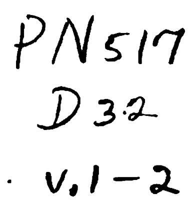
СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе второе, исправленное.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1837.

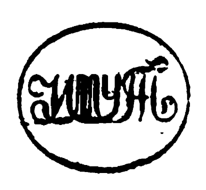
Ego in his praeceptis hanc vim et hanc utilitatem esse arbitror, non ut ad reperiendum, quid dicamus, arte ducamur, sed ut ea, quae natura, quae studio, quae exercitatione consequimur, aut recta esse confidamus, aut prava intelligamus, cum quo referenda sint, didicerimus.

Cicero.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Ноября 12 дня, 1837 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
къ
ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Издаваемыя Чтенія о Словесности, или собственно о Философія Словесности, содержащія теорію Слова, Краснорѣчія и Поэзіи, изложены по руководству Блера. Уроки о Риторикѣ и Изящной Словесности, надъ которыми трудился Блеръ въ продолженіе двадцатичетырехлѣтняго преподаванія, давно переведены на Нѣмецкій и Французскій языки. Въ нихъ находимъ важнѣйшія изслѣдованія по предмету Философіи Словесности, повѣренныя поучительными наблюденіями сочинителя; самое же изложеніе ихъ ясно, просто и изящно: это живая рѣчь бесѣды умнаго и ученаго человѣка. По этимъ урокамъ составлены многіе учебники, къ числу которыхъ принадлежитъ и опытъ Риторики, вскорѣ послѣ появленія подлинника изданный на Русскомъ языкѣ, въ одной книгѣ, подъ названіемъ *Опыта Риторики, сокращеннаго изъ Блера* (*).

(*) Въ С.-Петербургѣ, 1791, въ 8ю.

Въ преподаванiи теорiи Словесности, для развитiя изящнаго вкуса и образованiя дара слова, уроки Блеровы предпочитаются всѣмъ другимъ руководствамъ. Въ теорiяхъ изящнаго, какiя появлялись въ разныя времена у разныхъ народовъ, разногласiе и даже противорѣчiе происходитъ отъ исключительнаго послѣдованiя одному изъ началъ всякаго вѣдѣнiя — или идеальному, постигаемому внутреннимъ созерцанiемъ, или чувственному, приобрѣтаемому внѣшнимъ наблюденiемъ. Отсюда два противоположныя одностороннiя ученiя, встрѣчаемыя въ области изящнаго вообще и изящнаго въ словѣ — метафизическое, состоящее въ построенiи системъ безъ всякаго приложенiя къ искусству, и эмпирическое, теряющееся въ разсматриванiи внѣшняго изящества. Въ древности представителями ихъ были Платонъ и Аристотель; въ наше время эти ученiя раздѣляютъ мыслителей Германiи и Францiи. Но Английскiе писатели преимущественно занимаютъ средину между двумя крайностями — идеализмомъ и эмпиризмомъ въ изящномъ. Таково въ этомъ отношенiи и сочиненiе Блера. Драгоцѣнныя его опытныя свѣдѣнiя о дарѣ слова, заимствованныя изъ древнихъ и новыхъ писателей, или переведены, или изложены въ Чтенiяхъ о Словесности, съ необходимыми измѣненiями; иные уроки замѣ-

нены новыми, согласно съ современнымъ воззрѣніемъ на Словесность; объ основныхъ предметахъ показаны всѣ источники и ученыя пособія, для желающихъ подробнѣйшаго изслѣдованія; общіе законы Слова, Краснорѣчія и Поэзіи выведены изъ началъ изящнаго и приложены къ слову отечественному. Многіе примѣры изъ древнихъ и новыхъ образцовыхъ писателей, приводимыхъ Блеромъ, удержаны въ Чтеніяхъ, только въ Русскомъ переводѣ; потому что образцы изящнаго въ словѣ, какъ въ живописи и ваяніи, равно изящны для всѣхъ народовъ и во всѣ времена.

Чтенія о Словесности составляютъ три книги, или три курса: теорію Слова, Краснорѣчія и Поэзіи. Изданіе въ непродолжительномъ времени втораго и третьяго курсовъ будетъ зависѣть отъ благосклоннаго вниманія любителей Словесности къ издаваемому первому курсу.

Весь трудъ изложенія Чтеній совершенъ достопочтеннѣйшими слушателями моими; мнѣ оставалось одно удовольствіе перечитывать то на бумагѣ, что сообщалъ я имъ изустно, и быть издателемъ ихъ труда. Въ первомъ курсѣ Чтеній участвовали Студенты: Буслаевъ, Іоаннесъ, Конопацкій, Крошковъ, Кудрявцевъ,

Новакъ, Преображенскій, Самаринъ и М. Строевъ; во второмъ и третьемъ — Андре, Васьяновъ, Каменскій, Катковъ, Кистеръ, Ключаревъ, Кодзаковъ, Людоговскій, Миско и Нѣмцовъ. Ревностное усердіе издателя о возможномъ улучшеніи Чтеній вполнѣ вознаградится, если они, при изученіи и преподаваніи Словесности, принесутъ юношеству такую же пользу, какую при ихъ составленіи, трудившимся принесло руководство Блера.

Профессоръ Иванъ Давыдовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ
КО
ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Благосклонный пріемъ просвѣщенными читателями перваго и втораго курсовъ Чтеній о Словесности далъ издателю возможность приступить къ печатанію третьяго курса, который въ непродолжительномъ времени будетъ оконченъ. Между тѣмъ, для удовлетворенія занимающихся Словесностью первымъ курсомъ, предпринято второе изданіе его, съ значительными исправленіями. Сверхъ того, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ любителей Словесности, вмѣсто введенія, присоединено вступительное Чтеніе о частяхъ Словесности и вспомогательныхъ для нея наукахъ.

Прислушиваясь къ различнымъ мнѣніямъ и толкамъ о Чтеніяхъ, съ желаніемъ воспользоваться благонамѣренными замѣчаніями, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ вѣрности началъ, принятыхъ мною за основаніе при изученіи Словесности. Начала въ наукѣ составляютъ главный предметъ; приложеніе ея къ практикѣ

безконечно. Такъ и въ Словесности приложеніе законовъ изящнаго слова къ тѣмъ или другимъ сочиненіямъ, большее или меньшее развитіе того или другаго рода сочиненій зависитъ отъ преподавателя и можетъ измѣняться вмѣстѣ съ появленіемъ новыхъ твореній Поэзіи и Краснорѣчія. Но при всемъ этомъ, начала современнаго воззрѣнія на Словесность, какъ на науку изящнаго въ словѣ, остаются неизмѣнны; потому что неизмѣнны всеобщіе законы искусства. Цѣль современнаго изученія Словесности состоитъ не въ томъ, чтобъ научить *творчеству*, а въ томъ, чтобъ объяснить *возможность* творчества и показать законы духа человѣческаго, по которымъ онъ творитъ изящное въ словѣ. Такова цѣль всякой науки, какъ *постиженія возможности* явленій въ природѣ, человѣкѣ и искусствѣ.

Это понятіе о Словесности оправдываетъ издателя Чтеній и въ томъ, что онъ избралъ руководителемъ Блера, котораго уроки о Философіи Словесности такъ давно явились. Было время, когда и самъ издатель почиталъ Блера между писателями о Словесности старымъ; но изучивъ писателей и предшествовавшихъ ему, и послѣдовавшихъ за нимъ, онъ снова обратился къ Блеру, болѣе всѣхъ

выполняющему требованія науки. Притомъ законы изящнаго, открываемые въ Омирѣ, Цицеронѣ, Шекспирѣ, не старѣютъ — они вѣчны, какъ законы безсмертнаго духа, всегда юнаго, всегда единаго въ сущности, но только въ формахъ измѣняющагося, сообразно съ мѣстомъ и временемъ. Все, что открыто изъ этихъ законовъ древностью и въ новыя времена наблюдавшими явленія духа человѣческаго въ словѣ, мы находимъ въ Блерѣ: оставалось присоединить къ его урокамъ то, что замѣчено послѣ него, когда явились новыя художественныя творенія въ словѣ, и приложить всѣ эти наблюденія къ Словесности отечественной.

Что касается до самаго приложенія законовъ Словесности къ писателямъ, то занимающіеся Философіею Словесности, по моему мнѣнію, должны ограничиваться писателями самобытными, представителями творческой дѣятельности въ своемъ народѣ, каковы: Байроны, Валтеръ-Скотты, Шиллеры, Гёте, Державины, Карамзины. Исчисленіе всей письменности у того или другаго народа относится къ Исторіи Словесности.

И такъ если въ Философіи Словесности высказано все то, о чемъ говорили древніе и новые мыслители; если общія истины изящ-

наго слова вѣрно приложены къ писателямъ отечественнымъ; то условія науки выполнены. Дѣйствительно ли все это совершено издателемъ, пусть судятъ просвѣщенные читатели. По священному долгу званія моего, любовь къ наукѣ представляю порукою не за исполненіе, а только за пламенное усердіе къ общей пользѣ. Эта же любовь обязываетъ меня принести благодарность просвѣщеннымъ соотечественникамъ за оказанное вниманіе къ труду, если не совершенному, въ отношеніи къ какимъ-либо требованіямъ науки и искусства, по крайней мѣрѣ, добросовѣстному.

Профессоръ Иванъ Давыдовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО КУРСА.

Введеніе.

Значеніе Словесности. — Предметъ и раздѣленіе Философіи Словесности. — Вспомогательныя науки Словесности.

Чтеніе I.

Стран.

Необходимость дара слова для развитія ума и его совершенствованія. — Врожденное стремленіе человѣка къ раскрытію идеи изящнаго въ словѣ. — Предметъ и цѣль Философіи Словесности. — Содержаніе ея и форма. — Польза Словесности въ отношеніи къ уму, волѣ и чувству изящнаго 1

А. Языкъ.

Чтеніе II.

Предметъ Философіи слова, или объективной части Словесности. — Происхожденіе слова человѣческаго, современное развитію мысли. — Постепенное совершенствованіе его, согласное съ развитіемъ душевныхъ способностей человѣка. — Произношеніе въ древнихъ языкахъ, и начала языка поэтическаго, или одушевленнаго 14

Чтение III.

Стран.

Продолженіе о совершенствованіи и успѣхахъ слова въ словорасположеніи. — О письменахъ. — Письмена изобразительныя, символическія и буквенныя, согласныя съ развитіемъ представленій, понятій и сужденій. — Преимущества слова и письма. 31

Чтение IV.

Строеніе языка, согласное съ законами мышленія. — Значеніе стихій слова и ихъ измѣненія въ древнихъ и новыхъ языкахъ 49

Чтение V.

Сродство языковъ. — Сродство Русскаго языка съ другими языками 69

Чтение VI.

Отличительныя свойства языковъ, выражающія характеръ народа, степень образованности, климатъ и страну. — Отличительныя свойства Русскаго языка 85

В. Рѣчь.

Чтение VII.

Изящное построеніе рѣчи въ предложеніи и періодѣ. — Качества изящной рѣчи, или порядокъ словопостроенія и движеніе въ словотеченіи. — Правила, относящіяся къ ясности и силѣ, или къ первому условію изящества рѣчи 107

Чтеніе VIII.

Стран.

Продолженіе объ изящномъ словопостроеніи рѣчи. — Правила, относящіяся къ силѣ предложенія и періода 126

Чтеніе IX.

Окончаніе объ изящномъ построеніи періода. — Благозвучіе, или второе условіе изящной рѣчи . . 147

Чтеніе X.

Начало и свойства украшеннаго языка. — Изящество, придаваемое рѣчи тропами и фигурами: изобразительность и одушевленіе. — Основаніе и раздѣленіе троповъ 165

Чтеніе XI.

Метафора.—Подробное изслѣдованіе ея свойствъ и правильнаго употребленія 180

Чтеніе XII.

Продолженіе объ изобразительности и одушевленіи рѣчи: гипербола, олицетвореніе, обращеніе, видѣніе 197

Чтеніе XIII.

Окончаніе о языкѣ украшенномъ. — Сравненіе, противоположеніе, воззваніе, восклицаніе и другія фигуры, или изобразительность и одушевленіе рѣчи 212

С. Слогъ.

Чтеніе XIV.

Стран.

Значеніе слога и его различіе. — Внутреннія качества изящнаго слога, выражающія господствующую способность и характеръ писателя: краткость, обиліе. — Внѣшнія качества изящнаго слога, зависящія собственно отъ способа выраженія: правильность, плавность 233

Чтеніе XV.

Продолженіе о слогѣ. — Слогъ естественный, принужденный, изысканный. — Средства и способы къ образованію себя въ слогѣ 247

ВВЕДЕНІЕ.

Значеніе Словесности. — Предметъ и раздѣленіе Философіи Словесности. — Вспомогательныя науки Словесности.

Приступая къ изученію Словесности, почитаю необходимымъ посвятить первую бесѣду обозрѣнію всѣхъ частей и вспомогательныхъ наукъ Словесности. Такое обозрѣніе покажетъ намъ, какое мѣсто занимаетъ каждая часть науки, назначеніе каждой части и способы изученія.

Если раскроемъ мы курсы Словесности нѣсколькихъ писателей; то увидимъ, что въ бо́льшей части названіе Словесности или принимается въ разныхъ значеніяхъ, или одно и то же значеніе разсматривается съ разныхъ сторонъ, или и значеніе Словесности встрѣтите неопредѣленное и разсмотрѣніе съ разныхъ сторонъ смѣшенное. Такъ иные, принимая Словесность за искусство, отвергаютъ потребность изученія Словесности, какъ науки, и предоставляютъ все природѣ. Другіе, слѣдуя *Батте*, *Эшенбургу*, ограничиваютъ Словесность, какъ науку, изученіемъ теоретическимъ; или, вмѣстѣ съ *Сисмонди*, *Вильменемъ*, разсматриваютъ ее исторически; или, подобно *Джонсону*, *Вольфу*, критически разбираютъ писателей. Къ

трешьему роду принадлежатъ курсы Словесности, въ которыхъ, отъ неопредѣленнаго значенія самаго предмета, изящныя творенія смѣшены съ политическими, гдѣ теорія ни мало не оправдывается ея исторіею. Таковы Лицей *Лагарпов*, Эстетика и Исторія Нѣмецкой литтературы *Бутервека.* Отсюда происходитъ, что для одного и того же предмета находите вы сочиненія подъ различными названіями: Изящныхъ наукъ (schöne Wissenschaften), Словесныхъ изящныхъ искусствъ, Изящной словесности (belles lettres), Курсовъ литтературы, не говоря уже о Риторикѣ, Піитикѣ, Критикѣ, подвергавшихся въ разныя времена различнымъ измѣненіямъ. Отъ этой неопредѣленности въ значеніи Словесности находимъ въ составѣ ея предметы, къ ней не принадлежащіе, каковы Психологія, Логика, Эстетика; напротивъ, предметы, собственно составляющіе ея части, н. п. теорія языка, его исторія, исключены изъ области Словесности; многіе предметы, хотя и относящіеся къ Словесности, излагаются бо́льшею частію безъ всякой связи и послѣдовательности.

Изъ этого вы видите, что слово, начавшееся съ первымъ раскрытіемъ разумѣнія въ человѣкѣ, непрерывно имъ употребляемое, это могущественное орудіе ума, воли и чувства, даже въ наше время не можетъ похвалиться точностью системы.

Какое жъ значеніе Словесности истинное? Какіе предметы и въ какомъ порядкѣ входятъ

въ ея сосшавъ? Какія науки служатъ ей знаніями вспомогательными? Вотъ вопросы, отъ опредѣлевнаго рѣшенія которыхъ зависитъ опредѣленый порядокъ нашихъ занятій. Въ полной системѣ ея увидимъ мѣсто, какое занимаетъ каждая часть Словесности.

Умственная дѣятельность человѣка проявляется въ двухъ видахъ: въ *постижении* Творца и Его творенія, или духа, человѣка и природы, и въ *творчествѣ*, посредствомъ котораго невидимый міръ мыслей и чувствованій, сокрытый въ человѣкѣ, переходитъ въ міръ явленій. Постиженіе раждаетъ *науку*; произведеніе творчества есть *искусство*. Наука, или постиженіе, открываетъ въ природѣ идею истины, въ человѣкѣ — идею блага. Въ искусствѣ, или въ созданіи новаго, особаго міра, является идея изящнаго.

Въ наукахъ о природѣ умъ нашъ, открывая законы явленій, сводитъ все дѣйствительное въ возможное. Въ Физикѣ, н. п., мы наблюдаемъ явленія электричества, постигаемъ законъ, при которомъ эти явленія возможны: и открытіе закона извѣстныхъ явленій есть уже собственность науки; зная возможность явленій, мы повелѣваемъ дѣйствительностью, всю природу превращаемъ въ понятія.

Въ наукахъ о человѣкѣ тѣмъ же самымъ путемъ постиженіе отъ явленій приводитъ насъ къ ихъ законамъ — отъ дѣйствительнаго

къ возможному. Наблюденіе явленій, въ человѣкѣ происходящихъ, нашихъ силъ умственныхъ, нравственныхъ, открываетъ намъ ихъ законы; постиженіе этихъ законовъ составляетъ также науку — переходъ отъ дѣйствительнаго къ возможному. Зная условія, при которыхъ возможно какое-либо дѣйствіе въ человѣкѣ, мы въ состояніи располагать этимъ дѣйствіемъ.

Совершенно противоположнымъ путемъ идетъ творчество — отъ возможности къ дѣйствительности. Рафаэль однажды заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ; пробужденный, воскликнулъ: *она здѣсь*, и начерталъ первый рисунокъ дивнаго своего созданія. Моцартовъ Донъ-Жуанъ есть также вылетѣвшій изъ груди восторгъ въ очаровательныхъ звукахъ. Державина *Богъ* и *Фелица*, Жуковскаго *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*, Пушкина *Борисъ Годуновъ* — это творческіе, поэтическіе помыслы, явившіеся въ изящномъ словѣ — преобразованіе идей въ явленія, возможности въ дѣйствительность.

Изъ этого очевидно, что наука, слѣдствіе постиженія, образуетъ мысли изъ явленій дѣйствительныхъ, а искусство, наоборотъ, претворяетъ мысли въ явленія дѣйствительныя. Тамъ всѣ выводы постиженія приближаютъ насъ къ идеямъ истины и блага; здѣсь всѣ творенія искусства суть приблизительныя выраженія идеи изящнаго. Поэтому всякое словесное изображеніе изящнаго есть творче-

ство, а *Словесность*, врожденный даръ человѣчества, народовъ и человѣка — даръ претворять идеи въ словесные образы, есть *искусство*.

Но всякое искусство, или лучше сказать, всѣ творенія искусства, переходя въ міръ явленій, изъ идей преобразовавшись въ дѣйствительность, становятся предметомъ постиженія наравнѣ съ прочими предметами міра видимаго. Постиженіе законовъ творящаго духа, подобно постиженію законовъ другихъ явленій въ себѣ самихъ и явленій природы — также сводитъ явленія въ идеи, дѣйствительное превращаетъ въ возможное и образуетъ науку. Слѣдовательно къ наукамъ объ идеяхъ истины и блага присоединяется наука объ идеѣ изящнаго. Въ этомъ значеніи разсматриваемая *Словесность*, какъ постиженіе законовъ изящнаго въ словѣ, есть *наука*.

Явствуетъ, что Словесность можетъ быть разсматриваема только въ двоякомъ значеніи: искусства и науки. Въ первомъ смыслѣ это *творчество въ изящномъ словѣ*; во второмъ — *постиженіе изящнаго въ словѣ*. Чтожъ значитъ учиться Словесности? Словесность, какъ наука, можетъ показать постигнутые законы творящаго духа въ искусствѣ и всѣ формы, въ которыхъ этотъ творящій духъ является посредствомъ слова; но сила творящая не дается наукою — она даръ врожденный. Словесность, какъ и всякая наука, ограничивается постиженіемъ законовъ, при которыхъ возможно творческое произведеніе духа

въ словѣ. Не тоже ли дѣлаетъ умъ нашъ въ наукѣ о природѣ? Постигнувъ законы электричества, мы въ состояніи отразить громовое облако; но можемъ ли произвести въ атмосферѣ громъ и молнію?—Таковы предѣлы умственной дѣятельности нашей: цѣль науки постигать; цѣль искусства — творить. Ученые — жрецы науки, художники, въ томъ числѣ поэты и ораторы — жрецы искусства. Вмѣсто извѣстнаго изреченія: poëtae nascuntur, oratores fiunt, правильнѣе говорить: poëtæ et oratores nascuntur, viri docti fiunt. Познавъ ограниченность ума, повѣрите ли вы тому, кто обѣщалъ бы научить васъ риторическому *изобрѣтенію?* Этого сокровища, какъ и *философскаго камня*, человѣкъ не творитъ; это вѣчная тайна и даръ природы. Въ храмъ науки всякаго проведетъ трудъ постоянный и неутомимый; въ храмъ искусства входятъ только отъ рожденія посвященные.

Отсюда проясняется цѣль и нашего ученія. Многіе предубѣждены противъ Словесности, какъ науки риторовъ, предлагающихъ несбыточныя обѣщанія, а на дѣлѣ, вмѣсто науки изобрѣтенія, дающихъ одни тропы и фигуры: потому-то многіе начали сомнѣваться въ ея возможности. Скептицизмъ обыкновенное явленіе въ умѣ, уставшемъ отъ тщетныхъ изысканій, и не знающемъ собственныхъ силъ. Но на поприщѣ наукъ и заблужденія приводятъ къ истинѣ. Такъ Алхимія Бомбаста Парацельса предшествовала Химіи Тенара, Фарра-

дая, Берцеллія. Такъ и Риторика Бургія и Гейнекція должна была предшествовать наукѣ объ изящномъ словѣ Блера, Шлегелей, Бахманна.

Познавъ *генетически* истинное значеніе Словесности, мы раскроемъ все ея *содержаніе* и разовьемъ *форму*, какъ особаго предмета вѣдѣнія человѣческаго.

Словесность, въ значеніи науки разсматриваемая, имѣетъ свою *философію* и *исторію*. Тамъ, гдѣ умъ остается только зрителемъ, нѣтъ философіи; но гдѣ, желая открыть причины явленій, онъ спрашиваетъ: почему это возможно — тутъ раждается философія. И въ Словесности цѣль Философіи усмотрѣть творящій духъ въ его производимости, какъ бы застигнуть его въ творчествѣ словесныхъ созданій. Исторія Словесности показываетъ явленія изящнаго въ творческихъ созданіяхъ словесныхъ того или другаго народа. Одна, т. е. Исторія Словесности, представляетъ *дѣйствительное* въ мірѣ словеснаго искусства; другая, т. е. Философія Словесности, излагаетъ *возможность* творческихъ словесныхъ произведеній, при извѣстныхъ условіяхъ изящнаго. Одна, *аналитически* объясняя творенія писателей, доводитъ до идеи изящнаго; другая, *синтетически* начиная изслѣдованія свои съ идеи изящнаго, доходитъ до его явленій въ твореніяхъ писателей. Онѣ взаимно одна другой помогаютъ; Философія Словесности указываетъ единство началъ въ разнообразіи явленій Исторіи Сло-

весности. Въ Исторіи науки нашей господствуетъ наведеніе (inductio); въ Философіи— выводъ (eductio). Истинное знаніе во всякой наукѣ возможно при пособіи того и другаго способа умствованія; изученіе Словесности также должно быть философическое и историческое. Названіе ученій въ Словесности умозрительнаго и опытнаго неправильно; потому что умозрѣнія не бываетъ безъ опыта, и опыта безъ умозрѣнія. Неправильно также названіе и теоретическаго ученія, хотя мы сами употребляемъ это названіе; потому что оно собственно противополагается ученію практическому, а не историческому.

Изъ совокупныхъ изслѣдованій философическихъ и историческихъ образуется *Критика*, или развитіе и облагородствованіе чувства изящнаго, преобразованіе его въ способность наблюдать степень приближенія образцовыхъ словесныхъ твореній къ своимъ идеаламъ. Критика не есть особая наука: — это приложеніе Философіи и Исторіи Словесности къ изящнымъ произведеніямъ.

Лучшимъ сочиненіемъ были для своего времени — по части Философіи Словесности, съ историческо-критическими разборами —Уроки *Блера*. Образцовыя творенія, съ современными понятіями о Словесности, въ отношеніи историческомъ — Чтенія Фр. *Шлегеля*, *Розенкранца*, *Вестермана*, и критическія Чтенія о драмѣ Авг. *Шлегеля* и о новѣйшей изящной Словесности *Вольфа*.

Таково современное воззрѣніе на ученіе Словесности, одинакое съ воззрѣніемъ писателя, за шестнадцать столѣтій размышлявшаго о словѣ, именно Квинтиліана. Онъ также говоритъ, что занимающіеся Словесностью должны изслѣдовать: artem, artificem, opus. Первое изслѣдованіе соотвѣтствуетъ нашей Философіи Словесности, второе — Исторіи, третье Критикѣ. Слѣдовательно шестнадцать столѣтій потребно было для того, чтобъ умъ снова открылъ истинное воззрѣніе, омраченное схоластиками. Столь труденъ путь къ истинѣ!

Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на Словесность, полный курсъ ея раздѣляется на философическое изученіе Словесности и историческое. Критика словесныхъ произведеній, прилагаемая къ тому и другому ученію, вѣнчаетъ литтературныя занятія. Кто позналъ законы творящаго духа, извѣдалъ ихъ въ творческихъ созданіяхъ словесныхъ: тотъ въ состояніи сочувствовать писателямъ и открывать въ нихъ изящное; тотъ безсознательное творчество преобразуетъ въ сознательное постиженіе.

Не думайте однако, чтобъ Философію и Исторію Словесности можно было образовать изъ громады свѣдѣній теоретическихъ и историческихъ: наука не есть хаотическій сборникъ разнородныхъ знаній (aggregatum); напротивъ, это стройное цѣлое, живой организмъ, развивающійся изъ одного начала (evolutio). Сочиненія, не выполняющія этихъ условій, въ которыхъ одна идея не проведена

чрезъ всѣ умствованія, не имѣютъ права на названіе науки; въ нихъ видимая связь состоитъ только въ числѣ листовъ бумаги и параграфовъ. Наука заключается въ понятіяхъ однородныхъ, основанныхъ на одномъ извѣстномъ началѣ. Послѣ этого вамъ понятно сказанное мною въ началѣ бесѣды нашей о несогласіи курсовъ Словесности даже въ ея значеніи.

Оставляя въ настоящемъ случаѣ безъ подробнаго изслѣдованія Исторію Словесности, какъ особый предметъ преподаванія, обращаюсь къ ея Философіи, предмету нашего курса.

Значеніе и цѣль Философіи Словесности, какъ *прикладной* Эстетики, или науки объ изящномъ, какъ части Теоріи изящныхъ искусствъ, опредѣляютъ содержаніе ея и форму. Искусство, становясь предметомъ постиженія, или науки, представляетъ наблюдателю двѣ стороны, какъ природа и самый человѣкъ: внѣшнюю, или матеріальную, и внутреннюю, или идеальную. Словесность, какъ наука, также представляетъ разсмотрѣнію нашему двѣ стороны; а потому въ ея Философіи явственно отдѣляются двѣ части: *объективная* и *субъективная*.

При воззрѣніи на творческое словесное произведеніе со стороны внѣшней, мы изучаемъ слово, какъ вещество мысли, въ немъ таящейся; сперва мы знакомимся съ буквою, чтобъ потомъ понять ея смыслъ. Здѣсь вы видите первое торжество человѣка надъ природою, развитіе мысли его въ членораздѣль-

ныхъ звукахъ и запечатлѣніе силъ, явленій и произведеній природы этими звуками. Наименовать предметъ значитъ уже познать его столько, чтобы отличить отъ другихъ. Такимъ образомъ самопознаніе человѣка выразилось первобытнымъ *языкомъ*, котораго развѣтвленіе нынѣ составляетъ болѣе пяти тысячъ языковъ производныхъ и нарѣчій, при всемъ внѣшнемъ разнообразіи представляющихъ дивное и поразительное единство и сродство. Какъ изъ понятій умъ образуетъ сужденія: такъ изъ реченій, составляющихъ языкъ, образуется *рѣчь*. Въ рѣчи, какъ въ первомъ выраженіи мысли, заключаются начала всѣхъ явленій духа въ словѣ. Тутъ повторяется прежде замѣченное нами, двойственное дѣйствіе ума, анализисъ и синтезисъ. Далѣе полный актъ мышленія совершается въ умозаключеніи: и полное выраженіе мысли, со всѣми отливами чувства и воображенія, отражается *въ слогѣ*. Слѣдовательно объективная часть Философіи Словесности состоитъ изъ *теоріи языка*, *изящной рѣчи и слога*. Но какъ всякое явленіе въ человѣкѣ, природѣ и искусствѣ есть повтореніе общаго въ частномъ и особомъ, или составъ этихъ двухъ элементовъ: то и эта часть Словесности представляетъ общую теорію и частную, или особую: общіе законы языка, рѣчи и слога повторяются въ языкѣ, рѣчи и слогѣ отечественномъ.

Изслѣдованіе творчества духа человѣческаго, проникнутаго идеей изящнаго, и зако-

новъ, по которымъ изящное проявляется въ словесныхъ твореніяхъ, составляетъ предметъ *субъективной части* Философіи Словесности. Искусство въ существѣ своемъ одно, равно какъ идея изящнаго одна. Но эта вѣчная идея, исходя изъ глубины духа нашего, можетъ открыться только въ формахъ и предѣлахъ нашихъ воззрѣній, въ пространствѣ и времени. Все, что должно быть предметомъ нашего познанія, необходимо является или въ пространствѣ, или во времени, или совокупно во времени и пространствѣ. Очевидно, что творенія искусства должны проявлять идею изящнаго преимущественно во времени, или въ пространствѣ, или совокупно въ формѣ времени и пространства. Въ пространствѣ существуютъ тѣла, ограниченныя въ протяженіи своемъ — вообще все, представляющееся *образомъ*. Во времени происходитъ движеніе, явленія въ насъ самихъ, все, являющееся *звукомъ*. Наконецъ совокупное проявленіе во времени и пространствѣ выражается *словомъ*. Отъ этихъ способовъ проявленія идеи изящнаго въ искусствѣ происходятъ три главныя отрасли: *искусства образовательныя*, *тоническія* и *словесныя*, или *живопись* вмѣстѣ съ пластикою, *музыка* и *поэзія* въ обширномъ смыслѣ. А какъ человѣкъ, главный предметъ Поэзіи, есть представитель двухъ міровъ — духовнаго и вещественнаго: то и словесное искусство, какъ выраженіе идеальнаго и дѣйствительнаго, разлагается

на *Поэзію*, *собственно называемую*, и *Краснорѣчіе*. Это двѣ полярныя противоположности: одна касается міра возможности, свободная и неопредѣленная; другая касается міра дѣйствительнаго, ограниченная и опредѣленная. Тутъ, какъ и въ объективной части Словесности, общее повторяется въ частномъ, или особенномъ: общіе законы творящаго духа въ Поэзіи и Краснорѣчіи повторяются, подъ вліяніемъ народности, въ Поэзіи и Краснорѣчіи отечественномъ.

Міръ идеальный и дѣйствительный, изображаемый въ Поэзіи и Краснорѣчіи, также представляетъ преимущественное выраженіе или внѣшней стороны, или внутренней, или сліяніе той и другой въ дѣйствіи. Отсюда въ Поэзіи и Краснорѣчіи происходятъ соотвѣтственные роды творческихъ словесныхъ созданій: *Эпосъ* и *Исторія*, *Лира* и *Философія*, *Драма* и *Ораторская рѣчь*, или *Витійство*. Такимъ образомъ предметъ *субъективной части* Философіи Словесности заключается въ теоріи Поэзіи и Краснорѣчія.

Вотъ область Словесности, какъ *науки объ изящномъ въ словѣ*, огромное цѣлое, вмѣщающее въ себѣ два міра — человѣка и природу, гдѣ творческій духъ выражается въ эѳирномъ веществѣ — въ словѣ. Въ немъ проявилось и первое выраженіе самопознанія человѣческаго, развившееся въ тысячахъ языковъ, и полное выраженіе духа, со всѣми его движеніями и отливами, въ Иліадѣ, Боже-

ственной комедія, Гамлетѣ, Faустѣ и Борисѣ Годуновѣ. — Гдѣжъ, спросите вы, Грамматика, Риторика и Пінтика, изъ которыхъ двѣ послѣднія до такой степени обезображены въ продолженіе столѣтій, что многіе начали сомнѣваться въ возможности ихъ существованія? Неизмѣняемые законы Грамматики, тожественные съ законами Логики, и законы изящнаго, впервые замѣченные въ словесныхъ созданіяхъ Платономъ и Аристотелемъ, однимъ въ разговорахъ: Гиппіѣ большомъ, Федрѣ, Іонѣ, Горгіѣ, другимъ въ его Риторикѣ и Піитикѣ, входятъ въ составъ и нашей науки: Грамматика и Риторика имѣютъ принадлежащее имъ завѣдываніе въ объективной части Философіи Словесности, Піитика — въ части субъективной. Сверхъ того, въ субъективной части, теоріи Краснорѣчія соотвѣтствуетъ древняя Ораторія, (doctrina, s. institutio de arte oratoria) отличенная Ломоносовымъ отъ Риторики и послѣ него забытая въ курсахъ Словесности.

Изъ этого обозрѣнія всѣхъ частей Философіи Словесности, обозначающаго предѣлы ея, какъ особаго предмета вѣдѣнія человѣческаго, не трудно указать на науки вспомогательныя.

Идея изящнаго, служащая основаніемъ Поэзіи и Краснорѣчію, составляетъ часть духовнаго нашего организма: познать эту часть возможно только при полномъ изслѣдованіи гармоническаго развитія всѣхъ силъ духа и при постиженіи идей истины и блага. Чув-

ство, элементъ всякаго изящнаго искусства, подаетъ намъ свѣдѣніе о внутреннемъ нашемъ состояніи; но какъ же не вѣдать природы, съ которою мы находимся въ непрестанномъ соприкосновеніи, и нравственнаго долга нашего, подъ вліяніемъ котораго мы живемъ и чувствуемъ? А знаніе ума есть приближеніе къ идеѣ истины; дѣйствіе воли есть стремленіе къ идеѣ блага. Изслѣдовать всѣ истины, отдать отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ есть дѣло Философіи. Она есть самое размышленіе, въ связи и порядкѣ возвышенное до степени метода. А языкъ и слогъ — не вѣрное ли это выраженіе мыслящей способности, живописное отъ радужныхъ красокъ воображенія и оживленное чувствомъ? Ясно, что изученію Философіи Словесности должно предшествовать изученіе Философіи, науки идей: законы языка, слога, изящной рѣчи суть законы *Психологіи*, *Логики*, *Эстетики*. Отъ вліянія Философіи на Словесность зависитъ различіе началъ, на основаніи которыхъ въ Словесности замѣчаемъ господство преимущественное или *идеализма*, или *эмпиризма*. Изъ древнихъ представителемъ перваго былъ Платонъ, втораго — Аристотель. Въ новѣйшія времена ученые Германскіе слѣдуютъ Платону, Французскіе — Аристотелю. Англичане принимаютъ ученіе среднее между двумя предъидущими.

Обращаюсь къ Исторіи Словесности. Творенія писателей, какъ тѣла въ природѣ и событія въ исторіи человѣчества и народовъ, всегда

въ связи съ предшествовавшими и послѣдующими. Разсмотрите рядъ причинъ и слѣдствій, отражающихся въ сочиненіяхъ: и вы объясните себѣ словесное твореніе, какъ естествоиспытатели объясняютъ существа и явленія въ природѣ. Каждая эпоха въ Исторіи Словесности соотвѣтствуетъ какой-либо идеѣ человѣчества, какимъ-либо народнымъ событіямъ. Сколько повѣствованій перешло къ намъ съ Востока? Что̀, можетъ быть, въ первый разъ разсказывалъ Аравитянинъ, подъ наметомъ своимъ, у кристальнаго ручья, то разсказывали наши пало́мники, подъ соломенною кровлею, у пылавшаго очага своей хижины. Сколько вліяній иноплеменныхъ испытала наша отечественная Словесность? Изученіе ея въ этомъ отношеніи требуетъ изученія *Исторіи* вообще и *Исторіи литтературы* древнихъ и новыхъ образованныхъ народовъ. Съ Исторіею Литтературъ неразлучна *Исторія изящныхъ искусствъ*; потому что явленіе одного искусства объясняется другими искусствами. Такъ въ величественныхъ памятникахъ Архитектуры среднихъ вѣковъ на Западѣ не читаемъ ли Исторіи всѣхъ искусствъ?

Наконецъ Критика не можетъ обойтись безъ *языковъ иностранныхъ*, особливо *древнихъ, Греческаго и Латинскаго*. Мы сказали, что въ каждомъ реченіи таится мысль; что связь рѣчи есть самый разумъ въ явленіи. Въ отечественномъ языкѣ и даже въ иностранныхъ новыхъ языкахъ, которымъ научаемся изъ разговора,

мы этого не замѣчаемъ: единственно въ древнихъ языкахъ, изучаемыхъ въ смыслѣ науки изъ чтенія писателей, постигаемъ мы всѣ пути, по которымъ идетъ умъ нашъ отъ одной мысли къ другой. Приводя разнообразіе понятій въ единство, мы пересоздаемъ въ себѣ всю систему знаній, приобрѣтенныхъ сначала безъ порядка, безъ послѣдовательности. Что̀ дѣлаетъ художникъ, высѣкающій изъ куска мрамора прекрасную статую? По идеѣ, въ умѣ его представляющейся, онъ отдѣляетъ отъ мрамора лишнія части — и мертвый мраморъ подъ рукой его оживаетъ. Такъ и мы совершенствуемъ себя по образцу, какой въ умѣ нашемъ носимъ: отъ совершенства образца зависитъ совершенство образованія; чѣмъ онъ идеальнѣе, тѣмъ и наше образованіе совершеннѣе. Во всей исторіи развитія духа человѣческаго мы встрѣчаемъ немногіе моменты жизни народной, развившейся въ роскошномъ цвѣтеніи: это полное развитіе совершилось въ языкѣ Греческомъ и Латинскомъ. Изучать такое слово значитъ образовать по немъ слово отечественное.

Сверхъ того мы открываемъ *родные источники для языка своего въ языкахъ соплеменныхъ, Славянскихъ.* Обильный, могучій и звучный языкъ предковъ нашихъ — языкъ древнихъ Славянъ, вмѣстѣ съ Вѣрою, крѣпко связываетъ съ нами народы единоплеменные, хотя и подъ разными скипетрами живущіе. Открывая въ соплеменныхъ Славянскихъ языкахъ формы, обра-

зуемыя какъ бы изъ одного вещества и однимъ духомъ, мы находимъ въ нихъ то, чего не высказано въ нашемъ; въ нихъ отыскиваемъ слова, намъ родныя, излетающія изъ устъ соплеменныхъ живыхъ народовъ.

Вотъ знанія вспомогательныя Словесности. Между ними встрѣчаемъ мы нѣкоторыя, пользующіяся во многихъ курсахъ Словесности правами составныхъ ея частей, каковы: Психологія, Логика, Эстетика, Исторія. Они безъ разбора внесены въ Словесность, не составляютъ элементовъ одного цѣлаго организма, а могутъ быть заимствованы для объясненія. Весь кругъ знаній, принадлежащихъ собственно Словесности и знаній вспомогательныхъ, заключаетъ въ себѣ такъ называемыя *науки Словесныя.*

ЧТЕНІЯ
О
СЛОВЕСНОСТИ.

Чтеніе первое.

Необходимость дара слова для развитія ума и его совершенствованія. — Врожденное стремленіе человѣка къ раскрытію идеи изящнаго въ словѣ. — Предметъ и цѣль Философіи Словесности. — Содержаніе ея и форма. — Польза Словесности въ отношеніи къ уму, волѣ и чувству изящнаго.

Даръ словеснаго сообщенія другимъ своихъ мыслей есть одинъ изъ тѣхъ высокихъ даровъ, которыми Провидѣніе наградило человѣка. Умъ безъ этой дивной способности не проливался бы благотворнымъ свѣтомъ. Слово составляетъ важнѣйшее орудіе, посредствомъ котораго человѣкъ содѣйствуетъ счастію ближняго. Успѣхи мышленія зависятъ отъ выраженія и сообщенія мысли въ словѣ. Усилія одного человѣка, безъ помощи другихъ, недостаточны для совершенствованія способностей. То, что мы называемъ разумомъ человѣческимъ, не есть достояніе, или плодъ дѣятельности и врожденныхъ дарованій человѣка, но разумъ человѣчества, сокровище знаній, взаимно отъ одного другому передаваемыхъ въ словѣ и письмѣ.

Поэтому слово и письмо требуютъ глубокаго изученія. Предположимъ ли мы цѣлію Словесности ораторское убѣжденіе, или только занимательность чтенія, пользу или одно удовольствіе: въ томъ и другомъ случаѣ изученіе искусства выражать мысли свои краснорѣчиво, производить въ слушателѣ или читателѣ желаемое дѣйствіе — составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ образованія. Всѣ народы, выразивъ на языкѣ своемъ нужнѣйшія понятія, стремятся къ совершенствованію рѣчи. Посмотрите на простолюдиновъ: и въ нихъ замѣтно стараніе выражаться сильно и пріятно, когда они хотятъ убѣдить или тронуть. Человѣкъ началъ еще тогда украшать рѣчь свою, придавать ей свойственное изящество, по врожденной идеѣ красоты, когда не существовала наука объ изящномъ. Но у народовъ просвѣщенныхъ болѣе всѣхъ искусствъ изучается искусство слова. Вниманіе, какое обращаютъ на этотъ предметъ, всегда служитъ свидѣтельствомъ успѣховъ образованности. Лишь только получаютъ благоустройство общества, — являются умы, которые могущественнымъ словомъ превосходятъ другихъ, съ распространеніемъ и усиліемъ вліянія своего; они убѣждаются въ потребности возвышать даръ слова, искусство краснорѣчія. Такъ въ наше время изученіе Словесности почитается необходимымъ въ воспитаніи юношества.

Многіе предубѣждены противъ искусства краснорѣчиво говорить и писать; называютъ его суетнымъ средствомъ преклонять другихъ на свою сторону и ослѣплять; видятъ въ немъ только мелочное изученіе словъ, изысканной рѣчи, витійственныхъ оборотовъ, украшенія, вмѣсто сущно-

сти дѣла. Такія обвиненія можно слышать даже отъ людей мыслящихъ: и они возстаютъ противъ краснорѣчія и поэзіи. Дѣйствительно, риторика и піитика иногда вредили успѣхамъ слова и вкуса, ни мало не содѣйствуя ихъ совершенствованію. Не смотря однако на злоупотребленіе, нельзя не согласиться, что искусство словесное, какъ и всякое другое, имѣетъ основаніемъ законы разума и чувства изящнаго. — Приложить эти законы къ Словесности, показать отличіе истиннаго краснорѣчія отъ ложныхъ украшеній, объяснить, что отъ сущности сочиненія зависитъ его форма, и мысль служитъ основаніемъ всякому художественному произведенію, простота составляетъ все украшеніе — вотъ предметъ и цѣль науки о Словесности.

Словесность, разсматриваемая какъ особый предметъ вѣдѣнія человѣческаго, имѣетъ свою *Философію и Исторію*. Цѣль Философіи Словесности — открыть непреложные законы мысли въ словѣ, усмотрѣть духъ въ его производимости, какъ бы застигнуть его въ самомъ творчествѣ. Въ этомъ отношеніи законы Словесности тожественны съ законами Логики и Эстетики. Исторія Словесности показываетъ явленія этихъ законовъ въ творческихъ созданіяхъ словесныхъ того или другаго народа. Эти явленія, какъ выраженіе умственной жизни, согласны съ Исторіею религіи, нравовъ и всего быта общественнаго. — Философія и Исторія Словесности взаимно одна другой помогаютъ; одна указываетъ единство началъ въ разнообразіи явленій другой. Изъ совокупныхъ изслѣдованій философическихъ и историческихъ образуется *Критика*, развитіе и облагородствованіе вкуса, или чувства изящнаго, до

способности наблюдать степень приближенія образцовыхъ словесныхъ твореній къ своимъ идеаламъ.

Предметъ и цѣль Философіи Словесности опредѣляютъ содержаніе ея и форму. Словесность въ этомъ отношеніи представляетъ двѣ стороны: внѣшнюю, или матеріальную, и внутреннюю, или идеальную. Съ одной стороны она изображаетъ міръ понятій въ словѣ, какъ веществѣ мысли, со всѣми его формами; съ другой она показываетъ творчество духа человѣческаго, проникнутаго идеей изящнаго, какъ выраженіе міра дѣйствительнаго и возможнаго. Изъ этого естественно слѣдуетъ раздѣленіе Философіи Словесности на двѣ части: *матеріальную*, или *объективную*, и *идеальную*, или *субъективную*. Въ первой содержатся основные законы слова, во второй законы Краснорѣчія и Поэзіи.

Предпринимая изложеніе законовъ Словесности, почитаемъ нужнымъ изслѣдовать важность и необходимость ея изученія. Мы не намѣрены превозносить одного предмета на счетъ другихъ; напротивъ, думаемъ, что изученіе Словесности предполагаетъ, даже требуетъ познанія прочихъ наукъ и изящныхъ искусствъ; оно объемлетъ ихъ въ себѣ и всѣмъ имъ придаетъ новое достоинство. Кто желаетъ успѣвать въ искусствѣ краснорѣчиво говорить и писать, тотъ долженъ обогатить себя разнообразными, полезными знаніями, приобрѣсти запасъ мыслей о предметахъ, какіе могутъ встрѣтиться въ жизни. Древніе почитали необходимымъ условіемъ для витіи имѣть полное понятіе о всѣхъ наукахъ, и не быть чуждымъ ни одного знанія (*).

(*) Quod omnibus artibus et disciplinis debet esse instructus orator.

Не возможно и безполезно украшать выраженіями сочиненія, скудныя мыслями, блестящія по наружности и ничтожныя по содержанію. Этѣ самыя попытки вредили иногда красноречію и унижали его достоинство. Многіе стараются замѣнить мысли пріятностію изложенія, предпочитают скоропреходящія рукоплесканія необразованной и непостоянной толпы прочному одобренію людей образованныхъ и разсудительныхъ. Такое заблужденіе не продолжительно. Истинно изящное сочиненіе должно быть проникнуто ученостью и познаніями; они составляютъ его сущность; наука о краснорѣчіи придаетъ ему только изящество: но кому не извѣстно, что одни твердыя тѣла способны принимать изящныя формы?

Иные, можетъ быть, должны будутъ писать или произносить рѣчи; другіе пожелаютъ только образовать вкусъ къ изящному въ словѣ, узнать его законы, быть въ состояніи судить о словесныхъ произведеніяхъ. Что касается до тѣхъ, которые обязаны произносить рѣчи, самое призваніе ихъ требуетъ глубокаго изученія Словесности. Говорить и писать ясно и пріятно, правильно и благородно, изящно и сильно — этотъ талантъ имѣетъ нужду въ образованіи; неопытный въ словѣ не въ состояніи выразить мыслей своихъ съ сохраненіемъ ихъ достоинства. Сколькобы кто ни былъ богатъ пріобрѣтенными знаніями, сколь ни основательны были бы сужденія; тотъ не успѣетъ въ убѣжденіи наровнѣ съ другимъ, кто, при меньшихъ преимуществахъ во всемъ этомъ, владѣетъ даромъ слова. Не должно однако думать, что для краснорѣчія достаточно имѣть врожденныя способности. Правда, при-

рода болѣе инымъ благопріятствуетъ; но въ развитіи этого таланта, равно какъ и въ другихъ искусствахъ, природа предоставляетъ наукѣ усовершенствованіе и возвышеніе своихъ даровъ трудомъ и упражненіемъ. Вліяніе науки на искусство краснорѣчія очевидно; многіе примѣры убѣждаютъ въ возможности вознаградить трудомъ недостатки природы. Никто не сомнѣвается въ томъ, что только дарованія, развитыя и усовершенствованныя ученіемъ, раскрываются въ словѣ ораторовъ и другихъ отличныхъ писателей.

Вразсужденіи способа изученія искусства, для достиженія извѣстной степени превосходства, существуютъ различныя мнѣнія. Не станемъ утверждать, что однихъ правилъ, какъ бы они хороши ни были, достаточно для образованія оратора: врожденныя способности собственнымъ упражненіемъ болѣе успѣваютъ, нежели одни наставленія и упражненіе въ искусствѣ слова безъ дарованій. Но если одни правила и ученіе недостаточны для успѣховъ въ краснорѣчіи; то не должно заключать объ ихъ безполезности: они не могутъ замѣнить генія, но способствуютъ къ его развитію; они не въ состояніи восполнить скудости дарованій, но предупреждаютъ погрѣшности дарованій врожденныхъ, руководствуютъ въ подражаніи образцамъ, открываютъ красоты, достойныя нашего изученія, и ошибки, которыхъ должны мы избѣгать; споспѣшествуютъ очищенію вкуса, выводятъ геній на истинный путь, когда онъ уклоняется, и указываютъ должное направленіе; наконецъ, если они не могутъ произвести блистательныхъ качествъ, по крайней мѣрѣ, предостерегаютъ насъ отъ опаснѣйшихъ погрѣшностей. Сверхъ того изученіе Словесности имѣетъ вліяніе на образованіе ума, и въ этомъ-то отношеніи

заслуживаетъ особенное вниманіе. Образовать даръ слова значитъ образовать разумъ. Логика и Риторика взаимно соприкасаются: учиться точности въ выраженіи, значитъ учиться правильно мыслить. Облекая въ слово мысли наши, мы приводимъ ихъ въ ясность. Каждый, сколько нибудь упражнявшійся въ Словесности, знаетъ, что неточность выраженія, вялость слога — всѣ эти недостатки происходятъ отъ сбивчивости въ мысляхъ. Столь тѣсна связь между словомъ и мыслію!

Изученіе Словесности, во всѣ вѣка столь уважаемое, въ наше время представляетъ еще болѣе важности и необходимости. — Мы живемъ въ такомъ вѣкѣ, когда съ необыкновеннымъ усиліемъ обработываются всѣ науки; когда вполнѣ предаются изученію изящныхъ искусствъ, въ особенности изученію изящнаго слова во всѣхъ родахъ сочиненій. Самый слухъ требуетъ изящества въ рѣчи, и не терпитъ неправильности и небрежности въ сочиненіи. Писатель, не соединяющій изящества въ выраженіи съ достоинствомъ мысли, не можетъ ожидать долговѣчности своимъ сочиненіямъ. Можетъ быть, мы стали слишкомъ разборчивы въ этомъ отношеніи; можетъ быть, мы преувеличиваемъ требованія касательно изящества и украшеній слога; даже иные впадаютъ въ крайность, занимаясь болѣе словомъ, нежели мыслію: но это самое заставляетъ насъ тѣмъ болѣе заниматься искусствомъ писать. Если необходимо умѣть выражаться изящно, и это умѣнье въ наше время столько уважается; то еще болѣе необходимо образовать вкусъ, для отличенія ложныхъ прикрасъ отъ красотъ истинныхъ. Это одно средство остановить распростра-

неніе вреднаго вкуса, который, во время господства своего, увлекаетъ за собою незнающихъ и неопытныхъ. Тотъ, кто не изучалъ правилъ красноръчія, кто не наблюдалъ геніальныхъ писателей, не вкушалъ возвышенныхъ и чистыхъ красотъ ихъ, ослѣпляется ложнымъ блескомъ однодневныхъ сочиненій, и, предпринимая самъ писать или говорить, принужденъ бываетъ слѣдовать за толпою.

Но въ числѣ занимающихся находятся и такіе, которые не готовятся ни писать, ни произносить рѣчей: почитаемъ необходимымъ показать пользу, какую и они могутъ получить отъ изученія Словесности. Для нихъ наука о словѣ болѣе наука умозрительная, нежели сколько практическая. — Правила, полезныя другимъ для упражненія въ сочиненіяхъ, могутъ служить имъ для уразумѣнія красотъ въ словесныхъ произведеніяхъ. Наука, руководствующая геній въ творчествѣ, образуетъ вкусъ и приводитъ его въ состояніе судить о геніальныхъ созданіяхъ. Критика, умѣнье судить о писателяхъ, равно какъ и Риторика, имѣетъ многихъ противниковъ. Какъ Риторику нѣкоторые называютъ однимъ схоластическимъ изученіемъ словъ, оборотовъ и фигуръ: такъ иные и Критику принимаютъ за искусство находить въ сочиненіяхъ одни недостатки, прилагать къ изящнымъ произведеніямъ извѣстныя правила и методически унижать какое-либо сочиненіе. — Но истинная Критика есть плодъ науки, самый вкусъ облагородствованный, основанный на законахъ разума. Цѣль ея — показать достоинства писателей; она способствуетъ живѣйшему чувствованію ихъ красотъ, отклоняетъ отъ слѣпаго уваже-

нія сочиненій, по которому мы смѣшиваемъ красоты и недостатки; она научаетъ насъ удивляться или порицать отчетливо, а не по прихотямъ другихъ. — Въ наше время, когда творенія генія и всѣ произведенія Словесности составляютъ обыкновенный предметъ бесѣдъ въ обществѣ, когда каждый хочетъ судить, и не льзя не участвовать въ подобныхъ сужденіяхъ — наука о словѣ становится необходимою: помощію ея можно довершить образованіе и явиться истинно просвѣщеннымъ.

Впрочемъ для науки недостаточно имѣть цѣлію блескъ общества, безъ прочнаго основанія. Упражненіе вкуса и образованіе его здравою критикою служитъ также средствомъ къ усовершенствованію мышленія. Прилагая къ дару слова и къ словеснымъ произведеніямъ законы ума, открывая въ твореніяхъ изящное, и изслѣдуя причины изящества, тщательно отличая основательное отъ поверхностнаго, истинныя красоты отъ изысканности — мы вмѣстѣ съ тѣмъ успѣваемъ въ важнѣйшей части Философіи, въ наукѣ о человѣкѣ. Эти изслѣдованія тѣсно соединены съ изученіемъ насъ самихъ: они заставляютъ насъ вникать въ творчество воображенія и въ движенія сердца, возбуждаютъ въ насъ нѣжныя чувствованія и научаютъ въ каждомъ ихъ понимать. Изслѣдованія собственно философическія имѣютъ предметомъ содѣйствіе уму въ открытіи истины и направленіе воли къ добру; они показываютъ человѣку, въ отношеніи къ познаніямъ, способы къ усовершенствованію умственному, или начертываютъ обязанности ему, какъ существу нравственному. Изящныя искусства и Словесность разсматриваютъ его какъ существо, одаренное вку-

сомъ, или чувствомъ къ изящному — способностью украшать всю духовную природу и доставлять ей удовольствія благородныя и возвышенныя. Все, что относится къ прекрасному и высокому, все, что убѣждаетъ разумъ, плѣняетъ воображеніе и трогаетъ сердце — все это составляетъ область изящества и изящной Словесности. Это ученіе представляетъ природу человѣческую съ особой точки зрѣнія; оно открываетъ глубокія тайны и законы духа нашего, и, при всей утонченности своей, производитъ сильное и могущественное вліяніе на нашъ духовный организмъ. Занятіе изящною Словесностью упражняетъ умъ, не обременяя его; входитъ въ изслѣдованія подробныя, но незатруднительныя, глубокія и вмѣстѣ очевидныя; оно разсыпаетъ цвѣты на пути къ знанію. Возбуждая въ умѣ дѣятельность, оно успокоиваетъ его отъ труда тягостнаго, впрочемъ необходимаго для успѣховъ въ пріобрѣтеніи знаній прочныхъ и надежныхъ. — Образованіе вкуса имѣетъ еще другія выгоды: оно производитъ самое благотворное вліяніе на всю жизнь человѣческую. Часто, утомленные занятіями общественной жизни, мы чувствуемъ потребность въ другихъ занятіяхъ, которыя питали бы духъ нашъ и вмѣстѣ его услаждали. Самыя удовольствія житейскія, все земное счастіе истощается въ средствахъ, доставляющихъ намъ разнообразныя наслажденія. Отъ того не рѣдко иные засыпаютъ отъ праздности, среди всѣхъ благъ возможныхъ, равно какъ слабѣютъ другіе отъ однообразныхъ занятій. Чѣмъ же восполнить эти промежутки отдохновенія, болѣе или менѣе встрѣчающіеся въ жизни? Какое употребленіе изъ нихъ можетъ быть лучшее, при-

лучшее и достойнѣйшее нашей природы, какъ не посвященіе ихъ предметамъ вкуса и упражненію Словесностью? — Кто полюбитъ эти занятія, тотъ въ минуты отдохновенія всегда найдетъ наслажденія чистыя и добросовѣстныя, удаляющія насъ отъ всѣхъ разрушительныхъ и опасныхъ страстей; тотъ не будетъ въ тягость себѣ самому; для разсѣянія скуки, столь часто омрачающей нашу жизнь, не прибѣгнетъ къ наслажденіямъ грубымъ, въ шуму общественномъ, часто среди людей недостойныхъ. Само Провидѣніе указало намъ на удовольствія вкуса, поставивъ чувство изящнаго въ средоточіи между умомъ и волею. Какъ нравственныя существа, мы не должны ни пресмыкаться долу, ни парить въ странахъ воздушныхъ: удовольствія вкуса помогаютъ занятіямъ отвлеченнымъ, и удаляютъ отъ вредныхъ наслажденій; они ведутъ насъ къ радостямъ добродѣтели.

Эти замѣчанія столь часто подтверждаются опытомъ, что мудрость признала закономъ въ воспитаніи, заранѣе внушать юности любовь къ удовольствіямъ вкуса. Съ образованнымъ даромъ слова юноша способенъ ко всякому высшему назначенію и къ исполненію всѣхъ обязанностей, на него возлагаемыхъ. Тѣ всегда подаютъ лучшія надежды, которые имѣютъ вкусъ къ изящному, даръ слова и знанія Словесности: это самое вѣрное ручательство въ добрыхъ свойствахъ. Напротивъ, нечувствительный къ красотамъ поэзіи, краснорѣчія и искусства вообще не много обѣщаетъ, и подаетъ поводъ предполагать въ немъ такія наклонности, которыя поставляютъ человѣка въ послѣдніе ряды общества. Образованіе вкуса имѣетъ вліяніе на счастливѣйшее и лучшее расположеніе духа: оно

возбуждаетъ чувствительность, упражняя въ насъ тихія и благородныя страсти; оно вмѣстѣ съ тѣмъ умѣряетъ страсти сильныя и разрушительныя. »Изящныя искусства« сказалъ одинъ древній поэтъ, »смягчаютъ нравы и предохраняютъ ихъ отъ суровости (*).« Возвышенныя чувствованія, великіе примѣры, представляемые намъ поэзіею и краснорѣчіемъ, не могутъ не воспламенить въ насъ любви къ славѣ, пренебреженія дарами слѣпаго счастія, и удивленія всему высокому и прекрасному (**).

Говорить ли еще о томъ, что вкусъ и добродѣтель образуются одними средствами, и что они всегда въ тѣсной связи между собою? Для исправленія порочныхъ склонностей, безъ сомнѣнія, потребны средства болѣе дѣйствительныя; предметы вкуса часто скользятъ только по поверхности души, тогда какъ въ самой глубинѣ сердце снѣдается страстями: однако и эстетическое образованіе сердца растворяетъ его къ принятію сѣменъ добродѣтели. Кто изъ насъ не испыталъ, что, послѣ чтенія великихъ образцевъ Краснорѣчія и Поэзіи, мы чувствуемъ себя возвышеннѣе? Пусть это чувство непродолжительно; но и оно ведетъ къ добродѣтели. Кому также не извѣстно, что человѣкъ безъ высокихъ добродѣтелей не можетъ успѣвать въ краснорѣчіи? Надобно самому чувствовать, какъ чувствуетъ добродѣтельный, чтобъ трогать и убѣждать дру-

---

(*) ——— Ingenuas didicisse fideliter artes
Emollit mores, nec sinit esse feros.

(**) Объ этомъ полезно прочесть *Шиллера*, въ его »Ueber die æsthetische Erziehung des Menschen.«

гихъ. Пламенное чувство истины, блага и изящества — вотъ тотъ огнь, отъ котораго возгарается духъ оратора; вотъ источники, изъ которыхъ онъ почерпаетъ великіе помыслы, предметъ удивленія во всѣ времена и во всѣхъ странахъ! Если добродѣтели нужны для произведенія и одушевленія сильныхъ движеній краснорѣчія; то онѣ же необходимы и для того, чтобы вкушать красоты изящнаго и чувствовать всю ихъ сладость.

Чтеніе второе.

Предметъ Философіи слова, или объективной части Словесности. — Происхожденіе слова человѣческаго, современное развитію мысли. — Постепенное совершенствованіе его, согласное съ развитіемъ душевныхъ способностей человѣка. — Произношеніе въ древнихъ языкахъ, и начала языка поэтическаго, или одушевленнаго.

Первымъ предметомъ изслѣдованій нашихъ будетъ слово, какъ основная стихія Краснорѣчія. Мы войдемъ въ нѣкоторыя подробности этой основной стихіи: въ области Словесности мало предметовъ, заслуживающихъ болѣе внимательнаго изслѣдованія.

Сознаніе бытія нашего собственнаго и существованія предметовъ постороннихъ, насъ окружающихъ, заключаетъ въ себѣ всю систему выраженія мысли, или слова. Поэтому, при воззрѣніи на слово, какъ на вещество мысли, представляются разсмотрѣнію нашему два предмета: возможность образованія и развитія *словесной стихіи,* и проявленіе ея въ различныхъ *формахъ.* Съ одной стороны мы должны показать: *стихіи слова и законы ихъ соединенія.* Сверхъ того представленіе мыслей письменами есть особая способность, — память человѣчества: а потому изслѣдовать должно различныя системы *знаковъ*, соотвѣтствующія, равно какъ и слово, развитію разумѣнія. Съ другой стороны разсматриваемое слово, со стороны формъ, какія принимаетъ оно отъ проявленія въ немъ мысли, какъ совокупность образовъ и звуковъ, представляетъ *изобразительность рѣчи* и ея *благозвучность.* Въ этихъ общихъ условіяхъ совершенной рѣчи открываются

особенныя свойства творящей мысли — *слогъ*, или различные способы выраженія. Всѣ эти изслѣдованія составляютъ предметъ собственно *Философіи слова*, или *объективной части Словесности*.

Слово вообще есть выраженіе мыслей нашихъ посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ. Подъ членораздѣльными звуками мы разумѣемъ измѣненія голоса, или простой изъ груди исходящій звукъ, ограничиваемый различными органами, каковы: зубы, языкъ, губы, поднебье, носъ, гортань. Въ наше время этотъ способъ сообщенія мыслей находится на высочайшей степени совершенства. Посредствомъ слова мы быстро объясняемъ другъ другу тончайшіе оттѣнки мысли и нѣжнѣйшія ощущенія сердца. Не только окружающіе насъ чувственные предметы имѣютъ свои названія, указывающія намъ на самые предметы, но всѣ ихъ взаимныя отношенія и малѣйшія отличія обозначены въ словѣ со всею точностью; внутреннія чувствованія также выражены особыми знаками; понятія отвлеченныя, всѣ идеи, составляющія богатство наукъ, и всѣ созданія воображенія, облекаясь въ слово, переходятъ въ явленія, для насъ осязательныя. Слово, раздѣлившееся на разныя вѣтьви, образовало разные языки, собственность того или другаго народа. Этотъ способъ выраженія мысли нашей, по удовлетвореніи первыхъ потребностей общественной жизни, обращается въ орудіе художественной роскоши. Недовольные простою ясностію выраженій, мы требуемъ отъ нихъ извѣстнаго убранства. Для насъ недостаточно, чтобы другіе просто сообщали намъ мысли свои; мы хотимъ, чтобы это сообщеніе было изящно. Въ этомъ состояніи, за нѣсколько тысячелѣтій, уже находимъ мы слово у многихъ народовъ. Привычка до того сроднила насъ съ

эшимъ явленіемъ, что мы взираемъ на него безъ удивленія, равно какъ взираемъ на шверд небесную и на другіе величественные предметы природы, къ которымъ привыкло наше зрѣніе. Мы любуемся различными произведеніями искусствъ, гордимся новѣйшими открытіями въ наукахъ, способствующими удобству и пріятностямъ жизни; поставляемъ въ нихъ славу человѣчества: но что болѣе слова имѣетъ право на наше удивленіе?

Наблюдая дивное строеніе слова, умъ человѣческій старается объяснить возможность его происхожденія. Иные предполагали первобытное состояніе человѣка дикимъ, чуждымъ связей жизни общественной и взаимнаго сообщенія чувствованій: и въ этомъ состояніи приписывали человѣку изобрѣтеніе слова. Другіе, замѣчая во всѣхъ языкахъ, при всемъ разнообразіи отдѣльныхъ выраженій, сходство и единство въ составѣ и строеніи, почитаютъ слово даромъ небеснымъ. Первое мнѣніе принадлежало въ древности Стоикамъ, второе — Академикамъ (*).

(*) Объ этомъ можно читать разговоръ Платона: *Κρατύλος*. Сюда относится мѣсто въ сочиненіи Авла Геллія кн. X, гл. 4: »Nomina verbaque non posita fortuito, sed quadam vi et naturae ratione facta esse, Nigidius in grammaticis commentariis docet; rem sane in philosophiæ dissertationibus celebrem. In eam rem multa argumenta dicit, cur videri possint verba esse naturalia magis quam arbitraria. *Vos*, inquit, cum dicimus, motu quodam oris conveniente cum ipsius verbi demonstratione utimur, et labias sensim primores emovemus, ac spiritum atque animum porro versum, et ad eos, quibuscum sermocinamur, intendimus. At contra cum dicimus *nos*, neque profuso intentoque flatu vocis, neque projectis labiis pronunciamus; sed et spiritum et labias quasi intra nosmet ipsos coërcemus. Hoc fit idem et in eo quod dicimus *tu* et *ego*, *mihi* et *tibi*. . . In his vocibus, quasi gestus quidam oris et spiritus naturalis est.«

Если перенесемся мысленно, говорятъ послѣдователи перваго мнѣнія, въ эпоху, предшествовавшую изобрѣтенію словъ и ихъ употребленію, то увидимъ, что людямъ представлялся одинъ только способъ взаимнаго сообщенія своихъ чувствованій — голосъ страстей, сопровождаемый тѣлодвиженіями. — Такимъ знакамъ научаетъ насъ природа; они понятны всѣмъ людямъ. Видѣлъ ли кто либо, что другой идетъ туда, гдѣ самъ пораженъ былъ страхомъ и подвергся опасности: желая отвратить себѣ подобнаго отъ этого намѣренія, не сталъ ли бы одинъ взывать къ другому голосомъ, свойственнымъ страху, показывать тѣлодвиженіями предстоящую опасность? Такъ и въ наше время стали бы изъясняться два человѣка, говорящіе на разныхъ языкахъ, оставленные на необитаемомъ островѣ. Изъ этого заключаютъ, что восклицанія, или междометія, выражающія движенія страстей, были первыми стихіями слова. Но когда нужды общественныя потребовали дальнѣйшихъ сношеній, и предметы стали замѣняться знаками, какимъ образомъ люди приступили къ приложенію этихъ знаковъ къ предметамъ, какъ дошли они до изобрѣтенія словъ? Безъ сомнѣнія, думаютъ, они давали предметамъ наименованія, которыхъ звукъ выражалъ по возможности внутреннія ихъ свойства. Какъ живописецъ, для изображенія травы, избираетъ зеленую краску: такъ, при первоначальномъ образованіи слова, для означенія предмета твердаго и сильнаго, естественно избирали звукъ жесткій и грубый (*).

(*) *Harris's* Hermes or a philosophical inquiry concerning universal grammar; Lond. 1777. — *Iak. Beattie* The theory of language in 2 parts; Lond. 1788. — S. G. *Herder's*

Предполагать, что изобрѣтеніе словъ и наименованій предметовъ совершилось произвольно, безъ всякаго выбора, безъ достаточнаго основанія, значило бы предполагать слѣдствіе безъ причины. Къ избранію одного наименованія, предпочтительно предъ другимъ, всегда былъ особенный поводъ; при первыхъ же попыткахъ своихъ въ образованіи слова, люди старались изображать предметъ болѣе или менѣе совершенно, по возможности подражая впечатлѣніямъ предметовъ посредствомъ голоса.

Обращаемся ко второму мнѣнію, согласному съ развитіемъ душевныхъ способностей. Здѣсь мы увидимъ, что слово современно разуму, и всѣ законы строенія языковъ тожественны съ законами мышленія.

Съ пробужденіемъ самопознанія начинается свободная дѣятельность духа: она показываетъ освобожденіе его отъ вещественной необходимости, возвышеніе надъ нею. Образованіе формъ, въ какихъ мысли исходятъ изъ насъ, есть дѣло воображенія: оно или повторяетъ прежде пріобрѣтенное, или творитъ совершенно новое; въ первомъ состояніи оно называется *силою воспроизводительною*, во второмъ *творческою*. Воображеніе воспроизводящее предполагаетъ въ духѣ безсознательное присутствіе пріобрѣтенныхъ ощущеній, и возсозданіе ихъ есть только возобновленіе сознанія. Безсознательное присутствіе готовыхъ представленій и возможность снова по произволу приводить ихъ въ сознаніе принадлежитъ къ особымъ качествамъ

Ueber *den* Ursprung der Sprache; Berlin, 1772. 8. — *Des Brosses* Traité de la formation mecanique de langues; Par. 1765, 2. voll.

духа, хотя несомнѣннымъ, но необъяснимымъ для человѣческаго разума. Оно служитъ непосредственнымъ свидѣтельствомъ того, что духъ человѣческій безконеченъ въ самомъ себѣ, или что въ немъ содержится полнота безконечно многихъ существъ. Онъ вообще неспособенъ ни къ какому образу, или представленію, если возможность этого образа, или представленія въ немъ уже не заключается; дѣйствительные предметы и всѣ впечатлѣнія на него служатъ ему только поводомъ къ сознанію. Всякое воззрѣніе есть развитіе чего-то первоначально неразвитаго: отъ того согласіе между предметомъ и его образомъ. Когда однажды чувственнымъ воззрѣніемъ, переходящимъ потомъ въ духовное изображеніе предмета, возбуждена свободная дѣятельность духа; тогда онъ покоряетъ себѣ всѣ образы и представленія, обращаетъ ихъ въ свою собственность, и пріобрѣтаетъ способность употреблять ихъ по своей волѣ. Эта дѣятельность духа есть основная его сущность, требующая возбужденія.

Такъ какъ воображеніе есть чувство, возведенное на высшую степень развитія, то оно заимствуетъ у чувства свои образы, или элементы для ихъ созданія. Въ возсозданіи многоразличныхъ образовъ воображеніе слѣдуетъ законамъ, основаннымъ на связи и послѣдовательности самыхъ предметовъ, къ которымъ образы относятся, и законамъ самаго духа, каковы законы соединенія или согласованія идей. Эта творческая способность служитъ образованіемъ *слова*, какъ совокупности безчисленнаго множества образовъ въ членораздѣльныхъ звукахъ человѣческаго голоса. Слово раждается непосредственно изъ духа, приведеннаго въ дѣятельность, который прежде всего осуществляетъ въ себѣ

каждую мысль, представляетъ ее со всею очевидностію, и потомъ уже изводитъ ее изъ себя въ членораздѣльныхъ звукахъ. Поэтому слово относится къ мыслямъ, а не къ самымъ предметамъ; и какъ изображаются предметы въ умѣ, такъ и выражаются въ словѣ. По необходимому закону духа, всѣ мысли посредствомъ слова преобращаются въ образы; тогда онѣ являются духу, какъ предметы, и становятся для него понятными. Мысль, по этой причинѣ, можно назвать внутреннею рѣчью, разговоромъ духа съ самимъ собою.

Съ выраженіемъ мысли въ образахъ необходимо согласуется голосъ съ членораздѣльными звуками, новое осуществленіе мысли, которое непосредственно изъ насъ исходитъ. Звукъ и голосъ въ физической природѣ, отъ металла до человѣка, выражаютъ внутреннее состояніе предметовъ. Какъ звукъ въ тѣлахъ неорганическихъ раждается при каждомъ ихъ сотрясеніи: такъ въ человѣкѣ онъ обнаруживаетъ движеніе души; онъ тѣло, или какъ бы вещество мысли. Тѣло столь же многоразлично можетъ опредѣляться извнѣ, какъ многоразличны внѣшніе предметы: такъ и тѣло или вещество духа, звукъ, способенъ къ образовательности, различнымъ измѣненіямъ; въ немъ отражаются всѣ состоянія духа. Отъ того слово измѣняется по тѣмъ же самымъ законамъ, по которымъ раждаются мысли; отъ того языкъ и мышленіе взаимно соотвѣтствуютъ другъ другу и составляютъ два различныя явленія одного и того же существа. Чѣмъ ближе всѣ языки къ первоначальному источнику, тѣмъ чувственнѣе и живописнѣе; но подвергаясь обработкѣ ума, теряютъ свою живописность. Очевидно так-

же, что въ первоначальномъ состояніи они звучали сходно, и только въ продолженіе времени отдѣлились одинъ отъ другаго. Притомъ одни и тѣ же предметы на разныхъ людей производятъ различныя впечатлѣнія; одинъ и тотъ же предметъ представляетъ различныя стороны, служащія поводомъ къ различнымъ представленіямъ. Въ различіи сторонъ предметовъ и въ особенныхъ свойствахъ духа заключается развитіе различныхъ языковъ.

Такъ образуется слово въ духѣ нашемъ. Оно означаетъ состояніе души бодрствующей — видимый образъ и внутреннее дѣйствіе души. Отъ этого въ словѣ образъ и звукъ представляются одною жизнію. Слово изображаетъ внѣшность и произведенное на насъ впечатлѣніе; а потому оно состоитъ изъ двухъ частей: гласныхъ и согласныхъ. Первыя выражаютъ изліяніе душевныхъ движеній, вторыя — внѣшнее впечатлѣніе. Безъ гласныхъ не возможно произношеніе; безъ согласныхъ не было бы ограниченности звука и опредѣленности. Гласныя составляютъ часть языка музыкальную, въ согласныхъ содержится часть языка пластическая. Первыя способны къ выраженію чувствованій, вторыя къ изображенію внѣшней природы. Гласныя и согласныя во всѣхъ языкахъ взаимно противополагаются какъ внутреннее и внѣшнее, какъ духовное и тѣлесное. Внѣшнее совершенство языка зависитъ отъ гармоническаго ихъ сочетанія. Это взаимное ихъ ограниченіе и сочетаніе составляетъ вещество слова. Изъ сравненія всѣхъ извѣстныхъ намъ языковъ усматриваемъ, что число основныхъ гласныхъ равняется числу основныхъ звуковъ музыкальныхъ: *и*, *ы*, *е*, *а*, *о*, *ю*, *у*. Онѣ выражаютъ

различныя движенія духа. Число согласныхъ также равняется числу органовъ, которыми онѣ производятся; притомъ однѣ изъ нихъ мягкія, другія твердыя. Таковы губныя: *б* и *п*, *в* и *ф*, *м*; гортанныя: *г*, *к* и *х*; зубныя: *д* и *т*; поднебныя *ж* и *з*; язычныя: *л* и *р*; носовая: *н*; смѣшенныя — шепелеватыя: *ч* и *щ*; свистящія: *с* и *ц*. — Различіе и умноженіе гласныхъ и согласныхъ произошло отъ слiянія основныхъ соотвѣтственно сильнѣйшему или слабѣйшему движенію органовъ человѣческаго голоса. Не смотря на это, въ измѣняемости гласныхъ и согласныхъ въ каждомъ языкѣ, или въ переходѣ слова изъ одного языка въ другой, находимъ непреложный законъ: звуки измѣняются только въ однородные звуки, мягкіе переходятъ въ соотвѣтственные твердые, или твердые въ мягкіе.

Музыкальное подраженіе сначала касалось предметовъ тоническихъ; потому что естественно подражать звукамъ посредствомъ звуковъ. Когда нужно было дать названіе предмету, сопровождаемому звукомъ, шумомъ, движеніемъ, подражаніе представлялось само собою: естественно было подражать звуками голоса звуку или шуму. Отсюда во всѣхъ языкахъ мы находимъ множество словъ звукоподражательныхъ. Такъ названіе *кукушки* дано по подражанію крику этой птицы. Слова: *свистъ*, *шипѣніе*, *скрежетаніе*, *трескъ*, *громъ*, *грохотъ*, изображаютъ самыя дѣйствія и явленія (*). Но

(*) Вотъ примѣры, приводимые Блеромъ: »A certain bird is termed cuckoo, from the sound which it emits. When one sort of wind is said to whistle, and another to roar; when a serpent is said to hiss; a fly to buzz, and falling timber to crash; when a stream is said to flow, and hail to rattle; the analogy between the word and the thing signified is plainly discernible.«

когда нужно было выразить предметы, въ которыхъ не примѣчали ни шума, ни движенія, или понятія нравственныя и умственныя; тогда подобное отношеніе между названіемъ и вещію по видимому не могло служить основаніемъ словосоставленія. Но тоже самое подражаніе перенесено далѣе; воображеніе открыло отношенія между медленностію и быстротою, тяжестію и легкостію, движеніемъ и покоемъ; оно простерлось даже на краски, въ слѣдствіе понятій, сопряженныхъ съ ихъ дѣйствіями. Такъ въ красномъ цвѣтѣ умъ усмотрѣлъ живость, въ синемъ тихость, въ зеленомъ веселіе: согласно съ этими понятіями цвѣты выражены звуками. Что же касается до понятій умственныхъ и нравственныхъ, то во всѣхъ языкахъ эти реченія заимствуются отъ предметовъ чувственныхъ, съ которыми предполагается сходство въ движеніяхъ внутреннихъ и силахъ нашего духа. Для предметовъ, подлежащихъ чувству зрѣнія, осязанія и другихъ, въ языкахъ существуютъ звуки, соотвѣтствующіе отличительнымъ ихъ свойствамъ. Такъ напр. твердость и текучесть, выпуклость и гладкость, нѣжность и сила и т. д. изображались звуками, болѣе или менѣе твердыми и мягкими, согласно съ качествами видимыхъ предметовъ. Это простое дѣйствіе, основанное на подражаніи природѣ, встрѣчается въ развитіи и образованіи всѣхъ языковъ, и въ особенности корней всѣхъ основныхъ словъ. Впрочемъ это начало, предполагающее самою природою указанное отношеніе между предметами и словами, прилагается къ языкамъ только въ ихъ первоначальной простотѣ. Нѣкоторые слѣды звукоподражанія можно найти во всѣхъ языкахъ; но напрасно стали бы искать его въ каждомъ словѣ

какого либо языка. Съ распространенiемъ наръчiй образуется множество словъ производныхъ и составныхъ, которыя мало по малу удаляются отъ первоначальныхъ корней своихъ, и въ отдаленнъйшихъ производствахъ исчезаетъ совершенное сходство или отношенiе между звуками и выражаемыми предметами. Отъ того слова въ обыкновенномъ ихъ употребленiи разсматриваются большею частiю какъ символы, а не какъ подражанiя. Чъмъ ближе стали бы мы восходить къ происхожденiю слова, тъмъ болъе слъдовъ подражанiя природъ звуками открыли бы въ языкахъ. Основанное на этомъ подражанiи слово, въ первобытномъ состоянiи своемъ, какъ уже мы замътили, несомнънно было живописнъе, при всей ограниченности. Эту выразительность можно почитать отличительнымъ свойствомъ перваго возраста и начала языковъ.

Такимъ образомъ посредствомъ *ономатопеи, аналогiи и троповъ* цълый мiръ воззрънiй и понятiй развился въ звукахъ. Въ словъ, какъ въ откровенiи ума, раскрывается духъ человъческiй со всъми многоразличными его проявленiями. Наблюдая постепенное развитiе душевныхъ способностей, также находимъ, что слово современно полному развитiю разума. Въ числъ совершенствъ человъка заключается и слово, вдохновенiе свыше, даръ Божiй. Разумъ, явившiйся въ даръ слова, какъ свътъ съ начала вселенной отражающiйся одними и тъми же цвътами, выражается однъми и тъми же стихiями слова по непреложнымъ законамъ устройства нашего духовно-вещественнаго организма (*).

(*) См. I. P. *Süssmilch* Versuch eines Beweises, dass die erste Sprache ihren Ursprung nicht von Menschen, sondern vom

Какое жъ долженствовало быть произношеніе въ языкѣ юномъ, на которомъ впервые человѣкъ выразилъ себя и представилъ природу? Произношеніе въ первыхъ языкахъ, безъ сомнѣнія, сопровождалось многими тѣлодвиженіями, рѣзкими измѣненіями голоса. Въ рѣчи было болѣе дѣйствія, чаще слышны были звуки пѣвучіе. Этотъ способъ произношенія былъ сначала слѣдствіемъ необходимости, какъ языкъ юности человѣчества; имъ выражается человѣкъ въ страсти: живая и пламенная фантазія любитъ одушевлять рѣчь тѣлодвиженіями, отливами голоса разнообразными и выразительными. Отъ того одушевленная рѣчь въ наше время служитъ украшеніемъ. Различныя измѣненія голоса столь сродны намъ, что нѣкоторые народы для выраженія мыслей иногда употребляютъ одно и то же слово, произнося только его различными тонами. Извѣстно, что въ Китайскомъ языкѣ количество словъ обыкновеннаго разговора не значительно; но въ выговорѣ каждаго слова Китайцы измѣняютъ удареніе, часто повышаютъ и понижаютъ голосъ: этимъ замѣняется у нихъ недостатокъ словъ. Такой языкъ долженъ болѣе другихъ языковъ походить на пѣніе и на музыку. Языки Греческій и Латинскій большею частію сохранили произношеніе пѣвучее и оживленное. Этимъ только можно объяснить многія мѣста

Schöpfer erhalten habe; Berlin, 1766. 8. — I. Chr. *Adelung* über den Ursprung der Sprache und den Bau der Wörter; Leipz. 1781. 8. — I. G. *Fichte* Von der Sprachfæhigkeit und dem Ursprunge der Sprachen, въ Нитгаммеровомъ философскомъ журналѣ 1795, т. 3. 4. и 10. — *Court de Gebelin* Histoire naturelle de la parole, Par. 1776, 8. — *Балланша* — De l'origine de la parole. — Fr. *Græfe* Ueber Sprachbildung und Sprachvergleichung, въ собр. актовъ С.-Петерб. Ак. Наукъ, 1837.

въ классическихъ писателяхъ, въ ихъ народныхъ рѣчахъ и драматическихъ произведеніяхъ. Просодія Грековъ и Римлянъ была совершеннѣе нашей: въ ней болѣе разительныхъ переливовъ голоса. Мѣра, или протяженность ихъ слоговъ была опредѣлена несравненно точнѣе, нежели въ языкахъ новыхъ, и сильнѣе поражала слухъ. Кромѣ протяженія слоговъ, или различенія долготы ихъ и краткости, надъ каждымъ изъ нихъ ставилось удареніе, которымъ слогъ или понижается, или возвышается. Древнимъ наше произношеніе показалось бы слишкомъ однообразнымъ, безжизненнымъ. Произношеніе ораторовъ и декламація актеровъ подходили у нихъ къ речитативу въ музыкѣ. Можно было перевести рѣчь на ноты и вторить ей на инструментѣ. Древніе внимательно наблюдали за выговоромъ въ народныхъ представленіяхъ. Аристотель въ своей Піитикѣ принимаетъ музыку въ трагедіи за одну изъ существенныхъ частей.

То же самое замѣтить должно и о тѣлодвиженіяхъ: съ произношеніемъ сильнымъ обыкновенно соединяется живость тѣлодвиженій. Это и древними почиталось за главное достоинство оратора. На театрахъ древнихъ мимика и декламація были столь необходимы, что иногда отдѣлялись тѣлодвиженія отъ произношенія: одинъ произносилъ слова, со всѣми перемѣнами голоса, другой выражалъ тѣ же чувствованія соотвѣтственными тѣлодвиженіями. Цицеронъ упоминаетъ, что онъ самъ спорилъ съ Росціемъ о томъ, кто придумаетъ больше различныхъ выраженій для одной и той же мысли — первый словами, второй — тѣлодвиженіями. Въ царствованіе Августа и Тиверія, любимымъ зрѣлищемъ народа была пантомима, представленіе нѣмое, но столько же, какъ и тра-

гедія, трогавшая зрителей, вырывавшая слезы. Страсть Римлянъ къ этому искусству усилилась до того, что потребны были законы, которые воспретили Сенаторамъ его изученіе.

Народы, завоевавшіе Римскую Имперію, болѣе холодные по характеру, стали пренебрегать удареніями, перемѣнами голоса и тѣлодвиженіями, оживлявщими языки Греческій и Латинскій. Съ раздѣленіемъ Латинскаго языка на западныя нарѣчія, выговоръ и произношеніе происшедшихъ изъ него языковъ совершенно измѣнились: перестали обращать исключительное вниманіе на музыкальную стихію языка, на великолѣпіе декламаціи и мимики. Разговоръ и рѣчи ораторскія стали простѣе, начали умѣреннѣе употреблять выразительныя тѣлодвиженія и сильныя перемѣны голоса. По возрожденіи наукъ, основный духъ языковъ до того измѣнился, въ обычаяхъ и образѣ жизни народовъ произошелъ такой переворотъ, что важность, какую древніе придавали декламаціи и мимикѣ, намъ кажется невѣроятною. Способъ выраженія, принятый вообще всѣми народами сѣверными, достаточно выражаетъ чувствованія и удовлетворяетъ насъ, непривыкщихъ къ большей живости. Вообще въ языкахъ новыхъ просодія подходитъ болѣе или менѣе къ музыкѣ, смотря по большей или меньщей живости и чувствительности народовъ. Французъ въ разговорѣ разнообразитъ ударенія голоса и тѣлодвиженія болѣе, нежели Англичанинъ, а Италіянецъ превосходитъ въ этомъ и Француза; музыкальный выговоръ и выразительныя тѣлодвиженія составляютъ отличительное свойство Италіянцевъ.

Къ первоначальному выразительному языку принадлежатъ и тѣ обороты рѣчи, которые

почитаются украшеніями слова. При недостаткѣ особыхъ названій для понятій, многимъ различнымъ предметамъ придавали одно названіе, по сравненію одного предмета съ другимъ съ какой-либо стороны. Когда человѣкъ перенесъ въ слово всю видимую природу, для выраженія внутреннихъ своихъ движеній у той же природы заимствовалъ названія, по сочувствію духа нашего съ міромъ видимымъ, по врожденному стремленію одушевлять все неодушевленное по своему образу и подобію. Для выраженія чувствованій, желаній, страстей, или какого либо дѣйствія мышленія, не находя въ языкѣ словъ опредѣлительныхъ, человѣкъ намекалъ на предметы чувственные, съ которыми движенія души по видимому имѣли сходство. Присоединимъ къ этому пламенное воображеніе и сильное чувство первобытнаго человѣка, и мы объяснимъ себѣ его языкъ живописный, одушевленный. Таково свойство всѣхъ языковъ у народовъ, стоящихъ на первой степени гражданственности (*). Таковъ языкъ

(*) Разительный примѣръ представляютъ языки Американскіе, которые, по свидѣтельствамъ самымъ достовѣрнымъ, исполнены выраженій украшеннаго языка. Вотъ какъ старшины пяти племенъ Канадскихъ выражались, при заключеніи договора съ Англичанами. »Мы привѣтствуемъ другъ друга съ зарытіемъ въ землю обагренной сѣкиры, омытой въ крови нашихъ братьевъ. Нынѣ въ этой землѣ мы зароемъ сѣкиру, и посадимъ древо мира. Посадимъ древо, и вершина его возвысится до солнца, а развѣсистыя вѣтьви издали будутъ видны. Да не остановитъ ничто и не заглушитъ его произрастанія! Да осѣнитъ оно своею тѣнью и вашу землю и нашу! Утвердимъ его корни, и растянемъ ихъ до вашихъ поселеній. Если враги вздумаютъ сорвать это древо, насъ извѣститъ о томъ движеніе въ его корняхъ, касающихся нашей земли. Да даруетъ намъ

представителей избраннаго Богомъ народа, завѣщавшаго намъ Ветхій Завѣтъ. Тамъ нечестіе и преступленіе называется **одеждою**, покрытою пятнами; бѣдность означается **питіемъ** изъ чаши забвенія; суетное преслѣдованіе мечтаній уподобляется питанію пепломъ; жизнь порочная изображена излучистой дорогой; благоденствіе представлено **свѣтомъ Божіимъ**, сіяющимъ надъ нашею главою (*). Мы привыкли называть этотъ способъ выраженія восточнымъ, какъ будто онъ свойственъ только народамъ Востока; но собственно онъ не принадлежитъ ни одной какой-либо сторонѣ, ни одному климату исключительно, но всѣмъ народамъ, въ извѣстную эпоху общественнаго ихъ быта и развитія слова. Всѣ языки, въ первобытномъ состояніи, бываютъ болѣе поэтическіе, проникнутые вдохновеніемъ, которое все живописуетъ и одушевляетъ. Вмѣстѣ съ возрастами человѣчества измѣняется и языкъ: совлекая съ себя излишнія украшенія, придаваемыя воображеніемъ, онъ становится болѣе точенъ и опредѣлителенъ, образуемый разумомъ. Сильное выраженіе чувства по-

---

великій духъ покой на ложахъ нашихъ, и да не вырывается изъ земли сѣкира на посѣченіе древа мира! Да будетъ неприкосновенною земля, гдѣ она зарыта! Ключъ быстрый и живой да протекаетъ подъ нею, и да омоетъ онъ зло, и унесетъ его далеко отъ нашихъ взоровъ и памяти! Огнь, долго горѣвшій, теперь потушенъ; омыто кровавое ложе, и слезы съ глазъ отерты: нынѣ возобновляемъ договоръ и узы дружбы. Да сохранятся они блестящими и чистыми, какъ серебро; да не покроются они ржавчиной, и ни одинъ изъ насъ да не исторгнетъ руки своей изъ цѣпи дружбы!«

(*) Ісаіи LXIV, 6; Ис. LI, 17. Пс. С. 11, 10; Пр. II, 15; Іов. XXIX, 3.

средствомъ голоса и тѣлодвиженій, внушаемыхъ страстію, мало по малу умѣряется. Нынѣ взаимныя сношенія людей распространились, и въ разговорахъ требуется обращать вниманіе на ясность, преимущественно передъ прочими достоинствами слова. Философы, слѣдовавшіе за поэтами, говорили просто, безъ излишнихъ украшеній. Такъ началъ выражаться у Грековъ Ферекидъ Скиросскій, учитель Пиѳагора.

Посмотримъ на первобытный языкъ съ другой точки зрѣнія, въ отношеніи къ порядку и расположенію словъ. Мы увидимъ, что и это совершенствованіе постепенно слѣдовало за развитіемъ душевныхъ способностей человѣка.

ЧТЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Продолженіе о совершенствованіи и успѣхахъ слова въ словорасположеніи. — О письменахъ. — Письмена изобразительныя, символическія и буквенныя, согласныя съ развитіемъ представленій, понятій и сужденій. — Преимущества слова и письма.

Обращая вниманіе на порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ одно за другимъ слова, выражающія какую либо мысль или предложеніе, мы находимъ въ этомъ отношеніи ощутительное различіе между языками древними и новыми. Изслѣдованіе такого различія покажетъ намъ лучше духъ языка и будетъ руководить насъ въ раскрытіи причинъ тѣхъ измѣненій, которымъ онъ подвергался, переходя постепенно періоды образованія.

Дабы вѣрнѣе объяснить сущность этихъ измѣненій, мы должны и въ настоящемъ случаѣ обратиться къ первымъ опытамъ языка. Представимъ себѣ человѣка, который въ первый разъ видитъ предметъ, напр. какой либо плодъ, желаетъ имѣть его и проситъ достать этотъ плодъ. Ежели онъ не знаетъ названія предмета, котораго желаетъ; то вѣрно выразитъ желаніе живымъ показаніемъ на предметъ. Если же онъ имѣетъ навыкъ объясняться словами, то первымъ его словомъ будетъ безъ сомнѣнія названіе извѣстнаго предмета. Онъ не скажетъ, по строенію новыхъ языковъ: дай мнѣ этотъ плодъ, но по порядку древнихъ: плодъ дай мнѣ, fructum da mihi; потому что все его вниманіе обращено на этотъ плодъ, предметъ его желаній. Одинъ только плодъ этотъ дѣйствуетъ на мысль его; онъ одинъ за-

ставляетъ его говорить, и его-то по преимуществу прежде всего онъ долженъ назвать. Такое расположеніе словъ одинаково съ движеніями, данными намъ отъ природы; но мы, свыкшіеся съ совершенно различнымъ порядкомъ словъ, называемъ естественное словорасположеніе *извращеннымъ*, принужденнымъ, между тѣмъ какъ его внушаютъ намъ воображеніе и чувство; эти способности заставляютъ насъ прежде всего произносить названіе предмета, который ихъ занимаетъ. Изъ этого можно заключить, что таковъ былъ порядокъ словъ и въ первобытныхъ языкахъ. Дѣйствительно, такое словорасположеніе встрѣчаемъ мы въ большей части древнихъ языковъ, въ Греческомъ, Латинскомъ и въ нашемъ отечественномъ.

Употребительнѣйшій порядокъ словъ въ Латинскомъ языкѣ требуетъ на первомъ мѣстѣ слова, выражающаго главный предметъ рѣчи со всѣми его принадлежностями, а потомъ словъ лица или вещи, имѣющей вліяніе на этотъ предметъ. Въ рѣчи Саллюстія, гдѣ онъ сравниваетъ духъ съ тѣломъ: *animi imperio, corporis servitio, magis utimur*, этотъ порядокъ изображаетъ мысль сильно и выразительно. Мы въ своемъ языкѣ можемъ сохранить эту силу и выразительность: »духъ нами болѣе повелѣваетъ, тѣло намъ только служитъ.« Порядокъ Латинскій больше согласуется съ быстротой воображенія, которое естественно сперва обращается къ главному предмету, а потомъ, указавъ на него, поддерживаетъ уже вниманіе на немъ во все продолженіе рѣчи. Такъ и у Горація:

»Iustum et tenacem propositi virum,
Non civium ardor prava jubentium,
  Non vultus instantis tyranni
  Mente quatit solida.«

Всякой, кто только одаренъ вкусомъ, чувствуетъ, что этотъ порядокъ словъ соотвѣтствуетъ дѣйствію, производимому предметами на воображеніе: прежде всего на картинѣ мы видимъ честнаго и твердаго мужа, потомъ несправедливыхъ судей.

Мы замѣтили, что въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ обыкновенно въ рѣчи ставится на первомъ мѣстѣ названіе предмета, которымъ поражено воображеніе говорящаго. Впрочемъ это правило не безъ исключенія; благозвучіе періода требуетъ иногда другаго словорасположенія; потому что въ языкахъ музыкальныхъ, произношеніе которыхъ требовало различныхъ тоновъ и разнообразныхъ измѣненій голоса, благозвучіе было подробно изучаемо. Часто и сила и ясность слога, даже необходимость искуснаго удержанія мысли, измѣняютъ этотъ порядокъ и производятъ въ словорасположеніи извѣстныя перемѣны, которыя трудно подвести подъ общее правило. Духъ и характеръ почти всѣхъ древнихъ языковъ допускали большую свободу въ порядкѣ словъ, слѣдуя преимущественно порядку воображенія. Должно однако исключить изъ древнихъ языковъ Еврейскій, въ которомъ извращенныя выраженія весьма рѣдки; строеніе его болѣе подходитъ къ строенію новыхъ языковъ, а не Греческаго и Латинскаго.

Всѣ западные Европейскіе языки приняли словосочиненіе, совершенно отличное отъ словосочиненія языковъ древнихъ. Въ нихъ рѣчь не допускаетъ большаго разнообразія въ расположеніи словъ; оно почти всегда одинаково, и, можно сказать, болѣе соотвѣтствуетъ порядку мышленія, нежели представленіямъ воображенія. Въ предложеніи

сперва ставится имя лица или вещи дѣйствующей, потомъ дѣйствіе, наконецъ предметъ, подверженный этому дѣйствію; мысли располагаются не по степени важности, на какую возводитъ каждый предметъ воображеніе, но по порядку, указываемому законами мышленія. Новый писатель, желая восхвалить великаго человѣка, выразится такъ: »Я не могу прейти молчаніемъ »эту кротость, неслыханную доброту и рѣд»кую умѣренность въ дѣйствіяхъ власти.« Здѣсь лице говорящее представляется на первомъ мѣстѣ: я не *могу*; потомъ слѣдуетъ его дѣйствіе: *прейти молчаніемъ*; наконецъ уже побудительная причина: *кротость*, *доброта* и *умѣренность* восхваляемаго человѣка. Цицеронъ, выражая эту же мысль, употребляетъ порядокъ совершенно противоположный: онъ ставитъ сперва побудительную причину, а потомъ дѣйствующее лице и дѣйствіе: »*Tantam mansuetudinem*, *tam* »*inusitatam inauditamqve clementiam*, *tantumqve in* »*summa potestate rerum omnium modum tacitus* »*nullo modo praeterire possum* (*).

Порядокъ словъ въ древнихъ языкахъ живѣе, въ новыхъ яснѣе и отчетливѣе. Римляне вообще ставили слова по мѣсту, какое занимали предметы въ воображеніи говорящаго; въ новыхъ языкахъ располагаютъ ихъ по порядку логическому. Ежели назначеніе слова состоитъ въ ясномъ сообщеніи мыслей, то словорасположеніе новыхъ языковъ представляетъ усовершенствованное искусство выражаться. Но языки, имѣющіе въ этомъ отношеніи свойство древнихъ, каковъ нашъ отечественный, могутъ пользоваться свободнымъ

(*) Orat. pro Marcello.

словорасположеніемъ, когда выражается сильное чувство или изображается картина воображенія. Таковъ языкъ поэзіи, гдѣ выраженіе необходимо возвышается надъ обыкновенною рѣчью, языкъ воображенія и страстей. Новые языки нѣсколько различествуютъ въ этомъ; языкъ Французскій всѣхъ болѣе подчиненъ постоянному порядку; ни въ краснорѣчіи, ни въ поэзіи почти совсѣмъ не допускаетъ измѣненій въ словопостроеніи. Англійскій позволяетъ болѣе свободы въ порядкѣ словъ; Италіянскій особенно сохранилъ свойство древнихъ языковъ.

Здѣсь должно замѣтить, что въ характерѣ всѣхъ новыхъ языковъ есть основаніе, по которому становится необходимымъ опредѣленный порядокъ словъ, правильное ихъ расположеніе. Эти языки не сохранили въ словахъ тѣхъ разнообразныхъ окончаній, которыя въ Греческомъ и Латинскомъ различаютъ падежи именъ и времена глаголовъ, и указываютъ на взаимное отношеніе всѣхъ словъ предложенія, какое бы ни было мѣсто, занимаемое ими въ рѣчи. Напротивъ, въ новыхъ западныхъ языкахъ, для показанія тѣснаго отношенія словъ между собою въ предложеніи, надобно поставлять ихъ непосредственно одно за другимъ. Римлянинъ, напр., могъ сказать:

> Extinctum nymphæ crudeli funere Daphnim
> Flebant (*). . . .

потому что окончанія словъ: extinctum и Daphnim, показываютъ, къ какому имени принадлежитъ причастіе, хотя каждое изъ нихъ находится на концахъ стиха; изъ окончаній ясно видно, что они оба зависятъ отъ глагола flebant, которому nymphae

(*) *Virg.* Bucol.

служитъ подлежащимъ. Различныя окончанія словъ по падежамъ приводятъ разбросанныя слова къ единству, безъ нарушенія ясности смысла. Мы столь же близко можемъ перевести: »Пораженнаго жестокою смертію Дафниса нимфы оплакивали.«

Это словорасположеніе, которымъ пользовались всѣ почти древніе языки, и возможность указывать на соотношеніе словъ посредствомъ окончанія именъ и глаголовъ, давали имъ большую свободу въ порядкѣ словъ, который наиболѣе нравился воображенію или казался благозвучнымъ. Но когда языкъ Римлянъ распался на разныя нарѣчія; тогда потеряно было это преимущество. Падежи именъ и окончанія различныхъ временъ глаголовъ утратились; народы, говорившіе новыми нарѣчіями, не знали и выгоды этихъ свойствъ. Они въ выраженіяхъ искали только точности и ясности; благозвучіе языка для нихъ не существовало; они вовсе не заботились о томъ, чтобъ угодить воображенію особеннымъ словорасположеніемъ, имѣя въ виду только развитіе мыслей точное и ясное. Ежели новые языки уступаютъ въ изобразительности и силѣ словорасположенія Греческому и Латинскому; то выигрываютъ своимъ порядкомъ словъ въ ясности и точности.

Таковы постепенные успѣхи слова человѣческаго въ различныхъ отношеніяхъ. Знаніе духа и успѣха языковъ служитъ основаніемъ дальнѣйшаго изученія слова. Изъ предъидущаго можно заключить, что первоначальный языкъ, бѣдный словами, былъ подражателенъ въ звукахъ словъ, выразителенъ въ образѣ ихъ произношенія и удареніяхъ, показывающихъ движенія духа. Въ рѣчи были изобразительность живописи и благозвучіе музыки; словорасположеніе отвѣтствовало настроенности

чувства и воображенія. Въ послѣдствіи времени, съ успѣхами гражданственности и совершенствованіемъ языковъ, разсудокъ занялъ мѣсто воображенія. Постепенный ходъ языка одинаковъ съ ходомъ человѣческой жизни. Въ юности воображеніе оказываетъ всю свою силу; но оно охлаждается вмѣстѣ съ лѣтами, когда разсудокъ приходитъ въ зрѣлость. Такъ и языкъ, переходя отъ недостатка къ обилію, вмѣсто живости, получаетъ точность; теплоту и одушевленіе въ немъ замѣняютъ выразительность и умѣренность. Всѣ звукоподражанія, живые тоны и движенія, изобразительность рѣчи и всѣ ея обороты, весь характеръ первобытнаго языка, мало по малу замѣняются спокойнымъ произношеніемъ, простою рѣчью и логическимъ опредѣленнымъ словорасположеніемъ. Въ наше время языкъ сталъ правильнѣе и точнѣе, но потерялъ прежнюю силу и живость. Слово въ первобытномъ состояніи было болѣе способно къ поэзіи и краснорѣчію; у насъ оно болѣе послушно разсудку и философіи.

Разсмотрѣвъ начало и успѣхи слова, займемся успѣхами письменъ, равно заслуживающихъ наше вниманіе: это необходимое условіе совершенствованія слова.

Послѣ дара слова, полезнѣйшая для человѣка способность есть способность выражаться письменно. Безъ сомнѣнія, письмо есть слѣдствіе дара слова, и успѣхи его относятся къ временамъ гораздо позднѣйшимъ. Сначала люди умѣли дѣлиться мыслями своими только въ присутствіи одинъ другаго, посредствомъ словъ; въ послѣдствіи, желая и въ отсутствіи сообщать другъ другу мысли свои, они изобрѣли извѣстные знаки, говорящіе

зрѣнію, какъ звуки говорятъ слуху: эти знаки называемъ мы *письменами.*

Въ постепенномъ совершенствованіи трехъ системъ письменъ: *изобразительной*, *символической* и *буквенной*, мы усматриваемъ соотвѣтственность постепенному развитію познавательной способности — воззрѣніямъ, понятіямъ и сужденіямъ. Два первые рода письменъ называютъ письменами мыслей, третій письменами словъ. Къ первому роду принадлежитъ письмо живописное, гіероглифы и символы древнихъ народовъ; къ послѣднимъ азбучное письмо, которое нынѣ въ употребленіи у всѣхъ народовъ Европы.

Живописное или изобразительное письмо было первымъ опытомъ въ искусствѣ сообщать свои мысли лицамъ отсутствующимъ. Подражаніе такъ свойственно человѣку, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ были изобрѣтены различные способы для изображенія чувственныхъ предметовъ. Вѣроятно, эти грубые способы скоро стали употреблять для извѣщенія отсутствующихъ о происшествіяхъ, или для воспоминанія о событіяхъ, которыя хотѣли сохранить въ памяти. Такъ для изображенія смерти отъ руки другаго, рисовали лежащаго на землѣ человѣка, и возлѣ него другаго человѣка съ обагреннымъ кровію оружіемъ. Этотъ способъ письменъ найденъ у Мексиканцевъ, по открытіи Америки. Утверждаютъ, что посредствомъ такихъ историческихъ картинъ они сохраняли память о примѣчательнѣйшихъ происшествіяхъ своей страны. Безъ сомнѣнія, такія лѣтописи были весьма неточны, и народы, незнавшіе другихъ письменъ, должны были оставаться въ невѣжествѣ. Подобныя картины могли изображать только видимыя происшествія, безъ

указанія послѣдовательности происшествій, или особенныхъ обстоятельствъ, не подверженныхъ зрѣнію, каковы рѣчи и характеры людей.

Для восполненія такого недостатка, слѣдовалъ другой родъ письма, гіероглифы; это новая степень успѣховъ письменности. Гіероглифы составляютъ родъ символовъ, для изображенія предметовъ невидимыхъ посредствомъ сходства, предполагавшагося между ними и предметами: глазъ, напр. былъ гіероглифическимъ символомъ вѣдѣнія; кругъ — вѣчности, безначальной и безконечной. Гіероглифы слѣдовательно были родъ картинъ въ обширнѣйшемъ объемѣ: изобразительныя письмена напоминали только сходства съ видимыми предметами; гіероглифы, или письмена символическія, представляли уму предметы невидимые, по сходству ихъ съ видимыми и внѣшними. У Мексиканцевъ найдены были также слѣды гіероглифовъ, употреблявшихся у нихъ вмѣстѣ съ историческими изображеніями; но въ Египтѣ этотъ родъ письменъ былъ наиболѣе усовершенствованъ; изъ него образовалось даже искусство, имѣвшее постоянныя правила. Прославленная мудрость Египетскихъ жрецовъ передавалась въ гіероглифахъ. Для выраженія помощію эмблемъ, или гіероглифовъ, предметовъ нравственныхъ, они употребляли изображенія животныхъ и другихъ естественныхъ произведеній, имѣвшихъ рѣзкія отличительныя качества. Такъ неблагодарность выражали они ехидной, опрометчивость мухой, мудрость муравьемъ, побѣду ястребомъ, послушнаго своему долгу журавлемъ, человѣка, всѣми избѣгаемаго — угремъ; они думали, что угорь никогда не водится вмѣстѣ съ другими рыбами. Иногда соединяли два или нѣсколько такихъ гіероглифи-

ческихъ изображеній, напр. змѣя съ ястребиной головой выражала природу и божество, какъ Промыслъ природы. Но какъ большею частію и качества предметовъ, служившихъ основаніемъ этимъ гіероглифамъ, бывали воображаемыя, и примѣненіе ихъ къ нравственнымъ понятіямъ было натянутое и двусмысленное; сверхъ того отъ соединенія нѣсколькихъ начертаній происходила сбивчивость, неясно выражались связь и соотношеніе предметовъ между собой: то этотъ родъ письменъ, какъ загадочный и запутанный, не могъ служить къ скорому распространенію знаній. Полагаютъ, что гіероглифы были изобрѣтены Египетскими жрецами, которые въ нихъ скрывали отъ черни свою мудрость. Но вѣроятно, гіероглифы употребляемы были по необходимости; это слѣдствіе совершенствованія письменнаго искусства, постепеннаго развитія мыслящей способности. Самое изобрѣтеніе гіероглифовъ доказываетъ, что оно было только продолженіемъ попытки въ письменахъ, когда умъ человѣческій чувствовалъ потребность распространить и усовершенствовать этотъ способъ изображенія мыслей. Въ позднѣйшія времена, когда азбука была принесена въ Египетъ и гіероглифы оставлены, жрецы продолжали употреблять ихъ какъ священное письмо; тогда эти гіероглифы стали ихъ принадлежностью исключительно, и жрецы посредствомъ ихъ придавали таинственный видъ своей мудрости и религіознымъ обрядамъ. Въ это время Греки начинали сношенія свои съ Египтомъ, и тѣ изъ писателей Греческихъ, которые застали употребленіе ихъ въ храмахъ, приписали жрецамъ и самое изобрѣтеніе.

Въ переходѣ письменъ отъ изображенія предметовъ видимыхъ къ гіероглифическимъ символамъ вещей невидимыхъ уже видны постепенные успѣхи совершенствованія. Но это искусство получило еще новые успѣхи, когда нѣкоторые народы стали изображать предметы произвольными знаками, не имѣвшими никакого сходства, никакой аналогіи съ самыми предметами. Къ этому роду принадлежатъ письмена Перувіанцевъ. Они брали разноцвѣтные снурки, навязывали на нихъ узлы разной величины, различно расположенные, и такими условными знаками сообщали другъ другу свои мысли. Такой родъ письменъ употребляется понынѣ и въ Китаѣ. Китайцы не составляютъ словъ своихъ посредствомъ буквъ или простыхъ звуковъ; каждый знакъ ихъ есть выраженіе отдѣльной мысли; каждый выражаетъ вещь или предметъ; и потому число ихъ необъятно: оно равняется числу предметовъ и мыслей, которыя должны они выражать, числу словъ всего языка. Эти письменные знаки простираются до семидесяти тысячъ. Для того, чтобы научиться правильно говорить и писать, недостаточно цѣлой жизни. Ученые съ большимъ усиліемъ должны преодолѣвать подобныя затрудненія наукамъ. Касательно происхожденія Китайскихъ письменъ, мнѣнія раздѣлены, даже противорѣчатъ одно другому; вѣроятно, этотъ родъ письменъ, какъ и Египетскій, есть слѣдствіе письменъ изобразительныхъ. Съ теченіемъ времени изображенія измѣнились; для большей удобности, число ихъ увеличивалось: отсюда знаки, употребляемые Китайцами и другими народами восточной Азіи. Извѣстно, что Японцы и Тункинцы говорятъ различными нарѣчіями, отличными отъ Китайскаго, а употреб-

ляютъ тѣ же самые знаки. Всѣ эти народы ясно понимаютъ одинъ другаго на письмѣ, не разумѣя другъ друга изустно. Очевидно, что письмена Китайскія, какъ гіероглифы, суть знаки предметовъ, а не знаки словъ.

У насъ въ Европѣ есть такой же родъ письменъ — такъ называемыя цыфры, или ариѳметическіе знаки, заимствованные нами у Арабовъ; они совершенно одинаковы съ письменами Китайскими: не имѣютъ никакого отношенія къ словамъ, и каждый знакъ изображаетъ извѣстное число. Цыфры говорятъ только одному зрѣнію; а потому ихъ равно понимаемъ и мы, понимаютъ и Нѣмцы, и Французы, и Испанцы, и Англичане, хотя языки наши различны, и въ каждомъ языкѣ цыфры различно называются.

Всѣ роды письменъ, о которыхъ мы доселѣ упоминали, ни мало не сходствуютъ съ нашими буквами, составляющими наше письмо. До сихъ поръ мы видѣли только знаки предметовъ, безъ помощи звуковъ или словъ; эти знаки говорили глазамъ, или своимъ сходствомъ, какъ картины Мексиканскія, или аналогіями, какъ гіероглифы Египетскіе, или произвольнымъ значеніемъ, какъ узлы Перувіанскіе, письмена Китайскія и Арабскія цыфры. Въ послѣдствіи нѣкоторые народы почувствовали, какъ несовершенны, темны и утомительны были эти способы сообщенія; они видѣли преимущество такихъ знаковъ, которые, вмѣсто выраженія прямо предметовъ, представляли бы названія этихъ предметовъ; соображеніе довело до мысли сократить число письменныхъ знаковъ. Какъ бы ни было огромно число словъ въ каждомъ языкѣ, количество звуковъ, изъ которыхъ всѣ слова образуются, ограниченно. Одни и тѣ же простые

звуки, безпрестанно возвращающіеся и повторяемые, сочетаваются между собой различными образами, и составляютъ все разнообразіе словъ, въ которыхъ развивается міръ понятій. Эта мысль осуществилась изобрѣтеніемъ знаковъ, не *для* каждаго слова, но *для* каждаго простаго звука, входящаго въ составъ словъ, и какъ изъ нѣсколькихъ простыхъ звуковъ образуются всѣ реченія, такъ посредствомъ нѣсколькихъ буквъ, соотвѣтствующихъ простымъ звукамъ, различно между собою соединяемыхъ, выражаются всѣ слова.

Первою степенью къ этому новому усовершенствованію было изобрѣтеніе азбуки *силлабической*, которая, вѣроятно, у нѣкоторыхъ народовъ, предшествовала изобрѣтенію азбуки буквенной, и употребляема еще и теперь въ Еѳіопіи и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи. Число знаковъ, соотвѣтствующихъ каждому складу, безъ сомнѣнія, было меньшее въ сравненіи съ числомъ знаковъ символическихъ для каждаго слова. Но и число знаковъ, равное числу складовъ, еще довольно велико; а потому силлабическая азбука требовала измѣненій. Наконецъ умъ человѣческій, разложивъ всѣ звуки голоса на простѣйшія стихіи, нашелъ, что они состоятъ изъ немногихъ гласныхъ и нѣсколькихъ согласныхъ. Этимъ звукамъ приданы знаки, называемые *буквами*; и такимъ образомъ, сочетавая эти знаки, равно какъ сочетаваются звуки голоса въ образованіи словъ, человѣкъ выразилъ буквами просто и удобно всѣ свои мысли. Это упрощенное письмо быстро достигло высочайшей степени совершенства и содѣйствовало умственному развитію и распространенію знаній.

Неизвѣстно, кому принадлежитъ мысль о драгоцѣнномъ и высокомъ изобрѣтеніи алфавита. Тво-

рецъ его, сокрытый во мракѣ отдаленнѣйшей древности, лишенъ почести, которую охотно воздали бы его памяти всѣ занимающіеся Словесностью и науками. Изъ книгъ Моисея видно, что у Евреевъ, и вѣроятно также у Египтянъ, изобрѣтеніе письменъ предшествовало вѣку его Пятикнижія. У древнихъ было общепринятое преданіе, что въ Грецію первый принесъ ихъ изъ Финикіи Кадмъ, жившій, по обыкновеннымъ системамъ лѣтосчисленія, во времена Іисуса Навина, а по Ньютону, во времена Давида. Но какъ Финикіяне сами не изобрѣли никакого искусства, не успѣвали ни въ какой наукѣ, а только посредствомъ обширной торговли распространяли чужія открытія; то можно заключать, что буквенное письмо родилось въ Египтѣ, странѣ съ древнѣйшихъ временъ образованнѣйшей, о которой дошли до насъ достовѣрныя извѣстія, и которая у древнихъ почиталась колыбелью искусствъ и гражданственности. Важное изученіе гіероглифовъ обратило на искусство письменъ вниманіе этой страны. Извѣстно, что въ числѣ ихъ гіероглифовъ были сокращенные символы, произвольные знаки: это могло навести ихъ на изобрѣтеніе новыхъ знаковъ, не только для предметовъ, но и для звуковъ. Платонъ, въ Федрѣ своемъ, приписываетъ изобрѣтеніе письменъ Тевту, Египтянину, котораго принимаютъ за Гермеса, или Меркурія. Самый Кадмъ, пришедшій изъ Финикіи въ Грецію, былъ уроженецъ Египетскаго города Ѳивъ. Можно полагать, что и Моисей перенесъ письмена Египетскія въ землю Ханаанскую, гдѣ они были приняты Финикіянами, которые передали ихъ Грекамъ (*).

(*) См. *Van Helmont* Alphabeti veri naturalis Hebraïci delineatio; Sulzbaci, 1667, in 12. — *Wachter* Naturæ et

Азбука, принесенная въ Грецію Кадмомъ, была весьма несовершенна, и, какъ утверждаютъ, состояла только изъ шестнадцати буквъ. Впослѣдствіи были изобрѣтены другія для пополненія остальныхъ звуковъ. Замѣчательно, что слѣды буквъ, нынѣ употребляемыхъ, можно найти во всѣхъ измѣненіяхъ ихъ до первоначальной азбуки Кадма. Римская азбука, принятая въ языкахъ Латинскаго племени, одинакова съ Греческой; она измѣнена, сколько требовало изящество письма. Ученые замѣчаютъ, что Греческія письмена, какія видимъ мы на древнѣйшихъ надписяхъ, имѣютъ разительное сходство въ формѣ съ письменами Еврейскими или Самаританскими, которыя, какъ извѣстно, были употребляемы и Финикіянами, и составляли азбуку Кадмову. Переверните Греческія письмена слѣва направо, по способу письма Еврейскаго и Финикійскаго, и вы увидите буквы Еврейскія. Сверхъ того названіе буквъ: альфа, вита, гамма и пр., порядокъ ихъ въ азбукахъ Финикійской, Еврейской, Греческой и Римской, все это указываетъ на общее ихъ происхожденіе. Изобрѣтеніе столь полезное и вмѣстѣ столь простое было принято всѣми, и быстро распространилось у всѣхъ народовъ.

Русская наша азбука, называемая *Кирилловскою*, составлена Кирилломъ и Меѳодіемъ изъ буквъ Греческихъ. Для изображенія звуковъ, свойственныхъ Славянскимъ нарѣчіямъ, и которыхъ не имѣетъ Греческій языкъ, заимствованы ими буквы изъ Еврейскаго языка, каковы: *ш*, *б* и *ь*; сверхъ того изобрѣтено нѣсколько буквъ новыхъ, именно: *ж*, *ц*,

---

scripturae concordia; Lips. 1752. in 4º. — R. *Iones* Hieroglyfic; Lond. 1768. 8.

щ, *ѣ*, *ы*, *ъ*, *ю*, *я*. Эта азбука, съ нѣкоторыми перемѣнами, употребляется также въ Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сербіи. Другія нарѣчія Славянскія употребляютъ буквы Латинскія и Нѣмецкія. Славяне же Далматскіе имѣютъ особенную азбуку, извѣстную подъ именемъ *глаголической*, *буквицы* и *Іеронимовской* (*).

Сначала буквы писались отъ правой руки къ лѣвой, т. е. въ обратномъ нашему порядкѣ. Этотъ способъ писанія, употреблявшійся у Ассиріянъ, Финикіянъ, Аравитянъ, Евреевъ, былъ, судя по весьма древнимъ надписямъ, въ употребленіи и у Грековъ, которые потомъ стали писать попеременно отъ правой руки къ лѣвой и отъ лѣвой къ правой: это письмо называлось вустрофидонъ, или письмо браздообразное. Нѣсколько образцевъ такого письма сохранилось до нашего времени: такова надпись на извѣстномъ Сигейскомъ памятникѣ. Оно употреблялось до временъ Солона, законодателя Аѳинскаго. Наконецъ нашли, что движеніе отъ лѣвой руки къ правой удобнѣе, и этотъ способъ письма принятъ всѣми Европейскими народами.

Письмена долго были нѣкотораго рода гравированьемъ. Сперва употреблялись столбцы или каменныя таблицы, потомъ листы изъ самыхъ мягкихъ металловъ, каковъ свинецъ; потомъ, по мѣрѣ того, какъ искусство это распространялось между людьми, начали употреблять болѣе легкія и удобопереносимыя вещества. Въ иныхъ странахъ брали для этого листья и кору древесную, въ другихъ деревянныя дощечки навощеныя, и на

(*) См. *Добровскаго* — Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, пер. Прр. Погодина и Шевырева.

нихъ начертывались письмена посредствомъ стиля, или желѣзной иглы. Въ позднѣйшія времена стали приготовлять пергаминъ изъ кожъ животныхъ. Изобрѣтеніе бумаги писчей не принадлежитъ глубокой древности; оно не восходитъ далѣе XIV столѣтія.

Таково постепенное развитіе дара слова и письменъ, которымъ мы обязаны возможностью сообщать мысли свои; слово и письмо должно почитать стихіями всѣхъ познаній и нашего совершенствованія. Заключимъ изслѣдованія наши сравненіемъ языка съ письмомъ, или словъ, поражающихъ нашъ слухъ, съ изображеніями, понятными для глазъ: мы найдемъ, что и тотъ и другой способъ выраженія мыслей нашихъ имѣетъ свои преимущества.

Преимущество письма предъ языкомъ состоитъ въ томъ, что письмо есть способъ сообщенія болѣе долговѣчный и имѣющій большій кругъ дѣйствія. Дѣйствія его обширнѣе, потому что они не ограничиваются вліяніемъ на слушателей, подаютъ намъ возможность распространять наши мысли и высказывать ихъ цѣлому свѣту; голосъ нашъ посредствомъ его достигаетъ до отдаленнѣйшихъ предѣловъ. Письмо долговѣчнѣе, потому что посредствомъ его голосъ нашъ не умолкаетъ до позднѣйшихъ вѣковъ, передаетъ наши мысли потомству и увѣковѣчиваетъ воспоминаніе о дѣлахъ, служащихъ поученіемъ человѣчеству. Письмо имѣетъ еще то преимущество передъ словомъ, что читатель, имѣющій предъ глазами книгу, можетъ остановиться и размышлять о мысляхъ писателя, можетъ возвратиться къ прежнимъ мыслямъ и сравнивать одно мѣсто съ другимъ; между тѣмъ какъ скоропреходящій голосъ съ каждымъ звукомъ

отъ насъ улетаетъ: должно ловить выраженія въ минуту ихъ появленія; иначе они навсегда исчезаютъ.

Столь необходимо письмо; безъ него слово для человѣчества было бы еще несовершеннымъ способомъ распространенія познаній; но, въ замѣнъ этого, силою и выразительностью слово превосходитъ письмена. Голосъ говорящаго производитъ на умъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели чтеніе какого либо сочиненія. Измѣненія голоса, взоры, движенія, сопровождающія обыкновенно рѣчь, и невыразимыя на письмѣ, если употребляются кстати, придаютъ ей ясность, выразительность и точность. Дѣйствительно, измѣненія голоса, взоры и движенія суть естественныя изображенія душевныхъ чувствованій. Въ нихъ не можетъ быть двусмысленности; они оживотворяютъ выраженія и дѣйствуютъ на насъ какимъ-то сочувствіемъ, самымъ могущественнымъ убѣжденіемъ. Чувство гораздо сильнѣе пробуждается въ насъ, когда мы слышимъ самого оратора, нежели когда читаемъ его книгу. И такъ письмо содѣйствуетъ распространенію знаній; а слову обязано человѣчество всѣмъ тѣмъ, что только краснорѣчіе представляетъ высокаго и прекраснаго.

Чтеніе четвертое.

Строеніе языка, согласное съ законами мышленія. — Значеніе стихій слова и ихъ измѣненія въ древнихъ и новыхъ языкахъ.

Изложивъ происхожденіе и развитіе слова, перейдемъ къ его строенію. Это построеніе, согласное съ законами мышленія, требуетъ подробнаго изслѣдованія; поверхностные мыслители не заботятся объ этомъ предметѣ: онъ имъ кажется занятіемъ дѣтства, принадлежностью первыхъ начатковъ ученія. Но та наука, которую мы начинаемъ, когда слабый умъ еще не можетъ проникать отвлеченныхъ основаній, въ зрѣломъ возрастѣ должна быть предметомъ глубокаго изученія, полезнаго намъ при дальнѣйшихъ занятіяхъ Словесностью. Большая часть ошибокъ, обезображивающихъ сочиненія, происходитъ отъ незнанія языка. Немногіе съ отчетливостію, истинно философическою, разсуждали объ общихъ основаніяхъ слова; къ сожалѣнію, еще менѣе занимавшихся приложеніемъ общихъ началъ слова къ языку отечественному. Нѣмецкій и Французскій языки давно разсмотрѣны съ этой точки зрѣнія, и отличные ученые обращали на этотъ предметъ вниманіе, наблюдали обороты языка и его характеръ. Мы должны признаться, что духъ нашего языка еще не изученъ достаточно, свойства его не опредѣлены съ точностью. Есть нѣсколько опытовъ, сдѣланы нѣкоторыя счастливыя

примѣненія, но большая часть изслѣдованій предоставляется будущему (*).

Здѣсь мы не намѣрены излагать полной системы слова человѣческаго и отечественнаго языка: подробное разсмотрѣніе всѣхъ тонкостей этого предмета отвлекло бы насъ отъ нашей цѣли. Но мы взглянемъ на основныя начала слова и его стихій съ указаніемъ того, что въ каждой стихіи собственно принадлежитъ нашему отечественному слову.

Прежде всего представляется изслѣдованію нашему раздѣленіе стихій слова, или частей рѣчи. Онѣ во всѣхъ языкахъ однѣ и тѣ же; потому что въ каждомъ языкѣ должны быть слова, означающія названіе лицъ и вещей, или предметъ рѣчи; слова, означающія качества предметовъ и выражающія то, что мы утверждаемъ о предметѣ рѣчи, и наконецъ слова, составляющія связь или взаимное отношеніе мыслей. Поэтому во всѣхъ языкахъ должны быть имена, слова опредѣлительныя и соединительныя. Имена, или названія предметовъ, выражаютъ подлежащее рѣчи; опредѣлительныя слова показываютъ свойство, дѣйствіе предметовъ, ихъ сказуемое; соединительныя слова означаютъ связь предметовъ, отношенія и взаимную ихъ зависимость (**). Какимъ же образомъ вывести всѣ стихіи слова? Если безъ этѣхъ стихій слова не льзя выразить сужденія; то ихъ долж-

(*) См. *Шишкова* въ извѣстіяхъ Россійской Академіи; Грамматики *Греча* и *Востокова*, и Труды Общества любителей Россійской Словесности.

(**) Квинтиліанъ (кн. 1, гл. 6) говоритъ, что это раздѣленіе древнѣйшее: »Tum videlicet quot et quae sunt partes orationis; quanquam de numero parum convenit. Veteres enim, quorum fuerunt Aristoteles atque Theodectes, verba modo et nomina et convinctiones tradiderunt.

но быть столько, сколько необходимо составныхъ частей для этого дѣйствія разума, которому слово служитъ развитіемъ. Для сужденій же необходимо: вопервыхъ, названіе вещи или лица, вовторыхъ, означеніе ихъ бытія и дѣйствія; слѣдовательно основныя части рѣчи, или стихіи: *имя* и *глаголъ*. Подъ первымъ мы разумѣемъ названіе предметовъ, или понятій о нихъ, подъ вторымъ выраженіе бытія и дѣйствія. Но какъ вещи и лица, такъ бытіе и дѣйствіе различаются по качеству, количеству и отношеніямъ; то нужны особыя части рѣчи для выраженія этихъ условій: опредѣленіе качества, количества и отношеній именъ показываютъ *прилагательныя*; качество, количество и отношенія бытія и дѣйствія показываютъ *нарѣчія*. Очевидно, что числительныя не составляютъ особой стихіи языка; они не иное что, какъ количественныя прилагательныя. Необходимость прилагательныхъ и нарѣчій условливается именемъ и глаголомъ.

Имена назвали мы изображеніями предметовъ; но эти изображенія обыкновенно бываютъ или общія, или частныя; единичныхъ изображеній языкъ не имѣетъ: они потребовали бы безчисленнаго множества словъ. Во всѣхъ языкахъ есть названіе, напр. пера; но особыхъ названій для тѣхъ

Videlicet, quod in verbis vim sermonis, in nominibus materiam (quia alterum est quod loquimur, alterum de quo loquimur), in convinctionibus avtem complexum eorum esse judicarunt, quas conjunctiones a plerisque dici scio; sed haec videtur ex συνδέσμῳ, magis propria translatio. Paulatim a philosophis, ac maxime a stoicis, auctus est numerus, ac primum convinctionibus articuli adjecti; post præpositiones; nominibus appellatio, deinde pronomen; deinde mixtum verbo participium; ipsis verbis adverbia.»

перьевъ, которыми мы писали вчера, которыми пишемъ сегодня — такихъ названій языкъ не имѣетъ. Вмѣсто этого мы употребляемъ нѣсколько реченій, замѣняющихъ безчисленное множество словъ: *сей*, *этотъ* и проч. Точно такая же потребность въ ограниченіи бытія и дѣйствія относительно къ различенію лицъ посредствомъ реченій: *я*, *ты*, *онъ*. Отсюда особая часть рѣчи: *мѣстоименіе*. Слѣдуетъ, что мѣстоименія служатъ опредѣленіемъ одного извѣстнаго предмета изъ многихъ однородныхъ, или одного лица дѣйствующаго изъ многихъ, посредствомъ указанія, или ограниченія, или исключенія. Личное мѣстоименіе *я* есть первое имя, или имя по-преимуществу. Въ нѣкоторыхъ языкахъ находимъ *членъ*: это видъ опредѣлительныхъ словъ, или мѣстоименій.

Сверхъ этѣхъ стихій слова, во всѣхъ языкахъ встрѣчаемъ *предлоги* и *союзы*, первые, для означенія взаимныхъ отношеній предметовъ въ пространствѣ, вторые — для означенія отношенія дѣйствій во времени. Безъ предлоговъ не льзя представить себѣ предметовъ въ совокупности, въ различномъ отношеніи ихъ между собою; напротивъ, посредствомъ предлоговъ изображаются взаимныя отношенія, принадлежность одного предмета къ другому. Точно также безъ союзовъ мы не могли бы изобразить связи и послѣдовательности дѣйствій и бытія предметовъ; посредствомъ союзовъ одно дѣйствіе представляемъ предъидущимъ, другое послѣдующимъ; въ самыхъ предметахъ ими означается послѣдовательность, въ какой изображаются эти предметы въ нашемъ умѣ.

Причастія обыкновенно принимаются за особенную часть слова; но собственно они принадлежатъ къ измѣненіямъ глагола. Вмѣсто причастій,

особою частію рѣчи должно почитать прилагательныя. То же должно сказать и о другихъ измѣненіяхъ глагола, сходныхъ съ причастіями, каковы такъ называемая *дѣепричастія.*

Междометія не принадлежатъ къ стихіямъ слова, представляющимъ мысли наши: это особый родъ членораздѣльныхъ звуковъ, которыми выражаемъ мы чувствованія, или внутреннее состояніе духа (*).

Таково значеніе стихій слова. Обращаемся къ ихъ измѣненіямъ. Недѣлимые предметы, насъ окружающіе, безчисленны. Человѣкъ, видя со всѣхъ сторонъ деревья, лѣса и проч., не могъ дать каждому дереву отдѣльнаго наименованія. Безъ сомнѣнія, первою заботою его было дать названіе тому дереву, плодомъ котораго онъ питался, или подъ тѣнью котораго укрывался во время солнечнаго зноя. Но замѣтивши, что и другія деревья, хотя различныя между собою въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на пр. по величинѣ, виду, были сходны въ остальныхъ отношеніяхъ, какъ то: всѣ имѣли корни, вѣтьви и листья, на основаніи логическаго отвлеченія, онъ подвелъ ихъ подъ одинъ родъ, и далъ имъ общее названіе дерева. Опытъ научилъ его подраздѣлять родъ на виды, каковы: дубъ, ель, ясень и проч., по мѣрѣ распространенія наблюденій, открывавшихъ въ деревьяхъ качества, которыми они сходствовали между собою или различались.

При такомъ развитіи понятій постоянно употребляемы были слова родовыя; потому что дубъ, сосна, ясень выражали классы предметовъ, изъ ко-

(*) I. S. *Vater's* Versuch einer allgemeinen Sprachlehre; Halle, 1801. — A. F. *Bernhardi* Anfangsgründe der Sprachwissenschaft; Berlin, 1805. — *Silvester de Sacy* Grundsaetze der allgemeinen Sprachlehre; Halle und Leipzig, 1804.

торыхъ каждый классъ заключалъ въ себѣ множество предметовъ особыхъ. Повидимому образованіе понятій отвлеченныхъ принадлежитъ къ труднымъ дѣйствіямъ ума; однако оно современно первому развитію языковъ. Исключая собственныя имена, свойственныя недѣлимымъ, н. п. Цезарь, Петръ, Александръ, прочія имена, употребляемыя нами въ рѣчи, означаютъ не особые предметы, но родовыя понятія, какъ-то: человѣкъ, левъ, домъ, рѣка и другія. Впрочемъ не должно думать, что образованіе этихъ общихъ названій требуетъ необыкновенныхъ усилій ума: какъ скоро мы открываемъ сходство между извѣстными предметами, то и составляемъ изъ нихъ особый классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ придаемъ этому классу особое названіе.

Назначеніе мѣстоименій и члена, сказали мы, состоитъ въ указаніи недѣлимаго, о которомъ идетъ рѣчь, и въ отличеніи этого недѣлимаго отъ другихъ подобныхъ. Новые языки не всѣ имѣютъ членъ. Въ Греческомъ языкѣ ὁ, ἡ, τὸ, соотвѣтствуетъ опредѣленному члену новыхъ языковъ и нашимъ мѣстоименіямъ: сей, этотъ. Въ немъ нѣтъ другаго члена, выражающаго неопредѣленное значеніе: это замѣняютъ опущеніемъ члена опредѣленнаго. Такъ βασιλεὺς значитъ царь неопредѣленно, но ὁ βασιλεὺς—этотъ именно царь. Латинскій языкъ не имѣетъ члена, а употребляетъ мѣстоимѣнія: hic, ille, iste, показывающія тотъ предметъ, которой хотятъ отличить отъ прочихъ. Noster sermo, говоритъ Квинтиліанъ: articulos non desiderat, adeoque in alias partes orationis sparguntur. Отсутствіе членовъ въ языкѣ есть недостатокъ, потому что посредствомъ его рѣчь бываетъ яснѣе и опредѣлительнѣе. Для доказательства возьмемъ нѣсколько выраженій, которыхъ смыслъ на Англійскомъ языкѣ зависитъ единственно отъ члена:

the sun of a king и the sun of the king. Каждое изъ этихъ выраженій имѣетъ различный смыслъ; но въ Латинскомъ языкѣ filius regis, выраженіе совершенно неопредѣленное; чтобы показать, въ какомъ значеніи должно принимать это выраженіе, опредѣленномъ или неопредѣленномъ, необходимо объясненіе въ нѣсколькихъ словахъ. Въ Русскомъ мы выражаемъ неопредѣленный членъ притяжательнымъ прилагательнымъ: сынъ царскій, а членъ опредѣленный родительнымъ имени: сынъ царя, или указательнымъ мѣстоимѣніемъ.

Имена измѣняются по числамъ, родамъ и падежамъ. Число различаетъ имена, для означенія одного или многихъ предметовъ одного и того же вида. Оно бываетъ единственное и множественное. Это раздѣленіе, которое мы находимъ во всѣхъ языкахъ, принадлежитъ къ первому образованію слова и соотвѣтствуетъ различенію понятій по количеству, качеству и отношеніямъ. Различіе между однимъ и многими предметами представлялось въ самомъ началѣ перенесенія природы въ міръ словъ; оно во всѣхъ языкахъ означается измѣненіемъ окончаній въ именахъ. Еврейскій, Греческій, Славяно-Церковный языки имѣютъ, кромѣ множественнаго, двойственное число, для выраженія двухъ предметовъ. Думаютъ, когда еще не было всѣхъ числительныхъ именъ, тогда одинъ, два и много были начальными отличіями количества. Но въ двойственномъ числѣ мы видимъ особливый оттѣнокъ выраженій. Человѣкъ, наблюдавшій себя и природу, невольно поражаемъ былъ двойствомъ, каково двойство пола, частей тѣла и всего животнаго организма: встрѣчая такое двойство, онъ долженъ былъ его выразить.

Родъ есть другое измѣненіе именъ, требующее большаго разсмотрѣнія, нежели число. Родъ, осно-

вываясь на различеніи пола, собственно можетъ только приличествовать существамъ одушевленнымъ, которыя по природѣ своей принадлежатъ къ мужескому или женскому роду. Всѣ прочія имена должны бы относиться къ такъ называемому среднему роду, означающему отсутствіе пола. Но строеніе языка въ этомъ отношеніи представляетъ нѣкоторую особенность. По свойству человѣка одушевлять всю природу, любоваться изображеніемъ себя самого во всемъ, его окружающемъ, большая часть языковъ множество неодушевленныхъ предметовъ относитъ къ мужескому или женскому роду. Въ Латинскомъ и Русскомъ языкахъ gladius, *мечъ*, мужескаго рода, sagitta, *стрѣла*, женскаго. Этотъ способъ опредѣленія пола предметовъ неодушевленныхъ, раздѣленіе, сдѣланное между мужескимъ и женскимъ родомъ, во многихъ именахъ представляется совершенно произвольнымъ и случайнымъ: нѣкоторыя окончанія означаютъ мужескій родъ, другія женскій. Однако въ Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, многіе изъ неодушевленныхъ предметовъ, въ которыхъ полъ не различается, отнесены къ роду среднему, напр. templum, sedile. Въ этомъ духѣ языка Французскаго и Италіянскаго отличается отъ духа языковъ Греческаго и Латинскаго. Въ этихъ двухъ языкахъ совсѣмъ нѣтъ средняго рода, и всѣ предметы неодушевленные, одинаково съ предметами одушевленными, относятся или къ мужескому, или женскому роду. Въ Англійскомъ языкѣ, напротивъ, имена предметовъ неодушевленныхъ всѣ безъ исключенія средняго рода: the, she, it, означаютъ три рода. Всегда употребляютъ it, говоря о предметѣ, который не имѣетъ пола. Въ одномъ только этомъ языкѣ, и, какъ извѣстно, въ Китайскомъ, раздѣленіе родовъ философическое

и согласно съ различенiемъ пола. Отсюда происходитъ въ Англiйскомъ языкѣ преимущество, на которое должно обратить вниманiе. Хотя въ обыкновенной рѣчи родъ употребляется только для означенiя пола, однако духъ языка въ переносномъ смыслѣ позволяетъ давать мужескiй или женскiй родъ предметамъ неодушевленнымъ, если только это можетъ служить украшенiемъ рѣчи. Слово напр. *»добродѣтель«* въ обыкновенномъ разговорѣ употребляется въ среднемъ родѣ; но въ рѣчи одушевленной добродѣтель принимается въ женскомъ родѣ. Это свойство языка даетъ возможность измѣнять слогъ по произволу; однимъ олицетворенiемъ предмета рѣчь получаетъ новое достоинство. Этимъ преимуществомъ пользуются не только поэты, но ораторы и всѣ лучшiе писатели; оно принадлежитъ только Англiйскому языку. Во всѣхъ прочихъ языкахъ каждое слово постоянно принимается въ одномъ извѣстномъ родѣ, мужескомъ, женскомъ или среднемъ: такъ Греческое *ἀρετή*, Латинское virtus, Русское *добродѣтель* — постоянно женскаго рода. Мѣстоименiе *она* соотвѣтствуетъ этому слову и въ поэмѣ, и въ разсужденiи, и въ простомъ разговорѣ. Въ Англiйскомъ языкѣ среднiй родъ предметовъ неодушевленныхъ ни мало не мѣшаетъ силѣ и точности; тѣ же самые предметы, олицетворяясь въ краснорѣчiи и поэзiи, даютъ рѣчи жизнь и блескъ. Такое олицетворенiе имѣетъ свое основанiе на той мысли, которая составляетъ сущность предмета. Мужескiй родъ въ переносномъ значенiи приписывается тѣмъ предметамъ, которыхъ сущность состоитъ въ силѣ и могуществѣ; а женскiй родъ придается предметамъ прекраснымъ и нѣжнымъ, неотличающимся твердостiю и крѣпостiю. Поэтому *солнце*

въ Англійскомъ языкѣ мужескаго рода, *луна* — женскаго; *земля* всегда женскаго рода; *корабль*, *страна*, *городъ* также женскаго рода; *время* мужескаго рода, по причинѣ непреодолимой его силы; *добродѣтель* женскаго, какъ прекрасный предметъ; *любовь*, *счастіе* также женскаго рода. Множество и другихъ обстоятельствъ, которыхъ начала не изслѣдованы, имѣли вліяніе на это сходство въ языкахъ. Раздѣленіе словъ по родамъ представляетъ болѣе всего неопредѣленности въ языкахъ, особенно въ тѣхъ, которые имѣютъ только два рода: мужескій и женскій.

По изслѣдованіи родовъ, перейдемъ къ другому замѣчательному видоизмѣненію именъ — къ склоненію по падежамъ. Падежи служатъ къ выраженію взаимныхъ отношеній предметовъ. Недостаточно указать на предметы, означить число, родъ; нужно еще изобразить ихъ положеніе одного къ другому. Предметы въ природѣ, одинъ въ отношеніи къ другому, находятся или вдали, или близко, вверху или внизу, за нами или впереди насъ; все это надлежало выразить и въ словѣ. Отсюда такъ называемые падежи: именительный, родительный, дательный и проч.; слѣдовательно падежи означаютъ отношенія предметовъ перемѣною окончанія въ именахъ этихъ предметовъ.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ эти отношенія означаются другимъ способомъ. Греческій, Латинскій, Русскій языки и многіе другіе имѣютъ склоненія; но Англійскій, Французскій и Италіянскій языки, вмѣсто перемѣны именъ по падежамъ, выражаютъ отношеніе предметовъ посредствомъ предлоговъ, поставляя ихъ предъ именемъ того предмета, котораго отношеніе они показываютъ. Который изъ этихъ способовъ выраженія отношеній древ-

нѣе, и который имѣетъ преимущество? Очевидно, назначеніе того и другаго способа одинаково; различіе состоитъ въ формѣ. Что касается до древности этихъ способовъ, то первый изъ нихъ, повидимому многосложнѣйшій и требующій болѣе искусственности, встрѣчается во всѣхъ коренныхъ языкахъ, каковы: Греческій, Латинскій, всѣ Славянскіе языки. Отношенія, разсматриваемыя сами по себѣ отдѣльно отъ предметовъ, находящихся во взаимности между собою, принадлежатъ къ понятіямъ отвлеченнымъ. Не льзя отчетливо объяснить значеніе словъ of и to, взятыхъ отдѣльно отъ другихъ словъ, исчислить всѣ случаи, въ которыхъ они могутъ быть употребляемы; а потому, вѣроятно, въ древнихъ языкахъ, вмѣсто отношеній отвлеченныхъ, легче казалось выразить каждое отношеніе, какъ принадлежность самого предмета; для этого нужно только было измѣнить имя предмета по падежамъ, напр.: hominis, homini, hominem и пр. Но падежи не выражаютъ всѣхъ отношеній предметовъ; потому-то, съ распространеніемъ потребности выражать ихъ, въ нѣкоторыхъ языкахъ, вмѣсто падежей, приняты предлоги. Такимъ образомъ въ языкахъ, происшедшихъ отъ Латинскаго, во время переселенія народовъ, приняты предлоги въ замѣнъ склоненій; новымъ завоевателямъ Рима казалось простѣе придавать предлоги всегда одни и тѣ же, безъ всякой перемѣны въ окончаніи имени: di Roma, al Roma.

Вразсужденіи преимущества, тотъ и другой способъ имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Безъ сомнѣнія, употребленіе предлоговъ вмѣсто падежей опростило строеніе языковъ: чрезъ это устранены трудности различенія всѣхъ формъ

склоненій съ ихъ исключеніями. Отъ того новые языки легче изучать; въ нихъ менѣе правилъ. Но при легкости и простотѣ въ языкѣ, которыя составляютъ важныя преимущества, употребленіе предлоговъ имѣетъ свои невыгоды. Частое повтореніе ихъ, для выраженія отношенія предметовъ, обременяетъ рѣчь и тѣмъ самымъ ее ослабляетъ. Языки, вмѣстѣ съ этимъ, лишились приятности и разнообразія, происходящихъ отъ долготы словъ и различныхъ окончаній по падежамъ. Главный же недостатокъ этого способа состоитъ въ томъ, что, съ уничтоженіемъ падежей, языки лишились свободнаго словорасположенія. У древнихъ различныя окончанія въ склоненіяхъ именъ и въ спряженіяхъ глаголовъ ясно показывали различныя отношенія словъ одного и того же предложенія, и не требовали ближайшаго соединенія; безъ всякаго опасенія двусмысленности, они ставили слова въ томъ порядкѣ, какой почитали сильнѣйшимъ и благозвучнѣйшимъ. Въ языкахъ же, безъ этихъ преимуществъ, остается одно средство для ясности — ставить слова управляемыя при управляющихъ. Здѣсь уже смыслъ періода выражается отдѣльными частями, и, такъ сказать, разрозниваеися, между тѣмъ какъ у Грековъ и Римлянъ строеніе длинныхъ предложеній, связанныхъ склоняемыми именами, не смотря на ихъ разстановку, представляло цѣлое. Послѣднія слова періода опредѣляли отношенія его различныхъ членовъ, и все, что должно быть соединено въ нашей мысли, казалось соединеннымъ и въ выраженіи. Отсюда краткость, живость и сила рѣчи. Въ новыхъ языкахъ, напротивъ, кромѣ нашего, частицы, безпрестанно повторяющіяся, обременяютъ слогъ и ослабляютъ мысль.

Мѣстоименія составляютъ особый классъ словъ, непосредственно относящихся къ именамъ и глаголамъ, которыхъ они, какъ самое слово показываетъ, занимаютъ мѣсто. *Я*, *ты*, *онъ*, *она*, *оно* — представляютъ краткій способъ выраженія при наименованіи лицъ или вещей, съ которыми мы находимся въ частомъ соприкосновеніи, или о которыхъ намъ должно часто упоминать. Поэтому они имѣютъ одинакія съ именами измѣненія въ числѣ, родѣ и падежахъ. Только должно замѣтить, что ни въ какомъ языкѣ мѣстоименія перваго и втораго лица: *я*, *ты*, не имѣютъ родовъ; потому что эти мѣстоименія всегда относятся къ личному разговору, при чемъ полъ предполагается извѣстнымъ, и опредѣленіе его было бы излишнимъ. Но третье лице всегда относится къ отсутствующимъ лицамъ; а потому опредѣленіе рода необходимо. Что касается до падежей, то даже и въ тѣхъ языкахъ, которые не имѣютъ склоненій, мѣстоименія удерживаютъ измѣненія, для удобнѣйшаго выраженія отношеній; эта часть рѣчи слишкомъ часто встрѣчается. Сверхъ того мѣстоименія представляютъ собою выраженія и общія, и частныя: такъ мѣстоименіе *оно* прилагается къ безчисленному множеству предметовъ, и вмѣстѣ къ одному извѣстному предмету, о которомъ въ рѣчи говорится. — Мѣстоименія во всѣхъ языкахъ составляютъ часть рѣчи самую неправильную и трудную; потому что они, будучи столь часто употребляемы, болѣе другихъ частей рѣчи подвержены различнымъ измѣненіямъ.

Прилагательныя, или означенія качества, каковы: *великій*, *малый*, *черный*, *бѣлый* и пр., простѣе всѣхъ словъ. Въ Греческомъ, Латинскомъ и въ нашемъ языкѣ прилагательныя измѣняются одинаково съ именами: они склоняются, имѣютъ различные роды, перемѣняются по числамъ. Отъ

шого въ Греческомъ и Лашинскомъ языкахъ прилагашельныя составляли одну часть рѣчи съ именами, не смотря на различное ихъ значеніе. Но прилагашельныя, какъ выраженія качества, не имѣютъ никакого сходства съ именами; потому что они никогда не выражаютъ предмета, отдѣльно существующаго; а это составляетъ сущность имени. Они болѣе сходны съ глаголами, которые, равно какъ и прилагательныя, выражаютъ принадлежность или свойство бытія. Съ перваго взгляда странно, что въ древнихъ языкахъ и въ нашемъ прилагательныя подвергаются всѣмъ измѣненіямъ именъ, между шѣмъ какъ число, родъ, падежи собственно не имѣютъ ничего общаго съ качествами: добрый, великій, пріятный, твердый и пр. Это можно объяснить тѣмъ, что уму легче представлять качества и свойства нераздѣльно съ предметами, въ совокупности съ ними, какъ часть ихъ бытія; а для показанія тѣснаго соединенія качества съ предметомъ, необходимо согласовать обѣ части рѣчи въ числѣ, родѣ, падежахъ. Притомъ свободное словорасположеніе требовало этого согласованія; въ противномъ случаѣ, при перестановкѣ словъ, не видно зависимости прилагательныхъ и именъ.

Изъ всѣхъ словъ, извѣстныхъ подъ именемъ качественныхъ, глаголъ самый многосложный. Въ немъ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ рѣчи, выражается вся внутренняя, духовная сторона слова; почему изслѣдованіе сущности глагола и различныхъ его измѣненій можетъ быть предметомъ подробнаго разсмотрѣнія.

Глаголъ имѣетъ нѣкоторое сродство съ прилагательнымъ: та и другая часть рѣчи означаетъ качество лица или свойство вещи. Впрочемъ въ прилагательномъ мы видимъ только свойство, тѣсно

соединенное съ предметомъ; въ глаголѣ — дѣйствующее свойство этого предмета. Первое представляетъ предметъ, какъ вещество; второй — жизнь предмета. Одно нераздѣльно соединено съ предметомъ, находящимся въ пространствѣ; другое выражаетъ бытіе или дѣйствіе, продолжающееся во времени. Глаголы всѣхъ языковъ показываютъ качество имени, утвержденіе этого качества и время. Такимъ образомъ, когда я говорю: *солнце свѣтитъ*, то здѣсь глаголъ означаетъ свойство имени *солнце*; настоящее время также имъ опредѣляется, и кромѣ того есть утвержденіе, что свойство *свѣтить* принадлежитъ въ это мгновеніе солнцу. Причастіе *свѣтящій* также выражаетъ свойство и время, безъ всякаго утвержденія лица. Неокончательное *свѣтить* можно назвать именемъ отглагольнымъ, которое не заключаетъ въ себѣ ни времени, ни утвержденія; оно только показываетъ качество, дѣйствіе или состояніе предмета, служащее предметомъ другихъ наклоненій и другихъ временъ. Поэтому неокончательное наклоненіе часто употребляется вмѣсто имени; такъ напримѣръ въ Латинскомъ: *scire tuum nihil est; dulce et decorum est pro patria mori.* — Но во всѣхъ временахъ другихъ наклоненій заключается утвержденіе: *солнце свѣтитъ*, *свѣтило*, *будетъ свѣтить*. Изъ этого видно, что глаголъ отличается отъ прочихъ частей рѣчи преимущественно утвержденіемъ, которое даетъ ему особый, самостоятельный характеръ. Безъ явнаго, или подразумѣваемаго глагола, рѣчь не можетъ имѣть полноты; потому что, когда мы говоримъ, всегда утверждаемъ дѣйствительное существованіе, возможность или необходимость какого-нибудь предмета; а слово, выражающее это, есть глаголъ, получившій свое названіе отъ

важнаго назначенія своего въ рѣчи. *Латинское* *verbum* значитъ *слово;* и потому глаголъ есть слово по преимуществу.

Первоначальная форма глагола, какъ думаетъ Смитъ, глаголъ безличный. *It rains*, дождь идетъ; *it thunders*, громъ гремитъ; *it is ligt*, свѣтаетъ, и другіе. Дѣйствительно, это самая простая форма глагола; она только утверждаетъ какое-нибудь происшествіе, или состояніе какого-либо предмета. Совершенное развитіе его оказывается въ лицахъ, временахъ и наклоненіяхъ. Но только эта простая форма есть сокращеніе полнаго предложенія: въ *Латинскихъ* выраженіяхъ — pluit, ningit, подразумѣваютъ слово coelum.

Время въ глаголахъ означаетъ различія, находящіяся въ его послѣдовательности. Обыкновенно обращаютъ вниманіе только на три главные момента времени: на прошедшее, настоящее и будущее, и полагаютъ, что довольно было бы глаголамъ выражать только эти три степени послѣдовательности. Но языкъ не довольствуется этимъ: онъ разлагаетъ время на многіе моменты, и выражаетъ его вѣчное движеніе, безпрерывную постепенность въ теченіи; поэтому обозначаются прошедшія происшествія съ большею или меньшею окончанностью, а будущія — по мѣрѣ ихъ отдаленности. Отсюда все разнообразіе временъ почти во всѣхъ языкахъ.

Настоящее время никогда не подвергается подраздѣленію и не допускаетъ никакихъ измѣненій: *scribo* — *пишу*; прошедшее въ самомъ бѣдномъ языкѣ выражается двумя или тремя временами. Въ Русскомъ языкѣ недостатокъ временъ замѣняется различными *видами* глагола.

Кромѣ временъ, означающихъ различные моменты дѣйствія, глаголы имѣютъ еще такъ на-

зываемые залоги: дѣйствительный, страдательный и средній; потому что въ предметѣ разсматривается или дѣйствіе на другой предметъ, или дѣйствіе отъ другаго, или просто бытіе. Въ Русскомъ языкѣ сверхъ того эти залоги имѣютъ подраздѣленія, различающіяся отъ главныхъ залоговъ окончаніями: дѣйствительному соотвѣтствуетъ взаимный залогъ, страдательному — возвратный, среднему — общій. Глаголы имѣютъ различныя наклоненія, какъ въ дѣйствительномъ, такъ въ страдательномъ, среднемъ и другихъ залогахъ, выражающія утвержденіе дѣйствія, возможность или необходимость. Такъ напр. изъявительное наклоненіе выражаетъ собою предложеніе простое: *scribo*, пишу, *scripsi*, писалъ; повелительное означаетъ необходимость исполненія: *scribe*, пиши; сослагательное даетъ предложенію форму условную и зависящую отъ предмета, къ которому оно относится: scriberem, писалъ бы. Этотъ-то способъ выражать утвержденія со всѣми разнообразными формами и различіемъ мѣстоименій: *я*, *ты*, *онъ*, называется спряженіемъ, которое составляетъ важнѣйшую часть въ построеніи языка.

Изъ этого ясно видно, что глалолъ есть самая сложная часть рѣчи. Какъ много выражаетъ одно простое Латинское слово *amavissem*: во первыхъ, лице говорящее — *я*; во вторыхъ, качество или дѣйствіе его — *любить*; въ третьихъ, утвержденіе этого дѣйствія, въ четвертыхъ, дѣйствіе прошедшее, имъ означаемое, и въ пятыхъ, возможность, или условіе, отъ котораго зависитъ дѣйствіе. — Совершенными почитаются тѣ спряженія, которыя легкимъ измѣненіемъ послѣдняго или начальнаго слога, безъ помощи вспомогательныхъ глаголовъ, показываютъ всѣ нужныя перемѣны. Глаголы въ

Восточныхъ языкахъ, при немногихъ временахъ, посредствомъ наклоненій выражаютъ все разнообразіе обстоятельствъ и отношеній. Такъ напримѣръ въ Еврейскомъ языкѣ одно слово, безъ помощи вспомогательнаго глагола, выражаетъ не только: *я училъ*, но и значенія — *я вѣрно училъ. мнѣ приказали учить, я учился симъ.* Въ Греческомъ языкѣ, какъ образованнѣйшемъ изъ извѣстныхъ языковъ, времена и наклоненія представляются во всей правильности и полнотѣ. Латинскій языкъ, составленный по образцу Греческаго, уступаетъ ему въ совершенствѣ; и это преимущественно въ страдательномъ залогѣ, въ которомъ времена составляются съ помощію вспомогательнаго глагола *sum.*

Въ новыхъ Европейскихъ языкахъ спряженія весьма неполны. Они почти не допускаютъ никакихъ измѣненій въ окончаніяхъ глагола, и, какъ въ дѣйствительномъ, такъ и въ страдательномъ залогахъ, употребляютъ глаголы вспомогательные. Въ спряженіяхъ этихъ языковъ произошла такая же перемѣна, какой подверглись склоненія. Какъ предлоги, поставляемые предъ именами, замѣнили падежи, такъ и вспомогательные глаголы, употребляемые съ причастіями, замѣнили въ наклоненіяхъ и временахъ различныя окончанія, составлявшія отличительное свойство древнихъ спряженій.

Вспомогательные глаголы и предлоги суть слова общія, отвлеченныя, которыя выражаютъ видоизмѣненія простаго бытія, разсматриваемаго отдѣльно, безъ отношенія къ чему-либо въ особенности. Вѣроятно, съ постепеннымъ развитіемъ языка, вошли въ употребленіе вспомогательные глаголы; они замѣнили собою большую часть временъ и наклоненій; потому что, показывая вообще значеніе

утвердительно — необходимый признакъ глагола — они соединяются съ причастіемъ, которое придаетъ каждому глаголу особенное значеніе. Этотъ способъ измѣненій глагола принятъ въ новыхъ языкахъ; отъ того они стали простѣе и удобнѣе для изученія, однако лишились пріятности и точности.

Нарѣчія во всѣхъ языкахъ составляютъ многочисленный отдѣлъ словъ, которыя можно причислить къ роду качественныхъ; потому что они означаютъ состояніе какого-нибудь дѣйствія или качества относительно мѣста, времени, порядка, степени и другихъ обстоятельствъ. Нарѣчія вообще суть сокращенныя выраженія того, что можно сказать двумя или тремя словами посредствомъ другихъ частей рѣчи. Такъ напр. *чрезвычайно* то же, что *въ высочайшей степени; храбро — съ храбростью; здѣсь — въ этомъ мѣстѣ; часто — много разъ; рѣдко — малое число разъ*, и такъ далѣе. Изъ этого слѣдуетъ, что нарѣчія не такъ необходимы въ языкѣ, какъ другія части рѣчи; почти всѣ они происходятъ отъ какихъ нибудь словъ, важнѣйшихъ по своему значенію.

Предлоги и союзы придаютъ рѣчи ясность. Они необходимы въ языкѣ, потому что, какъ уже выше мы замѣтили, выражаютъ отношенія предметовъ и послѣдовательность дѣйствія. На нихъ основывается сужденіе, которое есть не что иное, какъ соединеніе понятій. Число этѣхъ частей рѣчи возрастало по мѣрѣ того, какъ человѣкъ успѣвалъ въ сужденіи и умозаключеніи. Богатство соединительныхъ частицъ, выражающихъ отношенія предметовъ и связь мыслей, показываетъ совершенство языка и образованность народа. Въ этомъ отношеніи преимуществуетъ передъ всѣми

языками Греческій языкъ, на которомъ говорилъ народъ древняго міра, достигшій высшей степени гражданственности. Сила и красота всякаго языка состоитъ въ точномъ употребленіи союзовъ, предлоговъ и относительныхъ мѣстоименій, также служащихъ къ соединенію частей предложенія; отъ искуснаго ихъ употребленія зависитъ сжатость, плавность и правильность рѣчи.

Вотъ основные законы стихій слова! Когда представимъ себѣ, что въ словѣ содержится совокупность воззрѣній и понятій нашихъ, изображеніе умственнаго богатства мыслей, нравственныхъ движеній и чувствованій, наукъ и искусствъ; тогда согласимся, что составъ и строеніе языка требуютъ подробнаго изслѣдованія. »Не должно, говоритъ Квинтиліанъ (*), пренебрегать законами языка и почитать ихъ маловажными. Конечно, не трудно различать согласныя отъ гласныхъ, или гласныя раздѣлять на полугласныя и безгласныя; но кто проникнетъ въ глубину этого ученія, тотъ найдетъ предметы достойные вниманія, которые не только могутъ изощрить умъ юный, но и занять людей просвѣщенныхъ и ученыхъ.«

(*) Inst. I, 4. »Ne quis, tanquam parva, fastidiat grammatices elementa. Non quia magnæ sit operæ consonantes a vocalibus discernere, easque in semivocalium numerum mutarumque partiri; sed quia interiora velut sacri hujus adeuntibus apparebit multa rerum subtilitas, quæ non modo acuere ingenia puerilia, sed exercere altissimam quoque eruditionem ac scientiam possit.«

Чтеніе пятое.

Сродство языковъ. — Сродство Русскаго языка съ другими языками.

Разсматривая развитіе слова, согласное съ развитіемъ душевныхъ способностей, и строеніе его, мы убѣждаемся въ томъ, что съ первымъ человѣкомъ произошла вся полная система слова. Священное Писаніе разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія касательно языка: изъ него научаемся мы тому, что слово современно разуму, и что система языка начинается съ развитіемъ мыслящей способности. Слово, являвшееся въ каждомъ обществѣ человѣческомъ съ полнымъ развитіемъ разума, необходимо для нашего существованія духовнаго. Безъ слова человѣкъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ созданъ и къ чему предназначенъ; слово ему необходимо не только для выраженія, но и для воспроизведенія мысли; она въ немъ раждается. Отъ единаго происхожденія всѣхъ языковъ находимъ мы въ нихъ единство и сходство въ составѣ, при всемъ разнообразіи реченій. Всѣ народы, разсѣянные по разнымъ странамъ земнаго шара, узнаютъ въ языкахъ первородное родство свое; потому что было время, когда *бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласъ единъ всѣмъ*, говоритъ Боговдохновенный дѣеписатель (*). Этотъ міровый языкъ былъ первообразомъ слова; право первобытнаго языка не принадлежитъ ни одному изъ нынѣшнихъ языковъ: онъ

(*) Бытія XI, 1.

разлитъ во всѣхъ языкахъ, потому что начала его заключаются въ небесномъ дарѣ слова.

Изъ этого очевидно, что необходимость слова одинакова съ необходимостью другихъ органовъ. Человѣкъ, согласно съ условіями состава своего, возникаетъ какъ существо умственное, нравственное и общественное, или словесное. Онъ ни одного мгновенія не сиротствовалъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія; а для этого необходимо совершенное развитіе слова, соотвѣтственно полному развитію разумѣнія. Еще новое подтвержденіе историческое, что языки всегда имѣли тѣ же формы, какія нынѣ имѣютъ; что все можетъ быть постепеннымъ образованіемъ общества, кромѣ языка въ основныхъ его стихіяхъ; что языки совершенствуются размноженіемъ количества словъ и оборотовъ, а не размноженіемъ своихъ стихій. Они не измѣняются въ коренныхъ началахъ — въ томъ, что имѣютъ между собою сходнаго; но измѣняются въ томъ, что составляетъ особый духъ каждаго народа.

Гдѣжъ первый языкъ, дабы съ нимъ повѣрить наши изслѣдованія? Смѣшеніе языковъ есть событіе историческое: первый языкъ раздѣленъ на нѣсколько языковъ, какъ дѣлится одинъ и тотъ же свѣтъ, достигающій до насъ въ безчисленныхъ лучахъ. Сходство, даже единство всѣхъ языковъ въ основаніяхъ, при всемъ ихъ разнообразіи, служитъ этому доказательствомъ. Въ составѣ каждаго реченія, сказали мы, участвуютъ: предметы, производящіе на сознаніе наше впечатлѣнія; сознаніе, воспринимающее впечатлѣнія, и самые звуки, въ которыхъ развивается цѣлый міръ. Въ природѣ, насъ окружающей, есть предметы и явленія всемірныя, общія всѣмъ странамъ свѣта, и частныя, при-

надлежащія той или другой странѣ въ особенности. Отсюда съ одной стороны въ языкахъ выраженія сходныя, даже одинакія, звукоподражательныя, и другія различныя, особенныя; одни зависятъ отъ явленій общихъ, другія отъ особенностей, свойственныхъ каждой землѣ. Отъ единства законовъ сознанія, сопряженія понятій и всѣхъ дѣйствій душевныхъ, зависитъ единство въ производствѣ словъ во всѣхъ языкахъ, въ иносказаніяхъ, составленіи словъ, въ стихіяхъ слова, въ строеніи рѣчи. Но какъ степени силы и превосходства способностей, равно и воззрѣнія на предметы, различаются; то и въ отношеніи къ сознанію, при всемъ единствѣ языковъ и рѣчи человѣческой, есть нѣкоторыя отличія того или другаго языка, той или другой рѣчи. Наконецъ членораздѣльные звуки, которыми выражаетъ человѣкъ внутреннія движенія духа своего—способъ перенесенія въ нихъ предметовъ окружающихъ—эти звуки во всѣхъ языкахъ большею частію одинакіе — гласныя и согласныя; различествуютъ они только взаимнымъ сочетаніемъ. Подобныя одинакія свойства всѣхъ языковъ, при всемъ ихъ различіи, принадлежатъ тому *первоначальному* языку, который, по раздѣленіи на многія отрасли, остался неизмѣннымъ въ выраженіяхъ, показывающихъ движенія духа, всѣмъ и каждому общія. Этотъ первоначальный языкъ по всеобщности своей можетъ назваться *міровымъ;* на немъ, повторимъ мысль, съ которой начали мы разсужденіе, основываются и законы сродства языковъ. Отдѣлите отъ каждаго языка особенности: останутся для всѣхъ общія выраженія, принадлежащія *языку первобытному*. На этомъ основывается *сродство языковъ* (*).

(*) Гроцій въ замѣчаніяхъ къ Ветхому Завѣту, Быт. XI, 1, говоритъ: Primævam linguam nullibi puram exstare, sed

Сродство, какое находимъ мы во всѣхъ языкахъ, бываетъ двоякое: одно содержится въ самыхъ реченіяхъ — *аналитическое*, или *лексикологическое*; другое въ строеніи речсній — *синтетическое*, или *грамматическое*. Отъ смѣшенія этихъ двухъ родовъ сродства въ языкахъ филологи впадали въ странныя погрѣшности: неправильно толковали слова по чуждому имъ происходству; уродовали реченія для того, чтобъ подвести ихъ подъ свое мнимое начало; принимали подложныя сочиненія за драгоцѣнные памятники старинной письменности народовъ.

Болѣе употребляли во зло сродство реченій, между тѣмъ какъ оно менѣе другаго рода сродства доказываетъ прямое происхожденіе одного языка отъ другаго. Дѣйствительно, сочетанія звуковъ, образуемыхъ голосомъ человѣческимъ, не безконечны, но ограниченны; потому что въ числѣ всѣхъ возможныхъ сочетаній находится нѣсколько такихъ, которыя отвергаются нашимъ слухомъ. Не удивительно, если между остальными встрѣчается сходство, при сравненіи множества словъ и многихъ языковъ. Когда въ какомъ-либо языкѣ находится извѣстное реченіе, то еще не слѣдуетъ заключать, чтобъ подобнаго реченія не было ни въ какомъ другомъ языкѣ. Каковыжъ заключенія о сродствѣ языковъ, основанныя на случайномъ сближеніи нѣсколькихъ реченій двухъ языковъ?

Сходство реченій лексикологическое основывается на членораздѣльныхъ звукахъ, или гласныхъ и согласныхъ, служащихъ къ соединенію впечатлѣній и ощущеній въ одно цѣлое выраженіе мысли. Между

---

reliquias ejus esse in linguis omnibus. — *Leibnitii* observ. variæ de linguis et origine vocabulorum въ Felleri monumentis ineditis; Ien. 1718.

гласными и согласными существуетъ извѣстное сродство, какъ мы уже замѣчали; а потому и переходъ одной изъ нихъ въ какую-либо другую имѣетъ также опредѣленное основаніе: по-видимому несходныя между собою реченія принадлежатъ къ одному корню, на основаніи постояннаго измѣненія гласныхъ и согласныхъ. Сходство же самихъ буквъ естественно зависитъ отъ образованія органовъ, служащихъ къ ихъ произношенію. Оно существуетъ и въ реченіяхъ одного какого-либо языка, и въ словахъ различныхъ, но однородныхъ языковъ. Причины этого рода сходства *физическія*, основанныя на стихіяхъ, всѣмъ языкамъ общихъ. Такъ звуки, произносимые одними и тѣми же орудіями, переходятъ одинъ въ другой: *βιβλια* и biblia, frater и bruder, око и Auge. Въ Русскомъ языкѣ особенно замѣчательны музыкальные переходы одного звука въ другой сродный: тонкимъ согласнымъ — *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, *ц*, соотвѣтствуютъ твердыя: *п*, *ф*, *х*, *т*, *ш*, *с*, *ч*. Въ произношеніи мы часто одну изъ мягкихъ замѣняемъ соотвѣтственною твердою. Такъ въ нѣкоторыхъ областяхъ у насъ вмѣсто *ц* употребляютъ *ч*, и *ц* вмѣсто *ч*. Даже, по образованію органа голоса, *г* переходитъ въ производныхъ реченіяхъ въ *ж*, или *з* въ *ж*; соотвѣтственныя тонкимъ твердыя измѣняются въ томъ же самомъ порядкѣ. Реченія — Богъ, гроза, переходятъ въ другія: Божій, грожу; равно: махать, носить — въ машу, ношу. Здѣсь мягкимъ звукамъ: *г* и *ж*, или *з* и *ж*, соотвѣтствуютъ твердые: *х* и *ш*, или *с* и *ш*.

Сродство, основанное на строеніи реченій, можетъ служить болѣе вѣрнымъ доказательствомъ близкаго сродства языковъ; но и тутъ потребна величайшая осторожность. Этимъ родомъ сравненія также нельзя со всею точностью опредѣлить сте-

пени сходства двухъ языковъ; можно только показать, что они не совсѣмъ одинъ другому чужды. Предъидущія изслѣдованія стихій и строенія слова удостовѣрили насъ въ единствѣ основныхъ законовъ во всѣхъ языкахъ; но для заключенія о прямомъ происхожденіи одного языка отъ другаго потребны свидѣтельства историческія.

Сходство грамматическихъ формъ служитъ весьма важнымъ свидѣтельствомъ сродства языковъ. Если мы видимъ тожество во внутреннемъ устроеніи двухъ языковъ; если склоненія и спряженія одинаковы въ составѣ своемъ и имѣютъ сходныя окончанія; если къ этому присоединяется вышеупомянутый законъ отношенія звуковъ: то рѣшительно можемъ заключать о прямомъ сродствѣ языковъ. Чѣмъ болѣе открываемъ одинаковыхъ звуковъ, какъ въ главныхъ слогахъ реченій, такъ и въ формахъ грамматическихъ, тѣмъ большее сходство можетъ быть выведено между сравниваемыми языками.

При такой невѣрности изслѣдованій словопроизводства, Джонесъ утверждаетъ, будто нѣтъ никакихъ правилъ въ производствѣ словъ. Это значитъ то же, что утверждать отсутствіе правилъ мышленія: а языкъ представляетъ внѣшнюю сторону мышленія. Напротивъ, въ наше время ученые Фр. Шлегель, Раске, Линде, глубокими изслѣдованіями своими открыли истинныя основанія словопроизводства.

Кромѣ показанныхъ условій сходства, замѣчаемаго въ языкахъ, есть еще особенныя, зависящія отъ сношеній одного народа съ другимъ. Исторія указываетъ намъ на шумныя переселенія народовъ и переходы ихъ изъ одной страны въ другую, до утвержденія осѣдлости; вмѣстѣ съ ними странствовали и слова. Сверхъ того промышленность и тор-

говля, съ мѣною издѣлій и товаровъ, мѣняли слова и выраженія одного нарѣчія на слова и выраженія другаго. Много словъ встрѣчаемъ, одинаково отзывающихся почти во всѣхъ языкахъ, по-видимому переходившихъ изъ устъ въ уста, изъ одного края въ другой, какъ вещи необходимыя и вмѣстѣ съ тѣмъ ручныя. Такъ Вѣра, науки, искусства приносятъ съ собою слова, которыя служатъ историческими указателями, кому обязанъ какой-либо народъ свѣтомъ Христіанства и распространеніемъ полезныхъ знаній. Но есть коренныя слова, которыхъ народы не заимствуютъ другъ у друга; не смотря на это, коренныя слова во всѣхъ языкахъ очень сходны. Такъ ни одинъ народъ не перенимаетъ у другаго словъ для названія себя самого, того лица, которому мы говоримъ, или того, о которомъ говоримъ; не заимствуетъ также главнаго слова въ рѣчи, связи всякаго предложенія: однако и глаголъ *есмь*, и *личныя мѣстоименія* во всѣхъ языкахъ представляютъ разительное сходство. Сюда причислить должно и тѣ реченія, которыми выражаетъ человѣкъ внутреннія движенія духа своего — способъ, которымъ онъ объемлетъ окружающіе предметы. Этого рода реченія большею частію сходны во всѣхъ языкахъ; потому что они проистекаютъ изъ одного источника — духа человѣческаго, въ которомъ отражается окружающая человѣка природа.

Такимъ образомъ коренныя слова и реченія первой необходимости составляютъ собственно основаніе языка; между ними по преимуществу искать должно реченій сходныхъ, при сравненіи одного языка съ другимъ. Но и въ этихъ реченіяхъ сравненія должно дѣлать со всею осмотрительностію: не рѣдко принимали кажущееся съ

перваго взгляда сходство за настоящее и подлинное. — Сюда принадлежатъ самопроизвольные толки этимологіи, которая, не смотря на доказательства историческія, ей противорѣчащія, смѣло разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія въ языкахъ, переставливаетъ буквы, обрѣзываетъ слоги, кромсаетъ цѣлыя реченія, лишь бы только по-своему объяснить какое-либо слово. Съ другой стороны, есть слова, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно различными, между тѣмъ какъ имѣютъ существенное взаимное отношеніе.

При изслѣдованіяхъ сродства языковъ должно обращать вниманіе на различные ихъ періоды. Языкъ принимать можно за органическое существо, одаренное жизнію: онъ также превращаетъ въ свое собственное бытіе элементы, для него необходимые, придавая имъ опредѣленные образы. Какъ органическія существа, языкъ растетъ, созрѣваетъ, разлагается и послѣ себя оставляетъ другія нарѣчія. Это послѣдовательное развитіе, похожее на развитіе жизни въ тѣлахъ органическихъ, происходитъ равно по опредѣленнымъ законамъ. Восходя къ древнѣйшимъ языкамъ, и разсматривая ихъ строеніе, мы находимъ одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ слѣдующій: *существенное богатство языковъ, вмѣсто возрастанія, съ теченіемъ времени уменьшается.* Это основное свойство языковъ оказывается общимъ и въ отношеніи лексикологическомъ, и въ отношеніи грамматическомъ. Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ древность языка или цѣлаго семейства языковъ, тѣмъ болѣе находимъ словъ гармоническихъ, звучныхъ гласными. Напротивъ, чѣмъ ближе къ себѣ разсматриваемъ исторію тѣхъ же языковъ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ ихъ бѣдными въ этомъ отно-

шенія; звучныя гласныя смѣняются полугласными; мягкія согласныя переходятъ въ твердыя; двоегласныя сокращаются. Отъ того и слова съ теченіемъ времени теряютъ полноту, благозвучность. Такимъ образомъ цѣлые языки болѣе и болѣе лишаются могущества прельщать слухъ, потрясать душу; они начинаютъ служить только возобновленіемъ въ умѣ представленій и понятій — не образами, а знаками. Такъ н. п. изъ Греческаго слова *ἐλεημοσύνη* составлено Латинское eleemosyna; отсюда Французское реченіе — сперва almosne, потомъ aumône, и Англійское alms. Гдѣжъ прежняя полнота и звучность этого слова? Тоже усматриваемъ и въ отношеніи грамматическомъ. Языкъ и въ формахъ въ послѣдствіи времени бѣднѣетъ, лишаясь богатства или въ окончаніяхъ, или въ составѣ. Исторія языковъ всегда представляетъ извѣстную эпоху, когда они бываютъ изобильны, сильны; когда всѣ измѣненія мысли могутъ выразиться измѣненіями корня; когда самые корни различными сочетаніями образуютъ сложныя реченія для выраженія сложныхъ картинъ. Но эта пора проходитъ — и языкъ мало по малу теряетъ свои преимущества: въ немъ исчезаютъ всѣ оттѣнки падежей, временъ, наклоненій, лицъ; тогда входятъ въ употребленіе члены, вспомогательные глаголы, предлоги: тогда становится нужно выражать лишнимъ словомъ то, для чего прежде бывало достаточно простой перемѣны въ окончаніи. Таковы перемѣны въ языкахъ, происшедшихъ отъ Латинскаго. Римлянинъ говорилъ: amabor; здѣсь *b* служитъ признакомъ будущности, *o* — перваго лица, а *r* показываетъ залогъ страдательный. Въ языкахъ Романскихъ три буквы замѣняются тремя словами. Подобныя

измѣненія мы замѣчаемъ въ древнемъ Эллинскомъ языкѣ и нынѣшнемъ Греческомъ, въ языкѣ Зороастра и нынѣшнемъ Персидскомъ, въ Санскритскомъ и Индѣйскомъ нашего времени, въ древнемъ Тевтонскомъ и Нѣмецкомъ, въ Скандинавскомъ, сохранившемся въ Исландіи, и нынѣ употребительномъ Шведскомъ, Датскомъ и Норвежскомъ, въ Славянскомъ и нашемъ Русскомъ. Всѣ новыя нарѣчія должны уступить древнимъ родственныхъ нарѣчіямъ въ полнотѣ словъ, силѣ и благозвучіи (*).

Это заключеніе съ перваго взгляда можетъ показаться несогласнымъ съ мыслію объ усовершенствованіи человѣческомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что умъ нашъ непрерывно совершенствуется въ знаніяхъ; но съ распространеніемъ знаній и съ зрѣлостью размышленія, человѣкъ теряетъ прелести перваго возраста, когда мы живемъ вдохновеніемъ; мужество, знакомясь съ философіею, оставляетъ поэзію. Тоже самое происходитъ съ словомъ: оно, при распространеніи знаній, въ вѣкѣ народнаго мужества, лишается полноты и пріятности юношеской; но съ потерею вещественной красоты, пріобрѣтаетъ большую точность и опредѣленность; становясь не столь способнымъ къ изображенію картинъ поэтическихъ, оно лучше выражаетъ глубокія отвлеченія и многосложныя соображенія; богатство грамматическихъ формъ и благозвучіе реченій замѣняются изящными оборотами рѣчи. Короче, каждый языкъ, выигрывая въ обиліи, согласно съ обиліемъ знаній, теряетъ многое въ силѣ и благозвучіи.

(*) См. *Ampère* — Litterature et voyages. Paris. 1833.

И такъ сродство языковъ имѣетъ основные законы въ самомъ разумѣніи, которое, по одинакому устройству органовъ человѣческаго голоса, облекается въ слово, состоящее изъ опредѣленныхъ звуковъ, но различающееся по мѣсту и времени. Отъ того происходятъ всѣ различія языка первоначальнаго; отъ того же встрѣчаемъ измѣненія и каждаго языка, порознь разсматриваемаго, въ различныхъ періодахъ жизни его народа.

Чтожъ скажемъ о сродствѣ нашего языка съ другими языками, Азіатскими и Европейскими? — Богемецъ Геленій (*), жившій въ половинѣ XVI вѣка, прежде всѣхъ сравнивалъ Славянскій языкъ съ Греческимъ, Латинскимъ и Нѣмецкимъ. Послѣ него Френцель (**) писалъ о началѣ языка Сербскаго, употребляемаго въ Лузаціи, сравнивая его съ Еврейскимъ, Греческимъ и Латинскимъ. Фришъ, въ Исторіи Славянскаго языка, и Ире, въ предисловіи къ Шведско-Готоскому глоссарію, также замѣчали сходство Славянскаго языка съ Греческимъ. Тоже сходство можно видѣть въ Палласовомъ сравнительномъ Словарѣ, составленномъ по начертанію Екатерины II (***). Левекъ, въ предисловіи къ Россійской Исторіи, почитаетъ Славянскій языкъ родственнымъ Латинскому, а въ примѣчаніяхъ къ переводу своему Ѳукидида находитъ сходство Славянскаго языка съ Греческимъ. Указанія Карамзина, въ его Исторіи, всѣмъ извѣстны.

(*) *Λεξικὸν σύμφωνον*, Basileæ, 1544. (**) De originibus linguæ Sorabicae, 1693 — 95. (***) Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей Особы. С.-Петербургъ, 1787, 2 т., въ 4. — J. C. *Adelung* Mithridates, oder allgemeine Sprachkunde; Berlin, 1816 — 1817.

Въ концѣ истекшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, многіе ученые обращали вниманіе на сродство Европейскихъ языковъ съ Славянскимъ: Денина (*), Грефъ (**), Аделунгъ, въ своемъ Митридатѣ, Клапротъ (***), Мальтебрюнъ, Шлецеръ (****), Фатеръ (*****), Линде, Юнгманнъ. Сходство Русскаго языка съ Санскритскимъ и древне-Индѣйскимъ указываютъ Леванда, Михановичь (******), Маевскій, Боппъ.

Замѣчательны для насъ изслѣдованія Экономида (*). Они приводятъ къ заключенію, что Славянскій языкъ потомокъ языка Ѳрако-Пеласгійскаго, родственнаго тому языку, которому удивляемся мы въ твореніяхъ Омира и Платона. Эйхгофъ (**) доказываетъ, что эти Ѳракійцы, или Пеласги, самые поздніе выходцы изъ Азіи, первоначальнаго, общаго всѣмъ народамъ отечества, болѣе другихъ сохранившіе его искусства; они-то перенесли въ Грецію и Италію образованность свою, измѣненную отъ сношеній съ Финикіею и Египтомъ.

Вообще изслѣдованія корней Греческаго и Латинскаго языка, сдѣланныя въ наше время открытія касательно нарѣчій и древностей Азіи, наконецъ знакомство съ литературой Санскритской —

(*) La clef des langues de l'Europe, 1820. (**) Commentatio, qua lingua Græca et Latina cum Slavicis dialectis in re Grammatica comparantur. Petropoli, 1827. (***) Asia polyglotta. (****) Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1771. (*****) Ueber die Thracische Sprachklasse. (******) Archir für Geschichte, Statistik, Litteratur und Kunst. Wien, 1823.

(*) Опытъ ближайшаго сродства Славяно-Россійскаго языка съ Греческимъ.

(**) Parallèle des langues de l' Europe et de l' Inde. — Fr. *Bopp* Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Littauischen, Slavischen, Russischen, Gothischen und Deutschen. Berlin, 1837. 3 Bde.

все это ведетъ насъ къ заключенію, что нарѣчія, распространившіяся изъ Месопотаміи, суть различныя отрасли одного и тогоже *языка первобытнаго*. Успокоиваетсся умъ единствомъ и постоянствомъ законовъ, какъ вокругъ себя, такъ и въ себѣ самомъ, когда убѣждаемся въ томъ, что всѣ народы, разсѣянные въ разныхъ частяхъ свѣта, узнаютъ первородное родство свое по языкамъ, выражающимъ ихъ мысли.

На основаніи законовъ сродства языковъ, въ исторіи отечественнаго языка мы различаемъ сродство *аналитическое* и *синтетическое*, отъ вліянія народовъ, съ которыми мы имѣли сношенія. Такъ Нордманны, вмѣстѣ съ своими обычаями, учрежденіями, принесли къ намъ и слова. Реченія: *рядъ, костеръ, котелъ, сѣно, градъ, торгъ, молоко* и другія, находимъ въ языкахъ Исландскомъ, Датскомъ, Шведскомъ и Фризскомъ, или Сѣверо-Германскомъ. Здѣсь одно только сродство лексикологическое. Несравненно большая перемѣна произведена была въ языкѣ предковъ нашихъ переводомъ Библіи, при введеніи въ отечествѣ нашемъ Христіанской Вѣры. Переводчики прелагали Священныя книги съ сохраненіемъ оборотовъ Греческаго языка и иныхъ словъ подлинника. Этотъ церковный языкъ долгое время почитался образцомъ книжнаго языка. Отъ того съ Греческимъ языкомъ нашъ имѣетъ сродство и аналитическое, и синтетическое.

Вліяніе языка Монголовъ было слабое: нѣкоторыя слова ихъ вошли въ нашъ языкъ, но не замѣнили Русскихъ. Они большею частію относятся къ одеждѣ, оружію, домашней утвари, н. п. *кушакъ, колчанъ, стаканъ*; а названія нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ камней заимствованы изъ восточныхъ языковъ вмѣстѣ съ самыми драгоцѣнностями,

п. п. Арабскія *алмазъ, яхонтъ, топазъ*; Персидскія: *бюрюза*, *изумрудъ*.

Послѣ паденія Греческой Имперіи, воскормившей насъ Вѣрою, науками и искусствами, мы стали искать пособій на Западѣ. Безпрестанныя сношенія съ Польшею, владычество Поляковъ въ Югозападной Россіи, старанія Римскихъ Католиковъ обратить народъ, имъ подвластный, къ Уніи, и привлекательная сила образованности — все это содѣйствовало вліянію Польскаго языка на языкъ Русскій, продолжавшемуся съ XVI вѣка до начала XVIII. Въ это время въ училищахъ нашихъ введенъ былъ образъ ученія, господствовавшій въ Польшѣ: науки большею частію преподавались на Латинскомъ языкѣ. Отсюда въ нашемъ отечественномъ языкѣ семнадцатаго и первой половины истекшаго столѣтія находимъ синтетическое сродство съ Латинскимъ.

Въ царствованіе Петра Великаго, со введеніемъ къ намъ новыхъ познаній и обычаевъ, съ преобразованіемъ сухопутной и созданія морской военной силы, съ устроеніемъ новой системы Государственнаго управленія, вошли въ нашъ языкъ многія слова Голландскія, Англійскія, Шведскія, Нѣмецкія и Французскія: отъ того Словарь нашъ испещренъ иностранными реченіями. Тутъ сродство аналитическое.

Ломоносовъ ознаменовалъ начало Русской Поэзіи и Русскаго Краснорѣчія, отдѣливши и Русскій языкъ отъ Церковнаго. Очищеніе этого языка, образованіе новой *народной* рѣчи принадлежитъ Карамзину (*).

Синтаксисъ въ особенности представляетъ исторію мысли народной; это развитіе народнаго

(*) О степени сходства нашего отечественнаго языка съ соплеменными Славянскими нарѣчіями можно читать *Добровскаго*, *Копитара*, *Шафарика*, также *Каченовскаго*

характера подъ вліяніемъ религіознымъ, гражданскимъ и умственнымъ, высказаннаго самимъ народомъ и краснорѣчивѣйшими его представителями. Наблюдайте рѣчь нашу отъ XII вѣка до XVI: это искусственная рѣчь Греческая. Лѣтопись *Несторова*, Посланія Митрополита *Никифора* къ Владиміру Мономаху, Житіе Св. Петра, написанное *Кипріаномъ*, представляютъ тѣ самые обороты, которые читаемъ въ переводѣ Библіи: безпрестанное повтореніе словъ *есть* и *суть*, безпрестанныя причастія, безпрестанные союзы *а*, *и*. Собственно Русская рѣчь, въ продолженіе этого времени, вылетала только изъ груди Русской *пѣснію* или *пословицею*; она также видна въ *грамматахъ*. Какая разность въ рѣчи *Курбскаго!* Въ немъ видимъ строгое соблюденіе оборотовъ Латинскихъ. То же встрѣчаемъ и у *Кантемира*. Простодушно и остроумно онъ умѣетъ сочетать воображеніе и разумъ, поэтическія вдохновенія съ мыслями философическими, молніею сверкающими; но все еще боится говорить, какъ говорили Русскіе безграмотные, сохранившіе родную рѣчь: онъ вездѣ силится наблюдать правила Латинскаго языка (*).

и *Востокова* въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности; *Кеппена* — въ Матеріалахъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. С. П. 1325 — 26; *Блумбергера* — въ Вѣнскомъ Журналѣ: Jahrbücher der Litteratur; *Круга* — въ сочиненіи: Versuch zur Aufklärung der Byzantischen Chronologie. Petr. 1820, in 8°.

(*) См. Русскіе въ пословицахъ — *Снегирева*, и о народныхъ пѣсняхъ — *Глаголева*. О старинныхъ памятникахъ письменности нашей можно справиться съ изслѣдованіями *Погодина*: О происхожденіи Руси, 1825, и въ переводѣ Добровскаго Критическаго опыта о Кириллѣ и Меѳодіи, 1825; К. *Калайдовича*: Тр. Общ. Л. Р. С. 1822; Н. *Полеваго*: въ Исторіи Русскаго народа; П. *Строева*: въ Журналѣ М. Н. Пр.

Этотъ Греко-Латинскій, или Славяно-Церковный Синтаксисъ преобразуется въ устахъ *Ломоносова.* Онъ уже отдѣляетъ самородныя свойства языка нашего отъ чужеземной примѣси; но, подражая ораторамъ и поэтамъ Римскимъ, невольно облекается въ Римскую тогу; и его строеніе рѣчи отзывается строеніемъ рѣчи Цицероновской.

Наконецъ *Карамзинъ* прислушивается къ рѣчи народной; живописную, многосложную рѣчь, назначенную для Римскаго вѣча, раздробляетъ онъ въ отрывистую рѣчь Русскихъ пословицъ и поговорокъ: и мы отъ него въ первый разъ услышали рѣчь родную; въ первый разъ рѣчь, снявши Римскія латы и щитъ, облеклась въ просторное, безъискусственное народное одѣяніе. Умъ, начавшій думать посвоему, началъ и выражаться по-Русски. Отъ того рѣчь стала проста, свѣтла, прозрачна. Правда, она иногда увлекается формами тѣхъ иностранныхъ языковъ, изъ которыхъ черпаетъ новыя мысли; но скоро исправляется, скоро попадаетъ на ладъ отечественный.

Эти главные моменты исторіи нашего языка указываютъ намъ на сродство его аналитическое и синтетическое съ другими языками, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ народовъ. При всѣхъ измѣненіяхъ, онъ болѣе прочихъ собратій своихъ сохранилъ Славянскую самостоятельность, и менѣе принялъ чуждой примѣси.

Такъ языкъ и въ отношеніи къ строенію представляетъ существо органическое, одаренное жизнію: онъ, подобно всѣмъ органическимъ существамъ, превращаетъ въ свое собственное бытіе элементы, для него необходимые, растетъ, созрѣваетъ, разлагается на другія нарѣчія.

Чтеніе шестое.

Отличительныя свойства языковъ, выражающія характеръ народа, степень образованности, климатъ и страну. — Отличительныя свойства Русскаго языка.

Не смотря на единство стихій слова, въ каждомъ языкѣ отражается окружающая человѣка природа, видѣнъ внутренній человѣкъ. Наоборотъ, имѣя историческія данныя свидѣтельства о странѣ, оглашаемой тѣмъ или другимъ языкомъ, вмѣстѣ съ народами сосѣдственными, при данныхъ свидѣтельствахъ о времени существованія языка, можемъ съ достовѣрностью говорить о степени его превосходства. Взгляните на Востокъ, колыбель рода человѣческаго: тамъ выраженія свѣжихъ чувствованій младенчествующаго человѣчества, восторга и благоговѣнія запечатлѣны райскою страною кедровъ Ливанскихъ. Человѣкъ въ умилительномъ благодареніи Создателю и Промыслителю вселенной, привѣтствуя окружающую его природу, сливался съ тѣми предметами, которые особенно поражали его чувства и влекли къ себѣ его вниманіе. Отъ того въ языкахъ первыхъ обитателей земли господствуетъ одушевленіе видимой природы; тогда все представлялось отраженіемъ одной общей жизни; обиліе въ словахъ міра физическаго, простота въ строеніи, преимущество звуковъ гортанныхъ — звуковъ радости и удивленія. Человѣкъ въ первомъ развитіи мыслящей способности, обращенной къ видимой природѣ, болѣе созерцалъ, нежели предавался размышленію о себѣ самомъ — болѣе чув-

ствовалъ, нежели отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ чувствованіяхъ.

Не таковъ языкъ Греціи, изъ всѣхъ благозвучнѣйшій, совершеннѣйшій. Освобожденное отъ гіероглифовъ Египетскихъ слово, подъ свѣтлымъ небомъ Аркадіи, на высотахъ Олимпа, на цвѣтущихъ берегахъ Алфея, въ періодѣ пробужденія народности, излилось изъ устъ Грека, какъ цѣлое твореніе міра, какъ живопись видимой природы, какъ игра внутренней жизни. Тщетно станемъ искать въ восточныхъ языкахъ обилія, равняющагося природѣ, и гибкой сочетаемости, силы и выразительности, живописности и благозвучности Греческаго языка, на которомъ въ Академіи и Портикѣ объяснялись науки и искусства. Если на Востокѣ начинается исторія рода человѣческаго: то въ Греціи начинается исторія любомудрія, развившагося въ системахъ наукъ. Высокою степенью образованности своей обязанъ Греческій языкъ также счастливому стеченію обстоятельствъ, способствовавшихъ развитію умственной жизни народа. Совершивъ назначеніе свое, Греки далеко опередили современниковъ, оставивъ и намъ богатое наслѣдство мыслей.

Обратимся къ Римлянамъ, занимающимъ первое мѣсто во всемірной древней Исторіи, къ этому могучему и мудрому завоевателю тогдашняго міра. Языкъ Римлянъ, чадо Греческаго, запечатлѣнъ силою и властію народа-повелителя. На немъ самый разумъ писалъ законы, пережившіе и славу побѣдителей народовъ, и развалины Капитолія. Столь могущественно слово разума! Въ этомъ языкѣ нѣтъ богатства и роскоши Греческаго; нѣтъ той разнообразной гармоніи, которая сливалась изъ различныхъ нарѣчій Эллиновъ; но, въ замѣну этого,

онъ кратокъ и силенъ, какъ важенъ и могущественъ народъ, на немъ говорившій, искушенный и счастіемъ, и бѣдствіями.

Что сказать о языкахъ новыхъ образованныхъ народовъ? Британцы, богатые сокровищами Индіи, должны сознаться въ скудости разноплеменнаго языка своего, при сравненіи съ Греческимъ и Латинскимъ. Языкъ Французскій, бѣдный, но выработанный писателями, уступаетъ въ обиліи Италіянскому, въ силѣ Испанскому и Португальскому. Но всѣ они, нѣжные и прекрасные, какъ страны, въ которыхъ расли и созрѣвали, не обнимаютъ природы во всемъ ея разнообразіи. Въ этомъ отношеніи высшую степень занимаетъ Нѣмецкій языкъ, особливо съ того времени, какъ Нѣмецкіе ученые, освободивъ рѣчь свою отъ чужеземнаго вліянія, начали въ собственной сокровищницѣ искать своеземныхъ богатствъ. Языки Шведскій и Датскій не могутъ равняться въ обиліи и силѣ съ Нѣмецкимъ; они только справедливо похваляются предъ нимъ бо́льшею мягкостью и благозвучностью.

Какой же языкъ въ новомъ мірѣ можетъ состязаться съ языками Димосѳена и Цицерона? На рубежѣ двухъ частей свѣта, или лучше, двухъ различныхъ міровъ, живетъ поколѣніе многочисленное, считающее себѣ, сколько запомнить можетъ, болѣе тысячи лѣтъ жизни, состоящее изъ многихъ родственныхъ племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя смѣшались съ чужеземцами и переняли ихъ образъ выраженія, сохранило обильный, могучій и звучный языкъ предковъ — языкъ древнихъ Славянъ, который, въ совокупности съ Вѣрою, служитъ единственною связью народовъ единоплеменныхъ, хотя подъ разными скипетрами живущихъ. Одна отрасль его отъ Венеціанскихъ и Тирольскихъ

предѣловъ простирается по Восточному берегу Адріатическаго моря къ Албаніи; другая идетъ на Сѣверъ къ Балтійскому морю, за Вислою соединяясь съ отраслью Восточною, которая продолжается до Ледовитаго Океана; оттолѣ расширяется къ Алеутскимъ островамъ и Сѣверной Америкѣ, на Востокѣ касаясь Китая, а на Югѣ Чернаго моря. Въ Восточной отрасли этого языка-исполина первенствуетъ языкъ *Русскій*. Этотъ языкъ, разнообразный, какъ страны, имъ оглашаемыя — сильный, какъ народъ, на немъ говорящій, представляетъ богатства и наслѣдственныя отъ предковъ, и пріобрѣтенныя отъ чуждыхъ народовъ, и друзей нашихъ, и враговъ. Въ немъ Греція въ залогъ православной Вѣры, озарившей насъ благотворнымъ свѣтомъ своимъ, оставила выраженія религіозныя, ученыя, даже самое словопостроеніе. Въ немъ мимоходомъ заброшено нѣсколько реченій разгульными Монголами, положившими головы свои на нашихъ обширныхъ поляхъ и степяхъ. Въ немъ звучатъ художественныя реченія новыхъ Европейскихъ языковъ съ тѣхъ поръ, какъ Геній Россіи, подобно Промеѳею, возжегъ въ ней пламя наукъ и искусствъ.

Этотъ бѣглый взглядъ на языки просвѣщенныхъ народовъ древняго и новаго міра исторически убѣждаетъ насъ въ той истинѣ, умозрительно выведенной изъ значенія слова, что языки, не смотря на *единство начала своего и построенія*, представляютъ *различіе*: во первыхъ, отъ *предметовъ* внѣшней и внутренней жизни народовъ; во вторыхъ, отъ *представленія предметовъ* въ нашемъ сознаніи, и въ третьихъ, отъ *стихій звуковъ*, служащихъ проявленіемъ отражаемыхъ въ сознаніи предметовъ. Мѣсто, занимаемое народомъ, время

его существованія, сосѣдство и сношенія съ другими народами, степень развитія умственной жизни — все это дѣйствуетъ на преимущественное развитіе одного изъ дѣятелей нашего духа. Различныя степени этого развитія опредѣляютъ степень превосходства одного языка предъ другимъ въ отношеніи къ *обилію*, *силѣ* и *изяществу* въ благозвучіи. Первое свойство принадлежитъ къ объему языка, другое — къ его внутреннему содержанію; въ третьемъ выражается сознаніе, объемлющее собою всю природу.

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности этихъ свойствъ, общихъ всѣмъ языкамъ, и приложимъ ихъ къ языку отечественному. Такое изслѣдованіе покажетъ намъ сокровища наши — состояніе, въ какомъ эти сокровища находятся, и какой обработки они ожидаютъ. Не станемъ ослѣплятъся мнимымъ совершенствомъ языка нашего во всѣхъ отношеніяхъ; напротивъ, совершенство достигается познаніемъ и исправленіемъ недостатковъ.

Начнемъ съ обилія языка. Мысль наша слагается изъ воззрѣній и понятій, равно какъ жизнь раждается изъ взаимнаго прониканія духовнаго съ вещественнымъ. Слово представляетъ не простое изображеніе чувствованій, не одно означеніе видимыхъ предметовъ, но совокупность тѣхъ и другихъ; въ каждомъ реченіи заключается и видѣнный образъ, и произведенное въ насъ этимъ образомъ впечатлѣніе. Слово, ясно изображая внѣшнюю и внутреннюю жизнь нашу, можетъ служить народною космогоніею. Съ раскрытіемъ разумѣнія представляются намъ два міра: вещественный, или физическій, и духовный, или идеальный. Въ мірѣ словъ, вмѣщающемъ въ себѣ оба міра, и физическій

и идеальный, должно различать также двухъ родовъ реченія: одни, относящіяся къ чувственнымъ предметамъ, или къ міру видимому, другія, заключающія въ себѣ выраженіе дѣйствій духа, произведеніе собственной его дѣятельности. Первое обиліе называютъ *внѣшнимъ*, второе — *внутреннимъ*.

Что касается до внѣшняго обилія, то языкъ, на которомъ издавна говорятъ милліоны — языкъ народа, находящагося въ сношеніяхъ съ другими народами, обильнѣе языковъ, неимѣющихъ этихъ преимуществъ. И древность, и многолюдство народа составляютъ одно изъ отличительныхъ свойствъ прародителя языка нашего — Славянскаго, котораго отголосокъ слышимъ мы въ языкѣ нашемъ Церковномъ: изъ него мы переносимъ богатства въ нашъ новый языкъ, какъ свою собственность. По причинѣ необъятнаго пространства, оглашаемаго Русскимъ языкомъ, и многихъ племенъ, говорящихъ различными нарѣчіями одного кореннаго языка, Славянскаго, мы можемъ похвалиться обиліемъ реченій видимаго міра. Многія иностранныя слова укоренились въ языкѣ нашемъ; въ нихъ можно различить историческія эпохи сношеній народныхъ. Слова, относящіяся къ изображенію климата, страны, образа жизни, животныхъ, растеній, окружающихъ человѣка — вообще слова видимой природы, при множествѣ областныхъ реченій, составляютъ обиліе, какого въ другихъ языкахъ не находимъ. Но мы должны уступить другимъ народамъ въ богатствѣ словъ относительно торговли, искусствъ, ремеслъ, различныхъ изобрѣтеній, удобствъ и приятностей жизни: этого рода слова мы сами заимствовали у другихъ народовъ, съ которыми имѣли торговыя сношенія, или которые упредили насъ въ изобрѣтеніяхъ.

Другой родъ словъ, относящихся къ міру духовному, или къ явленіямъ, въ насъ самихъ происходящимъ, къ наблюденіямъ надъ самими собою — этотъ языкъ мышленія у насъ скуднѣе языка чувственнаго, созерцательнаго. Слова собственно Психологическія доселѣ не имѣютъ опредѣленныхъ значеній. *Умъ*, *разумъ*, *разумѣніе*, *смыслъ*, *разсудокъ*, *мысль* и подобныя реченія разными писателями различно принимаются. Въ этомъ родѣ словъ мы еще нуждаемся, и только со временемъ можемъ сравниться съ народами, упредившими насъ въ просвѣщеніи. Языкъ, не имѣющій любомудрія со всѣми частями его — на которомъ еще не выразились вполнѣ всѣ науки — такой языкъ не можетъ хвалиться ни точностью, ни опредѣлительностію, ни ясностью. Столь сильно дѣйствуютъ мысли на языкъ! Одно занятіе науками и изложеніе ихъ на отечественномъ языкѣ можетъ пополнить этотъ ощутительный недостатокъ.

Бѣдность языка философскаго вознаграждается обиліемъ иносказаній: и нашъ языкъ иносказательный представляетъ сокровища для живописи поэзіи. Рѣчь наша отъ богатства иносказательнаго языка болѣе оживлена, нежели рѣчь другихъ языковъ: у насъ вѣтеръ *воетъ*, дорога *лежитъ*, лугъ *стелется*, дубрава *шумитъ*, морозъ *трещитъ*, дождь *идетъ*, снѣгъ *валитъ*, колоколъ *гудитъ*. Въ этомъ-то родѣ реченій и выраженій встрѣчаемъ мы болѣе своихъ идіотизмовъ, каковы: *голубчикъ*, или *свѣтъ мой дорогой*, *приголубить*, *размыкать горе*, *разбить скуку*, *затянуть пѣсню*, *сыграть свадьбу*, *сглазить*, *бить челомъ* и т. п. Въ такихъ выраженіяхъ отражаются или окружающая природа, или нравы и обычаи, или повѣрья и господствовавшія понятія предковъ.

Обратимся къ отличительнымъ свойствамъ измѣненій нашихъ частей рѣчи въ *произведенiи* и *составленiи* словъ. Въ нашемъ языкѣ, какъ во всѣхъ коренныхъ языкахъ, производство именъ существительныхъ свободное. Мы производимъ и составляемъ ихъ изъ другихъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ, равно изъ глаголовъ, придавая извѣстныя окончанія, соотвѣтственныя значенію, по свойству языка. Изъ этого свойства наши слова: *голубоокій*, *громовержецъ*. Сверхъ того мы имѣемъ въ языкѣ своемъ особенное отличительное свойство Славянскихъ нарѣчій, выражать составныя слова посредствомъ прилагательныхъ — мы говоримъ: *ястребиные глаза*, вмѣсто Греческаго реченія — *ястребоокій*. Въ сложныхъ и производныхъ реченіяхъ особенно обнаруживается геній Русскаго языка. Часто отъ одного слова расплoжается ихъ цѣлое племя, и всѣ они какъ бы знакомыя и родныя. Корни всѣхъ производствъ сохраняются въ собственныхъ нѣдрахъ языка — въ языкѣ Церковномъ, между тѣмъ какъ корни языковъ, происшедшихъ отъ Латинскаго, потеряны въ этомъ мертвомъ ихъ прародителѣ. Такъ называемыя *отечественныя* имена наши встрѣчаются только въ древнихъ языкахъ. *Увеличительныя* и *уменьшительныя* разнаго вида, какъ-то: привѣтственныя, уничижительныя, также составляютъ одно изъ особенныхъ свойствъ нашего языка. Отъ этого именно происходитъ въ языкѣ гибкость, по которой онъ бываетъ способенъ къ важности и игривости, къ величію и нѣжности. Склоненія, одинакія съ Греческими и Латинскими, придаютъ языку гладкость и связность, такія достоинства, которыя не могутъ быть тамъ, гдѣ члены и предлоги, употребляемые въ замѣну падежей, разрыва-

ютъ рѣчь и вредятъ текучести слова. Притомъ въ склоненіяхъ у насъ есть преимущество даже предъ древними: лишніе падежи способствуютъ иногда опредѣлительности и благозвучію.

Прилагательныя имѣютъ степени для сравненія предметовъ, не только для отличенія ихъ отъ другихъ, но и для показанія различныхъ состояній качества въ одномъ и томъ же предметѣ. Мы говоримъ: *бѣлый*, *бѣловатый*, *бѣлехонекъ*, *бѣлѣйшій*, *самый бѣлый*. Этѣ степени имѣютъ одинакую съ древними языками полноту въ отношеніи къ родамъ. Между числительными именами мы имѣемъ особыя, поставляемыя вмѣсто имени и числительнаго количественнаго: *пятокъ*, *десятокъ*. Для указанія на два лица другіе языки имѣютъ два различныя мѣстоименія; но мы можемъ въ одно время различить три и четыре лица мѣстоименіями: *оный*, *сей*, *этотъ*, *тотъ*.

Система глаголовъ нашихъ, основанная на *кратности* дѣйствія, представляетъ гораздо болѣе оттѣнковъ, нежели системы другихъ языковъ, кромѣ Греческаго. Помощію трехъ временъ выражаемъ мы столько различныхъ дѣйствій, что ни въ одномъ языкѣ нельзя найти соотвѣтственныхъ выраженій. Этому способствуютъ различные *виды* одного и того же дѣйствія и ихъ различныя сочетанія. Составленіе глаголовъ съ предлогами есть одно изъ важныхъ отличительныхъ свойствъ языка нашего, отъ котораго зависятъ сила и краткость, достоинства языка Греческаго. Сюда принадлежатъ глаголы начинательные и совершенные. Въ прошедшихъ временахъ мы отличаемъ роды лицъ, чего не находимъ и въ древнихъ языкахъ. Производство глаголовъ отъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и числительныхъ совершенно свободно. Наконецъ причастія и дѣеприча-

[illegible] случаяхъ въ [illegible] рѣчи, особенно періо- [illegible]. [illegible] преимущество [illegible].

[illegible] слова? [illegible] представленія [illegible] чувственныя ощу- [illegible] родовъ, на- [illegible], гибкій въ [illegible], одушевлен- [illegible] — [illegible] совершен- [illegible] мы [illegible] предме- [illegible] недо- [illegible] же [illegible] словъ: недо- [illegible] поня- [illegible] своемъ имѣетъ [illegible] очевидно, и [illegible] извѣстнаго вре- [illegible] совершенствуется [illegible] образованности.

[illegible] совершенства [illegible] необходимо, [illegible] соотвѣтственное [illegible] потребно, чтобъ [illegible] въ значеніи словъ. [illegible] объемъ [illegible] въ сравненіи съ [illegible] во внут- [illegible] и объему [illegible] выразительность [illegible]. Сила языка бы- [illegible] словособирательная, [illegible] значеній словъ и въ опре- [illegible] значенія; *синтети-*

ческая, или словоустроительная, состоящая въ построеніи языка.

Значеніе словъ, сохранившееся въ Церковномъ языкѣ, поддерживаетъ аналитическую силу нашего языка. Что касается до *силы*, зависящей отъ построенія, предъидущія изслѣдованія показали намъ и эту сторону языка нашего. Мы не имѣемъ надобности *въ членахъ* при именахъ, иногда въ *мѣстоименіяхъ* при глаголахъ, въ *предлогахъ* въ замѣну падежей, въ глаголахъ *вспомогательныхъ*, между тѣмъ какъ новые Европейскіе языки слабы, вялы, растянуты отъ того, что исполнены длинными вспомогательными реченіями, членами, подвержены необходимости употребленія мѣстоименій при глаголахъ. Сверхъ того языкъ нашъ любитъ *причастія*, подобно Греческому, и пользуется свободнымъ *словорасположеніемъ*. Исчислимъ главнѣйшія преимущества наши въ *силѣ*.

Связь предложеній, въ другихъ языкахъ изъ глагола *есмь* состоящая, у насъ по бо́льшей части пропускается, равно и мѣстоименія личныя не всегда ставятся при глаголахъ. Прилагательныя, поставляемыя въ видѣ сказуемаго, получаютъ особое окончаніе, усѣченное: свойство языка богатаго, не встрѣчаемое даже и въ древнихъ. Послѣ нѣкоторыхъ числительныхъ употребленіе падежей, то родительнаго единственнаго числа, то родительнаго множественнаго, принадлежитъ къ особенной гибкости языка. Неопредѣленное наклоненіе, поставляемое вмѣсто подлежащаго, есть также одно изъ достоинствъ; впрочемъ эти подлежащія не склоняются, какъ въ Греческомъ, гдѣ есть членъ. Отъ сходства въ этомъ свойствѣ, въ Церковномъ языкѣ находимъ выраженія, совершенно Греческія, переведенныя безъ всякаго измѣненія.

Къ замѣчательнымъ свойствамъ управленія принадлежитъ та особенность языка нашего, что одни и тѣ же слова отъ различнаго значенія получаютъ различное управленіе. Построеніе, зависящее отъ предлоговъ, придающее рѣчи опредѣленность, есть преимущество, общее съ Греческимъ языкомъ, равно какъ и родительный, поставляемый послѣ дѣйствительныхъ глаголовъ, при означеніи части предмета или врѣмени. Сюда относится и управленіе неопредѣленнымъ наклоненіемъ, зависящее отъ различнаго значенія предшествующихъ глаголовъ: показывающіе нравственное дѣйствіе, н. п. желаніе, или другое какое-либо, требуютъ послѣ себя неопредѣленнаго наклоненія; но означающіе дѣйствія физическія не имѣютъ этого свойства. Гладкости способствуетъ свойство языка превращать имена существительныя въ прилагательныя притяжательныя. Вмѣсто существительнаго отглагольнаго полагаемое неопредѣленное наклоненіе, равно причастія, какъ и въ Греческомъ, придаютъ слогу плавность и важность. Дѣепричастія, или причастія усѣченныя, составляютъ одинъ изъ употребительнѣйшихъ оборотовъ.

Обладая столькими преимуществами въ согласованіи и управленіи, Русскій языкъ способенъ ко всѣмъ возможнымъ сочетаніямъ словъ, зависящимъ отъ основныхъ его законовъ. Онъ можетъ хвалиться точною соотвѣтственностью во всѣхъ частяхъ, постоянною аналогіею въ согласованіи, находя въ себѣ самомъ всѣ нужныя вспомоществованія.

При исчисленіи главныхъ отличительныхъ свойствъ языка нашего, обратимъ вниманіе на особенное его преимущество — на возможность различныхъ сочетаній въ словахъ, или *на словорасположеніе*, признакъ полноты словопроизведенія

и словосочиненія. Одно и то же реченіе, поставляемое на разныхъ мѣстахъ въ предложеніи, получаетъ различное значеніе и силу, производитъ различный смыслъ. Словорасположеніе есть одна изъ великихъ тайнъ слога: невѣдающій этой тайны несовершенно умѣетъ писать. Красивыя выраженія и отборныя реченія, поставленныя не на своемъ мѣстѣ, не только не придаютъ сочиненію красоты и прелести, но производятъ сбивчивость и темноту.

У насъ писатели, почерпая мысли изъ Латинской, Нѣмецкой и Французской Словесности, вмѣстѣ съ мыслями непримѣтно переносили въ рѣчь и свойства этихъ языковъ. Иностранный порядокъ прозы и неопредѣленный порядокъ словъ въ стихахъ подали поводъ къ заключенію, что мы не имѣемъ правилъ о расположеніи словъ; всякой пишетъ по-своему. Откуда же извлечь правила? Безъ сомнѣнія, никто не можетъ имѣть въ этомъ права законодателя; употребленіе народа — вотъ источникъ, изъ котораго почерпаемъ всѣ правила языка кромѣ законовъ, общихъ всѣмъ языкамъ.

Исчислимъ главнѣйшія правила нашего словорасположенія, относящіяся къ изящной рѣчи. Мы ставимъ лице прежде дѣйствія и предмета; слова не столько опредѣлительныя впереди словъ опредѣлительныхъ; въ сложныхъ предложеніяхъ и періодахъ слова и члены управляемые возлѣ управляющихъ. Такъ говоримъ: »Мелодоръ представляетъ себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ.« Тутъ напереди лице, потомъ дѣйствіе и послѣ предметъ его; винительный падежъ, какъ болѣе опредѣленный, послѣ дательнаго. »Если разумѣемъ подъ счастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удоволь-

ствіями: то оно невозможно по образованію души нашей.« Въ этомъ примѣрѣ переставить слова, значитъ нарушить ясный порядокъ; зависящій членъ слѣдуетъ за тѣмъ, отъ котораго зависитъ; каждое слово управляемое послѣ управляющаго.

Напротивъ, посмотримъ, хорошъ ли слѣдующій періодъ? »Уже мы, Римляне, Катилину, столь дерзновенно неистовствовавшаго, на злодѣянія покушавшагося, погибелью отечеству угрожавшаго, изъ града нашего изгнали.« Или: »Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину Вѣру исповѣдуетъ, и единою Благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ.« Оба періода не Русскіе: одинъ Латинскій, другой Нѣмецкій. У Нѣмцевъ слова: *что* и *который*, управляютъ глаголомъ, а въ Латинскомъ языкѣ очень часто ставится сказуемое прежде подлежащаго, причастіе и прилагательное послѣ имени. Можетъ быть, скажутъ, что иностранные обороты придаютъ рѣчи нашей величіе и благозвучіе. Сомнѣваюсь: скорѣе можно согласиться, что они запутываютъ предложенія. Если же въ иностранныхъ красотахъ состоитъ богатство языка; то оно походитъ на золото въ рудахъ, которое нужно химически отдѣлять. Иные могутъ указать на однообразіе рѣчи. Но логика приноситъ краснорѣчію жертву, когда разсудокъ покоряется сильному чувству. Въ этомъ случаѣ расположеніе не имѣетъ никакихъ другихъ правилъ, кромѣ сердечныхъ движеній; каждая часть рѣчи можетъ занимать первое мѣсто, если она выражаетъ главное чувство — и что болѣе поражаетъ насъ, то мы и прежде произносимъ. — »Нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!« восклицаетъ сѣтующее сердце; смерть друга сильно потрясаетъ

его — и вмѣстѣ со вздохомъ исходитъ изъ груди роковое слово: умеръ, или нѣтъ его.

Припомню совѣтъ Цицероновъ (*): и стихи должны быть плавными, какъ проза. Правила кажутся несносными только умамъ слабымъ; дарованія не знаютъ въ этомъ никакихъ оковъ. Діонисій Галикарнасскій (**) справедливо называетъ жалкими тѣхъ писателей, у которыхъ нѣтъ хорошаго расположенія словъ. Мысли зависятъ и раждаются одна отъ другой; также и слова должны находиться въ связи одно съ другимъ.

Въ вопросахъ и въ повелительномъ наклоненіи именительный или звательный падежъ слѣдуетъ за глаголомъ; то же и въ предложеніяхъ, которыя начинаются словами: когда, если. При глаголѣ, управляющемъ двумя падежами, позади ставится тотъ, который показываетъ предметъ дѣйствія глагола, будетъ ли предъ нимъ дательный, или другой какой-либо: »Я полюбилъ въ Мелодорѣ мудраго юношу.« Предметъ лица или сказуемое тогда только ставится прежде, когда за подлежащимъ слѣдуетъ вставочное предложеніе.

Если прилагательное, служащее опредѣленіемъ подлежащему или сказуемому, имѣетъ свои дополненія; то оно слѣдуетъ за именемъ: »Филалетъ былъ человѣкъ благородный по душѣ своей.« Сюда принадлежатъ прозванія: Іоаннъ *Грозный*, Петръ *Великій*; прилагательныя, замѣняющія родительный падежъ: »*Вѣкъ Екатерининъ и вѣкъ Александровъ.*«

Труднѣе всего ставить нарѣчія. Но они при глаголѣ то же, что прилагательныя при имени, и потому слѣдуютъ одинакимъ съ ними правиламъ.

(*) Orat. гл. 20.
(**) Гл. 3.

Слова, употребляемыя вмѣсто нарѣчій, занимаютъ ихъ мѣсто. »Природа щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары.« Здѣсь щедрою рукою — вмѣсто »щедро«, и потому передъ глаголомъ. Но если, кромѣ прилагательнаго, встрѣтятся при имени мѣстоименіе и числительное; тогда должно говорить въ томъ порядкѣ, въ какомъ получаемъ понятія. Мы, вдали увидѣвъ нѣсколько предметовъ, сперва указываемъ, потомъ считаемъ и послѣ узнаемъ свойства ихъ; потому и говоримъ: »эти три великіе мужа.« Когда многія нарѣчія будутъ вмѣстѣ; то всѣ, опредѣляющія сказуемое, ставятся послѣ глагола, а прочія прежде его. Притяжательныя мѣстоименія большею частію находятся послѣ имени, если нѣтъ за ними родительнаго падежа.

Для избѣжанія сбивчивости, надобно ставить падежи управляемые возлѣ управляющихъ частей рѣчи. Потому родительный всегда находится при имени управляющемъ, или предлогѣ, или глаголѣ, кромѣ относительнаго мѣстоименія и личнаго въ третьемъ лицѣ: они бываютъ передъ именемъ. Дательный употребляется послѣ винительнаго и творительнаго, когда нужно придать этому падежу болѣе силы, или когда слѣдуетъ за нимъ относительное мѣстоименіе. Творительный падежъ при среднихъ и возвратныхъ глаголахъ, равно при глаголѣ *есть*, то же, что винительный при дѣйствительныхъ: онъ и ставится на мѣстѣ его. »Время дружества нашего всегда будетъ лучшимъ временемъ жизни моей.«

Предлоги съ падежами своими, или дополненія сказуемаго, ставятся послѣ глагола; всѣ прочія слова передъ глаголомъ. »Сократъ бесѣдовалъ о вѣчности. — Здѣсь подлежащее и сказуемое на своемъ мѣстѣ; другія слова на вопросъ когда, гдѣ, должно поставить передъ глаголомъ. Полное предложеніе

будетъ: »Сократъ уже въ послѣдній день, на прагѣ смерти, бесѣдовалъ о вѣчности.«

Вотъ основныя правила о порядкѣ словъ изящной рѣчи нашей, выведенныя изъ употребленія (*). При обозрѣніи главныхъ отличительныхъ свойствъ языка нашего, раждается вопросъ: какія выраженія изъ иностранныхъ языковъ могутъ быть допущены, и гдѣ предѣлы возможности нововведеній въ языкѣ? Держаться ли только книгъ, писанныхъ на Церковномъ языкѣ, или допустить всякое заимствованіе изъ языковъ новыхъ? Употребленіе должно соглашать такія крайности. Знающіе Греческій и Латинскій языки встрѣчаютъ въ старинныхъ книгахъ нашихъ обороты, намъ несвойственные. Прежніе переводчики буквально перелагали слова Греческія и Латинскія на Русскія, сохраняя управленіе, согласованіе и словорасположеніе иностранное; они даже удерживали надстрочные знаки, которые у насъ никакого значенія въ выговорѣ не имѣютъ, каковы: дыхательныя тонкое и густое. Подобныя нововведенія появились и въ переводахъ съ современныхъ иностранныхъ языковъ. Вообще языкъ нашъ до Петра Великаго носитъ на себѣ знаменіе Греческаго языка; послѣ Преобразителя Россіи онъ запечатлѣнъ языками Западными. Понятія народа, который идетъ впередъ на поприщѣ наукъ, расширяются; мысли его требуютъ другихъ формъ: и языкъ непремѣнно измѣняется силою времени и самыхъ понятій. Но откуда новая мысль можетъ заимствовать для себя реченіе или цѣлое выраженіе? Слова имѣютъ отношеніе къ сущности предметовъ: ясно, что между старыми словами не-

(*) См. Труды О. Л. Р. С. Части V, VII, IX, XIV.

льзя искать новыхъ реченій; иначе значило бы искать чего-либо тамъ, гдѣ ничего прежде не было. Обратиться ли къ языкамъ иностраннымъ? Иногда они дѣйствительно подаютъ помощь; но они безсильны выразить то, къ чему не были приготовлены. Чтожъ остается дѣлать въ такомъ случаѣ? Кто хочетъ видѣть, какъ производится распространеніе языка вмѣстѣ съ новыми понятіями, тотъ пусть раскроетъ нашъ отечественный Словарь: въ немъ реченія Греческія, Латинскія, Нѣмецкія, Французскія, Голландскія, Шведскія, Татарскія, Арабскія, Персидскія. Всѣ эти выраженія иностранныя отъ употребленія такъ обрусѣли, что мы и не подозрѣваемъ въ нихъ ничего чужеземнаго. Раскройте Кантемира и Жуковскаго: едва протекло между ними 60 лѣтъ, и уже для перваго необходимы толкованія. Такая же разность между Ѳеофаномъ и Карамзинымъ. Ктожъ произвелъ всѣ этѣ перемѣны? Сила необходимости и духъ времени искусно изворачиваютъ слова, измѣняютъ выраженія и даже смыслъ словъ, приводя ихъ въ согласіе съ мыслями текущаго времени; отъ нихъ зависитъ возможность нововведеній языка. У народовъ, оказывающихъ успѣхи въ наукахъ и Словесности, языкъ непримѣтно становится гибче и разнообразнѣе для предметовъ мышленія; общее употребленіе показываетъ, съ чѣмъ должно разстаться изъ наслѣдія прежнихъ временъ, и чѣмъ можно воспользоваться. Сверхъ того, открывая въ соплеменныхъ Славянскихъ языкахъ формы, образованныя какъ бы изъ одного вещества и однимъ духомъ, мы найдемъ въ нихъ то, чего не высказано въ нашемъ: въ нихъ отыщемъ слова, намъ родныя, излетѣвшія изъ устъ соплеменныхъ живыхъ народовъ.

Наконецъ взглянемъ на языкъ нашъ въ отношеніи къ *изяществу въ благозвучіи*. Въ каждомъ искусствѣ овеществленіе мысли условливается стихіею духа. Такъ живопись есть искусство созерцанія; ея способы, принадлежащіе къ пространству, состоятъ въ образахъ. Музыка, или настроенность чувства, живетъ во времени; а потому средства ея выраженія заключаются въ звукахъ. Мысль, какъ произведеніе разума, слагается изъ созерцаній и чувствованій; способъ ея проявленія долженъ состоять изъ звуковъ и образовъ: таково именно *слово*. Оно изображаетъ внѣшній предметъ звукоподражаніемъ, и выражаетъ внутреннюю дѣятельность духа отъ впечатлѣнія внѣшнихъ предметовъ. Для этого голосу нашему, какъ органу слова, даны двѣ стихіи: согласныя и гласныя. Первые звуки — подражаніемъ представляютъ внѣшнее; вторые выражаютъ движенія духа. Чѣмъ болѣе въ языкѣ гласныхъ, чѣмъ удобнѣе согласныя переливаются, тѣмъ нѣжнѣе звуки, тѣмъ легче и плавнѣе выговоръ и пріятнѣе для слуха. Напротивъ, чѣмъ языкъ обильнѣе въ согласныхъ, и чѣмъ затруднительнѣе переходъ гласныхъ, тѣмъ тверже звуки и тѣмъ грубѣе выговоръ. Очевидно, что идеалъ языка въ отношеніи къ стихіямъ членораздѣльныхъ звуковъ осуществляется гармоническимъ сочетаніемъ гласныхъ съ согласными; потому что единственно такимъ сочетаніемъ живописности и благозвучности образуется совершенное слово.

Если реченія суть звуки голоса, во времени развивающіеся; то, для составленія цѣлаго, они должны слѣдовать одинъ за другимъ по извѣстному закону. Какъ въ жизни мы видимъ безпрестанное послѣдованіе покоя и дѣятельности: такъ въ словѣ,

изображающемъ жизнь духа, безпрерывное волненіе гласныхъ съ согласными выражаетъ переходъ отъ покоя къ дѣятельности. Притомъ предметы, которымъ слово подражаетъ посредствомъ согласныхъ, въ природѣ внѣшней неподвижны; напротивъ духъ, выражающійся въ гласныхъ, требуетъ изображенія различныхъ состояній: отсюда необходимость *удареній*. Ударенія въ началѣ реченій, какъ большею частію они встрѣчаются въ Англійскомъ, и въ концѣ, какъ во Французскомъ языкѣ, увлекая вниманіе то на начало, то на окончаніе, затемняютъ остальную часть словъ: разнообразіе — лучшее свойство удареній; они, изъ разнообразія составляя единство, даютъ душу реченіямъ. Самая полнота произношенія, или выговоръ всѣхъ буквъ, находящихся въ словѣ, безъ опущенія многихъ, какъ это бываетъ въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, способствуетъ благозвучности. Нашъ языкъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи имѣетъ преимущество.

Нѣкоторыя изъ нашихъ реченій, порознь взятыя, могутъ казаться грубыми, каковы: усѣченныя прилагательныя, причастія, дѣепричастія; но тѣ же самыя слова отъ искуснаго размѣщенія получаютъ новое достоинство. Обратите вниманіе на окончанія нашихъ склоненій и спряженій: они бо́льшею частію состоятъ изъ гласныхъ. То же можно сказать и о глаголахъ: прошедшія времена, кромѣ муж. р. ед., оканчиваются на гласныя. — Реченія, относящіяся къ міру видимому, отличаются вѣрнымъ изображеніемъ внѣшней природы.

Не оставимъ безъ вниманія соразмѣрнаго сочетанія гласныхъ и согласныхъ въ нашемъ языкѣ: онѣ такъ между собою перемѣшаны, что послѣдовательно смѣняютъ твердость мягкостью.

Сравнивая отечественный языкъ нашъ съ сѣверными и южными языками, видимъ, что онъ занимаетъ средину между ними — не имѣетъ жесткости однихъ и единообразной звучности другихъ; въ немъ, кромѣ *обилія* и *силы*, находятся условія и *благозвучія* (*).

Какіяжъ слѣдствія вывести можемъ изъ этого разсмотрѣнія общихъ свойствъ языковъ, каковы обиліе, сила, благозвучіе, и особенностей языка отечественнаго? Въ Словесности, какъ и въ мірѣ историческомъ, каждый народъ выполняетъ особенное назначеніе и стремится къ осуществленію предначертанія, намъ неизвѣстнаго, но несомнѣнно существующаго. Справедлива мысль, что каждому народу предназначено открыть извѣстную сторону истины: отъ того различныя эпохи Словесности народовъ суть болѣе или менѣе выразительныя формы тѣхъ идей, къ развитію которыхъ народы призваны. Исполненіе этого назначенія обнаруживается геніемъ, или характеромъ языка. Всѣ народы въ первомъ возрастѣ своемъ существуютъ болѣе жизнію внѣшнею: ихъ духъ еще не въ состояніи бываетъ углубляться въ самосозерцаніе: здѣсь внутренняя самобытность человѣческая покоряется внѣшнему вліянію. Поэтому внутренняя жизнь младенчествующихъ народовъ выражается восторгомъ, безпрерывнымъ сравненіемъ двухъ міровъ — вещественнаго и духовнаго, языкомъ фигурнымъ. Народы, вступающіе въ возрастъ юности, обогащаются наблюденіями,

---

(*) Подробнѣйшія изслѣдованія представляютъ полезные и весьма важные труды *Шишкова*, *Греча*, *Востокова* и Ив. *Калайдовича*. Любопытно также разсужденіе о Русскомъ языкѣ, въ Вѣстникѣ Европы 1813 г., NN. 15 и 16.

опытами: внутренняя дѣятельность ихъ побѣждаетъ жизнь внѣшнюю; духъ отъ внѣшней природы обращается къ созерцанію собственныхъ движеній, начиная чувствовать самобытность свою; восторгъ переходитъ въ размышленіе и фигурный языкъ въ философскій. Совершенства достигаетъ тогда языкъ, когда развитіе ума и обогащеніе его свѣдѣніями становится общимъ достояніемъ народа; когда науки переходятъ въ жизнь общественную. Вмѣстѣ съ этимъ языкъ народный, болѣе поэтическій, сливается съ языкомъ наукъ — философскимъ. Тогда только краснорѣчіе облекается въ приличныя украшенія поэтическія, а поэзія заимствуетъ у краснорѣчія свободный и разнообразный ритмъ.

На какой же *степени развитія и совершенствованія находится языкъ нашъ*, исполняющій нѣкоторыя общія требованія слова и имѣющій свои весьма выгодныя свойства? Отражается ли въ немъ характеръ народа? Почерпаются ли красоты его изъ собственной сокровищницы? Не видимъ ли въ языкѣ нашемъ быстрыхъ, разительныхъ измѣненій, въ глазахъ нашихъ совершающихся, согласно съ развитіемъ народнаго образованія? Чего мы ожидать можемъ отъ своей Словесности, при условіяхъ нашего времени, отличающагося особенно направленіемъ умовъ къ изслѣдованіямъ отечественнымъ? — Мысль о народности и самобытности Словесности, объ открытіи народныхъ элементовъ, стала общею мыслію нашею вмѣстѣ съ другими просвѣщенными народами; а будущая судьба Словесности заключается въ судьбѣ всего народа.

Чтеніе седьмое.

Изящное построеніе рѣчи въ предложеніи и періодѣ. — Качества изящной рѣчи, или порядокъ словопостроенія и движеніе въ словотеченіи. — Правила, относящіяся къ ясности и силѣ, или къ первому условію внѣшняго изящества рѣчи.

По изслѣдованіи стихій слова и законовъ соединенія ихъ, равно всѣхъ системъ письма, соотвѣтствующихъ постепенному развитію разумѣнія, обращаемся къ другой сторонѣ слова — къ его формамъ, къ изобразительности, благозвучности и слогу.

Каждое дѣйствіе ума имѣетъ соотвѣтственное выраженіе въ словѣ: понятія выражаются реченіями, сужденія предложеніями, умозаключенія періодами. Аристотель (*) опредѣляетъ періодъ такъ: *λέξις ἔχουσα ἀρχὴν καὶ τελευτὴν καθ' αὑτὴν καὶ μέγεθος εὐσύνοπτον*, т. е. выраженіе, въ себѣ самомъ содержащее начало и конецъ, легко умомъ обнимаемое. Одна часть этого опредѣленія указываетъ на величину періода, или на члены, какъ составныя его части, которыя могутъ различествовать и числомъ, и объемомъ; другая же часть требуетъ отъ періода полноты мысли, *начала* и *конца*. Мысль во всей полнотѣ развивается единственно сравненіемъ общаго понятія съ частнымъ посредствомъ третьяго; а это дѣйствіе въ духовномъ организмѣ нашемъ называется умозаключеніемъ. Сколько бы ни распространено было предложеніе, безъ третьяго посредствующаго члена между двумя его членами, никогда не

(*) Рит. III.

можетъ быть періодомъ: *для* періода въ основаніи должно быть умозаключеніе. Изъ нѣсколькихъ предложеній и періодовъ образуется *рѣчь*.

Отъ способа выраженія нашего предложеніями или періодами происходитъ различіе въ рѣчи: она состоитъ или изъ краткихъ предложеній, или изъ длинныхъ періодовъ. Объемъ періода не можетъ быть въ точности означенъ; есть однако предѣлы бо́льшей и меньшей величины, между которыми полная мысль развивается. Рѣчи, назначаемой для произношенія, не свойственны длинные періоды; потому что трудно обнимать умомъ рѣчь, слишкомъ распространенную. Въ сочиненіяхъ, назначаемыхъ для чтенія, также частое употребленіе длинныхъ періодовъ утомляетъ вниманіе; потому что для нихъ требуется бо́льшее напряженіе умственныхъ силъ, нежели для краткихъ предложеній, дабы видѣть связь всѣхъ членовъ и единство цѣлаго. Съ другой стороны излишнее употребленіе краткихъ предложеній имѣетъ свою невыгоду: въ такой рѣчи мысль слишкомъ подраздѣляется, слабѣетъ связь понятій и память обременяется множествомъ отдѣльныхъ предложеній.

На основаніи двухъ различныхъ дѣйствій ума, сужденія и умозаключенія, рѣчь раздѣляется на *отрывистую* и *періодическую*. Періодическая рѣчь состоитъ изъ нѣсколькихъ членовъ, между собою связанныхъ и зависящихъ одинъ отъ другаго. Эта рѣчь, особенно свойственная витійству, благороднѣйшая и благозвучнѣйшая. Таковъ періодъ Ломоносова: »Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели, въ который подъ благословенною Державою Всемилостивѣйшей Государыни нашей покоящіеся многочисленные народы торже-

ствуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестись до высоты толикой, съ которой бы могли обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылось!«

Рѣчь отрывистая состоитъ изъ краткихъ предложеній, одно отъ другаго независящихъ. Таково мѣсто изъ того же писателя. »Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу, въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.« Если періодическая рѣчь поражаетъ бо́льшею важностію и достоинствомъ; то рѣчь отрывистая гораздо живѣе и сильнѣе.

Въ употребленіи той и другой нужна разборчивость, смотря по предмету и характеру сочиненія. Во всѣхъ родахъ сочиненій можно пользоваться и той и другою рѣчью по приличію: утомительно встрѣчать однообразныя и одной мѣры предложенія; напротивъ, намъ болѣе нравится счастливое сочетаніе періодовъ и предложеній, придающихъ рѣчи и силу и великолѣпіе. Цицеронъ, показавъ со всею подробностью различіе

этихъ двухъ родовъ рѣчи, говоритъ: »Не всегда должно употреблять непрерывную рѣчь и извращенный порядокъ словъ; но часто бываетъ нужно раздѣлять рѣчь краткими членами (*).« Это разнообразіе необходимо не только во взаимной послѣдовательности періодовъ и предложеній, но и въ построеніи каждаго періода порознь. Будетъ ли періодъ длинный, или краткій, должно избѣгать послѣдовательности періодовъ, одинакимъ образомъ построенныхъ и составленныхъ изъ одного числа членовъ. Какъ бы ни былъ благозвученъ каждый періодъ, разсматриваемый порознь; но постоянное однообразіе утомляетъ: иногда нужно періодическую рѣчь разнообразить отрывистою. Карамзинъ въ этомъ отношеніи показываетъ высочайшее искусство. Въ немъ иногда точность приносится въ жертву красивости рѣчи, встрѣчаются обороты изъ новыхъ иностранныхъ языковъ; но при всемъ этомъ ему обязаны мы преобразованіемъ рѣчи, до него подражавшей Латинскому словосочиненію: онъ впервые показалъ умѣнье разнообразить періодическую рѣчь отрывистою: со стороны этого изящества онъ долженъ быть всегда изучаемъ.

Отъ общихъ замѣчаній касательно рѣчи періодической и отрывистой перейдемъ къ подробному изслѣдованію построенія рѣчи изящной. Большею частію на этотъ предметъ не обращаютъ надлежащаго вниманія; между тѣмъ какъ, при всей занимательности содержанія, сочиненіе, изложенное тяжело, вяло, сбивчиво, не можетъ

(*) »Non semper utendum est perpetuitate et quasi conversione verborum; sed saepe carpenda membris minutioribus oratio est.«

ни нравиться, ни произвести желаемаго дѣйствія; напротивъ, правильное построеніе предложеній и періодовъ сообщаетъ рѣчи ясность и изящество (*).

Чтожъ служитъ основаніемъ изящной рѣчи? Достаточно ли, чтобъ она построена была по правиламъ языка? Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ покажетъ намъ начала всѣхъ правилъ, относящихся ко внѣшней сторонѣ слова, или къ его различнымъ формамъ.

Мы уже замѣтили, что человѣкъ не довольствуется простымъ выраженіемъ мыслей своихъ и чувствованій; но, по врожденной идеѣ красоты, онъ старается выразить мысли и чувствованія свои изящно. Вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ къ изящной рѣчи слово становится предметомъ искусства. Очевидно, что построеніе рѣчи изящной основывается на началахъ изящнаго, общихъ всѣмъ искусствамъ. Дѣйствительно, всѣ творенія поэтическія и ораторскія, отъ Омира и Перикла до Ломоносова и Державина, не представляютъ ли изящнаго, развивающагося въ словѣ?

Какія же стихіи красоты? — Если мы станемъ изслѣдовать характеръ предметовъ, признаваемыхъ всѣми за прекрасные, будетъ ли это статуя, картина, симфонія, поэма, зданіе; найдемъ, что всѣ эти предметы тогда только

(*) Древніе эту часть слова особенно изучали, поставляя великую важность въ правильномъ и изящномъ строеніи рѣчи. Въ сочиненіи *Димитрія Фалерійскаго: περὶ ἑρμηνείας*, *о выраженіи*, находимъ множество подробнѣйшихъ замѣчаній о выборѣ словъ и расположеніи. Сочиненіе *Діонисія Галикарнасскаго*: *περὶ συνθέσεως ὀνομάτων*, *о словопостроеніи*, гораздо выше перваго. Въ немъ особенно изслѣдована благозвучность періодической рѣчи.

изящны, или прекрасны, когда представляютъ въ совокупности *порядокъ* и *движеніе*. Тѣ же самыя стихіи находимъ и въ твореніяхъ природы, признаваемыхъ за прекрасныя. Смотря по преимуществу той или другой стихіи, творенія природы и искусства представляютъ намъ различныя степени изящнаго. Въ искусствахъ пластическихъ господствуетъ порядокъ, въ искусствахъ же тоническихъ преимуществуетъ движеніе; потому что въ первыхъ изящное развивается въ пространствѣ, во вторыхъ во времени. Все, занимающее извѣстное пространство, требуетъ преимущественно порядка; все, продолжающееся во времени, живетъ движеніемъ.

И такъ выражать изящное въ образахъ, звукахъ и словѣ, значитъ *изображать порядокъ въ движеніи*. Дѣйствительность для каждаго художника должна служить точкою отбытія; но твореніе искусства таинственно происходитъ въ умѣ художника. Воображать не значитъ видѣть, вспоминать: воображеніе созерцаетъ и то, чего нѣтъ, чего не было, но что могло бы быть; воображенію представляется, какъ небесное видѣніе, идея, которую оно облекаетъ въ видимые образы. Въ этомъ состоитъ художественное соединеніе идеи съ формою, единство въ разнообразіи, совокупность истины и блага.

Въ словѣ изобразительность пластики соединяется съ благозвучностью музыки: отъ того въ словѣ изящное развивается и *порядкомъ словопостроенія*, и *движеніемъ словотеченія*. Все, что нравится намъ въ писателяхъ съ внѣшней ихъ стороны, зависитъ отъ наблюденія этихъ условій. Поэтому и правила объ изящной рѣчи относятся или къ порядку въ словопостроеніи, или къ движеніямъ

духа, выражающимся въ словотеченіи. Отъ изящнаго словопостроенія зависитъ *ясность* и *сила* рѣчи; отъ изящнаго словотеченія — ея *благозвучіе*.

»Первымъ достоинствомъ,« говоритъ Квинтиліанъ, »да будетъ ясность — точность въ словахъ, правильный порядокъ, не слишкомъ растянутое заключеніе; ничего не должно быть ни недостаточнаго, ни излишняго (*).« Ясность составляетъ существенное достоинство всѣхъ родовъ сочиненій; недостатокъ ея не можетъ быть вознагражденъ другими качествами. Роскошныя украшенія лишь слабо освѣщаютъ рѣчь темную, утомляютъ слушателя или читателя, не доставляя никакого удовольствія. Если легко и ясно насъ понимаютъ, мы уже исполнили главное требованіе отъ рѣчи изустной и письменной. По мнѣнію Квинтиліана, »рѣчь должна быть понятна даже и невнимательнымъ слушателямъ, и такъ дѣйствовать на умъ слушателя, какъ свѣтъ солнечный дѣйствуетъ на зрѣніе, безъ всякаго напряженія съ нашей стороны; должно стараться не только о томъ, чтобъ всякій могъ понимать, но чтобъ не льзя было не понимать (**).« Мы не увлекаемся тѣмъ писателемъ, при чтеніи котораго принуждены часто останавливаться, перечитывать каждое предложеніе. Проникнувъ смыслъ, темно изложенный,

(*) *Quintil.* L. VIII. »Nobis prima sit virtus, perspicuitas, propria verba, rectus ordo, non in longum dilata conclusio nihil neque desit, neque superfluat.«

(**) »Oratio debet negligenter quoque audientibus esse aperta, ut in animum audientis, sicut sol in oculos, etiamsi in eum non intendatur, occurrat; quare non solum ut intelligere possit, sed ne omnino possit non intelligere, curandum.«

мы удивляемся глубокомыслію писателя, но едва ли бываемъ въ состояніи снова за него приняться. Иные приписываютъ темноту изложенія трудности предмета; но такое извиненіе рѣдко, едва ли когда-либо можетъ быть допущено. Все, что мы сами ясно понимаемъ, можемъ также ясно передать другимъ, если только вникнемъ въ изложеніе. Напротивъ, не должно писать о томъ предметѣ, котораго мы совершенно ясно не понимаемъ. Можно не имѣть объ иныхъ предметахъ полныхъ и подробныхъ понятій; но тѣ предметы, о которыхъ мы намѣрены говорить или писать, должны быть для насъ ясны; а при ясности понятій, отъ насъ зависитъ ясное изложеніе. Темнота во многихъ метафизическихъ сочиненіяхъ большею частію происходитъ отъ сбивчивости понятій самихъ сочинителей: нельзя ясно изображать предмета, котораго не видишь раздѣльно. Благозвучность можно принимать за отрицательное достоинство рѣчи, или за отсутствіе недостатка; но ясность есть достоинство положительное, существенное. Мы любуемся рѣчью, когда не принуждены бываемъ угадывать ея смысла; когда въ ней предметъ развивается легко и послѣдовательно; когда она течетъ, какъ прозрачный ручей, котораго видишь самое дно.

Какимъ же образомъ рѣчь можетъ представлять ясную, поразительную картину? Должно смотрѣть на выборъ словъ, и притомъ со стороны *правильности*, *чистоты* и *точности*. Правильность требуетъ словъ и оборотовъ, свойственныхъ тому языку, на которомъ говоримъ или пишемъ, и напротивъ, не допускаетъ словъ и оборотовъ иностранныхъ, обветшалыхъ и вышедшихъ изъ употребленія, равно нововведеній, не получив-

шихъ въ языкѣ права гражданства. Чистота состоитъ въ выборѣ словъ, принятыхъ лучшими писателями и употребляемыхъ людьми образованными. Она избираетъ тѣ слова, которыя лучше выражаютъ соотвѣтствующія имъ понятія, и отвергаетъ выраженія простонародныя, не изображающія вполнѣ мыслей, которыя хотимъ другимъ передать. Рѣчь можетъ быть правильною, и не имѣть надлежащей чистоты. Наоборотъ когда слова принимаются не въ настоящемъ значеніи, не примѣняются къ предмету, не совершенно выражаютъ мысль писателя: тогда рѣчь неправильна; а неправильности не поможетъ и чистота. Но рѣчь получаетъ ясность, когда правильность соединяется съ чистотою. Для пріобрѣтенія правильности и чистоты, должно изучать образцовыхъ отечественныхъ писателей.

Мы сказали, что къ погрѣшностямъ противъ правильности принадлежатъ слова обветшалыя и вышедшія изъ употребленія: здѣсь бываютъ выключенія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ такія слова допускаются. Въ Поэзіи именно позволяется ихъ употребленіе, равно допускаются и новыя слова; однако этою свободой должно пользоваться весьма осторожно. Въ произведеніяхъ Краснорѣчія, назначаемыхъ для произношенія, такія нововведенія опаснѣе, и часто производятъ непріятное впечатлѣніе. Нововведенія вообще могутъ казаться изысканными; на нихъ право имѣютъ писатели самобытные, которые, обогащая насъ новыми мыслями, образуютъ и обогащаютъ языкъ.

Говоря объ отличительныхъ свойствахъ отечественнаго языка, мы замѣтили въ немъ недостатки въ словахъ ученыхъ, въ выраженіяхъ для міра

духовнаго. Въ такомъ случаѣ употребленіе иностранныхъ словъ становится необходимостью. Иные указываютъ намъ на языкъ, на который переведены Церковныя книги; но этотъ языкъ только въ аналитическомъ отношеніи служитъ намъ сокровищницею; со стороны же синтетической онъ представляется искусственнымъ. Притомъ еще не всѣ науки изложены на нашемъ языкѣ; о многихъ ученыхъ предметахъ мы впервые начинаемъ говорить по-Русски. Отъ того принуждены бываемъ, кромѣ Греческихъ и Латинскихъ словъ, употреблять слова, составленныя по образцу Нѣмецкихъ. Но какое преимущество имѣетъ рѣчь, совершенно Русская, въ которой для новыхъ понятій вводятся новыя слова, произведенныя изъ Русскихъ корней? Мы ожидаемъ новаго обогащенія для языка своего отъ заимствованія словъ изъ соплеменныхъ Славянскихъ нарѣчій.

Обращаемся къ точности словъ, которою довершается ясность рѣчи. Точность, чуждая всякаго излишества, требуетъ, чтобъ выраженіе наше совершенно представляло мысль, въ немъ заключающуюся. Это достоинство рѣчи тѣсно соединено съ понятіемъ; здѣсь трудно отдѣлить слово отъ мысли. Для точности потребно имѣть понятія о предметѣ опредѣленныя и полныя.

Противъ точности встрѣчаются погрѣшности трехъ родовъ: или слова не ту выражаютъ мысль, которую писатель хотѣлъ выразить, но другую сходную, или выражаютъ мысль не вполнѣ, или, выражая вполнѣ, придаютъ ей еще какой-либо новый оттѣнокъ, котораго писатель не имѣлъ въ виду. Чистота иногда не допускаетъ первыхъ двухъ погрѣшностей; избѣгая словъ, несвойственныхъ

образцовымъ писателямъ, можемъ употреблять по крайней мѣрѣ слова, соотвѣтствующія нашимъ мыслямъ. Но какъ быть столько точнымъ, чтобъ не выразить ничего лишняго? Для этого въ рѣчи не должно помѣщать ни одной посторонней мысли, никакого придаточнаго или излишняго слова, затемняющаго главную мысль и препятствующаго намъ явственно ее видѣть. Писатель точный живо представляетъ себѣ тотъ предметъ, который намѣренъ изобразить; онъ совершенно обнимаетъ его; съ какой-бы стороны ни разсматривалъ его, видитъ опредѣленно. Рѣдкое качество въ писателяхъ: оно принадлежитъ тѣмъ только изъ нихъ, которые глубоко изучали описываемый ими предметъ.

Важность точности указывается самимъ разумомъ. Мы можемъ ясно и опредѣлительно видѣть только одинъ предметъ, при каждомъ вниканіи. Вникая вдругъ въ два или три, предмета, хотя сходные и родственные между собою, мы затрудняемся, понятія наши становятся сбивчивы; потому что тогда не ясно отличаемъ сходство предметовъ и разность. Вы хотите показать мнѣ новый предметъ, положимъ какое-нибудь животное, которое я желалъ бы узнать: покажите мнѣ его открыто, отдѣльно отъ другихъ предметовъ, такъ, чтобъ ничто не могло развлечь моего вниманія. Точно тоже со словами. Вы, выражая мысль вашу, говорите мнѣ болѣе, нежели сколько нужно; вы примѣшиваете къ главному предмету постороннія обстоятельства; разнообразите выраженія безъ всякой надобности; вы перемѣняете точку зрѣнія на предметъ: тогда вы заставляете меня смотрѣть вдругъ какъ бы на нѣсколько новыхъ предметовъ, а главный ускользаетъ отъ моего внима-

нія. Это тоже бы значило, если бы вы, не показавъ мнѣ просто живописнаго, стали бы показывать его въ разныхъ украшеніяхъ: мнѣ представились бы многія живописныя, отчасти сходныя, а отчасти различныя; но я ни одного не узналъ бы опредѣленно и точно.

Такова и рѣчь валая, противоположная рѣчи точной: она происходитъ отъ употребленія словъ лишнихъ. Слабые писатели сыплютъ слова, думаютъ, что отъ этого ихъ яснѣе поймутъ; между тѣмъ они только отдаляютъ насъ отъ главной мысли. Чувствуя сами неточность выраженія мысли, и не замѣчая, что самая мысль въ ихъ разумѣніи не совсѣмъ опредѣленна, они, приводя внутреннія помышленія свои въ явленіе, стараются восполнить недостающее имъ точное слово двумя или тремя другими, и только приближаются къ выражаемой мысли. Чтожъ изъ этого происходитъ? Они обращаются вокругъ искомой цѣли, никогда ея не достигая. Предметъ, ими выражаемый, представляется двойственнымъ, а потому и рѣчь ихъ неудачна и неясна.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что иные писатели правильны, наблюдаютъ чистоту въ рѣчи, и при всемъ этомъ не точны. Они и употребляютъ слова въ настоящемъ значеніи, тѣ самыя, которыми выражаются писатели образцовые; но, не представляя мыслей своихъ со всею точностью въ умѣ своемъ, не могутъ быть точны и въ выраженіяхъ. Впрочемъ, не всѣ предметы требуютъ точности въ одинакой степени; бываютъ случаи, гдѣ достаточно представить мысль въ общемъ видѣ. Таковы выраженія, относящіяся къ предметамъ знакомымъ и слишкомъ извѣстнымъ, при изображеніи которыхъ нельзя ожидать сбивчивости.

Между нашими писателями многіе въ рѣчи своей правильны, чисты, но не всѣ точны; вы у многихъ найдете наборъ словъ, не прибавляющихъ никакой новой мысли; многіе не выбираютъ одного слова, которое бы выражало мысль совершенно, безъ недостатка и излишества, а наряжаютъ одну мысль въ нѣсколько фигурныхъ выраженій. Точность составляетъ главное достоинство сочиненій философскихъ. Рѣчь чистая, правильная, иногда бываетъ неточною, не отъ сбивчивости понятій, а отъ излишней изысканности; иные увлекаются украшеніями, великолѣпіемъ. Не удовлетворяясь выраженіемъ мысли простымъ, непремѣнно ищутъ выраженія величественнаго, великолѣпнаго; часто вводятъ ненужныя описанія; нѣсколько словъ употребляютъ для мысли, которую лучше бы выразить однимъ словомъ. Вотъ н. п. описаніе Исторіи. »Исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ: главная, необходимая; зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго.« Не потемняется ли мысль, или по крайней мѣрѣ не ослабляется ли она отъ того, что, вмѣсто одного простаго предложенія, представляется рядъ ненужныхъ словъ и предложеній? Объ этой-то неточности говоритъ Квинтиліанъ: »У иныхъ писателей встрѣчаемъ толпу ненужныхъ словъ; многіе, избѣгая обыкновеннаго способа выраженія и увлекаясь красивостью лоска, все объясняютъ съ обильною говорливостью (*).«

(*) Lib. VII. »Est in quibusdam turba inanium verborum, qui dum communem loquendi morem reformidant, ducti

Обыкновенный источникъ этого рода погрѣшностей — невѣрное знаніе синонимъ. Такъ называютъ слова, различно выражающія одну главную мысль. Какъ одна и таже мысль представляется въ разномъ состояніи, въ разныхъ обстоятельствахъ, въ различной зависимости отъ мысли посторонней: то и синонимы, или подобнозначащія слова, означаютъ различные оттѣнки одной и той же мысли. Однѣ указываютъ на внутреннее свойство предмета, другія на внѣшнее; однѣ относятся къ собственному значенію предмета, другія къ переносному; многія слова выражаютъ одно состояніе духа, но различающееся по предметамъ, которые его производятъ. Отъ того ни въ одномъ языкѣ нѣтъ двухъ словъ, имѣющихъ совершенно одинакое значеніе, кромѣ названій вещей. Кто придаетъ словамъ настоящее значеніе, тотъ всегда находитъ въ нихъ нѣкоторыя отличительныя черты, и, наблюдая эти отличія, не смѣшиваетъ одного слова съ другимъ. Тончайшія отличія въ словахъ походятъ на оттѣнки одного и того же цвѣта; писателю должно быть художникомъ, чтобъ умѣть пользоваться такими оттѣнками, для совершенной отдѣлки картинъ. Одно слово у него дополняетъ то, чего недостаетъ другому, или въ силѣ, или въ ясности. Чтобъ достигнуть до столь утонченнаго знанія всѣхъ красокъ слова, должно глубоко изучать всѣ оттѣнки одной мысли. Многіе смѣшиваютъ синонимы, употребляя ихъ безъ всякаго различія, или для округленія періода, или для избѣжанія повтореній: отъ того столь часто встрѣчаемая темнота и сбивчивость. Сходны по-

---

specie nitoris, circumeunt omnia copiosa loquacitate quæ dicere volunt.«

видимому Латинскія слова: amare и diligere; но Цицеронъ показываетъ въ нихъ величайшее различіе (*): »Quid ergo tibi commendem eum, quem tu ipse diligis? Sed tamen ut scires eum non a me diligi solum, verum etiam amari, ob eam rem tibi hoc scribo.« Такъ и Сенека различаетъ слова tutus и securus (**): »tuta scelera esse possunt, secura non possunt.« Не часто ли смѣшиваютъ и у насъ слова: *положеніе* и *состояніе*, *способности* и *дарованія*, *счастіе* и *благополучіе*, *признательность* и *благодарность*, *путь* и *дорога*, *свойство* и *качество*, *польза* и *выгода*, и другія? При надлежащемъ вниманіи на ихъ различіе, усматриваемъ, что они имѣютъ не одинакое, а подобное значеніе. Чѣмъ кто болѣе наблюдаетъ такіе оттѣнки мысли, выражаемые различными словами, тѣмъ тотъ точнѣе въ рѣчи своей, съ бо́льшею ясностью выражается (***). Разсмотримъ нѣкоторыя синонимы: по примѣру ихъ можно объяснять и другія.

Положеніе, *состояніе*. *Положеніе* показываетъ дѣйствіе скоропреходящее и случайное въ пространствѣ, а *состояніе* — продолжительное и обыкновенное во времени. Мы говоримъ: *состояніе* здоровья, младенчества, а не *положеніе*; напротивъ того, говорится: несчастное *положеніе* семейства при кончинѣ отца или матери. — Нищій, который сего дня находится въ жалкомъ *положеніи*, завтра можетъ придти въ завидное *состояніе*.

(*) Ad famil. L. XIII, ep. 47.

(**) Epist. 97.

(***) См. въ Трудахъ О. Л. Р. С. синонимы *Саларева* и П. *Калайдовича*. Послѣдній издалъ въ особой книжкѣ собраніе нѣсколькихъ синонимъ. Образцами могутъ служить синонимы Латинскія *Эрнестіевы* и *Рамсгорновы*, Англійскія *Блеровы*, Нѣмецкія *Эбергардовы*, Французскія *Жирардовы*.

Способность, дарованіе. Способность простирается на цѣлое, *дарованіе* относится къ части. *Всѣ* люди имѣютъ *способности*, хотя неравныя; *дарованія* находятся только въ *нѣкоторыхъ*. Люди имѣютъ *способность* говорить, но не *дарованіе*; потому что языкъ бываетъ принадлежностію всѣхъ людей, а не исключительнымъ даромъ нѣкоторыхъ. Когда я говорю о какомъ нибудь человѣкѣ, что онъ имѣетъ *дарованія* къ поэзіи, то показываю, что онъ, имѣя всѣмъ людямъ общія *способности*, получилъ въ *даръ* особенныя. Ни *способности* не могутъ быть одинаковы, ни *дарованія*; *послѣднихъ* можетъ получить одинъ болѣе, другой меньше; *первыя* бываютъ у одного лучше, у другаго хуже. Способность къ чему-либо пріобрѣтается ученіемъ; дарованіе бываетъ врожденное.

Счастіе, благополучіе. Благополучіе зависитъ отъ нашего поведенія, нравовъ: мы можемъ достигнуть его собственнымъ стараніемъ; *счастіе* само насъ посѣщаетъ. *Первое* пріобрѣтается нами постепенно, *второе* приходитъ къ намъ вдругъ. *Благополучіе* относится болѣе къ тихой, безмятежной жизни; оно прочнѣе и постояннѣе, нежели *счастіе*. *Счастіе* относится болѣе къ почестямъ, къ богатству и къ такимъ удовольствіямъ, которыя чѣмъ бываютъ сильнѣе, тѣмъ скорѣе прекращаются. Благополучіе есть внутреннее счастіе, а счастіе — внѣшнее благополучіе. Отъ того мы говоримъ: счастливъ тотъ, кто благополученъ и въ посредственности.

Признательность, благодарность. Признательность есть просто воспоминаніе объ оказанномъ благодѣяніи; *благодарность* — внутреннее чувствованіе, которое заставляетъ насъ любить своего благодѣтеля. Когда мы за какую нибудь услугу стараемся воздать

равную услугу, тогда дѣйствуетъ въ насъ *признательность*; но почитая всегда себя должниками, хотя бы и заплатили за оказанное благодѣяніе, мы руководствуемся *благодарностію*. *Признательнымъ* можетъ быть даже *неблагодарный*, если только старается за полученное одолженіе расплатиться такимъ же одолженіемъ; но *благодарный* никогда не перестаетъ почитать себя обязаннымъ, хотя бы гораздо болѣе оказалъ благодѣяній тому, кѣмъ прежде самъ былъ одолженъ. *Признательность* возвращаетъ, что получила; *благодарность*, возвращая полученное съ излишествомъ, всегда думаетъ, что еще не возвратила надлежащаго. Всякій можетъ быть *признательнымъ*; но *благодарнымъ* — одно только доброе, чувствительное сердце.

Путь, *дорога*. *Путь* означаетъ самое движеніе, или переѣздъ въ то мѣсто, въ которое намѣрены мы прибыть; *дорога* показываетъ тропу, которая проложена по землѣ. Мы говоримъ: *морской путь*, а не *дорога морская*; потому что на морѣ нѣтъ проложенныхъ тропинокъ. По этой же причинѣ говорятъ: заблудиться на *пути*, а не на *дорогѣ*, во время проѣзда къ какому нибудь мѣсту; на *дорогѣ же* заблудиться не льзя, развѣ только можно сбиться съ дороги. Говорится: *попутный* вѣтеръ, который имѣетъ такое же направленіе, какъ и наше путешествіе; *дорожное* платье, *дорожный* экипажъ. Въ переносномъ смыслѣ говорятъ: въ этомъ человѣкѣ будетъ *путь*, то есть, онъ достигнетъ цѣли, которую мы предполагаемъ; также *путь* добродѣтели, порока. *Путь* бываетъ удобенъ, когда проѣзжающій можетъ сыскать всѣ потребности; *а удобная дорога* должна быть ровна, широка.

Средство, *способъ*. Первое есть главная пружина дѣйствія, а второе вспомогательное сред-

ству орудіе. На пр. общее *средство* говорить есть языкъ; *способы* хорошо говорить заключаются въ правилахъ языка. Прежде нужно было показать *средство* дѣлать порохъ, а послѣ узнали *способъ* употреблять его въ дѣло.

Свойство, *качество*. То и другое слово означаетъ собственную принадлежность какой нибудь вещи. *Свойство* служитъ къ изображенію внутренней или наружной принадлежности вещи, которая существуетъ съ нею неразлучно; *качество* есть принадлежность приобрѣтенная, которую вещь получаетъ отъ нашего о ней разсужденія, когда мы желаемъ знать, *какова* она. Отъ того говорится: физическія *свойства* тѣлъ; *свойства* Русскаго языка; *качества* благовоспитаннаго человѣка.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что, для точности въ рѣчи изустной и письменной, должно имѣть полное и ясное понятіе объ излагаемыхъ предметахъ, и знать настоящее значеніе словъ. Нѣтъ сомнѣнія, что писателю нужны дарованія; но достоинства рѣчи, о которыхъ мы говоримъ, приобрѣтаются трудомъ и упражненіемъ. *Жуковскій*, между нашими писателями, можетъ служить образцемъ точности. У него рѣдко встрѣтить можно выраженіе ненужное, никогда не найдете набора синонимъ: отъ того онъ такъ ясенъ и выразителенъ.

Мы уже замѣтили, что не всѣ роды сочиненій требуютъ точности въ одинакой степени. Она вездѣ составляетъ достоинство писателя, если чуждается словъ, не придающихъ ни ясности, ни занимательности; однако, стараясь объ этомъ отличительномъ качествѣ рѣчи, должны мы остерегаться другой крайности — сухости. Желая упростить рѣчь, лишаемъ иногда ее изя-

щества. Иные, помышляя только о точности въ выраженіяхъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ мыслямъ, отметаютъ всякое украшеніе: отъ того кажутся сухими, жесткими. Соединеніе обилія и точности, легкости и изящества, правильности и чистоты — вотъ высокое достоинство рѣчи, столь рѣдко встрѣчаемое. Есть сочиненія, которымъ нужно болѣе обилія и украшеній; другимъ болѣе прилична точность; даже различныя части одного и того же сочиненія требуютъ преимущественно того или другаго качества. Не должно только жертвовать однимъ качествомъ другому: совершенство требуетъ соглашенія всѣхъ качествъ; а это предполагаетъ ясность мысли и глубокое знаніе языка.

Кромѣ неточности въ употребленіи словъ, бываетъ другая неточность отъ ихъ расположенія. Нашъ языкъ въ словорасположеніи имѣетъ одинакое преимущество съ языками Греческимъ и Латинскимъ: это преимущество зависитъ отъ измѣненій въ окончаніяхъ словъ. Основные законы Русскаго словорасположенія изложены въ одномъ изъ предъидущихъ чтеній.

И такъ *ясность* рѣчи зависитъ отъ правильности, чистоты и точности словъ. Всѣ правила объ изящномъ построеніи рѣчи, здѣсь исчисленныя, относятся къ *порядку словопостроенія*, къ этому первому условію внѣшняго изящества слова.

Чтеніе осьмое.

Продолженіе объ изящномъ словопостроеніи рѣчи. — Правила, относящіяся къ силѣ предложенія и періода.

Разсмотрѣвъ качества рѣчи, относящіяся къ ясности, приступимъ къ изслѣдованію *единства рѣчи*, *связи* въ ея членахъ и *полноты*, отъ чего зависитъ *сила* предложенія и періода. Первыя качества принадлежатъ болѣе къ объему рѣчи, вторыя — къ ея содержанію.

Въ каждомъ родѣ сочиненія необходимо единство — начало связывающее части; нужно, чтобъ одинъ какой-либо предметъ былъ главнымъ. Единство требуется въ исторіи, въ ораторской рѣчи, въ эпопеѣ, въ драмѣ; оно еще необходимѣе въ каждомъ періодѣ и предложеніи: ихъ назначеніе — выразить одну мысль. Періодъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ; но эти члены должны быть такъ связаны между собою, чтобъ всѣ вмѣстѣ могли изображать одинъ предметъ. Отъ чегожъ зависитъ такое единство?.

Въ продолженіе развитія періода, замѣчали мы, должно по возможности рѣже перемѣнять точку зрѣнія, съ которой вы показываете предметъ, не отклонять безъ надлежащей послѣдовательности вниманія нашего отъ одного лица къ другому, отъ одной стороны предмета къ другой. Обыкновенно въ періодѣ находится лице или вещь, которыхъ имя управляетъ всѣми прочими словами: надобно стараться, чтобъ отъ начала до конца оставалось

одно управляющее. Если бы мы сказали: »Утвердивъ значеніе словъ, избавивъ писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи: твореніе не первое въ семъ родѣ; ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной поэзіи и сильнаго краснорѣчія, далъ и Грамматику; но Академическая рѣшитъ болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для писателей.« Въ этомъ періодѣ соблюдена грамматическая связь; но способъ соединенія предложеній, изъ которыхъ одно относится къ Академіи, другое къ Ломоносову, третье къ Грамматикѣ, четвертое къ замѣчаніямъ — развлекаетъ вниманіе; и потому въ этомъ періодѣ нѣтъ единства. Для лучшей связи и послѣдовательности, можно труды Академіи отдѣлить отъ трудовъ Ломоносова, и составить изъ этѣхъ мыслей два особые період.

Не должно вмѣщать въ одинъ періодъ предметовъ, имѣющихъ столь мало единства между собою, что могутъ быть раздѣлены на два или на три особенныя предложенія. Нарушеніе этого правила останавливаетъ вниманіе и его затемняетъ. Гораздо лучше выражаться отрывисто, нежели предложеніями запутанными и нанизанными одно на другое. Примѣровъ для этого рода погрѣшностей множество. »Изданіемъ Словаря и Грамматики, заслуживъ нашу благодарность, Академія заслужитъ конечно и благодарность потомства ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами для дополненія, для перемѣнъ необходимыхъ по естественному, безпре-

станному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству; движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ.« Можно ли въ этомъ періодѣ по началу ожидать такого конца? Это предложеніе въ предложеніи. Главная мысль — Словарь и Грамматика Академіи; за этимъ ожидаешь доказательствъ важности труда: вмѣсто этого, вниманіе останавливается на движеніи живаго слова. И это казалось недостаточнымъ: безпрестанное движеніе еще объясняется — оно называется движеніемъ, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ. Или слѣдующее мѣсто: »Въ этомъ затруднительномъ положеніи, какъ въ отношеніи къ жизни общественной, такъ и въ отношеніи къ жизни частной, Цицеронъ испыталъ новую горесть, изнурительную для сердца — смерть Тулліи, возлюбленной дочери своей, недолго жившей послѣ развода съ Долабеллою, котораго нравъ и обращеніе казались ей всегда несносными.« Главный предметъ въ этомъ предложеніи — смерть Тулліи, поразившая Цицерона. Къ этому предложенію отчасти можетъ относиться показаніе времени развода ея съ Долабеллою; но прибавленіе о характерѣ Долабеллы совсѣмъ не принадлежитъ къ главному предмету, нарушаетъ единство, вводя въ рѣчь новую картину. Вотъ еще одинъ примѣръ изъ перевода Плутарха: »Греки подъ предводительствомъ Александра проходили чрезъ страну безплодную, которой дикіе обитатели влачили бѣдственную жизнь, вмѣсто всѣхъ богатствъ, съ нѣсколькими стадами тощихъ овецъ, коихъ невкусное мясо издавало непріятный запахъ; потому что ихъ обыкновенный кормъ — морская рыба.« Здѣсь нѣсколько разъ измѣняется точка зрѣнія читателя или слушателя: походъ Грековъ, описанія дикихъ

овецъ, причина ихъ дурнаго вкуса — все это производитъ смѣшеніе въ понятіяхъ, и трудно соединить въ одну точку зрѣнія предметы, столь между собою несогласные.

Такова бываетъ сбивчивость въ періодахъ, еще не слишкомъ длинныхъ, отъ недостатка *единства*. Этѣмъ погрѣшностямъ подпадаютъ тѣ писатели, которые привыкли выражаться длинною періодическою рѣчью. У насъ до Карамзина эта рѣчь была господствующею; но и у него, и у современныхъ писателей встрѣчаемъ періоды, обремененные предложеніями вставочными, вводными, опредѣленіями, дополненіями. »Извѣстіе о первобытномъ жилищѣ нашихъ предковъ взято, кажется, изъ Византійскихъ лѣтописцевъ, которые въ VI вѣкѣ узнали ихъ на берегахъ Дуная; однакожъ Несторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Св. Апостолъ Андрей, проповѣдуя въ Скиѳіи имя Спасителя, поставилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ, еще ненаселенныхъ, и, предсказавъ будущую славу нашей древней столицы, доходилъ до Ильменя, и нашелъ тамъ Славянъ; слѣдственно они, по собственному Несторову сказанію, жили въ Россіи уже въ первомъ столѣтіи, и гораздо прежде, нежели Болгаре утвердились въ Мизіи.« Приходя къ концу этой запутанной рѣчи, удивляешься разстоянію, пройденному отъ начала. Но вотъ другой періодъ изъ Карамзина, при всей долготѣ своей, ясный. »Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда, не радость, но ужасъ родителей въ первую минуту бытія своего; отвергаемые міромъ при самомъ ихъ вступленіи въ міръ; невинные, но жестоко наказываемые судьбою, приемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила бы ихъ на первомъ

дыханія жизни; спасаются — и, что еще болѣе, спасаютъ, можетъ быть, родителей отъ адскаго злодѣянія, къ несчастію не безпримѣрнаго, находятъ человѣколюбивое призрѣніе — не только кровъ и пищу, но и всѣ лучшіе, мудрою благостію вымышленные способы укрѣплять ихъ здравіе, образовать душу, предупреждать физическое и нравственное зло.« Сколько здѣсь предметовъ, мыслей, замѣчаній, вдругъ представляющихся! Но всѣ обстоятельства связаны, всѣ составляютъ части одного цѣлаго: отъ того эта обширная картина легко обнимается вниманіемъ. Иные надѣятся на знаки препинанія, думая ими опростить запутанную или двусмысленную рѣчь. Раздѣленіе мыслей зависитъ не отъ знаковъ препинанія: знаки только указываютъ на развитіе мысли. Поэтому правильное поставленіе знаковъ соотвѣтствуетъ правильному, естественному раздѣленію мысли.

Не должно вмѣщать въ періодъ нѣсколькихъ предложеній вводныхъ и объяснительныхъ, нарушающихъ *связь* періода. Есть случаи, въ которыхъ такія предложенія даже оживляютъ рѣчь; но большею частію они безполезны: это какъ бы колесо въ колесѣ, искусственный способъ расставлять мысли, которымъ писатель не умѣетъ дать надлежащаго мѣста — обыкновенная погрѣшность писателей неточныхъ. Приведемъ одинъ періодъ. »Того ради, если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако, по-

чувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы, опустившись, въ равныя поля претворились; помыслитъ, что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ берегамъ его пристала.« Періодъ непріятный отъ того, что писатель хотѣлъ посредствомъ вставочныхъ предложеній ввести нѣсколько разныхъ предметовъ, и принужденъ былъ, для соединенія несвязныхъ частей, повторить: *помыслитъ*. Это повтореніе, равно какъ и другія подобныя оговорки, всегда показываютъ неправильное строеніе рѣчи; оно извинительно въ рѣчи изустной, отъ которой не льзя требовать совершенной точности; на письмѣ этого позволять себѣ не должно.

Полнота періода требуетъ заключенія смысломъ, совершенно оконченнымъ. Цѣлое должно имѣть начало, средину и конецъ. Собственно предложеній неоконченныхъ быть не можетъ; но часто встрѣчаются выраженія болѣе, нежели полныя и оконченныя. Таковы тѣ предложенія, въ заключеніи которыхъ, вмѣсто ожидаемаго отдохновенія вниманію, встрѣчаешь обстоятельство, которое надлежало или совсѣмъ опустить, или поставить въ другомъ мѣстѣ. Эти ненужныя прибавленія, обременяющія рѣчь, затрудняютъ ее; отъ нихъ она, какъ александрійскій стихъ, по словамъ Попе: »влачится полуживой змѣей, которая медленно тянетъ отбитый свой хвостъ.« Подобныя вставки безобразятъ полную и оконченную рѣчь; отъ нихъ она теряетъ единство, стройность и текучесть. Одинъ писатель, говоря о Цицеронѣ, выражается такъ: »Сочиненія его болѣе приличны молодымъ ораторамъ, нежели сочиненія Димосѳена, хотя сей и былъ

выше его, по крайней мѣрѣ, какъ витія.« Этотъ періодъ лучше окончить словами: »выше его.« Послѣ этихъ словъ мы ничего болѣе не ожидаемъ; прибавочная оговорка: »по крайней мѣрѣ какъ витія«, не вяжется съ предъидущимъ, ничего новаго не прибавляетъ, а только вредитъ полнотѣ. Переставьте эту оговорку, и періодъ выйдетъ полный: его сочиненія и проч. — »который, по крайней мѣрѣ какъ витія, выше его.« Еще одинъ примѣръ: »Академія, облегчая для таланта способы пріобрѣтать нужныя ему свѣдѣнія, можетъ еще содѣйствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, опредѣленными въ Уставѣ, и еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще и незрѣлаго, хотя еще и слабаго, неукрашеннаго искусствомъ; ибо слабый лучъ бываетъ иногда предтечею яркаго свѣта, и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкимъ злакомъ.« Періодъ собственно оканчивается словами: »неукрашеннаго искусствомъ; но предложенія: »слабый лучъ — злакомъ«, совершенно новыя, прибавленныя безъ всякой надобности, и безъ которыхъ періодъ былъ уже полонъ и оконченъ.

По изслѣдованіи единства, связи и полноты въ періодѣ, разсмотримъ зависящее отъ нихъ качество — *силу*. Подъ силою разумѣютъ такое расположеніе членовъ періода, отъ котораго мысль получаетъ выгоднѣйшее изображеніе. Отъ силы впечатлѣніе производится полнѣйшее и разительнѣйшее; отъ нея каждое слово и каждый членъ періода получаютъ надлежащее значеніе. Для произведенія этого дѣйствія, требуется соблюденіе изложенныхъ условій. Періодъ можетъ быть, при единствѣ, связенъ во всѣхъ частяхъ своихъ,

и не образовать полнаго цѣлаго; при недостаточномъ построеніи, не произведетъ живаго впечатлѣнія, которое зависитъ отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ условій силы.

Первое правило, необходимое для силы періода, состоитъ въ томъ, чтобъ опускать всѣ ненужныя слова. Иногда эти слова существенно не вредятъ ни ясности, ни единству; но они всегда ослабляютъ мысль; отъ нихъ въ періодѣ нѣтъ движенія и легкости. Поэтъ говоритъ:

»Est brevitate opus, ut currat sententia, neu se
Impediat verbis, lassas onerantibus aures.«

Вообще слова, не прибавляющія ни одной мысли, вредятъ рѣчи; если они излишни, то уже непремѣнно вредны: »obstat quidquid, non adjuvat, правило Квинтиліана. Все, что умъ можетъ легко дополнить, должно быть исключаемо изъ рѣчи, какъ ненужное. Поэтому для образованія себя въ этой части слова, полезно пересматривать написанное, обрѣзывать лишніе обороты и слова, которыхъ не возможно замѣтить при первомъ пріемѣ работы. Перечитывайте себя со всею строгостью: чѣмъ болѣе будете обдѣлывать періодъ, тѣмъ болѣе станете его усиливать. Безъ сомнѣнія, тутъ также есть крайность: можно до того обрѣзать рѣчь, что она превратится въ сухой и жесткій остовъ мысли. Поэтому и въ рѣчи, какъ во всемъ, нужна благоразумная средина. Иногда надобно обращать вниманіе на благозвучность, хотя это принадлежитъ къ качествамъ отрицательнымъ: оставлять нѣсколько листьевъ около распускающихся цвѣтовъ.

Не только отъ безполезныхъ словъ должно освобождать періодъ, но и отъ членовъ, безполезно его обременяющихъ. Какъ въ каждомъ словѣ содержится новое понятіе; такъ каждый членъ долженъ представлять особое сужденіе. Это правило нарушается въ тѣхъ періодахъ, которыхъ послѣдній членъ не отвѣтствуетъ первому. Аддисонъ, говоря о красотѣ, прибавляетъ: »первый взглядъ на нее исполняетъ душу чувствомъ радости и разливаетъ удовольствіе по всѣмъ ея силамъ.« Въ другомъ мѣстѣ: »не возможно взирать на твореніе Божіе хладнокровно и равнодушно, или наблюдать красоты его, не чувствуя удовольствія и радости.« Въ томъ и другомъ отрывкѣ вторые члены ничего не прибавляютъ къ мыслямъ первыхъ, и хотя благозвучный и текучій слогъ Аддисона прикрываетъ такія небрежности, однако и этотъ слогъ очистите отъ безполезнаго излишества — вы придадите ему силы и изящества. Когда слова умножаются безъ прибавленія мыслей; тогда вниманіе утомляется и умъ впадаетъ въ бездѣйствіе.

Освободивъ періодъ отъ всѣхъ безполезныхъ излишествъ, если хотите дать ему силу, обратите особенное вниманіе на употребленіе словъ соединительныхъ, относительныхъ и всѣхъ частицъ, которыми означаются связь и переходы. Эти небольшія слова: *но*, *и*, *который*, *или*, и подобныя, иногда бываютъ важнѣйшими: около нихъ обращается рѣчь; отъ нихъ же зависитъ способъ ея развитія. Правда, употребленіе этихъ словъ столь разнообразно, что трудно преподать на это опредѣленныя правила. Лучшее средство для этого, наблюдать писателей, отличающихся правильностью, упражняться самимъ въ сочиненіяхъ: такъ

можно узнать дѣйствія, производимыя этими частицами въ рѣчи. Разсмотримъ этотъ предметъ съ нѣкоторыми подробностями.

Иные писатели безъ всякой надобности ставятъ множество словъ указательныхъ и относительныхъ. Когда нужно ввести новый предметъ или представить такое предложеніе, на которое хотимъ обратить вниманіе, этотъ способъ выраженія приличенъ; но въ обыкновенной рѣчи должно предпочитать краткость подобнымъ вставкамъ. Частица *и*, столь часто встрѣчающаяся во всѣхъ родахъ сочиненій, требуетъ также величайшей разборчивости. Очевидно, повтореніе ея, когда нѣтъ никакой причины, ослабляетъ рѣчь. Неумѣстное употребленіе частицы *и* есть характеристика старинной нашей рѣчи. Раскройте сказанія Князя Курбскаго: каждый періодъ ею изобилуетъ. »*И* абіе, за помощію Божіею, сопротивъ сопостатовъ возмогоша воинство Христіанское. *И* противъ якихъ сопостатовъ? Такъ великаго и грознаго Измаильтескаго языка, отъ негожъ нѣкогда *и* вселенная трепетала, *и* не токмо трепетала, но *и* опустошена была; *и* не противъ единаго Царя ополчашеся, но абіе противъ трехъ великихъ и сильныхъ. *И* за благодатію *и* помощію Христа Бога нашего, и проч.« Здѣсь частица *и* повторена шесть разъ въ одномъ періодѣ; отъ того онъ медленъ, вялъ.

Не смотря на то, что назначеніе частицы *и* состоитъ собственно въ томъ, чтобъ показывать послѣдовательность одного дѣйствія за другимъ и связывать многіе предметы, есть случаи, гдѣ отъ опущенія ея послѣдовательность дѣйствій выражается быстрѣе, возстановляется бóльшая связь въ отношеніяхъ предметовъ. По замѣчанію Лонгина,

слова: veni, vidi, vici, выражаютъ сильнѣе быстроту завоеваній, нежели тѣ же самыя слова съ частицею *и*. Тожс должно сказать о слѣдующемъ описаніи одной битвы у Цезаря (*): »Nostri, emissis pilis, gladiis rem gerunt; repente post tergum equitatus cernitur, cohortes aliæ appropinquant. Hostes terga vertunt; fugientibus equites occurrunt; fit magna caedes.«

Изъ этого на оборотъ слѣдуетъ: когда мы хотимъ остановить слишкомъ быстрый переходъ мысли отъ одного предмета къ другому; когда, при исчисленіи предметовъ, хотимъ, чтобъ каждый былъ отличёнъ отъ другихъ, чтобъ на каждомъ останавливалось вниманіе; тогда полезно связывать всѣ предметы частицею *и*; въ этомъ случаѣ она придаетъ красу. Тотъ же Цезарь въ другомъ мѣстѣ говоритъ: . . »His equitibus facile pulsis ac proturbatis, incredibili celeritate ad flumen decurrerunt; ut pœne uno tempore, et ad sylvas, et in flumine, et iam in manibus nostris, hostes viderentur.« Хотя описываемыя событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ; но, желая представить, въ сколь различныхъ мѣстахъ явился вдругъ непріятель, онъ повторяетъ частицу *и*, которая дѣйствительно сильнѣе указываетъ на всѣ эти мѣста. Таковы также слѣдующіе изящные періоды: «И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а *и* сей самый вѣнецъ, *и* скипетръ, *и* державу, *и* Россію, *и* всѣхъ насъ, сердца *и* утробы приносимъ Ему, *и* вручаемъ Ему.« Или: »Да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о Герой, *и* наляцы, *и* успѣвай, *и* царствуй, *и* наставитъ Тя дивно десница Вышняго.« — »Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣплена

(*) Bel. Gal. l. VII.

Тебе, Великій Государь, *и* радуемся, *и* торжествуемъ, *и* привѣтствуемъ; *и* благодаримъ Господа, *и* вопіемъ: Благословенъ Господь, и проч.«

Правильное употребленіе этой частицы, умѣнье опускать ее кстати и ставить, для желающихъ красно говорить или писать, составляетъ особый предметъ изученія. Повидимому странно, что опущеніе частицы, назначенной для соединенія, поставляетъ предметы въ тѣснѣйшей связи; мы опускаемъ ее для изображенія быстроты, и повторяемъ, чтобъ замедлить дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ умъ, увлекаемый быстрою послѣдовательностію понятій, какъ бы не имѣетъ времени означить всѣ нужныя соединенія; онъ опускаетъ ихъ въ стремленіи своемъ, собираетъ предметы въ одну группу; во второмъ случаѣ, желая исчисленіемъ усилить дѣйствіе, умъ нашъ наблюдаетъ медленно, означаетъ отношеніе каждаго предмета къ предъидущему и послѣдующему, самымъ означеніемъ ихъ связи показываетъ, что это предметы отдѣльные, а не одинъ предметъ въ различныхъ видахъ. Тоже должно сказать и о другихъ частицахъ соединительныхъ. Посмотрите, какая сила придается каждой мысли, какъ каждая мысль отдѣляется отъ другихъ въ слѣдующемъ исчисленіи подвиговъ Царскихъ: »Всемилостивѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: *но* Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: *но* Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: *но* Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: *но* Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: *но* Тебѣ бремя.«

Перейдемъ къ другому правилу силы въ періодѣ. Главныя слова предложенія должно ста-

вить тамъ, гдѣ ихъ дѣйствіе полнѣе и окончательнѣе; въ каждомъ предложеніи должно наблюдать главныя слова, отъ которыхъ смыслъ болѣе зависитъ, нежели отъ всякаго другаго слова: они-то должны стоять на виду. Впрочемъ не льзя въ точности опредѣлить, гдѣ выгоднѣе ставить такія слова, въ началѣ, или въ срединѣ, или въ концѣ предложенія: это зависитъ отъ свойства самаго предложенія. Нашъ языкъ допускаетъ всѣ возможныя перестановки, безъ нарушенія ясности. Мы уже упоминали, что обыкновенно главныя слова занимаютъ первыя мѣста въ рѣчи.

»И Екатерина на тронѣ! Уже на безсмертномъ мраморѣ Исторіи изображенъ сей незабвенный день для Россіи: удерживаю порывъ моего сердца описать его величіе.« Дѣйствительно, простой, естественный порядокъ требуетъ, чтобъ главный предметъ былъ на первомъ планѣ картины. Иногда, для усиленія періода, окончательно мысль развивается въ заключеніи, а до того вниманіе остается въ неизвѣстности. Такъ главною мыслію заключается слѣдующее мѣсто: »Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ; обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.« Мы въ своемъ языкѣ можемъ пользоваться точно такою же свободою въ словорасположеніи, какою пользовались Греческіе и Римскіе писатели; этотъ родъ силы періодической принадлежитъ къ отличительнымъ его свойствамъ. Отъ него зависитъ разнообразіе рѣчи нашей, ея волнующаяся текучесть.

Какое мѣсто впрочемъ ни занимали бы главныя слова, ихъ не должно смѣшивать съ прочими, которыя могутъ мѣшать ихъ дѣйствію. Такъ если предметъ рѣчи требуетъ обстоятельствъ мѣста или времени, или другихъ подобныхъ ограниченій, которыя необходимо ввести въ періодъ; тогда должно такъ помѣщать ихъ, чтобъ не затемнить главнаго предмета, не смѣшать его съ прибавочными обстоятельствами. »Но Богомъ предводимая Героиня наша, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества, презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и, къ общей нашей радости, пріемлетъ свое наслѣдство.« Этотъ періодъ изящно построенъ: для выраженія нѣсколькихъ обстоятельствъ, введенныя слова такъ поставлены, что нимало не затемняютъ и не ослабляютъ основной мысли; главныя реченія стоятъ въ концѣ отдѣльно, и воображеніе легко за ними слѣдуетъ. Переставьте слова, и вы увидите совсѣмъ другую картину въ періодѣ: »Но Богомъ предводимая Героиня наша презираетъ всѣ препятства, съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества, безъ пролитія крови торжествуетъ, и пріемлетъ свое наслѣдство, къ общей нашей радости.« Здѣсь слова »съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества« какъ бы относятся къ препятствамъ и даютъ другой смыслъ періоду. Слова »къ общей нашей радости« не имѣютъ силы, поставленныя послѣ наслѣдства. Тѣ же слова и тотъ же смыслъ; но посторонніе обстоятельства обременяютъ главныя слова, производятъ въ періодѣ сбивчивость, отнимаютъ у него силу.

Сила періода требуетъ, чтобъ члены возрастали одинъ передъ другимъ, возвышались бы важ-

ностью, по мѣрѣ развитія мысли. Эта постепенность составляетъ одну изъ величайшихъ красотъ рѣчи. Естественно, такая постепенность намъ нравится: во всемъ мы любимъ восходить отъ одной красоты къ другой. Напротивъ, обратный порядокъ непріятенъ: любовавшись важнѣйшимъ предметомъ, мы не равнодушно оставляемъ его, когда переходимъ къ какому-нибудь постороннему обстоятельству. »Должно стараться«, говоритъ Квинтиліанъ, »чтобъ рѣчь не слабѣла, чтобъ за сильнымъ не слѣдовало что либо безсильное: мысли должны размножаться и возрастать (*).« Рѣчи Цицероновы представляютъ примѣры красотъ этого рода; онѣ придаютъ его періодамъ важность и величіе. Совершенная постепенность требуетъ, чтобъ мысль возвышалась вмѣстѣ съ голосомъ до конца періода, который долженъ заключаться словами благозвучнѣйшими. Прекрасныя восхожденія находимъ и у Ломоносова: »Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предстателю изъ своихъ ближайшихъ, есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки неизгладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ, и превознося Великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодаре-

(*) »Cavendum est, ne decrescat oratio, et fortiori subjungatur aliquid infirmius; augeri enim debent sententiae et insurgere.«

ніе приносить должны.« Или это превосходное заключеніе у Карамзина въ Похвальномъ словѣ Екатеринѣ II . . . »И когда всѣ народы земли будутъ завидовать вашей долѣ; когда имя Россіянина будетъ именемъ счастливѣйшаго гражданина въ мірѣ: тогда исполнятся тайные обѣты моего сердца; тогда вы узнаете, чего я хотѣла, но чего не могла сдѣлать; и признательность ваша почтитъ равно и дѣла мои, и мою волю: единая награда, къ которой добрые Монархи могутъ быть чувствительны и по смерти своей!«

Впрочемъ не должно слишкомъ заботиться о такомъ построеніи періода: оно прилично только нѣкоторымъ родамъ сочиненій, требующимъ великолѣпія рѣчи; но говорить о простыхъ предметахъ восхожденіями — былобъ странно и непріятно. Есть порядокъ членовъ въ періодѣ, похожій на восхожденіе, и о соблюденіи котораго должно всегда стараться: »чтобъ рѣчь не ослабѣвала«, какъ уже мы выше сказали. Предложеніе, служащее только подтвержденіемъ, не надобно ставить послѣ сильнѣйшаго предложенія; въ періодѣ двучленномъ длиннѣйшій членъ долженъ занимать второе мѣсто. Такое расположеніе членовъ облегчаетъ произношеніе; переходя ко второму отъ перваго кратчайшаго, память удобнѣе удерживаетъ этотъ кратчайшій, а отъ этого легче обнять и взаимную связь обоихъ членовъ. Періодъ: »Между тѣмъ, какъ страсти оставляютъ насъ, мы думаемъ, что мы ихъ оставляемъ«, не столько ясенъ и пріятенъ, какъ тотъ же самый періодъ извращенный: »Мы думаемъ, что оставляемъ страсти, между тѣмъ какъ онѣ насъ оставляютъ.« Вообще намъ нравится, когда рѣчь возрастаетъ по важности мыслей до послѣдняго слова

періода, если только такое расположеніе возможно, безъ нарушенія простоты и приличія. »Когда мы возвышаемся«, говоритъ Аддисонъ, »и созерцаемъ звѣзды, какъ обширныя моря пламени, вокругъ которыхъ обращаются купы планетъ; когда мы непрестанно открываемъ новыя тверди и новые источники свѣта, проникая въ глубину пространства: воображеніе наше теряется во множествѣ міровъ и солнцевъ, и мы цѣпенѣемъ отъ изумленія, при видѣ величія и безпредѣльности природы.«

Изъ предъидущаго слѣдуетъ правило, не оканчивать періода мѣстоименіемъ, нарѣчіемъ, предлогомъ или другимъ какимъ-либо словомъ, по смыслу рѣчи незначительнымъ: такое заключеніе ослабляетъ періодъ. Отъ окончанія неприятенъ слѣдующій періодъ: »Весь пышный нарядъ ея представлялъ разительную противоположность съ видомъ глубокаго унынія, которое изображалось во всѣхъ чертахъ лица *ея*.« Или: »Такъ чувствовала Россія, такъ чувствовали всѣ мы, провождая мужественнаго, крѣпкаго, неустрашимаго Героя нашего въ безмѣрномъ его поприщѣ, слѣдуя каждое мгновеніе за нимъ нашими мыслями, желаніями, молитвами, восхищенными и умиленными сердцами *нашими*.« Можетъ случиться, что на этихъ словахъ смыслъ оканчивается: тогда они уже не принадлежатъ къ описанію обстоятельствъ, а, какъ главныя, занимаютъ первое мѣсто. Во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда они опредѣляютъ обстоятельства дѣйствія и степени качествъ, не должны заслонять главнѣйшихъ словъ, а находиться при тѣхъ, которымъ служатъ опредѣленіемъ.

Тоже должно сказать и о членахъ періодовъ, выражающихъ какое нибудь постороннее обстоя-

тельство, или вставочное, но нужное пояснение: имя невыгодно оканчивать періодъ. Вотъ примѣръ изъ краснорѣчиваго Мерзлякова: »Несравненный Государь! въ семъ могущественномъ сліяніи милліоновъ, въ сей животворной взаимной любви — заключается вмѣстѣ съ ихъ счастіемъ и Твоя слава, и Тебѣ благодарность; *ибо на землѣ никакой другой награды Тебѣ не обрѣтается.*« Послѣдній, совсѣмъ ненужный членъ неудачно заключаетъ періодъ, впрочемъ красивый, волноподобный, который, казалось, поддержитъ силу свою до конца.

Искусное размѣщеніе членовъ представляетъ часто трудности, требующія большаго вниманія. Всѣ изображенія обстоятельствъ принадлежатъ къ одному цѣлому; это дикіе камни, которые искусною рукою зодчаго размѣщаются въ построеніи зданія такимъ образомъ, что служатъ и укрѣпленіемъ, и красою. По словамъ Квинтиліана, должно соединять ихъ съ тѣми членами, которымъ они болѣе приличны: такъ въ зодчествѣ огромные камни удобно помѣщаются и утверждаются (*).

Если подобныя слова затрудняютъ, лучше оставить ихъ, чтобъ главныя не встрѣчали никакой сбивчивости. Не должно также громоздить слишкомъ многихъ обстоятельствъ, но располагать ихъ въ разныхъ мѣстахъ періода, относить къ главнымъ словамъ по принадлежности, и не подавлять важнѣйшихъ словъ второстепенными. Въ этомъ отношеніи ошибоченъ слѣдующій періодъ: »Составляя собою далекую, сѣверную оконечность Европейскаго материка, заслоненный дикою Германіею и отдѣленный морями, Скандинав-

(*) Jungantur, quo congruunt maxime; sicut in structura saxorum rudium etiam ipsa enormitas invenit cui applicari, et in quo possit insistere.

скій полуостровъ не испытывалъ власти Римлянъ, и, по естественному состоянію своему и положенію, не могъ обольстить и привлечь варваровъ, въ первые вѣки Христіанства ринувшихся въ Европу изъ степей Азіи, устремившихся на обольстительный Югъ, смѣшавшихся съ обитателями Европы и разбившихъ исполинское созданіе древняго міра, Римскую Имперію.« Здѣсь изображеніе Скандинавскаго полуострова закрывается описаніемъ варваровъ.

Наконецъ послѣднее замѣчаніе о силѣ періода относится къ сравненію или противоположенію двухъ предметовъ: въ томъ и другомъ случаѣ члены, заключающіе сравненіе или противоположеніе, требуютъ сходства въ числѣ и послѣдовательности словъ. Естественно, когда предметы другъ другу соотвѣтствуютъ, выраженія ихъ также должны имѣть соотвѣтственность. Если не наблюдается это соотвѣтствіе, то сравненіе или противоположеніе кажется неконченнымъ, и выраженіе не имѣетъ ожиданной ясности и силы. Вотъ примѣры изящныхъ сравненій: »Ломоносовъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ. Онъ тоже учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Петръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Петръ Великій пробудилъ народъ, усыпленный въ оковахъ невѣжества; онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ возстающаго народа; онъ создалъ ему краснорѣчіе и стихотворство, испыталъ его силу во всѣхъ родахъ, и приготовилъ для грядущихъ талантовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ.« Или: »Ломоносовъ всегда рабъ своего предмета; Державинъ управляетъ имъ по своей волѣ. Первый всегда равенъ въ своемъ пареніи; другой,

подобно молніи, поражаетъ вдругъ, и часто скрывается отъ своего читателя. Одного можно уподобить величественнѣйшей рѣкѣ, текущей постоянно въ берегахъ своихъ; другой уподобляется водопаду, имъ самимъ описанному, между камнями стремящему ярыя волны свои, всегда свободному, придающему нѣкоторую дикость природѣ. Ломоносовъ въ слогѣ болѣе чистъ, болѣе точенъ, бережливѣе, связнѣе; Державинъ цвѣтнѣе, разнообразнѣе, роскошнѣе.«

Такіе періоды производятъ пріятнѣйшее впечатлѣніе; но только не должно употреблять во зло этого рода силы рѣчи. Они необходимы, когда самый смыслъ этого требуетъ. Напротивъ, тотъ бы скоро наскучилъ однообразіемъ, кто бы захотѣлъ безпрестанно строить сравненія и противоположенія; однообразное возвращеніе звуковъ утомляетъ слухъ и обнаруживаетъ изысканность: Между древними у Исократа это любимый оборотъ, въ чемъ справедливо упрекаетъ его Діонисій Галикарнасскій.

Вотъ правила, относящіяся къ изящнымъ качествамъ рѣчи, въ отношеніи къ ея объему и содержанію: ясности и силѣ. Мы изслѣдовали ихъ съ возможною подробностію; потому что отъ нихъ дѣйствительно зависитъ внѣшнее изящество мысли. Форма есть выраженіе самой сущности: такъ и формы слова служатъ внѣшнимъ покровомъ различныхъ оттѣнковъ мысли. Нѣкоторыя изъ предъидущихъ замѣчаній могутъ казаться неопытнымъ излишними; но кто самъ испыталъ трудности изящной рѣчи, тотъ согласится въ необходимости подробнаго разложенія всѣхъ нитей, изъ которыхъ составляется ткань періода. Мысль, выраженная періодомъ

яснымъ и текучимъ, производитъ иное дѣйствіе въ сравненіи съ выраженіемъ той же мысли вялымъ, сбивчивымъ. Если же это различіе ощутительно въ каждомъ предложеніи и періодѣ; то какое же дѣйствіе должно произвести цѣлое сочиненіе, состоящее изъ картинъ изящныхъ, вполнѣ изображающихъ мысли писателя?

Изъ всѣхъ изложенныхъ правилъ касательно построенія періода главнѣйшія, въ которыхъ прочія содержатся, состоятъ въ умѣньи излагать мысли въ естественномъ *порядкѣ*, отъ котораго зависитъ изобразительность рѣчи. Выраженіе, вполнѣ изображающее мысль, и такимъ образомъ, что мы совершенно обнимаемъ ее въ умѣ нашемъ, поражаетъ насъ, какъ предметъ изящный. Это основаніе всѣхъ правилъ: онѣ были бы излишни, еслибъ мысли наши всегда были ясны, и если бы всѣ равно владѣли языкомъ, на которомъ выражаютъ свои мысли. Тогда въ каждомъ предложеніи, въ каждомъ періодѣ были бъ и ясность, и точность, и единство, и сила. Кто выражается не ясно, тотъ, кромѣ незнанія языка, обнаруживаетъ недостатокъ въ мысляхъ. Періоды сбивчивые, темные, вялые, показываютъ такіе же недостатки въ мысляхъ, періодами выражаемыхъ. Мысль и слово взаимно дѣйствуютъ одна на другое. Отъ того законы риторическіе тожественны съ законами мышленія и изящества: учась наблюдать порядокъ въ построеніи рѣчи и выразительность движеній духа, научаемся мыслить въ такомъ же порядкѣ и съ такою же точностью.

Чтеніе девятое.

Окончаніе объ изящномъ построеніи періода. — Благозвучіе, или второе условіе изящной рѣчи.

По изслѣдованіи качествъ изящной рѣчи въ отношеніи къ порядку словопостроенія, обращаемся къ *благозвучію*, или движенію словотеченія.

Благозвучіемъ довершается изящество рѣчи; а потому и это качество требуетъ особеннаго разсмотрѣнія. Въ звукахъ осуществляется мысль наша: отъ того между мыслью и звуками голоса, какъ между духомъ и тѣломъ, столь тѣсная связь. Жесткіе и грубые звуки не могутъ выражать чувствованій нѣжныхъ и сладостныхъ; воображеніе, творящее образы въ словахъ для каждой мысли, противится такому несогласію. »То не можетъ тронуть чувства«, замѣчаетъ Квинтиліанъ, »что оскорбляетъ ухо, какъ нѣкое преддверіе (*).« Музыка могущественно возбуждаетъ извѣстныя движенія; различнымъ состояніямъ души соотвѣтствуютъ различные звуки; эти-то звуки сотрясаютъ однородныя имъ струны нашего сердца. Языкъ также имѣетъ часть музыкальнаго могущества; писатель долженъ умѣть воспользоваться этимъ преимуществомъ. Тотъ придаетъ новую прелесть мыслямъ своимъ, кто благозвучность слова соединяетъ съ изобразительностью мысли.

Въ рѣчи различать должно два рода благозвучности: во первыхъ, пріятность звуковъ и пере-

(*) »Nihil potest intrare in affectum, quod in aure, velu quodam vestibulo, statim offendit.«

мѣнъ голоса; во вторыхъ, выразительность звуковъ, или отношеніе ихъ къ мысли. Первое достоинство обыкновенное; второе служитъ слову величайшимъ украшеніемъ.

Прежде всего разсмотримъ благозвучность перваго рода. Основанія ея одни и тѣ же въ періодѣ и стихѣ; но какъ стихъ всегда бываетъ изліяніемъ сильнѣйшаго чувства и воображенія, то и благозвучіе его имѣетъ нѣкоторыя особенности. Въ настоящемъ случаѣ мы разберемъ общіе законы благозвучія, и преимущественно періодическаго. Благозвучность вообще зависитъ какъ отъ самыхъ звуковъ, отдѣльно взятыхъ, и отъ ихъ послѣдованія одного за другимъ, такъ отъ удареній и отъ расположенія словъ и членовъ въ предложеніи и періодѣ. Первое благозвучіе называютъ *эвфоническимъ*, второе *эвриѳмическимъ*.

Что касается до эвфоническаго благозвучія, то тѣ слоги пріятнѣйшіе, въ которыхъ находится счастливѣйшее сочетаніе гласныхъ съ согласными; гдѣ не сочетаваются многія жесткія согласныя, или гдѣ не тянутся многія гласныя, особенно одинакія, трудныя для произношенія. Основнымъ правиломъ можно положить, что всѣ звуки, затрудняющіе произношеніе, непріятны для слуха и неблагозвучны. Отъ гласныхъ слова получаютъ мягкость, отъ согласныхъ силу. Благозвучность языка состоитъ въ ихъ соразмѣрномъ сочетаніи. Отъ преимущества гласныхъ и согласныхъ языкъ бываетъ или мягокъ, или жестокъ. Притомъ слова сложныя вообще благозвучнѣе односложныхъ; они нравятся разнообразіемъ волнующихся звуковъ одного за другимъ. Такими словами богаты языки, отличающіеся благозвучностью. Изъ словъ же сложныхъ особенно тѣ нравятся

слуху, въ которыхъ слоги краткіе перемѣшены съ долгими.

Другое основаніе благозвучности — ударенія и расположеніе словъ и членовъ въ предложеніи и періодѣ. Сколь бы благозвучны ни были слова сами по себѣ, и съ какимъ бы вниманіемъ мы ни избирали ихъ, если они расположены не изящно въ отношеніи къ удареніямъ, ни періодъ, ни стихъ не можетъ быть благозвученъ. Въ этомъ Цицеронъ превосходитъ всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей. Видно, что онъ глубоко изучалъ и эту часть слова; кажется, онъ даже слишкомъ заботился объ этой рѣчи, которую называетъ »plena ac numerosa oratio.« Самый грубый слухъ услаждается его благозвучіемъ. Можно ли построить періодъ согласнѣе, благозвучнѣе, совершеннѣе этого періода (*): »Cogitate quantis laboribus fundatum imperium, quanta virtute stabilitam libertatem, quanta deorum benignitate auctas exaggeratasque fortunas, una nox pene delerit.« »Помыслите, сколькими трудами основанную державу, какою доблестію утвержденную самобытность, какимъ небеснымъ милосердіемъ возвеличенное и возвышенное благоденствіе одна ночь почти разрушила.«

Если построеніе періодовъ можетъ заключать въ себѣ такую благозвучность, то должно изслѣдовать, какъ достигается это совершенство, на какихъ началахъ оно основывается, и отъ какихъ законовъ зависитъ. Эти законы изслѣдованы древними, которые благозвучіе слова проникали до мельчайшихъ подробностей. Древніе въ періодической рѣчи, какъ и въ стихѣ, наблюдали извѣстный размѣръ, хотя не столь точный, но тѣмъ не менѣе

(*) Contra Catil. IV.

подверженный правиламъ. Въ ихъ періодѣ различаются стопы, число и послѣдовательность долгихъ и краткихъ, изъ которыхъ долженъ состоять каждый членъ періода, опредѣляется дѣйствіе, какое каждый членъ можетъ произвести. Въ правилахъ о построеніи періода они преимущественно имѣли въ виду его благозвучіе. Такъ учили Цицеронъ и Квинтиліанъ. Они менѣе занимались внутренними качествами рѣчи, ясностью, точностью, единствомъ и силою, которыя мы почитаемъ важнѣйшими; любимый предметъ ихъ: junctura и numerus. Въ сочиненіи Діонисія Галикарнасскаго: о *словопостроеніи въ періодѣ*, также предпочтительно изслѣдуется дѣйствіе словъ музыкальное. Онъ поставляетъ совершенство періода въ соединеніи четырехъ условій: пріятности звуковъ эвфонической, пріятности ихъ эвриѳмической, состоящей въ размѣрѣ, или количествѣ и качествѣ звуковъ, разнообразія и отношенія звуковъ къ выражаемой мысли. О всѣхъ этихъ предметахъ разсуждаетъ онъ со вкусомъ и глубокомысліемъ.

Въ наше время эта часть слова не изучается съ такою подробностью. Древніе языки, Греческій и Римскій, способны были къ большему благозвучію, нежели всѣ новѣйшіе. Долгота и краткость слоговъ ихъ были съ точностью опредѣлены; самыя слова ихъ сложнѣе и благозвучнѣе словъ новыхъ языковъ, кромѣ языковъ Славянскихъ. Измѣненія окончаній въ ихъ имснахъ и глаголахъ производили въ звукахъ пріятное разнообразіе и освобождали рѣчь отъ множества вспомогательныхъ словъ, безъ которыхъ Западные языки не могутъ обойтись; отъ этого свойства ихъ языковъ зависящее словорасположеніе угождало слуху.

Самый вкусъ Грековъ и Римлянъ вообще къ пластической сторонѣ искусства располагалъ ихъ къ музыкальности и въ словѣ. Музыка у древнихъ имѣла обширнѣйшее значеніе; она болѣе была изучаема; ее прилагали къ большему числу предметовъ. Всѣ драматическія сочиненія ихъ сопровождались музыкою; отъ того и говорили они: modos fecit, tibiis dextris et sinistris. Произношеніе рѣчей народныхъ требовало возвышеннаго голоса и особаго напѣва. У Аѳинянъ былъ такъ называемый ладъ законодательный, которымъ читались законы въ народѣ; они опасались, чтобъ простое чтеніе не ослабило впечатлѣнія, какое должна производить эта народная святыня. У Римлянъ Кай Гракхъ, когда говорилъ къ народу, всегда имѣлъ при себѣ музыканта, показывавшаго ему на флейтѣ тонъ голоса. Тогда думали, что музыкальность языка содѣйствовала успѣхамъ краснорѣчивыхъ словъ его, произнесенныхъ имъ въ качествѣ Трибуна, и вооружавшихъ однихъ Римлянъ противъ другихъ. Квинтиліанъ, осуждающій излишнюю заботливость объ этомъ, соглашается, что произношеніе напѣвомъ (cantus obscurior) составляетъ красоту народныхъ рѣчей. Отсюда въ языкахъ древнихъ, особливо въ Греческомъ, такое утонченное разнообразіе удареній острыхъ, тяжелыхъ, облеченныхъ, означавшихъ различное повышеніе и пониженіе голоса, которыя у насъ вышли изъ употребленія. Римляне не означали этихъ удареній, однако соблюдали ихъ при произношеніи. Это видно изъ словъ Квинтиліана: »Quantum, quale, comparantes gravi, interrogantes acuto tenore concludunt.« Въ языкахъ, на которыхъ болѣе произносились рѣчи, а не читались, музыка имѣла большое приложеніе: отъ того во всѣхъ родахъ народныхъ

рѣчей древнихъ какое разнообразіе въ переливахъ голоса, въ возвышеніи и пониженіи тоновъ! Вотъ почему они были разборчивы до утонченности въ строеніи періодовъ, назначаемыхъ *для* произношенія. По особому свойству языковъ Греческаго и Римскаго, и произношенію, музыкальное строеніе ихъ періодовъ производило такое дѣйствіе въ народныхъ рѣчахъ, какого нельзя ожидать ни отъ одного изъ новыхъ языковъ. Это одна изъ причинъ, побуждавшихъ ихъ изучать періодическую рѣчь. Цицеронъ въ *Ораторѣ* говоритъ: »Я часто бывалъ свидѣтелемъ, какъ собранія восклицали, когда слова текли изъ устъ витіи благозвучно: этого ожидаетъ слухъ (*).« При этомъ онъ упоминаетъ о замѣчательномъ примѣрѣ дѣйствія, какое гармоническій періодъ можетъ произвести на собраніе, именно о выраженіи изъ рѣчи Карбона, которую слышалъ самъ Цицеронъ: »Patris dictum sapiens temeritas filii comprobavit — отцовское мудрое слово дерзость сына подтвердила.« Онъ прибавляетъ, что даже звукъ словъ возбудилъ громкія рукоплесканія: »такой шумъ произведенъ въ собраніи, что нельзя было не удивляться (**)«; разбираетъ стопы, изъ которыхъ составлено это выраженіе, и которымъ онъ приписываетъ прелесть и могущество благозвучности; показываетъ, что, съ измѣненіемъ словорасположенія, измѣняется дѣйствіе выраженія: »Patris dictum sapiens comprobavit temeritas filii.« Трудно повѣрить, чтобъ подобное выраженіе на какомъ-либо новомъ языкѣ, равно благозвучное, могло произвести на наши собранія такое же

(*) »Conciones saepe exclamare vidi, cum verba apte cecidissent: id enim expectant aures.«

(**) »Tantus clamor concionis excitatus est, ut prorsus admirabile esset.«

дѣйствіе и возбудить въ слушателяхъ удивленіе и рукоплесканія. У насъ, сѣверныхъ жителей, слухъ не столько нѣженъ, благозвучіе слова не производитъ на насъ слишкомъ сильнаго дѣйствія; самое произношеніе, болѣе простое и однообразное, не способно къ благозвучію, одинакому съ Греческимъ и Римскимъ (*).

Изъ этого слѣдуетъ, что мы не можемъ этою частію слова столько же заниматься, сколько занимались ею древніе: ихъ языки и назначеніе краснорѣчія требовали совершенства съ пластической стороны періода. Въ нашихъ языкахъ потеряна количественность слоговъ, или долгота ихъ и краткость. Если бъ даже періодъ нашъ измѣрялся, какъ періодъ древнихъ; то благозвучіе его потерялось бы для слуха нашего отъ произношенія. Притомъ періода не льзя заключить въ размѣръ наровнѣ со стихомъ: разнообразіе его должно соотвѣтствовать разнообразію предметовъ краснорѣчія и свободной простотѣ оратора. Исчислимъ только основныя правила благозвучія, свойственнаго и новымъ языкамъ. Впрочемъ вкусъ и слухъ, образованные чтеніемъ писателей и собственнымъ упражненіемъ, въ этой части слова служатъ лучшими наставниками.

Благозвучіе періода зависитъ отъ двухъ условій: отъ искуснаго расположенія членовъ и паденія въ заключеніи. Все, что легко и пріятно для

(*) Cic. Or. 51. »In versu quidem theatra tota exclamant, si fuit una syllaba aut brevior, aut longior. Nec vero multitudo pedes novit, nec ullos numeros tenet; nec illud quod offendit, aut cur, aut in quo offendat, intelligit; et tamen omnium longitudinum et brevitatum in sonis, sicut acutarum graviumque vocum, judicium ipsa natura in auribus nostris collocavit.«

органа слова, приятно и для слуха. Окончаніе каждаго члена въ періодѣ составляетъ отдыхъ; эти отдохновенія надобно такъ располагать, чтобъ они не останавливали дыханія, и чтобъ ихъ разстояніе было соразмѣрно. Возьмемъ примѣръ изъ Похвальнаго слова Мерзлякова Александру I: »Какъ древле Моисей, вождь Израиля, искушаемый толикократно корыстолюбивою, завистливою политикою Египта, перешелъ невредимъ посредѣ моря въ землю, праотцамъ его обѣтованную, текущую млекомъ и медомъ: тако Александръ, съ самаго начала царствованія, искушаемый безпрерывно новымъ Фараономъ, провелъ наконецъ своего Росса ко благу и славѣ, паче доблественна, седмерицею очищеннаго, совершеннѣйшаго сквозѣ кровавое и бурное море войны и соблазновъ.« Здѣсь нѣтъ благозвучія; періодъ даже шероховатъ, и единственно отъ того, что въ немъ одно отдохновеніе въ срединѣ, между членами, которые, по долготѣ своей, трудны для произношенія.

Напротивъ, какъ легокъ слѣдующій періодъ, въ которомъ отдохновенія разставлены соразмѣрно съ легкостью для произношенія. »Я разбиралъ намѣренія, пути всѣхъ величайшихъ героевъ — и повсюду видѣлъ одно честолюбіе, страсть преобладанія; здѣсь вижу пожертвованіе своимъ покоемъ, своими выгодами для покоя и выгодъ человѣчества; повсюду встрѣчалъ средствами — сребролюбіе и коварство; здѣсь правота и откровенность постоянная; вездѣ цѣль — собственные свои тріумфы; здѣсь — отданіе каждому принадлежащаго. Каждая мысль — благо, каждый шагъ — чудо. Въ сихъ священныхъ мечтаніяхъ, кажется, былъ я превыше сего міра; кажется, нѣкою таинственною силой переселился въ тотъ

Божественный чертогъ, небесами небесъ отъ насъ отдѣленный, гдѣ непостижимая Премудрость, непостижимое Всемогущество и непостижимая Благость совершаютъ великіе виды, токмо высокостію измѣряемые; гдѣ начало — конецъ, гдѣ намѣреніе — исполненіе; кажется, видѣлъ я Ангела горняго въ лучезарномъ сіяніи, или паче, самого Всевышняго, нисходящаго на искупленіе Европы, на второе обновленіе человѣчества. Прости, Великій Государь, мечтамъ моимъ: онѣ плодъ благодарнаго, восторженнаго сердца.« Здѣсь текучесть рѣчи, правильное дѣленіе періода на члены производятъ благозвучіе. Должно также замѣтить, что періодъ съ слишкомъ многими разстановками, притомъ съ разстановками равномѣрными, приводитъ къ другой крайности — изысканности.

Мы сказали, что еще должно смотрѣть въ періодѣ на паденіе въ заключеніи: оно-то особенно поражаетъ слухъ. Квинтиліанъ совѣтуетъ: »чтобы не было жестко и отрывисто заключеніе, на которомъ духъ отдыхаетъ и оживляется. Это успокоеніе рѣчи; его ожидаетъ слушатель; здѣсь раздаются рукоплесканія (*).« Звуки въ періодѣ должны возрастать къ заключенію: для этого преимущественно оканчивается періодъ членами длиннѣйшими, и словами полными и благозвучнѣйшими. Звуки, падающіе въ концѣ, производятъ слабое дѣйствіе: отъ того мѣстоименія, нарѣчія и частицы, ослабляющія выраженіе въ концѣ періода, разрушаютъ и благозвучіе. Повторяемъ, что мысль и звукъ, какъ тѣло мысли, дѣйствуютъ одна на другой взаимно, и тѣсно между собою соединены.

(*) »Non igitur durum sit, neque abruptum, quo animi, velut respirant ac reficiuntur. Hæc est sedes orationis; hoc auditor expectat; hic laus omnis declamat.«

То, что оскорбляетъ слухъ, ослабляетъ и мысль; на оборотъ, то, что унижаетъ мысль, и звучитъ неприятно. Въ Русскомъ языкѣ благозвучнѣйшее окончанiе перiода требуетъ словъ съ предпослѣднимъ слогомъ долгимъ. Односложными словами у насъ тогда можно оканчивать перiоды, когда имъ предшествуютъ слова съ предпослѣдними долгими слогами. Надобно замѣтить, что перiоды, постоянно оканчивающiеся долгими или съ предшествующими долгими слогами, не производятъ прiятнаго впечатлѣнiя: слухъ скоро къ этому привыкаетъ и этимъ пресыщается. Для поддержанiя вниманiя слушателя или читателя — для того, чтобъ впечатлѣнiя сохранили свѣжесть и силу, должно измѣнять въ перiодахъ словотеченiе и окончанiе. Это относится и къ самому паденiю перiодовъ, и къ расположенiю членовъ. Поэтому никогда не ставятся два перiода сряду однобразные и съ одинакимъ раздѣленiемъ отдохновенiй голоса. Напротивъ, краткiя предложенiя, перемѣшенныя съ длинными и благозвучными перiодами, оживляютъ рѣчь и придаютъ ей разнообразiе и великолѣпiе. Иногда звуки жесткiе, паденiя неправильныя и отрывистыя производятъ прiятное дѣйствiе. Писатели, слишкомъ заботящiеся о благозвучныхъ построенiяхъ, впадаютъ въ другую крайность — однообразiе. Пѣсни на одинъ голосъ не покажутся ли нарушенiемъ всякаго пѣнiя? Слухъ самый простой можетъ открыть нѣсколько благозвучныхъ формъ рѣчи; но прилично ли всегда употреблять эти формы? Одинъ только вѣрный и утонченный слухъ въ состоянiи разнообразить благозвучiе рѣчи; отъ того и мало писателей, владѣющихъ этимъ даромъ въ высокой степени.

Впрочемъ изученіе внѣшней стороны рѣчи и стараніе о благозвучіи должно быть заключено въ извѣстныхъ предѣлахъ. Тотъ производитъ впечатлѣніе тягостное, кто обнаруживаетъ излишнюю заботливость о благозвучіи, жертвуетъ внѣшнему качеству рѣчи внутренними, существенными. Всякое слово, не прибавляющее значенія, но введенное въ періодъ только *для* округленія — слово, принадлежащее къ числу тѣхъ, которыя Цицеронъ называетъ *complementa numerorum*, есть погрѣшность. Тѣ украшенія обнаруживаютъ дѣтство, которыя болѣе лишаютъ рѣчь выразительности, нежели сколько прибавляютъ ей красоты со стороны благозвучности. Мысль всегда имѣетъ соотвѣтственную ей гармонію: выражайте ее ясно, сильно — ваши выраженія непремѣнно будутъ благозвучны. Достаточно соблюсти пріятное словотеченіе въ періодѣ; излишняя выработка иногда ослабляетъ рѣчь. Квинтиліанъ, послѣ продолжительныхъ изслѣдованій о благозвучности рѣчи, прибавляетъ: »Вообще пусть лучше будетъ рѣчь жесткая и шероховатая, нежели изнѣженная и вялая, какую встрѣчаемъ у многихъ. Отъ того иногда съ намѣреніемъ надобно періодическую рѣчь раздѣлять, чтобъ не видно было выработки; никогда не должно настоящимъ словомъ жертвовать пріятности (*).« Цицеронъ, какъ уже замѣтили мы, въ благозвучномъ строеніи періодической рѣчи можетъ служить образцомъ;

(*) »In universum, si sit necesse, duram potius atque asperam compositionem malim esse, quam effeminatam ac enervem, qualis apud multos. Ideoque, vincta quaedam de industria sunt solvenda, ne laborata videantur; neque ullum idoneum aut aptum verbum prætermittamus, gratia lenitatis.«

въ немъ даже замѣтна излишняя заботливость объ украшеніяхъ, лишающихъ иногда рѣчь силы и выразительности. Любимое заключеніе его *»esse videatur«* въ рѣчи: pro lege Manilia, встрѣчается одиннадцать разъ. Но въ этомъ великомъ ораторѣ немногія погрѣшности искупаются безчисленными красотами; если и примѣтно, что благозвучіе его изучено, по крайней мѣрѣ, видно, что это не стоило ему большаго труда.

Между отечественными писателями, кромѣ Карамзина, рѣчь Батюшкова и Жуковскаго особенно отличается благозвучностью. Но въ истекшемъ столѣтіи Фонъ-Визинъ въ переводѣ Томасова Похвальнаго слова Марку Аврелію показалъ примѣръ излишней изысканности: рѣчь его, отзывающаяся Латинскимъ ладомъ, однообразна и неприятна. Рѣчи Мерзлякова большею частію представляютъ гармоническіе періоды, выливавшіеся по формамъ древнихъ. Этотъ писатель умѣлъ избѣжать опасности, какой подпадаютъ другіе — однообразія.

Отъ изящныхъ измѣненій періодическаго расположенія перейдемъ къ изяществу звуковъ, соотвѣтствующихъ мысли. Художественное расположеніе словъ и членовъ въ періодѣ доставляетъ величайшую пріятность, производитъ сладостнѣйшія впечатлѣнія; въ самыхъ же звукахъ содержится выразительность. Въ этой выразительности можно различить двѣ степени: одна состоитъ въ послѣдовательности звуковъ, движеніемъ своимъ согласныхъ со смысломъ рѣчи; вторая показываетъ сходство звуковъ съ предметами, которые ими изображаются.

Въ звукахъ дѣйствительно заключается соотвѣтственность съ нашими понятіями; это свойство естественно обнаруживается въ нашей рѣчи,

и еще болѣе развивается искусствомъ. Иногда повтореніе одного и того же періодическаго строенія нравится, если согласно съ настроенностію чувства. Полные и звучные Цицероновскіе періоды представляютъ уму всегда что-либо важное, великолѣпное и спокойное; это естественный способъ выраженія чувствъ спокойныхъ и возвышенныхъ. Но эти же періоды не свойственны ни сильной страсти, ни живому разсужденію, ни обыкновенному разговору: тутъ нужно словотеченіе легкое, простое. Искусство соглашаетъ настроенность періодической рѣчи съ предметомъ. Обороты, постоянно однообразные, если бы и не утомляли слуха, не соотвѣтствуютъ ни намѣреніямъ различныхъ родовъ сочиненій, ни различнымъ частямъ одного и того же сочиненія. Странно на одинъ ладъ писать похвальное слово и грозное обвиненіе, равно какъ не прилично чувствительную пѣсню настроить на ладъ военнаго диѳирамба. Смотрите, съ какимъ искусствомъ Цицеронъ изображаетъ въ слѣдующемъ періодѣ тишину и спокойствіе счастливой жизни: »Хотя человѣку ничего нельзя желать болѣе благополучной, ровной и постоянной судьбы, при теченіи жизни счастливомъ, безмятежномъ; однако если бъ мои обстоятельства были спокойны и мирны, я былъ бы лишенъ невѣроятнаго и божественнаго наслажденія радостью, которую, по вашей благости, нынѣ вкушаю (*).« Можно ли совершеннѣе выразить эту мысль? Она въ этомъ періодѣ осязательно изображена для слу-

(*) »Etsi homini nihil est magis optandum quam prospera, æquabilis perpetuaque fortuna, secundo vitæ, sine ulla offensione, cursu; tamen, si mihi tranquilla et pacata omnia fuissent, incredibili quadam et paene divina, qua nunc vestro beneficio fruor, laetitiæ voluptate caruissem.«

ха. Но не странно ли было бъ, если бы Цицеронъ въ такой же правильной, размѣрной рѣчи поражалъ Антонія или Катилину? Поэтому, обдумывая чертежъ сочиненія, мы должны вполнѣ обнять и тонъ со всѣми подраздѣленіями, или ту настроенность духа, въ какой естественно изливаются наши чувствованія: свойственны ли имъ округленные періоды, важные, торжественные, или краткія, живыя, отрывистыя выраженія. Отъ главнаго тона сочиненія должны зависѣть всѣ измѣненія періодовъ; это то же, что главныя ноты въ сочиненіяхъ музыкальныхъ. Въ одномъ и томъ же сочиненіи по главному тону измѣняются всѣ части сочиненія, согласно съ выражаемыми мыслями и чувствованіями.

Кромѣ благозвучія, состоящаго въ послѣдовательности звуковъ, согласныхъ съ мыслями и чувствованіями, к о т о р ы я ими выражаются, слово звуками своими можетъ выражать извѣстные предметы. Впрочемъ въ рѣчи періодической это звукоподражаніе бываетъ несовершенное; мѣсто его въ стихѣ, гдѣ допускается бо́льшая свобода всѣхъ возможныхъ словоизмѣненій; самое стопосложеніе способствуетъ выразительности. — Звуками словъ можно представлять предметы трехъ родовъ: предметы звучащіе, движеніе и страсти. Подражаніе звуками предметамъ перваго рода самое простое: тамъ легко органомъ голоса выразить шумъ волнъ морскихъ, завываніе вѣтровъ, журчанье ручья. Это изображеніе звуковъ звуками. Здѣсь для выраженія звуковъ тихихъ избираются слова, составленныя изъ гласныхъ и плавныхъ согласныхъ; для выраженія звуковъ грубыхъ, впечатлѣніе наше облекается въ слоги жесткіе. Такія звукоподражанія составляютъ основную часть

всѣхъ коренныхъ языковъ: въ нихъ слово представляетъ сродство съ самимъ предметомъ; такъ близко звукоподражаніе. Свистъ, шумъ, жужжаніе, шипѣніе, трескъ, краканіе, щебетаніе и другія подобныя слова совершенно выражаютъ предметы; ими свойства предметовъ представляются въ явленіи. Въ этомъ изъ нашихъ отечественныхъ писателей Державинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ и Пушкинъ неподражаемы.

Другой родъ звукоподражанія состоитъ въ выраженіи различныхъ степеней движенія — медленнаго или быстраго, непрерывнаго или порывистаго, легкаго или затруднительнаго. Между звукомъ и движеніемъ нѣтъ непосредственнаго сходства; но большое сходство между ними представляетъ воображеніе. Такова связь музыки и пляски: одна выражаетъ чувствованія въ звукахъ, другая въ движеніяхъ. Поэтъ также въ словѣ можетъ представить движеніе посредствомъ звуковъ, которые въ воображеніи нашемъ соотвѣтствуютъ этому движенію. Естественно, долгіе слоги представляютъ движеніе медленное, какъ стихи Виргилія:

»Illi inter sese magna vi bracchia tollunt.«

Рядъ краткихъ слоговъ изображаетъ движеніе быстрое:

»Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.«

У Омира и Виргилія находимъ множество подобныхъ звукоподражаній.

Наконецъ въ звукахъ слова изображаются страсти. Съ перваго взгляда представляется мало сходства между столь разнородными предметами; но можно ли сомнѣваться въ этомъ, когда вспомнимъ могущество музыки, возбуждающей въ насъ раз-

личныя страсти, и силу тоновъ, согласныхъ съ тѣмъ или другимъ чувствованіемъ. Здѣсь нѣтъ непосредственной связи; но извѣстное расположеніе звуковъ и слоговъ напоминаетъ намъ извѣстный рядъ мыслей и чувствованій, и такимъ образомъ возбуждаетъ въ душѣ мысли и чувствованія, передаваемыя поэтомъ. Въ этомъ состоитъ сродство звуковъ и чувствованій. Кромѣ таинственной связи между звуками и настроенностью духа нашего, воображеніе дополняетъ это сходство: отъ того одни и тѣ же звуки дѣйствуютъ на насъ различно, смотря по различному расположенію духа. Звуки голоса нашего подражаютъ не самымъ предметамъ, а впечатлѣнію, какое производятъ они въ нашей душѣ; мы сами это впечатлѣніе облекаемъ въ извѣстные звуки въ воображеніи нашемъ и прилагаемъ ихъ къ словамъ писателя; музыкальность стиха часто бываетъ та самая, которую создало наше собственное воображеніе. Удовольствіе, радость, рядъ пріятныхъ предметовъ естественно выражаются въ звукахъ сладостныхъ. Стихотвореніе Державина: *Цѣленіе Саула*, можетъ служить образцомъ музыкальныхъ движеній, выражающихъ различныя состоянія души. Разсказъ душевныхъ страданій Саула изложенъ размѣромъ медленнымъ, свойственнымъ болѣе печали и унынію.

»Отверзлись ржавыя со скрипомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусть, и скорбь, и скука, и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ черныхъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, всѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей
Стадами гладными на казнь бѣгутъ. . . .«

Но вотъ пѣснь Давида, пришедшаго *брящаньемъ струнъ цѣлить* Саула:

»О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ!
Скорбь Царску утиши,
Отри потоки съ глазъ,
И просвѣти Твое лице
На блещущемъ его вѣнцѣ.«

Изображенію хаоса соотвѣтствуетъ анапестъ:

»Огнь, земля и вода, и весь воздухъ въ борьбѣ
Межь собой, внутрь и внѣ, безпрестанно сражались,
И лишь жизнь тѣмъ они всѣмъ являли въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ прорывались.
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ глубинѣ,
Какъ катясь, какъ вратясь, даль и близь оглушали;
Бездны безднъ, хляби хлябь, колебавъ въ тишинѣ,
Безъ устройствъ естество, ужасъ, мракъ представляли.«

Раскаяніе Саула раждаетъ въ душѣ его спокойствіе; печаль небесная заступаетъ мѣсто адской грусти. Живыя чувствованія требуютъ и стопосложенія болѣе быстраго:

»О, какъ милость есть любезна!
Всѣхъ она славнѣй добротъ!
Плачетъ Царь — и струйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ,
Не пустя упасть во тьму,
Милосердью посвящаетъ:
Жертвъ приятнѣй всѣхъ ему.«

Мысль выразить музыкальность поэзіи посредствомъ стопосложенія, согласно съ сущностью предмета и свойствомъ лица, осуществлена въ слѣдующихъ стихахъ Жуковскаго. Въ Орлеанской

Дѣвѣ, Іоанна, размышляя сама съ собой, говоритъ пентаметрами ямбическими риѳмованными:

»Молчитъ гроза военной непогоды!
Спокойствіе на полѣ боевомъ!
Вездѣ шумятъ по стогнамъ хороводы;
Алтарь и храмъ блистаютъ торжествомъ;
И зиждутся изъ вѣтвей пышны входы;
И гордый столбъ обвитъ живымъ вѣнцомъ;
И гости ждутъ вѣнчательнаго пира;
Готовы тронъ, корона и порфира.«

Но Іоанна вслушивается въ музыку, и, какъ бы ею настроенная, перемѣняетъ ямбъ на хорей:

»Ахъ! почто за мечъ воинственный
»Я мой посохъ отдала,
»И тобою, другъ таинственный,
»Очарована была!«
»Зрѣла я небесъ сіянье,
»Зрѣла Ангеловъ въ лучахъ;
»Но души моей желанье
»Не живетъ на небесахъ! . . .«

Обыкновенный разговоръ продолжается стихами бѣлыми:

»О еслибъ ты узнала сладость чувства!
»Войны ужъ нѣтъ: сложи твой бранный панцырь,
»И грудь открой чувствительности женской.«

Вообще музыкальное подражаніе сперва касалось предметовъ тоническихъ; потомъ выраженіе открыло отношенія между медленностью и быстротою, покоемъ и движеніемъ. Отсюда звукоподражаніе простерлось даже на краски, въ слѣдствіе понятій, сопряженныхъ съ красками: въ красномъ цвѣтѣ мысль усмотрѣла живость, въ синемъ тихость, въ бѣломъ чистоту, и, согласно съ этими понятіями, утвердила здѣсь права свои на подражаніе звуками. Такимъ образомъ слово стало развитіемъ цѣлаго міра воззрѣній и понятій посредствомъ звуковъ.

Чтеніе десятое.

Начало и свойства украшеннаго языка. — Изящество, придаваемое рѣчи тропами и фигурами: изобразительность и одушевленіе. — Основаніе и раздѣленіе троповъ.

По объясненіи строенія предложеній и періодовъ, приступимъ къ другимъ правиламъ слога. Кромѣ ясности и силы, украшенія составляютъ новое его достоинство. Мы разсматривали ясность и силу въ словахъ отдѣльно, и въ цѣлыхъ предложеніяхъ и періодахъ; изслѣдовали дѣйствія ихъ, проявляющіяся въ порядкѣ словопостроенія и въ движеніи словотеченія, или въ одушевленіи. Языкъ украшенный представляетъ новый родъ изобразительности и одушевленія, новый источникъ украшеній, требующій также подробнаго изслѣдованія (*).

Чтожъ должно разумѣть подъ словами: *украшенный языкъ, тропы и фигуры?* Вообще украшенный языкъ всегда предполагаетъ нѣкоторое измѣненіе въ обыкновенномъ выраженіи. Искусство старается окружить насъ существами, намъ подобными, придавая всему, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые признаки чувствъ, какія мы сами имѣемъ; отъ этого дѣйствіе бываетъ сильнѣе и живѣе. Одушевленный писатель, намѣреваясь сообщить намъ что либо, не просто выражаетъ мысли свои и чувствованія; но выраженія его получаютъ особенный видъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особенное дѣй-

(*) Многіе писатели занимались этимъ предметомъ. Лучшія сочиненія *Дюмарсе*: Traité des tropes pour servir d'introduction à la rhétorique et à la logique, *и Гоме*: Elements of criticism.

ствіе. Такъ, вмѣсто выраженія: »добродѣтельный »въ самомъ несчастіи находитъ утѣшеніе«, говорятъ: »добродѣтельному и во мракѣ свѣтъ.« Послѣднее выраженіе называютъ *фигурнымъ*; оно принадлежитъ къ языку украшенному. Здѣсь *свѣтъ* употребленъ вмѣсто *утѣшенія*, *мракъ* выражаетъ *несчастіе*. Вмѣсто обыкновеннаго выраженія: »Умъ »человѣческій не въ состояніи постигнуть вели»чія Всемогущаго«, Боговдохновенный Пророкъ вѣщаетъ: »Или слѣдъ Господень обрящеши? Или въ »послѣдняя достиглъ еси, яже сотвори Вседер»житель? Высоко небо, и что сотвориши? Глубо»чае же сущихъ во адѣ что вѣси?« Здѣсь представлена предъидущая мысль, но представлена съ чувствомъ удивленія.

Не смотря на то, что украшенный языкъ отдаляется отъ простоты языка разговорнаго, въ сущности своей онъ относится къ первоначальному и естественному способу выраженія нашихъ чувствованій; нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы не встрѣчались фигуры, рѣдкое даже выраженіе не принадлежитъ къ языку украшенному. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что фигуры составляютъ необходимую часть языка, и что мы естественно сами научаемся ихъ употребленію. Оно состоитъ въ неисповѣдимой для насъ гармоніи между природою духовною и вещественною. Люди необразованные употребляютъ такъ же фигуры, какъ и просвѣщенные. Когда одно какое-либо чувство сосредоточиваетъ всѣ прочія способности душевныя, воображеніе воспламеняется: тогда слово льется потокомъ — простолюдинъ выражается языкомъ украшеннымъ.

Чтожъ обращаетъ вниманіе наше на этотъ языкъ украшенный? Отъ него большею частію

зависитъ изящество слова; въ немъ видно влiянiе тѣхъ душевныхъ способностей, которыя мыслямъ придаютъ чувственный образъ — влiянiе воображенiя и чувства. Какъ наружный видъ предмета служитъ отличiемъ его отъ другихъ подобныхъ; такъ и фигуры облекаютъ мысль въ особенную форму рѣчи, отличающую ее отъ другихъ и отъ простаго выраженiя. Обыкновенное выраженiе просто представляетъ мысль нашу; фигуры облекаютъ ту же мысль въ особый покровъ, какъ въ нѣкоторое убранство.

Поэтому фигуры можно назвать языкомъ воображенiя и чувства; однѣ содѣйствуютъ *изобразительности*, другiя усиливаютъ *одушевленiе*. Подробнѣйшiй ихъ разборъ покажетъ вѣрность этого опредѣленiя. Ихъ раздѣляютъ на фигуры словъ и фигуры мыслей. Въ первыхъ слова отдаляются отъ первоначальнаго своего значенiя и принимаютъ новое: онѣ называются тропами; съ перемѣною слова измѣняется тропъ. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ тропъ состоитъ въ словахъ: »свѣтъ и мракъ«, которыя употреблены не въ буквальномъ смыслѣ, но въ значенiи »утѣшенiя и несчастiя«, на основанiи сходства между понятiями: свѣтъ и утѣшенiе, мракъ и несчастiе. Въ другомъ родѣ фигуръ всѣ слова употребляются въ собственномъ значенiи, но только дается имъ особенный оборотъ мысли, каковы: вопрошенiе, прехожденiе, анафора. Въ нихъ можно перемѣнять слова, переводить ихъ съ одного языка на другой, и фигура не измѣнится. Впрочемъ это различенiе въ приложенiи не приноситъ пользы, и въ сущности не совсѣмъ точно. Какое бы ни дали мы названiе извѣстному способу выраженiя мыслей, названiе тропа или фигуры, должны

помнить, что языкъ украшенный всегда показываетъ *движенie* чувства и *картину* воображенія, выражаемыя въ словѣ. Отъ того правильнѣе можно раздѣлять украшенный языкъ на *фигуры воображенія* и *чувства;* воображеніе дѣйствуетъ на изящество формъ, а чувство эти формы одушевляетъ. Изслѣдуемъ ихъ начало и свойства.

Прежде всего разсмотримъ, какая польза отъ правилъ объ украшенномъ языкѣ. Сколько людей, которые говорятъ и пишутъ, не зная названія ни одной фигуры, ни правилъ объ ихъ употребленіи. Сама природа, какъ мы уже замѣтили, учитъ насъ этому способу выраженія мыслей; многіе употребляютъ кстати метафоры, сами не зная, что они говорятъ метафорами. Это однакожъ не доказываетъ, что правила для насъ не нужны. Всѣ умозрительныя знанія имѣютъ основаніемъ опытъ; наблюденія предшествуютъ правиламъ и системамъ, которыя въ свою очередь совершенствуютъ опытность. Мы часто слышимъ пѣніе людей, незнающихъ вовсе пѣвческой гаммы; однакожъ мы признаемъ необходимость правилъ музыки, для образованія врожденныхъ дарованій къ этому искусству. Такъ же развивается красота языка, какъ слухъ и голосъ; знаніе правилъ, отъ которыхъ зависитъ лучшій способъ выраженія, составляетъ одинъ изъ предметовъ науки о словѣ. Съ другой стороны не должно думать, чтобы все изящество сочиненій зависѣло отъ изученія фигуръ, впрочемъ необходимыхъ и требующихъ подробнаго разсмотрѣнія. Стараніе, съ какимъ обыкновенно излагается въ риторикахъ ученіе о тропахъ и фигурахъ, раздѣленіе ихъ на классы и различныя названія подали поводъ инымъ думать, что въ роскошномъ употребленіи этихъ украшеній заклю-

чается все изящество краснорѣчія и поэзіи: отъ того у многихъ писателей замѣчаемъ принужденность, вялость, напыщенность. Достоинство украшеннаго языка состоитъ преимущественно въ одушевленіи чувства и картинахъ воображенія; это изящное проявленіе мысли. Никакая фигура не придастъ души сочиненію, скудному въ мысляхъ; напротивъ, свѣтлая мысль, истинное чувство произведутъ дѣйствіе сами собою, безъ помощи посторонняго украшенія. Такъ у писателей, возбуждающихъ удивленіе вѣковъ, самыя трогательныя мѣста и особенно поразительныя выражены языкомъ простымъ. Прощаніе Гектора у Омира; Эвандръ, прощающійся съ сыномъ своимъ Паллантомъ, у Виргилія — эти мѣста оставляютъ глубокое впечатлѣніе въ сердцѣ, при всей простотѣ выраженія. Часто одна рѣзкая черта подобныхъ изображеній, заимствованныхъ изъ глубины сердца человѣческаго, гораздо сильнѣе множества фигуръ. Таковы описанія Боговдохновенныхъ Пророковъ. »Яко той рече и быша, той повелѣ и создашася.« Истинно высокое состоитъ въ мысли, въ чувствѣ: тутъ не нужны украшенія придуманныя; ихъ мѣсто въ изображеніяхъ болѣе умѣренныхъ. Но и здѣсь потребны основательность мыслей и полнота чувствованій; онѣ должны естественно слѣдовать за своимъ предметомъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію такъ называемыхъ троповъ, или фигуръ реченій. Человѣкъ, въ умилительномъ благоговѣніи къ Создателю и Зиждителю вселенной, привѣтствуя окружающую его природу и одаренный словомъ, которое не разлучно съ мыслію, занимался прежде предметами, особенно поражавшими вниманіе его и чувства. Съ распространеніемъ знаній о предме-

пахъ увеличивалось число словъ, и языкъ возрасталъ. Но ни одинъ языкъ недостаточенъ для выраженія безчисленнаго множества предметовъ и понятій; нѣтъ ни одного языка, въ которомъ бы каждому предмету и понятію соотвѣтствовало особое слово. Здѣсь раждается потребность сократить число названій, которое должно бы возрасти до безконечности. Чтожъ дѣлаетъ умъ человѣческій? Для облегченія памяти, въ случаѣ выраженія какого-либо новаго понятія, онъ употребляетъ слово, принадлежащее къ другому предмету, но съ новымъ имѣющему нѣкоторое сходство, или, по крайней мѣрѣ, имѣющему къ нему какое-либо отношеніе. Съ одной стороны человѣкъ, открывая въ себѣ различныя способности, отличалъ ихъ качествами предметовъ видимыхъ; съ другой стороны, наблюдая природу, придавалъ ей свои собственныя свойства. Отсюда, по первому сравненію, произошли реченія: *глубокомысліе*, *остроуміе*, *пламенное воображеніе*; по второму сравненію стали говорить: *подошва* горы, дождь *идетъ*, солнце *восходитъ*. Такими тропами изобилуютъ всѣ языки; потому что во всѣхъ языкахъ встрѣчалась надобность подобными *иносказаніями* дополнять недостатокъ словъ собственныхъ. Всѣ дѣйствія ума и чувствованія сердца, во всѣхъ языкахъ, выражены словами, взятыми отъ предметовъ чувственныхъ; потому что первыя слова состояли въ названіи предметовъ видимыхъ. Эти названія видимыхъ предметовъ перенесены къ предметамъ умственнымъ, для которыхъ люди затруднялись пріискивать особыя реченія. Въ этомъ случаѣ воображеніе помогало названіямъ: оно открывало сходство въ качествахъ между предметами видимыми и не-

видимыми, и слово отъ собственнаго значенія переносилось къ несобственному. Такъ стали говорить: *свѣтлая* голова, *мягкое* сердце, *проницательный* умъ, *пламенное* воображеніе.

Хотя скудость языка и недостатокъ словъ собственныхъ для каждаго предмета первоначально были причиною происхожденія троповъ; однако эта причина не единственная и не главная. Происхожденіе языка украшеннаго — въ воображеніи и чувствѣ, имѣющихъ на способъ выраженія нашего большое вліяніе. Предметъ, производящій на насъ впечатлѣніе, бываетъ окруженъ различными обстоятельствами и находится въ различныхъ отношеніяхъ, которыя поражаютъ насъ равно, какъ и самый предметъ. Притомъ мы всегда разсматриваемъ каждый предметъ не отдѣльно, но въ зависимости и въ связи съ другими предметами: разсматриваемый предметъ или предшествуетъ другимъ, или слѣдуетъ за ними; бываетъ или ихъ слѣдствіемъ, или причиною; сходенъ съ ними, или отъ нихъ различествуетъ; имѣетъ извѣстныя качества и сопровождается извѣстными условіями. Такимъ образомъ каждая мысль, каждый предметъ ведетъ за собою другія мысли или другіе предметы, какъ слѣдствія. Часто этѣ принадлежности дѣйствуютъ на насъ сильнѣе, нежели главныя мысли, или по тому, что понятія о нихъ пріятнѣе для насъ, или по тому, что онѣ намъ болѣе знакомы и производятъ въ насъ сладостныя воспоминанія. Воображеніе, останавливаясь на которомъ-либо постороннемъ понятіи, заимствуетъ названіе отъ него; потому что это понятіе особенно его занимаетъ. Вотъ источникъ троповъ и фигуръ, сокрытый въ духѣ нашемъ!

Такъ для означенія времени, въ которое какое-либо государство находилось на высшей степени славы, мы употребляемъ выраженіе: *процвѣтаніе*; потому что мысль объ этой высшей степени соединяется съ мыслію о цвѣтущемъ деревѣ; на этой посторонней мысли мы останавливаемся и говоримъ: »самая цвѣтущая эпоха Россіи начинается съ царствованія Петра Великаго.« Начальника называютъ *главою*; потому что голова управляетъ тѣломъ. Слово *голосъ* сначала употреблено было для означенія звуковъ, образуемыхъ органами слова. Но какъ посредствомъ этого звука люди выражаютъ мысли свои и желанія: то слово *голосъ* принимается въ различныхъ значеніяхъ. Подать *голосъ*, значитъ изъявить мнѣніе, желаніе, хотя это изъявленіе происходитъ безъ всякаго звука. Подобно этому, мы говоримъ: *гласъ* Божій, *гласъ* совѣсти. Изъ этихъ выраженій нельзя заключить, чтобы скудость языка была причиною ихъ употребленія; здѣсь видно желаніе облечь мысль въ одежду посторонняго предмета, придающаго новый образъ и жизнь. Выслушаемъ мнѣнія о тропахъ Цицерона: »Способъ перенесенія словъ« говоритъ онъ »простирается весьма далеко; онъ »произошелъ отъ нужды — именно отъ скудости и ограниченности языка; но въ послѣдствіи удовольствіе и пріятность утвердили его »употребленіе. Какъ одежда сначала изобрѣтена »была для предохраненія отъ холода, потомъ »стала служить украшеніемъ; такъ перенесеніе »словъ сначала происходило по необходимости, »послѣ вкусъ утвердилъ его потребность (*).«

(*) »Modus transferendi verba late patet; quem necessitas genuit, inopia coacta et angustiis; post autem delectatio jucunditasque celebravit. Nam ut vestis, frigoris depel-

Изъ этого очевидно, по чему во всѣхъ языкахъ, въ началѣ ихъ образованія, встрѣчается болѣе фигуръ: тогда языки бываютъ ограничены въ числѣ словъ, а воображеніе имѣетъ большую силу надъ мыслями и надъ способомъ ихъ выраженія. Въ началѣ существованія обществъ языкъ изобилуетъ тропами; потому что каждый новый предметъ производитъ сильное впечатлѣніе на людей въ дѣтскомъ ихъ возрастѣ; они руководствуются болѣе воображеніемъ и чувствомъ, нежели разумомъ: и языкъ долженъ носить отпечатокъ ихъ душевныхъ способностей. Туземцы Америки подтверждаютъ наши заключенія. Языки ихъ смѣлы, живописны, исполнены метафоръ; въ нихъ отражаются качества предметовъ, окружающихъ человѣка и поражающихъ его въ теченіе жизни дикой и уединенной. Въ рѣчи тамошняго Кацика болѣе сильныхъ метафоръ, нежели въ поэмѣ Европейца.

Когда языкъ становится совершеннѣе съ образованіемъ общества; тогда всѣ предметы получаютъ собственныя свои названія; правильность и точность заступаютъ мѣсто силы и живости. При всемъ этомъ употребленіе троповъ остается незамѣняемымъ. Всѣ языки содержатъ множество словъ, которыя, при первомъ перенесеніи ихъ къ другимъ предметамъ, представлялись фигурами; въ послѣдствіи же времени отъ частаго употребленія теряли все то, что составляло фигуру — смыслъ переносный переходилъ въ собственный, обыкновенный. Таковы выраженія, о которыхъ мы выше упомянули, перенесенныя отъ чувственныхъ качествъ къ способностямъ душевнымъ.

---

lendi causa reperta primo, post adhiberi coepta est ad ornatum etiam corporis et dignitatem; sic verbi translatio instituta est inopiae causa, frequentata delectationis.«

Въ употребленіи всѣхъ переносныхъ выраженій отличные писатели обращаютъ вниманіе на сравненіе и отношеніе между предметами, служащія основаніемъ: должно стараться о единствѣ и согласіи сравниваемыхъ предметовъ съ собственнымъ значеніемъ слова. Можно напримѣръ употребить о предметѣ, хорошо описанномъ, выраженіе: *одежда мыслей*; но нельзя сказать: *одежда обстоятельствъ*; потому что съ понятіемъ »обстоятельство« соединяется нѣчто окружающее предметъ, а не облекающее.

Въ чемъ же состоитъ достоинство языка украшеннаго, въ особенности троповъ? Они обогащаютъ языкъ; облекаютъ мысли наши и чувствованія въ выраженія, изображающія всѣ оттѣнки, которыхъ простыя реченія отличить не могутъ; придаютъ рѣчи достоинство; напротивъ, отъ всегдашняго употребленія, слова обыкновенныя, къ которымъ самый слухъ привыкаетъ, не имѣютъ этихъ качествъ. Въ предметахъ благородныхъ и возвышенныхъ также встрѣчается потребность языка украшеннаго. Краснорѣчіе часто заимствуетъ изъ этого языка свои выраженія; а поэзія безъ нихъ существовать не можетъ; тропы и фигуры составляютъ существенную часть внѣшней ея стороны. Мысль, что всѣ мы смертны, въ простомъ выраженіи не поражаетъ насъ; но какъ живописна та же мысль у Державина:

»И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ. . .
Глядитъ на всѣхъ — и на Царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,

Глядитъ на силы дерзновенны;
И точитъ лезвее косы.«

Всѣ мы говоримъ о неизвѣстности человѣческой жизни, которой свойственны ошибки и заблужденія; но Дмитріевъ говоритъ объ этомъ поэтически въ слѣдующей картинѣ:

»Что человѣкъ? Паритъ ли къ солнцу,
Смиренно ль идетъ по земли:
Увы! тамъ умъ его блуждаетъ,
А здѣсь стопы его скользятъ.
Подъ мракомъ, въ океанѣ жизни,
Пловецъ на утлой ладіѣ,
Отдавши руль слѣпому року,
Онъ спитъ — и мчится на скалу.«

Кромѣ изложенныхъ выгодъ, фигуры доставляютъ намъ удовольствіе созерцать въ одно время два предмета: мысль главную, какъ предметъ рѣчи, и мысль постороннюю, отъ которой переносится выраженіе. Мы видимъ вещь въ другой вещи, по словамъ *Аристотеля*; это всегда намъ нравится. Сравненіе и сходства между различными предметами воображенію нашему доставляютъ удовольствіе. Говоря, вмѣсто *молодости*, *утро жизни*, мы представляемъ себѣ всѣ свойства, общія этимъ двумъ предметамъ: извѣстный періодъ человѣческой жизни и извѣстную часть дня; эти оба понятія соединяются общими свойствами; мы отъ одного переходимъ къ другому, безъ всякой сбивчивости и безъ всякаго смѣшенія. Фигуры представляютъ предметъ разительнѣе, онѣ какъ бы освѣщаютъ его, и мыслямъ придаютъ выраженія живописныя, отвлеченныя понятія сводя въ предметы чувственные. Иногда счастливыя выраженія языка украшеннаго способствуютъ убѣжденію, вѣрнѣе и рѣшительнѣе дѣйствуютъ на

самый разумъ. Посредствомъ фигуръ сильнѣе возбуждаются чувства, когда воображеніе переходитъ рядъ нѣсколькихъ сходныхъ изображеній. Хотимъ ли мы украсить предметъ или представить его великолѣпнымъ: мы заимствуемъ отъ природы все, что имѣетъ она богатѣйшаго и блистательнѣйшаго. Предметъ, отъ котораго заимствуется сравненіе, сообщаетъ главному свой блескъ; воображеніе, наслаждающееся согласіемъ невидимой природы съ видимою, располагаетъ душу къ пріятнѣйшимъ впечатлѣніямъ. Оно, говоритъ Акенсайдъ, переносится въ поля Елисейскія; въ мечтаніяхъ своихъ слышитъ журчаніе ручьевъ, видитъ тѣнистыя рощи, очаровательныя равнины, гдѣ обитаетъ счастіе. Самый умъ съ высоты своей внимаетъ гласу его и улыбается (*).

Столь могущественно слово, столь удивительно свойство его, выражающее всѣ утонченности разума, всѣ краски воображенія, всѣ отголоски чувства! Съ какою легкостью и гибкостью представляетъ оно всѣ оттѣнки изображеній! Каждое слово не только передаетъ извѣстную мысль, но рисуетъ; понятіямъ отвлеченнымъ сообщаетъ чувственный образъ и жизнь.

Говоря о началѣ, свойствахъ и значеніи троповъ, мы должны обратить вниманіе на различные ихъ роды и виды. Еще Квинтиліанъ упоминаетъ, что о раздѣленіи троповъ и фигуръ продолжался споръ у писателей. Что касается до троповъ, то большею частію въ риторикахъ слѣдуютъ раздѣленію Воссія, принимавшаго четыре ихъ вида: метафору, метонимію, синекдоху и иронію. Но вотъ источники, изъ которыхъ проистекаютъ различ-

---

(*) Pleasures of imagination. 1,124.

ныя переносныя выраженія. Тропы, какъ мы уже замѣтили, основаны на отношеніи, какое открываемъ мы между предметами, и по которому одно реченіе можно замѣнять другимъ. Такая перемѣна обыкновенно придаетъ болѣе изобразительности выражаемой мысли. Такъ мы поставляемъ отношеніе причины къ дѣйствію, или обратно, дѣйствія къ причинѣ, содержащее вмѣсто содержимаго. Читать *Ломоносова*, *Державина*, говорится вмѣсто чтенія сочиненій того и другаго; или употребляемъ слово *»сѣдины«*, вмѣсто старости; выпить *чашку*, вмѣсто напитка въ чашкѣ. Подобнымъ образомъ страна замѣняетъ жителей, или вообще мѣсто замѣняетъ того, кого въ немъ себѣ представляемъ. Молить *небо*, говорится, вмѣсто помощи Божіей. Также признакъ замѣняетъ самый предметъ: *двуглавый орелъ* ставится вмѣсто Россіи; *скипетръ* и *держава*, вмѣсто силы и могущества Царскаго. Всѣ эти перенесенія извѣстны подъ названіемъ *метонимiи*. Что же замѣчаемъ во всѣхъ этихъ перенесеніяхъ? Самый простой и естественный переходъ мысли отъ общаго къ частному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ неограниченнаго къ ограниченному. Метонимія какъ бы сосредоточиваетъ вниманіе наше въ предметахъ болѣе для насъ понятныхъ. Къ метонимiи отнести можно *металепсисъ*, или перенесеніе слова чрезъ одно, два и три знаменованія, одно изъ другаго слѣдующія. Такъ говорятъ: *десять жатвъ*; здѣсь жатва употреблена вмѣсто лѣта, лѣто вмѣсто года. *Антономазисъ*, или перемѣна именъ собственныхъ и нарицательныхъ: *Цицеронъ*, вмѣсто краснорѣчія; *Славяне*, какъ предки наши, вмѣсто Русскихъ, потомковъ.

Взглянемъ на другія перенесенія. Цѣлое употребляется вмѣсто части, родъ вмѣсто вида, единственное вмѣсто множественнаго, принадлежность вмѣсто самой вещи, и обратно: вообще мы иногда замѣняемъ извѣстный какой-либо предметъ, или чѣмъ-либо бо́льшимъ, или чѣмъ-либо ме́ньшимъ. »Тамъ тысячи валятся вдругъ«, вмѣсто множества; или, на оборотъ: »О Россъ, о родъ великодушный« вмѣсто Россіяне. Этого рода перенесенія называютъ *синекдохою*. На чемъ же основывается этотъ тропъ? Основаніе его сходно съ предъидущимъ: въ немъ мысль отъ единства переходитъ къ множеству, отъ части къ цѣлому и обратно. Метонимія сравниваетъ преимущественно по качеству, синекдоха — по количеству. Упомянемъ также о *катахризисѣ*, который состоитъ въ перемѣнѣ реченій на другія, имѣющія съ ними однородное значеніе: *бѣжать* вмѣсто идти.

Совершенно иное основаніе замѣчаемъ въ употребительнѣйшемъ тропѣ — *метафорѣ*. Выраженія: *свѣтлый* умъ, *острая* память, *мягкое* сердце — суть сокращенныя уподобленія по качеству и количеству вмѣстѣ: отъ того и дѣйствіе метафоры сильнѣйшее въ сравненіи съ другими тропами; она особенно занимаетъ воображеніе. Метафорѣ вся видимая природа открываетъ свои сокровища; она явленія, происходящія въ душѣ нашей, облекаетъ въ чувственные образы, общіе этимъ явленіямъ и предметамъ. Главное свойство ея содержится въ единствѣ, требующемъ, чтобы не были смѣшаны между собою образы разнородные. Послѣдовательность многихъ метафоръ, сродныхъ между собою и имѣющихъ взаимную принадлежность, составляетъ *аллегорію*.

Не останавливаясь на подробностяхъ троповъ, ни на подраздѣленіяхъ ихъ, всѣмъ извѣ-

стныхъ, каковы *гипербола*, *иронія* съ видами своими — *сарказмомъ*, *харіентизмомъ*, въ заключеніе обратимъ вниманіе наше на эту часть украшеній въ отечественномъ языкѣ. Хотя всѣ языки, по общему началу своему, сходны между собою; но по различнымъ отношеніямъ человѣка къ природѣ, его окружающей, они между собою различны. Въ отношеніи къ составу реченій, всѣ они представляютъ разительное, всѣмъ имъ общее свойство; въ отношеніи къ соединенію реченій также они имѣютъ основные, общіе законы. Но самый способъ выраженія представляетъ многочисленныя разности: отъ того всѣ языки имѣютъ формы, кромѣ *общихъ*, *особенныя*, извѣстныя подъ названіемъ *идіотизмовъ*. При изслѣдованіи троповъ, мы замѣтили, что человѣкъ, усиливаясь выразить словомъ двѣ различныя природы, внутреннюю и внѣшнюю, или явленія, въ самомъ себѣ происходящія, отличалъ качествами предметовъ видимыхъ, или внѣшней, видимой природѣ придавалъ собственныя свои свойства, одушевлялъ предметы неодушевленные. Въ этихъ-то идіотизмахъ сохраняются особенности каждаго языка, даже каждаго первокласнаго писателя; здѣсь обнаруживается народность языковъ. Отечественный нашъ языкъ представляетъ неисчислимое богатство *иносказаній* — сокровище для поэзіи. Рѣчь наша имѣетъ болѣе жизни и одушевленій, нежели рѣчь другихъ языковъ: въ ней отражаются или окружающая насъ природа, или старинныя повѣрья и обычаи. Это памятники народнаго быта, служащіе дополненіемъ отечественнымъ лѣтописямъ.

Чтеніе одиннадцатое.

Метафора. — Подробное изслѣдованіе ея свойствъ и правильнаго употребленія.

Послѣ общихъ первоначальныхъ замѣчаній о языкѣ украшенномъ, разсмотримъ отдѣльно тѣ фигуры, которыя чаще встрѣчаются намъ, и потому требуютъ бóльшаго вниманія. Начнемъ съ метафоры. Основываясь совершенно на сходствѣ двухъ предметовъ, метафора по преимуществу состоитъ изъ подобія — она именно сокращенное уподобленіе. Если о славномъ министрѣ мы скажемъ: онъ поддерживаетъ Государство, подобно колоннѣ, поддерживающей зданіе — это уподобленіе; но назовемъ его *опорою Государства* — мы превратимъ уподобленіе въ метафору. Сравненіе министра съ опорою представляется только въ умѣ нашемъ, но мы не высказываемъ этого сравненія словами; оно подразумѣвается, а не выражается вполнѣ. Между сравниваемыми предметами предполагается такое сходство, что названіе одного изъ нихъ легко можетъ замѣнить названіе другаго безъ явственнаго уподобленія: »министръ есть опора Государства.« Такой способъ выраженія сходства, открываемаго воображеніемъ, живѣе и одушевленнѣе. Сравненіе предметовъ, указаніе ихъ взаимныхъ отношеній и описаніе — вотъ что особенно занимаетъ воображеніе. Этотъ легкій трудъ служитъ уму упражненіемъ, безъ малѣйшаго обремененія; даетъ ему возможность наслаждаться чувствованіемъ сво-

его разумѣнія. Поэтому не должно удивляться, что всѣ языки исполнены метафорами. Она встрѣчается въ обыкновенномъ разговорѣ; представляется какъ-бы незванная, раждаясь въ умѣ нашемъ. Слова, употребляемыя нами для описанія ея, служатъ доказательствомъ: она *встрѣчается*, *представляется*, *раждается* — всѣ эти выраженія метафорическія, основывающіяся на сходствѣ, какое воображеніе находитъ въ предметахъ чувственныхъ и внутреннихъ дѣйствіяхъ нашего ума. Эти выраженія такъ же ясны, какъ и выраженія собственныя — они еще выразительнѣе.

Хотя каждая метафора предполагаетъ въ себѣ уподобленіе, и потому принадлежитъ къ фигурамъ мыслей; но какъ въ метафорѣ слова переходятъ отъ собственнаго значенія къ несобственному, то обыкновенно относятъ ее къ тропамъ, или фигурамъ словъ. Впрочемъ нужно только знать свойства ея, назовемъ ли ее тропомъ, или фигурою. Мы сказали, что метафора состоитъ въ одномъ только выраженіи сходства двухъ предметовъ; однако тогда слово — метафора, берется въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Метафорою называютъ всякой способъ употребленія словъ въ фигурномъ значеніи, будетъ ли служить основаніемъ сходство, или другое какое-либо отношеніе. Такъ вмѣсто старости употребляемъ слово »сѣдины«, говоря: »съ горестію свести сѣдины въ могилу«; это выраженіе нѣкоторые называютъ метафорою, хотя оно вовсе не метафора, но метонимія; потому что здѣсь дѣйствіе ставится вмѣсто причины. Сѣдины происходятъ отъ старости, но не имѣютъ съ нею никакого сходства. Аристотель метафору принимаетъ въ значеніи всякаго фигурнаго выраженія,

напр. когда цѣлое берется за часть, или часть за цѣлое; родъ вмѣсто вида, или видъ за родъ. Въ этомъ случаѣ было бы несправедливо упрекать въ неточности этого писателя, отличающагося строгою опредѣлительностью. Въ его время еще не знали многочисленныхъ подраздѣленій и различныхъ названій троповъ: это принадлежитъ позднѣйшимъ писателямъ. Но въ настоящее время, когда эти подраздѣленія троповъ существуютъ, не должно называть всѣхъ троповъ однимъ общимъ именемъ метафоръ.

Изъ всѣхъ троповъ ни одинъ не приближается столько къ живописной изобразительности, какъ метафора. Отличительное ея свойство состоитъ въ томъ, чтобъ описаніямъ придавать силу и ясность, идеи отвлеченныя представлять предъ глазами, придавать имъ краски, жизнь и чувственныя качества. Для этой живописи потребна искусная кисть: малѣйшій недостатокъ въ точности можетъ затемнить мысль, вмѣсто того, чтобъ придать ей болѣе свѣта; а потому должно изслѣдовать правила о употребленіи метафоръ. Прежде разсмотримъ одинъ примѣръ, который покажетъ достоинство этого тропа. Вотъ мѣсто изъ замѣчаній Болингброка на Исторію Англіи. Въ концѣ сочиненія своего онъ говоритъ о Карлѣ I: »Король распустилъ Парламентъ, за мѣсяцъ только предъ тѣмъ созванный, и лишь только распустилъ, какъ сожалѣлъ объ этомъ. Но онъ поздно раскаялся въ этомъ поспѣшномъ поступкѣ; и дѣйствительно, онъ долженъ былъ раскаяться, потому что сосудъ уже былъ полонъ, а эта послѣдняя капля переполнила чашу горестей.« Здѣсь метафора выдержана при всемъ разнообразіи выраженій. *Сосудъ* представляетъ неудо-

вольствіе народа; эпитетъ *полный* показываетъ, что прежнія бѣдствія исполнили этотъ сосудъ; *послѣдняя капля* есть новое бѣдствіе, происшедшее отъ внезапнаго закрытія палатъ; *переполнила* прекрасно изображаетъ чувство неудовольствія, которому предался оскорбленный и раздраженный народъ. »Здѣсь«, прибавляетъ сочинитель, »я опускаю завѣсу и оканчиваю свои размышленія.« Приличнѣе заключить не возможно. Мимоходомъ можно замѣтить, что подобное заключеніе придаетъ описанію красоту и достоинство, если только переносное выраженіе выдержано. Сочинитель, оканчивающій сочиненіе свое просто и естественно, оставляетъ въ душѣ читателя глубокое впечатлѣніе. Сверхъ того метафора имѣетъ превосходство надъ развитымъ уподобленіемъ. Какъ ослабѣла бы мысль, еслибъ она выражена была въ видѣ полнаго уподобленія: »Онъ дѣйствительно долженъ былъ сожалѣть о своемъ поступкѣ, потому что неудовольствіе бѣдствующаго народа подобно было полному сосуду, и это новое несчастіе подобно послѣдней каплѣ, упавшей въ сосудъ, разлило бѣдствіе народа, какъ разливается вода изъ переполненной чаши.« Метафора: »сосудъ былъ уже полонъ, и эта послѣдняя капля переполнила чашу бѣдствій« гораздо живѣе и одушевленнѣе.

Правила о употребленіи метафоръ согласны съ правилами всѣхъ другихъ троповъ. Одно изъ главныхъ состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть примѣнить иносказанія къ качествамъ описываемаго предмета; ихъ не можетъ быть слишкомъ много; они должны блескомъ и возвышенностію соотвѣтствовать предмету; не надобно употреблять ихъ для того, чтобъ придавать слогу надутость, или лишать настоящаго достоинства. Вотъ

важное правило, принадлежащее всѣмъ видамъ украшеннаго языка. Иныя метафоры прекрасны въ поэзіи, но въ краснорѣчіи не приличны и не естественны; другія приличествуютъ слогу ораторскому, и не употребительны въ историческихъ и философскихъ сочиненіяхъ. Всегда должно помнить, что фигура есть внѣшняя оболочка мысли. Какъ въ одѣяніи всегда должно соблюдать приличіе въ отношеніи къ званію нашему, и отдаляться отъ этого, значитъ дѣйствовать вопреки вкусу; точно такъ же мысль и выраженіе должны быть въ совершенномъ согласіи. Роскошь въ фигурахъ безъ надобности показываетъ тщетное желаніе казаться блестящимъ; отъ этого сочиненіе получаетъ видъ дѣтской вольности, и не только не возвышается, но даже лишается своего достоинства. Истинное величіе человѣка зависитъ отъ его внутреннихъ качествъ, а не отъ одежды; равно достоинство сочиненій заключается въ мысли, а не въ украшеніи слога. Изысканность и излишество въ украшеніяхъ столько же вредятъ сочинителю, сколько и всякому человѣку. Вообще фигуры и метафоры не прилично употреблять безъ разбора: онѣ всегда должны быть сообразны съ мыслями и чувствованіями. Такъ напр. совсѣмъ не нужно писать разсужденія языкомъ украшеннымъ, который хорошъ въ поэтическомъ разсказѣ. Отъ того, кто разсуждаетъ, требуется только ясность; кто описываетъ, тотъ можетъ и украшать; кто учитъ, тотъ долженъ заботиться о простотѣ. Въ искусствѣ писать простота есть свойство великаго таланта; это вѣрнѣйшій способъ находить приличныя украшенія. Отъ правильнаго расположенія тѣней виднѣе бываютъ краски и цвѣта.

»Тотъ истинно красноречивъ«, говоритъ Цицеронъ, »кто самые обыкновенные предметы выражаетъ просто, высокіе описываетъ возвышенно, а средніе съ умѣренностію. Кто не можетъ ни о чемъ говорить спокойно, тихо, правильно, опредѣлительно; тотъ, говоря съ хладнокровными слушателями, покажется бѣснующимся между мудрыми, или нетрезвымъ среди людей воздержныхъ (*).« Это замѣчаніе важно преимущественно для юныхъ писателей, которые иногда ослѣпляются блестящимъ и цвѣтущимъ слогомъ, не заботясь о томъ, приличенъ ли онъ сочиненію, или неприличенъ. Кромѣ этого требуется выборъ предметовъ, отъ которыхъ заимствуются метафоры и другія фигуры. Для украшеннаго языка открыты два міра — духовный и вещественный: изъ всей природы мы можемъ избирать фигуры; она предлагаетъ намъ богатства свои, и во всѣхъ чувственныхъ предметахъ предоставляетъ брать то, что можетъ пояснять наши умственныя и нравственныя понятія. Не одни богатые и прекрасные предметы представляются выбору нашему, но и предметы ужасные, или мрачные, могутъ также доставлять намъ приличныя фигуры. Должно только остерегаться, чтобъ не возбудить въ душѣ нашей идей непріятныхъ, низкихъ и непристойныхъ. Избирая даже метафоры, съ намѣреніемъ унизить предметъ, мы должны остерегаться, чтобъ не

(*) Is enim est eloquens, qui et humilia subtiliter, et magna graviter, et mediocria temperate potest dicere. — Nam qui nihil potest tranquille, nihil leniter, nihil definite, distincte dicere, is, cum non praeparatis auribus inflammare rem coepit, furere apud sanos, et quasi inter sobrios bacchari temulentus videtur.

произвесть неприятныхъ впечатлѣній на чувство. Цицеронъ порицаетъ одного оратора своего времени за то, что онъ назвалъ противника »stercus curiæ.« — »Хотя сходство вѣрно«, замѣчаетъ онъ, »но мысль о такомъ сходствѣ безобразна (*).« Употребить низкую метафору при возвышенныхъ предметахъ — величайшая погрѣшность. Такъ въ одномъ описаніи Кавказа встрѣчаемъ: »Теперь ужъ около меня однѣ купы кустарниковъ *вылѣзли* изъ разсѣлинъ, будто кочующія семьи Цыганъ, и грѣются на солнышкѣ; а вотъ эти два терна *вцѣпились другъ другу въ волосы*; а *чахлый* верескъ качаетъ головою, словно не вѣритъ, доживетъ ли ему до завтра, и потихоньку *кашляетъ отъ вѣтра.*« Какое умышленное изображеніе картинъ непріятныхъ! Въ Шекспирѣ, котораго воображеніе было богатое и смѣлое, но не всегда изящное, встрѣчаются подобныя погрѣшности. Въ его трагедіи »Генрихъ« между прочимъ находимъ слово »наземъ«; при этомъ словѣ Шекспиръ заимствуетъ метафору отъ испареній, выходящихъ изъ назема, хотя предметъ представлялъ ему картину благороднѣйшую.

При соблюденіи достоинства предметовъ, отъ которыхъ заимствуются метафоры, надобно особенное вниманіе обращать на то, чтобъ сходство, какъ основаніе метафоры, было ясно и поразительно; чтобъ оно не казалось изысканнымъ, или отдаленнымъ и труднымъ для соображенія. Нарушеніе этого правила производитъ такъ называемыя вычурныя метафоры, которыя никогда не нравятся, потому что, вмѣсто просвѣтлѣнія

(*) Quamvis sit simile, tamen est deformis cogitatio similitudinis.

мысли, онѣ ее затемняютъ. Такія погрѣшности часто встрѣчаются у современныхъ писателей. Иные почитаютъ за особенное достоинство находить въ двухъ предметахъ съ трудомъ различаемое сходство и продолжать метафоры такъ, что нужна особенная способность слѣдовать за ними и ихъ понимать. Отъ этого метафора перемѣняется въ загадку. Таково слѣдующее мѣсто: »Бѣдный человѣкъ! ты осужденъ собирать раковинки на берегахъ океана, и напрасно расточать свою премудрость, разгадывая кусочки морской смолы, или зерна жемчуга. *Неизмѣримый вѣчный сфинксъ пожираетъ тебя*, какъ скоро ты дерзнешь показаться на его хребтѣ и не сумѣешь понять его языка, разгадать его загадокъ.« Такое понятіе о метафорѣ совершенно противоположно правилу Цицерона: »Метафора должна казаться умѣренною, чтобы повидимому сама собою переходила на чуждое мѣсто, не вторгалась бы насильственно (*).«

Должно избѣгать метафоръ обыкновенныхъ, и не повторять однѣхъ и тѣхъ же: новость всегда нравится; прилично иногда избѣгать обветшалаго. Но если фигура основана на слишкомъ отдаленномъ сходствѣ и выходитъ изъ обыкновенныхъ предѣловъ мысли; тогда, кромѣ того, что она темна, покажется еще изысканною. Извѣстно, что метафора, равно какъ и всѣ другія украшенія, теряютъ свое достоинство, какъ скоро перестаютъ быть естественными. Иные, чтобъ поправить недостатокъ натянутой метафоры, прибав-

---

(*) Verecunda debet esse translatio, ut deducta esse in alienum locum, non irruisse, atque ut voluntarie, non vi, venisse videatur.

ляютъ оговорку: »такъ сказать,» но это противно изяществу. Сверхъ того метафоры, взятыя изъ наукъ, не всѣмъ общихъ, но извѣстныхъ тѣмъ, которые преимущественно занимаются ими по своему званію, почти всегда темны и никогда не нравятся. Не надобно смѣшивать языка простаго съ украшеннымъ, не устроивать періодовъ, въ которыхъ одна часть была бы выражена метафорически, а другая просто: отъ этого всегда происходитъ сбивчивость. Это правило легко объяснить можно многими примѣрами, которые убѣдительнѣе покажутъ его важность. — Въ переводѣ Одиссеи Попе, Пенелопа оплакиваетъ отъѣздъ сына своего Телемака такъ: »Я давно лишилась супруга своего, который былъ щитомъ и славою Греціи; теперь отправляется сынъ мой, надежнѣйшая опора Государства; онъ презираетъ бури и удаляется, не простясь со мною, и не испросивъ моего согласія (*).« Въ началѣ Телемакъ представляется опорою, потомъ мы видимъ въ немъ человѣка, который долженъ проститься съ матерью своей и испросить ея позволеніе на свой путь. Эти выраженія между собою не согласны. Должно было или держаться мысли человѣка въ буквальномъ смыслѣ, или, назвавъ его опорою, поэтъ долженъ бы приписать ей то, что прилично, только не дѣйствія

(*) Въ подлинникѣ сказано просто: »Я лишилась своего великодушнаго супруга, который сражался какъ левъ и доблестями своими прославился среди героевъ: его болѣе не стало; громъ его славы раздается въ Аргосѣ и въ цѣлой Греціи. Послѣ этого Пенелопа говоритъ о сынѣ:

»Νῦν δ'αὖ παῖδ' ἀγαπητὸν ἀνηρέιψαντο θύελλαι
'Ακλέα ἐκ μεγάρων, οὐδ ὁρμηθέντος ἄκουσα.«

Odyss. IV, 724.

и не качества человѣка. Несообразность съ природою производитъ темноту въ изображеніи, и мысль какъ бы блуждаетъ между значеніемъ простымъ и переноснымъ. Правило, которое Горацій подаетъ для изображенія характеровъ:

»Servetur ad imum
Qualis ab incœpto processerit, et sibi constet (*)«,

должно быть соблюдаемо и при употребленіи иносказаній. Сочиненія Оссіана исполнены прекрасными и вѣрными метафорами. Такъ онъ говоритъ одному герою: »Среди мира ты зефиръ весенній; въ войнѣ ты буря нагорная.« Описывая одну женщину, выражается: »Лице ея сіяло свѣтомъ красоты, а въ сердцѣ обитала гордость.« Есть однакожъ и погрѣшности, о которыхъ мы упоминали. »Тротälъ приближается съ потокомъ своихъ воиновъ; но они встрѣчаютъ скалу: Фингалъ неподвиженъ. Они ударяются въ него, и повергаются, катясь далеко; но и тутъ не безопасны: копье преслѣдуетъ ихъ въ бѣгствѣ.« Въ началѣ метафора прекрасна: потокъ, неподвижная скала, волны ударяющіяся и вспять катящіяся, совершенно согласны съ картиною; но въ концѣ, гдѣ волны катятся не въ безопасности, потому что копье преслѣдуетъ ихъ въ бѣгствѣ, буквальный смыслъ совсѣмъ не кстати смѣшанъ съ метафорическимъ: воины въ одно время представлены и волнами, которыя катятся, и людьми, которыхъ преслѣдуетъ и поражаетъ копье.

Нельзя смѣшивать простаго языка съ метафорическимъ; тѣмъ менѣе позволительно ставить

(*) Характеръ долженъ казаться въ концѣ такимъ, какимъ былъ въ началѣ, и быть согласнымъ съ самимъ собою.

двѣ разнородныя метафоры, при описаніи одного предмета. Такія метафоры называются смѣшанными, и это злоупотребленіе перенесеній нестерпимо. Вотъ примѣръ подобнаго выраженія изъ Шекспира: »Взять оружіе противъ моря несчастій.« Отъ этого происходитъ несообразность съ природою, и воображеніе совершенно теряется. Квинтиліанъ предостерегаетъ насъ отъ такихъ погрѣшностей: должно стараться оканчивать тѣмъ родомъ метафоры, какимъ начинаемъ (*). Многіе начинаютъ бурею, а оканчиваютъ пожаромъ, или развалинами: это несообразность. Къ этому роду погрѣшности относится слѣдующая метафора: »Другая причина, почему неохотно занимались Исторіей среднихъ вѣковъ — это мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней.«

У писателей, отличающихся точностію, иногда встрѣчаются подобныя ошибки. Адиссонъ въ одномъ мѣстѣ Зрителя говоритъ: »Съ какой стороны ни разсматриваешь человѣческую природу, одного взгляда ея достаточно для погашенія сѣменъ гордости.« — Разсмотрите несообразность предметовъ, которые здѣсь соединены: взглядъ погашаетъ — и притомъ погашаетъ сѣмена. Горацій также не точенъ въ слѣдующихъ стихахъ:

»Urit enim fulgore suo, qui prægravat artes
Infra se positas.«

Urit qui prægravat — сожигаетъ тотъ, кто помрачаетъ: это видимое смѣшеніе несообразныхъ картинъ. — Нельзя оправдать и этого выраже-

---

(*) Jd imprimis est custodiendum, ut quo genere cœperis translationes, hoc finias. Multi autem cum initium a tempestate sumpserunt, incendio aut ruina finiunt; quæ est inconsequentia rerum fœdissima.

нія: »Несчастный юноша! въ какую пучину ввергнутъ ты, тогда какъ ты достоинъ лучшаго пламени.« Пламя справедливо принимается почти въ буквальномъ смыслѣ за страсть; но какъ это значеніе согласить съ пучиною, и смѣшивать два разнородныя понятія въ одной метафорѣ?

Для повѣрки точности метафоры, когда мы въ ней нѣсколько сомнѣваемся, опасаясь смѣшать выраженія несообразныя, должно всегда представить себѣ картину въ воображеніи и смотрѣть, согласны ли между собою различныя ея части, составятъ ли онѣ одно цѣлое, если мы перенесемъ ихъ на холстъ. Тогда откроется, содержатъ ли въ себѣ всѣ части метафоры какую-либо несообразность, нѣтъ ли въ ней уродливаго смѣшенія, какое видѣли мы въ предъидущихъ примѣрахъ, и представляется ли постоянно воображенію одинъ и тотъ же предметъ въ своемъ видѣ и съ естественными красками.

Не довольно избѣгать метафоръ смѣшанныхъ, но, сверхъ этого, не должно ихъ громоздить на одинъ и тотъ же предметъ. Не достаточно, чтобъ каждая метафора была правильна, отдѣльно взятая; если ихъ слишкомъ много, то онѣ произведутъ сбивчивость. Возьмемъ одно мѣсто изъ Горація: »Ты описываешь волненіе народа, причины войны, пороки, средства, перемѣнчивое счастье, гибельные союзы вождей и оружія, обагренныя кровью, еще неочищенною, дѣло опасное и сомнительное: ты ступаешь по пеплу, подъ которымъ таится огонь (*).« Этотъ отрывокъ

(*) Motum ex Metello consule civicum,
Belliqne causas, et vitia, et modos,
Ludumque fortunæ, gravesque
Principum amicitias, et arma

хотя изображенъ поэтически, но теменъ отъ того, что поэтъ соединилъ три различныя метафоры, для показанія трудности описанія народныхъ войнъ, описанія, которое предпринялъ Полліонъ. Во-первыхъ: tractas arma uncta cruoribus nondum expiatis (ты описываешь оружія, обагренныя кровію, еще неочищенною); потомъ: opus plenum periculosae aleae (дѣло опасное и сомнительное), и наконецъ: incedis per ignes suppositos cineri doloso (ты ступаешь по пеплу, подъ которымъ таится огонь). Мы съ трудомъ отличаемъ эти различныя картины, быстро измѣняющіяся предъ нами и представляющія одинъ и тотъ же предметъ въ различныхъ формахъ.

Послѣднее правило о употребленіи метафоръ состоитъ въ томъ, чтобъ ихъ не растягивать. Если долго останавливаешься на сходствѣ, которое служитъ основаніемъ метафоры, и слѣдуешь за нимъ до мельчайшихъ подробностей, тогда метафора превращается въ аллегорію, читатель устаетъ, и эта игра воображенія наводитъ на него скуку, выраженіе затемняется. У современныхъ писателей много такихъ метафоръ, что составляетъ одну изъ важнѣйшихъ причинъ запутанности и темноты украшеннаго языка. Иные, увлекаясь страстію украшать слогъ, когда фигура имъ нравится, не скоро съ нею разстаются. Вотъ наборъ метафоръ излишній и вычурный: »Люблю бури и грозы въ часъ ночи, когда блѣдный мѣсяцъ подымаетъ

Nondum expiatis uncta cruoribus,
Periculosae [illegible] aleae
Tractas et [illegible]es
Supposito [illegible]

изъ-за тучъ черепъ свой какъ мертвецъ изъ-могилы, и не слышно идетъ по небу, влача за собой черезъ море бѣлый саванъ. Тогда валы возникаютъ, какъ тѣни Оссіановскихъ героевъ, въ вороненой бронѣ съ бѣлыми кудрями по плечамъ, со звѣздами брызгъ надъ шлемомъ. Яростно бѣгутъ они въ бой, гонятъ, достигаютъ другъ друга; сшибаются, сверкаютъ сталью и падаютъ въ ночь, раздавленные другими ратниками, ихъ настигшими. А тамъ, вдали, грозно гуляютъ исполины смерти, надѣвъ тучу вмѣсто шлема, и пѣня въ молоко бездну моря стопами: еще шагъ, и онъ задавитъ корабль; но перунъ грянулъ — исполинъ палъ, застрѣленный молніею.« Такія же погрѣшности находимъ у Юнга, который впрочемъ замѣчателенъ украшеннымъ языкомъ. Изъ древнихъ и новыхъ писателей нѣтъ ни одного, который бы въ этомъ превосходилъ его силою и богатствомъ. Метафоры его часто новы, прекрасны и естественны; воображеніе его сильно, роскошно, но не такъ нѣжно и правильно. Слогъ въ его *Ночахъ* теменъ и жёстокъ: онъ употребляетъ метафоры слишкомъ смѣлыя и часто растягиваетъ ихъ: отъ того, вмѣсто объясненія предметовъ, онѣ ихъ затемняютъ; чтобъ понимать такія метафоры, надобно постоянно напрягать вниманіе. Вотъ примѣръ его растянутой метафоры: »Мысли твои блуждаютъ; всѣ онѣ устремлены въ далекія страны, переходятъ чрезъ степи, скалы, презираютъ бури, чтобъ найти отраду, которая дорого покупается, если только находятъ ее, и самая находка которой есть несчастіе. Чувство и воображеніе возвращаются отъ морскаго берега, зараженнаго твоимъ грузомъ — и зараза вмѣсто приобрѣтеній! Но жажда, эта ненасытимая жажда, возрастаетъ вмѣстѣ съ страстію

удовлетворить ей. Воображеніе усиливается, когда и самыя чувства не могутъ за нимъ слѣдовать.« Описывая старость, говоритъ, что она должна задумчиво ходить по тихимъ и величественнымъ берегамъ того обширнаго океана, надъ которымъ она распускаетъ паруса; ей должно нагрузить корабль свой добрыми дѣлами и ждать попутнаго вѣтра, который понесетъ ее въ неизвѣстный міръ. Изображеніе до словъ: »надъ которымъ она распускаетъ паруса« — изящно; но представленіе груза съ добрыми дѣлами и корабля, ожидающаго вѣтра — натянуто, и метафора теряетъ свое достоинство. — Изъ Англійскихъ писателей удачнѣе всѣхъ употреблялъ метафоры Аддисонъ. Воображеніе его не столь богато и сильно, какъ воображеніе Юнга, но оно правильнѣе и точнѣе. У Жуковскаго фигуры всегда ясны, прелестны и легки; въ нихъ ничего нѣтъ принужденнаго и изысканнаго; онѣ раждаются сами собою изъ сущности предмета, и потому служатъ ему украшеніемъ.

По изслѣдованіи подробномъ метафоры, одного изъ важнѣйшихъ украшеній въ сочиненіяхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ аллегоріи. Аллегорію можно назвать продолженною метафорою; она состоитъ въ представленіи предмета посредствомъ другаго, ему подобнаго, который и занимаетъ мѣсто перваго. Псаломъ LXXIX представляетъ прекрасный примѣръ аллегоріи. Народъ Израильскій изображенъ въ видѣ виноградной лозы, и фигура выдержана отъ начала до конца превосходно. »Ты перенесъ виноградъ свой изъ Египта и насадилъ его тамъ, откуда изгналъ народы; Ты изготовилъ для него мѣсто, прежде насажденія его, и, насадивши корни его, исполнилъ ими всю землю. Сѣнь его покрыла горы, а

вѣтвями его увѣнчались высочайшіе кедры. Ты распросперъ вѣтви его до моря, а отрасли его даже до рѣкъ. Напрасно низложилъ Ты оплотъ его: всѣ мимоходящіе истребляютъ его; вепрь лѣсной и дикіе звѣри его пожираютъ. Боже силъ! обратися къ нему, и призри съ небесе и виждь и посѣти виноградъ сей, и соверши и, его же насади десница Твоя.« Нѣтъ ни одного обстоятельства, которое не относилось бы къ виноградной лозѣ; все согласно и съ состояніемъ Израильскаго народа, здѣсь представленнаго.

Первое и главное условіе аллегоріи есть то, чтобъ фигурное и буквальное значенія не были перемѣшаны и не выражалибъ какой-либо несообразности. Еслибъ напр. вмѣсто того, чтобъ изобразить виноградникъ опустошеннымъ вепрями и дикими звѣрями, сказано было буквально: »на виноградъ напали языческіе народы и враги попрали его«: тогда бы аллегорія исчезла, и, вмѣсто картины, представилась бы громада изображеній, подобныхъ тѣмъ метафорамъ, въ которыхъ мы видѣли смѣшеніе фигурныхъ и буквальныхъ значеній.

Вообще правила аллегоріи можно приложить къ правиламъ метафоры, по сходству этѣхъ фигуръ. Существенное между ними различіе, кромѣ обширности аллегоріи, состоитъ въ томъ, что метафора объясняется прямо тѣми словами, которыя въ ней берутся въ собственномъ смыслѣ и соединены съ другими переносными, или съ иносказаніями. Если напр. говоримъ: Ахиллесъ въ битвѣ левъ; великій министръ опора Государства; слова: »Ахиллесъ и министръ«, соединенныя съ словами: »левъ и опора«, совершенно опредѣляютъ мысль. Но въ аллегоріи слова болѣе удаляются отъ буквальнаго значенія; въ ней зна-

ченіе фигурнаго выраженія не прямо объясняется, но многое оставляется проницательности читателя. Аллегорія служила у древнихъ любимымъ способомъ нравоученій; басни и параболы были то же, что аллегоріи, въ которыхъ они изображали склонности людей, заставляя звѣрей и неодушевленные предметы говорить и дѣйствовать подобно людямъ. Такъ называемое нравоученіе въ баснѣ — есть буквальное изъясненіе аллегоріи, съ которой снято фигурное украшеніе.

Загадка также видъ аллегоріи—предметъ, представленный подъ видомъ другаго предмета, который съ намѣреніемъ облекаютъ въ иносказанія, предоставляя читателю удовольствіе проникать ихъ, и тѣмъ угадывать смыслъ загадки. Полусвѣтъ въ загадкѣ допускается; но недостатокъ ясности въ аллегоріи — величайшая погрѣшность. Надобно стараться, чтобы въ ней смыслъ просвѣчивался сквозь фигурное выраженіе. Впрочемъ не легко постигнуть искусное смѣшеніе тѣни и свѣта, вѣрное соединеніе переноснаго значенія съ обыкновеннымъ, такимъ образомъ, чтобы читатель безъ труда открывалъ настоящій смыслъ, слегка облеченный въ аллегорію. Нѣтъ почти ни одного оборота рѣчи труднѣйшаго аллегоріи, по соединенію двухъ требованій — нравиться и возбуждать вниманіе.

Чтеніе двѣнадцатое.

Продолженіе объ изобразительности и одушевленіи рѣчи. — Гипербола, олицетвореніе, обращеніе, видѣніе.

Въ нынѣшнюю бесѣду займемся разсмотрѣніемъ фигуръ, содѣйствующихъ произведенію изобразительности рѣчи и одушевленія — изслѣдуемъ *гиперболу*, *олицетвореніе*, *видѣніе*, *обращеніе*. Въ гиперболическомъ выраженіи предметъ выходитъ изъ обыкновенныхъ своихъ предѣловъ. Этотъ оборотъ рѣчи основаніе свое имѣетъ въ самой природѣ. Во всѣхъ языкахъ, даже въ самомъ простомъ разговорѣ, часто встрѣчаются гиперболическія выраженія, каковы: »*легокъ какъ вѣтеръ*; *бѣлъ какъ снѣгъ*.« Всѣ наши свѣтскія привѣтствія, по большей части, смѣлыя гиперболы. Явись предъ нами что нибудь примѣчательное, или по добротѣ, или по величію: у насъ уже готовъ преувеличенный эпитетъ; мы готовы сказать, что ничего прекраснѣе и выше никогда не видали.— Воображеніе любитъ увеличивать предметы, придавать имъ высшія свойства. Языки болѣе или менѣе изобилуютъ гиперболическими выраженіями, смотря по большей или меньшей живости воображенія народовъ. Вотъ почему гиперболы нравятся юности. Восточные языки изобилуютъ ими болѣе языковъ Европейцевъ, которыхъ воображеніе умѣреннѣе и покорнѣе разсудку. Отъ того встрѣчаемъ болѣе гиперболъ въ древнѣйшихъ писателяхъ, и въ первомъ возрастѣ всѣхъ языковъ. Опытность и

образованіе умѣряютъ пылкость воображенія, и слову придаютъ бóльшую правильность и точность.

Въ преувеличенныхъ выраженіяхъ, какія обыкновенно слышимъ въ языкѣ разговорномъ, мы не замѣчаемъ гиперболъ, мы легко разумѣемъ въ нихъ настоящее значеніе. Но когда гиперболическое выраженіе содержитъ въ себѣ что-либо поразительное и необыкновенное; тогда оно привлекаетъ наше вниманіе. Притомъ когда воображеніе наше не расположено къ преувеличиванію, тогда гиперболы намъ не нравятся: мы чувствуемъ принужденное напряженіе ума для представленія гиперболы. Поэтому приличное употребленіе ея весьма трудно: не должно расточать ее и долго на ней останавливаться. Безъ сомнѣнія, есть случаи, въ которыхъ гипербола можетъ быть употребляема; потому что это обыкновенный языкъ, сказали мы, воображенія живаго и пылкаго; но слишкомъ частое и неумѣстное употребленіе ея охлаждаетъ слогъ и лишаетъ сочиненіе занимательности. Гиперболою любятъ пользоваться писатели съ воображеніемъ слабымъ и неумѣющіе придать предмету своему истиннаго достоинства, представляя его въ обыкновенномъ, естественномъ видѣ: такіе писатели прибѣгаютъ къ выраженіямъ преувеличеннымъ и напыщеннымъ.

Въ гиперболѣ различаются два рода: одинъ употребляется въ описаніи; другой есть выраженіе страсти. Послѣдній родъ предпочитается первому. Если воображеніе воспламенено, то ему свойственно увеличивать предметы; тогда и чувство сильнѣе — оно настроивается къ преувеличенію, и гиперболическія выраженія представляются естественными и вѣрными. Всѣ страсти безъ исключенія, любовь, страхъ, удивленіе, ненависть,

гнѣвъ, печаль, волнуютъ душу, увеличиваютъ предметы, отъ которыхъ возгараются страсти, и выливаются въ выраженіяхъ гиперболическихъ. Таково изображеніе Суворова, представленное поэтомъ, изумляющимся геройскимъ подвигамъ воина:

»Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, воздухъ покрыла;
Вихрь полунощный — летитъ богатырь;
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль,
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на море — бездны кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ бросаетъ.«

Гиперболы встрѣчаются и въ описаніяхъ; но пользоваться ими надобно съ большою осторожностію: для нихъ нужно нѣкоторое приготовленіе читателя. Описываемый предметъ долженъ по сущности своей поражать воображеніе, возвышать его надъ обыкновенными предметами изображеніемъ чего-либо великаго, изумительнаго, новаго. Искусство писателя состоитъ въ постепенномъ приготовленіи къ понятію о предметѣ, который намѣренъ онъ представить увеличеннымъ. Поэтъ, описывая бурю, землетрясеніе, или перенося насъ на поле битвы, можетъ свободно употреблять гиперболы. Но ежели предметъ его описанія, н. п. горесть женщины; то не возможно, чтобы такое ужасное преувеличеніе, какое заключаетъ слѣдующее мѣсто одного трагическаго поэта, не произвело въ насъ отвращенія. »При входѣ моемъ, она лежала на полу; буря горести свирѣпствовала въ ея сердцѣ; но несчастная и тогда была прекрасна; слезы лились изъ очей ея; и ежели бы весь свѣтъ объятъ былъ

пламенемъ, потокъ этѣхъ слезъ умилостивилъ бы гнѣвъ неба и потушилъ бы пожаръ вселенной.« Страдалецъ, снѣдаемый горестью, могъ бы еще позволить себѣ сильныя гиперболы; но зритель, описывающій горесть другаго, не имѣетъ права на такое же снисхожденіе. Первый выражаетъ страсть, его волнующую, между тѣмъ какъ второй только описываетъ чужія впечатлѣнія, и потому не долженъ говорить съ тою же силою. При всей очевидности этого различія, многіе писатели его не замѣчаютъ. До какой же степени можетъ быть допущена гипербола, если она прилична, какую мѣру можно положить ей, и гдѣ ея предѣлы? Здравый смыслъ и изящный вкусъ — опредѣляютъ ея границы; выходя изъ нихъ, писатель впадаетъ въ погрѣшность. Поэты Римскіе, въ своихъ привѣтствіяхъ, обыкновенно вопрошали прославляемыхъ героевъ, какую часть неба изберутъ они мѣстопребываніемъ своимъ, когда, покинувъ землю, вознесутся къ богамъ. Такъ Виргилій въ обращеніи къ Августу говоритъ:

Tibi bracchia contrahit ingens
Scorpius, et cœli justa plus parte relinquit.

Georg. lib. 1.

Но Луканъ превзошелъ всѣхъ въ преувеличеніяхъ: онъ умоляетъ Нерона утвердить престолъ свой среди неба, а не у полюсовъ, дабы его величіемъ не рушилось равновѣсіе земнаго шара:

Sed neque in arctuo sedem tibi legeris orbe,
Nec polus adversi calidus quà mergitur austri;
Aetheris immensi partem si presseris unam,
Sentiet axis onus. Librati pondera cœli
Orbe tene medio: pars ætheris illa sereni
Tota vacet, nullæque obstent a Cæsare nubes.

Phars. lib 1, ver. 53. —

Подобныя фигуры — слѣдствіе ложнаго вкуса и невѣрнаго направленія генія. Онѣ часто встрѣчаются у писателей Испанскихъ. Эпитафія, написанная однимъ Испанскимъ поэтомъ Карлу V, принадлежитъ къ этому роду:

Гробъ его небо; могила — вселенная;
Звѣзды — свѣточи, а слезы моря (*).«

Блескъ и своенравіе такихъ фигуръ ослѣпляютъ и изумляютъ; но тамъ не можетъ быть изящества, гдѣ разсудокъ и здравый смыслъ явно страждутъ. Сочинители надписей часто впадаютъ въ этѣ погрѣшности; все ихъ достоинство иногда состоитъ въ сильной гиперболѣ. Такова слѣдующая надпись:

Боги создали землю, Белгійцы свои берега;
Труды равно необъятные (**)!

Перейдемъ къ такъ называемымъ фигурамъ мыслей, въ которыхъ слова принимаются въ собственномъ своемъ значеніи. — Первое мѣсто занимаетъ здѣсь *олицетвореніе*. Свойство его одушевлять, заставлять дѣйствовать предметы неодушевленные. Обыкновенно называютъ этотъ оборотъ прозопопеей. Употребленіе этой фигуры весьма обширно; источникъ ея въ самомъ духѣ человѣческомъ. Съ перваго взгляда, олицетвореніе можетъ показаться необычайнымъ и даже страннымъ порывомъ чувства: въ немъ поэтъ разговариваетъ съ неодушевленными предметами — деревьями, полями,

---

(*) »Pro tumulo ponas orbem, pro tegmine cœlum,
Sidera pro facibus, pro lacrymis maria.«

(**) Tellurem fecere dii, sua littora Belgæ;
Immensaeque molis opus utrumque fuit.

рѣками, какъ съ существами живыми, сообщаетъ имъ чувства свои и желанія, и мысли, и даръ слова, и образъ дѣйствія. Мы охотно слушаемъ поэта—намъ нравится одушевленіе всего, насъ окружающаго, по гармоніи и какъ бы симпатіи между нами и внѣшнею природою. Отъ того мы любимъ переносить качества одушевленныхъ существъ къ предметамъ неодушевленнымъ и къ отвлеченнымъ понятіямъ. Одушевлять всю природу есть свойство духа человѣческаго: онъ любуется изображеніемъ въ ней себя самаго. Привыкнувъ видѣть вокругъ себя одни и тѣ же предметы, сильно поражающіе воображеніе — домъ, гдѣ пріятно проведены многіе годы жизни — поля, рощи, горы — мы неравнодушно ихъ оставляемъ — мы разстаемся съ этими неодушевленными предметами, какъ съ друзьями — они для насъ существа живыя.

Такова сила очарованія, заставляющая насъ вдыхать жизнь всему, насъ окружающему, особливо предметамъ, наиболѣе прекраснымъ и поразительнымъ. Изъ этой наклонности духа, въ дѣтскомъ возрастѣ человѣчества, произошли всѣ миѳологическія сказанія. Древніе населили горы Ореадами, лѣса Дріадами, воды Наядами. Воображеніе этими представленіями успокоиваетъ умъ, обыкновенно теряющійся въ разнообразіи, изяществѣ и величіи видимой природы. Это достаточно удостовѣряетъ насъ въ необходимости олицетворенія во всѣхъ родахъ сочиненій, когда воображеніе и страсти возбуждаются.

Въ олицетвореніи различаютъ три степени: первая состоитъ въ присвоеніи предметамъ неодушевленнымъ свойствъ предметовъ живыхъ; на второй степени они представляются дѣйствующими, какъ одаренные жизнію; на третьей

они какъ бы слушаютъ насъ и съ нами разговариваютъ. Первая степень, низшая другихъ, состоитъ въ присвоеніи предметамъ неодушевленнымъ нѣкоторыхъ качествъ существъ живыхъ. Этого рода олицетвореніе требуетъ одного или двухъ словъ, или просто одного эпитета: *яростная* буря, *лютая* болѣзнь и т. п. Эта степень прозопопеи сливается съ метафорою. Впрочемъ выраженія и отъ этой степени прозопопеи оживляются, получаютъ высшее благородство. Часто одно выраженіе, одинъ поразительный эпитетъ, черта, быстро и рѣзко проведенная, высказываютъ болѣе, нежели обширное описаніе. Впечатлѣніе, производимое такими эпитетами, можно сравнить съ дѣйствіемъ, происходящимъ въ насъ въ то время, когда намъ открываютъ какую-либо великую мысль: кажется, открытой мысли предшествовало множество другихъ, и послѣдняя относится къ глубокимъ размышленіямъ — одно слово устремляетъ взоры наши въ безпредѣльное пространство, пройденное геніемъ-писателемъ. И ораторы, и поэты равно пользуются этого рода одушевленіемъ. Изъ древнихъ Тацитъ обилуетъ такими украшеніями. Въ Державинѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ эпитеты также поразительны.

Въ прозопопеѣ второй степени неодушевленные предметы представляются живыми существами: *спятъ пригорки* отдаленны, говоритъ поэтъ, боръ *молчитъ*, долина *спитъ*, вѣтеръ *стихнулъ*, долъ *серебрится*. Оборотъ предложенія болѣе или менѣе одушевляется, смотря по свойству дѣйствія, придаваемаго неодушевленнымъ предметамъ, и по другимъ обстоятельствамъ, которыми обставляемъ предметы. Продолженная прозопопея

приличествуетъ высокому краснорѣчію; но въ кратчайшемъ видѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, часто употребляется и въ стихотвореніяхъ, и въ прозѣ. Мы говоримъ: »Законы простираютъ руку помощи и богатому и бѣдному, и вельможѣ и простолюдину.« Этого рода одушевленія непрестанно встрѣчаются въ поэзіи: они составляютъ ея душу и жизнь. У Омира и война, и миръ, и копья, и города, и рѣки — все живетъ. Такая же жизнь у нашего поэта въ одушевленіи Каспія:

»Ты видѣлъ Каспій, протягаясь,
Какъ въ камышахъ, въ пескахъ лежитъ,
Лицемъ веселымъ осклабляясь,
Пловцевъ ко плаванью манитъ;
И вдругъ, какъ бурей разсердяся,
Встаетъ въ упоръ ея крыламъ,
То скачетъ въ твердь, то въ адъ стремяся,
Трезубцемъ бьетъ по кораблямъ:
Столбомъ власы сѣдые вьются,
И гласъ его гремитъ въ горахъ.«

Одно изъ величайшихъ наслажденій, доставляемыхъ намъ одушевленіемъ, состоитъ въ томъ, что оно окружаетъ насъ подобными намъ существами: они, какъ и мы, чувствуютъ и дѣйствуютъ. Главная красота вообще иносказаній заключается въ сближеніи нашемъ съ предметами окружающими, въ сообщеніи имъ жизни. Всѣ обстоятельства наши — бѣдность, богатство, старость, мечты, любовь, печаль, радость, могутъ быть предметами одушевленія. Этой фигурѣ въ поэзіи не возможно назначить предѣловъ. Поэзія, заставляя неодушевленные предметы мыслить, чувствовать и дѣйствовать, переносить насъ въ кругъ существъ намъ подоб-

ныхъ, и это составляетъ одну изъ тѣхъ прелестей, которыми она чаруетъ; посредствомъ украшеннаго языка мы соприкасаемся существамъ безжизненнымъ, которыя предъ нами оживаютъ. Не изумляемся ли мы всемогуществу Творца, когда слушаемъ поэта, въ восторгѣ вѣщающаго:

»Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горющи тамъ дожди шумятъ.«

Намъ остается говорить о третьей, высшей степени олицетворенія, когда неодушевленные предметы не только чувствуютъ и дѣйствуютъ, но слушаютъ насъ и съ нами разговариваютъ. Во многихъ случаяхъ такая прозопопея кажется естественною; но исполненіе ея гораздо труднѣе первыхъ двухъ родовъ. Это самый смѣлый оборотъ въ языкѣ украшенномъ, и допускается при сильномъ потрясеніи души. Первые два рода одушевленія могутъ имѣть мѣсто въ спокойныхъ описаніяхъ, когда духъ нашъ слѣдуетъ обыкновенному теченію понятій и чувствованій; но представить предметъ слушающимъ насъ и говорящимъ можно только въ состояніи восторга, когда нарушается обыкновенный порядокъ мыслей. Всѣ сильныя движенія души, каковы: любовь и ненависть, радость и печаль, исторгаясь изъ глубины ея, ищутъ предметовъ неодушевленныхъ, чтобы подѣлиться съ ними — и, не находя ихъ, они обращаются къ лѣсамъ, рѣкамъ, скаламъ, ко всему окружающему, особливо когда эти неодушевлен-

ные предметы соединены какимъ-либо отношені-емъ съ причиною душевныхъ движеній. Ничто не можетъ изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, приятныхъ впечатлѣній юности; время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхитительную прелесть. Поэтъ, рожденный на берегахъ Волги, обращаясь къ ней, какъ свидѣтельницѣ его дѣтства, говоритъ:

»О Волга, рѣкъ, озеръ краса,
Глава, царица, честь и слава!
О Волга пышна, величава!
Прости! . . . . Но прежде удостой
Склонить свое вниманье къ лирѣ
Пѣвца, незнаемаго въ мірѣ,
Но воспоеннаго тобой!«

Или:

»Я слышалъ Каспія сѣдаго
Пророческій громовый гласъ:
Страшитесь, Персы, рока злаго!
Идетъ, идетъ Царь силъ на васъ!
Его и Югъ, и Нордъ трепещетъ;
Онъ тысячьми перуны мещетъ!
Затмилъ луну и льва сразилъ,
Внемлите шумъ: и Волжски волны
Несутъ его, гордыни полны:
. . . . Идетъ Царь силъ!«

Сравниваютъ душу поэта вдохновеннаго съ расплавленнымъ въ горнилѣ металломъ: при сильномъ пламени, онъ долго остается въ первобытномъ состояніи, долго недвижимъ; но раскаленный — рдѣется, закипаетъ и клокочетъ. Такъ жизнь поэта иногда готовитъ только нѣсколько минутъ, въ которыя *вдохновеніемъ генія онъ тревожится* — и душа его раскаляется. Въ этѣ-то минуты поэтическаго очарованія всѣ помышле-

пія и всѣ мечтанія его передаются всему окружающему.

Изъ наблюденія сердца человѣческаго слѣдуютъ правила касательно употребленія прозопопеи. Съ одной стороны, она есть вдохновеніе чувства, пламень воображенія; а потому тамъ не можетъ быть одушевленія, гдѣ нѣтъ теплоты сердечной; съ другой стороны, предметы, одушевляемые воображеніемъ поэта, должны быть достойны сближенія ихъ съ нами, благородны. Очевидно, что обращеніе къ частямъ тѣла, къ одѣянію, не соотвѣтствуетъ назначенію этой фигуры. Такое обращеніе было бы не одушевленіе, а притворная чувствительность. Къ подобнымъ блесткамъ поэтическимъ принадлежатъ стихотворенія, которымъ жертвовали иногда собою и отличные таланты, н. п. стихи на карася или собачку, встрѣчаемые у Петрова. Сочиненія, не просвѣщающія ума ни познаніемъ истинныхъ красотъ природы, ни познаніемъ свойствъ человѣческаго сердца, въ скоромъ времени наводятъ скуку и забываются.

Прозопопея въ краснорѣчіи требуетъ бо́льшей разборчивости, нежели въ поэзіи: тутъ не позволяется воображенію столько играть, сколько въ поэзіи, гдѣ мы любимъ смотрѣть на его игры. Но и здѣсь сообщается жизнь предметамъ неодушевленнымъ: часто витіи одушевляютъ вѣру, добродѣтель, отечество. При употребленіи прозопопеи въ краснорѣчіи, должно помнить, что это одно изъ главныхъ усилій искусства, и что для исполненія его потребны дарованія необыкновенныя. Говорятъ, крайности сходятся: и неудачная прозопопея возбуждаетъ улыбку. Горе писателю, который думаетъ подражать языку

сильныхъ движеній душевныхъ, не чувствуя въ себѣ самомъ одушевленія.

»Строенье вымысловъ какъ призракъ исчезаетъ,
Коль сила истины его не проникаетъ;
Не вѣритъ умный чтецъ нескладнымъ чудесамъ.«

Такъ говоритъ Горацій. Онъ же въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ:

»Умѣй свои бѣды бѣдами намъ представить;
Умѣй заплакать самъ, чтобъ плакать насъ заставить.«

Мы видимъ несчастные опыты писателей, старающихся выражаться языкомъ страсти; но неодушевленные сами страстью могутъ ли передать ее читателямъ? Вмѣсто того, чтобы воспламеняться такимъ языкомъ, читатель замѣчаетъ только усиліе пользоваться неумѣстнымъ одушевленіемъ. Многіе изъ нашихъ писателей, особенно Өеофанъ Прокоповичь, Платонъ, Ломоносовъ, въ рѣчахъ и надгробныхъ словахъ, употребляли олицетворенія сильныя и изящныя. Творенія древнихъ еще болѣе представляютъ образцовъ украшеннаго языка: живой, пылкій геній южный болѣе склоненъ, кажется, поражать воображеніе внезапными картинами, нежели геній сѣверный.

Къ прозопопеѣ принадлежитъ *апострофа*, или обращеніе говорящаго лица къ отсутствующимъ и умершимъ, какъ бы насъ слушающимъ и участвующимъ въ нашихъ словахъ. Обращеніе гораздо слабѣе олицетворенія, требуетъ менѣе пылкости воображенія; потому что представить присутствующими лица отсутствующія или умершихъ гораздо легче, нежели воодушевить, заставить говорить предметы неодушевленные. Обѣ фигуры требуютъ истиннаго и непритвор-

наго чувства; онѣ должны быть естественнымъ его выраженіемъ. Такова апострофа Платона, при гробѣ Петра Великаго: »Возстань теперь, Великій Монархъ, Отечества нашего Отецъ! возстань и воззри на любезное изобрѣтеніе Твое; оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладись плодами трудовъ Твоихъ! О, какъ бы Твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы .... Но слыши! мы Тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ Твой въ Аргипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, Оттоманскій флотъ до конца истребилъ. Россійскіе высокопарные орлы, торжествуя, именемъ Твоимъ весь Востокъ наполняютъ и стремятся предстать предъ стѣны Византійскія.« Въ поэмахъ Оссіана много прекрасныхъ обращеній: »О дщерь Иннистора! плачь вмѣстѣ съ разбитыми вѣтромъ скалами; склони къ волнамъ твою голову, ты, прекраснѣйшая самаго генія долинъ и холмовъ, когда онъ въ полдень, при тишинѣ Морвена, несется на лучѣ солнечномъ. Онъ палъ, твоя юность увяла, исчезла и красота твоя.« Игривое воображеніе Востока любило смѣлыя фигуры одушевленія и обращенія. Священное писаніе также исполнено ими. »О мечу Божій«, восклицаетъ Іеремія, »доколѣ не упокоишися; вниди въ ножны твоя, почій и вознесися. Како упокоится; понеже Господь заповѣда ему на Аскалона, и на сущая при мори, на прочія возстати (*).« Нельзя не упомянуть объ одномъ мѣстѣ пророчества Ісаіи (**), кроткомъ и исполненномъ высокими мыслями и прекрасными фигурами; нѣтъ ничего подобнаго у другихъ писателей. »И пріимеши плачь сей

(*) Ірем. гл. XLVII, ст. 6 — 7.
(**) Ісаіи гл. XIV, ст. 4 — 20.

на Царя Вавилонска, и induшь, како пресша исшязуяй, и пресша понуждаяй. Сокруши Богъ яремъ грѣшниковъ, яремъ Князей, поразивъ языкъ яростію, язвою неизцѣльною, поражаяй языкъ язвою яросши, ею же не пощадѣ, почи уповающи. Вся земля вопіешъ съ веселіемъ, и древа Ливанова возвеселишася о шебѣ, и кедръ Ливанскій: ошнѣлѣ же шы уснулъ еси, не взыде посѣкаяй насъ. Адъ долѣ огорчися, срѣшъ шя, восшаша съ шобою вси исполини обладавшіи землею, подвизавшіи ошъ пресшоловъ своихъ всѣхъ Царей языческихъ. Вси ошвѣщаюшъ, и рекушъ шебѣ: и шы плѣненъ еси, яко же и мы, и въ насъ вмѣненъ еси. Сниде слава швоя во адъ, многое веселіе швое: подъ шобою посшелюшъ гнилость, и покровъ швой червь. Како спаде съ небесе денница восходящая заушра? Сокрушися на земли посылаяй ко всѣмъ языкомъ. Ты же реклъ еси во умѣ швоемъ: на небо взыду выше звѣздъ небесныхъ поспавлю пресшолъ мой, сяду на горѣ высоцѣ, на горахъ высокихъ, яже къ сѣверу: взыду выше облакъ, буду подобенъ Вышнему. Нынѣ же во адъ снидеши, и во основанія земли. Видѣвшіи шя, удивяшся о шебѣ, и рекушъ: сей человѣкъ раздражаяй землю, потрясаяй цари, положивый вселенную всю пусшу, и грады ея разсыпа, плѣненныхъ не разрѣши. Вси царіе языковъ успоша въ чесши, кійждо въ дому своемъ: шы же поверженъ будеши въ горахъ, яко мершвецъ мерзкій со многими мершвецы изсѣченными мечемъ, сходящими во адъ.« Какъ все возвышенно, сколько одушевленныхъ предмешовъ! Мы слышимъ Евреевъ, говоряшъ кедры Ливанскіе, шѣни Царей, нѣкогда власшишелей Вавилона — и всѣ говоряшъ послѣдовашельно, въ порядкѣ; каждый исполняешъ свое назначеніе.

Сюда относится *видѣніе*, когда писатель употребляетъ настоящее вмѣсто прошедшаго, описываетъ прежде совершившееся, какъ бы все происходило предъ нашими глазами въ то время, когда о томъ повѣствуетъ. Видѣніе свидѣтельствуетъ о восторгѣ; отъ того эта фигура, благоразумно употребленная, производитъ сильное впечатлѣніе. Для этого потребна живость воображенія и счастливый выборъ обстоятельствъ, которыя могли бы заставить насъ повѣрить, что описываемыя происшествія предъ нами происходятъ. Надобно предоставить природѣ выраженія чувства. Помощію этой способности мы всегда выражаемся сильно и убѣдительно; но чувство не замѣняется никакими оборотами языка украшеннаго. Жуковскаго *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ* исполненъ прекрасными *видѣніями*.

»Смотрите! въ грозной красотѣ,
Воздушными полками,
Ихъ тѣни мчатся въ высотѣ
Надъ нашими шатрами! . . . . . .
О Святославъ, бичь древнихъ лѣтъ,
Се твой полетъ орлиной!
Погибнемъ! мертвымъ срама нѣтъ!
Гремитъ передъ дружиной.
И ты, невѣрныхъ страхъ, Донской,
Съ четой двухъ соименныхъ,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменныхъ.«

Также Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Петру, въ доказательство благочестія Монарха, изображая срѣтеніе Св. Князя Александра Невскаго, когда весь градъ подвигнутъ былъ исполненіемъ благоговѣйнаго дѣйствія, говоритъ: »Чудное видѣніе! гребутъ Кавалеры, самъ Монархъ управляетъ

на кормѣ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ.« У него же въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ: »Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что приходитъ со крестомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины. Она отеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ ней пылаютъ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе Тоя совершить поспѣшаютъ; Она, приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту стать противу за Оную усердствуютъ.« Карамзинъ въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ: »И Екатерина на тронѣ! Красота въ образѣ воинственной Паллады! Вокругъ блестящіе ряды героевъ! Пламя усердія въ груди ихъ! Предъ Нею священный ужасъ и Геній Россіи! Опираясь на мужество, богиня шествуетъ — и слава, гремя въ облакахъ трубою, опускаетъ на главу Ея вѣнокъ лавровый.«

Чтеніе тринадцатое.

Окончаніе о языкѣ украшенномъ.—Сравненіе, противоположеніе, вопрошеніе, восклицаніе и другія фигуры, или изобразительность и одушевленіе рѣчи.

Продолжимъ изложеніе украшеннаго языка. Фигуры придаютъ красоту рѣчи, когда прилично поставляются; но какъ иногда ихъ употребляютъ неумѣренно, то мы почитаемъ необходимымъ подробное ихъ изслѣдованіе. Не нужно разсматривать всѣ роды фигуръ: исчисленіе ихъ находится въ большей части риторикъ; полезнѣе заняться главными, болѣе употребительными, и представить о каждой изъ нихъ основныя правила, которыя могутъ служить руководствомъ въ употребленіи и другихъ фигуръ въ стихахъ и въ прозѣ. Мы со всѣми подробностями изслѣдовали метафору; въ предъидущемъ чтеніи говорили о гиперболѣ, олицетвореніи и апострофѣ; теперь окончимъ разсмотрѣніе наше фигуръ.

Прежде всего займемся *сравненіемъ*: оно весьма употребительно во всѣхъ родахъ сочиненій изящныхъ. Мы уже имѣли случай объяснить различіе между сравненіемъ и метафорой. Послѣдняя есть сравненіе неполное и неразвитое; напримѣръ, когда я говорю: »Ахиллесъ есть левъ«, то этимъ хочу выразить, что Ахиллесъ имѣетъ силу и мужество льва. Сравненіе имѣетъ мѣсто, когда сходство, замѣчаемое между двумя предметами,

выражено совершенно явно, опредѣленнѣе и полнѣе, нежели въ метафорѣ, напримѣръ: »Дѣйствія повелителей подобны тѣмъ великимъ рѣкамъ, которыхъ теченіе видятъ всѣ, но которыхъ истокъ открытъ только для немногихъ.« Этотъ простой примѣръ можетъ показать, что удачное сравненіе есть такое украшеніе, которое придаетъ много блеска и красоты рѣчи. По этой причинѣ Цицеронъ и называетъ фигуры этого рода »orationis lumina.«

Удовольствіе, ощущаемое нами отъ сравненій основывается на свойствахъ нашей души. Главная причина этого удовольствія, получаемаго отъ сравненія двухъ предметовъ, состоитъ въ открытіи сходства между различными предметами и несходства между подобными. Сравненіемъ возбуждается въ насъ наблюдательность духа, и тѣмъ облегчается распространеніе полезныхъ свѣдѣній. Это стремленіе ума есть врожденное свойство человѣка. Посмотрите на дѣтей: и они любятъ сравнивать окружающіе ихъ предметы. Далѣе, въ сравненіи нравится намъ ясность, озаряющая главный предметъ, этотъ свѣтлый образъ, въ который онъ облекается, усиленіе впечатлѣнія, производимаго предметомъ на душу человѣка. Наконецъ мы чувствуемъ удовольствіе и отъ того, что уму нашему представляется новый предметъ, обыкновенно блестящій, который какъ бы сливается съ главнымъ предметомъ; новые образы плѣняютъ наше воображеніе и расширяютъ кругъ его дѣйствія.

Всѣ сравненія можно раздѣлить на *объяснительныя* и на служащія просто *украшеніемъ*. Дѣйствительно, въ каждомъ сравненіи можно видѣть намѣреніе писателя, или посредствомъ этого объ-

ясништь главный предметъ, или представить его въ пріятнѣйшемъ видѣ.

Всякой предметъ, каковъ бы онъ ни былъ по своему содержанію, допускаетъ сравненія объяснительныя. Въ самыхъ строгихъ разсужденіяхъ, въ отвлеченныхъ умозрѣніяхъ, можно употреблять сравненія для лучшаго объясненія предмета и для облегченія разсудка. Такъ напримѣръ, Гаррисъ, въ своемъ Гермесѣ, желая объяснить предметъ отвлеченный, именно различіе воображенія и чувствительности, употребляетъ слѣдующее сравненіе. »Воскъ«, говоритъ онъ, »не могъ бы отпечатлѣвать предметы, еслибъ не имѣлъ свойства принимать и удерживать отпечатки. Душа наша подобна воску въ отношеніи къ чувствамъ и воображенію: чувства воспринимаютъ, воображеніе удерживаетъ. Еслибъ умъ нашъ одаренъ былъ одною чувствительностію безъ воображенія, то не былъ бы подобенъ воску, но походилъ бы на воду, которая легко принимаетъ впечатлѣнія, но только ихъ не удерживаетъ.« Сравненія такого рода родятся болѣе отъ размышленія, нежели отъ воображенія, и потому они должны быть ясны, помѣщаться только тамъ, гдѣ необходимы — сильно оттѣнять главный предметъ, не отклонять вниманія отъ этого предмета, освѣщать его, а не затемнять.

Сравненія, которыя служатъ просто украшеніемъ рѣчи и не объясняютъ предмета, но только придаютъ ему новыя красоты, должны быть разсмотрѣны съ большею подробностью. Такого рода сравненія весьма употребительны. Сходство служитъ основаніемъ сравненію, и не столько сходство дѣйствительное, сколько воображаемое. Два пред-

мета могутъ иногда сравниваться, хотя въ сущности своей не имѣютъ между собою никакого сходства; такое сходство заключается въ ихъ дѣйствіи на нашъ умъ. Сравненія возбуждаютъ въ насъ цѣлый рядъ сходныхъ и согласныхъ понятій; отъ того представленіе одного предмета усиливаетъ впечатлѣніе, производимое другимъ. Оссіанъ, желая изобразить дѣйствіе сладостныхъ и заунывныхъ пѣсней Каррила, говоритъ: »Онѣ походятъ на воспоминанія о минувшихъ радостяхъ — сладостны и вмѣстѣ грустны.« Это сравненіе удачно и тонко, не смотря на то, что пѣсни не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ чувствами нашей души, ни съ воспоминаніями о прежнихъ удовольствіяхъ. Оссіанъ могъ бы сравнить пѣсни Каррила съ пѣніемъ соловья, или съ журчаніемъ ручья, какъ обыкновенно сравниваютъ поэты посредственные; тогда сходство было бы точнѣе; но уподобленіе Оссіана основывается на одинаковости дѣйствія, производимаго пѣснями Каррила и воспоминаніями о минувшемъ. Представляя намъ пріятную и грустную картину, поэтъ вмѣстѣ съ этимъ сильнѣе напечатлѣваетъ въ умѣ нашемъ характеръ музыки, которая, по его словамъ: »какъ воспоминаніе о былыхъ радостяхъ, и сладостна, и вмѣстѣ грустна.«

Вообще всякое сравненіе, имѣетъ ли оно въ основаніи своемъ сходство двухъ сравниваемыхъ предметовъ, или одинаковость ихъ дѣйствій, должно имѣть цѣлью объясненіе главнаго предмета. Воображеніе можетъ себѣ позволить нѣкоторую вольность въ выборѣ подобій; но они никогда не должны удаляться отъ главнаго понятія. Если главный предметъ величественъ и благороденъ; то и всѣ части сравненія должны содѣйствовать

къ поддержанію его величія. Если отличительный его характеръ красота, то все въ немъ должно стремиться къ украшенію; если главный предметъ приводитъ въ ужасъ, то и части его должны усиливать это чувство.

Для подробнѣйшаго изслѣдованія сравненія, правила, касающіяся до его употребленія, разсмотримъ въ отношеніи къ мѣсту, гдѣ сравненіе приводится, и въ отношеніи къ свойству сравниваемыхъ предметовъ. Прежде изслѣдуемъ, когда можетъ быть употребляемо сравненіе. Изъ предъидущаго можно заключить, что страсти его не допускаютъ. Оно можетъ родиться отъ воображенія живаго, но не возмущеннаго сильнымъ движеніемъ души. Сильная страсть не согласна съ этой игрою воображенія; не естественно въ этомъ состояніи духа останавливаться на сходствѣ предметовъ. Тогда душа наша бываетъ занята однимъ предметомъ главнымъ, вся въ него погружена, объята имъ, и не ищетъ сравненій. Тотъ поступитъ противъ законовъ духа, кто допуститъ сравненіе, когда страсти должны быть сильно потрясены. Въ такомъ состояніи души достаточно одного выраженія иносказательнаго; но полное и раскрытое сравненіе не можетъ согласоваться съ языкомъ страстей: оно измѣнитъ ему и ослабитъ его; оно прилично спокойному расположенію души. Эта ошибка встрѣчается часто у Англійскихъ трагиковъ. Аддисонъ, въ Катонѣ, когда Люція прощается съ Порціемъ, влагаетъ въ уста послѣднему, вмѣсто выраженія своей горести, слѣдующее ученое сравненіе: »Такъ на погасающемъ свѣтильникѣ зыблющееся пламя, трепеща, останавливается въ одной точкѣ, то внезапно возгарается, то потухаетъ, и, кажется, ни хо-

четъ разставаться съ своею пищей. И ты не покинешь меня; моя душа витаетъ надъ тобой, и не можетъ отстать отъ тебя.« Ясно, что это не есть языкъ растроганнаго сердца и того состоянія духа, въ какомъ предполагать должно Порція, въ минуту прощанія его съ Люціею.

Но хотя сравненіе и не можетъ быть выраженіемъ сильной страсти; однако оно и не совсѣмъ чуждо нѣкоторой игры воображенія. Этотъ оборотъ содержитъ въ самомъ себѣ возвышенность и предполагаетъ ее также въ предметѣ. Когда сердце и не взволновано, воображеніе можетъ быть объято предметомъ. Мѣсто, какое обыкновенно занимаетъ сравненіе, находится въ срединѣ между родомъ страстнымъ, самымъ возвышеннымъ, и самымъ простымъ, спокойнымъ созерцаніемъ. Употребленіе его самое обширное; при всемъ этомъ надобно пользоваться имъ умѣренно. Сравненіе, какъ украшеніе рѣчи, придаетъ много блеску; но все, что блеститъ, ослѣпляетъ насъ и утомляетъ зрѣніе, когда мы часто смотримъ на блестящій предметъ. Въ самой поэзіи надобно умѣренно употреблять сравненія: цвѣтистый слогъ ослѣпляетъ, и часто украшенія, въ немъ разсыпанныя, не производятъ никакого дѣйствія.

Перейдемъ къ правиламъ, касающимся предметовъ, отъ которыхъ должны быть заимствованы сравненія. Сравненія не надобно заимствовать отъ предметовъ, имѣющихъ слишкомъ явное сходство. Намъ пріятны бываютъ тогда сравненія, когда мы открываемъ отношенія между разнородными вещами, которыя съ перваго взгляда кажутся намъ совершенно различными. Слишкомъ обыкновенно то

сравненіе, которое показываетъ намъ сходство двухъ предметовъ близкихъ, однородныхъ. Не стоитъ труда и представлять его, потому что всякой можетъ его примѣтить. Когда Мильтонъ сравниваетъ образъ сатаны, послѣ его паденія, съ затмившимся солнцемъ, блѣдный свѣтъ котораго наводитъ ужасъ на всѣхъ — величіе этой картины насъ поражаетъ. Но когда онъ сравниваетъ колыбель Евы въ раю съ колыбелью Помоны, или самую Еву съ Дріадою — мы не ощущаемъ того же удовольствія: всякой знаетъ, что одна какая-нибудь колыбель во многихъ отношеніяхъ должна походить на другую колыбель.

Къ ошибочнымъ сравненіямъ, по причинѣ слишкомъ явнаго сходства сравниваемыхъ предметовъ, должно отнести и тѣ, которыя берутся отъ предметовъ обыкновенныхъ въ поэтическомъ языкѣ. Таковы, напримѣръ, сравненія героя со львомъ, человѣка въ горести съ цвѣткомъ, склонившимся къ землѣ, сильной страсти съ бурею, чистоты со снѣгомъ, добродѣтели съ солнцемъ и звѣздами. Писатели посредственные передаютъ другъ другу подобныя выраженія, какъ бы по наслѣдству. Эти сравненія были прекрасны, когда геній въ первый разъ заимствовалъ ихъ у самой природы; но повтореніе однихъ и тѣхъ же сравненій не доставляетъ никакого удовольствія, потому что они уже не занимаютъ нашего воображенія. Сравненія служатъ самымъ лучшимъ признакомъ для отличія поэта, одареннаго истиннымъ геніемъ, отъ поэта, скуднаго воображеніемъ. Воображеніе живое всегда найдетъ въ природѣ черты, другими незамѣченныя; посредственность не видитъ въ ней никакого новаго образа. Для генія

сама природа открываетъ свои сокровища; воображеніе однимъ взоромъ обнимаетъ небо и землю, показываетъ въ нихъ новые образы и сходства; эти образы пораждаютъ сравненія выразительныя, огненныя.

Если сравненія не должны быть основаны на слишкомъ явномъ сходствѣ; то, съ другой стороны, должно избѣгать сравненій и слишкомъ отдаленныхъ: вмѣсто облегченія, такія сравненія утомляютъ воображеніе и не объясняютъ предмета. Надобно замѣтить, что иногда сравненіе, котораго главныя части представляютъ ощутительное сходство, становится темнымъ и неестественнымъ отъ излишнихъ подробностей. Не согласно съ цѣлью сравненія — распространять сходство по всѣмъ отношеніямъ предметовъ: тогда представляется уму не облегченіе, а новое упражненіе въ изслѣдованіи свойствъ предметовъ. Къ изложеннымъ правиламъ объ употребленіи сравненій можно присоединить, что предметъ, отъ котораго они заимствуются, не долженъ быть неизвѣстный, или темный. »Для того, чтобъ объяснить предметъ«, говоритъ Квинтиліанъ, »употребляются сравненія. Слѣдовательно, всего болѣе должно стараться, чтобы предметъ, взятый для сравненія, не былъ темнымъ, или неизвѣстнымъ. Все, что берется для объясненія чего нибудь, должно быть яснѣе объясняемаго предмета (*).« Поэтому сравненія,

---

(*) »Ad inferendam rebus lucem, repertae sunt similitudines. Praecipue igitur custodiendum, ne id, quod similitudinis gratia adscivimus, aut obscurum sit, aut ignotum. Debet enim id, quod illustrandae alterius rei gratia assumitur, ipsum esse clarius eo, quod illuminatur.«

основанныя на какихъ нибудь философскихъ истинахъ, или на предметахъ, знакомыхъ одному какому-нибудь классу людей, не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Должно брать сравненія отъ предметовъ извѣстныхъ и понятныхъ большей части читателей. Въ этомъ ошибаются часто многіе писатели. Древніе всегда брали свои сравненія изъ числа предметовъ, равно всѣмъ извѣстныхъ. Львы, змѣи доставляли имъ множество сравненій удачныхъ. Эти сравненія были нѣкоторымъ образомъ освящены мѣстнымъ употребленіемъ, и, какъ произведенія классическія, приняты въ этой же формѣ поэтами новыхъ временъ, но приняты безъ всякой отчетливости, и отъ того потеряли прежнее приличіе и достоинство. Большая часть ихъ намъ извѣстна по преданіямъ или описаніямъ; между тѣмъ каждая страна имѣетъ свой отличительный характеръ; ея отпечатокъ всегда видѣнъ въ сравненіяхъ. Незнакомые намъ предметы, чуждые нравы и обычаи показываютъ поэта, который списываетъ не съ природы, а съ писателей, уже ее изобразившихъ.

Въ сочиненіяхъ важныхъ и возвышенныхъ не надобно для сравненій употреблять предметовъ низкихъ: они ослабляютъ главный предметъ, вмѣсто возвышенія его и украшенія. Исключая шуточныя сочиненія, нигдѣ не должно употреблять такихъ сравненій. Степень возвышенности предметовъ зависитъ, по большей части, отъ идей и нравовъ вѣка. Многія сравненія, заимствованныя отъ занятій и обычаевъ сельской жизни, нынѣ кажутся намъ низкими и неблагородными; но среди простыхъ нравовъ древности, они были возвышенны и благородны.

У Омира сравненія согласны со страною и обычаями страны; но они не могутъ быть повторены нашими поэтами. Таково слѣдующее, гдѣ говорится о Діомидѣ:

»Словно ко брегу гремучему быстрыя волны морскія
Идутъ, грядa за грядою, клубимыя зефиромъ вѣтромъ;
Прежде средь моря, онѣ воздымаются; послѣ нахлынувъ,
Съ громомъ объ берегъ дробятся ужаснымъ, и выше утесовъ
Волны понурыя скачутъ, и пѣну соленую брызжутъ:
Такъ непрестанно, толпа за толпою, Данаевъ фаланги
Въ бой устремляются. . . .«

Ил. IV, ст. 422 — 428.

Или:

»Сколько черна и угрюма онъ облаковъ кажется мрачность,
Если неистово дышащій, знойный подвигнется вѣтеръ:
Взору Тидида таковъ показался кровью покрытый
Мѣдный Арей, съ облаками идущій къ пространному небу.«

Ил. V, ст. 864 — 867.

Не таковы сравненія въ странахъ снѣговъ, гдѣ природа дика и безплодна, гдѣ стихіи непостоянны. Вокругъ насъ иней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи въ прелестныхъ цвѣтахъ. Солнце едва явится — и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ серебряное сіяніе свое,

и не рѣдко образуетъ огненные вѣнцы на чистой лазури небесной. Деревья, обѣленныя инеемъ, кажутся очарованными. Подобная картина величественныхъ и прекрасныхъ явленій Сѣвера изображена кистью Ломоносова:

»Закрылись крайние съ пучиною лѣса,
Лишь съ моремъ видны вкругъ сліянны небеса.
. . . . . Сквозь воздухъ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ влажныхъ берегахъ, крутясь печальна Уна,
Медлительно течетъ въ объятія Нептуна.
Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
Какъ пламенна гора, казалось средь валовъ
И простирало блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи,
Верхи злашыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи«

Боговдохновенные Пророки исполнены превосходными и правильными сравненіями. Такъ Исаія вѣщаетъ: »Яко же снидетъ дождь или снѣгъ съ небесе и не возвратится, дондеже напоитъ землю и родитъ, и прозябнетъ, и дастъ сѣмя сѣющему, и хлѣбъ въ снѣдь: тако будетъ глаголъ мой, иже аще изыдетъ изъ устъ моихъ, не возвратится ко мнѣ тощъ, дондеже совершитъ вся, елика восхотѣхъ.«

Не должно указывать на Омира, у котораго встрѣчаемъ сравненія героевъ съ мухами, ослами или очей красавицы съ глазами телицы: это относится къ нравамъ и обычаямъ вѣка. Занятія, нынѣ для насъ слишкомъ обыкновенныя, въ патріархальной простотѣ нравовъ почитались

достойными каждаго. Единоборство Патрокла и Сарпедона у Омира въ Иліадѣ такъ описывается:

»Словно два коршуна, съ клевомъ поклепымъ, съ кривыми когтями,
Въ бой на утесѣ высокомъ, слетаются съ крикомъ ужаснымъ:
Съ крикомъ подобнымъ они устремилися другъ противъ друга.«

Ил. XVI, ст. 428 — 430.

Или тамъ же:

»Быстро вѣщала въ отвѣтъ *волоокая* Гера богиня.«

О Менетидѣ Омиръ говоритъ:

»Онъ сквозь ряды передніе бросился прямо, какъ ястребъ
Быстрый, который преслѣдуетъ робкихъ скворцовъ, или галокъ.«

Ломоносовъ представляетъ примѣры великолѣпныхъ сравненій:

»Когда премудростью Своею
Всевышній солнце сотворилъ,
Пути различны надъ землею
Въ теченіи опредѣлилъ:
Согрѣвъ полночну часть Европы
И паки къ намъ приходитъ вспять;
Полсвѣта дневной теплотою,
Полсвѣта тучной въ ночь росою,
Премѣнно тщится оживлять.«

»Такъ ты, Монархиня, сіяешь
Въ концы Державы Твоея;
Когда по онымъ протекаешь,
Отраду, радость, жизнь дая.
Отъ славныхъ водъ Балтійскихъ края
Къ востоку путь свой простирая,
Являешь полдень надъ Москвой.
Ты многимъ какъ заря восходишь;
Инымъ прохладну тѣнь наводишь,
И обще всѣмъ даешь покой.«

Обращаемся къ другимъ фигурамъ, которыхъ употребленіе уже легко опредѣлить по изложеннымъ правиламъ. Сравненіе основано на сходствѣ; *противоположеніе* заключается въ показаніи различія предметовъ. Цѣль этого оборота — разительнѣе выказать два противополагаемые предмета. Бѣлый цвѣтъ, напримѣръ, явственнѣе, когда при немъ находится черный. Съ пользою можно употреблять противоположенія, когда хотимъ усилить впечатлѣніе, производимое предметомъ. Въ полномъ противоположеніи слова и части періода, выражающія противополагаемые предметы, должны быть построены и расположены симметрично и имѣть взаимное отношеніе. — Поставляя предъ глазами противополагаемые предметы, мы болѣе ихъ отличаемъ. Такъ, для лучшаго показанія различія между чернымъ и бѣлымъ цвѣтомъ, мы беремъ черный и бѣлый предметы одинаковой величины, и представляемъ ихъ въ одномъ свѣтѣ. Сличеніе ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ покажетъ то различіе, которое мы намѣрены выразить.

Нельзя оставить безъ замѣчанія и того, что частыя противоположенія, особенно когда противоположность въ словахъ натянута и выисканна, причиняютъ въ слогѣ непріятность, утомляютъ и не производятъ желаемаго дѣйствія. Слѣдующее выраженіе Сенеки прекрасно, когда оно стоитъ одно: «Si quem volueris esse divitem, non est quod augeas divitias, sed minuas cupiditates (*).« Или другое: «Si ad naturam vixeris, nunquam eris pauper; si

(*) »Если ты хочешь обогатить кого нибудь, то не умножай его богатствъ, но уменьши его желанія.«

ad opinionem, nunquam dives (*).« Въ видѣ противоположенія можетъ быть представлена всякая мысль, плодъ размышленія, для сильнѣйшаго дѣйствія. Но когда сочиненіе открываетъ цѣлый рядъ подобныхъ выраженій; когда писатель выискиваетъ ихъ, и этотъ способъ выраженія переходитъ въ привычку: тогда рѣчь теряетъ изящество. Справедливо въ этомъ отношеніи укоряютъ Сенеку. Такая рѣчь предполагаетъ слишкомъ большую обработку; она показываетъ писателя, занятаго болѣе словами, нежели мыслями. Притомъ эта фигура тогда только имѣетъ естественную красоту, когда противоположныя мысли почерпнуты изъ самаго предмета, для чего необходимо разсматривать объемъ и содержаніе понятій. Въ этомъ случаѣ противоположеніе сообщаетъ описываемому предмету большую ясность и опредѣлительность. Вотъ примѣры противоположеній, останавливающихъ вниманіе на изображаемыхъ предметахъ. Въ *Карамзинѣ*: »Русскіе гибнутъ; Новогородцы богатѣютъ. Русскіе считаютъ язвы свои; Новогородцы считаютъ златыя монеты.« Въ *Платоновой* рѣчи на коронованіе Императора Александра I встрѣчаемъ поразительное противоположеніе: »Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша — но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой — но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность — но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе — но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе — но Тебѣ бремя.«

(*) »Если ты будешь жить, слѣдуя природѣ, то никогда не будешь бѣденъ; если же ты будешь слѣдовать прихотямъ, то никогда не будешь богатъ.«

Въ *Державинѣ*:

»Я Царь — я рабъ — я червь — я богъ.«
»Сегодня богъ — а завтра прахъ.«
»Гдѣ столъ былъ яствъ — тамъ гробъ стоитъ.«

Есть еще другой родъ противоположенія, котораго достоинство состоитъ въ томъ, чтобъ поразить насъ внезапнымъ контрастомъ предметовъ: такое противоположеніе прилично только сочиненіямъ шуточнымъ, и не можетъ имѣть мѣста въ сочиненіи важномъ. Въ эпиграммѣ остротою обыкновенно называется такого рода антитеза, которая поражаетъ живымъ и внезапнымъ оборотомъ, придаваемымъ уму; она тѣмъ удачнѣе, чѣмъ короче.

Сравненіе и противоположеніе, какъ обороты рѣчи умѣренные, способствуютъ изобразительности. Они суть произведенія воображенія, а не страсти. Но *вопрошеніе* и *восклицаніе*, о которыхъ слѣдуетъ говорить, относятся къ выраженіямъ страсти; они служатъ одушевленіемъ и простаго разговора, и ораторской рѣчи. Назначеніе вопрошенія — представить повѣствованіе въ дѣйствіи, и тѣмъ его одушевить. Когда мы взволнованы страстью, то представляемъ въ видѣ вопроса все, что намѣрены утверждать или отрицать. Такъ Платонъ въ приступѣ рѣчи, произнесенной при священномъ коронованіи Императора Александра I, употребилъ слѣдующее вопрошеніе: »Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійстіи сынове? Возблагодаримъ ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы мо-

лимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ ли что-либо въ даръ Господу? И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ, и сердца, и утробы приносимъ Ему, и вручаемъ Ему. Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ. Молиться ли, да Богъ Самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О! прильпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія. Пасть ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да находя въ Монархѣ чадолюбиваго Отца, будемъ мы къ нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый художникъ, мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ сего бренія сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь.«

Вопрошеніе часто встрѣчается и въ разсужденіяхъ, не возбуждающихъ сильныхъ ощущеній; но восклицаніе можетъ только приличествовать душѣ, сильно потрясенной удивленіемъ, внезапностью, гнѣвомъ, радостью, горестью и другими страстями. Державинъ въ одѣ на возвращеніе Зубова, размышляя о томъ, что никогда не поздно учиться и исправлять поступки юныхъ лѣтъ,

и что истинное благородство состоитъ въ признаніи надъ собою превосходства, вдругъ неожиданно возглашаетъ:

»Смотри какъ въ ясный день, какъ въ бурѣ
Суворовъ твердъ, великъ всегда.
Ступай за нимъ — небесъ въ лазурѣ
Еще горитъ его звѣзда!«

Или Карамзинъ въ мысляхъ, избранныхъ изъ Экклезіаста, разсуждая о бренности всего земнаго и суетахъ здѣшняго міра, восклицаетъ:

»Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить!
Какъ слава наша не надежна!
И мы хотимъ мечтамъ служить;
Любить, чего любить не должно —
Искать, чего найти не можно!
Несчастный, слабый человѣкъ!«

Сюда же принадлежитъ *моленіе*, или фигура, въ которой говорящій прибѣгаетъ къ молитвамъ и слезамъ. Таковы всѣ умилостивительные и очистительные псалмы Боговдохновеннаго Пророка, составляющіе наше питаніе духовное, умилительное успокоеніе духа, въ сей жизни нерѣдко возмущаемаго. Проповѣдники также молятъ Бога о ниспосланіи благодати въ услышаніе проповѣдуемыхъ истинъ. Поэтъ, въ размышленіи по случаю грома, съ чувствомъ благоговѣнія восклицаетъ:

»Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы
И — исчезаю предъ Тобой!«

Вопрошеніе, восклицаніе и вообще всѣ фигуры, выражающія страсти, дѣйствуютъ на насъ по сочувствію. Сочувствіе, могущественное свой-

ство духа нашего, заставляетъ насъ раздѣлять чувства и страсти другихъ людей. Не испытываемъ ли мы этого сочувствія и въ обыкновенной нашей жизни? Смотрите пристально на человѣка, являющагося въ общество съ лицемъ, обнаруживающимъ живую радость или сильную горесть: это самое чувство разливается во всѣхъ присутствующихъ. Та же самая причина воспламеняетъ страсти въ толпѣ собравшагося народа — иногда однимъ взглядомъ, тѣлодвиженіями. Вопрошеніе и восклицаніе суть естественныя выраженія души взволнованной; а потому они должны всегда, если употреблены прилично, располагать насъ къ сочувствію съ тѣми, которые ихъ произносятъ: мы непремѣнно раздѣляемъ съ ними ихъ чувствованія.

Изъ этого слѣдуетъ, что главное правило касательно употребленія этихъ фигуръ состоитъ въ изученіи сердца человѣческаго—въ знаніи того, какимъ образомъ выражаемъ свои ощущенія и страсти, когда хотимъ говорить однимъ языкомъ съ природой; но всего болѣе надобно остерегаться не говорить языкомъ страсти, которой мы не чувствуемъ. Съ большею свободою, повторимъ еще это замѣчаніе, можно употреблять вопрошенія: они имѣютъ мѣсто и въ обыкновенномъ разговорѣ, и въ разсужденіи, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя предполагать душевнаго волненія. Но гораздо болѣе осторожности требуется при употребленіи восклицаній: нѣтъ ничего страннѣе частыхъ и неумѣстныхъ восклицаній. Молодые, неопытные писатели воображаютъ, что, повторяя ихъ часто, они придаютъ сочиненіямъ своимъ болѣе силы; но не рѣдко производятъ совсѣмъ противное дѣйствіе: они только охлаждаютъ читателей. Если писатель безпрестанно хочетъ дѣйствовать на наши стра-

сти, ничего не представляя намъ трогательнаго, то онъ возбуждаетъ одно только негодованіе; не возбуждаетъ въ насъ сочувствія. Покажи намъ страсть свою, и мы примемъ въ ней участіе. Вообще эти обороты рѣчи предполагаютъ сильное движеніе духа; чтобъ выполнить ихъ, нужна живость воображенія и свѣжесть чувства: тогда только мы повѣримъ, что описываемое происшествіе происходитъ передъ нами. Въ противномъ случаѣ, они раздѣляютъ участь всѣхъ безплодныхъ усилій для выраженія страсти: даютъ писателю странный видъ ложнаго восторга, а читателя оставляютъ хладнокровнымъ и равнодушнымъ. Тѣ же замѣчанія должно сдѣлать и о повтореніи, умолчаніи, поправленіи и другихъ фигурахъ: онѣ придаютъ рѣчи изящество, когда представляютъ естественныя выраженія чувства или страсти. Пусть природа сама выражается; фигуры явятся незванныя. Но кто притворно думаетъ произвести ощущеніе, котораго самъ не имѣетъ, тотъ никакими фигурами не въ состояніи замѣнить чувства.

Часто употребляется, особенно въ краснорѣчіи, такъ называемое *распространеніе*. Эта фигура состоитъ въ искусномъ преувеличеніи всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ предмету или къ дѣйствію, которыми мы хотимъ произвести впечатлѣніе. Это удачное употребленіе нѣсколькихъ фигуръ, обращенныхъ къ одной цѣли. Здѣсь нуженъ выборъ выраженій, которыя бы увеличивали или уменьшали значеніе правильнымъ исчисленіемъ обстоятельствъ, или представленіемъ ихъ въ одной группѣ.

Но лучшій способъ для произведенія этого дѣйствія есть *восхожденіе* — когда всѣ изображе-

нія восходятъ постепенно, пока писатель не достигнетъ высшей степени одушевленія. Восхожденіе выражаетъ или постепенность въ ходѣ ума, происходящую отъ размѣщенія мыслей, изъ которыхъ послѣдующая болѣе и болѣе развиваетъ предъидущую; или постепенность выраженій, производящую сильнѣйшее впечатлѣніе. Таково слѣдующее восхожденіе у Ломоносова въ Вечернемъ размышленіи о Божіемъ величіи:

»Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ:
Скажитежъ, коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Несвѣдомъ тварей вамъ конецъ:
Скажитежъ, коль великъ Творецъ?«

Въ заключеніе замѣтимъ, что правильныя восхожденія, не смотря на все свое достоинство, кажутся иногда искусственными: въ употребленіи ихъ нужна умѣренность. Простое изложеніе обстоятельствъ можетъ произвести сильнѣйшее убѣжденіе, нежели восхожденія; потому что искусство, обнаруженное въ писателѣ, заставляетъ насъ не довѣрять обольстительности краснорѣчія. Ораторъ долженъ прежде обдумать предметъ свой, и силою доказательствъ показать истину главнаго предложенія или умозаключенія. Пріобрѣтя довѣренность слушателей или читателей, можетъ онъ употребить искуственные обороты рѣчи, для усиленія убѣжденія и возбужденія живѣйшихъ чувствованій.

Чтеніе четырнадцатое.

Значеніе слога и его различіе. — Внутреннія качества изящнаго слога, выражающія господствующую способность и характеръ писателя: краткость, обиліе. — Внѣшнія качества изящнаго слога, зависящія собственно отъ способа выраженія: красивость, цвѣтность.

До сихъ поръ мы говорили объ изящномъ построеніи рѣчи, согласномъ съ общими законами изящнаго, и проявляющемся въ изобразительности и одушевленіи. Но какъ изящное въ отливахъ своихъ представляетъ разнообразіе отъ дѣйствія душевныхъ способностей: отъ того каждый человѣкъ имѣетъ свой особенный способъ выраженія и въ словѣ. Этотъ особенный способъ выраженія въ изящномъ словѣ называется *слогомъ*. Рѣчь сама по себѣ иногда бываетъ совершенно правильная; но слогъ, которымъ изображается характеръ писателя, можетъ быть неизященъ. Сухость и напыщенность, вялость и принужденность, обиліе и краткость — все это зависитъ непосредственно отъ способностей писателя. Въ слогѣ видны мысли его, самое рожденіе ихъ и развитіе. При разборѣ писателей, вы читаете въ слогѣ всю внутреннюю жизнь ихъ: это тѣ формы, въ которыхъ отливаются мысли, приходя въ явленіе посредствомъ слова. Въ слогѣ обнаруживается даже характеръ народовъ, страны, климата, нравовъ, образа жизни. Восточные жители любятъ украшенія: ихъ слогъ исполненъ метафорами и гиперболами. Слогъ Аѳинянъ, просвѣщеннѣйшаго

народа въ древности, простъ, точенъ, ясенъ. Въ слогѣ различныхъ народовъ Европы видны также различные оттѣнки образованія и красоты. Столь тѣсная связь между словами и мыслями, которыя выражаются въ словахъ! — Отличительное свойство писателя въ мышленіи и выраженіи напечатлѣвается на слогѣ. Отъ того названія слога: сильный, слабый, сухой, простой, украшенный и другія, означаютъ дарованія писателей, изображающіяся въ ихъ способѣ выраженія.

Какъ же согласить различный способъ выраженія писателей, зависящій отъ ихъ дарованій, съ различіемъ предметовъ, которое также требуетъ особенностей? Философское сочиненіе не можетъ быть излагаемо слогомъ ораторской рѣчи; даже различныя части одного и того же сочиненія требуютъ различія въ слогѣ. Такъ въ ораторской рѣчи заключеніе допускаетъ болѣе украшеній и восторга, нежели часть доводовъ. Не смотря на это разнообразіе, зависящее отъ предметовъ и содержанія сочиненія, всегда находимъ у самобытныхъ писателей единство слога, единство характера, изображающагося въ слогѣ. Отличительныя свойства каждаго обнаруживаются въ слогѣ столь же рѣзко, какъ выражаются они въ глазахъ, во всѣхъ движеніяхъ. Рѣчи Тита Ливія представляютъ слогъ, отличный отъ прочихъ частей его Исторіи, равно какъ и рѣчи Тацитовы; однако въ обоихъ писателяхъ открываемъ особенныя свойства: въ одномъ обиліе и великолѣпіе, въ другомъ — краткость и силу. Въ рѣчахъ Цицерона за законъ Маниліевъ и противъ Катилины, не смотря на различіе предметовъ, не смотря на различный ихъ тонъ, видны и одинъ

художникъ, и одна отдѣлка. Истинный талантъ запечатлѣваетъ всѣ творенія свои характеромъ, ему только свойственнымъ. Напротивъ, когда сочиненіе не выражаетъ особаго характера, заключаютъ, что писатель не самобытенъ, что онъ подражатель. Знаменитыхъ живописцевъ узнать можно по кисти: такъ по слогу узнаютъ отличныхъ писателей.

Древніе различали въ слогѣ нѣсколько родовъ Діонисій Галикарнасскій принимаетъ три рода: *сильный*, *цвѣтущій* и *средній*. Подъ слогомъ сильный онъ разумѣетъ способъ выраженія стремительный, но небрежный въ отношеніи къ украшеніямъ и изяществу. Такой слогъ находитъ онъ въ Эсхилѣ, Пиндарѣ и Ѳукидидѣ. Слогомъ цвѣтущимъ называетъ онъ способъ выраженія текучій, украшенный, въ которомъ сила замѣняется благозвучіемъ и изяществомъ. Таковъ слогъ Гезіода, Сафы, Анакреона, Эврипида, въ особенности Исократа. Третій родъ слога занимаетъ средину между этѣми крайностями, заимствуя красоты того и другаго рода. Къ этому роду слога причисляетъ онъ творенія Омира, Софокла, Геродота, Димосѳена, Платона и Аристотеля. Послѣдній родъ у Діонисія Галикарнасскаго неопредѣленный, слишкомъ обширный; потому что Платонъ и Аристотель по слогу чрезвычайно между собою различны (*). Цицеронъ и Квинтиліанъ также принимаютъ три рода слога; но ихъ раздѣленіе имѣетъ совершенно другое основаніе. Большая часть новыхъ писателей слѣдуетъ ихъ раздѣленію, различая слогъ простой (simplex, tenue), высокій (grave, vehemens) и умѣренный (medium, temperatum genus

(*) *Περὶ συνθέσεως ὀνομάτων*, гл. 25.

dicendi). При всей неопредѣленности этихъ раздѣленій, очевидно, что Греческіе и Римскіе писатели различали слогъ по характеру поэтовъ и ораторовъ, видѣли въ слогѣ выраженіе господствующей способности, или силы судительной, или воображенія, или чувства.

Если подъ слогомъ разумѣть должно выраженіе господствующей способности писателя; то слѣдуетъ отличать въ слогѣ качества *внутреннія* и *внѣшнія*. Первыя относятся къ самому мышленію, вторыя къ выраженію. Въ первомъ отношеніи представляются два рода слога: *краткій* и *обильный*. Писатель краткій выражаетъ мысли свои по возможности немногими словами; избираетъ слова выразительнѣйшія, отметаетъ всякое выраженіе, не прибавляющее къ мысли ничего существеннаго. Здѣсь умъ какъ бы сосредоточиваетъ разнообразіе въ единство. Что касается до украшеній, то здѣсь они также употребляются: этотъ слогъ допускаетъ теплоту чувства и картины воображенія; но всѣ украшенія его болѣе содѣйствуютъ силѣ, нежели изяществу рѣчи. Писатель сжатый никогда не представляетъ одной мысли въ двухъ выраженіяхъ. Онъ даетъ мысли своей краску разительнѣйшую; но если вы не обнимаете мысли въ одномъ выраженіи, вы болѣе не встрѣтите ея въ другомъ. Всѣ предложенія и періоды кратки; расположеніе ихъ не столько красивое и благозвучное, сколько сильное. Въ краткомъ слогѣ выразительность — главный предметъ; здѣсь читатель или слушатель должны сами многое дополнять. Этому слогу преимущественно соотвѣтствуетъ рѣчь отрывистая.

Напротивъ, слогъ обильный представляетъ каждую мысль въ полномъ развитіи, показываетъ

ее съ разныхъ сторонъ, въ различныхъ выраженіяхъ, не предоставляя ничего собственному размышленію читателя или слушателя. Этотъ слогъ показываетъ умъ, стремящійся единство мысли разложить на возможное разнообразіе ея явленій. Обильный писатель не заботится о возможной силѣ выраженія; впечатлѣніе, имъ производимое, вознаграждается повтореніемъ одной мысли — здѣсь обиліе замѣняетъ силу. Этотъ слогъ обыкновенно отличается великолѣпіемъ, распространеніемъ каждаго выраженія. Отсюда происходитъ, что въ писателяхъ этого рода находимъ чаще рѣчь періодическую, роскошь во всѣхъ украшеніяхъ.

Каждый изъ этихъ двухъ родовъ слога имѣетъ свои выгоды; но крайности того и другаго равно погрѣшительны. Излишняя краткость производитъ темноту и жесткость; иногда выраженія этого рода слога кажутся изысканными, трудными для разумѣнія. Съ другой стороны, слогъ слишкомъ обильный становится вялымъ и слабымъ. Вообще тотъ и другой родъ выраженія зависитъ отъ душевныхъ способностей писателя; но и въ краткомъ слогѣ, и въ обильномъ можно быть изящнымъ. Здѣсь не льзя уже указывать на отрывки изъ сочиненій; слогъ изучается изъ чтенія полныхъ сочиненій самобытныхъ писателей. Разительными образцами краткаго слога представляются изъ древнихъ Аристотель и Тацитъ. Никого не найдемъ бережливѣе ихъ на слова; но эта краткость иногда затемняетъ мысли. Совершенно противоположны имъ Платонъ и Цицеронъ. Слогъ Римскаго витіи можно принять за образецъ слога блистательнаго и великолѣпнаго.

Изъ двухъ родовъ слога которому же отдадимъ преимущество? Здѣсь должно обращать вниманіе на самый предметъ сочиненія. Рѣчи, которыя обыкновенно произносятся, требуютъ слога болѣе обильнаго, нежели сочиненія, назначаемыя для чтенія. Тамъ не прилична излишняя краткость, гдѣ слушатель долженъ ловить каждое выраженіе оратора, и не можетъ возвратиться въ другой разъ къ той мысли, которая показалась не совсѣмъ ясною. Ораторъ не въ правѣ ожидать отъ слушателей такой же быстроты въ соображеніи его мыслей, съ какою самъ онъ можетъ представлять ихъ, по долгомъ размышленіи; должно такъ излагать мысли свои, чтобъ и самые медленные умы были въ состояніи за нами слѣдовать. Потому-то всѣ, назначающіе себя для рѣчей ораторскихъ, должны предпочитать слогъ обильный, избѣгая только плодовитости утомительной. Такъ всегда бываетъ съ тѣми, которые одну и ту же мысль повторяютъ нѣсколько разъ, представляя ее съ различныхъ сторонъ.

Въ сочиненіяхъ, назначаемыхъ для чтенія, краткость въ извѣстной степени представляетъ большія выгоды. Отъ нея слогъ бываетъ живѣе; вниманіе постоянно поддерживается; впечатлѣніе производится быстрое и глубокое; эта напряженность духовная доставляетъ величайшее наслажденіе. Часто мы соглашаемся съ мыслью, растянутою на нѣсколько выраженій, но она не поражаетъ насъ; выразите ее кратко, и тою же мыслью мы любуемся, той же мысли удивляемся. Хотите вы, чтобъ описаніе ваше казалось живымъ и одушевленнымъ: будьте кратки. Многіе думаютъ, что въ описаніяхъ можно распространяться, и что отъ обильнаго слога они получаютъ богат-

ство и выразительность. Напротивъ, слишкомъ обильныя описанія всегда слабы. Слова и предложенія ненужныя затрудняютъ воображеніе, представляютъ излагаемый предметъ сбивчиво и нераздѣльно. Смотрите на художественныя описанія Омира, Тацита: они кратки, быстры. Одно рѣзкое воззрѣніе ихъ открываетъ въ предметѣ болѣе мыслей, нежели вялое указаніе на всѣ стороны этого предмета. Сила и живость описанія зависятъ не столько отъ множества открываемыхъ сторонъ въ предметѣ, сколько отъ выбора одной или двухъ изъ нихъ, болѣе поразительныхъ.

Говорите ли вы страстямъ: тоже должны предпочитать слогъ сжатый обильному. Здѣсь плодовитость слога опасна; потому что трудно выдержать извѣстную степень теплоты чувства въ продолженіе нѣкотораго времени. Кто любитъ слишкомъ распространяться въ рѣчахъ своихъ, тотъ скоро можетъ охладить читателя или слушателя. Дѣйствіе чувства и воображенія быстро: однажды приведенныя въ движеніе, они представляютъ уму множество подробностей, которыя не произведутъ сильнаго дѣйствія, если будутъ высказаны самимъ писателемъ. Но не такъ говорятъ, когда обращаются къ разсудку, когда хотятъ объяснять, поучать. Здѣсь должно предпочитать способъ выраженія обширнѣйшій и болѣе развитый. Хотите вы тронуть сердце, поразить воображеніе: будьте кратки. Но когда вы должны разлить свѣтъ въ понятіяхъ, требующихъ постепенности въ изслѣдованіяхъ: старайтесь выражаться обильно. Повѣствованія могутъ равно допускать способъ выраженія краткій и обильный, смотря по генію писателя. Такъ слогъ Геродота и Тита Ливія обильный; слогъ Ѳукидида

и Саллюстія краткій — во всѣхъ ихъ мы читаемъ съ восхищеніемъ.

Мы замѣтили, что обильный слогъ вообще допускаетъ болѣе длинные періоды, а слогъ краткій предпочитаетъ предложенія отрывистыя. Изъ этого однако не слѣдуетъ, что длинные періоды и отрывистыя предложенія служатъ отличительными признаками слога обильнаго и краткаго. Можно выражаться краткими предложеніями, и вмѣстѣ съ этимъ быть чрезвычайно растянутымъ; потому что немногія мысли можно распространить на множество краткихъ предложеній. Въ примѣръ можно привести Сенеку: съ перваго взгляда краткія предложенія его могутъ показаться свойствомъ сжатаго слога; но разсмотрите его внимательнѣе: вы найдете, что онъ одну и ту же мысль представляетъ въ разныхъ видахъ — одну и ту же мысль повторяетъ, какъ мысль новую, облекая ее только въ новое выраженіе. Отъ краткихъ предложеній слогъ бываетъ живъ и легокъ, но не всегда сжатъ. Производя на умъ нѣсколько быстрыхъ впечатлѣній, они оживляютъ его; отъ этого и слогъ становится одушевленнымъ. Напротивъ, длинные періоды придаютъ слогу важность и величіе; но отъ нихъ умъ скоро скучаетъ. Должно перемѣшивать длинные періоды съ краткими предложеніями, чтобъ соединить величіе съ живостью; тѣ и другіе должны въ свою очередь встрѣчаться, смотря по тому, требуетъ ли предметъ болѣе важности, или живости.

Съ слогомъ обильнымъ и краткимъ часто смѣшивается слогъ *слабый* и *сильный*. Дѣйствительно эти роды слога иногда сливаются. Писатели, слишкомъ распложающіе мысли свои, обнаруживаютъ въ слогѣ вялость; наоборотъ, писатели,

которые любятъ преимущественно краткость, бываютъ вмѣстѣ и сильны. Но это не законъ неизмѣняемый: можно указать такихъ писателей, которые съ обильнымъ слогомъ соединяютъ и силу. Титъ Ливій служитъ въ этомъ примѣромъ. Очевидно, что сила и вялость слога зависятъ отъ мышленія писателя: поэтому, кромѣ краткости и обилія, къ внутреннимъ качествамъ слога принадлежитъ вялость и сила. Сильно обнимаетъ писатель предметъ свой, сильно будетъ и его выраженіе. Но если представленія предмета въ самомъ писателѣ сбивчивы; если его собственныя идеи слабы и не точны; если, по свойству дарованій своихъ, самъ писатель не разительно представляетъ то, что намѣренъ передать другимъ: слогъ его запечатлѣется всѣми этими качествами. Въ немъ найдемъ слова и эпитеты лишніе, неприбавляющіе никакой мысли; всѣ выраженія его будутъ невѣрны и неопредѣленны; строеніе рѣчи выйдетъ слабое и сбивчивое; мы будемъ угадывать его мысли, но останемся съ понятіями темными и неполными. Напротивъ, писатель сильный, будетъ ли слогъ его сжатый, или плодовитый, всегда произведетъ впечатлѣніе, одинакое съ живою его мыслію; онъ обыкновенно весь занятъ предметомъ своимъ, всѣ слова его выразительны; каждое его предложеніе и каждый оборотъ придаютъ картинѣ новую живость и оконченность.

Говоря о слогѣ краткомъ и обильномъ, мы замѣтили, что писатель, не лишая сочиненія своего красотъ естественныхъ, можетъ преимущественно пользоваться тѣмъ или другимъ родомъ. Нельзя того же сказать о силѣ и вялости слога. Какой бы ни былъ родъ сочиненія, должно всегда стараться о силѣ выраженія; гдѣ вялость слога,

тамъ посредственность дарованій. Правда, что не всѣ роды сочиненій требуютъ силы въ одинакой степени: чѣмъ они важнѣе и возвышеннѣе, тѣмъ болѣе приличенъ имъ этотъ характеръ. Мѣсто этого слога преимущественно въ исторіи, философіи, въ рѣчахъ ораторскихъ. Совершеннѣйшій образецъ сильнаго слога представляютъ рѣчи Димосѳена.

Но самыя лучшія качества обращаются въ погрѣшность, если доходимъ до крайности. Кто единственно заботится о силѣ, не соединяя ее съ другими достоинствами, тотъ иногда становится жесткимъ. Жесткость происходитъ большею частію отъ словъ неупотребительныхъ, оборотовъ принужденныхъ и отъ совершеннаго пренебреженія легкостью и пріятностью рѣчи. Этотъ недостатокъ мы встрѣчаемъ въ писателяхъ нашихъ истекшаго столѣтія: въ нихъ много силы; но языкъ ихъ отличенъ отъ нашего языка; часто рѣчь ихъ построена по словорасположенію Латинскому. Можетъ быть, языкъ нашего времени жертвуетъ силою легкости и ясности; но употребленіе милліоновъ должно быть въ языкѣ закономъ.

До сихъ поръ мы говорили о слогѣ только въ отношеніи къ внутреннимъ качествамъ писателя; разсмотримъ внѣшнія качества слога, или различныя степени украшеній выраженія. Въ этомъ отношеніи слогъ представляетъ различныя степени, зависящія отъ различныхъ степеней воображенія: онъ бываетъ *сухой*, *чистый*, *пріятный*, *красивый*, *цвѣтистый*. Разберемъ каждый изъ этихъ родовъ.

Слогъ *сухой* не допускаетъ никакихъ украшеній: писатель, выражающійся этимъ слогомъ, старается только о ясности, не заботясь ни о

картинахъ воображенія, ни о благозвучіи. Этотъ слогъ можетъ имѣть мѣсто въ сочиненіяхъ дидактическихъ; но онъ тогда только сносенъ, когда въ сущности мысли основательны и выраженія совершенно ясны. Аристотель представляетъ примѣръ этого рода слога. Ни въ одномъ писателѣ не выдержана столь строго дидактическая точность, сколько въ Аристотелѣ; никто болѣе его не содѣйствовалъ распространенію наукъ, воздерживаясь отъ всякаго рода украшеній. Одаренный умомъ глубокимъ, съ обширнѣйшими свѣдѣніями для своего времени, Аристотель пишетъ какъ чистый умъ, безъ всякаго участія воображенія, и обращается только къ уму. Впрочемъ этому слогу не должно подражать: безъ сомнѣнія, существенныя достоинства вознаграждаютъ сухость и жесткость; однако это недостатокъ, утомительный для вниманія, представляющій мысли наши съ невыгодной стороны.

Слогъ *чистый* одною степенью выше слога сухаго. Въ немъ также сила — главное свойство; украшеній очень мало. Впрочемъ, если чистый слогъ не заботится объ украшеніяхъ, о благозвучіи; по крайней мѣрѣ онъ избѣгаетъ сухости и жесткости. Въ этомъ слогѣ правильность и точность языка всегда соблюдены; это уже весьма важный родъ красоты. Чистому слогу свойственны сила и живость. Въ слогѣ сухомъ никогда вы не встрѣтите украшеній; писатель по видимому не знаетъ объ ихъ возможности: напротивъ, слогъ чистый употребляетъ умѣренно украшенія, не стараясь ихъ изыскивать. Здѣсь мысль передается ясно, опредѣлительно; украшенія въ этомъ слогѣ не всегда употребляются, или потому что почитаются ненужными для излагаемаго предмета, или

потому что они не согласуются съ дарованіями писателя. Образцомъ слога чистаго можетъ служить Юлій Цезарь. Въ немъ вы не найдете много украшеній: они казались ему ниже его достоинства. Онъ выражается ясно, всегда съ такою твердостью, съ какою говоритъ человѣкъ, увѣренный въ истинѣ словъ своихъ, и не думающій о томъ, нравится ли онъ, или не нравится. Предложенія его и періоды располагаются небрежно въ отношеніи къ благозвучію, но правильно въ отношеніи къ ясности. Метафоры и другія украшенія встрѣчаются у него какъ бы незапныя; но онѣ у Цезаря, кромѣ пріятности, придаютъ слогу особенную живость. Вообще чистый слогъ увлекателенъ у иного писателя, въ которомъ важность предмета и сила мыслей поддерживаютъ вниманіе.

Обращаемся къ слогу *пріятному*. Это еще не возвышенный и блестящій слогъ, не выраженіе пламеннаго воображенія, но слогъ, отличающійся выборомъ словъ и расположеніемъ. Въ предложеніяхъ этого слога чистота — ни одного слова лишняго; предложенія перемѣшаны съ періодами, окончанія вѣрныя. Благозвучіе рѣчи неизысканное, однако разнообразное. Обороты, украшеннаго языка краткіе и правильные, но не блестящіе и не смѣлые. Для этого слога не требуется цвѣтущее воображеніе; достаточно внимательности къ соблюденію правилъ искусства. Этотъ слогъ нравится тѣмъ, что придаетъ сочиненіямъ характеръ возвышенности и разсыпаетъ умѣренно цвѣты украшенія, приличные всѣмъ родамъ предметовъ. Онъ имѣетъ мѣсто въ письмѣ и въ разсужденіи; предметы сухіе покрываетъ свѣжими красками.

Красивый слогъ допускаетъ еще болѣе украшеній. Такъ обыкновенно называется слогъ, въ

коmоромъ находимъ всѣ роды украшеній, только безъ излишества и изысканности. Изъ предъидущаго очевидно, что совершенное изящество предполагаетъ ясность, правильность и чистоту въ выборѣ словъ, благозвучное ихъ расположеніе; здѣсь воображеніе столько придаетъ красотъ, сколько позволяетъ самый предметъ. Таково вообще дѣйствіе языка украшеннаго, если мы умѣемъ имъ пользоваться. Писатель красивый нравится воображенію и слуху, а вмѣстѣ съ этимъ просвѣщаетъ умъ; съ достоинствомъ мысли соединяетъ онъ красивость выраженія. Цицеронъ въ письмахъ своихъ, въ Тускуланскихъ бесѣдахъ, можетъ служить образцомъ.

Украшенія излишнія, не соотвѣтствующія предмету, поражающія ложнымъ блескомъ — вотъ отличительные признаки слога *цвѣтистаго*. Это слогъ юности. »Пусть въ юношѣ будетъ обиліе«, говоритъ Квинтиліанъ; »много отъ этого обилія убавится лѣтами, многое убавитъ разсудокъ, самое упражненіе обрѣжетъ излишки; былобъ только, изъ чего вырѣзывать и вырабатывать. Смѣлость свойственна этому возрасту: пусть юноша изобрѣтаетъ и утѣшается своими изобрѣтеніями, хотя не совсѣмъ зрѣлыми и правильными. Легко помочь обилію; но безплодія никакимъ трудомъ нельзя вознаградить (*).« Если цвѣтистый слогъ допускается въ первыхъ опытахъ юности; то

(*) »Volo se efferat in adolescente foecunditas; multum inde deqoquent anni, multum ratio limabit, aliquid velut usu ipso deteretur; sit modo unde excidi possit quid et exculpi. — Audeat hæc ætas plura et inveniat, et inventis gaudeat; sint licet illa non satis interim sicca et severa. Facile remedium est ubertatis; sterilia nullo labore vincuntur.

онъ непозволителенъ въ лѣтàхъ зрѣлыхъ. Съ развитіемъ разсудка, воображеніе становится умѣреннѣе, отметаетъ безполезныя украшенія, неприличныя предмету и не придающія ему ясности. Лишнія прикрасы въ иныхъ писателяхъ несносны, если состоятъ только въ наборѣ словъ, а не въ картинахъ воображенія. До сихъ поръ многіе думаютъ, что можно безъ дарованій украсить сочиненіе поэтическими выраженіями, восклицаніями и другими фигурами. Но въ украшеніяхъ слога, равно какъ и въ украшеніяхъ всякаго рода, потребна умѣренность; умѣть соединить ихъ съ сущностью дѣла — есть тайна великихъ писателей. Ложный вкусъ ослѣпляется блескомъ скоропреходящимъ; но вкусъ истинный восхищается сущностью предмета. — Не рѣдко читаемъ мы роскошныя описанія, напыщенныя выраженія, непрерывныя метафоры: все это признакъ скудости мыслей и ложнаго направленія вкуса. »Надобно«, по словамъ Попе, »отъ звуковъ обращать вниманіе на вещи, отъ воображенія переходить къ сердцу.« Этотъ совѣтъ опытнаго писателя предостерегаетъ насъ отъ вычурныхъ украшеній слога, съ нѣкотораго времени у насъ часто встрѣчаемыхъ; напротивъ, онъ убѣждаетъ насъ въ той непреложной истинѣ, что основательность мыслей и простота выраженія составляютъ высочайшее достоинство слога.

ЧТЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Продолженіе о слогѣ. — Слогъ естественный, принужденный, сильный. — Средства къ совершенствованію слога.

По изслѣдованіи общихъ свойствъ слога и видовъ его, разсмотримъ этотъ предметъ съ другой точки зрѣнія. Прежде всего остановимся на простотѣ, которой противополагается принужденность. Часто говорятъ о простотѣ, какъ объ особенномъ свойствѣ сочиненій; но это слово, вмѣстѣ со многими другими, употребляется въ Словесности неопредѣленно. Это происходитъ отъ того, что простота принимается въ различныхъ значеніяхъ. Объяснимъ здѣсь слово »простота« въ значеніи характера слога.

Простота иногда приписывается сочиненіямъ, въ противоположность многосложности частей. Къ этой-то простотѣ относится совѣтъ Горацiевъ:

»Denique sit quodvis simplex duntaxat et unum.«

Такъ въ трагедіи простота плана противополагается двойной завязкѣ, или излишеству постороннихъ обстоятельствъ. Такова простота Иліады и Энеиды, противоположная отступленіямъ Лукановой Фарсалиды и отдѣльнымъ повѣствованіямъ Аріоста; или простота Греческой Архитектуры противополагается многосложности

Готической. Въ этомъ значеніи простота тожественна съ единствомъ.

Простою называется мысль, въ противоположность изысканности. Мысль въ первомъ случаѣ раждается естественно изъ сущности предмета; такую мысль стóитъ только выразить — и всякой легко ее пойметъ. Изысканность въ сочиненіи показываетъ мысли, неестественно истекающія изъ началъ; это особенный рядъ идей, прекрасныхъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, но отзывающихся тяжкимъ трудомъ, смѣшанныхъ, вычурныхъ. Цицероновы мысли о нравственныхъ предметахъ естественны, просты; мысли Сенекины изысканны. Это значеніе простоты, равно какъ и предъидущее, не имѣетъ никакого отношенія къ слогу.

Наконецъ называется слогъ простымъ, въ противоположность излишнимъ украшеніямъ. Въ этомъ значеніи Цицеронъ и Квинтиліанъ называютъ одинъ изъ родовъ краснорѣчія простымъ (simplex, tenue, aut subtile genus dicendi). Здѣсь значеніе простоты тожественно съ простотою слога.

Но есть еще свойство слога, относящееся не столько къ степени украшенія, сколько къ естественному способу выраженія мысли. Это свойство допускаетъ всю роскошь украшеній. Омиръ служитъ образцомъ такой простоты, представляющей вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ возможныя украшенія. Слѣдуетъ, что простота слога противополагается не украшеніямъ, а изысканности украшеній, обнаруживающей трудъ, искусственность. Такая простота слога есть одно изъ достоинствъ во всякомъ родѣ сочиненій. Писатель, выражающійся просто, обыкновенно пишетъ столь легко,

что каждый писатель надѣется самъ точно также писать. Объ этомъ-то свойствѣ Горацій говоритъ:

> . . . . Ut sibi quivis
> Speret idem; sudet multum, frustraque laboret
> Ausus idem.

Въ выраженіяхъ такого писателя не примѣтно искусственности: это языкъ природы; въ этомъ слогѣ не видѣнъ трудъ писателя, но въ немъ видѣнъ человѣкъ съ врожденнымъ дарованіемъ. Онъ можетъ быть роскошенъ въ украшеніяхъ, или въ изображеніяхъ фантазіи; но все это богатство выраженій раждается безъ малѣйшаго усилія; по видимому, онъ пишетъ такимъ образомъ по естественному способу выраженія, а не по правиламъ науки. Этому слогу свойственна даже нѣкоторая небрежность; и на оборотъ, онъ чуждается мелочной взыскательности въ словахъ. »Пусть въ писателѣ», замѣчаетъ Цицеронъ, »выказывается нѣжность и небрежность пріятная, заботливость больше о мысли, нежели о словѣ (*).« Красота простаго слога, равно какъ красота естественности въ обращеніи, состоитъ въ томъ, что въ слогѣ видѣнъ характеръ писателя. Напротивъ, изученный способъ выраженія, какими бы красотами онъ ни блисталъ, имѣетъ ту невыгоду, что не выражаетъ въ писателѣ всѣхъ качествъ, отличающихъ его отъ другихъ. Когда читаешь изящнаго писателя, думаешь, что бесѣдуешь у себя дома съ умнымъ человѣкомъ, который свободно раскрываетъ характеръ свой, всю свою душу.

(*) „Habeat ille molle quiddam, et quod indicet non ingratam negligentiam hominis, de re magis quam de verbo laborantis.“

Высшую степень простоты слога называютъ *естественностью*. Трудно съ надлежащею точностью опредѣлить это названіе: оно именно показываетъ характеръ искренній, чистосердечный. Это любезная простота, естественная откровенность какъ бы ставитъ насъ выше того, въ комъ мы ее находимъ; это простота дѣтская, которая намъ нравится, обнаруживаетъ такія черты характера, которыя мы не охотно бы открыли. Отъ того чистосердечность невольно заставляетъ насъ улыбаться. Такую естественность находимъ мы особенно въ образцовыхъ древнихъ писателяхъ. Они въ сочиненіяхъ своихъ слѣдовали собственному вдохновенію, не принимали на себя формъ другихъ и не были подражателями. Уже между Римскими писателями, подражавшими Грекамъ, менѣе писателей, въ этомъ отношеніи образцовыхъ. Напротивъ, изъ Греческихъ писателей, въ особенности Омиръ, Гезіодъ, Анакреонъ, Ѳеокритъ, Геродотъ, Ксенофонтъ дышатъ этою простотою, или естественностью. Изъ Римскихъ писателей одни только древнѣйшіе отличаются этимъ свойствомъ, особенно Теренцій, Цезарь. Здѣсь всѣ слова выбраны чрезвычайно удачно; въ нихъ высочайшее изящество, потому что они представляютъ одушевленную картину; и при всемъ этомъ въ слогѣ не примѣтны ни искусство, ни трудъ.

Естественность составляетъ главную красоту слога Карамзина. Этотъ писатель научилъ насъ новому языку; онъ первый открылъ намъ красоты роднаго языка, которыя до него загромождены были чуждыми прикрасами. Слогъ его не принадлежитъ къ слогу ораторскому, отъ котораго требуются сила, движенія, живопись, блестящіе обороты, правильность въ строеніи предложе-

ній и періодовъ; даже слогъ его иногда неточенъ, слабъ: но это образецъ слога естественнаго, благороднаго. Языкъ нашего времени гораздо богаче, выразительнѣе въ сравненіи съ языкомъ Карамзина; не смотря на это, мы никогда не перестанемъ читать Карамзина, котораго прекрасный по естественности слогъ выражаетъ прекрасную его душу. Неточность и неправильность, какую встрѣчаемъ у него, мы охотно извиняемъ: немногія погрѣшности его искупаются безчисленными красотами. Батюшковъ также отличается естественностью слога. Въ немъ та же легкость, какая въ Карамзинѣ, текучесть и особенное благозвучіе. Періодъ его, какъ и стихъ, сладостенъ. Онъ занимаетъ средину между двумя крайностями — между небрежностію, которая допускается въ слогѣ естественномъ, и блестящими украшеніями, въ которыя естественность облекается. Жуковскій безспорно представляетъ совершенный образецъ естественности, въ которой строжайшая правильность соединена съ роскошью украшеній. Вотъ писатель, котораго можно избрать за образецъ для подражанія. Рѣчь его чистая и ясная, легкая и благозвучная, приятная и сильная. Слогъ его богатъ языкомъ украшеннымъ; онъ живописенъ и силенъ сравненіями и одушевленіями. Въ немъ однако не примѣтно ни изысканности, ни труда, ни принужденности: вездѣ простота съ изяществомъ. Эти качества слога дышатъ благороднѣйшими чувствованіями, благоговѣйнымъ уваженіемъ къ чистотѣ нравственной.

Всѣхъ этихъ писателей охотно читаешь, и не можешь довольно начитаться. Слогъ ихъ никогда не утомляетъ мысли; красоты ихъ сочиненій

блестятъ свѣтомъ, который озаряетъ насъ, но не ослѣпляетъ. Такова прелесть естественности въ писателѣ съ истинными дарованіями: она заставляетъ забывать недостатки слога и извинять погрѣшности. Въ самобытныхъ писателяхъ, кромѣ отличительныхъ свойствъ каждаго, всегда находимъ естественность; они пишутъ, какъ бы говорили съ нами въ обыкновенной бесѣдѣ. Такъ Омиръ естественъ при всемъ величіи эпическомъ; естественъ и Димосѳенъ при всей своей силѣ. Это отличительное свойство вдохновенія и въ краснорѣчіи, и въ поэзіи внушаетъ каждому чувство уваженія къ писателю.

Но сколько писателей, исказившихъ слогъ свой, единственно уклоненіемъ отъ простоты! Нѣкоторые изъ юныхъ писателей поставляютъ достоинство свое въ украшенномъ языкѣ; думаютъ, что имъ не прилично употреблять выраженія, общія всѣмъ другимъ: потому-то наряжаютъ рѣчь во всѣ возможныя убранства и прикрасы. Но всѣ украшенія нравятся тогда только, когда служатъ для сильнѣйшаго впечатлѣнія, для оживленія мысли. Напротивъ, излишнія прикрасы обнаруживаютъ скудость мыслей, которой ни великолѣпное строеніе періодовъ, ни фигуры замѣнить не могутъ.

Съ другой стороны надобно замѣтить, что бываютъ сочиненія безъ всякой изысканности, и при всемъ этомъ неприятны. Истинная простота есть признакъ дарованій; она предполагаетъ основательность мыслей, живое воображеніе, совершенное знаніе языка: тогда естественность вѣнчаетъ слогъ, возвышаетъ всѣ прочія достоинства писателя; тогда это лучшее украшеніе, предъ которымъ дру-

гія не имѣютъ никакой цѣны. Если бы красота слога состояла только въ отсутствіи изысканности; то писатели слабые и поверхностные могли бы нравиться. Естественность и простоту, служащія признакомъ таланта, отличать должно отъ той простоты, которая состоитъ въ одномъ стараніи избѣгать излишнихъ украшеній: одна, озаряя душу свѣтомъ мыслей, согрѣваетъ сердце теплотою чувствъ; другая, состоящая болѣе въ опрятности внѣшней отдѣлки рѣчи, не сообщаетъ ни мыслей, ни чувствъ.

Перейдемъ къ другому роду слога, отличному отъ всѣхъ прочихъ, который можно назвать *сильнымъ*. Онъ предполагаетъ силу мыслей; отличается отъ слога естественнаго движеніемъ духа, пламеннымъ воображеніемъ, глубокимъ чувствомъ. Писатель, выражающійся такимъ слогомъ, бываетъ весь объятъ предметомъ своимъ, мало заботится о пріятной отдѣлкѣ, рѣчь его изливается потокомъ. Это слогъ высшаго краснорѣчія; онъ приличествуетъ болѣе сочиненіямъ, назначаемымъ для произношенія, нежели сочиненіямъ, которыя пишутся для чтенія. Совершеннымъ образцомъ этого слога служатъ рѣчи Димосѳена. Рѣчь его не столь изящно построена, какъ рѣчь Цицерона; но это дѣйствительно быстрый потокъ, который все съ собою уноситъ. Въ Димосѳенѣ видишь народнаго витію, въ Цицеронѣ — писателя.

Этими общими замѣчаніями ограничимся мы въ изслѣдованіяхъ слога; подробности собственно принадлежатъ къ сущности сочиненія — ко внутренней сторонѣ слова: это предметъ идеальной, или субъективной части Словесности. Который же изъ всѣхъ родовъ слога лучшій? Каждый изъ нихъ

имѣетъ свои красоты; каждый выражаетъ физіогномію писателя: поэтому мы должны выражаться тѣмъ способомъ, какой получили отъ природы. Мы говорили о требованіяхъ разума, и вывели изъ началъ его общія правила для языка, рѣчи и слога, тожественныя съ законами мысли и съ идеей изящества. Такъ вялость, жесткость, темнота, напыщенность — никогда не могутъ нравиться. Напротивъ, сила, изящество, ясность, простота всегда служатъ лучшимъ украшеніемъ. Но каждый писатель, по преимуществу воображенія или чувства, обнаруживаетъ нѣкоторыя особенности: онѣ-то, при соблюденіи общихъ условій изящнаго слога, придаютъ сочиненіямъ характеръ самобытности. Первымъ предметомъ и для оратора, и для каждаго писателя должна быть ясность идей о томъ, что должно быть излагаемо. Ясность мыслей проливаетъ свѣтъ и на слогъ. Во всѣхъ родахъ сочиненій основаніемъ слога служатъ мысли, оживляемыя воображеніемъ и чувствомъ. Мысль и слово, какъ говорили мы, такъ тѣсно между собою соединены, что трудно ихъ отдѣлить. Слабыя и неопредѣленныя впечатлѣнія души, смѣшенныя и сбивчивыя, отражаются въ слогѣ вялостью и темнотою; напротивъ все, что мы ясно понимаемъ и сильно чувствуемъ, выражаемъ также ясно и сильно. Поэтому прежде, нежели начнемъ писать, усвоимъ себѣ предметъ совершенно, отдадимъ отчетъ во всѣхъ его подробностяхъ; пусть воображеніе облечетъ понятія наши въ образы осязательные; тогда выраженія сами собою родятся; лучшія тѣ, которыя истекаютъ изъ сущности предмета, и которыхъ мы не отыскиваемъ съ особеннымъ трудомъ. »Большею частію«, говоритъ Квинтиліанъ, »лучшія слова содержатся въ самыхъ

предметахъ, и блестятъ собственнымъ своимъ свѣтомъ. Но мы ищемъ ихъ, какъ будто они скрываются отъ насъ и таятся. Мы не полагаемъ, чтобъ слова находились возлѣ того, о чемъ должно говорить; заимствуемъ ихъ изъ другихъ мѣстъ, и словамъ чуждымъ придаемъ насильственно смыслъ (*).«

За приобрѣтеніемъ запаса мыслей слѣдуетъ совершенствованіе слога; для этого необходимо упражненіе въ переводахъ, подражаніяхъ и сочиненіяхъ. Изложенныя правила о построеніи рѣчи и качествахъ слога полезны единственно при собственномъ упражненіи. Какой же способъ въ приложеніи Философіи слова къ искусству писать вѣрнѣйшій? Иные пишутъ поспѣшно и небрежно. Это не только не приноситъ никакой пользы, но можетъ приучить къ погрѣшностямъ, отъ которыхъ трудно отвыкнуть. Полезно писать не скоро, но тщательно; тогда скорость и легкость будутъ плодомъ долговременнаго навыка. Вотъ слова Квинтиліановы: »Совѣтую начинать писать медленно и старательно. Прежде надобно выучиться писать изящно; скорость приобрѣтается навыкомъ. Мало по малу мысли легче раждаются, слова сами представляются для выраженія, сочиненіе успѣшнѣе развивается. Такимъ образомъ все, какъ въ благоустроенномъ семействѣ, будетъ располагаться въ порядкѣ. Главное дѣло въ томъ, что поспѣшность не ведетъ

(*) »Plerumque optima verba rebus cohærent, et cernuntur suo lumine. At nos quærimus illa, tanquam latent seque subducant. Ita nunquam putamus verba esse circa id, de quo dicendum est; sed ex aliis locis petimus, et inventis vim adferimus.«

къ изяществу слова; но выработывая сочиненіе до изящества, мы пріобрѣтаемъ навыкъ писать скоро (*).«

Тутъ можно впадать въ крайности: не должно останавливаться на каждомъ словѣ въ выраженіи; отъ этого иногда теряется послѣдовательность мыслей и охлаждается воображеніе. Кто пишетъ, тотъ знаетъ по опыту, какъ должно дорожить счастливымъ расположеніемъ духа. Пусть въ первоначальномъ изложеніи останутся какія-либо погрѣшности: онѣ исправятся строгою выработкою. Сколь необходимо упражненіе въ переводахъ, подражаніяхъ и сочиненіяхъ; столько же необходимо исправленіе написаннаго. При этомъ только условіи упражненіе принесетъ какіе-либо плоды. Оставьте на нѣсколько времени упражненіе ваше; пусть охладится привязанность ваша къ собственному созданію: и послѣ перечитывайте работу свою, какъ чужую, спокойно, съ строгою отчетливостью. Такимъ образомъ перечитывая, мы откроемъ въ работѣ своей недостатки, которыхъ прежде не замѣчали. Тутъ-то отбрасывайте слова и выраженія лишнія; займитесь правильнымъ строеніемъ рѣчи; обратите вниманіе на связь членовъ, періодовъ и на слова, ихъ соединяющія; придайте слогу вашему форму правильную, точную, изящную. Хотите представлять мысли свои въ надлежащемъ свѣтѣ: этотъ

(*) Moram et sollicitudinem initiis impero. Nam primum hoc constituendum ac obtinendum est, ut quam optime scribamus: celeritatem dabit consuetudo. Paulatim res facilius se ostendent, verba respondebunt, compositio prosequetur. Cuncta denique, ut in familia bene instituta, in officio erunt. Summa hæc rei: cito scribendo non fit ut bene scribatur; bene scribendo fit ut cito.«

трудъ ultimae labori не избѣженъ. Частое упражненіе и навыкъ облегчаютъ этотъ трудъ, научаютъ умъ вникать въ главныя и существенныя части предмета; этимъ пріобрѣтается и легкость.

Лучшіе писатели помогутъ вамъ въ этомъ дѣлѣ: вы должны ознакомиться съ ихъ слогомъ. Это нужно и для обогащенія себя словами на всѣ предметы, и для образованія вкуса. При чтеніи писателей, изучайте различные способы выраженія. Испытывайте собственныя силы, подражая имъ, обработывая предметъ, изложенный образцовымъ писателемъ. Такъ, прочитавъ въ Карамзинѣ какое-либо повѣствованіе, сообразите его со всѣхъ сторонъ, и попытайтесь выразить сами тотъ же самый предметъ. Сравненіе и сличеніе собственнаго изложенія съ художественнымъ изложеніемъ писателя, покажетъ недостатки и степень приближенія къ образцу. Тогда вы убѣдитеся, что каждая мысль имѣетъ только одно совершенно изящное выраженіе.

Впрочемъ этотъ родъ упражненій не долженъ вести къ слѣпому подражанію писателямъ: оно убиваетъ дарованія. Кто рабски подражаетъ кому бы то ни было, тотъ перенимаетъ и красоты, и недостатки; неувѣренный въ собственныхъ силахъ своихъ, никогда не усовершенствуется въ высокомъ искусствѣ слова. Не должно въ особенности перенимать чьи-либо привычные обороты, заимствовать мѣста изъ писателей: это опаснѣйшій навыкъ. Гораздо лучше представить собственныя красоты въ сочиненіи, каковы бы онѣ ни были, нежели наряжаться въ чужія украшенія. О необходимости *упражненія въ сочиненіяхъ*, *въ исправленіи написаннаго*, *въ подражаніи*, будемъ слушать

совѣты Квинтиліана; замѣчанія этого опытнаго писателя въ десятой книгѣ его наставленій драгоцѣнны.

Нужно ли еще говорить о томъ, что слогъ долженъ согласоваться и съ предметомъ, и съ слушателями, когда сочиненіе назначается для произношенія? Слово не можетъ быть ни краснорѣчиво, ни изящно, если не согласно ни съ обстоятельствами, ни съ лицами, для которыхъ произносится. Неприличенъ цвѣтущій и одушевленный слогъ въ предметахъ, требующихъ глубокаго размышленія; странны выраженія блестящія и громкія предъ людьми, которые не въ состояніи ихъ понимать. Такія погрѣшности противъ слога суть вмѣстѣ погрѣшности противъ здраваго смысла. Намѣреваясь говорить или писать, мы должны всегда предположить себѣ цѣль, къ которой стремимся, постоянно держаться этой цѣли, и къ ней примѣнять наши выраженія. Этому главному предмету надобно жертвовать неумѣстными украшеніями, какія иногда представляетъ воображеніе. Стараясь о слогѣ, мы не должны оставлять заботы о мысляхъ: »о словахъ стараться, а о мысляхъ должно заботиться«, совѣтуетъ великій наставникъ слова (*). Этотъ совѣтъ особенно необходимъ въ наше время, когда иные вступаютъ на поприще Словесности безъ достаточнаго запаса мыслей. Не трудно излагать мысли общія и извѣстныя; трудно произвести что-либо новое, полезное. Одно совершается талантомъ; другое производится геніемъ. Отъ чего видимъ мы часто въ сочиненіяхъ роскошь въ украшеніяхъ слога? Это признакъ скудости въ

(*) »Curam verborum, rerum volo esse sollicitudinem.«

мысляхъ и недостатка въ чувствованіяхъ. Изученіе правильнаго и изящнаго слога необходимо; но уже ли этимъ должно ограничиваться, полагаться на внѣшнюю сторону слова безъ внутренней? »Занимающіеся краснорѣчіемъ должны одушевляться возвышенными мыслями«, говоритъ Квинтиліанъ; »да будутъ всѣ украшенія мужественны, сильны, благородны; да не изыскиваются прикрасы ложныя, но украшаются творческія произведенія природною крѣпостью и силою мысли.«

Конецъ перваго курса.

ЧТЕНІЯ

О

СЛОВЕСНОСТИ.

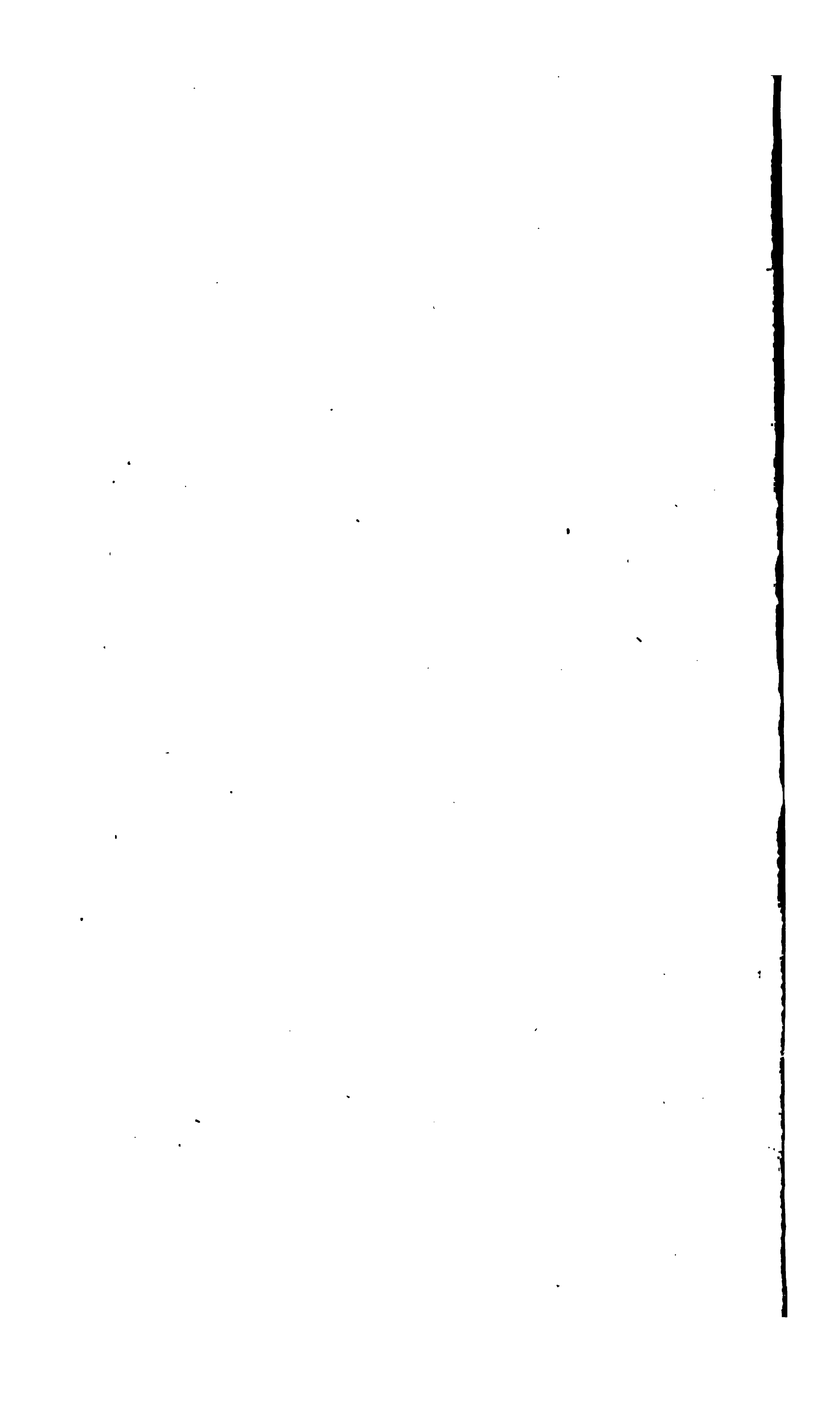
КУРСЪ ВТОРЫЙ.

Изданіе второе, исправленное.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

1838.

ЧТЕНІЯ

О

СЛОВЕСНОСТИ.

КУРСЪ ВТОРЫЙ.

Изданіе второе, исправленное.

МОСКВА.

Въ университетской типографіи.

1838.

Ego in his praeceptis hanc vim et hanc utilitatem esse arbitror, non ut ad reperiendum, quid dicamus, arte ducamur, sed ut ea, quae natura, quae studio, quae exercitatione consequimur, aut recta esse confidamus, aut prava intelligamus, cum, quo referenda sint, didicerimus.

Cicero.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Мая 7 дня, 1838 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРАГО КУРСА.

Основанія Науки объ изящномъ.

Чтеніе XVI.

Стран.

Предметъ субъективной части Словесности. — Идея изящнаго искусства. — Силы душевныя, проявляющія изящное. — Различныя проявленія изящнаго. — Различіе искусства. — Различіе Краснорѣчія и Поэзіи. — Предметъ Философіи, или Теоріи Краснорѣчія 1

А. Ораторская рѣчь, или витійство.

Чтеніе XVII.

Успѣхи Краснорѣчія. — Краснорѣчіе въ Греціи. — Периклъ. — Исократъ. — Изей и Лизій. — Димосѳенъ 17

Чтеніе XVIII.

Успѣхи Краснорѣчія въ Римѣ. — Цицеронъ. — Краснорѣчіе духовное. — Краснорѣчіе новѣйшихъ временъ 30

Чтеніе XIX.

Стран.

Составныя части Ораторской рѣчи. — Приступъ. — Предложеніе. — Раздѣленіе. — Повѣствованіе 47

Чтеніе XX.

Продолженіе о составныхъ частяхъ Ораторской рѣчи. — Доводы. — Часть патетическая. — Заключеніе 67

Чтеніе XXI.

Рѣчи совѣщательныя. — Изящное въ рѣчахъ совѣщательныхъ. — Расположеніе рѣчи и выраженіе. — Особенныя отличительныя свойства рѣчей совѣщательныхъ. — Примѣры изъ рѣчей Димосѳеновыхъ 86

Чтеніе XXII.

Судебное Краснорѣчіе. — Изящное въ этомъ родѣ рѣчей. — Особенности рѣчей судебныхъ. — Повѣствованіе и доводы. — Разборъ рѣчи Цицероновой за Клуэнція 109

Чтеніе XXIII.

Духовное Краснорѣчіе. — Отличительныя свойства этого рода внутреннія и внѣшнія. — Изящное въ проповѣди. — Виды духовнаго Краснорѣчія. — Части проповѣди. — Образцы 130

Чтеніе XXIV.

Стран.

Примѣры духовнаго Краснорѣчія изъ Св. Василія Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго..... 155

Чтеніе XXV.

О Краснорѣчіи отечественномъ. — Развитіе элемента религіознаго и ученаго въ Краснорѣчіи. — Примѣры изъ отечественныхъ витій................ 176

Чтеніе XXVI.

Объ ораторскомъ произношеніи. — Полнота и легкость въ произношеніи. — Пріятность и сила. — Тѣлодвиженія при произношеніи........... 217

B. Философическія сочиненія.

Чтеніе XXVII.

Преимущественное проявленіе въ изящномъ идеи истины, или сочиненія философскія. — Существенное отличіе этого рода Краснорѣчія. — Формы Философскихъ сочиненій: монологическая, діалогическая и эпистолярная. — Изящество этого рода сочиненій и образцы................................ 233

C. Историческія сочиненія.

Чтеніе XXVIII.

Развитіе изящнаго въ Исторіи. — Отличительное свойство Историческихъ сочиненій изящныхъ. —

Страп.

Содержаніе и форма Исторіи монологическая, діалогическая и эпистолярная. — Изложеніе Исторіи. — Образцы.. 261

Чтеніе XXIX.

Продолженіе изслѣдованій Исторія. — Исторія отечественная. — Элементы историческіе въ видѣ особыхъ сочиненій: Характеры и Біографіи.... 286

Чтеніе XXX.

Средства и способы къ образованію и совершенствованію Оратора 288

ЧТЕНІЯ
О
СЛОВЕСНОСТИ.

ЧТЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Предметъ субъективной части Словесности. — Идея изящнаго искусства. — Силы душевныя, проявляющія изящное. — Различныя проявленія изящнаго. — Различіе искусства. — Различіе Краснорѣчія и Поэзіи. — Предметъ Философіи, или Теоріи Краснорѣчія.

Разсмотрѣвъ внѣшнюю сторону Словесности, или матеріальную, приступаемъ къ изученію стороны ея внутренней, или идеальной. *Изслѣдованіе творчества духа человѣческаго*, проникнутаго идеей изящнаго, *и законовъ, по которымъ изящное проявляется въ словесныхъ твореніяхъ*, составляетъ *предметъ Философіи*, или *Теоріи Краснорѣчія и Поэзіи*, субъективной части Философіи Словесности.

Міръ умственный, подобно вещественному, представляетъ безчисленное множество явленій. Всѣ силы и способности души суть только выраженія различной ея дѣятельности и измѣненій, или указанія на различныя стороны духовной жизни. Размышлять, дѣйствовать, чувствовать и выражаться въ словѣ — это различныя проявленія единой души. Благороднѣйшее назначеніе человѣка, въ отношеніи къ міру, состоитъ въ уподобленіи природы себѣ самому, въ ея преобразованіи, или въ запечатлѣніи ея умомъ и волею. Помощію ума, постепенно развивающагося и въ точности направляемаго, мы познаемъ видимый міръ и самихъ себя — становимся властелинами земли;

помощію воли, выражающейся въ дѣйствіяхъ и нравственныхъ поступкахъ, человѣкъ стремится къ небу, уподобляется свѣту свѣтовъ. Этими двумя направленіями духа мы отыскиваемъ родныя намъ идеи, разлитыя въ твореніи Божіемъ — идеи истины и доброты. При всемъ этомъ, въ изслѣдованіяхъ природы и въ дѣйствіяхъ воли духъ нашъ стѣсняется предѣлами мѣста и времени; просвѣтлѣнный испытаніями ума и утомленный дѣятельностью воли, онъ успокоивается, сосредоточиваясь въ себѣ самомъ. Состояніе духа, среднее между знаніемъ и дѣйствованіемъ, выражается чувствомъ, которое пробуждается отъ соприкосновенія съ *идеей изящнаго.* Эта идея влечетъ къ себѣ все наше бытіе; безпрестанное приближеніе къ ней составляетъ духовное наше наслажденіе. Здѣсь-то гармонія жизни нашей, состоящей въ бытіи и дѣйствованіи, оглашается изящнымъ *искусствомъ.*

Искусство, какъ проявленіе идеи изящнаго, стремится возсоздать новый міръ; это самый духъ въ видимости, чувственное представленіе, олицетвореніе идей. Оно, имѣя основаніе во внутреннемъ существѣ человѣка, выражаетъ всю его духовную природу, соединяетъ всѣ силы его бытія въ одно стройное цѣлое. Съ проявленіемъ идеи изящнаго не должно смѣшивать искусствъ, имѣющихъ предметомъ удовлетвореніе нуждъ нашихъ и требующихъ болѣе силъ тѣлесныхъ, нежели духовныхъ, или искусствъ механическихъ. Напротивъ, искусство по преимуществу, или изящное открываетъ внутреннюю природу нашу, всѣ тайны бытія въ чувственныхъ формахъ. Это опредѣляетъ и высшую цѣль его — стремленіе къ идеальному совершенству. Занятіе силъ душев-

ныхъ изящнымъ искусствомъ составляетъ необходимую потребность души человѣческой (*).

Умъ, воля и чувство развиваются постепенно, начиная проявленіями грубыми и оканчивая чистѣйшими. Въ гармоническомъ развитіи всѣхъ силъ духа состоитъ совершенствованіе духовнаго организма. Идея истины не есть одно какое-либо понятіе, или одно изъ началъ: она содержитъ въ себѣ всѣ понятія и начала. Если бы человѣку дарована была способность обнять однимъ взглядомъ всѣ законы и возможныя отношенія вещей; то онъ созерцалъ бы идею истины во всей ясности. Но, по ограниченности ума нашего, выводящаго заключенія свои послѣдовательно, именно чрезъ понятія, сужденія и умствованія, идея истины остается непостижимою въ цѣлости; мы достигаемъ ея по частямъ и постепенно. Оттого *всякое знаніе есть приближеніе къ идеѣ истины*. Какъ умъ живетъ въ идеѣ истины: такъ воля стремится *приблизиться къ идеѣ блага и добродѣтели*, проходя чрезъ побужденія, желанія, до закона нравственнаго долга. Наконецъ чувство подаетъ намъ свѣдѣніе не о качественности внѣшняго міра, но о внутреннемъ нашемъ состояніи, въ отношеніи къ удовольствію и неудовольствію. Въ немъ заключается совершенное единство и равновѣсіе духовнаго организма. Все, проникающее чувство, сотрясаетъ струны этого организма: въ ихъ согласіи или несогласіи выражается удовольствіе или неудовольствіе. Истина постигается умомъ; доброта творится волею;

(*) *Bachmann's* Kunstwissenschaft in ihrem allgemeinen Umrisse. — *Ast's* System der Kunstlehre. — *Jean Paul's* Vorschule der Aesthetik, 3 Bde. — *Solger's* Erwin. 2 Theile. — *Ejusdem* и *Hegel's* Vorlesungen über Aesthetik.

а *изящное должно быть восчувствовано.* Все, переходящее въ чувство, получаетъ теплоту жизни; въ этой способности происходитъ гармоническая дѣятельность всѣхъ силъ душевныхъ. Къ области чувства принадлежатъ воображеніе и фантазія: произведенія воображенія суть представленія чувственныхъ предметовъ; произведенія фантазіи суть идеалы, представленія понятій ума, или идей. Одни произведенія относятся къ другимъ, какъ частное къ общему, или какъ конечное къ безконечному. Каждое представленіе воображенія есть только отраженіе идеала. *Совершенствованіе эстетическое состоитъ въ приближеніи къ идеаламъ фантазіи.*

Непосредственное выраженіе чувства есть слово: отсюда происходитъ могущественное дѣйствіе фантазіи на произведенія слова. Искусство — также твореніе чувства, а потому органъ всякаго искусства — фантазія. Въ чувствѣ внутреннемъ, какъ въ сѣмени, завиты всѣ силы человѣческаго организма. Начало жизни нашей — младенчество и отрочество, представляетъ полноту чувства, то состояніе, когда вся духовная жизнь наша состоитъ изъ непрерывнаго чувствованія. Съ возрастомъ чувство разрозняется на отдѣльныя направленія духа; съ одной стороны оно является способностью познавательною, съ другой — желательною. И обратно, всѣ пріобрѣтенія истины и всѣ дѣйствія блага, сосредоточиваясь въ чувствѣ изящнаго, составляютъ возвышенное нравственное наслажденіе, гармонію силъ умственныхъ и нравственныхъ.

Поэтому мысль и дѣйствіе — двѣ полярныя противоположности, проиэникающія изъ чувства, равно какъ истина и благо, суть двѣ полярныя крайности, объемлемыя изяществомъ. Наоборотъ, чувство

изящнаго слагается изъ двухъ элементовъ — идеи истины и блага. Ни истина сама по себѣ, ни благо не исполняютъ чувства нашего изящнымъ: для этого необходима совокупность той и другой идеи.

Чувство, занимая средину душевныхъ способностей, съ одной стороны сливается съ познавательною способностью, съ другой — съ нравственною. Отсюда происходятъ два особыя проявленія души, двѣ новыя силы: *вкусъ* и *геній*. Созерцаніе изящнаго умственное, или представленіе его въ понятіяхъ принадлежитъ вкусу; творческая дѣятельность, проявляющаяся въ изящныхъ произведеніяхъ, составляетъ геній. Полное развитіе художественной дѣятельности и полное эстетическое совершенствованіе требуютъ изощренія вкуса и воспитанія генія.

Совершенствованіе эстетическое начинается съ изученія природы въ ея изящныхъ явленіяхъ. Духовный организмъ нашъ развивается соприкосновеніемъ съ внѣшними предметами. Но изученіе природы лишь только развиваетъ въ насъ чувство изящнаго, устремляетъ насъ къ творчеству; для направленія же чувства къ художественной дѣятельности необходимо изученіе искусства. Мы наслаждаемся въ природѣ разнообразіемъ цвѣтовъ, не различая въ нихъ гармоническаго слiянія цвѣтовъ радуги; разложеніе безконечнаго разнообразія красокъ на семь элементовъ доступно только въ призмѣ. Такъ и изящное, съ безконечными своими проявленіями, уловляется только въ творческомъ произведеніи искусства.

Изъ понятія о *вкусѣ* видно, что эта способность ощущать или созерцательно познавать изящное и чувствовать отъ того удовольствіе, какъ въ естественныхъ, такъ и въ искус-

ственныхъ произведеніяхъ, есть способность сложная: чувство служитъ основаніемъ; въ составъ же ея вливается способность или познавательная, или желательная. Въ отношеніи къ произведеніямъ Словесности, та разборчивость, посредствомъ которой открываются красоты и недостатки въ мысляхъ и выраженіяхъ, есть та же самая способность духа — *вкусъ* (*).

По тремъ главнымъ силамъ души нашей, вкусъ, отъ преимущественнаго вліянія одной изъ силъ, представляется въ трехъ видахъ: чувствѣ *умственномъ*, *нравственномъ* и собственно *эстетическомъ*. Открыть достоинства произведеній искусства со стороны правильнаго соединенія частей, составляющихъ цѣлое, надлежащаго употребленія средствъ искусства — это дѣло чувства *умственнаго*. Этотъ видъ вкуса обнимаетъ все твореніе, соображаетъ его части, разсматриваетъ удобность и приличіе, силу и красоту доводовъ, наблюдаетъ внѣшнее украшеніе истины. *Нравственнымъ* чувствомъ называется способность ощущать впечатлѣнія добра и зла. Посредствомъ этого чувства изящныя творенія обогащаются высокими и благородными мыслями, и напротивъ, все низкое и непристойное не имѣетъ въ нихъ мѣста. Поэтому нравственное чувство содержится ко вкусу, какъ видъ къ роду. Ощущеніе безкорыстнаго удовольствія отъ изящныхъ предметовъ называется *эстетическимъ*. Когда человѣкъ стремится къ предмету, имѣя въ виду собственную пользу; тогда въ немъ нѣтъ свободнаго расположенія. Нѣтъ также этого расположенія и тамъ, гдѣ стремленіе ограничивается удовлетвореніемъ только внѣш-

(*) См. Опытъ теоріи словесныхъ наукъ. С.-Петербургъ, 1832.

нимъ чувствамъ. Напротивъ, свободное расположеніе духа владычествуетъ надъ собою и природою. Такъ мы стремимся къ истинному и доброму, когда любимъ истинное по тому, что оно истинно, и доброе по тому, что оно добро. Таково стремленіе къ Божеству, которое есть одна истина и одно добро. Состояніе духа, въ которомъ чувство умственное и чувство нравственное сливаются — сознаніе всеобъемлющаго дѣйствія духа *живаго* и *выспренняго*, неизъяснимаго, однако ощущаемаго, такое состояніе духа называемъ мы чувствомъ *эстетическимъ*.

Вкусъ предполагаетъ внутреннія свойства: удобопріемлемость, тонкость и правильность. *Удобопріемлемость* есть способность живо и скоро ощущать впечатлѣнія отъ изящныхъ предметовъ. Это даръ врожденный, развиваемый и управляемый умомъ и опытомъ. Усматривать красоты и недостатки въ произведеніяхъ, даже самые сокровенные, принадлежитъ *тонкости* вкуса. Это плодъ долговременнаго упражненія въ сочиненіяхъ и сравнительныхъ разборахъ писателей. Слѣдствіе отличенія истинныхъ красотъ отъ ложныхъ и опредѣленіе степени достоинства сочиненій составляетъ *правильность* вкуса. Высшая степень правильности вкуса тогда является, когда по одному отрывку, по одному выраженію, узнаемъ писателя и составъ сочиненія.

Внѣшнія качества вкуса — *всеобщность* и *одинаковость*. Изящное состоитъ изъ соединенія истины и добра; душа, по природѣ своей, познаетъ истину, любитъ добро; также естественно познаемъ мы и изящное: эта способность общая всѣмъ и каждому. Не смотря на безчисленное различіе вкуса, зависящее отъ различныхъ точекъ зрѣнія на изящные

предметы, отъ различныхъ странъ и образованія народнаго, отъ различныхъ свойствъ человѣка и воспитанія, вкусъ хорошій *одинъ*, господствующій у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; есть также одна точка, въ которой соединяется вкусъ всѣхъ странъ, временъ и народовъ; по мѣрѣ отдаленія отъ нея, вкусъ бываетъ болѣе или менѣе вѣренъ. Отъ того образцовые писатели нравятся во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

Сила духа, познающая и изобрѣтающая съ особенною легкостью и живостью, дѣйствующая съ рѣшительной волею и постоянствомъ, творящая изящно — такая сила духа называется *геніемъ*. Это не особая способность души, но внутреннее чувство, обратившееся въ творческую дѣятельность духа; геній представляетъ соединеніе всѣхъ способностей въ высшей степени. Отличительныя свойства генія: со стороны познавательныхъ способностей, всеобъемлемость ума; со стороны воли, неодолимое стремленіе къ предмету; со стороны фантазіи, творчество — полнота, гармонія всѣхъ силъ и способностей. Геній объемлетъ всего человѣка, всю жизнь, всю природу.

Способъ, которымъ дѣйствуетъ геній, можетъ быть разсматриваемъ двояко: или въ *отношеніи къ предмету*, или *въ отношеніи къ себѣ самому*. Въ отношенія къ предмету, произведеніе генія, называемое по превосходству творческимъ, имѣетъ основаніе свое въ природѣ; генію принадлежитъ раскрытіе или изображеніе существующаго. Исторически изображается то, что есть; творчески, что можетъ и должно быть. Поэтому изображаемый геніемъ предметъ природы съ возможнымъ совершенствомъ представляется въ новомъ видѣ, возсоздается, отъ міра идеальнаго

и непремѣняемаго переносится въ кругъ видимой, премѣняемой дѣйствительности, въ міръ явленій. Но и произведеніе генія касательно совершенства своего есть только относительное; это совершенство можетъ простираться до безконечности; предѣлы его — мысли и желанія нашего духа. При всемъ томъ произведеніе генія, показывая въ себѣ соединеніе дѣйствительно существующаго съ возможнымъ, вещественнаго съ идеальнымъ, временнаго съ вѣчнымъ, справедливо называется творческимъ.

Въ отношеніи къ творящему духу, геній долженъ быть въ особенномъ состояніи; такое состояніе чувства нашего мы называемъ *восторгомъ*. Въ восторгѣ всѣ силы духа направляются къ одной мысли, къ одному предмету, съ свободною къ нему любовью. Чувство, съ какимъ геній проявляетъ внутреннюю глубину свою, сообщаетъ предмету новую жизнь. Одаренные способностью воодушевляться, приходя въ восторгъ, какъ бы превращаются во всѣ лица, участвуютъ во всѣхъ положеніяхъ. Отсюда происходитъ живость изображенія, быстрые переходы, одушевленіе природы неодушевленной, возвышенность мыслей надъ жизнью людей обыкновенныхъ. Въ этомъ состояніи духъ нашъ чувствуетъ въ себѣ призваніе къ высшему, назначеніе не для одной земной жизни, влеченіе къ небу: отъ того произведеніе генія носитъ на себѣ знаменіе новости, или самобытности.

Отъ преимущественнаго дѣйствія трехъ главныхъ способностей души: ума, воли и чувства, геній проявляется или въ открытіи истины, или въ нравственной дѣятельности, или въ искусствѣ. Но какъ искусство раждается въ чувствѣ, котораго степени проявленія суть воображеніе,

тазія: то и геніи въ искусствѣ различаются по преобладанію въ нихъ чувства, воображенія, фантазіи. То же самое различеніе повторяется въ каждомъ искусствѣ.

Вкусъ и геній возникаютъ сами собою изъ полноты чувства; но ихъ дѣйствія, будучи противоположны, имѣютъ нужду во взаимности. — Геній постигаетъ всѣ отношенія между вещами, прикосновенными къ его предмету, опредѣляетъ имъ видъ и образъ; но, упоенный чувствомъ могущества, иногда увлекается въ одушевленіи своемъ до своеволія. Вкусъ, полагая предѣлы своевольному воображенію, приспращаясь къ правильности и порядку, иногда простираетъ власть свою до излишней строгости. Геній, при всей обширности своей, иногда бываетъ неисправенъ: здѣсь требуется помощь вкуса. Равно и геній помогаетъ вкусу, приводя его въ состояніе постигать мысли и чувствованія образцовыхъ писателей. Поэтому вкусъ долженъ наблюдать за геніемъ внимательно, но кротко; а геній, уважая опытность вкуса, долженъ слѣдовать его внушеніямъ. На этомъ примиреніи генія и вкуса зиждется совершенство творческой дѣятельности нашего духа (*).

Предметъ генія и вкуса, или источникъ эстетическаго удовольствія, есть *изящное*. Изящное не одно съ истиннымъ и добрымъ; предметъ, существующій по закону порядка, мы называемъ истиннымъ; предметъ, существующій сообразно съ цѣлію бытія своего, называемъ добрымъ; но изящно то, что нравится — это явленіе истиннаго и добраго въ совокупности.

(*) *Kant's* Kritik der Urtheilskraft. — *Herder's* Kalligone, Th. II. — *Hegel's* Werke, Th. X. — *Knight's* analytical Inquiry into the principles of Taste.

Въ природѣ каждая идея выражается особымъ *порядкомъ* міра: идея истины обнаруживается въ мірѣ физическомъ; идея доброты — въ жизни; идея изящнаго — въ искусствѣ. Разсматривая только изящное въ идеѣ, мы можемъ достигнуть до понятія о его развитіи и сущности; но идея, представляемая искусствомъ, въ природѣ изображается цѣлымъ порядкомъ бытія существъ: поэтому изящное принадлежитъ собственно искусству; все прочее мы называемъ изящнымъ переносно.

Въ отношеніи къ духу нашему изящное требуетъ соединенія въ человѣкѣ возвышеннаго ума съ нравственнымъ чувствомъ. Отъ того законъ изящнаго одинаковъ для всѣхъ вѣковъ и народовъ, и столько же постояненъ, сколько постоянно истинное и доброе.

Творчество въ изящномъ искусствѣ состоитъ въ раскрытіи сущности вещей. Для мыслящаго наблюдателя природы существуютъ два міра: внутренній, или духовный, и внѣшній, или вещественный; въ первомъ видитъ онъ *возможность* существъ, въ другомъ ихъ *явленіе;* въ первомъ видитъ безпредѣльно, въ другомъ ограниченно. Изъ этого открывается, что для совершеннаго изображенія предмета не нужно прибѣгать къ міру внѣшнему, который составленъ по образцу міра внутренняго; но должно заимствовать изображеніе изъ міра внутренняго, изъ міра возможностей, сущностей. Такія-то изображенія собственно суть идеалы. Поэтому изображеніемъ *идеала* въ очертаніяхъ, звукахъ и словѣ *называется раскрытіе идеи во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ.* Такой идеалъ представляетъ совокупность внутренней сущности предмета и его внѣшняго образа. Идеальныя произведенія искусства и есте-

ственныя находятся въ такомъ же отношеніи, въ какомъ мы принимаемъ роды и виды: что изображаетъ искусство въ произведеніи своемъ, то принадлежитъ цѣлому порядку однородныхъ предметовъ въ природѣ. Изящное въ искусствѣ столько же превосходитъ изящное въ вещественной природѣ, сколько духъ самопознающій превышаетъ природу безсознательную. Въ изящномъ искусствѣ открываемъ соединеніе безконечнаго духа съ конечными проявленіями природы. Въ самой природѣ мы любуемся изящнымъ, по мѣрѣ открытія въ предметахъ идеи. Поэтому въ изящномъ произведеніи должно отличать два элемента: изображаемое и изображеніе — *идею и форму*; одна проявляется въ *движеніяхъ* духа, другая — въ *порядкѣ*, или *гармоніи* изображеній. Необходимо также заключить, что въ изящномъ произведеніи идея или превышаетъ форму, или подчиняется ей, или равна своей формѣ. Отсюда различныя проявленія изящнаго: *высокое, прекрасное, прелестное* (*).

Мы сказали, что изящное есть олицетворенная идея, выраженіе безпредѣльнаго духа въ конечной формѣ. Если перевѣсъ на сторонѣ безконечнаго; если идея не можетъ быть совершенно выражена въ произведеніи: тогда произведеніе раждаетъ въ насъ чувство *высокаго*, которое дѣйствіемъ своимъ пробуждаетъ въ насъ стремленіе къ безконечному. Это чувство объемлетъ весь нашъ духъ. Оно обнаруживается или въ природѣ, или въ духѣ человѣче-

---

(*) *Schelling's* Ueber das Verhältniss der bildenden Künste zur Natur. — *Schlegel's* A. W. Ueber das Verhältniss der schönen Kunst zur Natur, in Kritischen Schriften, Bd. II. — *Schiller* — Ueber die ästhetische Erziehung des Menchen. — *Göthe* — in den Propyläen. — *Chr. Her. Weisse* System der Aesthetik, 2 Bde; Leipz., 1830.

скомъ. Въ природѣ является оно или какъ нѣчто *внѣшнее*, н. п. неисчерпаемая полнота, огромность, пространство; или какъ нѣчто *внутреннее*, н. п. непостижимая сила, быстрота, могущество. Также и въ духѣ оно выражается или внутреннимъ дѣйствіемъ, какъ сила мысли: такова мысль Колумба о существованіи открытой имъ части свѣта, мысль Ньютона о всемірномъ тяготѣніи; или внѣшнимъ дѣйствіемъ, какъ поступокъ: вся жизнь Петра Великаго есть нравственно-высокое.

Когда въ изящномъ мы видимъ совершенное сліяніе безконечнаго духа съ конечною формою природы, равенство идеи съ формою: тогда мы называемъ его *прекраснымъ*. Все прекрасное представляетъ намъ совокупность духовнаго и умственнаго, но совокупность органическую, чувственно созерцаемую. Въ прекрасномъ, которое собственно принадлежитъ чувству, также различается *прекрасное умственное*, *нравственное* и *эстетическое*. Первое состоитъ въ простой и естественно выраженной мысли; второе — въ поступкѣ, сообразномъ съ нравственнымъ закономъ, притомъ свободномъ и чистосердечномъ; третье — въ живомъ изображеніи истины и блага.

Наконецъ въ *прелестномъ* перевѣсъ бываетъ формы надъ идеею.

Психологическое изслѣдованіе изящнаго оправдывается исторіею искусства. Въ древнемъ искусствѣ, соотвѣтствующемъ юности человѣчества, господствуетъ по преимуществу форма или возможное соединеніе идеи съ формою; въ новомъ, въ искусствѣ возмужалости человѣчества, преимуществуетъ идея. Отсюда характеръ древняго искусства — прекрасное; характеръ новаго — высокое.

Искусство въ существѣ своемъ одно, равно какъ идея изящнаго одна. Но вѣчная идея изящества, исходя изъ глубины духа нашего, можетъ открыться только въ формахъ и предѣлахъ нашихъ воззрѣній. Этѣ формы и предѣлы воззрѣній нашихъ пространство и время; все, что должно быть предметомъ нашего познанія, необходимо является или въ пространствѣ, или во времени, или во времени и въ пространствѣ вмѣстѣ. Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что изящное искусство также должно проявлять высшую идею изящества или преимущественно въ пространствѣ, или во времени, или въ формѣ пространства и времени. Въ пространствѣ существуютъ тѣла, въ протяженіи своемъ ограниченныя, предметы осязанія и зрѣнія; вообще являющееся въ пространствѣ представляется какъ *образъ*. Во времени происходятъ движеніе, предметы слуха или внутренняго нашего ощущенія; все, являющееся въ послѣдовательности времени, представляется какъ *звукъ*. Но когда предметъ зрѣнія и осязанія сливается съ предметомъ слуха и внутренняго ощущенія, или когда внѣшнее сливается съ внутреннимъ; тогда образъ становится слышимъ, и звукъ напоминаетъ намъ образы. Такой созерцаемый звукъ или слышимый образъ есть *слово*. Отсюда въ искусствѣ происходятъ три главныя отрасли, зависящія отъ способовъ выраженія идеи изящнаго: однѣ представляютъ изящное въ образахъ, дѣйствуя на зрѣніе, *пластическія*, или образовательныя; другія представляютъ изящное во времени, посредствомъ звуковъ дѣйствуя на слухъ, *тоническія*; наконецъ, представляющія изящное въ формѣ пространства и времени совокупно посредствомъ слова, *словесныя*. Этѣмъ отраслямъ искус-

ства соотвѣтствуютъ: *Пластика, Музыка* и *Поэзія въ обширномъ смыслѣ.*

Но Поэзія въ обширномъ смыслѣ, выражающая соединеніе живописи и музыки, изображеніе безконечныхъ идей въ чувственныхъ формахъ, какъ искусство вообще, разлагается также на двѣ отрасли — на *Поэзію*, собственно называемую, и *Краснорѣчіе*. Въ одной отрасли развивается преимущественно характеръ музыки, въ другой — характеръ живописи. Идеи, изъ міра внутренняго, духовнаго, переходя въ міръ явленій и выражаясь въ словѣ, представляютъ двѣ полярныя противоположности: одна касается міра возможностей, свободная и неопредѣленная, другая касается міра дѣйствительнаго, ограниченная и опредѣленная (*). Отсюда изящныя произведенія въ словѣ изображаютъ два особые міра — идеальный и дѣйствительный. Всѣ творенія Поэзіи, идеально возможныя, представляютъ преимущественно свободную игру фантазіи метрически; всѣ произведенія Краснорѣчія отглашаютъ движенія чувства риѳмически. Поэзія по внѣшней формѣ переходитъ въ пѣніе; Краснорѣчіе сливается съ обыкновенною рѣчью: отъ этого живопись Поэзіи, соединяясь съ музыкальностью размѣра, становится одушевленною, говорящею; а чувство Краснорѣчія, заимствуя картины поэтическія, живописуетъ съ свободнымъ благозвучіемъ. Поэзія и Краснорѣчіе одушевляются восторгомъ; восторга не бываетъ безъ образцовъ изящныхъ, для восчувствованія которыхъ необходимо благоговѣніе ко всему тому, что человѣкъ признаетъ за святыню, что возноситъ душу надъ

(*) Der Begriff der Poësie ist kein anderer, als der Menschheit ihren möglichst vollstændigen Ausdruck zu geben. — *Schiller's* Werke, Th. 18.

всѣмъ временнымъ и ничтожнымъ (*). Въ Поэзіи чувство возгарается отъ воображенія; въ Краснорѣчіи чувство приводитъ въ игру силу вообразительную, оживляетъ ее, одушевляетъ. Изящество выраженія въ Поэзіи составляетъ красоту произведенія; въ Краснорѣчіи красота выраженія уступаетъ преимущество мысли. При всемъ этомъ утонченнѣйшій разумъ безъ пламеннаго воображенія и сильнаго чувства не можетъ быть краснорѣчивымъ. Разумъ свѣтитъ, но не согрѣваетъ; сердце безъ руководства разума согрѣваетъ чувства наши, но не просвѣтляетъ понятій. Отъ того истинному Краснорѣчію потребны и свѣтъ разума, и теплота чувства, и живопись воображенія; только ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ изящное слово убѣждаетъ нась и трогаетъ.

Въ Краснорѣчіи, по законамъ проявленія жизни внѣшней и внутренней, находимъ роды, соотвѣтственные родамъ Поэзіи и искусства вообще: *Исторію*, *Философію* и *Ораторскую рѣчь*, или собственно *витійство*. Изящное изображеніе временной, конечной жизни составляетъ предметъ Исторіи. Озареніе ума истиною, открываемою въ назначеніи человѣка и природы, предметъ Философіи. Возвышеніе чувствованій и направленіе воли къ совершенству — цѣль Витійства (**). *Изслѣдованіе изящнаго слова во всѣхъ изображеніяхъ міра дѣйствительнаго есть предметъ Философіи, или Теоріи Краснорѣчія.*

(*) *Ancillon* Melanges. — *Campbell* Philosophy of Rhetorik; Lond. 1776, 2 voll. in 8º. — *Schott's* Theorie der Beredsamkeit; 3 Th., Leipz. 1828, in 8º.

(**) См. всѣ риторическія сочиненія *Цицерона* и наставленія *Квинтиліановы*. — *Платонъ*, въ Горгіи, называетъ Краснорѣчіе *δημιουργὸς πειθοῦς*; *Цицеронъ* — facultas dicendo persuadendi.

Чтение семнадцатое.

Успѣхи Краснорѣчія. — Краснорѣчіе въ Греціи. — Периклъ. — Исократъ. — Изей и Лизій. — Димосѳенъ.

Гдѣжъ впервые услышанъ былъ могучій голосъ Краснорѣчія? Тамъ ли, гдѣ Поэзія воспѣла первый гимнъ свой, еще въ младенчествѣ рода человѣческаго, или оно развивалось вмѣстѣ съ совершенствованіемъ общественной жизни? Развитіе душевныхъ силъ человѣка не одинаково ли съ развитіемъ умственнымъ въ человѣчествѣ? Гдѣ сила тѣлесная почитается единственнымъ могуществомъ, божественный даръ слова не раскрывается во всемъ блескѣ и величіи. Въ тѣхъ странахъ древняго міра не встрѣчаемъ ни ораторовъ, ни историковъ, ни философовъ, гдѣ общество не было проникнуто любовію къ изящнымъ искусствамъ, гдѣ духъ человѣка не былъ воспитанъ и приготовленъ къ воспріятію ученія мудрости. Послѣдуемъ за успѣхами Краснорѣчія въ различныя времена и у разныхъ народовъ.

Краснорѣчіе процвѣтало только у народовъ образованныхъ. Просвѣщеніе воспитываетъ, лелѣетъ геній; оно внушаетъ мужество, одушевляетъ надежду; возбуждаетъ въ людяхъ благородное соревнованіе и желаніе превзойти другъ друга во всемъ прекрасномъ и великомъ. У всѣхъ народовъ могутъ развиваться всѣ таланты;

краснорѣчіе принадлежитъ народамъ благоустроеннымъ. Напрасно стали бы мы искать памятниковъ его въ первыхъ вѣкахъ міра, у народовъ Востока и въ Египтѣ. Безъ сомнѣнія, были и въ эти отдаленныя времена люди краснорѣчивые; но это болѣе поэзія, нежели могучее и сильное витійство, убѣждающее насъ, увлекающее нашу волю. Языкъ первыхъ вѣковъ былъ языкъ восторженный. Таковъ и характеръ народовъ, оставившихъ въ языкахъ знаменіе своего бытія. Необузданные въ пылкихъ страстяхъ своихъ, живо поражаемые видомъ предметовъ изумительныхъ и чудесныхъ, они невольно приходили въ состояніе восторга, сильнаго чувства поэтическаго. Въ то время, когда люди не имѣли еще частыхъ взаимныхъ сношеній, когда сила была единственнымъ закономъ; тогда не могло явиться краснорѣчіе, даръ представлять истину осязательно, поразительно, даръ — возбуждать и утолять страсти.

До образованія въ Греціи отдѣльныхъ владѣній, полюбившихъ науки и искусства, мы не находимъ никакихъ слѣдовъ краснорѣчія, какъ искусства убѣждать словомъ. Учрежденныя по одной мысли и одушевленныя любовью къ отчизнѣ, они соперничали о гражданскомъ благоденствіи. Цвѣтущее состояніе ихъ продолжалось полтораста лѣтъ, отъ битвы Мараѳонской до Александра Великаго, покорившаго Грецію подъ свою власть. Въ это время были и историки, и философы, прославившіе отечество свое; въ это же время явились почти всѣ витіи, которыми Греція гордится. Послѣ исторія и философія еще находили пріютъ въ портикахъ; но витійство умолкло, когда опустѣло вѣче Аѳинское.

Въ краснорѣчіи, равно какъ и во всѣхъ искусствахъ прославились особенно Аѳиняне, пламенные, трудолюбивые, искушенные бѣдствіями и переворотами отчизны. Правленіе въ Аѳинахъ было народное; не смотря на существованіе сената, всѣ дѣла окончательно рѣшались въ народныхъ собраніяхъ. Здѣсь надлежало убѣждать словомъ; здѣсь нужно было просвѣщлять умъ, увлекать волю и дѣйствовать на страсти. Государственныя должности доступны были для всѣхъ; всякому гражданину открытъ былъ путь къ высшимъ почестямъ. Отсюда страсть къ совершенствованію дара слова, награждавшаго могуществомъ и славою. И какое это краснорѣчіе? То ли, которое звучитъ наборомъ словъ? Греческое краснорѣчіе рождено нуждою; оно сильно убѣждало и дѣйствовало на волю слушателей. Не суетныхъ рукоплесканій ожидали витіи, но искали народной довѣренности.

Народъ просвѣщенный, обладавшій прекрасными способностями, страстно любившій изящныя искусства, имѣлъ и вкусъ изящный. Аѳиняне въ этомъ отношеніи столько всѣхъ превосходили, что аттическій вкусъ, аттическій образъ жизни обратились въ идеалъ изящества. Правда, честолюбивые ораторы не однократно ослѣпляли ложнымъ витійствомъ Аѳинянъ, легкомысленныхъ, непостоянныхъ, пристрастныхъ къ нововведеніямъ; одно только благо общее и угрожавшія опасности приводили ихъ къ точнымъ изслѣдованіямъ и заставляли отличать ложное краснорѣчіе отъ истиннаго. Димосѳенъ всегда торжествовалъ надъ своими противниками; потому что, не уклоняясь отъ своего предмета и пренебрегая блескомъ выраженій, онъ старался только о томъ, чтобы истина представлена была народу ощутительно. Опытнѣйшіе

ораторы трепетали за слова свои къ народу: на нихъ возлагалась отвѣтственность за слѣдствія даннаго ими совѣта. Не въ тишинѣ уединенія и созерцательной жизни, но въ жаркихъ преніяхъ о благѣ общемъ, въ волненіи бурныхъ страстей, образовалось и облеклось въ столь могучую силу Аѳинское краснорѣчіе (*).

Пизистратъ, современникъ Солона, ниспровергнувшій правленіе этого законодателя, является первымъ витіею между Аѳинянами. Ему краснорѣчіе доставило верховную власть, которою онъ пользовался умѣренно. Исторія не упоминаетъ объ ораторахъ, жившихъ со времени Пизистрата до войны Пелопонезской. *Периклъ*, умершій при началѣ этой войны, первый вознесъ краснорѣчіе на высокую степень совершенства, даже и послѣ никто его не превзошелъ. Это не простой ораторъ, но полководецъ и правитель опытный, глубоко изучившій нравы своего народа, съ умомъ гибкимъ. Въ продолженіе сорока лѣтъ, онъ неограниченно управлялъ Аѳинами. Историки приписываютъ могущество его и силѣ краснорѣчія, и мудрости гражданственной. Витійство его было поразительное; оно ниспровергало всѣ препятствія и торжествовало надъ страстями и склонностями народа. Потому и прозвали его *Олимпійскимъ*: онъ, подобно Зевесу, гремѣлъ своимъ словомъ. Порицая его честолюбіе, мы не мо-

---

(*) См. *Плутарха* — въ жизнеописаніяхъ десяти Греческихъ ораторовъ. — *Ciceronis* Brutus. s. de claris oratoribus. — *Dav. Ruhnkenii* Historia critica Orat. Græcor. въ Oratorum Græcorum monumentis, т. VIII. — A. *Westermann* — Geschichte der Beredsamkeit in Griechenland und Rom. Leipz. 1833—35, 2 Bde, in 8°.

жемъ однакожъ не признать въ немъ великихъ доблестей: удивленіемъ этѣмъ доблестямъ и народною довѣренностью сильно было его краснорѣчіе. Щедрый, великодушный, онъ забывалъ собственныя выгоды для общаго блага. Говорятъ, умирая, онъ радовался, что, во все свое продолжительное управленіе, не омрачилъ горестью ни одно семейство въ Аѳинахъ. Свидъ замѣчаетъ, что Периклъ первый изъ Аѳинянъ *написалъ* рѣчь для произношенія.

Послѣ Перикла, во время Пелопонезской войны, краснорѣчіемъ прославились Клеонъ, Алкивіадъ, Критій и Тераменъ. Они не занимались этимъ искусствомъ у риторовъ, и не въ школахъ образовали даръ свой, а среди государственныхъ дѣлъ и преній, гдѣ учились у своихъ противниковъ, гдѣ всѣ дѣла рѣшались рѣчами, гдѣ всѣ душевныя способности ихъ получили полное развитіе. О слогѣ и способѣ произношенія ораторовъ того времени можно судить по рѣчамъ, сохранившимся въ исторіи Ѳукидида. Въ нихъ находимъ слогъ мужественный, сильный, сжатый, иногда нѣсколько темный; они были величественны въ своихъ выраженіяхъ, обильны мыслями, и такъ сжаты и кратки, что иногда казались неясными (*). Самый тонъ этѣхъ рѣчей отличенъ отъ рѣчей новѣйшихъ временъ; изъ этого можно судить о степени образованности народа, къ которому витіи обращали свое слово.

Краснорѣчіе послѣ Перикла приобрѣло еще большую важность. Тогда явился неизвѣстный

(*) »Grandes erant verbis«, говоритъ Цицеронъ, »crebri »sententiis, compressione rerum breves, et, ob eam causam, »interdum subobscuri.«

дошолѣ классъ людей, которыхъ называли *риторами*, а иногда *софистами*, и которыхъ число умножилось въ Пелопонезскую войну. Изъ нихъ знаменитѣйшіе были Протагоръ, Продикъ, Тразимъ и Горгій Леонтійскій, превзошедшій всѣхъ соперниковъ. Эти софисты съ риторическимъ искусствомъ соединяли утонченность логическую. Горгій выдавалъ себя за наставника краснорѣчія и прославился въ этомъ искусствѣ; онъ былъ въ величайшемъ уваженіи у Леонтійцевъ, у которыхъ даже вычеканена была монета съ его именемъ. Гермогенъ (*) сохранилъ одинъ отрывокъ, дающій понятіе о его слогѣ и способѣ витійства. Въ этомъ отрывкѣ много искусственности и изысканности, безпрерывная игра словъ и антитезы. Изъ него мы можемъ видѣть, до какой степени совершенства Греки доходили въ изученіи языка. Эти ораторы не ограничивались однимъ преподаваніемъ общихъ правилъ краснорѣчія и образованіемъ вкуса учениковъ своихъ; они предлагали общія формы для всѣхъ возможныхъ случаевъ, учили защищать и вмѣстѣ опровергать всякое дѣло. Здѣсь начало такъ называемыхъ *общихъ мѣстъ* и способовъ изобрѣтенія доводовъ для различныхъ предметовъ. Отъ того высокое искусство краснорѣчія должно было прійти въ упадокъ — мужественному витійству первыхъ временъ наслѣдовало ничтожное искусство софистовъ, употреблявшихъ во зло даръ слова. Сократъ объявилъ себя ихъ противникомъ. Способомъ простымъ, но глубокимъ, онъ разрушалъ ихъ софизмы, старался обратить всѣхъ къ здравому смыслу, къ пріобрѣтенію знаній полезныхъ и къ естественному выраженію мысли.

(*) De ideis, lib. II cap. 9.

Въ то же время, по смерти Сократа, явился *Исократъ*, котораго сочиненія дошли до насъ. Преподаваніемъ правилъ краснорѣчія онъ приобрѣлъ великую знаменитость, помрачившую всѣхъ его соперниковъ. Онъ былъ ораторомъ не безъ достоинства: рѣчи его исполнены чистой нравственности и благородныхъ чувствованій; но его слогу, сладостному и текучему, недостаетъ силы. Исократъ никогда не говорилъ о дѣлахъ государственныхъ, не защищалъ въ судѣ людей частныхъ; всѣ рѣчи его имѣютъ одну только цѣль — нравиться. Болѣе способный блистать, нежели выдерживать преніе, онъ болѣе умѣлъ услаждать слухъ, нежели торжествовать въ судныхъ состязаніяхъ (*). Слогъ Горгія Леонтійскаго состоялъ изъ періодовъ краткихъ, большею частію двучленныхъ; слогъ Исократа отличался, напротивъ, полнотою и обиліемъ. Онъ первый началъ писать періодами правильными, гармоническими и размѣренными; можно даже упрекнуть его, что онъ въ этомъ отношеніи доходилъ до крайности. Что можно подумать объ ораторѣ, посвятившемъ десять лѣтъ на сочиненіе одной рѣчи, извѣстнаго *панегирика*? Это сочиненіе и до насъ дошло. Сколько труда долженъ былъ онъ употребить, чтобы отдѣлать его съ такою мелочной тщательностію! Мы имѣемъ полное разсужденіе Діонисія Галикарнасскаго о рѣчахъ Исократа и нѣкоторыхъ другихъ ораторовъ Греческихъ, лучшее критическое сочиненіе древности, достойное изученія. Похваляя въ Исократѣ изящество слога и нравственность, какою проникнуты всѣ

(*) »Pompae«, замѣчаетъ Цицеронъ, »magis quam pugnae aptior; ad voluptatem aurium accomodatus potius, quam ad judiciorum certamen.«

его произведенія, критикъ порицаетъ его принужденность и однообразное паденіе періодовъ, видитъ въ немъ блестящаго декламатора, а не витію, преклоняющаго волю языкомъ самой природы. Цицеронъ также признаетъ недостатки Исократа; при всемъ этомъ оказываетъ пристрастіе къ его »рѣчи полной и мѣрной (*)«; потому что самъ слишкомъ часто любилъ ее употреблять. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (**) онъ говоритъ, что другъ его Брутъ былъ съ нимъ въ этомъ несогласенъ, и упрекалъ его въ излишнемъ пристрастіи къ Исократу. Естественно, большая часть молодыхъ людей, начинающихъ сочинять, увлекаются великолѣпіемъ, правильностью и благозвучіемъ; но скоро опытъ въ произношеніи и упражненіе въ сочиненіи убѣждаетъ каждаго, что заученые пріемы не приличны дѣламъ важнымъ, не останавливаютъ вниманія. Говорятъ, что именно знаменитость Исократа побудила Аристотеля, прославившагося вскорѣ послѣ него, написать правила Риторики. Аристотелева точка зрѣнія на Краснорѣчіе не та, съ которой смотрѣли Исократъ и другіе современные ему риторы. Аристотель имѣлъ цѣлію направить вниманіе ораторовъ гораздо болѣе на искусство убѣждать и трогать сердце, нежели на гармонію и размѣръ періодовъ.

Изей и *Лизій*, отъ которыхъ осталось намъ нѣсколько рѣчей, принадлежатъ къ этому же періоду. Лизій жилъ немногими годами прежде Исократа, и былъ образцемъ въ томъ родѣ, который древніе называли »tenuis vel subtilis.« Въ сло-

---

(*) »Plena ac numerosa.«

(**) *Oratio ad M. Brutum.*

гѣ его нѣтъ великолѣпія слога Исократова: это слогъ чистый, простой, аттическій; но ему не достаетъ иногда силы и теплоты (*). — Изей достопримѣчателенъ тѣмъ, что былъ учителемъ Димосѳена, который возвысилъ краснорѣчіе до такой степени, какой, можетъ быть, не достигалъ ни одинъ ораторъ.

Сильное желаніе Димосѳена отличиться въ ораторскомъ искусствѣ, неудача первыхъ опытовъ, твердая воля, преодолѣвавшая всѣ препят-

(*) Діонисій Галикарнасскій, сравнивая Лизія съ Исократомъ, приписываетъ первому прелесть, особенное изящество: *πέφυκε γὰρ ἡ Λυσίου λέξις ἔχειν τὸ χαρίεν, ἡ δ' Ἰσοκράτους βούλεται*: »слогъ Лизіевъ *родился* изящнымъ, а Исократовъ хочетъ быть такимъ.« Въ искусствѣ повѣствовать, по ясности, правдоподобію и убѣдительности, онъ ставитъ Лизія выше всѣхъ ораторовъ, но вмѣстѣ признаетъ и неспособность его разсуждать о предметахъ важныхъ. Онъ можетъ убѣдить, но не возвысить, не воспламенить. Даже пышность Исократа болѣе прилична важнымъ случаямъ. Онъ пріятнѣе Лизія и превосходитъ его въ возвышенности чувствованій. Разсужденіе свое объ Исократѣ заключаетъ слѣдующими замѣчаніями, которыя всегда должны находиться въ виду желающихъ быть истинными ораторами: »Я не оправдываю изысканныхъ оборотовъ его выраженій; часто онъ пренебрегаетъ мыслію для гармоніи выраженія, и основательностью для красиваго слова. Высшее витійство въ политическихъ преніяхъ близко подходитъ къ природѣ, а природа требуетъ, чтобы слово повиновалось мысли, а не мысль слову. Не знаю, къ чему могутъ служить эти украшенія, сценическая декламація, всѣ этѣ мелочи для совѣтодателя, говорящаго о войнѣ и мирѣ, или для человѣка частнаго, защищающаго свою жизнь въ судилищѣ. Напротивъ, знаю, что они могутъ вредить; потому что украшенія излишнія въ дѣлахъ важныхъ всегда бываютъ некстати и охлаждаютъ чувство сострадація.«

ствія врожденныхъ недостатковъ, подземелье, въ которомъ онъ заключался для того, чтобы вполнѣ предаваться ученію, упражненія въ произношеніи на берегу моря, которыми онъ приучилъ себя къ шуму бурныхъ собраній народныхъ, камешки, которые онъ клалъ въ ротъ для того, чтобъ исправить выговоръ — всѣ эти подробности должны ободрять посвящающихъ себя краснорѣчію: изъ нихъ мы видимъ, какъ искусство и трудъ могутъ замѣнить то, въ чемъ отказано природой.

Презирая неестественный слогъ современныхъ ему риторовъ, *Димосѳенъ* обратился къ мужественному, могучему краснорѣчію Перикла. Сила и стремительность — вотъ отличительный характеръ его слога. Удобнѣйшій случай выказать дарованія представился Димосѳену въ Олинѳійскихъ рѣчахъ и Филиппикахъ. Эти рѣчи, занимающія первое мѣсто между всѣми рѣчами Димосѳена, обязаны частію своего достоинства столько же важности предмета, сколько нравственной чистотѣ оратора и общественному духу, которымъ онѣ проникнуты. Цѣль ихъ — возбудить негодованіе Аѳинянъ противъ Филиппа Македонскаго, общаго врага Греческой независимости, и оградить ихъ отъ коварныхъ замысловъ этого хитраго завоевателя, хотѣвшаго усыпить ихъ въ опасности. Ораторъ употребляетъ всѣ возможныя средства для пробужденія народа, прославившагося своею образованностью и мужествомъ, но въ которомъ уже начали показываться признаки перерожденія. Онъ смѣло упрекаетъ своихъ согражданъ въ продажности, въ безпечности, въ равнодушіи къ дѣлу общему, и въ то же время, со всѣмъ искусствомъ оратора, припоминаетъ имъ славу предковъ; удостовѣряетъ ихъ, что они еще

находятся въ цвѣтущемъ состояніи и составляютъ народъ могущественный, назначенный быть предстоятелемъ Греціи; что имъ стóитъ только захотѣть, и Филиппъ вострепещетъ. Противъ современныхъ ораторовъ, подкупленныхъ Филиппомъ, негодованію его нѣтъ предѣла: онъ явно называетъ ихъ измѣнниками. Внушая Аѳинянамъ мужество и рѣшительность, онъ не ограничивается этимъ, указываетъ имъ путь, по которому они должны идти, и подробно излагаетъ всѣ средства для приведенія въ исполненіе внушаемыхъ имъ предпріятій. Вотъ содержаніе его рѣчей огненныхъ, порывистыхъ и сильныхъ общественнымъ духомъ; это непрерывная цѣпь наведеній, выводовъ и убѣдительныхъ умозаключеній; фигуры, на которыя онъ такъ бережливъ, раждаются у него изъ самаго предмета. Всего менѣе должно искать въ его сочиненіяхъ напыщенности и украшеній слога. Могучая сила мысли — отличительный его характеръ. Занимаясь болѣе сущностію дѣла, нежели словами, онъ согрѣваетъ сердце, преклоняетъ волю, заставляетъ слушателей забывать оратора и думать только о предметѣ его рѣчи. И въ этой рѣчи нѣтъ никакой притворной изысканности, никакой лести, никакихъ заученыхъ оборотовъ. Полный своего предмета онъ немногими словами приготовляетъ народъ къ выслушанію полезныхъ истинъ, и потомъ прямо приступаетъ къ дѣлу.

Димосѳенъ является во всемъ своемъ превосходствѣ при сравненіи съ Эсхиномъ, въ знаменитой рѣчи *о вѣнкѣ*. *Эсхинъ*, его соперникъ и личный врагъ, считался между отличнѣйшими ораторами того времени; но его рѣчь передъ рѣчью Димосѳена кажется слабою и производитъ совсѣмъ

нное впечатлѣніе. Доводы касательно закона, предмета пренія, остроумны; но нападеніе его на Димосѳена неопредѣленно и нерѣшительно. Въ Димосѳенѣ, напротивъ, мы видимъ стремительность потока, одолѣвающаго всѣ преграды: онъ громитъ своего противника, снимаетъ съ него личину и яркими красками описываетъ его ненавистный характеръ. Особенное достоинство этой рѣчи состоитъ въ томъ, что въ ней всѣ описанія поразительны и живописны; она вся проникнута честью и добросовѣстностью. Ораторъ выражается съ силою и достоинствомъ, принадлежащими только великимъ дѣйствіямъ и низникающимъ изъ одушевленія человѣка, позабывшаго свою личность для блага общественнаго. Оба оратора позволяютъ себѣ чрезвычайную вольность въ выраженіяхъ другъ противъ друга, вольность, которую допускали древніе нравы, для духа нашего времени оскорбительную. Приличія, предписываемыя новымъ витіямъ, имѣютъ въ этомъ отношеніи неоспоримыя преимущества.

Слогъ Димосѳена силенъ и сжатъ, но иногда грубъ и неровенъ. Слова его выразительны, обороты тверды и мужественны. Трудно найти въ немъ размѣръ, скрытый *риѳмъ*, приписываемый ему нѣкоторыми древними критиками. Напротивъ, онъ пренебрегалъ этъми второстепенными красотами слога, стремился къ высокому въ мысляхъ и въ чувствованіяхъ. Греческіе писатели свидѣтельствуютъ, что его голосъ и тѣлодвиженія при произношеніи были полны огня и увлекающей силы. Если судить о характерѣ по его произведеніямъ, то должно приписать ему болѣе суровости, нежели пріятности. Всегда важный, разсудительный, страстный, онъ никогда не

унижается до шутливости. Одно только можно порицать въ его дивномъ краснорѣчіи — сухость и недостатокъ прелести. Діоносій Галикарнасскій говоритъ, что Димосѳенъ заимствовалъ эту сухость и жесткость у Ѳукидида, котораго исторію переписывалъ восемь разъ. Но эти недостатки съ избыткомъ вознаграждаются высшей силой краснорѣчія могучаго и неодолимаго, увлекавшаго *слушателей*, и нынѣ, при простомъ *чтеніи*, возбуждающаго живѣйшія ощущенія.

По смерти Димосѳена, Греція утратила свою независимость, и краснорѣчіе изнемогало въ устахъ риторовъ и софистовъ. Димитрій Фалерійскій пріобрѣлъ нѣкоторую знаменитость; но его представляютъ намъ ораторомъ, болѣе цвѣтистымъ, нежели убѣдительнымъ, болѣе заботившимся о внѣшней отдѣлкѣ слога, нежели о внутренней сущности предметовъ. »Delectabat Athenienses«, говоритъ Цицеронъ, »magis quam inflammabat«: »онъ болѣе забавлялъ Аѳинянъ, нежели воспламенялъ ихъ.« Послѣ Димитрія Фалерійскаго въ Греціи не было никого, ктобъ заслуживалъ титло оратора.

И такъ успѣхи Краснорѣчія въ Греціи были согласны съ успѣхами народной образованности, отъ которой зависитъ и народное благоденствіе. Продолжимъ дальнѣйшее обозрѣніе судьбы Краснорѣчія въ Римѣ, и потомъ въ новомъ умственномъ мірѣ — въ мірѣ Христіанскомъ.

Чтение осьмнадцатое.

Успѣхи Краснорѣчія въ Римѣ. — Цицеронъ. — Краснорѣчіе духовное. — Краснорѣчіе новѣйшихъ временъ.

Бѣглый взглядъ на успѣхи Краснорѣчія въ Греціи убѣждаетъ насъ въ томъ, что оно является въ обществахъ благоустроенныхъ. Слѣдуя за успѣхами его въ Римѣ, мы еще болѣе убѣдимся въ этой истинѣ: здѣсь высшая степень совершенства Краснорѣчія современна полному развитію общественной жизни. Римляне долгое время были народомъ воинственнымъ, чуждымъ изящныхъ искусствъ, съ которыми они познакомились, спустя уже нѣсколько вѣковъ послѣ основанія своей столицы, именно въ то время, когда покорили Грецію. Они всегда сознавались, что Греки ихъ наставники во всѣхъ наукахъ и искусствахъ:

Graecia capta ferum victorem cepit, et artes
Intulit agresti Latio. *(Horat. Ep. ad Aug.)*

У Грековъ заимствовали они и краснорѣчіе, и поэзію, и всѣ изящныя искусства. Болѣе важные, суровые, но менѣе живые и остроумные, они не имѣли ни проницательности, ни чувствительности Грековъ; страсти ихъ съ трудомъ возбуждались. Самый языкъ Римлянъ носитъ отпечатокъ ихъ ума: онъ правиленъ, силенъ, величественъ,

но лишенъ и простоты въ выраженіи, и гибкости для всѣхъ предметовъ и родовъ сочиненій, между тѣмъ какъ отъ нея зависѣли приятность и благозвучіе Греческаго языка:

Graiis ingenium, Graiis dedit ore rotundo
Musa loqui. (*Ars poët.*)

При сравненіи произведеній Грековъ и Римлянъ, находимъ, что произведенія первыхъ носятъ на себѣ отпечатокъ генія, à произведенія вторыхъ отличаются правильностью и искусствомъ. Римляне усовершенствовали изобрѣтенія Грековъ; творенія Греческія представляются подлинниками, во многомъ неправильными, Римскія — подражаніями, но совершенными.

Въ Римѣ съ давнихъ временъ краснорѣчіе служило сильнѣйшимъ орудіемъ для могущества надъ народомъ. Безъ сомнѣнія, когда еще языкъ не имѣлъ изящныхъ формъ, не могло существовать высокое витійство. Цицеронъ (*), восхваляя старшаго Катона и другихъ витій того времени, сознается, что ихъ рѣчь жестка и сурова — *asperum et horridum genus dicendi.* Только не за-долго до Цицерона начали являться знаменитые витіи. Крассъ и Антоній, дѣйствующія лица въ разговорѣ *объ Ораторѣ* (**), были въ то время славнѣйшіе. Цицеронъ, въ этомъ разговорѣ и въ другихъ риторическихъ сочиненіяхъ, краснорѣчиво опредѣляетъ различіе ихъ слога. Но до насъ не дошли ни ихъ сочиненія, ни сочиненія Гортензія, современника Цицеронова и соперника, а потому безполезно

(*) Brutus, sive de claris oratoribus.

(**) De oratore.

повторять здѣсь мнѣніе Цицерона объ ихъ характерѣ (*).

Это пространство времени не представляетъ намъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ самого *Цицерона*, котораго одно имя напоминаетъ все величіе ораторскаго искусства. Исторія его частной и политической жизни не имѣетъ почти никакого прямаго отношенія къ предмету, насъ занимающему. Мы должны говорить о немъ только какъ о знаменитомъ ораторѣ, и съ этою цѣлію разсмотрѣть его достоинства и недостатки, ежели какіе-либо недостатки въ немъ откроемъ. Достоинства неоспоримы; всѣ его рѣчи запечатлѣны истиннымъ изяществомъ. Вступленія правильны; онъ прежде всего старается приготовить своихъ слушателей и привлечь ихъ вниманіе. Способъ изложенія ясенъ; доводы располагаются въ величайшемъ порядкѣ. Эта ясность даетъ ему преимущество предъ Димосѳеномъ. У Римскаго оратора каждое слово на своемъ мѣстѣ; онъ тогда только старается тронуть своихъ слушателей, когда увѣренъ въ ихъ убѣжденіи, и этимъ-то онъ особенно успѣваетъ въ искусствѣ возбуждать тихія страсти. Никто изъ писателей не постигалъ лучше Цицерона значенія и силы словъ, которыя у него выливаются великолѣпно и изящно. Въ построеніи рѣчи онъ точенъ и правиленъ; слогъ его полный и текучій,

(*) Объ этомъ можно читать упомянутыя сочиненія Цицерона: De oratore и de claris oratoribus, равно и третіе: Orator ad M. Brutum. Эти сочиненія достойны изученія занимающихся Словесностію. — Кромѣ указаннаго Вестерманна, замѣчателенъ *Burigny* — Sur l'éloquence chez les Romains, въ Mem. de l'Acad. des Inscr. T. 36.

всегда ровный. Онъ любитъ распространяться; выраженія его величественны; мысли и чувствованія дышатъ чистѣйшею нравственностью. Правда, онъ любитъ говорить много, но всегда разнообразно и прилично предмету. Въ каждой изъ четырехъ рѣчей противъ Катилины можно отличить особенный тонъ и слогъ, преимущественно въ первой и послѣдней; и во всѣхъ онъ умѣлъ приноровиться къ обстоятельствамъ и времени. Когда его занималъ какой-либо важный политическій предметъ и возбуждалъ въ немъ чувство негодованія; тогда оставлялъ онъ любимый роскошный слогъ и переходилъ въ тонъ сильный и стремительный. Таковъ онъ въ рѣчахъ противъ Антонія, Верреса и Катилины.

Но великія достоинства Римскаго оратора не предохранили его отъ нѣкоторыхъ недостатковъ; на нихъ мы должны обратить наше вниманіе. Краснорѣчіе его представляетъ образецъ столь блистательный, что безъ подробнаго разбора можетъ увлечь иныхъ къ ошибочному подражанію; это не одинъ разъ и случалось. Въ его рѣчахъ, особенно въ тѣхъ, которыя относятся къ его юности, замѣчаемъ много искусственности и даже иногда изысканности. Въ его краснорѣчіи слишкомъ много великолѣпія. Можно сказать, что онъ старается болѣе изумить, нежели убѣдить своихъ слушателей. Во многихъ мѣстахъ болѣе высокопаренъ, нежели основателенъ, и тамъ многорѣчивъ, гдѣ долженъ бы говорить быстро и разительно. Періоды его всегда стройны и благозвучны; въ нихъ не чувствуешь однообразія, потому что онъ умѣетъ давать имъ различное теченіе; но слишкомъ стараясь о великолѣпіи, онъ иногда ослабляетъ слогъ. Лишь только

представляется случай похвалить себя, Цицеронъ его не пропускаетъ. Въ этомъ ему могутъ служить извиненіемъ труды его и знаменитыя заслуги, оказанныя имъ отечеству; притомъ древніе менѣе насъ уважали скромность: не смотря на все это, не льзя не укорить Цицерона въ честолюбіи и тщеславіи. Рѣчи его, равно какъ и другія произведенія, оставляютъ въ насъ это впечатлѣніе: видишь въ немъ мужа великаго по дарованіямъ, но при всемъ томъ суетнаго.

Недостатки, замѣченные нами въ Цицеронѣ, замѣчены были и его современниками. Тоже находимъ у Квинтиліана и у сочинителя разговора: *De causis corruptae eloquentiae.* Извѣстно, что Брутъ называлъ его *fractum et elumbem.* »Современники, говоритъ Квинтиліанъ, порицали въ немъ напыщенность и Азіатскую роскошь, обиліе и повторенія, холодность въ остротахъ, недостатокъ силы и выразительности (*).« Эти упреки, безъ сомнѣнія, преувеличены и отзываются завистью и личною ненавистью. Враги оратора старались находить ошибки въ немъ и ихъ увеличивали. Въ Римѣ, во времена Цицерона, ораторы раздѣлялись на двѣ стороны—на Аттиковъ и Азіатцевъ (**). Первые, допускавшіе въ краснорѣчіи естественность и простоту, обвиняли Цицерона въ томъ, что онъ ввелъ въ обыкновеніе украшенія и цвѣтущій слогъ Восточныхъ писателей. Этотъ витія, въ сочиненіяхъ своихъ о

(*) Suorum temporum homines incessere audebant eum ut tumidiorem et Asianum, redundantem, et in repetitionibus nimium, et in salibus aliquando frigidum, et in compositione fractum et exsultantem, et penè viro molliorem.

(**) Attici et Asiani.

Ритгорикѣ, особенно въ *Ораторѣ*, старается въ свою очередь доказать, что первая сторона замѣнила истинное Аттическое витійство грубымъ и холоднымъ. Квинтиліанъ, въ десятой главѣ послѣдней книги своихъ *Наставленій*, подробно описываетъ пренія двухъ этѣхъ сторонъ, упоминая, что слогъ Родосскій занимаетъ средину между Аттическимъ и Азіатскимъ. Самъ Квинтиліанъ всегда держитъ сторону Цицерона и предпочитаетъ слогъ украшенный, возвышенный и обильный, какое бы названіе ему ни придавали. Онъ заключаетъ слѣдующимъ справедливымъ замѣчаніемъ: »Въ витійствѣ есть разные роды; странно спрашивать, который долженъ служить закономъ для оратора. Всѣ они могутъ имѣть мѣсто, если излагаютъ основательныя мысли. Витія пользуется всѣми родами, не только въ разныхъ случаяхъ, но и въ разныхъ частяхъ одной и той же рѣчи (*).«

Сравненіе Цицерона съ Димосѳеномъ было предметомъ многихъ споровъ между критиками. Слогъ этихъ великихъ ораторовъ и характеръ каждаго изъ нихъ столь разительно запечатлѣны въ ихъ сочиненіяхъ, что такое сравненіе не трудно. Димосѳенъ суровъ и силенъ; Цицеронъ пріятенъ и обольстителенъ. Слогъ перваго болѣе мужественный, втораго болѣе украшенный. Первый жестокъ, но одушевленъ и убѣдителенъ; второй пріятенъ, но въ то же время изнѣженъ и слабъ.

(*) »Plures sunt eloquentiae facies; sed stultissimum est quaerere, ad quam recturus se sit orator; cùm omnis species, quae modo recta est, habeat usum. — Utetur enim, ut res exiget, omnibus; nec pro causâ modo, sed pro partibus causae.«

Нѣкоторые говорятъ въ защиту Цицерона, что различіе, замѣчаемое между нимъ и Димосѳеномъ, должно приписать различнымъ свойствамъ ихъ слушателей. Проницательные и просвѣщенные Аѳиняне не пропускали ни одного слова изъ краткихъ и сильныхъ Димосѳеновыхъ рѣчей; не столь утонченные и менѣе знакомые съ ораторскимъ искусствомъ Римляне имѣли нужду въ краснорѣчіи болѣе народномъ, украшенномъ, пріятномъ. Но это замѣчаніе не совсѣмъ справедливо: извѣстно, что Греческіе ораторы гораздо чаще произносили свои рѣчи толпѣ народной. Въ Аѳинахъ почти всѣ дѣла производились въ народныхъ собраніяхъ, гдѣ люди всѣхъ состояній бывали слушателями и судьями Димосѳена; напротивъ, Цицеронъ большею частію произносилъ рѣчи передъ сенаторами, а въ дѣлахъ уголовныхъ передъ преторомъ или избранными судьями. Ужели знаменитѣйшимъ вельможамъ Римскимъ нужно было развитіе предмета большее, нежели простолюдинамъ Аѳинскимъ? Не справедливѣе ли то заключеніе, что, по ограниченности способностей, человѣкъ не можетъ соединять въ себѣ всѣхъ достоинствъ совершеннаго оратора, и равно отличаться во всѣхъ родахъ краснорѣчія? Сила въ высочайшей степени никогда не соединяется съ прелестью и красотою; геній, любящій украшенія, не можетъ быть равно силенъ. Въ различіи дарованій состоитъ различіе краснорѣчія этихъ двухъ ораторовъ Греціи и Рима.

Кромѣ краткости Димосѳеновой, которая иногда бываетъ причиною неясности, языкъ его намъ менѣе знакомъ, нежели Латинскій; Цицерона мы читаемъ съ большею легкостью и съ большимъ удовольствіемъ. Но если бы важныя государственныя

дѣла требовали ораторской рѣчи; то витійство Димосѳеново произвело бы сильнѣйшее дѣйствіе, нежели витійство Цицерона. Надобно мысленно перенестись въ тѣ обстоятельства, въ которыхъ произнесены были Филиппики: и тогда понятны будутъ могущество ихъ и убѣдительность. Быстрый слогъ, сила доводовъ, негодованіе, смѣлость дышатъ въ рѣчахъ Димосѳена, и отъ того онѣ столь одушевлены, увлекательны. Цицероново краснорѣчіе пріятное и блестящее, льстившее вкусу Римлянъ, часто кажется напыщеннымъ, неприличнымъ холодному размышленію о дѣлахъ государственныхъ (*).

(*) Объ этомъ можно читать *Гюма*, въ его Опытѣ о краснорѣчіи; *Фенелона* — Dialogues sur l' éloquence и Réflexions sur la rhétorique et la poésie. Вотъ слова Фенелона: »Я не страшусь признаться, что Димосѳенъ мнѣ кажется выше Цицерона. Увѣренъ, что никто болѣе меня не удивляется Цицерону. Онъ облекаетъ въ прекрасныя формы все, о чемъ говоритъ; витійство его верхъ славы ораторской; онъ производитъ изъ словъ то, чего никто другой не въ состояніи произвести. Нельзя выразить разнообразія его ума: онъ кратокъ и силенъ противъ Катилины, Верреса, Антонія; но въ его рѣчахъ видны нѣкоторыя прикрасы. Искусство въ нихъ удивительное, но оно замѣтно. Ораторъ, помышляя о благѣ республики, и себя не забываетъ. Димосѳенъ, кажется, не думаетъ о себѣ, помышляя объ отечествѣ. Онъ не старается объ изяществѣ, но всегда изященъ; употребляетъ слова, какъ скромный человѣкъ одѣяніе, гремитъ, поражаетъ. Это потокъ, увлекающій все съ собою. Читая его, думаешь о предметахъ, имъ изображаемыхъ, а не о словахъ. Мы Филиппа не видимъ, а онъ передъ нашими глазами. Восхищаюсь обоими ораторами; но признаюсь, менѣе трогаетъ меня необыкновенное искусство и великолѣпное краснорѣчіе Цицерона, нежели сильная простота Димосѳена.«

Цвѣтущее состояніе краснорѣчія не долго продолжалось въ Римѣ: могущественное слово, раздававшееся въ Сенатѣ, ослабѣло и совсѣмъ умолкло послѣ Цицерона, вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественной жизни, нравовъ, просвѣщенія. Въ разговорѣ: *De causis corruptae eloquentiae*, находимъ прекрасное описаніе этого измѣненія и дѣйствія его на ораторское искусство. Роскошь, изнѣженность, лесть подавили дарованія. Опустѣло вѣче, на которомъ разсуждали о дѣлахъ тогдашняго міра. На этомъ вѣчѣ еще рѣшались тяжбы, но народъ не принималъ въ нихъ участія, никто не обращалъ на нихъ вниманія (*).

Въ ораторскихъ школахъ того времени нанесенъ былъ новый ударъ краснорѣчію. Тогда, для упражненія въ рѣчахъ, брали предметы вымышленные, которые никогда не могли встрѣтиться въ жизни: отсюда страсть къ однимъ внѣшнимъ украшеніямъ (**).

(*) »Unus inter haec et alter dicenti assistit; et res velut in solitudine agitur. Oratori autem clamore plausuque opus est, et velut, quodam theatro, qualia quotidie antiquis oratoribus contingebant, cùm tot ac tam nobiles forum coarctarent; cùm clientelae, et tribus, et municipiorum legationes, periclitantibus assisterent; cùm in plerisque judiciis crederet populus romanus sua interesse quid judicaretur.«

(**) »Pace vestrâ liceat dixisse, говоритъ Петроній ораторамъ своего времени, primi omnem eloquentiam perdidistis. Levibus enim ac inanibus sonis ludibria quaedam excitando, effecistis ut corpus orationis enervaretur atque caderet. Et ideo ego existimo adolescentulos in scholis stultissimos fieri, quia nihil ex iis, quae in usu habemus, aut audiunt, aut vident; sed piratos cum catenis in littore stantes, et tyrannos edicta scribentes, quibus imperent filiis ut patrum suorum capita praecidant; sed responsa, in pestilentiâ data, ut virgines tres aut plures immolentur; sed mel-

Сильное и увлекательное краснорѣчіе Греческихъ ораторовъ превратилось въ мудрованія софистовъ: такъ въ устахъ Римскихъ витій оно перешло въ игру словъ, антитезы, напыщенность. Это измѣненіе уже замѣтно въ сочиненіяхъ Сенеки и въ знаменитомъ Плиніевомъ панегирикѣ Траяну, въ которомъ блестятъ послѣднія искры Римскаго краснорѣчія. Въ Плиніи видѣнъ большой талантъ, но ему недоставало естественности и простоты. Замѣтно, что онъ ищетъ мыслей необыкновенныхъ, и что ему трудно поддержать принужденную возвышенность.

Христіанская Религія возродила и перевоспитала духъ человѣческій, возвысила его отъ земли къ небу. При этомъ всемірномъ переворотѣ родилось новое краснорѣчіе, только не во славу Помпеевъ и Цезарей, не противъ Антоніевъ и Верресовъ: оно начало проповѣдывать слово Божіе; имъ вооружался духъ на пораженіе чувственности. Краснорѣчіе въ устахъ Отцевъ Церкви Христовой получило характеръ духовности и совершенно иное направленіе въ сравненіи съ краснорѣчіемъ древнихъ Грековъ и Римлянъ. Не частныя выгоды, не пренія житейскія, занимавшія языческихъ витій, были предметами проповѣди Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоустаго, но истины общія, міровыя. Праведные и благочестивые мужи, не могши освободить изъ-подъ меча преторовъ и проконсуловъ гибнувшія головы Христіанъ, направили дѣйствія слова на духъ человѣческій: они оживляли душевныя силы, ослабѣвавшія

---

litos verborum globulos, et omnia quasi papavere et sesamo sparsa. Qui inter hæc nutriuntur, non magis sapere possunt, quàm bene olere qui in culinâ habitant.«

подъ бременемъ гоненій, воздвигнутыхъ на Христіанъ, воспламеняли въ нихъ священный восторгъ къ новымъ возвышеннымъ подвигамъ. Характеръ краснорѣчія Христіанскихъ ораторовъ представляетъ совершенную противоположность краснорѣчію Грековъ и Римлянъ. Святая истина, согрѣтая теплотою благочестивыхъ чувствованій — священный восторгъ, овладѣвшій въ первые вѣка Христіанства жителями Іудеи, Сиріи, Африки, Греціи, придавали слову непреодолимую силу. Истребить пороки, обуздать буйныя страсти, возвысить духъ надъ чувственностью: такова цѣль могучаго слова проповѣдниковъ первыхъ вѣковъ. Не на блистательномъ вѣчѣ, не въ Римскомъ сенатѣ, а предъ кострами мучениковъ говорили Христіанскіе витіи (*).

Четвертое столѣтіе есть великая эпоха въ исторіи первоначальной Церкви и золотой вѣкъ духовнаго краснорѣчія. Тогда-то собственно Церковь содѣлалась общественнымъ могуществомъ; тогда произвела она въ краснорѣчіи и наукахъ великихъ геніевъ. Сколько знаменитыхъ мужей, краснорѣчивыхъ витій наполняютъ промежутокъ времени между Аѳанасіемъ и Бл. Августиномъ! Какое сильное потрясеніе во всемъ Римскомъ мірѣ! Сколько умовъ, истощающихся въ таинственныхъ преніяхъ! Какой переворотъ цѣлаго общества при гласѣ Религіи, которая быстро изъ подземныхъ пещеръ переселяется на престолъ Цезарей и повелѣваетъ мечемъ, притупившимся о тѣла мучениковъ! Въ IV столѣтіи изящество духовнаго краснорѣчія развилось соразмѣрно съ разрушеніемъ

(*) См. *Villemain* de l'éloquence chrétienne dans le quatrième siècle, въ Nouveaux mélanges historiques et littéraires. 1827.

всего остальнаго. Среди постыднаго ослабленія духа, Аѳанасій, Златоустъ, Амвросій, Августинъ проповѣдуютъ чистѣйшую нравственность; только ихъ геній не колеблется при упадкѣ имперіи: они, какъ бы основатели среди развалинъ, дѣйствительно были зиждителями того великаго, святаго зданія, которому предназначено было наслѣдовать имперіи Римской.

Перелистывая огромные сборники учености и краснорѣчія первыхъ Христіанскихъ вѣковъ, пробѣгаешь въ памяти происшествія величайшаго въ мірѣ переворота. — Изучая великія творенія въ этихъ богословскихъ библіотекахъ, проникаешь нравы и геній народовъ. Живое воображеніе Христіанскихъ витій, ихъ боренія, восторгъ — все возсоздаетъ новый міръ, который уже болѣе не существуетъ, и извѣстія о которомъ, вѣрнѣе самой исторіи, передали намъ ихъ одушевленныя рѣчи. Вопросы самые отвлеченные становятся ясными, когда постигаешь пылъ распрей и истину словъ. Все кажется занимательнымъ; потому что все было одно чистосердечіе. Высокія добродѣтели, сильныя обличенія, самая вѣрность характеровъ одушевляли эту картину необыкновеннаго столѣтія, проникнутаго метафизикою и богословіей, и для котораго чудесное и непостижимое обратилось въ естественное и дѣйствительное.

Къ этой идеальной жизни присоединяются происшествія жизни общественной, страсти и обыкновенныя погрѣшности человѣческой нашей природы. Смѣсь народовъ, различно образованныхъ и соединенныхъ всемірною Религіею, еще болѣе умножаетъ удивительное разнообразіе этого зрѣлища. Христіанство, дѣйствующее съ большею или меньшею силою, принимается народами, под-

чиненными одному игу Римлянъ, но различными по происхожденію, нравамъ и климату. Первоначальный ихъ характеръ содѣйствовалъ энтузіазму, освобождавшему отъ узъ земныхъ. Обитатель Сиріи, Грекъ, Африканецъ, Латинъ, Галлъ, Испанецъ — каждый заключаетъ въ своемъ Христіанствѣ оттѣнки отличительныхъ свойствъ, ему принадлежащихъ; часто ученія, тогда столь многочисленныя, были болѣе народныя, нежели богословскія.

Писанія Св. Отцевъ представляютъ полную картину этого разнообразія. Среди преній и таинственныхъ размышленій находимъ всѣ подробности исторіи народовъ, извѣстія объ успѣхахъ продолжительнаго нравственнаго переворота, о склоненіи къ упадку и противоборствѣ древнихъ обычаевъ, о вліяніи наукъ, о новыхъ вѣрованіяхъ, начинающихся съ существованіемъ каждаго народа и въ свою очередь находящихъ подпору въ знаніяхъ и краснорѣчіи; находимъ ораторовъ, проповѣдующихъ въ духѣ Апостоловъ Христіанство, создающее въ древнемъ мірѣ вѣкъ образованія, который какъ бы отдѣлялся отъ Римской исторіи, но вмѣстѣ съ нею прешелъ.

Здѣсь-то возсіялъ геній Греціи, долго стенавшій подъ игомъ Римлянъ! Восторженный жаромъ новообращенія, вмѣсто того, чтобъ забавлять своего повелителя суетнымъ краснорѣчіемъ, онъ предпринимаетъ весь міръ обратить въ свою Религію. Воцарившись почти въ одно время во всѣхъ концахъ имперіи Востока, онъ сіяетъ въ своей родной землѣ, въ Египтѣ, и преимущественно въ Азіатской Греціи, столь знаменитой по роскоши и богатству, но отъ которой ничего не осталось.

Въ Римѣ Христіанство не вполнѣ торжествовало. Два общества, два богослуженія, прежнее и новое, были въ безпрестанной борьбѣ. Храмы, цирки, театры, даже улицы Рима, загроможденныя языческими памятниками, возбуждали Христіанскую ревность въ нѣкоторой только части жителей. Многія семейства сенаторовъ еще привержены были къ древнему богослуженію, воображая, что они этимъ поддерживаютъ славу предковъ; народъ же тѣснился въ Христіанскихъ церквахъ и на кладбищахъ, гдѣ покоился прахъ мучениковъ. Несчастные и бѣдные повиновались новому закону, въ которомъ находили себѣ утѣшеніе и помощь; начинали уже обвинять жрецовъ въ роскоши и пышности. Въ половинѣ IV столѣтія епископскій престолъ служилъ предметомъ распрей. Язычники съ радостію смотрѣли на раздоры и иронически противопоставляли ихъ простотѣ и скромности своихъ наставниковъ. Должно замѣтить, что въ это столѣтіе церковь Римская не произвела ни одного великаго писателя, который бы могъ стать наряду съ ораторами Греціи и Азіи; заботясь о расширеніи предѣловъ своего могущества, она домогалась лишь одного — владычества надъ церквами Африки, Галліи и Иберіи (*).

Въ обѣихъ Церквахъ, Восточной и Западной, Златоусты, Василіи, Григоріи Назіанзины, Іеронимы, Августины въ образованіи и краснорѣчіи превосходили всѣхъ языческихъ софистовъ — и даже все, что предшествовало имъ со временъ Плутарха и Тацита. Въ отношеніи къ генію эта новая эпоха знаменита и памятна для человѣче-

(*) См. *Tschirner's* Der Fall des Heidenthums, Leipz. 1829. — *Beugnot* Histoire de la destruction du paganisme en Occident. Paris, 1835. 2 voll.

скаго рода. Св. Василій, Григорій Назіанзинъ и Іоаннъ Златоустъ почитаются первыми образцами ученаго, благочестиваго краснорѣчія, посвященнаго истинному образованію народа. Въ устахъ ихъ Религія не заключаетъ того пламеннаго жара состязаній, въ которомъ сгарало все рвеніе Аѳанасія; Религія была уже не мечемъ, покоряющимъ и раздѣляющимъ, но узами, тихо связующими сердца. Служители ея, менѣе занятые догматами, устремляютъ свои усилія на преобразованіе нравовъ и утѣшеніе несчастныхъ; ученіе часто изливается въ простыхъ и нравственныхъ рѣчахъ; но этѣ рѣчи всегда одушевлены восточною прелестью, юнымъ восторгомъ, какимъ дышало Христіанство при своемъ рожденіи. Все, что представляетъ намъ исторія краснорѣчія возвышеннаго, ничтожно въ сравненіи съ тѣми высокими образцами витійства, которые имѣемъ мы отъ Св. Василія, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоустаго, Блаженнаго Августина и другихъ Христіанскихъ ораторовъ. Не своекорыстіе, не эгоизмъ управляетъ ихъ дѣйствіями и служитъ побужденіемъ къ тѣмъ подвигамъ, которые приводятъ насъ въ изумленіе, но самоотверженіе, сильное и постоянное стремленіе къ Виновнику бытія суть источники тѣхъ великихъ добродѣтелей, которыя возносятъ человѣка выше обыкновенной земной сферы.

Перейдемъ къ изслѣдованію краснорѣчія новѣйшихъ временъ. Прежде всего замѣтимъ, что ни у одного народа Европы столько не изучается ораторское искусство, сколько оно изучалось въ Греціи и Римѣ. Геній краснорѣчія въ новыя времена уже не торжествовалъ надъ волею человѣка и не производилъ дѣйствій чудесныхъ. Въ храмахъ

Господнихъ только раздавалось краснорѣчіе возвышеннѣйшее и благороднѣйшее. Творческія произведенія исторіи и философіи могутъ равняться произведеніямъ Греціи и Рима, нѣкоторыя даже превосходятъ древніе образцы; но Цицеронъ и Димосѳенъ доселѣ не имѣютъ соперниковъ. Древніе старались воспламенять умы или поражать воображеніе своихъ слушателей. Сила произношенія и тѣлодвиженій слѣдовала за силою мыслей. *Supplosio pedis, percussio frontis et femoris* (*), по словамъ Цицерона, были самыми употребительными тѣлодвиженіями ораторовъ; въ наше время такая декламація позволительна только на сценѣ драмы. Краснорѣчіе новое гораздо умѣреннѣе, и нерѣдко ограничивается просвѣтлѣніемъ ума слушателей, безъ возбужденія сильныхъ чувствованій. Этотъ родъ Краснорѣчія древніе называли *tenuis*, или *subtilis*; его цѣль — убѣжденіе поучительное, а не воспламененіе страстей. Вотъ новое подтвержденіе истины, съ которой начали мы обозрѣніе успѣховъ краснорѣчія: оно, составляя потребность общественной жизни, вполнѣ развитой, соотвѣтствуетъ бо́льшему или меньшему развитію одного изъ дѣятелей духовнаго организма — ума, воли и чувства. Такъ успѣхамъ просвѣщенія принадлежитъ преимущественное развитіе умственное, общее стремленіе къ знаніямъ, къ просвѣтлѣнію ума. Отъ того способъ мышленія у новыхъ народовъ гораздо строже и отчетливѣе, нежели у древнихъ. Въ творческихъ произведеніяхъ Римляне и Греки превзошли насъ; но въ точности и правильности сужденій мы имѣемъ надъ ними преимущество.

(*) De claris oratoribus.

Послѣ опытовъ многихъ вѣковъ философія и исторія оказали большіе успѣхи. Мы привыкли всякій предметъ заключать въ предѣлы истины, воздерживаться отъ порывовъ краснорѣчія. Система нашихъ законовъ сложнѣе системы древнихъ, и познаніе ихъ стало предметомъ долговременнаго изученія, занятіемъ цѣлой жизни. Даръ слова и искусство писать изящно почитаются вспомогательнымъ средствомъ. Самое обыкновеніе читать рѣчи, а не произносить ихъ на память, препятствуетъ успѣхамъ краснорѣчія. Нынѣшнія рѣчи обработываются съ бо́льшимъ тщаніемъ, но онѣ менѣе кра́снорѣчивы; рѣчь, которую читаемъ, слабѣе той живой рѣчи, которую прямо отъ сердца произносимъ. Неисчерпаемый источникъ для новаго витійства всегда открываетъ элементъ религіозный, родной нашему духу безконечному, недовольному одною земною, временною жизнію, готовящемуся къ жизни небесной, вѣчной. Кромѣ религіознаго элемента, философія и исторія, обогащенныя тысячелѣтними опытами, представляютъ новые предметы для изящныхъ изображеній въ словѣ. Но формы изящныхъ изображеній въ словѣ, какъ цвѣты, образующіеся отъ преломленія луча въ призмѣ, остаются неизмѣнными для всѣхъ временъ и народовъ; а потому краснорѣчіе Греческое и Римское, въ которомъ выразилась общественная жизнь въ полнѣйшемъ своемъ развитіи, всегда можетъ служить образцомъ для генія творящаго и наукою для испытующаго изящнаго вкуса.

Чтеніе девятнадцатое.

Составныя части Ораторской рѣчи. — Приступъ. — Предложеніе — Раздѣленіе. — Повѣствованіе.

По обозрѣніи успѣховъ Краснорѣчія въ древнемъ и новомъ мірѣ, приступимъ къ изслѣдованію изящнаго въ Ораторской рѣчи и въ различныхъ ея родахъ. Прежде всего разсмотримъ составныя части рѣчи.

Ораторская рѣчь (oratio, s. ore expressa ratio), какъ сочиненіе, произносимое для убѣжденія ума и преклоненія воли, основаніемъ имѣетъ умозаключеніе. Посылки основнаго умозаключенія, изъ которыхъ выводятся новыя умозаключенія, составляютъ предѣлы ораторской рѣчи; она не должна ихъ переступать. Эти два предѣла соединяются между собою посредствующими понятіями: въ ихъ раскрытіи состоитъ все объясненіе. Возьмемъ въ примѣръ остовъ Цицероновой рѣчи за Архія. Въ ней два предмета слѣдовало доказать: во-первыхъ, что Архій гражданинъ; во-вторыхъ, что еслибъ онъ и не былъ гражданиномъ, достоинъ этого отличія. Отъ того здѣсь два основныхъ умозаключенія. Въ первомъ большая посылка состоитъ въ изложеніи требованій закона на право Римскаго гражданства; въ меньшей доказывается, что Архій выполнилъ всѣ эти требованія (гл. 6, гл. 11). Во второмъ умозаключеніи большая по-

сылка заключаетъ доказательство, что ученые и поэты достойны права гражданства (гл. 12 — гл. 16); въ меньшей посылкѣ изображенъ Архій, какъ ученый и поэтъ.

Изъ основнаго умозаключенія развиваются и всѣ части ораторской рѣчи: меньшая посылка служитъ элементомъ раздѣленію и повѣствованію; большая — опроверженіямъ и доводамъ. Естественно въ заключеніи повторяется предложеніе, обозрѣваются доказательства въ живой, осязательной картинѣ, поразительной для чувства. Сверхъ того **ораторъ** въ началѣ объясняетъ причину доказываемой истины въ отношеніи къ извѣстному мѣсту и времени. Отсюда происходятъ слѣдующія части ораторской рѣчи, какъ раскрытаго умозаключенія: *приступъ* и *предложеніе*, *раздѣленіе* и *повѣствованіе*, *доводы*, часть *патетическая* и *заключеніе*. Не всякая ораторская рѣчь содержитъ въ себѣ всѣ эти части; равно не всегда въ такомъ порядкѣ онѣ слѣдуютъ одна за другою: форма рѣчи измѣняется по свойствамъ главной мысли. Состоитъ ли она изъ одного предмета: и основное умозаключеніе бываетъ одно. Будетъ ли вопросъ сложный: и умозаключеній должно быть столько же, сколько частей въ вопросѣ. Во многихъ изящныхъ рѣчахъ ораторъ начинаетъ прямо съ объясненія предмета безъ приступа, или, оставивъ раздѣленіе, повѣствуетъ и доказываетъ. Иногда большая посылка предлагается безъ доказательствъ, какъ мысль извѣстная и неподлежащая никакому сомнѣнію: доказывать такую мысль, замѣчаетъ Квинтиліанъ, значитъ тоже, что освѣщать свѣтлое солнце слабымъ блескомъ лампады. Но полная, правильная рѣчь состоитъ изъ показанныхъ частей; два же эле-

мента — исторический и философскій, соотвѣтствующіе меньшей и большей посылкамъ, непремѣнно входятъ въ составъ каждой рѣчи; а потому разсмотримъ подробно всѣ составныя ея части. Въ нихъ раскрываются идеи по всѣмъ возможнымъ отношеніямъ, отражается *порядокъ мыслей и движенія чувства* — условія проявленія изящества. Мы будемъ указывать преимущественно на образцы древнихъ; потому что ихъ витійство по изящнымъ формамъ служитъ доселѣ идеаломъ (*).

Употребленіе *приступа* основано на требованіяхъ самаго разума. Прежде, нежели начнемъ раскрывать или доказывать истину, подавать совѣтъ или предлагать поученіе, необходимо объяснить причину, почему мы въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время начинаемъ говорить, привлечь вниманіе слушателей, благосклонность и расположеніе къ убѣжденію. Это требованіе ума Цицеронъ и Квинтиліанъ выражаютъ тремя намѣреніями оратора въ приступѣ: »reddere auditores benevolos, attentos, dociles.«

Какимъ же образомъ пріобрѣтается благосклонность слушателей къ оратору и предмету, имъ излагаемому? Для этого ораторъ въ рѣчи судебной можетъ заимствовать приступъ изъ своего положенія или изъ положенія защищаемаго кліента, противопоставляя тому и другому характеръ и образъ жизни своего противника. Въ приступѣ рѣчи за Архія н. п. Цицеронъ показываетъ, чѣмъ онъ обязанъ Архію, какъ наставнику своему, отъ котораго получилъ все, что принесъ на пользу отечеству. Въ рѣчахъ другаго рода заимствуютъ

(*) См. *Aristot.* Rhet. l. III. c. 13. — *Cicer.* Orator. § 124.

приступъ изъ свойствъ самаго предмета, изображая вліяніе его на слушателей. Но большею частію скромность и чистота намѣреній содѣйствуютъ пріобрѣтенію благосклонности. Хотите ли вы возбудить въ слушателяхъ вниманіе? Представьте важность, великость или новость предмета; по крайней мѣрѣ представьте яснѣе то, что прежде казалось неопредѣленнымъ, сбивчивымъ: безъ сомнѣнія, васъ будутъ слушать. Для приготовленія воли слушателей къ доказываемой истинѣ, должно отклонить всякое предубѣжденіе къ тому мнѣнію или дѣлу, котораго раскрытіе или объясненіе мы предпринимаемъ.

Такова цѣль приступа. Если же мы увѣрены въ благосклонности и вниманіи слушателей; то можно обойтись безъ приступа. Тогда лучше начинайте прямо предметъ свой, вмѣсто приступа изъ общихъ выраженій; или, не желая оскорбить слушателей внезапнымъ изложеніемъ своего дѣла, объясните причину рѣчи въ немногихъ словахъ. Всѣ приступы Димосѳеновы кратки и просты, Цицероновы — пространны и изящно выработаны.

Древніе различали два рода приступа: *естественный* (principium) и *искусственный* (insinuatio). Въ приступахъ перваго рода витія безъ всякихъ околичностей начиналъ свой предметъ и объяснялъ дѣло; въ приступахъ втораго рода, какъ бы не надѣясь на успѣхъ рѣчи, постепенно приходилъ въ благосклонность слушателей, возбуждалъ вниманіе и приготовлялъ ихъ волю къ убѣжденію.

Прекрасный примѣръ искусственнаго приступа читаемъ во второй рѣчи Цицерона противъ Рулла. Этотъ Руллъ, бывши народнымъ трибуномъ, предложилъ законъ (lex agraria), по ко-

торому Децемвиры, облеченные неограниченною властію, должны были въ теченіе пяти лѣтъ, по своему произволу, завоеванныя земли раздѣлить между Римскими гражданами. Столь привлекательный для народа законъ и прежде предлагали трибуны. Цицеронъ, лишь только избранный въ консулы, предсталъ въ собраніи противникомъ этого закона. Дѣло затруднительное, требовавшее величайшаго искусства. Онъ въ приступѣ исчисляетъ всѣ благодѣянія, какія получилъ отъ народа, и за которыя обязанъ защищать народныя права; потомъ торжественно объявляетъ, что онъ всегда желалъ приобрѣсти любовь граждань — почиталъ для себя высокою честію прозваніе консула народнаго (popularis). Многіе, говоритъ онъ, подъ этимъ именемъ скрывали честолюбивые замыслы; но, по его мнѣнію, тотъ истинно любитъ народъ, кто постоянно и неусыпно печется о его пользѣ, спокойствіи, благоденствіи. Тутъ приступаетъ къ предложенію Рулла. Сначала вы подумаете, что витія не противится закону о раздѣленіи земель, что онъ одобряетъ усердіе Гракховъ, ревностныхъ защитниковъ правъ народныхъ. Дѣйствительно, онъ признается, что прежде самъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ; а по зрѣломъ соображеніи, находитъ, что предлагаемый законъ угрожаетъ нарушеніемъ правъ гражданскихъ, и отважнымъ честолюбцамъ можетъ проложить путь къ гибельнымъ замысламъ противъ Рима. Въ окончаніи приступа Цицеронъ проситъ о вниманіи къ своему слову, прибавляя, что онъ готовъ пожертвовать собственнымъ мнѣніемъ большинству голосовъ. Этотъ краснорѣчивый приступъ имѣлъ желаемый успѣхъ: народъ отвергнулъ законъ Рулла.

Ознакомившись съ характеромъ и назначеніемъ первой части рѣчи, постараемся открыть въ немъ изящное. Приличный приступъ производитъ сильное дѣйствіе на слушателей: здѣсь вниманіе, свѣжее и спокойное, легче располагается ко всякимъ впечатлѣніямъ. Не смотря на краткость, эта часть рѣчи требуетъ искусства и проницательности. Изящный приступъ зависитъ отъ самой сущности предмета: »онъ долженъ, говоритъ Цицеронъ, развиваться изъ предмета, какъ цвѣтъ изъ растенія (*).« Многіе начинаютъ рѣчи съ общихъ мѣстъ, не имѣющихъ никакой связи съ излагаемымъ предметомъ; такіе приступы составляютъ какъ бы отдѣльную часть сочиненія. Саллюстіевы приступы можно приставить ко всякой другой исторіи. Они изящны сами по себѣ, но совсѣмъ неприличны и ошибочны у Саллюстія; потому что нимало не относятся къ описываемымъ событіямъ. Цицеронъ, у котораго приступы въ рѣчахъ изящны, иногда погрѣшалъ въ ихъ естественности. Въ одномъ письмѣ къ Аттику (**) онъ самъ сознается, что ему случалось заранѣе изготовлять приступы на различные предметы; одинъ и тотъ же приступъ встрѣчался въ двухъ различныхъ сочиненіяхъ.

Для избѣжанія такихъ погрѣшностей, ораторъ долженъ обнять въ умѣ своемъ всѣ части рѣчи, вникнуть въ ея содержаніе и сообразить, съ чего приличнѣе начать сочиненіе. Когда мы проникнуты предметомъ своимъ, мысли для приступа сами собою представляются. Въ противномъ случаѣ, если мы заботимся о приступѣ прежде

(*) »Effloruisse penitus ex re de qua tum agitur.«
(**) L. XVI, 6.

самой рѣчи, можемъ попасть на какую-либо общую мысль, или принуждены бываемъ примѣнять рѣчь къ приступу, вмѣсто того, что надобно приступъ примѣнять къ цѣлой рѣчи. »Сообразивъ весь составъ рѣчи, говоритъ Цицеронъ, я уже обдумываю приступъ; напротивъ, всегда затруднялся, когда сочинялъ приступъ прежде другихъ частей. Не находя мыслей, принужденъ бываешь заимствовать его изъ общихъ мѣстъ (*). Когда умъ приведенъ въ дѣятельность соображеніемъ предмета и чувство возбуждено; тогда мысли для приступа приходятъ какъ бы незваныя.

Изящество приступа требуетъ точности. Всѣ недостатки и излишества рѣчи гораздо замѣтнѣе въ приступѣ, нежели въ прочихъ частяхъ: слушатели, еще незанятые предметомъ рѣчи и доказательствами, все вниманіе обращаютъ на красоту выраженія. Здѣсь-то и долженъ ораторъ умѣть воспользоваться вниманіемъ слушателей; но излишняя изысканность, въ самомъ началѣ болѣе замѣтная, возбуждаетъ подозрѣніе; слушатели, не видя простоты и естественности, не ожидаютъ отъ оратора истины въ цѣлой рѣчи. »Надобно быть точными, а не искусственными, замѣчаетъ Квинтиліанъ: ut videamur accurate, non callide dicere.«

Въ отношеніи къ слушателямъ, для изящнаго приступа нужны еще другія достоинства. Скромность, свойственная каждому благоразумному человѣку, существенно необходима оратору предъ многочисленнымъ собраніемъ. Надменный видъ оскорбляетъ каждаго; напротивъ, скромность при-

(*) »Omnibus rebus consideratis, tum denique id quod primum est dicendum, postremum soleo cogitare, quo utar exordio. Nam si quando id primum invenire volui, nullum mihi occurrit nisi aut exile, aut nugatorium, aut vulgare.«

янія слушателямъ: они принимаютъ это за уваженіе, имъ оказываемое. Скромность необходима не въ однихъ выраженіяхъ, но и въ произношеніи, во взорахъ, въ голосѣ, въ тѣлодвиженіяхъ. Безъ сомнѣнія, скромность не требуетъ униженности; но подъ покровомъ благоприличія должно высказываться чувство достоинства, внушаемое справедливостью или важностью излагаемаго дѣла. »Начиная рѣчь, разсказываетъ о себѣ Цицеронъ, я часто робѣлъ: лице блѣднѣло, духъ смущался, я весь дрожалъ. Однажды въ приступѣ я пришелъ въ совершенное безпамятство, и преторъ принужденъ былъ распустить собраніе.« Скромный приступъ не долженъ обѣщать слишкомъ много:

»Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem.«

Мудрый витія начинаетъ рѣчь просто, предается стремленію чувствованій постепенно. Бываютъ однако случаи, когда ораторъ начинаетъ рѣчь возвышенно и блистательно. Такіе приступы приличны въ защищеніи истины, противъ которой слушатели предубѣждены. Тутъ нуженъ приступъ смѣлый и сильный для того, чтобъ однимъ ударомъ уничтожить предубѣжденіе и расположить волю слушателей къ своему мнѣнію. Позволяется также разительный приступъ, когда одно воспоминаніе о предметѣ возбуждаетъ радость, гордость, негодованіе или другую какую-либо страсть. Боссюэтъ, Флешье и многіе другіе начинаютъ рѣчи приступами величественными, возбуждающими вниманіе и проливающими свѣтъ на всю рѣчь; но ораторъ долженъ знать силы свои и поддержать тонъ въ продолженіе всего слова.

Кромѣ этого, отъ приступа требуется спокойствіе; страсть и порывъ рѣдко нравятся

въ началѣ рѣчи. Движенія усиливаются съ распространеніемъ слова; къ чувствамъ страстнымъ надобно приготовлять слушателей постепенно. Бываютъ приступы пламенные, когда самый предметъ возбуждаетъ такое же чувство; когда присутствіе человѣка, или предмета, о которомъ должно говорить, воспламеняетъ оратора. Тогда позволителенъ приступъ внезапный (ex abrupto). При появленіи Катилины въ сенатъ, прилично было Цицерону начать рѣчь словами: »Доколѣ, Катилина, будешь употреблять во зло наше терпѣніе?« Такіе случаи рѣдки; послѣ подобныхъ приступовъ трудно поддержать напряженное вниманіе слушателей. Вообще въ приступѣ не надобно стараться о возбужденіи страсти; можно только пробудить чувство и расположить его къ сильнѣйшему потрясенію, приготовить къ этому душу слушателей. Въ приступѣ должны изникать сѣмена чувствованій, какія развиваются въ рѣчи; пусть слушатели въ началѣ слова узнаютъ, чѣмъ полна душа оратора и что она повѣдаетъ. У великихъ ораторовъ приступъ служитъ главною нотою, которая звучитъ въ цѣлой рѣчи.

Не должно помѣщать въ приступѣ всѣхъ мыслей, относящихся къ самому содержанію рѣчи. Нарушеніе порядка мыслей производитъ темноту въ изложеніи предмета; а тѣ доказательства, которыя должны убѣждать насъ въ истинѣ, теряютъ новость, если встрѣчаются и въ приступѣ, и въ срединѣ рѣчи. Мысль сильнѣе впечатлѣвается, когда встрѣчается только одинъ разъ и ставится на приличномъ мѣстѣ.

Наконецъ приступъ долженъ быть соразмѣренъ съ рѣчью и согласоваться съ нею въ качествѣ украшеній. Странно видѣть огромный пор-

шикъ при небольшомъ зданіи; не приличны богатыя украшенія простому дому. Такъ и въ изящной рѣчи каждая часть должна соотвѣтствовать и тону, и краскамъ цѣлаго творенія.

Вотъ условія изящнаго приступа во всѣхъ рѣчахъ. Въ народныхъ рѣчахъ и судебныхъ съ осторожностью ораторъ объясняется въ приступѣ; иначе противная сторона можетъ воспользоваться его собственнымъ оружіемъ. Общія мѣста, общія истины не должны встрѣчаться въ приступахъ: малѣйшее измѣненіе въ выраженіи доставляетъ другому торжество употребить противъ насъ ту мысль, которою мы надѣялись защитить себя въ доводахъ. Квинтиліанъ объ этомъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: вступленіе, заимствованное отъ ближайшаго предмета или изъ содержанія преній, по его мнѣнію, имѣетъ особенную прелесть; оно ясно и ощутительно. »Пріятенъ приступъ, взятый отъ положеній противной стороны: такого приступа не обдумываютъ дома, а онъ раждается во время преній, изъ самаго дѣла, показываетъ дарованія витіи, пріобрѣтаетъ довѣренность; всякой видитъ, что рѣчь не заранѣе написана. Прочія части могутъ быть и прежде обработаны; но цѣлая рѣчь представляется внезапно, безъ приготовленія произнесенною, если приступъ какъ бы родился вдругъ, безъ всякаго приготовленія (*).«

(*) »Multum gratiæ exordio est, quod ab actione diversæ partis materiam trahit; hoc ipso, quod non compositum domi, sed ibi atque e re natum; et facilitate famam ingenii auget; et facie simplicis sumptique e proximo sermonis, fidem quoque acquirit, adeo ut, etiamsi reliqua scripta atque elaborata sint, tamen videatur tota extemporalis oratio, cujus initium nihil præparatum habuisse manifestum est.«

Замѣтимъ, что приступъ историческій есть одинъ изъ изящнѣйшихъ: онъ возбуждаетъ вниманіе. Всегда можно пользоваться этимъ родомъ приступа, когда встрѣчается какое-либо замѣчательное событіе, имѣющее связь съ предметомъ рѣчи. Подобный приступъ — живая картина; отъ него легко переходимъ къ изложенію самаго предмета. Таковъ приступъ въ Томасовомъ похвальномъ словѣ Морицу: »Спасенная Морицомъ Франція воздвигла надъ прахомъ его памятникъ, свидѣтельствующій и признательность, и нашу скорбь. Новый Фидій представилъ героя стоящимъ, среди трофеевъ и памятниковъ побѣдъ своихъ; смерть, облеченная въ погребальный покровъ, возвѣщаетъ ему, что его часъ пробилъ, и приподнимаетъ мраморную крышу гробницы, разверзающейся для принятія его въ свое лоно. Герой нисходитъ твердыми стопами и съ свѣтлымъ взоромъ, съ какимъ онъ распоряжалъ битвами. Геній, проливающій слезы, гаситъ свѣточь, и сѣтующая Франція, опершись на булаву, съ поникшею главою, повержена въ глубокую печаль. Весь этотъ памятникъ, изображеніе смерти великаго человѣка, наводитъ на душу грусть величественную и ужасъ трогательный. Но этотъ мавзолей, произведеніе знаменитаго художника, такъ же погибнетъ, какъ погибъ и герой, имъ изображаемый. Время все истребляющее разрушитъ нѣкогда этотъ мраморъ; и, чрезъ нѣсколько вѣковъ, путникъ не найдетъ даже обломковъ, оплачетъ гибель памятника и слабость человѣческую, съ такимъ трудомъ предающую безсмертію предметы своего удивленія. Чье же произведеніе воздвигаетъ памятникъ долговѣчнѣйшій? Произведеніе поэта или оратора чувствительнаго, которыхъ души

воспламеняются добродѣтелями, или мудреца, проникающаго ихъ глубоко и умѣющаго изобразить глубину души. Мавзолеевъ и гробницъ Аристидовъ и Катоновъ уже нѣтъ болѣе; а дѣянія ихъ еще живутъ въ твореніи мудреца Херонейскаго. Не извѣстно мѣсто, гдѣ покоится прахъ Агриколы; а добродѣтели его безсмертны въ Тацитѣ. Счастливъ тотъ, кто можетъ имя свое соединнинить съ именами великихъ людей, и повѣдать потомству о томъ, что было возвышенно или полезно!«

»Сословіе гражданъ добродѣтельныхъ и мудрыхъ призываетъ ораторовъ и поэтовъ отечественныхъ къ прославленію героя, спасителя отечества: и я дерзаю произнести нѣсколько словъ у подножія его памятника. Если я не превзойду соперниковъ моихъ славою побѣды, по крайней мѣрѣ останется при мнѣ слава исполненія долга признательности; если я не успѣю, какъ витія — буду гордиться, какъ гражданинъ, тѣмъ, что почтилъ по возможности защитника отечества.«

Къ приступамъ этого рода принадлежитъ приступъ похвальнаго слова Ломоносова Елисаветъ. Въ немъ изображена изящнѣйшая картина ликующей Россіи въ день восшествія на престолъ Монархини. »Тамъ, со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей Церковь Его въ тишинѣ глубокой; индѣ, при радостномъ звукѣ и мирнаго оружія, достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники

и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы, совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Его Дщери; индѣ, по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ ликуя, скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ Азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы.« За этой картиной витія говоритъ; »Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкѣ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.«

За приступомъ обыкновенно слѣдуетъ *предложеніе*. Въ этой части кратко и ясно излагается главное содержаніе рѣчи: это зерно, изъ котораго развивается все сочиненіе. Въ предложеніи не должно помѣщать ни одного лишняго понятія, чуждаго сущности содержанія, ни одного иносказательнаго реченія, которое моглобъ отвлечь вниманіе слушателей отъ главнаго предмета къ постороннему.

Предложивъ предметъ, ораторъ *раздѣляетъ* его, или разлагая общую мысль на частныя мысли, или кратко объясняя весь порядокъ рѣчи. Въ краткихъ сочиненіяхъ и въ тѣхъ, въ которыхъ излагается простой, несложный предметъ, можно прямо повѣствовать или доказывать безъ

раздѣленія; тутъ мы легко обнимаемъ всѣ части и ихъ послѣдовательность. Каждое правильное сочиненіе необходимо требуетъ порядка; предъидущее должно проливать свѣтъ на послѣдующее: и все это можетъ выполнить, когда предначертаетъ порядокъ мыслей одной за другою.

Фенелонъ отвергаетъ необходимость раздѣленія, утверждая, что оно нарушаетъ единство рѣчи, и будто вниманіе удобнѣе поддерживается, когда порядокъ изложенія не примѣтенъ. Но самъ ораторъ не удалится ли отъ предмета своего, если не сдѣлаетъ точнаго раздѣленія? Справедливо, что отъ этого рѣчь получаетъ видъ ученаго сочиненія; но вмѣстѣ съ тѣмъ она становится яснѣе, понятнѣе и, что составляетъ цѣль ораторской рѣчи, поразительнѣе для большей части слушателей. Ораторъ, раздѣляя на части сочиненіе, облегчаетъ вниманіе; по окончаніи каждой части, мы какъ бы отдыхаемъ, соображаемъ слышанное и яснѣе видимъ связь предъидущаго съ послѣдующимъ. Раздѣленіе сильнѣе впечатлѣваетъ въ памяти цѣлый составъ ея, открываетъ, что должно слѣдовать. »Окончаніемъ каждой части въ рѣчи, замѣчаетъ Квинтиліанъ, оживляется утомленное вниманіе слушателей точно такъ же, какъ мы ощущаемъ бодрость, когда на пути видимъ пройденное пространство. Съ одной стороны, воспоминая понесенные труды, мы чувствуемъ удовольствіе; съ другой, представляя себѣ предлежащій путь, вновь напрягаемъ силы къ его совершенію (*).« Что касается до нарушенія единства,

(*) »Reficit audientem certo singularum partium fine; 'non aliter quam facientibus iter multum detrahunt fatigationis notata spatia inscriptis lapidibus: nam et exhausti laboris

это можетъ произойти отъ недостатка порядка въ расположеніи мыслей, а не отъ раздѣленія; при этомъ недостаткѣ и раздѣленіе не приноситъ пользы. Напротивъ, правильное раздѣленіе содѣйствуетъ единству; потому что изъ него яснѣе видна связь всѣхъ частей и отношеніе ихъ къ одной главной мысли, какъ средоточію.

Правильное дѣленіе должно соотвѣтствовать своему предмету, исчислять всѣ части такъ, чтобъ члены дѣленія, вмѣстѣ взятые, равнялись цѣлому содержанію рѣчи. Въ противномъ случаѣ дѣленіе бываетъ или слишкомъ обширно, или слишкомъ ограниченно. Раздѣленіе слишкомъ обширное содержитъ въ себѣ такіе члены, которые не заключаются въ предложеніи; раздѣленіе, слишкомъ ограниченное, не исчерпываетъ всѣхъ членовъ предложенія.

Члены раздѣленія должны явственно отличаться одинъ отъ другаго, чтобъ одинъ не содержался въ другомъ. Въ этомъ отношеніи не вѣрное бы сдѣлали мы дѣленіе, еслибъ въ одной части говорили н. п. о благахъ добродѣтели, во второй о благахъ правосудія; потому что понятіе правосудія относится къ понятію добродѣтели, какъ видъ къ роду. Отъ такого дѣленія происходятъ сбивчивость и безпорядокъ.

Необходима нужна въ раздѣленіи непрерывность естественная — отъ предметовъ простѣйшихъ переходъ къ труднѣйшимъ, которымъ первые служатъ основаніемъ и объясненіемъ. Рѣчь должна разлагаться сама собою на составные

nosse mensuram voluptati est; et hortatur ad reliqua fortius exsequenda scire quantum supersit.»

элементы, а не разрываться: dividere, non frangere, было правиломъ древнихъ въ раздѣленіи.

, Члены дѣленія требуютъ возможной краткости; ни одного слова не должно быть лишняго и ненужнаго. Изящество этой части рѣчи именно состоитъ въ ясномъ, выразительномъ и краткомъ изложеніи каждаго члена. Такое дѣленіе нравится и легко удерживается въ памяти.

Не нужно размножать числа членовъ; подраздѣленіе ихъ на новыя части производитъ неприятное дѣйствіе. Въ ученомъ разсужденіи это прилично; но въ рѣчи такое дѣленіе безполезно и обременительно *для* памяти. Вотъ изящное раздѣленіе въ Массильоновомъ словѣ на текстъ: *Вся совершишася.* »И такъ смерть Іисуса Христа, говоритъ проповѣдникъ, представляетъ три совершенія или исполненія, заключающія въ себѣ все, что есть святаго и умилительнаго въ Евангеліи: исполненіе правосудія Отцомъ предвѣчнымъ; исполненіе зла со стороны человѣческой; исполненіе любви Іисусомъ Христомъ.« Изящно раздѣленіе у Бурдалу текста: *Миръ вамъ.* »Во-первыхъ, говоритъ витія, миръ духа въ послушаніи вѣры; во-вторыхъ, миръ сердца въ покорности закону Божественному.« Къ изящнымъ раздѣленіямъ принадлежитъ раздѣленіе Карамзина въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II. »Сограждане! Екатерина безсмертна своими *побѣдами, мудрыми законами и благодѣтельными учрежденіями:* взоръ нашъ слѣдуетъ за Нею на сихъ *трехъ* путяхъ славы.«

Приступаемъ къ *повѣствованію*, части рѣчи весьма важной и требующей особеннаго вниманія. Изящный разсказъ вообще есть дѣло трудное; въ ораторской рѣчи онъ представляетъ еще боль-

тія затрудненія. Высказать истину, избѣжать излишняго распространенія, изложить обстоятельства дѣла, которыя должны служить основаніемъ доводамъ, представить эти обстоятельства съ надлежащей точки зрѣнія, высказать главнѣйшіе предметы съ выгодной стороны, противоположные ослабить: такое художественное повѣствованіе есть верхъ изящества. При всемъ этомъ изысканность не должна быть замѣтна; иначе ораторъ возбудитъ къ себѣ недовѣрчивость. Здѣсь совѣтуетъ Квинтиліанъ особенно избѣгать искусственности: »Слушатель всегда бываетъ болѣе остороженъ при повѣствованіи, и не терпитъ ничего вымышленнаго, натянутаго; напротивъ, все должно происходить отъ самаго дѣла, не отъ оратора (*).«

Условія изящнаго повѣствованія суть: ясность, краткость, достовѣрность. Ясность, необходимая въ каждой части сочиненія, особенно нужна въ повѣствованіи; она разливаетъ свѣтъ на прочія части рѣчи. Если происшествіе не объяснено надлежащимъ образомъ; если обстоятельства дѣла представлены темно и сбивчиво: то и самые доводы не произведутъ желаемаго убѣжденія. »Темный разсказъ, говоритъ Цицеронъ, омрачаетъ цѣлую рѣчь (**).« Для ясности въ повѣствованіи необходимъ точный порядокъ, вѣрное обозначеніе

(*) »Effugienda in hac præcipue parte omnis calliditatis suspicio: neque enim se usquam magis custodit judex, quam cum narrat orator; nihil tum videatur fictum, nihil sollicitum; omnia potius a causa, quam ab oratore, profecta videantur.«

(**) De Orat. I, 11. »Narratio obscura totam obcæcat orationem.«

мѣста и времени, указанія на дѣйствующія лица, съ описаніемъ ихъ характеровъ, изложеніе существенныхъ обстоятельствъ. Краткость повѣствованія состоитъ не въ сжатости слога, а въ опущеніи неважныхъ подробностей. Повѣствованіе будетъ кратко, если начнемъ его съ того мѣста, изъ котораго выйти нужно, и если не будемъ уклоняться къ обстоятельствамъ отдаленнымъ, или касаться постороннихъ предметовъ, повторять одно и то же; если наконецъ не будемъ описывать по частямъ того, что можетъ быть выражено однимъ предложеніемъ. Достовѣрность повѣствованія требуетъ описаній, согласныхъ съ порядкомъ природы, изложенія событій, не противорѣчащихъ общему мнѣнію; должно показать причину, продолженіе и окончаніе ихъ ясно и соотвѣтственно характерамъ дѣйствующихъ лицъ.

Искусству повѣствовать можно учиться у Цицерона. Образецъ ораторскаго повѣствованія находимъ въ рѣчи его за Милона. Цѣль витіи показать, что Клодій дѣйствительно убитъ Милономъ, въ слѣдствіе законной обороны, и что не Милонъ покушался на жизнь Клодія, но Клодій таилъ злой умыселъ противъ Милона. Всѣ обстоятельства, убѣждающія въ этомъ, представлены съ удивительнымъ искусствомъ. Разсказывая объ отъѣздѣ Милона изъ Рима, ораторъ такъ живописно изображаетъ семейство, отправляющееся въ деревню, что не льзя подозрѣвать въ этомъ путешествіи никакого злоумышленія. Витія описываетъ встрѣчу двухъ противниковъ. Служители Клодія нападаютъ на людей Милона, и убиваютъ его вожатаго. Милонъ выходитъ изъ повозки, сбрасываетъ съ себя плащъ, и обороняется отъ людей Клодія, отвсюду его окружив-

шихъ. Наконецъ ораторъ заключаетъ удачно тѣмъ, что люди Милона не убили Клодія, но что они, обороняясь, въ этой суматохѣ, безъ воли господина своего, безъ всякаго его въ этомъ участія, безъ него, сдѣлали то, чего бы всякій господинъ могъ ожидать отъ служителей своихъ въ подобномъ случаѣ. Вотъ разсказъ Цицерона: »Въ этотъ день Милонъ вышелъ изъ сената, по окончаніи всѣхъ дѣлъ; пришелъ домой, переодѣлся и ожидалъ, пока супруга его собиралась въ дорогу; наконецъ отправился въ путь въ ту пору, когда Клодій могъ бы возвратиться въ Римъ, если бы онъ хотѣлъ прибыть въ этотъ самый день. Милонъ встрѣчаетъ Клодія, легко одѣтаго, верхомъ, безъ повозки, безъ свиты, даже безъ жены, которая обыкновенно ѣзжала съ нимъ; между тѣмъ какъ тотъ, который обвиняется въ злоумышленіи противъ него, и будто предпринялъ путешествіе нарочно съ тѣмъ, чтобъ умертвить его, былъ съ супругой своей, закутанный въ плащъ, въ повозкѣ, съ тяжелымъ обозомъ, съ многолюдною свитою и семействомъ.«

Изящно повѣствованіе Карамзина въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II: »Монархиня, увѣренная, что благонравіе нѣжнаго пола въ высшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе, основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспитанія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцемъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ. Тамъ любовь и кротость должны ласкою образовать юное сердце для всѣхъ женскихъ добродѣтелей; тамъ чувствительность и нѣжность, обращенныя въ пріятную науку, разцвѣ-

тают въ душѣ отъ примѣровъ и наставленій. Нравственность есть главный предметъ; но и разумъ обогащается всѣми знаніями, всѣми идеями, нужными для того любезнаго существа, которое должно быть прелестію свѣта, сокровищемъ супруга и первымъ наставникомъ дѣтей. Пріятныя женскія рукодѣлья, которыя украшаютъ жизнь хозяйки — искусства Грацій, которыя милую природу и совершенства ея дѣлаютъ еще милѣе — входятъ также въ систему воспитанія. Екатерина любила посѣщать сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ея руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостію въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерью сего многочисленнаго, цвѣтущаго семейства. Всякой пріѣздъ Ея былъ счастливымъ торжествомъ для всего Дома. — Минуты, проведенныя Ею въ Воскресенскомъ монастырѣ, были конечно непотерянными для счастія минутами Ея царствованія. Она предчувствовала мирное благополучіе семействъ, которое долженствовало быть плодомъ его учрежденія — и не обманулась. Какое-то невинное добродушіе, искренность, благонравіе, сверхъ знаній и талантовъ, бываютъ особеннымъ характеромъ Монастырскихъ воспитанницъ.«

Таковы условія изящнаго приступа, предложенія, раздѣленія и повѣствованія въ Ораторской рѣчи.

Чтеніе двадцатое.

Продолженіе о составныхъ частяхъ Ораторской рѣчи. Доводы. — Часть патетическая. — Заключеніе.

Разсмотрѣнныя нами части Ораторской рѣчи относятся къ историческому элементу основнаго умозаключенія, или къ меньшей его посылкѣ: теперь перейдемъ къ развитію большей посылки, или къ элементу философскому. Прежде всего займемся доводами, которые составляютъ важнѣйшую часть убѣжденія и служатъ основаніемъ всякому сочиненію, имѣющему цѣлію раскрыть истину и преклонить волю.

Въ доводахъ представляются три предмета: изобрѣтеніе доказательствъ, расположеніе и изящное выраженіе. Изобрѣтеніе, или содержаніе рѣчи, не относится собственно къ философіи краснорѣчія; она не можетъ доставлять витіи доводовъ на всѣ случаи, но только показываетъ способъ изящнаго расположенія и выраженія доказательствъ. Изобрѣтать мысли, или производить что-либо новое и творческое въ области мышленія, есть даръ врожденный, обогащенный знаніями; наука открываетъ законы, по которымъ этотъ даръ проявляется, облекаясь въ изящныя формы.

Древніе риторы распространили предѣлы науки своей слишкомъ далеко: они относили къ Риторикѣ не одно искусство *представлять* доводы изящно, но и изобрѣтеніе мыслей; полагали, что можно искусствомъ восполнить недостатокъ творчества, доставить оратору возможность нахо-

5*

дить доказательства на всѣ предметы и на всѣ случаи. Отсюда произошли такъ называемыя *топики*, или общія мѣста — «loci communes, sedes argumentorum» — ученіе, занимавшее столь много Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана. Эти топики состояли въ извѣстныхъ общихъ мысляхъ, которыя можно примѣнять ко многимъ случаямъ, и изъ которыхъ ораторъ заимствовалъ предметы для своихъ рѣчей. Общія мѣста древнихъ раздѣлялись на внутреннія и внѣшнія. Одни изъ нихъ относились ко всѣмъ родамъ рѣчей, другія къ одному какому либо роду. Топики, относившіяся ко всѣмъ родамъ рѣчей, были: родъ и видъ, причина и дѣйствіе, предъидущее и послѣдующее, подобіе и противоположеніе, опредѣленіе, обстоятельства времени и мѣста, и другія. Но въ каждомъ родѣ рѣчей различали мѣста лицъ и мѣста предметовъ (*). Въ похвальномъ н. п. родѣ рѣчей указывались извѣстные источники, изъ которыхъ почерпали ораторы похвалы или порицанія: рожденіе, родители, родина, воспитаніе, душевныя и тѣлесныя свойства, должности, имущество и проч. Къ совѣщательнымъ рѣчамъ принадлежали доказательства о принятіи какихъ-либо государственныхъ мѣръ, или, напротивъ, для отклоненія отъ какого-либо предпріятія. Такія доказательства требовали знанія силъ государства, богатствъ и всѣхъ другихъ способовъ. Ораторъ обращалъ вниманіе соотечественниковъ на союзниковъ и враговъ, на честь и славу народную.

Греческіе софисты были первыми изобрѣтателями этого искуственнаго краснорѣчія. Послѣдовавшіе риторы привели ученіе ихъ въ правиль-

(*) Loci personarum et loci rerum.

ную систему: читая ихъ, думаешь, что древніе дѣйствительно хотѣли образовать ораторовъ механически, безъ пособія творческихъ дарованій. На всѣ предметы рѣчей у нихъ были составлены особыя правила. Ясно, что такое ученіе могло произвести блестящихъ декламаторовъ, но не витій истинныхъ, полезныхъ для жизни общественной. Общія мѣста указываютъ на источники мыслей; по ихъ указаніямъ всякой можетъ говорить много и блистательно о всѣхъ предметахъ, съ поверхностными о нихъ свѣдѣніями. Но изъ этихъ источниковъ прольется ли потокъ рѣчи ораторской? То, что убѣждаетъ разумъ и преклоняетъ волю, раждается изъ самаго предмета, »ex visceribus causae«, изъ совершеннаго знанія предмета, глубокаго о немъ размышленія. Не отъ того ли риторы превратили науку свою въ ученіе безплодное, что думали искуственностью замѣнять и дарованія, и знанія о предметахъ, о которыхъ должно говорить? По основанію же своему, ученіе о топикахъ собственно принадлежитъ къ Логикѣ. Подробное приложеніе науки о законахъ мышленія къ древнему краснорѣчію дошло до насъ въ сочиненіяхъ Аристотеля, Цицерона (*) и Квинтиліана. Всѣ эти правила указываютъ нѣкоторые слѣды на пути къ истинѣ; а найти самую истину, открыть основаніе ея, разсмотрѣть связь и отношенія, сыскать убѣдительныя доказательства — можетъ умъ нашъ только помощію размышленія и глубокаго изученія предмета. Поэтому все изобрѣтеніе состоитъ въ раскрытіи понятій, служащихъ основаніемъ тому умозаключенію, на которомъ зиждется цѣлая ора-

---

(*) De inventione; Topica; de Oratore L. II.

торская рѣчь. Хотите вы дѣйствовать словомъ своимъ на слушателей, тронуть сердце: *для этого* углубитесь въ предметъ свой, одушевитесь имъ— и слово ваше будетъ сильно. Димосѳенъ не прибѣгалъ къ общимъ мѣстамъ риторическимъ, когда громилъ словомъ Филиппа и одушевлялъ Аѳинянъ. Цицеронъ тамъ кажется слабымъ, гдѣ слишкомъ покоряется строгости діалектической.

Въ чемъ же состоитъ изящное расположеніе и выраженіе доводовъ? Въ расположеніи доказательствъ ораторы употребляютъ два способа: *аналитическій* и *синтетическій*. Доказывая первымъ способомъ, ораторъ не вдругъ показываетъ цѣль, къ которой ведетъ слушателей своихъ, но приближаетъ ихъ къ ней постепенно, переходя отъ одной истины къ другой, пока не откроетъ истины желаемой, какъ слѣдствія предъидущихъ. Такъ н. п. проповѣдникъ, доказывая бытіе Всемогущаго Промысла, можетъ начать съ указанія на окружающую насъ природу, гдѣ все существующее имѣетъ начало, а все, что имѣетъ начало, должно происходить отъ извѣстной причины; въ произведеніяхъ человѣческихъ также видимъ намѣреніе, или причину. Восходя отъ причины къ причинѣ, достигаемъ до первой и высшей, къ Творцу и Зиждителю міра, въ которомъ и истина, и благость, и изящество. Этотъ способъ одинаковъ со способомъ Сократическимъ: онъ простъ, ясенъ и способенъ принимать всѣ изящныя украшенія. Особенно аналитически тогда можно доказывать, когда слушатели предубѣждены противъ истины, и когда должно вести ихъ къ извѣстной цѣли непримѣтно, не показывая ея при началѣ доказательствъ (*).

(*) См. полную теорію доводовъ in *Mellin's* Encyklopæd. Wörterbuche der kritischen Philosophie, B. I. Abth. 2.

Но этотъ способъ употребляется въ немногихъ случаяхъ; мало такихъ предметовъ, къ которымъ онъ удобно прилагается. Чаще употребляется способъ доказательствъ синтетическій. Тутъ прямо начинаемъ съ той мысли, которую намѣрены развивать, объясняемъ одно предложеніе другими предложеніями, представляющими ту же мысль, но гораздо ощутительнѣе, отъ общихъ началъ доводимъ слушателей до самыхъ частныхъ проявленій.

Между доказываемыми предложеніями различать должно основныя, или главныя мысли въ извѣстномъ ряду мыслей однородныхъ. Начала бываютъ вещественныя и умственныя: первыя состоятъ въ тѣхъ самыхъ вещахъ, которыя силою своею производятъ другія; вторыя существуютъ въ нашемъ мышленіи: по нимъ мы познаемъ дѣйствительность чего-либо или необходимость.

Какія жъ условія изящнаго расположенія доводовъ, въ отношеніи къ ихъ порядку, въ которомъ бы одна мысль подкрѣпляла другую и всѣ вмѣстѣ стремились бы къ одной цѣли? Не должно смѣшивать доводовъ разнородныхъ. Всѣ они, по содержанію своему, сводятся къ тремъ главнымъ предметамъ вѣдѣнія нашего: истинѣ, благу и изяществу. Имѣя въ виду доказательство истины, развивайте это понятіе, отличайте истинное отъ ложнаго. Разсуждая о благѣ, покажите во всемъ блескѣ и величіи доброту, честность. Объясняя изящное, не уклоняйтесь отъ того, что намъ нравится, что насъ плѣняетъ. Каждый изъ трехъ главныхъ предметовъ вѣдѣнія нашего представляетъ рядъ истинъ, начинающійся съ общихъ и оканчивающійся частными истинами: переходъ

отъ одной мысли къ другой требуетъ послѣдовательности. Положимъ, что мы хотѣли бы говорить о любви къ ближнимъ, и главнымъ доказательствомъ нашимъ было бы внутреннее удовольствіе, почерпаемое нами въ благотвореніи; потомъ перешли бы мы къ тому святому долгу, который возлагается на насъ примѣромъ Божественнаго нашего Искупителя; наконецъ заключили бы тѣмъ, что любовь къ ближнему влечетъ за собою взаимную къ намъ любовь другихъ. Доводы сами по себѣ правильны; но они не въ надлежащемъ порядкѣ расположены: первое и третье доказательство собственно однородны — внутреннее удовольствіе и внѣшнее, получаемое отъ другихъ; второе же доказательство принадлежитъ къ долгу нашему, и основывается на другомъ началѣ. Поэтому изящный порядокъ требуетъ раздѣлить эти два рода доказательствъ, принадлежащихъ къ особымъ началамъ, и раскрыть особо долгъ нашъ въ отношеніи къ небесной религіи, и обязанности въ отношеніи къ ближнимъ въ этой временной жизни.

Убѣдительность доводовъ зависитъ отъ порядка, въ какомъ они одинъ за другимъ слѣдуютъ. Доказательства, сходныя по своимъ свойствамъ, располагаются по степени ихъ силы; доказательства, различныя въ сущности, и по цѣли требуютъ порядка логическаго. Общее правило расположенія доводовъ есть законъ постепенности: они должны возрастать и усиливаться — »ut augeatur semper et increscat oratio.« Иногда ораторъ, начавъ рѣчь доказательствами, не столь сильными, постепенно переходитъ къ доводамъ сильнѣйшимъ, и оканчиваетъ тѣми, которые могутъ произвести вѣрнѣйшее дѣйствіе на волю. Говоря предъ

слушателями предубѣжденными, онъ начинаетъ съ доводовъ разительнѣйшихъ. »Я не одобряю тѣхъ ораторовъ, говоритъ Цицеронъ, которые въ началѣ рѣчи помѣщаютъ самыя слабыя мысли. Не льзя ожидать желаемаго успѣха отъ слова, если объясняемый предметъ въ самомъ началѣ не произведетъ впечатлѣнія на слушателей. Не столь сильные доводы приличнѣе помѣщать въ срединѣ.«

Замѣтимъ еще, что доводы сильные и убѣдительные можно излагать въ видѣ особыхъ разсужденій: каждый изъ нихъ отдѣльно служитъ предметомъ изслѣдованія. Напротивъ, если доказательства, отдѣльно взятыя, не довольно сильны: то лучше ставить ихъ въ совокупности для того, чтобъ они служили взаимно одно другому подкрѣпленіемъ — »ut quae sunt natura imbecilla, замѣчаетъ Квинтиліанъ, mutuo auxilio sustineantur.« Онъ приводитъ на это убѣдительный примѣръ. Надлежало говорить противъ человѣка, обвиненнаго въ убійствѣ одного изъ родственниковъ своихъ, послѣ котораго обвиненный оставался наслѣдникомъ. Прямыхъ уликъ не было; но оратору представлялись слѣдующія доказательства: обвиненный ожидалъ наслѣдства, и наслѣдства значительнаго; находился въ крайней нищетѣ и угрожаемъ былъ заимодавцами; оскорбилъ отца своего, и даже не надѣялся отъ него получить наслѣдства. Всѣ эти доказательства, порознь взятыя, не сильны и не убѣдительны, но въ совокупности они поражаютъ.

Прекрасный примѣръ распространенія доказательства отдѣльнаго встрѣчаемъ въ рѣчи Цицерона за Милона. Оно взято отъ обстоятельствъ времени. Милонъ былъ въ числѣ кандидатовъ кон-

сульства, а Клодій убитъ за нѣсколько дней передъ выборами. Ораторъ вопрошаетъ: можно ли предполагать въ Милонѣ, при этихъ обстоятельствахъ, такое безуміе; можно ли подумать, чтобъ онъ покусился на ненавистное убійство, чѣмъ могъ отвратить отъ себя любовь народа, которою онъ столько дорожилъ? Съ перваго взгляда этотъ доводъ кажется уважительнымъ; ораторъ на немъ останавливается, живописно изображаетъ безпокойныя ожиданія искательства кандидатовъ во время выборовъ. »Мнѣ знакомы чувства робости, безпокойства и заботливости тѣхъ, которые домогаются почестей. Въ это время боимся не только явныхъ осужденій, но и тайныхъ мыслей о себѣ; страшимся слуховъ, молвы вымышленной и ложной; наблюдаемъ лица всѣхъ и смотримъ всѣмъ въ глаза. Расположеніе и любовь народа непостоянна и перемѣнчива; онъ не только отвращается отъ порочныхъ, но часто негодуетъ на похвальныя дѣла избираемыхъ.« Изъ этого ораторъ заключаетъ: »Милонъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій торжественнаго дня собранія народнаго на Марсовомъ полѣ, уже ли съ обагренными кровью руками приступалъ къ дѣйствію, столь священному? Какъ невѣроятно это въ такомъ человѣкѣ!«

Не должно также распространяться въ доказательствахъ и умножать ихъ число. Въ противномъ случаѣ предметъ доказываемый можетъ породить подозрѣніе къ себѣ, вмѣсто довѣренности. Излишнее распространеніе доказательствъ обременяетъ память и ослабляетъ дѣйствіе рѣчи; она теряетъ силу и убѣдительность — »vim et acumen«, главный характеръ доказательствъ. Часто доказательство, выраженное двумя словами, производитъ сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели до-

казательство обширное, но безжизненное и вялое. Распространеніе бываетъ необходимо, когда нужно или плѣнить воображеніе описаніемъ предмета и живописью усилить доказательство, или показать полное раскрытіе какого-либо чувствованія.

Иногда, вмѣсто прямыхъ доказательствъ, употребляются косвенныя, или опроверженія. Такого рода доводы бываютъ необходимы въ томъ случаѣ, когда противное нашему мнѣніе столь сильно впечатлѣно въ умахъ слушателей, что мы не надѣемся тронуть волю, не опровергнувъ прежде мнѣній противныхъ. Общія истины рѣже подвергаются опроверженіямъ, нежели частные случаи: отъ того въ рѣчахъ древнихъ, относившихся болѣе къ частнымъ случаямъ, опроверженія составляли предметъ весьма важный. Случалось, что все содержаніе рѣчей ихъ состояло въ опроверженіяхъ.

Переходимъ къ части *патетической*, или *страстной*, гдѣ краснорѣчіе торжествуетъ. Въ изслѣдованіяхъ истины, имѣющихъ цѣлію наученіе, возбужденіе страстей неумѣстно и неприлично. Въ поученіи все вниманіе обращается на просвѣтлѣніе разума; тутъ мы доказываемъ справедливость дѣла, правосудіе, честность. Но когда надобно тронуть сердце; тогда нужно возбужденіе и воспламененіе страсти. Кто, говоря о предметѣ чисто нравственномъ, не обратится къ сердцу, не пробудитъ въ немъ чувства негодованія противъ несправедливости, или сострадапія къ бѣдствующему?

Древніе эту часть рѣчи, равно какъ и доказательства, старались привести въ правильную систему. Они подробно изслѣдовали характеръ каждой страсти, каждую опредѣлили, опи-

сали, проникали причины ихъ и наблюдали дѣйствія и обстоятельства, при которыхъ страсти особенно раскрываются. Отсюда правила о возбужденіи и утоленіи страстей. Аристотель въ своей Риторикѣ глубокомысленно изложилъ этотъ предметъ. Въ этихъ изслѣдованіяхъ философъ найдетъ многія любопытныя наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ; но ораторъ не научится изъ нихъ искусству трогать сердце и увлекать волю. Полное познаніе страстей не дастъ творческаго краснорѣчія: это даръ врожденный — врожденное чувство сильное и счастливо развитое. При всѣхъ философическихъ знаніяхъ страстей человѣческихъ, кто не родился ораторомъ, будетъ сухъ и холоденъ. Правила въ этой части рѣчи, равно какъ и во всѣхъ прочихъ, не замѣняютъ генія — могутъ только дать ему направленіе, предупредить его ошибки (*).

Прежде всего должно помыслить, приличиа ли часть патетическая предмету рѣчи, и, въ случаѣ приличія, въ какомъ мѣстѣ она произведетъ сильнѣйшее дѣйствіе. Не всѣ предметы способны къ страстному изображенію; а въ тѣхъ, о которыхъ можно говорить съ страстію, надобно умѣть избрать моментъ, когда страсти слушателей удобнѣе возгараются. Для этого должно прежде убѣдить разумъ: когда слушатели увѣрены въ справедливости нашихъ сужденій, тогда они будутъ ихъ защищать. Они охотно предадутся влеченію страсти, если только могутъ сами внутренно оправдать ее, и если доказательства оратора не принимаютъ за меч-

---

(*) *Aristot.* Rhetor. II, 1. — *Cicero* de orat. II, 43 sqq. — *Quintilian.* VI, 2.

тательность. Въ противномъ случаѣ ораторъ можетъ воодушевить ихъ въ продолженіе слова своего; но съ окончаніемъ рѣчи движеніе, данное имъ страсти, не рѣдко коснѣетъ, жаръ чувства охлаждается, и слушатели остаются при своемъ мнѣніи. Поэтому почитаютъ заключеніе удобнѣйшимъ мѣстомъ для части патетической. Убѣдить разумъ раскрытіемъ истины во всемъ ея блескѣ, и преклонить волю слушателей на свою сторону — этимъ всего приличнѣе заключить торжество рѣчи.

Но въ какой бы части рѣчи ни хотѣли вы дѣйствовать на сердце, не предупреждайте объ этомъ слушателей, не вынуждайте участія ихъ въ вашемъ намѣреніи: это вѣрнѣйшее средство охладить чувства. Напротивъ, избравъ удобнѣйшій моментъ для возбужденія страсти, въ какомъ бы мѣстѣ это ни случилось, вы найдете то время, когда слушатели совершенно преданы вамъ вниманіемъ своимъ и менѣе всего ожидаютъ сильнаго дѣйствія: тогда представьте обстоятельства трогательныя, или въ живомъ описаніи, или въ повѣствованіи одушевленномъ. Часто нѣсколько выраженій, внушенныхъ истиннымъ чувствомъ, производятъ сильнѣйшее дѣйствіе на сердце, нежели рѣчь длинная и искусственная.

Замѣтимъ, что тронуть сердце слушателей и доказывать, что они должны быть тронуты— два различныя дѣйствія. Если н. п. проповѣдникъ доказываетъ необходимость любви нашей къ Богу, сострадаціія къ несчастнымъ: все это можетъ приготовить и расположить наше сердце къ чувствительности; но еще остается важнѣйшій подвигъ — тронуть насъ, передать намъ

свои собственныя чувствованія. Каждой страсти соотвѣтствуютъ особые предметы. Пока ораторъ не представитъ намъ этихъ предметовъ, онъ не въ состояніи и возбудить чувствованій, отъ нихъ зависящихъ. Нами не овладѣетъ чувство признательности или сострадания, когда ораторъ только доказываетъ превосходство этого чувства, когда онъ напоминаетъ намъ, что мы должны раскрыть ему сердце свое, или когда онъ негодуетъ на равнодушіе наше: это языкъ разума, а не сердца. Но пусть представитъ онъ привязанность къ намъ дружбы, страданія того лица, въ комъ мы должны принять участіе: невольно растрогается сердце наше, невольно проникнуто оно будетъ признательностью и состраданіемъ. Для вѣрнаго возбужденія страсти, должно живописно и разительно изобразить предметъ свой, окружить его обстоятельствами, при которыхъ страсть развивается. Первое пробужденіе ея въ ощущеніи: такъ гнѣвъ родится отъ оскорбленія или отъ присутствія того, кто нанесъ оскорбленіе. Ощущеніе переходитъ въ представленіе — и на способность представительную, равно какъ и на чувство, дѣйствуетъ ораторъ; ихъ онъ поражаетъ изображеніями осязательными, трогательными.

Желая пробудить въ другихъ чувство, можетъ ли самъ ораторъ оставаться равнодушнымъ? Страсть дѣйствительная представляетъ множество такихъ обстоятельствъ, которымъ искусство не въ состояніи подражать, которыхъ никакимъ ученіемъ нельзя достигнуть. Страсти легко сообщаются сочувствіемъ:

„Ut ridentibus arrident, ita flentibus adflent
Humani vultus."

Собственное внутреннее чувство оратора даетъ силу его словамъ, взорамъ, тѣлодвиженіямъ, произношенію; тогда красноречіе становится могущественнымъ, поразительнымъ. »Когда хотимъ выразить страсть другаго, говоритъ Квинтиліанъ (*), мы должны поставить самихъ себя на мѣсто того, кого изображаемъ; пусть рѣчь наша изливается изъ того же чувства, какое вдохновляемъ въ слушателей. Уже ли будутъ они соболѣзновать о томъ, о чемъ мы говоримъ хладнокровно? Уже ли возбудимъ въ комъ-либо гнѣвъ, когда сами не чувствуемъ въ себѣ негодованія? Уже ли заставимъ слушателей плакать, если сами равнодушны? — Нѣтъ, да возчувствуемъ страсть, какую въ другихъ хотимъ возбудить. Квинтиліанъ разсказываетъ о себѣ, какъ воодушевлялся чувствомъ, какое намѣревался возбудить въ слушателяхъ; какъ представлялъ себѣ страданія тѣхъ, которыхъ дѣло хотѣлъ защищать. »Я самъ бывало умилялся, прибавляетъ онъ, до того, что не только проливалъ слезы, но измѣнялся въ лицѣ, и скорбѣлъ не притворно, чистосердечно.« Такъ все то, что трогаетъ самого оратора, трогаетъ по сочувствію и его слушателей.

Къ возбужденію страстей принадлежитъ изученіе ихъ языка. Наблюдайте, какъ выражается человѣкъ, обладаемый сильнымъ чувствомъ. Этотъ языкъ всегда простъ, безъискусственъ; онъ можетъ одушевляться сильными и смѣлыми фигурами, но безъ всякой изысканности. Человѣку въ страсти недостаетъ времени на игру воображенія. Занятый предметомъ, который глубоко трогаетъ его, онъ только помышляетъ о томъ,

(*) Кн. VI, гл. 2.

чтобъ представить всѣ проявленія предмета, съ возможною изобразительностью. Таковъ долженъ быть слогъ страстный; таковъ онъ дѣйствительно и бываетъ, если ораторъ говоритъ, что чувствуетъ, смѣло, просто, пламенно — »fervente calamo.« Станетъ онъ заниматься отдѣлкою и украшеніями слога: жаръ, его оживляющій, остынетъ — и онъ не взволнуетъ души, не тронетъ сердца. Тогда и произведеніе холодно; на немъ останется отпечатокъ человѣка описывающаго, а не чувствующаго. Живопись для воображенія отлична отъ живописи для сердца. Одна спокойна, на досугѣ выработана — другая огненна, быстра; въ одной видѣнъ трудъ, въ другой вдохновеніе.

Въ патетической части рѣчи не должно помѣщать ни описаній холодныхъ, ни отступленій. Какъ бы ни были изящны изображенія ваши, но если они болѣе нравятся воображенію, или уму, нежели сколько дѣйствуютъ на сердце — пожертвуйте ими: они охладятъ слушателя. Такъ н. п. сравненія совершенно не приличны въ этой части рѣчи. Не умствуйте также отвлеченно, когда надобно трогать сердце, преклонять волю.

Накопецъ замѣтимъ, что страстная часть рѣчи не должна быть длинна: живыя и сильныя движенія непродолжительны. Послѣ немногихъ огненныхъ выраженій чувства, старайтесь скорѣе принять тонъ спокойный; снисходите въ этотъ тонъ безъ паденія, и выражайте тѣ же чувствованія, но умѣренно. Самая страсть не должна выходить изъ предѣловъ естественныхъ: это другая крайность. Не забывайте, до какой степени могутъ быть тронуты слушатели ваши:

томъ, кто переступаетъ этѣ границы, разрушаетъ очарованіе, уничтожаетъ произведенное впечатлѣніе; желая воспламенить слушателей, онъ ихъ охлаждаетъ.

Возьмемъ для примѣра одно мѣсто изъ Цицерона. Въ послѣдней рѣчи противъ Верреса онъ описываетъ жестокости, оказанныя этимъ правителемъ Сициліи Римскому гражданину Гавію. Несчастный заключенъ былъ Верресомъ въ темницу, откуда спасся бѣгствомъ, и скрылся въ Мессину. Уже собираясь отплыть, имѣлъ неосторожность угрожать Верресу — говоря, что лишь только прибудетъ онъ въ Римъ, Верресъ услышитъ о немъ и будетъ призванъ дать отвѣтъ, какъ смѣлъ заключить въ оковы Римскаго гражданина. Начальникъ Мессины, кліентъ Верресовъ, остановилъ Гавія и увѣдомилъ правителя о его угрозахъ. Дѣйствія Верресовы въ этомъ случаѣ описаны поразительно: дѣйствительно негодуешь на него. Верресъ, отблагодаривъ начальника Мессины за его вѣрность, въ бѣшенствѣ прибѣгаетъ на вѣче, велитъ привести туда Гавія; сзываетъ исполнителей казни, и, забывъ должное уваженіе къ законамъ и правамъ Римскихъ гражданъ, приказываетъ обнажить Гавія, связать и тѣлесно наказать, всенародно, съ ужаснымъ остервенѣніемъ. »Тѣлесно наказанъ, восклицаетъ Цицеронъ, на вѣчѣ Мессинскомъ, гражданинъ Римскій, судіи!« Тутъ, при описаніи этого неистовства, каждое слово постепенно возвышается. »Несчастный, подъ ударами и среди мученій, только произносилъ слова: я гражданинъ Римскій. Этимъ священнымъ именемъ надѣялся онъ отвратить отъ себя бичеваніе. Но онъ не могъ остановить ударовъ; и даже, когда правомъ гражданина умо-

лялъ прекратить терзанія, тогда несчастному изготовляли другую позорную казнь. О, святое имя закона! безцѣнное право гражданства! Законъ Порціевъ, законы Семпроніевы! такъ попраны постановленія ваши: гражданинъ Римскій, въ провинціи Римскаго народа, въ союзномъ городѣ, тѣмъ, кому, по милости народа Римскаго, ввѣрена власть проконсульская, въ цѣпяхъ, на вѣчѣ, тѣлесно наказанъ!«

Трудно найти мѣсто совершеннѣе и изящнѣе этого описанія. Всѣ обстоятельства, здѣсь представленныя, возбуждаютъ состраданіе къ Гавію и негодованіе противъ Верреса. Слогъ простъ; страстныя восклицанія, воззваніе къ законамъ и къ правамъ Римскаго гражданина — все это истинный языкъ страсти. Ораторъ потомъ изображаетъ ненавистную жестокость Верреса еще поразительнѣе. Верресъ приговорилъ Гавія на смертную казнь, не на мѣстѣ казни преступниковъ, но на берегу моря, со стороны Италіи. »Пусть умретъ онъ, говорилъ Верресъ, съ глазами, обращенными къ той землѣ, къ которой взывалъ, какъ къ своему отечеству. Нѣтъ, не Гавія, не простаго гражданина, но законы и права, самое отечество казнилъ Верресъ.«

До сихъ поръ рѣчь одушевлена, изящна — и здѣсь надлежало бы оратору остановиться. Но онъ увлекается обиліемъ дарованій своихъ и великолѣпіемъ слога: ему казалось не довольно тронуть слушателей; онъ обращается къ звѣрямъ, горамъ, скаламъ — хочетъ подвигнуть всю природу противъ Верреса. »Если бы не гражданамъ Римскимъ, не союзникамъ нашимъ, не тѣмъ, которые слыхали о Римлянахъ, не людямъ, но звѣрямъ, или

даже, въ какой-либо отдаленной пустынѣ, скаламъ и утесамъ приносилъ я на это жалобу; то и безсловесные и неодушевленные предметы были бы тронуты столь ужасною и преступною жестокостью.« Не смотря на все уваженіе къ величайшему оратору, должно сознаться, что послѣднее мѣсто неестественно — не языкъ страсти, а риторическая фигура, которая можетъ нравиться, но не взволнуетъ души. Такъ опасно увлекаться картинами воображенія, когда надобно трогать сердце.

Наконецъ въ послѣдней части рѣчи, въ *заключеніи*, или выводятся слѣдствія изъ доказанной истины, или кратко повторяется сущность всего доказаннаго, или возбуждаются сильныя чувствованія слушателей. Слѣдствія извлекаются изъ доказанной истины большею частію въ рѣчахъ поучительныхъ. Они производятъ желаемое дѣйствіе, если истекаютъ изъ доказаннаго, притомъ постепенно; если въ нихъ сохранено единство чувствованій, одушевляющихъ всю рѣчь. Напротивъ, ораторы, помѣщающіе въ заключеніи какой-либо предметъ совершенно новый, отвлекающій вниманіе отъ содержанія рѣчи, ослабляютъ ея дѣйствіе. Иногда въ заключеніи кратко повторяется сущность рѣчи для возобновленія въ памяти изложенныхъ доводовъ и для убѣжденія воли тѣми истинами, которыя развиты въ цѣлой рѣчи. При этомъ воспоминаніи о содержаніи рѣчи должно выражаться кратко, а не излагать всего содержанія слова и со всею подробностію. Такое заключеніе употребляется только въ рѣчахъ сложныхъ, имѣющихъ цѣлью убѣжденіе разума. Но въ рѣчахъ, требующихъ преклоненія воли слушателей, ораторъ, убѣдивъ умъ основа-

тельными доводами, въ заключеніи представляетъ все, что можетъ возвеличить предметъ и возвысить. Рѣчи Цицерона за Рабирія, Флакка, Милона и другія, по страстнымъ заключеніямъ, служатъ превосходными образцами. Не рѣдко языческіе ораторы заключали рѣчи благоговѣйнымъ чувствованіемъ, н. п. Димосѳенъ въ рѣчи о вѣнкѣ, Цицеронъ во второй Филиппикѣ, Плиній въ панегирикѣ Траяну. Христіанскіе витіи часто оканчиваютъ рѣчи молитвою. Боссюэтъ заключаетъ надгробное слово Конде обращеніемъ тѣни усопшаго на себя самого. »Внемли послѣднему вѣщанію голоса, тебѣ прежде знакомаго. Ты положишь конецъ этому слову. Вмѣсто оплакиванія смерти другихъ, я желаю научиться у тебя умирать. Эти сѣдины напоминаютъ объ отчетѣ, который долженъ я отдать въ дѣяніяхъ моихъ; счастливъ я, если для паствы, которую обязанъ питать словомъ жизни, сберегу остальной голосъ, уже слабѣющій, и остальной огнь, уже погасающій.« Ломоносовъ въ Похвальномъ словѣ Петру I, изобразивъ Великаго Государя передъ нашими глазами въ трудахъ, подъятыхъ для блага возлюбленнаго своего отечества, и открывъ предъ нами завѣсу Исторіи, указывающей на сильныхъ земли, однимъ какимъ-либо родомъ дѣлъ безсмертіе стяжавшихъ, вопрошаетъ: »Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка, Богу подобнаго, по нашему по-

нятію, найти надобно; кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.«

Во всѣхъ родахъ заключеній верхъ искусства знать время, когда должно заключать рѣчь: ни слишкомъ отрывистое и неожиданное заключеніе, ни растянутое, равно неприличны. Необходимое условіе заключенія — изящество и сила: слушатели должны остаться съ сердцемъ растроганнымъ, и понести съ собою впечатлѣніе, выгодное для оратора и для предмета, имъ изложеннаго. При этихъ условіяхъ и умъ убѣждается, и воля преклоняется предъ могущественнымъ словомъ.

Чтеніе двадцать первое.

Рѣчи совѣщательныя. — Изящное въ рѣчахъ совѣщательныхъ. — Расположеніе рѣчи и выраженіе. — Особенныя отличительныя свойства рѣчей совѣщательныхъ. — Примѣры изъ рѣчей Димосѳеновыхъ.

Обозрѣвъ успѣхи Краснорѣчія въ различныхъ вѣкахъ и у различныхъ народовъ, и разсмотрѣвъ строеніе изящной ораторской рѣчи вообще, изслѣдуемъ различные роды рѣчей, и ознакомимся съ характеромъ каждаго рода.

Древніе раздѣляли рѣчи на три рода: на *повѣствовательный*, *совѣщательный* и *судебный*. Цѣль *повѣствовательнаго* рода — похвала или порицаніе; совѣщательнаго — убѣжденіе или просвѣщеніе разума, а судебнаго — обвиненіе или защищеніе. Главные предметы перваго рода рѣчей: панегирики, надгробныя и поздравительныя слова; рѣчи совѣщательныя занимались преніями и общественными дѣлами, въ сенатѣ или въ народныхъ собраніяхъ; судебное витійство относилось къ судіямъ, когда требовалось прощеніе или обвиненіе какого-либо лица. Такое раздѣленіе служитъ основаніемъ всѣмъ древнимъ сочиненіямъ риторическимъ; новые писатели подражали въ этомъ древнимъ. Въ этихъ родахъ содержится почти все, что только можетъ быть предметомъ ораторской рѣчи. Но согласно съ настоящимъ состояніемъ краснорѣчія, приличнѣе принять раздѣленіе рѣчей на *совѣщательныя*, или *народныя*, *судебныя* и *духовныя*. Каждый изъ этихъ родовъ рѣчей имѣетъ отличительный и свойственный ему характеръ. Раздѣленіе это не вполнѣ согласуется съ раздѣленіемъ древнихъ. Судебное наше красно-

рѣчіе совершенно соотвѣтствуетъ краснорѣчію судебному древнихъ. Краснорѣчіе народное хотя и принадлежитъ болѣе къ рѣчамъ совѣщательнымъ, однако отчасти оно относится и къ роду повѣствовательному. Краснорѣчіе духовное имѣетъ совершенно особый характеръ; по тону же оно одинаково съ родомъ повѣствовательнымъ древнихъ.

Правила, относящіяся къ изящному построенію рѣчи ораторской, принадлежатъ вообще ко всѣмъ родамъ краснорѣчія, духовному, судебному и совѣщательному. Но каждый изъ трехъ родовъ имѣетъ отличительный характеръ, свойственный ему духъ и тонъ: знаніе этѣхъ особенностей необходимо нужно для вывода частныхъ правилъ объ изящномъ въ каждомъ родѣ. Краснорѣчіе судебнаго оратора, безъ сомнѣнія, отлично отъ краснорѣчія проповѣдника, и вѣрное знаніе характера каждаго рода рѣчей служитъ основаніемъ изящному вкусу, при разборѣ такихъ произведеній, и правиломъ для творящаго генія. Начнемъ съ того рода, который можетъ прояснить и другіе, именно съ краснорѣчія народнаго, или совѣщательнаго. Оно можетъ развиваться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда совѣщаются о пользахъ общественныхъ, подъ различными формами, каковы всенародныя объявленія и другія бумаги государственныя.

Цѣль этого рода рѣчей убѣжденіе. Онѣ должны имѣть предметомъ раскрытіе какого-либо мнѣнія, относящагося ко благу общественному, и въ пользу котораго ораторъ желаетъ склонить своихъ слушателей. Въ убѣжденіи надобно дѣйствовать на разумъ: отъ того рѣчи народныя допускаютъ слогъ сильный и витіеватый; но главная сущность ихъ—основательное сужденіе. Безъ твердаго основанія въ отношеніи къ мышленію, рѣчи могутъ блистать всѣми красотами внѣш-

ними, и при всемъ томъ не произведутъ желаемаго дѣйствія. Блескъ этотъ прельститъ слушателей поверхностныхъ; но люди разсудительные скоро скучаютъ пустымъ витійствомъ. Къ какому бы званію ни принадлежали слушатели, ораторъ никогда не долженъ думать, что языкъ напыщенный, но безъ мыслей и строгаго сужденія, можетъ на нихъ дѣйствовать, или его прославить. Опасно испытывать подобное средство: такое витійство торжествуетъ случайно, но въ сущности оно ничтожно. Общее мнѣніе — лучшій судія въ отношеніи къ здравому смыслу и вѣрности сужденія. Простой повѣствователь, въ сужденіяхъ своихъ прямо идущій къ цѣли дѣла, всегда беретъ верхъ надъ ораторомъ, исполненнымъ искусственности и учености, но замѣняющимъ здравый смыслъ цвѣтами риторическими. Тѣмъ болѣе требуется осторожности, когда ораторъ говоритъ въ собраніи людей просвѣщенныхъ.

Не забудемъ, что основаніемъ всякаго рода краснорѣчія служитъ основательность мысли. Не смотря на то, что Димосѳенъ говорилъ толпѣ Аѳинскихъ гражданъ, рѣчи его построены на строгихъ умствованіяхъ. Онъ почиталъ необходимымъ убѣжденіе ума слушателей, чтобъ послѣ преклонить волю и располагать всѣми силами душевными. Въ этомъ заключались сила и могущество рѣчей его для слушателей; въ этомъ тайна и удивленіе, какое онѣ доселѣ возбуждаютъ въ читателяхъ. Вотъ образцы, которыми должны бы руководствоваться ораторы, а не слѣдовать тщеславнымъ декламаторамъ, унижающимъ краснорѣчіе. Кто готовится къ рѣчамъ совѣщательнымъ, тотъ долженъ прежде всего овладѣть предметомъ, о которомъ намѣренъ говорить, пріобрѣсть всѣ относящіяся къ этому предмету свѣ-

дѣнія, убѣдительность доказательствъ — это главное основаніе рѣчи. Отъ такого приготовленія рѣчь становится сильною и мужественною; украшенія являтся сами собою, и они не должны озабочивать оратора: »cura sit verborum, sollicitudo rerum« — о словахъ надобно стараться, а о мысляхъ заботиться. Изучающіе искусство краснорѣчія должны помнить эти слова Квинтиліана.

Но можетъ ли слово того быть могущественно, кто самъ не убѣжденъ, въ чемъ хочетъ убѣдить другихъ? Истинный ораторъ никогда не будетъ основываться на такихъ доказательствахъ или мнѣніяхъ, справедливостью которыхъ самъ не проникнутъ. Никто не бываетъ краснорѣчивымъ, говоря противно мыслямъ своимъ, выражая несобственныя свои чувствованія. Одна только рѣчь откровенная, одинъ языкъ сердца (*) насъ убѣждаютъ. Высокое краснорѣчіе должно быть словомъ страсти, или чувства самаго живаго. Въ нихъ источникъ убѣжденія; они сообщаютъ генію человѣка силу, которой не имѣетъ онъ во всякое другое время. Напротивъ, сколь затруднительно положеніе оратора, когда онъ не чувствуетъ того, что выражаетъ словами; когда онъ высказываетъ чувства, которыхъ не имѣетъ.

Занимающіеся краснорѣчіемъ, для приобрѣтенія навыка говорить, при разсматриваніи какого нибудь предмета, иногда съ намѣреніемъ поддерживаютъ сторону менѣе основательную; они испытываютъ силы свои въ преодолѣніи трудностей. Но подобное упражненіе не послужитъ къ усовершенствованію оратора; можно даже опасаться, что оно приучитъ къ пустымъ и ничтожнымъ про-

(*) Veræ voces ab imo pectore.

тиворѣчіямъ. Это еще допускается въ обществѣ, гдѣ не говорится ни о какомъ важномъ предметѣ, и гдѣ обращаютъ вниманіе на блестящій разговоръ. Гораздо лучше защищать мнѣніе, въ которомъ мы сами убѣждены, и, для доказательства справедливости его, употреблять доводы истинные, которыми мы сами проникнуты. Такимъ только способомъ можно привыкнуть къ размышленію основательному, къ сильному и пламенному изложенію мыслей. Тамъ, гдѣ разсуждаютъ о дѣлахъ государственныхъ, навыкъ говорить не по убѣжденію можетъ подать невыгодное понятіе о характерѣ; иногда игра ума покажетъ совершенное его отсутствіе.

Предметъ рѣчей совѣщательныхъ рѣдко позволяетъ оратору заранѣе изготовлять ихъ со всею подробностію; большею частію доказательства должны родиться во время состязаній. Не возможно предугадать направленіе стороны противной, и тотъ, кто надѣется на рѣчь, прежде обдуманную, не рѣдко отвлекается отъ избранныхъ имъ положеній. Главныя мысли часто измѣняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаются и доводы. Не безъ основанія всѣ предубѣждены противъ обыкновенія приносить въ совѣщательныя собранія напередъ заготовленныя рѣчи. Онѣ бываютъ полезны при началѣ пренія, потому что ораторъ въ правѣ избирать и ограничивать свой предметъ. Но по мѣрѣ усиленія преній и опроверженій съ противной стороны, подобныя рѣчи теряютъ силу, обращаются въ декламацію, имѣющую цѣлію блистать внѣшними красотами, а не сущностью дѣла: и могутъ ли онѣ убѣждать наровнѣ съ рѣчами, изливающимися прямо изъ устъ оратора, хотя и несовершенно обработанными?

Изъ этого однако не слѣдуетъ, что не нужно обдумывать предметъ и приготовлять то, о чемъ надобно говорить передъ собраніемъ. Напротивъ, кто пренебрегаетъ этою предосторожностью или полагается на свою готовность, тотъ непремѣнно привыкаетъ говорить слабо и не въ порядкѣ. Размышленіе или приготовленіе полезно, когда объемлетъ цѣлый предметъ, а не какую-либо часть предмета. Что касается до основанія самаго предмета, то надобно совершенно имъ овладѣть и знать все, что къ нему относится. Излишняя заботливость о словахъ и выраженіяхъ придаетъ рѣчи изысканность и искусственность. Ораторъ, неувѣренный въ присутствіи духа, еще не повелѣвающій своимъ словомъ, что пріобрѣтается однимъ только навыкомъ, пусть выучиваетъ наизустъ всю рѣчь, которую произнести желаетъ. Съ большею увѣренностью въ словѣ онъ придетъ въ состояніе говорить безъ приготовленія. Тогда пусть письменно изготовляетъ вступленіе, чтобы начинать безъ замѣшательства; для остальнаго изслѣдованія можетъ довольствоваться главными положеніями, на которыхъ намѣренъ останавливаться, не заботясь о словахъ — они родятся въ пылу произношенія. Такія указанія, содержащія все основаніе рѣчи въ маломъ объемѣ, полезны для начинающихъ и въ томъ отношеніи, что приучаютъ къ точности, которую ораторъ скоро утрачиваетъ, будучи обязанъ говорить часто; они заставляютъ внимательнѣе разсматривать предметъ и располагать мысли методически, въ строгомъ порядкѣ.

Во всѣхъ родахъ совѣщательнаго краснорѣчія всего важнѣе ясный методъ, соотвѣтствующій предмету. Подъ методомъ мы не разумѣемъ пра-

вильныхъ подраздѣленій, какъ то бываетъ въ проповѣди: въ совѣщательномъ собраніи излишняя дробность раздѣленія тягостна для слушающихъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда ораторъ пользуется особенною довѣренностью, или когда предметъ, по своей важности, этого требуетъ. Одно исчисленіе главныхъ и подчиненныхъ предложеній пугаетъ слушателей, предвѣщая длинную рѣчь. Притомъ главное раздѣленіе не должно быть обнаружено, но ему необходимо слѣдовать въ развитіи рѣчи. Оратору нужно напередъ распредѣлить свои мысли и усвоить ихъ прежде произношенія: это всномоществованіе памяти даетъ возможность говорить послѣдовательно и безъ замѣшательства, котораго не избѣгнетъ тотъ, кто не составилъ себѣ никакого начертанія. Порядокъ необходимъ и въ отношеніи къ самымъ слушателямъ, если только хотимъ произвести на нихъ желаемое впечатлѣніе. Онъ придаетъ словамъ нашимъ силу и ясность, способствуетъ намъ слѣдить ходъ рѣчи и вполнѣ обнимать доказательства оратора. Самое изящество рѣчи требуетъ порядка въ ней, какъ и во всякомъ художественномъ произведеніи; безъ него ораторъ не достигаетъ цѣли своей, и часто самое блистательное краснорѣчіе нимало не убѣждаетъ (*).

(*) *Платонъ* въ разговорахъ: Горгіи, Протагорѣ, Федрѣ, Гиппіи, Эвтидемѣ. — *Dionysii Halicarnassensis* de oratoribus antiquis commentarii. — *Ruhnkenii* historia oratorum graecorum critica praemissa editioni Rutilii Lupi de figuris sententiarum et elocutionis. Lugd. Bat. 1768, 8. — Principes pour la lecture des orateurs, l. I. ch. 3. sect. 1. — Essai sur l'eloquence politique par M. *Jay* — Essai sur les eloges par *Thomas*. — *Villemain* Cours de litterature française. Leçons du cours de 1829, 10 — 17.

Разсмотримъ выраженіе, приличествующее совѣщательному краснорѣчію. Безъ сомнѣнія, въ немъ можетъ имѣть мѣсто слогъ одушевленный. Зрѣлище многочисленнаго собранія, занятаго важнымъ преніемъ и приникающаго вниманіемъ къ рѣчи витіи, достаточно для одушевленія оратора и для воспламененія его воображенія. Такое расположеніе духа развиваетъ силу убѣжденія; ораторъ съ увѣренностью стремится къ своей цѣли. Страсть скоро пробуждается среди многочисленнаго собранія, гдѣ всѣ движенія сердца сообщаются взаимнымъ сочувствіемъ между витіею и слушателями; а потому здѣсь допускаются смѣлыя фигуры, этотъ естественный языкъ страсти. Одушевленіе рѣчи, сила и огнь мыслей и чувствованій, порывы души, исполненной любви къ общественному благу, и великость предмета — вотъ характеръ совѣщательнаго краснорѣчія на высшей степени изящества.

Впрочемъ свобода въ этомъ родѣ краснорѣчія предаваться влеченію страсти и всей силѣ чувствъ подчиняется нѣкоторымъ ограниченіямъ. Одушевленіе нашего выраженія всегда должно соотвѣтствовать предмету и обстоятельствамъ: странно говорить съ жаромъ о предметѣ незначительномъ, или который, по своему свойству, требуетъ рѣчи простой и спокойной. Большею частію здѣсь приличнѣе слогъ умѣренный.

Выраженіе не можетъ быть изящно, когда самъ ораторъ не одушевленъ чувствомъ, которое должно отражаться въ выраженіи: неестественность — необходимое слѣдствіе. Въ чувствѣ притворство невозможно; тутъ главное правило состоитъ въ послѣдованіи природѣ. Спокойный и разсудительный способъ выраженія рѣчи достается въ

удѣлъ многимъ; а поэтическое и высокое краснорѣчіе души чувствительной, легкость и вмѣстѣ величіе выраженія, даются отъ природы немногимъ.

Но если бы предметъ и допускалъ одушевленіе; если бы насъ и увлекалъ къ тому врожденный даръ; чувство было бы непритворное и естественное: при всемъ этомъ не должно доходить до крайности. Ораторъ, самъ непроникнутый чувствомъ, не можетъ произвести желаемаго дѣйствія въ слушателяхъ; съ другой стороны, ораторъ, не владѣющій самимъ собою, не овладѣетъ и своими слушателями. Онъ не долженъ внезапно приходить въ восторгъ, а начинать спокойно и увлекать своихъ слушателей, по мѣрѣ того, какъ самъ воспламеняется. Если онъ будетъ предупреждать ихъ въ порывахъ страсти, если онъ не умѣетъ ихъ чувствъ сосредоточивать въ себѣ самомъ; то непремѣнно произойдетъ несогласіе въ чувствахъ оратора и слушателей. Какъ бы ни справедливы были причины восторга оратора, приличіе и уваженіе къ собранію назначаютъ ему границы, которыхъ преступать онъ не долженъ. Ораторъ въ самую восторженную минуту управляющій собою, сохраняющій послѣдовательность и силу доводовъ, соблюдающій точность выраженія, владычествомъ разума, среди пыла страстей, нравится, убѣждаетъ — это верхъ краснорѣчія. Соединеніе строгаго мышленія и сильной страсти производитъ могущественное дѣйствіе на душу слушателя.

Въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ совѣщательной рѣчи не должно позволять себѣ излишества. Древніе ораторы употребляли въ голосѣ, въ тѣлодвиженіи и выраженіи смѣлость, несвойственную ни нашему вкусу, ни народнымъ нравамъ,

и часто вредную для убѣжденія. Безъ сомнѣнія, не должно подавлять строгою взыскательностію порывовъ генія, но и нельзя позволять себѣ декламаціи, которая намъ кажется совершенно неумѣстною. Димосѳенъ, для оправданія несчастной битвы Херонейской, обращается къ тѣнямъ героевъ Платеи и Мараѳона; ихъ призываетъ въ свидѣтели справедливости дѣла. Цицеронъ, въ рѣчи своей за Милона, обращается къ полямъ и дубравамъ Албанскимъ. Оба отрывка Греческаго и Римскаго оратора производятъ прекрасное дѣйствіе. Но кто изъ новыхъ ораторовъ осмѣлится употребить подобныя обращенія? И какою силою генія должно обладать, чтобы этѣ фигуры имѣли свѣжесть и дѣйствовали на слушателей!

Наконецъ во всякой рѣчи, преимущественно въ совѣщательной, должно быть соблюдено приличіе времени, мѣста и характеровъ; восторженность краснорѣчія не можетъ извинять нарушенія этихъ условій. Порывистыя движенія, приличныя высокому сану и извѣстности, неприличны скромности оратора юнаго. Слогъ игривый и остроты, позволительныя при нѣкоторыхъ предметахъ, совершенно неумѣстны въ дѣлахъ важныхъ и въ почетномъ собраніи. »Caput artis est decere; знаніе приличія — верхъ искусства«, говоритъ Квинтиліанъ. Намѣревающійся произносить рѣчи долженъ, кажется, составить себѣ точное и ясное понятіе о томъ, что приличествуетъ его лѣтамъ, положенію и предмету, о которомъ намѣренъ говорить, слушателямъ, мѣсту и обстоятельствамъ: этими условіями опредѣляется выраженіе. Древніе дорожили этимъ правиломъ (*).

(*) Объ этомъ находимъ много полезныхъ совѣтовъ во IIй книгѣ Квинтиліана.

Вотъ слова Цицерона изъ его Оратора, для каждаго вніманія замѣчательныя: »Основаніемъ краснорѣчію, какъ и всему, служитъ благоразуміе. Въ искусствѣ ораторскомъ, равно какъ и въ жизни, всего труднѣе знать, что прилично; незнаніе приличія порождаетъ множество ошибокъ: состояніе, званіе, возрастъ, мѣсто, время, слушатели — все это имѣетъ вліяніе на различіе словъ и мыслей. Въ каждой части рѣчи, какъ и въ жизни, должно помышлять о приличіи, въ отношеніи къ предмету и лицамъ, говорящимъ и слушающимъ (*).« Таковы условія, необходимыя въ отношеніи къ восторженности совѣщательнаго краснорѣчія.

Что касается до слога, то онъ долженъ быть обиленъ и естественъ; здѣсь изысканность неумѣстна: она препятствуетъ убѣжденію. Этому роду краснорѣчія приличествуетъ слогъ сильный и мужественный, украшенный языкъ — все это производитъ поразительныя впечатлѣнія. Въ метафорахъ блестящихъ, одушевленныхъ, изобразительныхъ, слушатели оставляютъ безъ вниманія нѣкоторыя неправильности, замѣтныя въ другихъ сочиненіяхъ. Въ быстромъ разговорѣ блескъ украшенія поражаетъ насъ; тутъ не замѣчается и самая неточность.

(*) »Est eloquentiae, sicut reliquarum rerum, fundamentum sapientia; ut enim in vita, sic in oratione nihil est difficilius quam quod deceat videre; hujus ignoratione saepissime peccatur; non enim omnis fortuna, non omnis auctoritas, non omnis aetas, non vero locus, aut tempus, aut auditor omnis, eodem aut verborum genere tractandus est, aut sententiarum. Semperque, in omni parte orationis, ut vitae, quid deceat considerandum; quod et in re de qua agitur positum est, et in personis, et eorum qui dicunt et eorum qui audiunt.«

Прилична ли совѣщательному краснорѣчію болѣе сжатость или обиліе? Въ этомъ трудно опредѣлить границы. Обыкновенно предпочитаютъ развитіе предмета обильное. Но крайность и тутъ опасна: ораторъ часто теряетъ болѣе въ силѣ рѣчи, нежели сколько выигрываетъ въ ясности. Безъ сомнѣнія, обращаясь къ собранію, не говорятъ отрывистыми предложеніями и краткими изреченіями; необходимо развивать свои мысли, чтобъ передать ихъ другимъ. Часто это намѣреніе употребляютъ во зло. Не забудемъ, что какъ бы пріятно мы ни передавали другимъ мысли свои, вниманіе слушателей утомляется; а какъ скоро слушатели почувствовали утомленіе, тогда безсильно краснорѣчіе. Рѣчь слабая и многословная не можетъ нравиться; лучше недосказать, нежели говорить слишкомъ много; лучше мысль свою показать съ одной какой-либо стороны въ самомъ яркомъ свѣтѣ, и при этомъ оставить слушателей, нежели представить ее во всѣхъ возможныхъ видахъ, обиліемъ словъ утомить вниманіе слушателей и оставить ихъ тогда, какъ они уже пресыщены и утомлены. Произношенію предъ собраніемъ людей различнаго званія и различныхъ характеровъ рѣчь твердая и смѣлая наиболѣе приличествуетъ. Надменность и самонадѣянность отвращаютъ отъ себя; не должно подавать даже мысли о подобныхъ чувствованіяхъ. Но убѣжденіе имѣетъ свой особенный тонъ, свойственный человѣку самому скромному, увѣренному въ излагаемомъ дѣлѣ: это болѣе всего дѣйствуетъ на убѣжденіе другихъ. Напротивъ, кто произноситъ слабо и съ сомнѣніемъ, обнаруживая, что и самъ не вполнѣ убѣжденъ въ своемъ мнѣніи, тотъ въ состояніи ли передать его другимъ?

Вотъ условія изящества совѣщательнаго краснорѣчія, основанныя на началахъ психологическихъ и наблюденіяхъ надъ произведеніями ораторовъ. Цѣль этого рода ораторской рѣчи — убѣжденіе, раждающееся отъ сознанія истины. Доказательства и развитіе дѣла служатъ здѣсь основаніемъ. Надобно быть проникнуту справедливостью мнѣнія своего, выражать истинныя чувствованія, а не притворныя. Философскій элементъ рѣчи, или разсужденіе, должно основываться на дѣлѣ, а не на словахъ. Порядокъ и ясное расположеніе необходимы. Выраженіе требуется сильное и одушевленное; однако среди самаго пламени рѣчи не надобно забывать приличій въ отношеніи къ слушателямъ. Слогъ пусть будетъ лучше свободный и легкій, сильный и изобразительный, нежели слишкомъ обильный; въ произношеніи нужна твердость и опредѣлительность. Наконецъ ораторъ долженъ помнить, что впечатлѣніе, производимое рѣчью щеголеватою и искусственною, кратковременно; напротивъ, дѣйствіе ума точнаго и основательнаго сильно и продолжительно.

Въ примѣръ совѣщательнаго краснорѣчія прочтемъ нѣкоторыя мѣста изъ Димосѳена. — Не смотря на недостаточность перевода, мы получимъ изъ нихъ понятіе о томъ одушевленномъ и сильномъ краснорѣчіи, о которомъ говорили. Примѣръ возьмемъ изъ третьей Филиппики, произнесенной въ народномъ собраніи. Предметъ ея — одушевленіе Аѳинянъ и внушеніе имъ опасенія со стороны Филиппа, котораго возраставшее тогда могущество и хитрая политика начинали угрожать независимости Греціи, и въ скоромъ времени послѣ того совершенно ее уничтожили. Безпокойство уже овладѣвало Аѳинянами, но они медлили сво-

нии совѣщаніями и слабо предпринимали нужныя мѣры; потому что нѣкоторые изъ ихъ любимыхъ ораторовъ, подкупленные Филиппомъ, убаюкивали ихъ тщеславіе среди опасностей. Въ этихъ-то обстоятельствахъ произносилъ Димосѳенъ свои громовыя Филиппики. Для полнаго понятія объ этомъ могущественномъ краснорѣчіи, надобно обращаться къ подлиннику.

»Почти во всѣхъ вашихъ собраніяхъ, Аѳиняне, говорятъ вамъ о злоумышленіяхъ Филипповыхъ, вразсужденіи васъ и другихъ Грековъ, вопреки миру и торжественнымъ условіямъ. Вы сами чувствуете, что намъ совокупными силами должно искать средствъ остановить и наказать его дерзость. Но, видя, до чего довело васъ небреженіе ваше, осмѣлюсь сказать съ чувствомъ прискорбія, что если бы ораторы ваши согласились давать вамъ самые гибельные совѣты, а вы рѣшились бы избирать самые гибельные способы; то положеніе наше не моглобъ и тогда быть хуже настоящаго. Много причинъ этому несчастію; разсмотрѣвъ ихъ въ подробности, и размысливъ безпрестрастно, увидимъ, что главная причина лицемѣріе вашихъ чиновниковъ, которые болѣе льстятъ вамъ, нежели служатъ. Одни, довольствуясь талантомъ своимъ и пріобрѣтенною ими довѣренностію, ни о чемъ иномъ не думаютъ, и хотятъ, чтобы вы также ни о чемъ не думали; другіе, безпрестанно судя и обвиняя людей, входящихъ въ дѣла, вооружаютъ только гражданъ противъ гражданъ, отводятъ ваше вниманіе отъ истиннаго предмета, и чрезъ то даютъ Филиппу дѣлать, что ему угодно. — Это злоупотребленіе есть главный источникъ вашихъ заблужденій и бѣдствій.«

»Именемъ боговъ заклинаю васъ, Аѳиняне, не осуждать моей искренности, но размыслить и почувствовать истину. Издревле Аѳины были отечествомъ независимости; не только иностранцамъ, живущимъ въ нашихъ стѣнахъ, но и самымъ невольникамъ дали вы право говорить — право, которому и граждане въ другихъ земляхъ могутъ завидовать. Въ однихъ вашихъ собраніяхъ не терпится независимость; по гордому самолюбію хотите вы, чтобы вамъ льстили и говорили только пріятное; хотите, не думая о пагубныхъ слѣдствіяхъ. Если и теперь таковы будете, то мнѣ остается молчать; но если откровенность вамъ непротивна, то я готовъ сказать истину.«

»Такъ, граждане: не взирая на бѣдствіе, которому виною ваша безпечность, вы еще можете все поправить. Скажу, хотя бы и назвали такое мнѣніе страннымъ — скажу, что самая вина бѣдствій нашихъ въ прошедшемъ должна быть для насъ главною надеждою вразсужденіи будущаго. Зло произошло отъ того, что вы не взяли ни одной изъ надлежащихъ мѣръ; если бы мы не могли обвинять себя безпечностію, а Аѳины были всегда въ несчастномъ положеніи, въ такомъ случаѣ не оставалось бы намъ никакой надежды на ихъ спасеніе. Но Филиппъ обязанъ торжествомъ своимъ не изнуренію силъ Аѳинскихъ, а вашей нѣгѣ, вашему бездѣйствію. И какъ ему побѣдить васъ? Вы съ нимъ не сражались!«

»Когда бы всѣ мы согласно думали, что онъ нарушаетъ миръ и ведетъ съ нами войну; тогда оставалось бы только искать лучшихъ средствъ остановить его дерзость. Но въ то самое время,

какъ онъ береть города, занимаетъ своими войсками принадлежащія намъ мѣста, и всѣхъ Грековъ угнетаетъ — въ то самое время легкомысленные люди слушаютъ здѣсь ораторовъ, безпрестанно твердящихъ, что мы сами хотимъ возобновить войну. И такъ прежде надобно объяснить заблужденіе, и перемѣнить ваши мысли, чтобы ревностнаго гражданина, совѣтующаго вамъ обороняться, не назвали когда нибудь виновникомъ напраснаго кровопролитія.«

»Вопервыхъ изслѣдуемъ, зависитъ ли отъ насъ избраніе войны или мира? Можемъ ли въ настоящемъ положеніи сохранить миръ? Кто скажетъ: *можемъ*, пусть представитъ ясныя доказательства, не обольщая насъ пустою надеждою. Но если монархъ, вооруженный мечемъ, ведя за собою сильное войско, только говоритъ намъ о мирѣ, а въ самомъ дѣлѣ воюетъ съ нами: то не должно ли Аѳинянамъ обороняться? Развѣ и мы, слѣдуя его примѣру, скажемъ, что Аѳины въ мирѣ? Согласимся; но когда человѣкъ, играя словами, подходитъ ближе и ближе къ нашимъ стѣнамъ, а нѣкоторые люди говорятъ, что онъ не имѣетъ злаго умысла; въ такомъ случаѣ утверждаю, что они безумствуютъ и хотятъ, чтобы не Филиппъ съ нами, а мы съ Филиппомъ были въ мирѣ. Вотъ дѣйствіе его золота! Монархъ купилъ выгоду напасть на безоружныхъ. Терпѣливо ждать времени для обороны — ждать, чтобы Филиппъ объявилъ намъ свой злой умыселъ, есть верхъ безумія. Нѣтъ, никогда онъ не объявитъ его; не объявитъ и тогда, когда войдетъ въ Аттику и въ Пирей. . . . .«

Тутъ Димосѳенъ исчисляетъ подобныя дѣйствія Филиппа съ другими народами, давшими ему,

шакже по своей безпечности, право дѣлать все, что угодно — брать города, земли, порабощать ихъ самихъ. Потомъ продолжаетъ:

»Я не говорю о Меѳонѣ, Олинѳѣ, Аполлоніи, о тридцати двухъ Ѳракійскихъ городахъ, имъ разрушенныхъ, такъ что и мѣсто ихъ едва примѣтно; не говорю о Фокеянахъ, сильномъ народѣ, разоренномъ Филипповою жестокостію; но въ какомъ состояніи теперь Ѳессалійцы? Не разграбилъ ли онъ ихъ городовъ? Не перемѣнилъ ли законовъ? Не отдалъ ли во власть своимъ тетрархамъ? Не ввелъ ли въ Эвбеѣ ужаснаго правленія? Какая гордость видна въ его письмахъ! *Я въ мирѣ единственно съ тѣми, которые мнѣ повинуются:* вотъ точныя слова его! . . . . .«

»Греки, иногда терпѣвшіе отъ Аѳинъ и Лакедемона, терпѣли по крайней мѣрѣ отъ истинныхъ дѣтей Греціи; и вину нашу можно было уподобить безразсудности законнаго, расточительнаго сына, который хотя и во зло употребляетъ полученное имъ наслѣдство, однакожъ свое, а не чужое имѣніе проживаетъ. Но если рабъ презрѣнный, сынъ чуждый расточаетъ непринадлежащее ему имѣніе: то сносно ли его безстыдство? Съ чѣмъ же лучше сравнить поступки Филипповы и самаго Филиппа, который вопервыхъ совсѣмъ не Грекъ, во-вторыхъ и между варварами не можетъ хвалиться знатнымъ происхожденіемъ; который ничто иное, какъ бѣдный Македонянинъ, родомъ изъ такой земли, откуда и хорошихъ невольниковъ не привозятъ? До какой неслыханной крайности доходитъ его дерзость! . . . .«

Слѣдуютъ указанія на завоеванія Филипповы — Амоpакію, Левкадъ, Коринѳскіе города.

»Что же виною такого безпорядка? Не безъ причины всѣ Греки, нѣкогда ревностные любители независимости, расположены теперь къ раболѣпству. Тогда, сограждане, тогда въ сердцѣ народовъ было то чувство, нынѣ охладѣвшее — чувство, которое торжествовало надъ Персидскимъ золотомъ, хранило вольность Греціи, дѣлало ее побѣдоносною на землѣ и на морѣ, и съ которымъ исчезла ея слава. Какое же было это чувство? Не слѣдствіе утонченной политики, но общая ненависть къ тѣмъ людямъ, которые принимали дары отъ тирановъ Греціи, хотѣвшихъ властвовать, ее угнетать. Тогда надлежало единственно обличить виновнаго; не было извиненія, не было прощенія. Ни витія, ни военачальники не продавали тогда выгодъ своего отечества, ни внутренняго согласія, ни того недовѣренія, которое всѣ Греки должны имѣть къ варварамъ — однимъ словомъ, ничего такого, что утверждаетъ нашу независимость. Теперь все продается; завидуютъ тому, кто болѣе получаетъ; смѣются, когда недостойный гражданинъ самъ признается во мздоимствѣ; прощаютъ, когда другіе обличаютъ его; досадуютъ на тѣхъ, которые возстаютъ противъ общаго разврата; наглое корыстолюбіе боготворимо Греками. Когда состояніе государства было лучше нынѣшняго? У насъ довольно и войска, и кораблей, и денегъ, и всего нужнаго для войны; но (благодаря гнусное корыстолюбіе нашихъ измѣнниковъ!) все остается безъ дѣйствія и безъ пользы для Аѳинъ.«

Примѣръ безкорыстія предковъ, пламенно любившихъ отечество. Далѣе ораторъ предлагаетъ собственное мнѣніе, что̀ должно предпринять въ настоящемъ случаѣ.

»Напрасно силою оружія будете воевать съ царемъ Македонскимъ, если не уймете прежде ораторовъ, его помощниковъ. Вѣрьте, что не можете побѣдить внѣшняго врага, когда внутренніе измѣнники остаются безъ наказанія. Чудесное, непонятное ослѣпленіе! Мнѣ часто кажется, что духъ злобы, какой нибудь враждебный геній непремѣнно хочетъ нашей погибели. Не знаю, сограждане, не знаю, что въ васъ дѣйствуетъ: вѣтренность, зависть, склонность къ сатирѣ или что другое; но вижу, что вы позволяете восходить на каѳедру подкупленнымъ рабамъ, которые не могутъ отпереться отъ этого имени; даете имъ полную свободу говорить и смѣетесь ихъ ядовитымъ насмѣшкамъ надъ ревностными гражданами. Этого еще не довольно: людей безчестныхъ, явныхъ измѣнниковъ, судите вы въ общественныхъ дѣлахъ не такъ строго, какъ ораторовъ благонамѣренныхъ! Вспомните, граждане, вспомните, до какихъ бѣдствій доведены были народы коварными измѣнниками!«

Приводятся извѣстные примѣры народной гибели отъ прислужниковъ Филипповыхъ, купленныхъ его золотомъ. Наконецъ Ораторъ заключаетъ:

»Плаватели должны думать о цѣлости корабля своего тогда, какъ онъ еще можетъ сражаться съ волнами; когда море поглотитъ его, не время будетъ спасаться. Такъ и мы должны дѣйствовать, пока существуемъ, имѣемъ достаточныя силы, способы, славное имя. Какъ же дѣйствовать? Можетъ быть, нѣкоторые хотятъ то слышать въ настоящую минуту. И такъ я предложу свое мнѣніе, чтобы вы, въ случаѣ одобренія, могли исполнить нужное. Прежде всего на-

добно вооружиться, снарядить флотъ, набрать войско, приготовить деньги: Аѳины должны сражаться за независимость и тогда, когда всѣ другіе Греки согласятся раболѣпствовать. . . .«

»Однакожъ не совѣтую вамъ смущать другихъ, если вы сами не хотите ничего дѣлать: смѣшно безпокоиться о постороннихъ дѣлахъ, когда о своихъ не думаемъ, и стращать другихъ будущимъ временемъ, когда мы сами о настоящемъ не заботимся. Но я говорю, что вамъ должно отправить жалованье и помощь нашему Херсонесскому войску, вооружиться первымъ, быть образцами, и потомъ уже сказать другимъ Грекамъ: *слѣдуйте нашему примѣру; спасайте отечество!* Вотъ дѣло, достойное Аѳинской славы! . . .«

»Аѳиняне! я все сказалъ, что, какъ мнѣ кажется, должно поправить наши дѣла. Кто можетъ предложить лучшій совѣтъ, пусть говоритъ! На что бы вы ни рѣшились, желаю вамъ успѣха; желаю блага и славы моему любезному отечеству!«

Заимствуемъ еще отрывки изъ первой Филиппики. »Если бы вы, Аѳиняне«, такъ она начинается, »разсуждали о предметѣ новомъ, я бы позволилъ говорить вашимъ витіямъ; если бы совѣтъ ихъ казался мнѣ справедливымъ, я бы безмолвствовалъ; если бы я находилъ его ложнымъ, предложилъ бы свое мнѣніе. Но вы, послѣ всѣхъ ихъ совѣщаній, обращаетесь къ однимъ и тѣмъ же предметамъ; а потому вы позволите мнѣ говорить прежде нихъ, тѣмъ болѣе, что, если бы въ предъидущихъ разсужденіяхъ преподали они вамъ совѣтъ мудрѣйшій, вы бы не были принуждены разсуждать еще и нынѣ.«

»Унывать ли вамъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сколь бы затруднительны они ни были? Вамъ покажется, можетъ быть, то страннымъ, что̀ я намѣренъ сказать вамъ; но это справедливо. Все, что было виною несчастій вашихъ въ прошедшемъ, должно питать васъ надеждою въ будущемъ. Дѣла ваши идутъ несчастливо отъ того, что вы еще ничего не дѣлали, что̀ надлежитъ дѣлать — и если вы не будете пещись о нихъ, можете ли надѣяться на лучшій жребій? Филиппъ не побѣдилъ Аѳинянъ; онъ побѣдилъ лишь ихъ изнѣженность и безпечность. Вы не были побѣждены, потому что вы еще не противопоставляли усилій къ оборонѣ.«

Эта мысль встрѣчается и въ предъидущей Филиппикѣ, равно какъ и въ другихъ рѣчахъ находимъ повтореніе нѣкоторыхъ мыслей, возобновлявшихся въ ораторѣ при одинакихъ обстоятельствахъ.

»Но если вы начнете разсуждать, какъ Филиппъ разсуждаетъ, по крайней мѣрѣ съ нынѣшняго дня, потому что до сихъ поръ вы этого не дѣлали; если каждый изъ васъ, въ случаѣ надобности, принесетъ себя въ жертву отечеству — богатые предложатъ имущество свое, юные — руки свои — короче, если каждый станетъ дѣйствовать, какъ для себя самаго, дѣйствовать собственными силами, не полагаясь на другихъ: то, съ помощію безсмертныхъ, вы поправите дѣла свои; вы вознаградите утраты, понесенныя отъ вашей безпечности, и вы противостанете Филиппу.«

»Чегожъ вы теперь ожидаете? Гибели? — Но самая ужасная гибель для души благородной есть безчестіе. — Уже ли еще будете бродить по торжищамъ и вопрошать другъ друга: что новаго? —

Что можетъ быть новѣе того, что Македонянинъ побѣдитель Аѳинъ и повелитель Греціи? — Не умеръ ли Филиппъ, спрашиваете вы? Нѣтъ, онъ боленъ. — Что вамъ въ этомъ? Если бы не было его, вы бы произвели другаго Филиппа своею безпечностью и малодушіемъ.«

Заключенія Димосѳеновы большею частію кратки; таково заключеніе и первой Филиппики. »Что касается до меня, никогда не угождающаго вамъ на счетъ вашихъ выгодъ, я принялъ за правило, особливо въ настоящихъ обстоятельствахъ, излагать вамъ мысли свои открыто и чистосердечно. Желалъ бы убѣдиться, что оратору столь же полезно подавать вамъ добрые совѣты, сколь полезно вамъ ихъ слушаться; тогда восходилъ бы я на это мѣсто съ большею довѣренностью. Впрочемъ какія бы ни были слѣдствія моихъ совѣтовъ, я рѣшился вамъ ихъ предложить, увѣренный въ томъ, что ваша собственная польза требуетъ того, чтобъ вы имъ послѣдовали. Да внушатъ вамъ боги избрать совѣтъ, для васъ спасительный (*)!«

Въ бурныхъ правленіяхъ древнихъ развитыя страсти иногда бывали столь сильны, что законы едва могли ихъ обуздывать. Тысячи поразительныхъ позорищъ смѣнялись одно другимъ при торжественныхъ обрядахъ правосудія, которыхъ форма, мѣсто, гдѣ толпился народъ — все подстрекало витію. Огромнѣйшія наши аудиторіи не могутъ сравниться съ тѣми необъятными площадями совѣщательныхъ собраній, гдѣ произносились опредѣленія, рѣшалась участь государствъ, превозносилось могущество Греціи или Рима, предлагались или отмѣ-

---

(*) Переводъ Карамзина.

нялись законы, оштлашались пренія витій. Наконецъ замѣтимъ, что въ этомъ родѣ ораторской рѣчи особенно торжествовала у древнихъ импровизація — даръ и навыкъ говорить безъ приготовленія. Витія долженъ былъ безпрестанно находиться въ готовности къ слову: это его оружіе. Тотъ былъ бы слабый витія, кому бы нужно было уединеніе, для предварительнаго обдумыванія рѣчи, или кто, не владѣя сильною памятью, былъ бы принужденъ читать, а не говорить. Развитіе древняго краснорѣчія въ живыхъ и внезапныхъ формахъ было слѣдствіемъ состязаній; витія возвышался, побѣждая трудности: magna illa eloquentia, sicut ignis, materia alitur et urendo calescit.

Такимъ образомъ разсматриваемое краснорѣчіе служитъ вѣрнымъ изображеніемъ народа, внимавшаго его поученіямъ, и тѣхъ вѣковъ, которые получали отъ него свое значеніе.

Чтеніе двадцать второе.

Судебное краснорѣчіе. — Изящное въ этомъ родѣ рѣчей. — Особенности рѣчей судебныхъ. — Повѣствованіе и доводы. — Разборъ рѣчи Цицероновой за Клуэнція.

Въ предъидущемъ чтеніи мы видѣли условія изящества въ совѣщательномъ краснорѣчіи; большая часть этихъ условій относится и къ судебному, которымъ займемся въ нынѣшнюю бесѣду. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя особенности этого рода.

Вообще рѣчь, назначаемая для каѳедры, отлична отъ рѣчи, произносимой въ судилищѣ. Главный предметъ первой убѣжденіе; цѣль оратора преклонить слушателей на свою сторону, увѣрить въ своемъ мнѣніи, которое онъ почитаетъ справедливѣйшимъ и полезнѣйшимъ. Онъ приводитъ въ дѣйствіе всѣ средства для возбужденія страсти, чтобъ тронуть сердце и просвѣтить разумъ. Главный предметъ рѣчи судебной раскрытіе дѣла и приложеніе къ нему закона. Здѣсь ораторъ не показываетъ судьямъ, что хорошо и полезно, но раскрываетъ имъ, что справедливо и законно: поэтому онъ дѣйствуетъ болѣе на разумъ, и именно только на одинъ разумъ. Не должно терять изъ виду этого существеннаго отличія двухъ родовъ рѣчи.

Сверхъ того судебный ораторъ обращаетъ рѣчь къ одному только, или по крайней мѣрѣ къ небольшому числу судей, извѣстныхъ знаніемъ дѣла и правилами. Еслибы и позволялъ предметъ, не льзя употребить всѣхъ пособій ораторскаго искусства, какъ передъ собраніемъ многочислен-

нымъ людей различнаго состоянія, образованія и характера. Страсти не такъ легко возгораются въ сердцѣ обсуживающаго поступки другихъ; здѣсь оратора слушаютъ съ бóльшимъ хладнокровіемъ; каждое слово его взвѣшиваютъ, и онъ показался бы страннымъ, когда бы рѣшился на рѣчь пламенную, приличную каѳедрѣ и передъ многочисленнымъ собраніемъ.

Предметъ и свойство вопросовъ, разбираемыхъ въ судилищѣ, требуютъ краснорѣчія, совершенно отличнаго отъ краснорѣчія совѣщательнаго. Народное собраніе открываетъ оратору обширнѣйшее поприще; рѣдко подчиненный точнымъ правиламъ, онъ всюду собираетъ доказательства свои, приводитъ всѣ примѣры, какіе только представляетъ ему воображеніе. Но въ судилищѣ предѣлы краснорѣчія ограничиваются законами и положеніями; тутъ нѣтъ игры для воображенія. Ораторъ судебный не можетъ уклоняться отъ назначенныхъ ему границъ; онъ долженъ безпрестанно прилагать законы къ разбираемому предмету.

Очевидно, судебное краснорѣчіе принадлежитъ къ роду болѣе умѣренному и спокойному. Сильныя судебныя рѣчи Димосѳена и Цицерона не могутъ безусловно служить образцами для нашего времени: произнесенныя при производствѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, по многимъ пламеннымъ мѣстамъ, онѣ приближаются къ рѣчамъ совѣщательнымъ, чего не льзя допустить въ нынѣшнемъ судебномъ краснорѣчіи.

Древніе менѣе насъ придерживались точнаго смысла законовъ. Во времена Димосѳена и Цицерона гражданскія постановленія были немногосложны, законовѣдѣніе простѣе и не столь опредѣленно, какъ въ наше время. Рѣшеніе дѣла пре-

доставлялось по большей части благоразумію и справедливости судей, и витіи занимались болѣе изученіемъ краснорѣчія, чѣмъ изученіемъ правъ. Цицеронъ упоминаетъ между прочимъ, что достаточно трехъ мѣсяцевъ для познанія гражданскаго права; онъ даже думалъ, что судебнымъ ораторамъ не нужно глубокое знаніе законовъ. Въ Римѣ было особое сословіе гражданъ, такъ называемыхъ дѣловыхъ людей (*pragmatici*); они пріискивали всѣ законы, относившіеся къ извѣстному предмету, о которомъ надлежало говорить; оратору оставалось облечь эти матеріалы въ приличную форму, украсить ихъ цвѣтами витійства для произведенія желаемаго дѣйствія на судей. Необходимо также замѣтить, что судьи въ Аѳинахъ и Римѣ, въ дѣлахъ важныхъ, составляли многочисленное собраніе. Знаменитый ареопагъ въ Аѳинахъ состоялъ изъ пятидесяти судей. Нѣкоторые писатели принимаютъ еще бо́льшее число. При осужденіи Сократа находилось двѣсти восемьдесятъ голосовъ противъ него. Въ Римѣ, преторъ, главный судья въ тяжебныхъ и уголовныхъ дѣлахъ, въ важныхъ случаяхъ, назначалъ многихъ избранныхъ судей (judices selecti), исправлявшихъ должность собственно судей и присяжныхъ. Дѣло Милона Цицеронъ защищалъ передъ пятидесятью однимъ судьею; поэтому говорилъ предъ многочисленнымъ собраніемъ Римскихъ гражданъ. Тутъ ораторъ могъ употребить съ пользою всѣ пособія совѣщательнаго краснорѣчія. Отъ того и слезы, и возбужденіе состраданія служили средствами убѣжденія. Римляне часто допускали при судопроизводствѣ сцены театральныя. Такъ они приводили въ судъ обвиненнаго въ погребальномъ одѣяніи, со всѣмъ его семей-

ствомъ, съ малолѣтными дѣтьми, для умилостивленія судей слезами и воплями.

Соображая такое различіе древняго и новаго краснорѣчія, согласно съ различными нравами и обычаями древними и нашими, мы заключаемъ о невозможности подражать Цицерону безусловно. Не смотря на это, назначающіе себя къ этому роду краснорѣчія съ пользою могутъ изучать великаго оратора. Ему надобно подражать въ искусствѣ изящныхъ приступовъ, располагающихъ слушателей къ благосклонному вниманію, въ связи и изобразительности повѣствованій, въ ясности и порядкѣ доводовъ. Въ этомъ нѣтъ лучшаго образца. Но послѣдовать его преувеличеніямъ, распространеніямъ, пышному и обильному наложенію, усиленнымъ движеніямъ для возбужденія страсти — столь же странно въ наше время, какъ явиться въ общество въ Римской тогѣ.

Прежде, нежели войдемъ въ подробное изслѣдованіе особыхъ правилъ судебнаго краснорѣчія, почитаемъ нужнымъ замѣтить, что слава и успѣхъ оратора въ этомъ родѣ зависятъ отъ глубокаго знанія дѣла; безъ свѣдѣній о правахъ, какой бы даръ краснорѣчія ни имѣлъ онъ, не приобрѣтетъ довѣренности. Сверхъ того судебный ораторъ долженъ со вниманіемъ разсмотрѣть дѣло со всѣхъ сторонъ, не пропустить ни одного обстоятельства, ни одного случая. Древніе риторы по справедливости почитали это основаніемъ витійства, какое можно было показать при разборѣ дѣла. Цицеронъ (*) говоритъ объ Анто-

(*) De Orat. I. II и Orat. c. 34 и 35. — Principes pour la lecture des Orateurs L. I, ch. 3, sect. 3. — *Zachariae* Anleitung zur gerichtlichen Beredsamkeit. Heidelb. 1810, 8.

нія, что онъ всегда долго разсуждалъ съ кліентомъ, приходившимъ къ нему совѣтоваться; наблюдалъ, чтобы никто не присутствовалъ, при ихъ разговорѣ, для того, чтобъ кліентъ могъ чистосердечно открыться ему во всемъ; дѣлалъ ему различныя возраженія, защищая сперва противную сторону, желая узнать истину и быть готовымъ ко всѣмъ возможнымъ опроверженіямъ, при самомъ сужденіи дѣла. Такимъ образомъ онъ соображалъ обстоятельства и входилъ въ состояніе трехъ лицъ — оратора, судіи и противнаго витіи. Цицеронъ строго обвиняетъ непринимающихъ такихъ же предосторожностей, безъ сомнѣнія затруднительныхъ; онъ не только укоряетъ иныхъ ораторовъ въ нерадѣніи, но и въ злоупотребленіи довѣренности своихъ согражданъ. Съ тѣмъ же намѣреніемъ Квинтиліанъ предлагаетъ наставленія о средствахъ оратора для приобрѣтенія полнаго знанія дѣла, ему поручаемаго. Онъ совѣтуетъ терпѣніе и вниманіе при распрашиваніи кліента, и справедливо замѣчаетъ: »Лучше выслушать даже безполезныя обстоятельства, нежели не знать чего-нибудь такого, что необходимо при изслѣдованіи дѣла. Часто ораторъ открываетъ и недугъ, и лѣкарство въ томъ, что кліентъ неважнымъ почиталъ какъ для себя, такъ и для противной стороны (*).«

И такъ предположимъ, что судебный витія имѣетъ полное знаніе законовъ, что онъ изслѣдовалъ

Boinvilliers Principes et morceaux choisis d'éloquence judiciaire. Par. 1826, 8.

(*) »Non tam obest audire supervacua, quam ignorare necessaria. Frequenter enim et vulnus, et remedium in iis orator inveniet quæ litigatori in neutram partem habere momentum videbantur.« Quint. I. XII, c. 8.

всѣ обстоятельства защищаемаго дѣла: для увѣнчанія его успѣхомъ, необходимъ даръ слова. Пылкость древнихъ рѣчей неумѣстна въ судебномъ краснорѣчіи нашего времени; однако изъ этого не слѣдуетъ, что изученіе ораторскаго искусства безполезно. Дѣйствительно, согласно съ нынѣшнею образованностью, способъ выражаться измѣнился; но изящество въ словѣ остается неизмѣняемымъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ: его-то должно изучать и судебному оратору. Въ другихъ родахъ предметъ самъ по себѣ занимателенъ для слушателей; въ судебномъ краснорѣчіи, при сухости предметовъ, необходимы всѣ средства для поддержанія вниманія слушателей; для усиленія доводовъ и для выразительности каждой части рѣчи. Тутъ даръ слова торжествуетъ. Ораторъ холодный, сухой, сбивчивый, въ сравненіи съ ораторомъ одушевленнымъ, изящнымъ, послѣдовательнымъ, то же, что мракъ и свѣтъ. Таковы дѣйствія краснорѣчія.

Сверхъ того какое обширное поприще представляется въ судебномъ краснорѣчіи для дарованій! — Судебный витія можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ и въ извѣстности, которые неразлучны съ достоинствами. Онъ у всѣхъ предъ глазами; разсуждая о дѣлахъ частныхъ, онъ говоритъ передъ самимъ правосудіемъ. Ни зависть, ни злоба не могутъ поколебать славы того, кто на самомъ дѣлѣ и общественною пользою доказываетъ знанія свои, способности, даръ слова.

Судебное краснорѣчіе, какъ въ рѣчахъ произносимыхъ, такъ и въ дѣловыхъ бумагахъ, требуетъ спокойствія, умѣренности, которыя отражаются въ способѣ выраженія краткомъ и точ-

момъ. Иногда воображеніе оживляетъ сухой предметъ и живописью возбуждаетъ вниманіе слушателей, но этимъ должно пользоваться съ большою умѣренностью; потому что блестящій и обильный слогъ поселяетъ недовѣрчивость въ судія. Украшенія лишаютъ слово силы, заставляютъ подозрѣвать въ неосновательности доводовъ. Чистота и точность выраженій, правильность и ясность — вотъ условія изящества въ этомъ родѣ рѣчей.

Обыкновенно обвиняютъ судебныхъ ораторовъ въ многословіи, къ которому они привыкаютъ, говоря часто безъ надлежащаго приготовленія. Поэтому и здѣсь желающіе блистать должны глубоко обдумывать свои рѣчи. Пусть они привыкаютъ къ слогу сильному и правильному, выражающему въ немногихъ словахъ болѣе, чѣмъ сколько выражаетъ громада длинныхъ и запутанныхъ періодовъ. Такое приготовленіе рѣчей обращается въ навыкъ; при множествѣ дѣлъ, можно съ тою же точностью выражаться и безъ особеннаго приготовленія.

Ясность — главное достоинство рѣчи судебной. Надобно, во-первыхъ, изложить вопросъ, опредѣлить предметъ сужденія, доказательства и опроверженія, показать, гдѣ начинается несогласіе между двумя сторонами; во-вторыхъ, методически расположить всѣ части рѣчи. Послѣдовательное расположеніе нужно во всѣхъ рѣчахъ; но оно необходимо въ запутанныхъ и сомнительныхъ вопросахъ, разбираемыхъ въ судилищѣ: здѣсь все зависитъ отъ изящнаго расположенія. Прежде всего должно составить себѣ планъ рѣчи; при малѣйшемъ безпорядкѣ, убѣжденіе

достигается и защищеніе не прольетъ свѣта на излагаемое дѣло.

Повѣствованіе, или часть историческая, въ судебныхъ рѣчахъ должна быть по возможности кратка. Чтобъ судить о справедливости дѣла, надобно помнить всѣ его обстоятельства; но когда ораторъ утомляетъ слушателей длиннымъ разсказомъ, когда онъ затемняетъ повѣствованіе ненужными подробностями; тогда обременяется память. Напротивъ, опущеніе излишнихъ обстоятельствъ придаетъ болѣе силы обстоятельствамъ существеннымъ, ставитъ ихъ въ большемъ свѣтѣ и производитъ разительнѣйшее впечатлѣніе. Что касается до элемента философскаго, или доказательствъ, онъ требуетъ здѣсь полнаго развитія, между тѣмъ какъ въ рѣчахъ совѣщательныхъ, гдѣ предметъ бываетъ простъ и несложенъ, доказательства общія и краткія сильнѣе дѣйствуютъ. Судебные же вопросы необходимо разсматривать съ различныхъ сторонъ для того, чтобъ слушатели въ состояніи были обнять ихъ совершенно. Въ опроверженіи доказательствъ, приводимыхъ противникомъ, да остерегается ораторъ представлять ихъ въ ложномъ видѣ. Такой способъ опроверженія скоро замѣчается, и поселяетъ недовѣрчивость. Но должно со всею точностью и добросовѣстностью показать опроверженіе, и потомъ излагать свои доказательства. Тогда раждается въ слушателяхъ довѣренность къ чистотѣ намѣреній оратора и къ его познаніямъ. Судіи располагаются къ принятію впечатлѣній, производимыхъ ораторомъ, убѣжденнымъ въ справедливости своей стороны. Ни въ одной части защитительной рѣчи судебный витія не имѣетъ удобнѣйшаго случая показать свой талантъ, какъ

шамъ, гдѣ излагаетъ передъ судьями доказательства своего противника, и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ опровергаетъ.

Острота можетъ быть съ пользою употреблена въ этомъ родѣ рѣчей, особенно если въ живомъ возраженіи показывается странная сторона доказательствъ противныхъ. Сколь ни лестно впрочемъ для юнаго оратора прослыть остроумнымъ, не должно полагаться на это средство, какъ на успѣшнѣйшее. Цѣль его — произвести убѣжденіе, а не забавлять слушателей; остроты рѣдко, даже никогда не возвышали ораторовъ на высшую степень славы.

Здѣсь, равно какъ и въ другихъ родахъ рѣчей, допускается въ ораторѣ теплота чувства. Правда, что сила рѣчи приличнѣе въ словѣ, обращенномъ къ многочисленному собранію; но чувство, внушаемое участіемъ въ дѣлѣ и собственнымъ убѣжденіемъ, вездѣ служитъ могущественнымъ средствомъ къ убѣжденію другихъ. Ораторъ есть представитель своего кліента; онъ принимаетъ на себя всѣ его обязанности, заступаетъ его мѣсто; поэтому не прилично, даже противно его пользѣ, быть холоднымъ и равнодушнымъ. Многіе ли захотятъ повѣрить участь свою человѣку, защищающему ихъ хладнокровно?

Впрочемъ судебный ораторъ не можетъ расточать чувствительность свою на всѣ дѣла, ему повѣряемыя: этому званію свойственно особое достоинство характера, которое должно въ немъ проявляться. Одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ убѣжденія есть доброе имя того, кто хочетъ другихъ убѣждать (*). Слушателямъ почти не воз-

(*) »Plurimum ad omnia momenti est in hoc positum, si vir bonus creditur. Sic enim contingit, ut non studium

можно отдѣлить впечатлѣнія, производимаго предметомъ сужденія, отъ мнѣнія о характерѣ оратора. Мы не сознаемся, но какъ бы противъ воли болѣе или менѣе убѣждаемся доказательствами оратора, смотря по вліянію на насъ этого мнѣнія. Къ обязанностямъ ораторскимъ принадлежитъ стараніе беречь доброе имя и выборомъ дѣлъ, и способомъ ихъ защищенія. Руководствомъ въ этомъ да послужатъ правила добросовѣстности, которыхъ святое исполненіе есть долгъ каждаго честнаго человѣка. Да не принимаетъ на себя добросовѣстный ораторъ защищенія дѣлъ ненавистныхъ и очевидно несправедливыхъ; въ сомнительныхъ вопросахъ да покажетъ безпристрастіе, и негодованіе тамъ, гдѣ несправедливость осязательна.

Вотъ правила, необходимыя оратору, посвящающему себя судебному краснорѣчію. Чтобы пролить большій свѣтъ на этотъ предметъ, разсмотримъ одну изъ судебныхъ рѣчей Цицерона, именно рѣчь за Клуэнція. Здѣсь витія болѣе умѣренъ, нежели въ рѣчи за Милона, правиленъ и силенъ; изящное развитіе доводовъ заслуживаетъ особенное вниманіе.

Авитъ Клуэнцій, Римскій всадникъ, знаменитаго рода и обладавшій огромнымъ богатствомъ, обвинялъ своего отчима въ злоумышленіи отравить его. Обвиненіе найдено было справедливымъ: и Оппіаникъ осужденъ на изгнаніе. Но распространился слухъ, будто судьи были подкуплены; скоро этотъ слухъ обратился въ народную молву, и Клуэнцій сталъ предметомъ всеобщей ненависти. Восемь лѣтъ спустя, Оппіаникъ умеръ.

---

advocati videatur afferre, sed pæne testis fidem.« Quint. lib. IV, cap. I.

Клуэнцій въ свою очередь былъ обвиненъ въ отравленіи его и въ подкупленіи судей, обвинившихъ его отчима. Обвинителями были: Сассія, мать Клуэнція и жена Оппіаника, и молодой Оппіаникъ, ихъ сынъ. Судъ производилъ преторъ Назонъ со многими избранными судіями. — Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ Цицеронъ принялъ на себя защищеніе Клуэнція.

Приступъ приличенъ и простъ; онъ заимствованъ не изъ общихъ мѣстъ, неопредѣленныхъ и всѣмъ знакомыхъ, но изъ сущности самаго дѣла. Цицеронъ разлагаетъ рѣчь обвинителя на двѣ части: въ первой кліентъ его былъ обвиняемъ въ отравленіи Оппіаника; но какъ на это нельзя было представить вѣрныхъ доказательствъ, то эта часть краткая; во второй обвинители настаивали болѣе на преступленіе подкупа судей Оппіаника — преступленіе, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ Римскими законами наказывалось смертію. Цицеронъ въ рѣчи своей слѣдуетъ этому порядку, и въ особенности оправдываетъ Клуэнція въ послѣднемъ обвиненіи. Тутъ же замѣчаетъ онъ объ опасности, какой подвергаются судьи народною молвою, которая часто возбуждается извѣстною стороною противъ людей совершенно безвинныхъ. Отъ такой молвы Клуэнцій терпѣлъ долговременные и жестокіе упреки послѣ осужденія его отчима; проситъ только терпѣнія и вниманія судей, обѣщаясь изложить имъ всѣ обстоятельства дѣла со всею точностію и ясностію; одного простаго изложенія достаточно для оправданія обвиняемаго. Весь этотъ приступъ естественъ и приличенъ.

Преступленія, приписываемыя Клуэнцію, ненавистны. Мать обвиняетъ сына, и обвин—

его въ несправедливомъ осужденіи мужа своего подкупомъ судей, и въ отравленіи изгнаннаго имъ Оппіаника. Все это порождало сильное предубѣжденіе противъ кліента Цицеронова. Поэтому ораторъ прежде всего долженъ былъ уничтожить невыгодныя предубѣжденія, показать, каковы были и мать Клуэнція и Оппіаникъ, ея супругъ, дабы на нихъ обратить народное негодованіе. По содержанію и обстоятельствамъ обвиненій, такъ слѣдовало защищать его; такъ должно бы говорить и въ наше время въ подобномъ случаѣ. Цицеронъ развиваетъ дѣло въ этомъ порядкѣ краснорѣчиво и сильно. Онъ представляетъ картину преступленій и нечестія, дающихъ ужасное понятіе о нравахъ того времени; мы не повѣрили бы этому, если бы ораторъ не подтверждалъ словъ своихъ указаніями достовѣрными.

Открывается, что Сассія была женщина безнравственная. Немного спустя послѣ смерти перваго своего супруга, отца Клуэнція, она неравнодушна была къ Аврію Мелину, зятю своему, богатому и знатнаго рода молодому человѣку, убѣдила его развестись съ его женою, а своею дочерью, и сама вышла за него за мужъ. Мелинъ, жертва доноса Оппіаника, попалъ въ число конскриптовъ Силлы и умерщвленъ. Тогда Оппіаникъ предложилъ ей руку. Вотъ слова Цицерона: »То брачное ложе, которое за два года предъ тѣмъ, дочери своей, выходившей за мужъ, готовила, въ томъ же самомъ домѣ приказываетъ готовить и украшать для себя, изгнавъ и удаливъ отъ мужа свою дочь. Выходитъ за зятя теща, не испросивъ ни чьего на то соизволенія, при общемъ предвѣщаніи бѣдствій. Невѣроятное преступленіе женщины, никогда неслыханное! Безстыдство необыкновенное!

Не устрашиться ни кары божеской, ни людскихъ осужденій, ни даже роковой ночи и брачныхъ свѣточей — не устрашиться ни опочивальни, ни дочернина ложа, ни стѣнъ, свидѣтельницъ прежняго брака! Сассія все ниспровергла и презрѣла изъ порочнаго неистовства; въ ней стыдъ подавленъ чувственностью, страхъ дерзостью, разсудокъ омраченъ изступленіемъ.« Обстоятельства дѣла извиняютъ этотъ порывъ оратора. Вмѣсто того, чтобы возгнушаться мысли, соединиться съ человѣкомъ, обагреннымъ кровью ея супруга, она согласилась на предложеніе, затрудняясь только тѣмъ, что у Оппіаника были два сына при живой женѣ. Оппіаникъ уничтожилъ и это препятствіе: приказалъ тайно умертвить обоихъ своихъ сыновей, съ женою развелся и вступилъ въ гнусный бракъ съ Сассіею. Эти ужасныя нечестія изобразилъ Цицеронъ самыми яркими красками. Клуэнцій прекратилъ всѣ сношенія съ женщиною, носившею только имя матери и покрывшею безчестіемъ себя и семейство, къ которому принадлежала. Отсюда ненависть матери къ сыну и всѣ несчастія Клуэнція. Цицеронъ бѣгло обозрѣваетъ жизнь Оппіаника, представляя его человѣкомъ дерзкимъ, жестокимъ, ненавистнымъ по корыстолюбію и честолюбію, и закоснѣвшимъ въ злодѣйствахъ бѣдственныхъ временъ Марія и Силлы. Вмѣсто того, говоритъ ораторъ, чтобы удивляться осужденію Оппіаника, должно дивиться, какъ могъ онъ укрываться столь долгое время отъ преслѣдованія законовъ.

Приготовивъ слушателей яснымъ и изящнымъ разсказомъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Цицеронъ приступаетъ къ исторіи знаменитаго процесса — обвиненія кліента своего въ подкупѣ

судей. Клуэнцій и Оппіаникъ были оба уроженцы города Ларинiума. Въ преніяхъ о правахъ гражданъ этого города они были противныхъ мнѣній, чѣмъ увеличилось несогласіе, существовавшее между ними. Сассія, по послѣднему браку супруга Оппіаника, побуждала мужа избавить ее отъ сына, котораго она смертельно ненавидѣла за то, что ему извѣстны были всѣ ея преступленія. Притомъ, такъ какъ Клуэнцій тогда не сдѣлалъ еще завѣщанія, отчимъ и мать его надѣялись, по смерти его, быть его наслѣдниками. Для этого они рѣшились его отравить. Подробности прежней жизни ихъ удостовѣряютъ въ этомъ намѣреніи. Занемогаетъ Клуэнцій; они задумываютъ подкупить слугу его врача; Фабрицій, искренній другъ Оппіаника, взялъ на себя уладить это дѣло. Слуга открылъ все. Клуэнцій сперва преслѣдовалъ Скамандра, отпущенника Фабриція, у котораго въ рукахъ нашли ядъ; потомъ обвинилъ и Фабриція въ покушеніи на его жизнь. Скамандръ и Фабрицій были осуждены почти единогласно.

Ораторъ входитъ во всѣ подробности этихъ двухъ предварительныхъ рѣшеній, по случаю которыхъ не возникло ни малѣйшаго подозрѣнія о подкупѣ судей. Въ этихъ двухъ приговорахъ Оппіаникъ явно признанъ виновникомъ умысла отравленія; Скамандръ и Фабрицій служили только орудіями и исполнителями его намѣреній. Естественно, Клуэнцій началъ третье обвиненіе противъ Оппіаника, виновника преступленія. Въ этомъ послѣднемъ процессѣ, какъ говорили, были подкуплены судьи. По всему Риму распространился этотъ слухъ, всѣ страшились за безопасность жизни, при потворствѣ подобнымъ ужаснымъ покушеніямъ. Посмотримъ на доказательства, при-

водимыя Цицерономъ въ защищеніе Клуэнція въ столь тяжкомъ обвиненіи (crimen corrupti judicii).

Онъ доказываетъ сначала, что не было ни малѣйшей причины къ такому подозрѣнію; потому что осужденіе Оппіаника было прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ приговоровъ, произнесенныхъ надъ Скамандромъ и Фабриціемъ. Это осужденіе вело къ открытію преступленія Оппіаника. Когда исполнители злостныхъ намѣреній были осуждены, то какъ могъ избѣгнуть осужденія отъ тѣхъ же судей Оппіаникъ, виновникъ преступленія? Не явно ли, тогда бы судьи противорѣчили сами себѣ?

Потомъ ораторъ показываетъ, что въ этомъ процессѣ, если судіи и были подкуплены, то не Клуэнціемъ, а Оппіаникомъ. Не говоря о различіи характеровъ Клуэнція и Оппіаника, изъ которыхъ одинъ былъ добродѣтеленъ, другой запятнанъ всѣми пороками — какую пользу могъ имѣть Клуэнцій, рѣшиться на такой гнусный и вмѣстѣ опасный поступокъ? Кто чувствовалъ себя въ величайшей опасности по очевидности обвиненія, кто страшился лишиться имущества, свободы, жизни; тотъ скорѣе могъ прибѣгнуть къ послѣднему средству избавленія, чѣмъ человѣкъ, котораго дѣло было право само по себѣ, и который не могъ сомнѣваться въ успѣхѣ своихъ показаній, и не имѣлъ никакихъ другихъ выгодъ, кромѣ желанія справедливости.

Наконецъ Цицеронъ утверждаетъ, что Оппіаникъ покушался подкупить судей, и что въ этомъ процессѣ подкупъ, надѣлавшій столько шуму, былъ употребленъ не Клуэнціемъ, но Оппіаникомъ. Титъ Аттій былъ ораторомъ противной стороны; Цицеронъ вопрошаетъ его: можетъ

ли онъ опровергнуть, что Сталенъ, одинъ изъ тридцати двухъ судей, назначенныхъ преторомъ, принялъ деньги отъ Оппіаника; опредѣляетъ даже сумму и называетъ свидѣтелей, когда Сталенъ, послѣ неблагопріятнаго для Оппіаника рѣшенія, долженъ былъ ихъ возвратить. Это главное и, кажется, рѣшительное показаніе; но одно обстоятельство ослабило его важность: этотъ самый Сталенъ подалъ голосъ противъ Оппіаника. Какъ же Цицеронъ объясняетъ такое странное дѣйствіе? »Сталенъ, говоритъ онъ, былъ извѣстенъ за человѣка сомнительной честности и съ давняго времени привыкшаго къ подобнымъ низостямъ. Онъ условился съ Оппіаникомъ и взялъ съ него сумму, которою долженъ былъ подѣлиться съ другими судіями. Получивъ столько денегъ, сколько онъ никогда еще не имѣлъ, пожалѣлъ подѣлиться ими съ товарищами, вздумалъ присвоить ихъ себѣ — и объявилъ себя противъ Оппіаника, вмѣсто того, чтобы защищать его: онъ полагалъ, что осужденный не осмѣлится потребовать обратно своихъ денегъ. Сначала онъ не хотѣлъ-было присутствовать при произношеніи приговора; но, вызванный присяжными Оппіаника къ рѣшительному засѣданію, онъ долженъ былъ подать голосъ. И чтожъ онъ сдѣлалъ? Подалъ голосъ противъ того, отъ кого принялъ деньги, чтобы удалить отъ себя всякое подозрѣніе.«

Этимъ убѣдительнымъ повѣствованіемъ Цицеронъ обѣляетъ Клуэнція, и безчестный подкупъ слагаетъ на его противника. Такимъ образомъ предубѣжденіе противъ Клуэнція уничтожено. Оставалось еще рѣшить труднѣйшую часть дѣла. Преторъ, цензоры и сенатъ подозрѣвали судей

Оппіаника; если Оппіаникъ, говорили, подкупилъ Сшалена: шо почему Клуэнцій не могъ шого же сдѣлашь? Цицеронъ опровергаешъ эшо предположеніе ясно и сильно. Онъ доказываешъ, что всѣ обсшояшельсшва шогда еще не были совершенно извѣсшны; что рѣшенія были сдѣланы наскоро; что ни одно не содержишъ прямыхъ заключеній прошивъ его кліенша, и что подозрѣнія произошли ошъ народнаго шрибуна, Квинція, покровишельсшвовавшаго Оппіанику: эшошъ Квинцій, проигравъ процессъ свой, сшарался навлечь грозу на судей, произнесшихъ приговоръ его кліеншу, Оппіанику.

Тушъ Цицеронъ разбираешъ законъ, ошносящійся къ эшому процессу. Подкупишь судей счишалось уголовнымъ преступленіемъ. Извѣсшный законъ: *Cornelia de sicariis*, заключалъ посшановленіе: Qui judicem corruperit, vel corrumpendum curaverit, hac lege teneatur. Однако Цицеронъ говоришъ намъ, что эшо посшановленіе ошносилось шолько къ сановникамъ и сенашорамъ, а Клуэнцій, какъ всадникъ, еслибъ и уличенъ былъ въ подкупѣ, не подвергался бы эшому закону. Тушъ Орашоръ показываешъ весь свой шаланшъ—любопышно выслушашь его самого: »Знаю, что шы, Тишъ Аттій, увѣрялъ всѣхъ, будшо я, при защищеніи кліенша своего, не сшану опровергашь самаго дѣла и доказывашь его справедливосшь, а ограничусь шолько приложеніемъ закона къ пощадѣ обвиняемаго. Такъ ли посшупилъ я, свидѣшельсшвуюсь шобою самимъ. Ограничился ли я шолкованіемъ смысла закона? Напрошивъ, не говорилъ ли я за кліенша своего, какъ за сенашора, подвергающагося закону Корнеліеву? Не показалъ ли я, что нѣшъ ни уликъ, ни свидѣшельсшвъ прошивъ него досшовѣрныхъ? Въ эшомъ я посшупилъ согласно съ желаніемъ Клуэн-

ція: когда онъ совѣтовался со мною объ этомъ дѣлѣ, и узналъ отъ меня, что на него не распространяется законъ Корнеліевъ; тогда же просилъ меня не основывать на этомъ всего защищенія; со слезами говорилъ, что для него честь столь же дорога, какъ и жизнь; что, чувствуя безвинность свою, онъ желаетъ не только избѣгнуть наказанія, но и оправдаться передъ согражданами.«

»До сихъ поръ я слѣдовалъ желанію кліента; теперь онъ долженъ уступить мнѣ: я поступилъ бы противъ совѣсти, противъ законовъ отечественныхъ, если бы допустилъ неправосудный приговоръ гражданина. Правда, говоришь ты, постыдно Римскаго всадника избавлять отъ преслѣдованія закона, которому подвергается сенаторъ, за подкупъ судей; но если бы мы и согласились въ этомъ съ тобою, ты бы и тогда долженъ былъ сознаться, что еще постыднѣе въ государствѣ, управляемомъ законами, попирать законы. Какая бы оставалась безопасность для нашей личности и для нашихъ правъ, если бы мы не благоговѣли предъ закономъ? Почему Назонъ занимаетъ это мѣсто и предсѣдательствуетъ; почему мы съ тобою, Аттій, являемся здѣсь, ты обвинителемъ, а я защитникомъ? Отъ чего вся эта торжественность, все великолѣпіе, эти судьи, ликторы? Не законъ ли далъ намъ всѣ эти права? Не законъ ли правитъ всѣми частями государства, служитъ имъ общею связью и располагаетъ всѣми дѣйствіями народными, какъ душа тѣломъ? И какъ дерзнулъ ты говорить съ такимъ небреженіемъ о законѣ, предлагать судіямъ, въ уголовномъ производствѣ, отступленіе отъ предписаній закона? Мудрые предки наши сенаторовъ и высшихъ санов-

никовъ, пользующихся бо́льшими выгодами въ сравненіи съ прочими гражданами, подчинили и строжайшимъ законамъ, да ихъ нравы пребудутъ во всей чистотѣ и непоколебимой честности. Но если ты находишь полезнымъ измѣнить это постановленіе; если думаешь, что строгость Корнеліева закона относительно подкупа судей должна простираться на всѣ сословія: то станемъ вмѣстѣ домогаться замѣнить этотъ законъ новымъ. И Клуэнцій будетъ въ числѣ пламенно желающихъ такого распространенія — Клуэнцій, который и теперь, при нынѣшнемъ положеніи, отказывается отъ его защиты, хочетъ быть оправданъ, хотя бы законъ и на него простирался. Но онъ можетъ желать этого; а вашъ долгъ, судіи, не выводить закона изъ предѣловъ, самимъ закономъ назначенныхъ.«

Таковы доводы и опроверженія Цицерона, краснорѣчивые, сильные, неопровержимые.

Въ послѣдней части рѣчи ораторъ занимается опроверженіемъ другаго обвиненія: будто Клуэнцій намѣревался отравить Оппіаника. Кажется, сами обвинители мало настаивали на это обвиненіе; главною цѣлію ихъ было поразить Клуэнція обвиненіемъ въ подкупѣ судей. Ораторъ также недолго останавливается на этой части дѣла. Онъ доказываетъ невѣроятность всего, что утверждали о мнимомъ отравленіи, и выводитъ слѣдствіе о неосновательности доказательствъ.

Посмотримъ на заключеніе. Тутъ Цицеронъ столь же простъ и умѣренъ, какъ и во всей этой рѣчи; онъ и выражается съ большимъ жаромъ и участіемъ въ дѣлѣ, но безъ всякой на-

пыщенности и принужденности. Два предмета составляютъ содержаніе заключенія: негодованіе на характеръ и поведеніе Сассіи, и сострадание, заслуживаемое сыномъ, который во всю жизнь преслѣдуется матерью. Ораторъ исчисляетъ преступленія Сассіи, ея безпорядочную жизнь, безстыдство, презорное замужство, наглости, жестокости; изображаетъ яркими красками остервенѣніе ея и преслѣдованія; описываетъ ея внезапное прибытіе въ Римъ, съ многочисленною свитою и большими суммами денегъ, чтобы погубить несчастнаго сына. Но она уже была такъ ненавидима всѣми, что во время этого путешествія никто не оставался въ томъ домѣ, гдѣ она останавливалась; всѣ избѣгали ея; казалось, боялись ея присутствія и даже ея взглядовъ; не смѣли войти въ домъ послѣ ея отъѣзда. Этому изображенію противополагается благородный, откровенный и честный характеръ Клуэнція; приводятся въ его пользу свидѣтельства, выданныя ему отъ его города, подтвержденныя стекшимися въ Римъ согражданами его, готовыми подкрѣпить все, что говорено было о его достоинствахъ.

Обращаясь къ судіямъ, Цицеронъ заключаетъ: »Если для васъ, судіи, ненавистно злодѣяніе; то остановите торжество порочной женщины; не попустите, чтобъ мать, вопреки природѣ, утѣшалась пролитіемъ сыновней крови. Если вамъ любезна добродѣтель, прострите руку помощи этому несчастному, въ продолженіе столькихъ лѣтъ подвергающемуся несправедливымъ упрекамъ по ненавистнымъ клеветамъ Сассіи, Оппіаника и ихъ единомышленниковъ. Онъ не столько бы несчастливъ былъ, если бы погибъ отъ яда Оппіаникова, нежели теперь, избѣгнувъ крово-

жадныхъ убійцъ, мучимый ужасными и несправедливыми подозрѣніями. Но полагаясь на ваше правосудіе и великодушіе, со всею довѣренностію, при гласности дѣла своего, онъ увѣренъ, что вы рѣшеніемъ вашимъ возстановите его честь. Вы возвратите его друзьямъ, возвратите соотечественникамъ, которые здѣсь, передъ вами, свидѣтельствуютъ объ уваженіи, какое къ нему питаютъ. Справедливое рѣшеніе ваше докажетъ, что иногда въ народныхъ собраніяхъ торжествуетъ клевета, въ судилищахъ же всегда господствуетъ истина.«

Вотъ краткое содержаніе рѣчи Цицероновой за Клуэнція. Мы хотѣли въ особенности показать ея расположеніе, порядокъ и послѣдовательность мыслей, доводы и опроверженія. Для подробнѣйшаго изученія искусства ораторскаго, необходимо чтеніе подлинника. Изъ числа всѣхъ рѣчей немногія содержатъ столь много обстоятельствъ и разныхъ доводовъ, сколько встрѣчаемъ въ этой рѣчи; а потому она можетъ служить превосходнымъ образцомъ изящной рѣчи по *порядку* мыслей, *изобразительности* описаній и повѣствованій, и по *движеніямъ* чувства.

Чтеніе двадцать третіе.

Духовное краснорѣчіе. — Отличительныя свойства этого рода внутреннія и внѣшнія. — Изящное въ проповѣди. — Виды духовнаго краснорѣчія. — Части проповѣди. — Образцы.

Приступаемъ къ изслѣдованію *духовнаго* краснорѣчія, общаго всѣмъ просвѣщеннымъ народамъ міра Христіанскаго. Неоспоримое преимущество проповѣди передъ другими родами рѣчей состоитъ въ важности и достоинствѣ ея содержанія: она увлекательна и дѣйствуетъ на сердце, допускаетъ украшенія въ описаніяхъ, теплоту и силу чувства въ изложеніи. Проповѣдникъ имѣетъ и другія преимущества: онъ обращается не къ одному или нѣсколькимъ судіямъ, но къ многочисленному собранію, не смущается опроверженіями; ему нѣтъ надобности всегда говорить безъ приготовленія, и потому онъ заранѣе можетъ вполнѣ обдумать свой предметъ.

Духовное краснорѣчіе, представляя оратору многія выгоды, имѣетъ также свои трудности. Проповѣдникъ не имѣетъ себѣ противника; но вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ возможности возбуждать вниманіе и чувство, какъ это бываетъ въ преніяхъ народныхъ и судебныхъ рѣчахъ. Свободно произнося съ каѳедры, онъ увѣренъ въ достиженіи цѣли своей; но предметы его рѣчей, хотя важные и возвышенные, всѣмъ извѣстны. Многіе витіи въ теченіе вѣковъ о нихъ разсу-

ждали; нашъ слухъ такъ привыкъ къ этимъ предметамъ, что одинъ только гeній можетъ возбудить наше вниманіе. Всего труднѣе въ искусствѣ сообщить предмету обыкновенному занимательность новости. Тамъ всего болѣе выказывается дарованіе, гдѣ достоинство сочиненія зависитъ только отъ одного исполненія, гдѣ не излагаются новыя свѣдѣнія, не убѣждаемся въ новыхъ истинахъ, но гдѣ всѣмъ знакомое представляется сильно и поразительно для ума и чувства. Отъ того духовное краснорѣчіе доступно немногимъ по трудности исполненія. Здѣсь должно говорить о томъ, о чемъ было уже говорено и что всѣ напередъ угадываютъ; содержаніе важно, но слишкомъ извѣстно; положенія вѣрны, но слушатели проникаютъ въ ихъ слѣдствія;. притомъ многіе ли способны разсуждать о возвышенныхъ предметахъ духовныхъ? Проповѣдникъ не поддерживается, какъ ораторъ судебный, новыми дѣлами, разнообразными происшествіями и неслыханными случаями; онъ не рѣшаетъ сомнительныхъ вопросовъ; у него не имѣютъ силы натянутыя догадки и предположенія, хотя все это возвышаетъ дарованіе, даетъ ему порывъ и твердое направленіе. Онъ долженъ напротивъ того заимствовать свою рѣчь изъ общаго для всѣхъ источника; если же удаляется отъ него, то перестаетъ быть понятнымъ, становится отвлеченнымъ декламаторомъ. Проповѣдывать въ храмѣ легче, нежели говорить въ судилищѣ; но изящно проповѣдывать труднѣе, нежели искусно защищать кліента. Притомъ содержаніе проповѣдей большею частію отвлеченно: въ нихъ описываются добродѣтели и пороки; предметы же другихъ рѣчей составляютъ лица, что простѣе для слушателей и сильнѣе дѣйствуетъ на нихъ.

воображеніе. Проповѣдникъ долженъ возбуждать негодованіе къ пороку, а ораторъ судебный — ненависть къ преступнику; говоря о лицахъ, передъ нами находящихся, онъ легко возбуждаетъ въ насъ негодованіе. Вотъ почему много проповѣдниковъ, но мало проповѣдей творческихъ. Духовное краснорѣчіе новое слишкомъ далеко отъ краснорѣчія Отцевъ Церкви; потому что ни въ одномъ искусствѣ оно не достигается съ бо́льшимъ трудомъ. При всемъ томъ это краснорѣчіе, высокое по основному элементу, достойно нашего изученія (*).

Можетъ быть, нѣкоторые возразятъ, что проповѣдь не должна витійствовать и что въ краснорѣчіе облекаются только предметы обыкновенной жизни человѣческой. Истины вѣры, скажутъ, чужды искусства; чѣмъ проще онѣ излагаются, тѣмъ сильнѣе на насъ дѣйствуютъ. Но это скажутъ только тѣ, которые почитаютъ краснорѣчіе искусствомъ ослѣпляющимъ и обманчивымъ, суетнымъ изученіемъ словъ и велерѣчивыхъ доказательствъ, имѣющихъ цѣлію только нравиться и угождать нашему слуху. Начиная бесѣдовать о Словесности, мы говорили объ этомъ ложномъ мнѣніи. Краснорѣчіе есть искусство представлять истину ясно

(*) Principes pour la lecture des orateurs, l. I. ch. III. sect. 4. — *Maury* Essai sur l'éloquence de la chaire, Par. 1810, 2 voll. 8. — J. J. *Chenevière* Observations sur l' éloquence de la chaire; Geneve, 1824. 8. — Vier Abhandlungen über einige wichtige und gemeinnützige Wahrheiten der Homiletik, von *Spalding*, *Salzmann* und *Resewitz;* Berl, 1783. 8. — A. N. *Niemeyer's* Handbuch für christliche Religionslehrer; Halle, 1805 — 7. 2 Bænde, 8. — C. F. *Ammon's* Handbuch der Anleitung zur Kanzelberedsamkeit; Nürnberg, 1826. 8. — J. A. H. *Tittmann* Lehrbuch der Homiletik; Leipz. 1824. 8.

и убѣдительно: объ этомъ же долженъ заботиться и проповѣдникъ Евангелія; потому что отъ его дара слова зависитъ успѣхъ поученія. Подтвержденіемъ этому служатъ Отцы православной Церкви нашей, которыхъ слова представляютъ примѣры высокаго и убѣдительнаго краснорѣчія.

Прежде всего должно имѣть вѣрное понятіе о цѣли проповѣди. Тотъ не достигнетъ совершенства ни въ какомъ искусствѣ, кто не постигнетъ ясно его предмета и назначенія. — Цѣль проповѣди убѣжденіе въ необходимости самосовершенствованія; поэтому проповѣдь должна быть рѣчью убѣдительной, хотя проповѣдникъ можетъ также наставлять и размышлять. Убѣжденіе, какъ мы уже замѣтили, основывается на доказательствахъ: для возбужденія сильнаго чувства нужно просвѣтлѣніе разума. Тотъ не можетъ дѣйствовать на страсти и поступки людей, кто не озаритъ новымъ свѣтомъ ихъ ума, не внушитъ имъ любви къ истинѣ; тотъ удивитъ только на одно мгновеніе, и не оставитъ въ душѣ глубокаго впечатлѣнія. Всѣ наставленія проповѣдника должны имѣть примѣненіе къ жизни; убѣжденіе главный его предметъ. Не для объясненія темнаго мѣста въ наукѣ произноситъ онъ слово, не для истолкованія какихъ-либо отвлеченныхъ понятій, не для сообщенія новостей, которыхъ никто еще не слыхалъ; но для внушенія людямъ чувствъ добра, для проясненія имъ истинъ Вѣры, проповѣдникъ производитъ въ слушателяхъ впечатлѣнія поразительныя. Одно изъ первыхъ условій проповѣди простота; не приноравливаться ко вкусу и предразсудкамъ народа, но дѣйствовать на умъ даже простолюдиновъ, проникать въ сокровенные изгибы сердца и овладѣвать имъ совершенно. Смѣло

можно сказать, что отвлеченное поученіе, которому мы иногда удивляемся, есть поученіе невѣрное, удаляющееся совершенно отъ назначенія проповѣди. Справедливо, что долгъ проповѣдника всегда говорить разсудку и ясно изображать слушателямъ предметы, имъ излагаемые, занимать ихъ мыслями, а не словами; но одно здравое сужденіе безъ способности убѣждать не составляетъ еще краснорѣчія.

И такъ если цѣль проповѣди — нравственное убѣжденіе; ясно, что проповѣдникъ долженъ быть самъ высокой нравственности. Мы уже доказывали, что только тотъ краснорѣчивъ, кто говоритъ по собственному чувству и убѣжденію »veræ voces ab imo pectore.« Это правило въ особенности касается до рѣчей духовныхъ. Здѣсь отъ оратора необходимо требуется внутреннее сознаніе истины и важности тѣхъ правилъ, которыя онъ сообщаетъ слушателямъ; мало созерцать ихъ, надобно быть глубоко ими проникнуту. Такое чувство придаетъ силу и вѣсъ его увѣщаніямъ; оно прольетъ въ слушателей животворную теплоту благочестія, котораго дѣйствія превышаютъ всякое искусственное витійство; никакія усилія не замѣнятъ этого чувства; безъ него они только пустой звукъ. Истинный духъ благочестія предохранитъ проповѣдника отъ подобныхъ погрѣшностей, сообщитъ рѣчи убѣдительность и поученіе, воздержитъ его отъ рѣчей напыщенныхъ, имѣющихъ цѣлію тщеславіе или удовольствіе. Трудность быть проникнуту чувствами благочестія, какихъ требуетъ проповѣдь, и вмѣстѣ съ тѣмъ соединить даръ слова и глубокое познаніе свѣта, можетъ быть, есть одна изъ причинъ рѣдкости великихъ проповѣдниковъ.

Отличительныя качества духовнаго краснорѣчія передъ другими родами есть возвышенность и теплота чувства. Первая зависитъ отъ сущности предметовъ, а вторая отъ важности истинъ вѣры для всѣхъ и каждаго. Немногіе совмѣщаютъ оба эти качества: преимущество одного можетъ перейти въ непріятное однообразіе, а преимущество другаго походитъ на искусственность и отнимаетъ у рѣчи все величіе. Проповѣдникъ долженъ обладать обоими качествами, какъ въ сочиненіи рѣчи, такъ и въ произношеніи; отъ ихъ совокупности рождается трогательное и увлекательное краснорѣчіе, истекающее изъ глубины сердца, проникнутаго важностію проповѣдуемыхъ истинъ и искреннимъ желаніемъ убѣжденія.

Проповѣдникъ, знающій сущность и цѣль духовнаго краснорѣчія, обращаетъ вниманіе на вѣрный выборъ предметовъ. Правила выбора относятся болѣе къ богословію, нежели къ теоріи витійства. Вообще содержаніе проповѣдей пусть будетъ поучительно и согласно съ положеніемъ слушателей. Не льзя назвать того краснорѣчивымъ, чьи предметы или слогъ превышаютъ понятія слушателей. Здравое сужденіе и правота презираютъ суетныя хвалы тѣхъ, которые удивляются и сами не понимаютъ предметовъ своего удивленія. Польза не раздѣльна съ истиннымъ краснорѣчіемъ: тотъ не долго прослыветъ образцовымъ проповѣдникомъ, кто проповѣдью не производитъ нравственнаго совершенствованія.

Правила, относящіяся къ различнымъ частямъ рѣчи: вступленію, раздѣленію, повѣствованію и доводамъ, одни и тѣ же въ проповѣди, какія и въ

прочихъ родахъ рѣчей. Изложимъ здѣсь нѣкоторыя особенности, отличающія рѣчь духовную отъ всѣхъ другихъ.

Во всякомъ сочиненіи необходимо единство; но оно труднѣе тамъ, гдѣ выборъ содержанія не зависитъ отъ оратора; единство же въ проповѣди зависитъ совершенно отъ оратора. Здѣсь подъ единствомъ должно разумѣть ту главную мысль, около которой вращается вся рѣчь; это не составъ разнородныхъ предметовъ въ одно цѣлое, но развитіе одного главнаго предмета. Правило единства основано на той непреложной истинѣ, что умъ нашъ въ одно время можетъ заниматься съ успѣхомъ однимъ только предметомъ; гдѣ вниманіе развлекается, тамъ впечатлѣніе слабѣетъ. Но это единство, безъ котораго рѣчь не имѣетъ ни силы, ни изящества, допускаетъ раздѣленіе или различеніе главныхъ положеній. Недостаточно въ рѣчи одну только мысль представить въ различныхъ выраженіяхъ: такое понятіе о единствѣ слишкомъ ограниченно. Единство допускаетъ нѣкоторое разнообразіе; могутъ входить предметы посторонніе и подчиненные, но они должны имѣть столь тѣсную связь между собою, чтобы цѣлое производило въ умѣ полное и единое впечатлѣніе. Можно на примѣръ представить различныя доказательства для внушенія любви къ Богу, и тутъ же изслѣдовать причины, подавляющія въ нашемъ сердцѣ это чувство; то и другое составляетъ одинъ высокій предметъ для размышленія. Но ежели возьмемъ въ основаніе проповѣди: »Любяй Бога любитъ ближняго«; то, намѣреваясь представить въ одной рѣчи доказательства любви къ Богу и любви къ ближнему, мы совершенно нарушимъ

единство и произведемъ въ слушателяхъ неполное и смѣшанное впечатлѣніе.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что проповѣдь тѣмъ сильнѣе и поучительнѣе, чѣмъ предметъ ея болѣе опредѣленъ и ограниченъ. Въ предметѣ слишкомъ общемъ можно сохранить единство, но не такъ строго, какъ въ частномъ. Въ первомъ случаѣ впечатлѣніе не такъ сильно и поученіе не столь убѣдительно. Юные проповѣдники часто предпочитаютъ предметы общіе, каковы на пр. сладостныя чувствованія религіозныя, какъ болѣе поразительныя и легкія. Безъ сомнѣнія, не должно оставлять безъ вниманія и общихъ воззрѣній на религію: они иногда бываютъ очень приличны, но никогда не произведутъ слишкомъ сильнаго впечатлѣнія; потому что неизбѣжно совпадаютъ съ общими мѣстами. Вниманіе наше болѣе сосредоточивается, когда проповѣдникъ избираетъ одну отдѣльную и занимательную сторону возвышеннаго предмета, и представляетъ ее съ возможною убѣдительностью и краснорѣчіемъ. Похвала добродѣтели или порицаніе порока заключаютъ въ себѣ также единство и опредѣлительность: но рѣчь получитъ еще бо́льшую занимательность, если проповѣдникъ ограничится частнымъ воззрѣніемъ на добродѣтель или на порокъ; если онъ разсмотритъ ихъ такъ, какъ они обнаруживаются въ извѣстныхъ характерахъ или обстоятельствахъ. Такое исполненіе труднѣе, а вмѣстѣ съ этимъ выше достоинство проповѣди и поразительнѣе ея дѣйствіе.

Не нужно всего высказывать о предметѣ: здѣсь обиліе величайшая погрѣшность. Надобно избрать стороны самыя поучительныя, самыя

увлекательныя, какія можетъ представить текстъ, и на нихъ особенно останавливать вниманіе. Если бы проповѣдники излагали ученіе новое для своихъ слушателей; то они могли бы входить во всѣ подробности, чтобы сообщить ученіе во всей его полнотѣ. Но проповѣдь должна болѣе убѣждать, нежели научать; многословіе же противно убѣжденію. Много предметовъ, которые проповѣдникъ, по ихъ извѣстности, можетъ пропустить, иныхъ слегка коснуться; въ противномъ случаѣ онъ ослабитъ и затемнитъ свою рѣчь.

Обдумывая проповѣдь, витія долженъ поставить себя на мѣсто разсудительнаго слушателя, и предположить, что къ нему обращаются съ рѣчью такого содержанія, какое онъ избралъ. Пусть самъ себя спроситъ, какая сторона въ предметѣ для него поразительнѣе; какія доказательства способнѣе убѣдить; какія части предмета глубже могутъ врѣзаться въ сердцѣ. Вотъ главные источники, которыми пользуется проповѣдникъ; изъ нихъ почерпаетъ онъ убѣжденіе. Иногда проповѣдники, развивая и слишкомъ распространяя главную мысль, ослабляютъ высочайшія истины. Поэтому, скажутъ, не должно писать проповѣди на одинъ текстъ? Дѣйствительно нѣтъ никакой надобности при каждомъ текстѣ изображать цѣлую систему религіозныхъ истинъ. Гораздо простѣе и естественнѣе разсматривать предметъ съ той точки зрѣнія, на которую, какъ на главную, указываетъ самый текстъ, останавливаться на текстѣ столько, сколько нужно для разсмотрѣнія предмета съ этой точки зрѣнія. Совершенно несправедливо почитать того глубокомысленнѣйшимъ, кто многорѣчивѣе; скучныя околич-

ности часто происходятъ отъ неумѣнія отличить главныя мысли или разительно ихъ представить.

Наставленія да будутъ занимательны для слушателей. Здѣсь-то особенно выказывается дарованіе въ духовномъ ораторѣ; сухость всего болѣе вредитъ его успѣху: проповѣдь, незанимающая ума, не можетъ быть убѣдительна. Занимательность ея зависитъ также отъ произношенія, потому что голосъ оратора всегда усиливаетъ впечатлѣніе; а увлекательность проповѣди состоитъ не въ одной правильности языка и изящныхъ описаніяхъ. Великая тайна — тронуть сердце и заставить слушателей примѣнять къ себѣ то, что говорится ко всѣмъ; надобно, чтобъ каждый изъ нихъ думалъ, что проповѣдь къ нему только относится. Для этого проповѣднику прилично избѣгать запутанныхъ разсужденій, общихъ предложеній, умозрѣній и отвлеченнаго изложенія правилъ опытныхъ. Убѣдительна та проповѣдь, которая прямо относится къ слушателямъ, и не какъ простое разсужденіе, а какъ рѣчь оратора къ народу — оратора, который свои поученія примѣняетъ къ жизни. Въ особенности надобно стараться приспособлять совѣты и увѣщанія къ возрасту, нравамъ и состоянію слушателей. **Всякаго** занимаетъ та рѣчь, которая имѣетъ приложеніе къ нравственному улучшенію жизни. Дабы познать всѣ отношенія человѣка, необходимо всего болѣе изучать его сердце. Покажите въ полномъ свѣтѣ его слабости и свойства — и вы сильно на него подѣйствуете. Но когда проповѣдникъ будетъ излагать общія только наблюденія, а не представлять рѣзкихъ нравственныхъ отличій: слушатели оста-

путся холодны къ его слову; только отъ вѣрнаго и поразительнаго описанія нравовъ рѣчь получаетъ силу и производитъ надлежащее дѣйствіе. Примѣры изъ исторіи или изъ дѣйствительной жизни, какихъ много встрѣчаемъ въ Св. Писаніи, вполнѣ овладѣваютъ нашимъ вниманіемъ, если они кстати употреблены. При всякомъ удобномъ случаѣ должно ими пользоваться; они предохраняютъ отъ погрѣшностей тѣхъ проповѣдей, въ которыхъ излагается разсужденіе не о лицахъ осязательно, но о качествахъ лицъ отвлеченно; они придаютъ силу истинамъ Вѣры, показывая ихъ въ дѣйствительности, и представляютъ ихъ гораздо убѣдительнѣе. Лучшими, полезнѣйшими, но также и труднѣйшими проповѣдями можно назвать тѣ, которыя изображаютъ только нравы или какія-либо черты изъ частнаго происшествія Св. Писанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ сокровеннѣйшія пружины человѣческаго сердца. Прочіе предметы слишкомъ извѣстны; но эти представляютъ неизсякаемый источникъ священныхъ истинъ; они поразительны, новы и поучительны. Проповѣдь Бутлера: *о характерѣ Валаама*, можетъ служить образцомъ въ этомъ родѣ.

Наконецъ проповѣдникъ не долженъ подчиняться мірскому своенравію. Это потокъ, сегодня все увлекающій, а заутра безсильный. Направленіе проповѣдей бываетъ различное; каждый новый проповѣдникъ съ дарованіемъ даетъ направленіе современному вкусу. Но всѣ тѣ направленія ложны, которыя переходятъ предѣлы изящнаго; они ослабляютъ и унижаютъ дарованіе. Одинъ всеобщій вкусъ, не слѣдующій причудамъ свѣта, долженъ изрекать законы; его требованія основываются на знаніи природы чело-

вѣческой. Всѣ правила, здѣсь излагаемыя, суть слѣдствія понятія о проповѣди, какъ рѣчи важной и убѣдительной, обращаемой къ многочисленному собранію и имѣющей цѣлію нравственное совершенствованіе. Если проповѣдникъ всегда будетъ слѣдовать этому правилу, то вѣрно исполнитъ назначеніе своего слова; но повинуясь скоропреходящему вкусу и причудамъ слушателей, онъ никогда не достигнетъ своей цѣли. Истина и здравый смыслъ тверды и неизмѣнны, а причуды свѣта — слабы и преходящи. Не должно слѣдовать всегда одному образцу, не подражать слѣпо даже тѣмъ, которымъ всѣ удивляются. Изъ многихъ образцовъ можно извлечь полезное, предпочесть одинъ изъ всѣхъ; но безусловное подражаніе подавляетъ дарованія или доказываетъ ихъ отсутствіе.

Главное достоинство слога въ проповѣди — совершенная ясность. Проповѣдь имѣетъ цѣлію убѣжденіе слушателей всѣхъ состояній; а потому она должна быть чрезвычайно проста. Здѣсь не мѣсто словамъ неупотребительнымъ, вычурнымъ и напыщеннымъ — вообще выраженіямъ поэтическимъ и философскимъ. Юные проповѣдники гоняются за суетнымъ блескомъ; но это признакъ неопытности, вкуса еще необразованнаго. Проповѣдь требуетъ благородства; она не терпитъ словъ и реченій простонародныхъ. Слова могутъ быть всѣмъ понятны, общеупотребительны, и при всемъ томъ слогъ останется живъ и важенъ; потому что проповѣдь не чуждается слога одушевленнаго. Чувство, овладѣвающее проповѣдникомъ, величіе и важность содержанія проповѣди допускаютъ также и выраженія пламенныя. Проповѣдникъ можетъ употреблять не только сравненія и ме-

тафоры, но иногда даже обращенія къ Святымъ или грѣшникамъ, одушевлять предметы неодушевленные; ему позволительны восклицанія и вообще сильные обороты рѣчи. Основное правило этого слога состоитъ въ томъ, чтобы согласоваться съ предметомъ и говорить по собственному чувству.

Языкъ Св. Писанія, кстати употребленный, служитъ украшеніемъ проповѣди; имъ можно пользоваться въ видѣ намека. Прямыя указанія, служащія къ подкрѣпленію сказаннаго въ проповѣди, придаютъ силу поученіямъ и достоинство рѣчи. Указанія на нѣкоторыя мѣста или замѣчательныя выраженія Св. Писанія производятъ всегда удачное дѣйствіе; они доставляютъ проповѣднику множество переносныхъ выраженій, не встрѣчающихся въ другихъ родахъ сочиненій, и даютъ слогу живость и разнообразіе. Не всѣ эти указанія и примѣненія должны быть естественны и понятны; малѣйшая натяжка будетъ походить на игру словъ.

Проповѣди не приличны острота и изысканность выраженій, принужденность и ложное мудрованіе. Все это противорѣчитъ важности духовнаго краснорѣчія и придаетъ проповѣднику видъ самонадѣянности, чего онъ долженъ особенно избѣгать. Лучше слогъ сильный и выразительный, нежели блестящій. Напрасно думаютъ усилить слогъ множествомъ эпитетовъ. Правда, вѣрные эпитеты представляютъ предметъ осязательно; но кто употребляетъ ихъ въ каждомъ реченіи и громоздитъ на одинъ и тотъ же предметъ нѣсколько эпитетовъ, тотъ, вмѣсто усиленія, совершенно ослабляетъ его, и, вмѣсто проясненія, еще

болѣе затемняетъ. На пр. въ выраженіи: »міръ тлѣнный, бренный и преходящій« — три эпитета слабѣе выражаютъ понятіе, нежели одинъ, кстати приведенный. Заключимъ наше разсужденіе совѣтомъ — избѣгать любимыхъ выраженій. Эта привычка показываетъ принужденность, которая не можетъ нравиться. Довольно употребить однажды въ рѣчи блестящее выраженіе, и болѣе не повторять; повтореніе же показываетъ желаніе блистать и скудость въ изобрѣтеніи.

Виды духовнаго краснорѣчія, соотвѣтствующаго преимущественно повѣствовательнымъ рѣчамъ, бываютъ — собственно историческій, поучительный и привѣтственный. Иные Ораторы просто проповѣдуютъ слово Божіе; другіе питаютъ слушателей млекомъ ученія; нѣкоторые, погружаясь мыслями въ таинства премудрости Божіей и озаряясь небеснымъ свѣтомъ ея, открываютъ глубокій смыслъ Священнаго Писанія. Высокія истины, возвѣщаемыя проповѣдниками, переносятъ духъ нашъ въ безпредѣльную область непостижимыхъ и таинственныхъ судебъ Божіихъ. Витія съ живымъ воображеніемъ и умомъ возвышеннымъ представляетъ предметы величественные. Желая изобразить Всемогущество Божіе и вмѣстѣ съ тѣмъ превратности человѣческія, онъ носится мыслями надъ развалинами городовъ, надъ обломками памятниковъ, надъ прахомъ народовъ, исчезнувшихъ съ лица земнаго. Витія, питающій въ сердцѣ глубокія и сильныя чувствованія нравственныя, негодуетъ противъ страстей и пороковъ человѣческихъ. Онъ изображаетъ гибельныя дѣйствія честолюбія, тщеславія, гордости человѣка, забывающаго долгъ вѣры, унижающаго достоинство образа и подобія Божіяго; или, съ другой стороны, представляетъ дѣйствія

Христіанской любви, милосердія, кротости, терпѣнія; какъ отецъ или другъ, онъ вливаетъ въ сердце умилительныя чувствованія. Витія съ умомъ проницательнымъ убѣждаетъ слушателей въ истинахъ Евангельскихъ доводами ясными, показывая заблужденія нашего разума, вредныя наклонности воли, безъ руководства Божественнаго Откровенія. Озаряя разумъ свѣтомъ истины Евангельской, проповѣдники и очищаютъ чувствованія наши, и исправляютъ волю.

Части духовныхъ рѣчей тѣ же, какія составляютъ всякую полную рѣчь. Въ началѣ и въ концѣ духовныхъ рѣчей бываетъ *молитва*, производящая въ слушателяхъ торжественное расположеніе души къ возвышеннымъ помысламъ. Она должна состоять въ связи съ содержаніемъ и имѣть характеръ благоговѣйнаго смиренія, сыновняго упованія — съ глубокимъ умиленіемъ чувства соединять простой, естественный языкъ сердца.

Трудно рѣшить, лучше ли для проповѣдника писать проповѣдь и произносить наизусть, или обдумывать только сущность, а распространять мысли при самомъ произношеніи? Въ этомъ случаѣ проповѣдникъ долженъ сообразоваться съ своими дарованіями. Пламенныя выраженія, раждающіяся при произношеніи, сильнѣе и пріятнѣе тѣхъ, которыя прежде придуманы. Но и самый пылкій умъ не всегда можетъ, по желанію, выражаться краснорѣчиво; многіе вовсе не могутъ говорить безъ приготовленія предъ многочисленнымъ собраніемъ. И такъ особенно начинающимъ проповѣдывать полезнѣе приготовлять рѣчи письменныя. Это необходимо вступающимъ на поприще духовнаго краснорѣчія для приученія себя къ пра-

вильности языка и точности мыслей. Такой способъ полезенъ не только при началѣ, но и въ послѣдствіи.

Замѣтимъ, что обычай, господствующій особенно въ Англіи, читать проповѣди, вредитъ убѣжденію. Рѣчь сильнѣе трогаетъ, когда ее произносятъ. Отчетливость этого способа проповѣдыванія не вознаграждаетъ потери со стороны убѣжденія и силы. Проповѣдникъ, который не въ состояніи произнести рѣчь наизустъ, можетъ, во время произношенія, имѣть передъ собою краткое содержаніе, которое, помогая памяти, придастъ ему силу рѣчи изустной.

Англійскія, Французскія и Нѣмецкія проповѣди представляютъ различныя понятія сочинителей ихъ о духовномъ краснорѣчіи, далеко отставшихъ отъ первыхъ образцевъ Христіанскаго витійства, Отцевъ православной нашей Церкви. Французы приняли направленіе противоположное Англичанамъ и Нѣмцамъ: ихъ проповѣдь отличается одушевленнымъ и пылкимъ увѣщаніемъ; Англійская и Нѣмецкая — поучительными наставленіями, не всегда трогающими сердце. Французскіе проповѣдники дѣйствуютъ особенно на воображеніе и страсти, Англійскіе и Нѣмецкіе—преимущественно на умъ. Проповѣдь первыхъ цвѣтущая–это даже рѣчь восторженная; проповѣдь вторыхъ — болѣе разсужденіе, а не рѣчь ораторская, которая должна служить наставленіемъ въ Христіанскихъ обязанностяхъ, ободреніемъ, утѣшеніемъ и назиданіемъ. Соединеніе двухъ элементовъ — теплоты и чувствительности вмѣстѣ съ размышленіемъ и отчетливостію, представляетъ образецъ совершенства въ проповѣди. Обыкновеніе Французскихъ проповѣдниковъ, брать въ основаніе проповѣди текстъ чи-

таемаго поученія, обращается иногда въ принужденность; приспособленія ихъ къ Св. Писанію встрѣчаются произвольныя, мало поучительныя; раздѣленіе предмета всегда на двѣ или на три главныя части искуственно; предметъ слишкомъ пространно развивается. Немногія мысли различно изворачиваются и тщательно обрабатываются, вмѣсто разнообразія и органической полноты. Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, не льзя не отдать справедливости ихъ проповѣди въ томъ, что она всегда выливается въ духѣ совѣщательной рѣчи, назначенной къ убѣжденію. Поэтому чтеніе такой проповѣди весьма полезно.

Между Протестантскими проповѣдниками Французскими Соренъ замѣчательнѣйшій. Онъ обиленъ, краснорѣчивъ, благочестивъ, но не чуждъ изысканности. Между Католическими проповѣдниками выше всѣхъ Боссюэтъ, Массильонъ и Бурдалу. — Критики не знаютъ, кому изъ нихъ отдать преимущество; каждый имѣетъ своихъ приверженцевъ. Бурдалу приписываютъ болѣе основательности и силы въ мысляхъ; Массильона же считаютъ способнѣйшимъ трогать и убѣждать. Боссюэтъ соединяетъ основательность и силу мыслей съ убѣжденіемъ и чувствомъ. Бурдалу глубокомысленъ; онъ излагаетъ истины, которыми самъ исполненъ, съ благочестіемъ и жаромъ; но онъ многорѣчивъ, слишкомъ часто ссылается на Отцевъ Церкви и скуденъ воображеніемъ. Массильонъ показываетъ болѣе чувства, болѣе красотъ, вообще болѣе дарованій. Онъ глубоко изучилъ свѣтъ и сердце человѣческое, но до излишества страстенъ. Боссюэтъ владѣетъ въ высочайшей степени даромъ убѣжденія, и его можно назвать краснорѣчивѣйшимъ изъ всѣхъ

проповѣдниковъ. Извѣстно дѣйствіе, произведенное проповѣдью Массильона о маломъ числѣ избранныхъ. Вотъ то мѣсто, отъ котораго внезапный страхъ овладѣлъ всѣми слушателями.

»Здѣсь-то хочу остановиться на васъ, слушатели мои! Не говорю о прочихъ людяхъ. Вообразимъ, что вы одни остались въ мірѣ; и вотъ о чемъ помышляя, ужасаюсь! Я полагаю, что здѣсь послѣдній вашъ часъ и кончина міра; что скоро небеса разверзнутся надъ вашими главами; Іисусъ Христосъ явится во славѣ своей среди храма, и вы собрались сюда срѣтить пришествіе Господа, съ трепетомъ ожидающіе, какъ преступники, милости или смерти. Сколько бы вы ни льстили себѣ, но умрете такими же, каковы въ настоящее время. Всѣ обольщающія желанія исправиться будутъ обольщать васъ до послѣдней минуты. Это уже испытано вѣками. Все, что вы найдете тогда въ себѣ новаго, можетъ быть, увеличитъ токмо отчетъ вашъ въ сравненіи съ тѣмъ, какой могли бы теперь дать; и соображаясь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ постигъ бы васъ судъ Божій въ эту минуту, почти можно рѣшить, что̀ съ вами послѣдуетъ при кончинѣ дней вашихъ.«

»Я васъ спрашиваю, и спрашиваю пораженный ужасомъ, не отдѣляя моего жребія отъ вашего, и входя самъ въ то же расположеніе, въ какомъ желалъ бы васъ видѣть: отвѣтствуйте. Если бы Іисусъ Христосъ явился здѣсь, въ этомъ храмѣ, среди нашего собранія, воистину величественнѣйшаго въ мірѣ — да судитъ насъ, да содѣлаетъ страшное разлученіе козлищъ отъ овецъ: думаете ли вы, что бо̀льшая часть станетъ одесную? Думаете ли, что нашлось бы между нами хотя десять праведныхъ, которыхъ не могъ древле

Господь обрѣсти въ цѣлыхъ нашп градахъ? Я васъ спрашиваю; вы не знаете . . . и я самъ не знаю. . . Ты единъ, о Боже! вѣси сущихъ Твоихъ. Но аще мы не вѣдаемъ, кто они таковы; то по крайней мѣрѣ знаемъ, что грѣшные не суть Твои. Кто же суть вѣрные, во святый храмъ пришедшіе? — Достоинства, чины, отличія отложимъ въ сторону; мы безъ нихъ должны предстать предъ судилище Іисуса Христа. — Кто же они таковы? Много изъ нихъ грѣшныхъ, не желающихъ и откладывающихъ обращеніе; еще болѣе обращающихся, и паки множицею согрѣшающихъ; наконецъ великое число такихъ, которые не почитаютъ за нужное обратиться. Вотъ часть осужденныхъ! Исключите эти четыре рода грѣшниковъ изъ благочестиваго собранія: они отлучены будутъ въ день страшнаго суда. Явитесь теперь, праведные; гдѣ вы? Останки Израиля, станите одесную! Пшеница Іисуса Христа, отдѣлись отъ плевелъ, назначенныхъ къ сожженію. . . О Боже! гдѣ убо Твои избранные? и что Тебѣ остается въ наслѣдіе? (*)«

Въ истекшемъ столѣтіи Англійское духовное краспорѣчіе получило бо́льшую правильность и умѣренность, освободилось отъ схоластическихъ формъ; но лишившись въ то же время страстныхъ и пламенныхъ обращеній къ совѣсти слушателей, оно превратилось въ простое умозрительное наставленіе безъ всякой теплоты. Однако иные проповѣдники придерживались прежняго направленія, что побудило господствующую въ Англіи Церковь еще болѣе отъ него удаляться. Въ произношеніи и въ составѣ проповѣди замѣчаемая

(*) Переводъ И. И. Ястребцева.

теплота, страстныя движенія, назывались энтузіазмомъ и фанатизмомъ. Вотъ начало умозрительнаго направленія Англійскихъ проповѣдей, холодныхъ и мало убѣждающихъ. Многія проповѣди отличаются необыкновенною правильностью; но планъ ихъ ограниченъ и недостаточенъ. Хотя сочиненія Англійскихъ богослововъ могутъ съ пользою читать посвящающіе себя духовному краснорѣчію; однако не должно употреблять ихъ съ излишествомъ и многое изъ нихъ заимствовать въ свои проповѣди. Кто однажды увлечется ими, тотъ не можетъ быть самостоятеленъ. Гораздо лучше довольствоваться собственными мыслями и выраженіями, нежели обезображивать сочиненіе чужими украшеніями, которыя обличаютъ безсиліе въ глазахъ просвѣщенныхъ и наблюдательныхъ судей. Проповѣдникъ не долженъ прибѣгать ко всѣмъ сочиненіямъ или проповѣдямъ, писаннымъ на тотъ же предметъ или текстъ, который самъ желаетъ избрать: отъ этого произойдетъ шаткость и неопредѣленность въ мысляхъ. Если же онъ изберетъ только одно сочиненіе, то получитъ частное направленіе, увлечется въ хорошую или дурную сторону. Пусть лучше самъ обдумываетъ предметъ свой; пусть довольствуется только своими мыслями, собирая и приводя ихъ въ единство: въ послѣдствіи онъ составитъ правильное начертаніе для своихъ сочиненій, и тогда позволительно обратиться къ сочиненіямъ другихъ о томъ же предметѣ. Такимъ образомъ способъ изложенія проповѣди и главныя мысли будутъ его собственные; онъ можетъ ихъ совершенствовать сравненіемъ съ мыслями другихъ, которыя позволяется даже помѣщать въ свою рѣчь, выражая ихъ собственнымъ слогомъ.

Между Нѣмецкими проповѣдниками Мосгейнъ, Іерузалемъ, Шлейермахеръ, при господствующемъ элементѣ удищельномъ, представляютъ несравненныя красоты изящнаго. Главное достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они осязательно представляютъ такія стороны нравственнаго бытія нашего, которыя ускользаютъ отъ вниманія бо́льшей части людей. Таково стремленіе человѣка къ безконечному, мысль о будущей жизни, размышленіе о смерти, поставляющее насъ на настоящую точку зрѣнія въ здѣшней жизни. Прочтемъ отрывокъ изъ Мосгейма.

»Кто изъ насъ охотно знакомится съ такою вещію, которая ужасаться заставляетъ? Кто изъ насъ охотно предается такимъ мыслямъ, которыя безпокоятъ душу, мучатъ ее и терзаютъ? Если бъ я теперь сказалъ вамъ: представьте въ умѣ своемъ богатое наслѣдство, которое получите въ скоромъ времени; представьте себѣ удовольствіе, которымъ наслаждаться будете, занимаясь тѣми или другими забавами; какъ можно живѣе вообразите себѣ множество раболѣпныхъ, которыхъ найдете у себя въ прихожей, когда получите желаемое достоинство. О какъ быстро, какъ сильно все это изобразилось бы въ умѣ вашемъ! какъ мало труда стоило бы мнѣ разгорячить и самыхъ холодныхъ изъ моихъ слушателей! Я могъ бы надѣяться желаемаго успѣха, впрочемъ не имѣя нужды ни въ отличной мудрости, ни въ особенномъ дарѣ краснорѣчія. Но мое намѣреніе совсѣмъ другое. Вообразите себѣ, слушатели, что тѣлесный вашъ составъ не можетъ долго быть въ такомъ состояніи, въ какомъ теперь находится. Представьте себѣ одръ, на которомъ будете безотрадно томиться. Привыкайте заблаго-

временно смотрѣть на покровъ, подъ которымъ будетъ лежать бездушное ваше тѣло. Заглядывайте въ могилу, въ которую опустятся ваши кости. Напрягите всѣ силы разума, помышляйте прилѣжно о смерти, о вѣчности, о судѣ Божіемъ. Кого усладятъ такія слова? Кто охотно станетъ внимать такимъ увѣщаніямъ? Но тягостны-ль они для Христіанина, желающаго ходить по пути благоразумія? Кто хочетъ достигнуть отечества, того остановятъ ли непріятности, когда онѣ суть единственное средство къ вѣрному достиженію? Старайтесь преодолѣть эти неудобства; старайтесь обстоятельства и слѣдствія кончины своей имѣть всегда передъ глазами.«

»Но обстоятельства нашей смерти не таковы; всегда можно видѣть ихъ, можно слышать ихъ и даже можно ихъ чувствовать. Они представляются взорамъ нашимъ въ ежедневныхъ примѣрахъ, и событіе ихъ можемъ видѣть надъ подобными намъ людьми, прежде нежели на себѣ его испытаемъ. Они всегда около и подлѣ насъ случаются; слѣдственно всѣмъ необходимо должны быть свѣдомы, всѣмъ, говорю, кромѣ только тѣхъ, которые сами хотятъ забыть о нихъ и уничтожить ихъ въ душѣ своей. Желающій навсегда въ памяти своей удержать и живо напечатлѣть эту картину, имѣетъ къ тому самый удобный способъ: пускай часто посѣщаетъ тѣ мѣста, гдѣ въ примѣрахъ, надъ другими сбывающихся, можетъ читать свою будущую исторію. Правда, что прочіе окружающіе насъ предметы уменьшаютъ силу впечатлѣнія; но вы старайтесь вознаградить потерю чрезъ повтореніе. Послѣдуйте моему совѣту. Вы сами примѣтите, что воспоминаніе о смерти тогда будетъ въ васъ дѣйствовать гораздо сильнѣе,

нежели пьют. Посѣщайте прилѣжно людей, на смертномъ одрѣ лежащихъ. Замѣчайте поступки ихъ, слова и движенія. Наблюдайте безпокойство то умирающаго, то предстоящихъ одру ближнихъ его. Но одни только наблюденія ваши будутъ недостаточны. Все замѣчаемое вами примѣняйте къ самимъ себѣ, и говорите въ сердцѣ своемъ: »и для меня день смертный настанетъ; и я, не знаю когда, но непремѣнно буду тѣмъ, чѣмъ сталъ этотъ несчастный; и со мною то же случится, когда наступитъ время разлуки съ жизнію. Можетъ быть, кончина моя будетъ еще горестнѣе и плачевнѣе; можетъ быть, мною еще бо́льшая скорбь овладѣетъ; можетъ быть, во мнѣ еще менѣе разсудка останется; можетъ быть, моя болѣзнь будетъ гораздо тягостнѣе, и въ страданіяхъ моихъ еще менѣе получу пособія. Не лѣнитесь быть часто между тѣми, которые, по кончинѣ больнаго, приготовляютъ бездушный трупъ его къ погребенію. Взирая на бѣдные остатки человѣка, который въ жизни своей часто безъ нужды потѣлъ надъ великими и обширными предпріятіями; взирая на груду персти, которая мало по малу поселяетъ отвращеніе въ оставшихся; взирая на старанія, съ какими живые поспѣшаютъ очистить домъ свой отъ противнаго трупа — вспомните, что нѣкогда и съ вами то же послѣдуетъ. Положите самихъ себя, или, лучше сказать, положите свое тѣло, которое вы столь тщательно бережете и украшаете, на мѣсто лежащаго передъ вами бездушнаго трупа; вообразите себѣ, что самихъ васъ тотчасъ понесутъ къ могилѣ; заставьте себя думать, что тѣсный домъ, принесенный для покойника, для васъ приготовленъ; по крайней мѣрѣ увѣрьте себя при этомъ позорищѣ, что и

для вашего гроба доски уже готовы. Приходите почаще туда, где сложены въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ кости тѣхъ людей, которые, живучи на этомъ свѣтѣ, весьма различествовали между собою и возрастомъ, и званіемъ, и способностями, и достоинствомъ. Тамъ наблюдайте, какъ по смерти равны всѣ тѣ, которые въ здѣшней жизни ревностно желали и старались быть отличными. Помышляйте, что все видимое вами останется послѣ васъ въ мірѣ, столь страстно вами любимомъ. Являйтесь часто въ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ, по смерти сильныхъ, великихъ и знаменитыхъ, бесѣдуютъ о качествахъ и поведеніи умершаго. Изъ того, что услышите въ этихъ собраніяхъ, учитесь познавать ничтожность заботъ и попеченій, которыми обременяютъ себя люди, во всю жизнь свою ни о чемъ болѣе какъ о суетныхъ почестяхъ непомышляющіе. Какъ часто будете вы слышать презрительные отзывы и хуленіе о тѣхъ, которые почитали себя чуждыми порицанія! Какъ часто будете слышать, что люди, думавшіе о себѣ, будто стяжали неоспоримыя права на отличное уваженіе, навлекли на себя стыдъ и безчестіе! Какъ часто будете слышать, что называютъ честолюбивыми глупцами тѣхъ, передъ которыми въ жизни раболѣпно покловялись; что осуждаютъ на вѣчное забвеніе тѣхъ, которые въ этомъ мірѣ хотѣли быть безсмертными; что радуются о смерти тѣхъ, которые въ жизни чаяли по себѣ слезъ и рыданій; что вовсе не уважаютъ распоряженій, сдѣланныхъ тѣми, которые почитали себя вѣчными законодателями! Вотъ воздаяніе тѣмъ, которые душею преданы міру, и всѣ труды свои и заботы посвящаютъ или себѣ, или другимъ людямъ! Вотъ корысть, получаемая нами въ свѣтѣ

за то, что мы ни тѣла, ни души не щадимъ для приобрѣтенія имени героя, мудреца, ученаго мужа! Если сердце ваше наполнится такими чувствіями, то постарайтесь удержать ихъ при себѣ какъ возможно долѣе. Многіе, ощутивши въ себѣ мысли суровыя и неприятныя, тотчасъ поспѣшаютъ въ общество безпечныхъ весельчаковъ, чтобы разсѣять грусть и развеселиться. Не подражайте этимъ людямъ, а иначе никогда не испытаете полезнаго размышленія о смерти, Если хотите короче узнать самихъ себя, удалитесь на короткое время отъ свѣтскаго шуму, и въ уединеніи разсудите о томъ, что произвело въ васъ такое сильное впечатлѣніе (*).«

И такъ будемъ всегда слѣдовать основному правилу, изложенному нами въ началѣ — помнить высокое назначеніе проповѣдника, обращать слушателей къ добродѣтели, исправлять и убѣждать ихъ, служить благоговѣйно Богу. Кто будетъ помышлять объ этой цѣли, тотъ прольетъ въ своихъ сочиненіяхъ чувства полезныя и достойныя уваженія. Украшать истину должно для того только, чтобы глубже врѣзать ее въ сердца слушателей; такія украшенія всегда просты, благородны и естественны. Самыя лестныя похвалы, какими осыпаютъ проповѣдника, свидѣтельствуютъ о впечатлѣніи поученій душеспасительныхъ.

(*) Переводъ М. Т. Каченовскаго.

Чтеніе двадцать четвертое.

Примѣры духовнаго краснорѣчія изъ Св. Василія, Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго.

Изслѣдовавъ отличительныя свойства духовнаго краснорѣчія, ознакомимся съ характеромъ высокихъ проповѣдниковъ Слова Божія, Святителей Церкви нашей: Св. Василія, Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго (*).

Св. Василій былъ истинный проповѣдникъ Евангелія, отецъ народа, другъ несчастныхъ — непоколебимъ въ своей вѣрѣ и неутомимъ въ милостяхъ. Самъ — бѣдный тою бѣдностью, которая въ Христіанской Церкви становилась рѣдкою — онъ имѣлъ одну только простую мантію и питался однимъ хлѣбомъ и грубыми огородными овощами, но между тѣмъ жертвовалъ всѣми драгоцѣнностями для украшенія Кесаріи. Въ этомъ городѣ построилъ для иностранцевъ и нуждающихся страннопріимный домъ, который Григорій Назіанзинскій называлъ вторымъ городомъ; кромѣ того онъ выстроилъ множество мастерскихъ и основалъ многія школы.

Св. Василій впослѣдствіи часто бывалъ участникомъ религіозныхъ распрей своей провинціи и всего Востока; но гораздо любопытнѣе наблюдать

(*) См. *Villemain* въ Nouveaux melanges historiques et litteraires: De l' éloquence chrétienne dans le quatrième siècle.

жизнь Святителя въ то время, когда поучаетъ онъ бѣдныхъ жителей Кесаріи — когда, изъясняя чудеса творенія, увлекаетъ ихъ къ созерцанію природы. Въ рѣчахъ его наука оратора, образовавшаяся въ Аѳинахъ, скрывается подъ завѣсою убѣдительной народной простоты. Это именно можно видѣть въ его проповѣдяхъ, носящихъ названіе ἑξαήμερον. Въ нихъ множество вѣрныхъ замѣчаній, счастливыхъ и рѣзкихъ описаній; читая его поученія, какъ бы невольно убѣждаемся въ томъ, что они слѣдствіе изученія природы; вездѣ старается онъ доказать промыслъ Божій въ Его твореніи; вездѣ прелестями воображенія выражаетъ благость Создателя.

Какъ превосходенъ приступъ его рѣчей! »Есть города«, такъ начинаетъ краснорѣчивый витія одну бесѣду, »гдѣ жители съ восхода до заката солнечнаго увеселяютъ взоры свои безчисленно разнообразными играми: имъ не противны разгульныя пѣсни, порождающія невольно въ душѣ наклонность къ пороку. Часто называютъ такихъ людей счастливыми; потому что они, отложивъ попеченія о торговлѣ и искусствахъ, для жизни полезныхъ, проводятъ время, дарованное имъ для земной жизни, въ изнѣженности. Такъ многіе не вѣдаютъ, что зрѣлище нечестивыхъ игръ есть школа порока.«

»Другіе имѣютъ страсть къ бѣгу коней, запрягаютъ свои колесницы, и даже во снѣ не освобождаются отъ дневныхъ безпокойствъ. Намъ же, которыхъ Богъ, великій Творецъ всего чудеснаго, призываетъ къ наслажденію твореніемъ, не уже ли можетъ наскучить созерцаніе созданія Его; не уже ли отвергнемъ мы отъ себя рѣчи Св. Духа? Не будемъ ли мы тѣсниться около вели-

каго зданія Божественнаго могущества, и, мысленно перенесенные въ прошедшія времена, уже ли не будемъ въ состояніи окинуть взоромъ всю природу?«

Вѣрный богословскому и поэтическому направленію слова, ораторъ каждое утро и каждый вечеръ изъяснялъ порядокъ временъ года, волненія моря, различные инстинкты животныхъ, существованіе человѣка и дивную его природу. Въ твореніяхъ Св. Василія находимъ множество мыслей, тѣмъ болѣе любопытныхъ, что онѣ народны и служатъ указаніемъ на время ихъ господства; преимущественно въ нихъ должно искать высокихъ размышленій, внушаемыхъ созерцаніемъ всего бытія.

»Если иногда (*)«, восклицаетъ витія, »въ ясную ночь устремивъ очи на невыразимое очарованіе звѣздъ, вы помышляли о Создателѣ; если вопрошали себя о томъ, кто усѣялъ небо звѣздами; если отъ видимаго возносились къ невидимому: то вы достойно можете занять мѣсто въ этомъ величественномъ мірѣ. Идите! Незнающимъ положенія города показываютъ его и объясняютъ: такъ и я поведу васъ, какъ невѣдущихъ, къ указанію чудесъ огромнаго града — вселенной.«

Повсюду къ нравственнымъ истинамъ прибавляетъ ораторъ описанія: разсмотрѣвши вещественный міръ и живую природу, онъ обыкновенно обращается къ слушателямъ воззваніями, невыразимо высокими. Изъясняетъ ли жителямъ Кесаріи созданіе и волненія моря: онъ оканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами, исполненными восторга:

(*) Sancti Basilii opera, t. I.

»Но могу ли постигнуть я прелесть океана въ томъ видѣ, въ какомъ явился онъ взорамъ Творца? Если достойно восхваленія зрѣлище крутящихся водъ; то сколь величественнѣе видъ волнующейся толпы Христіанъ, въ которой голоса мущинъ, женщинъ, дѣтей, смѣшанные и оглашающіе воздухъ, подобно разбившейся о скалу волнѣ, возносятся въ молитвахъ до Господа?«

Во всѣхъ бесѣдахъ Св. Василія встрѣчаемъ то же чувство, ту же живопись воображенія. Исполненный возвышеннаго краснорѣчія, онъ старался поучать юныхъ Христіанъ, читать съ пользою свѣтскихъ писателей, и самъ изъ Каппадокіи посылалъ множество учениковъ къ языческому ритору Ливанію. Многія изъ его рѣчей заключаютъ въ себѣ одни лишь поученія нравственности, обличенія скупости, зависти и злоупотребленія богатства; но должно признаться, что Евангельское чувство, ихъ оживляющее, придаетъ имъ новый характеръ. Св. Василій былъ щедрымъ раздавателемъ милостыни: онъ преимущественно предъ другими постигъ основу Христіанскаго закона. Цѣль его усилій состояла въ томъ, чтобъ смягчить человѣческое сердце и растворить его благотворительностью; это было согласно съ желаніями несчастныхъ. Не должно почитать ораторскимъ вымысломъ то мѣсто, въ которомъ (*) Св. Василій описываетъ отчаяніе отца, вынужденнаго продать одного изъ сыновей своихъ для снисканія куска хлѣба. Бѣдность, распространившаяся во времена Римскаго владычества, не рѣдко являла подобные примѣры; закономъ это не воспрещалось. Представляя себѣ такія бѣдствія, не

(*) Sancti Basilii opera, t. II.

убѣждаемся ли мы въ томъ, что гласъ витія, возстававшаго противъ злоупотребленій, готовый всегда утѣшить несчастнаго и подвигнуть къ состраданію богатаго, былъ какъ бы гласомъ самого Провидѣнія?

Равнымъ образомъ восхищаетъ Св. Василій и описаніями кратковременной жизни, ничтожности земныхъ благъ и обманчивости самыхъ чистыхъ наслажденій. Онъ занимаетъ первое мѣсто между краснорѣчивыми витіями, проповѣдывавшими бѣдствія человѣческія. Источникомъ этого краснорѣчія служила ему Библія, изъ которой онъ почерпалъ все трогательное. Возсоздавая разительные образы священной Еврейской поэзіи, къ ней присоединяетъ онъ нѣжное для человѣчества чувство, сладость восторга, что составляло отличительную принадлежность новаго закона. Обращая очи къ небу, Василій простираетъ несчастнымъ руку помощи.

Изъ рѣчей Святителя ясно видно сильное вліяніе его на умы: отвсюду стекся народъ на его погребеніе. Христіане, Евреи, язычники — всѣ равно проливали слезы; онъ былъ общій всѣмъ благодѣтель. Многіе изъ зрителей въ ужасной тѣснотѣ, при выносѣ тѣла, лишились жизни, и смерти ихъ завидовали, называя ихъ погребальными жертвами. По кончинѣ Василія протекло пятнадцать столѣтій: не смотря на то, что столько вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ нравовъ общества, въ которомъ политеизмъ, народныя преданія, философы, столько волновали воображеніе народовъ, особенное благоговѣніе вселяетъ въ насъ къ генію великаго витія Кесаріи одно только о немъ воспоминаніе.

Григорій Назіанзинскій не можешъ сравниться въ геніи съ Св. Василіемъ; но блестящее его воображеніе представляетъ болѣе изящныхъ картинъ. Отецъ его, долго приверженный къ сектѣ почитателей единаго высочайшаго Бога, принялъ Христіанство и избранъ былъ въ Епископа Назіанзинскаго. Юный Григорій, посланный сначала въ училища Кесаріи, потомъ въ Александрію, наконецъ въ Аѳины, прошелъ, подобно Св. Василію, все поприще Греческой философіи. Оставшись въ Аѳинахъ, училъ онъ краснорѣчію; но впослѣдствіи жилъ вмѣстѣ съ Св. Василіемъ въ уединеніи. Въ царствованіе Юліана онъ подражалъ въ религіозныхъ поэмахъ различнымъ твореніямъ свѣтскихъ поэтовъ, съ намѣреніемъ возобновить между Христіанами любовь къ этимъ чтеніямъ.

Св. Василій, избранный въ Архіепископа Кесаріи, убѣдилъ друга своего быть Епископомъ Сасима, небольшаго мѣстечка на краю провинціи. Горькія жалобы Григорія, жестокіе упреки, которыми онъ обременялъ впослѣдствіи память Василія, показываютъ, что чистая дружба ихъ была возмущаема бурями. Григорій, сложивъ съ себя званіе свое, отправился помогать отцу въ управленіи Назіанзинской Церковью. Онъ благотворилъ жителямъ этого города, защищалъ ихъ отъ нападенія Римскихъ градоправителей и научалъ краснорѣчію и добродѣтели.

Характеръ его проповѣдыванія замѣчателенъ: вмѣсто того, чтобъ провозглашать самопроизвольную власть Рима, оно держало сторону угнетеннаго народа, и требовало, чтобъ въ отношеніи къ нему наблюдались справедливость и снисхожденіе. Злоупотребленія еще болѣе требовали этого покровительства, замѣнявшаго всякую

другую защиту. — Евангельскія идеи, доселѣ памятныя, мысли о бѣдности, искупленіе человѣка кровью небесной жертвы — усиливали могущество Христіанскихъ проповѣдей въ пользу народа и слабыхъ.

Цицеронъ, дѣлая торжественное воззваніе къ душѣ Цезаря, совѣтуетъ ему быть милостивымъ и добрымъ; потому что этѣ добродѣтели приближаютъ насъ къ Богу. Но въ четвертомъ столѣтіи, когда надлежало тронуть какого-либо жестокаго, грубаго военачальника, не льзя было взывать ни къ народности, ни къ славѣ. Тогда потребны были другія идеи, другія воззванія; въ этомъ-то отношеніи дѣйствія Христіанскихъ витій удивительны. — Что можетъ быть лучше того слова, въ которомъ Григорій обращается къ жителямъ Назіанза и къ Римскому градоначальнику, присланному для наказанія виновныхъ? Слово его дышитъ человѣколюбіемъ. Онъ желаетъ раздѣлить участь собратовъ, сожалѣетъ о нихъ, вливаетъ въ сердца ихъ утѣшеніе. Но когда онъ обращается къ Римскому градоначальнику, то слова его становятся строгимъ упрекомъ. »Благоговѣй, говоритъ онъ, предъ милостію Господа; она есть величайшій даръ, человѣку удѣляемый. Да не воспротивятся жалости и милосердію ни обстоятельства, ни высшія почести, ни гордость, ни власть; сохрани для себя небесное милосердіе: въ немъ нѣкогда будешь и ты нуждаться.«

Григорій Назіанзинскій, подобно другу своему, былъ приверженъ къ ученію Аѳанасія, и въ царствованіе Валенція, покровителя Аріанъ, подвергался жестокимъ преслѣдованіямъ. — Аріанизмъ достигъ самаго большаго развитія въ одной

части Имперіи, въ Константинополѣ. Императоръ постепенно лишалъ Христіанъ православныхъ всѣхъ ихъ церквей. Нѣкоторые жители, привязанные къ гонимому обществу, остававшемуся еще въ столицѣ, желали избрать себѣ Епископомъ человѣка знаменитаго, краснорѣчиваго, который бы геніемъ своимъ могъ противустать защитнику аріанизма.

По смерти отца своего, Григорій оставилъ на нѣкоторое время управленіе Церковью Назіанза и отправился въ Исаврію; но онъ всегда имѣлъ цѣлію служить своей Вѣрѣ въ столицѣ имперіи, и потому въ скоромъ времени прибывъ туда, началъ совершать обряды Богослуженія въ часовнѣ во имя Анастасіи. Вскорѣ краснорѣчіе его привлекло множество слушателей. Аріане приходили въ отчаяніе, смотря на сильно возраставшую Церковь. При Валенціи Григорій часто былъ угрожаемъ; но Ѳеодосій, побѣдивъ всѣхъ своихъ враговъ, возвратилъ имперіи славу, которой лишена она была въ продолженіе цѣлаго столѣтія. День прибытія Ѳеодосія и освобожденія церкви Св. Софіи отъ Аріанъ для нѣкоторыхъ былъ днемъ тріумфа, а для другихъ — днемъ ужаса. Въ то время никто не помышлялъ о милосердіи, и потому образъ дѣйствій, по словамъ Григорія, похожій на побѣду, для всѣхъ православныхъ былъ священнымъ торжествомъ.

Архіепископъ не употребилъ во зло этой побѣды и могущества Ѳеодосія; онъ снисходилъ къ Аріанамъ и старался преклонить ихъ убѣжденіемъ. Сохраняя среди пышности Константинополя и двора бѣдность первыхъ временъ, во всѣхъ вселивъ къ себѣ глубокое уваженіе одною

лишь добродѣтелью, силою генія своего не замедлилъ также Святитель и отклонить отъ себя придворныхъ, не находившихъ у него роскоши, и ложныхъ ревнителей Вѣры, не одобрявшихъ его снисходительности. Въ тѣ времена въ удѣлъ Христіанамъ доставались одни лишь страданія или преслѣдованія. Θеодосій, принявъ Никейскіе догматы, желалъ обнародовать жестокіе эдикты, уничтожавшіе всѣ разногласныя секты.

Григорій Назіанзинскій, другъ спокойствія, не хотѣвъ отражать нападеній, подалъ въ Соборъ просьбу объ увольненіи его отъ епископства. Не смотря на всю твердость своей добродѣтели, не могъ Святитель безъ сильной грусти снести извѣстія о томъ, что желаніе его съ возможною скоростью исполнено. Тогда собравъ народъ въ церкви Св. Софіи, послѣднею рѣчью объявилъ имъ о своемъ увольненіи. Успѣхъ слова былъ неимовѣрный; геній оратора никогда не казался столь блестящимъ и возвышеннымъ. Григорій съ простотою отдаетъ отчетъ въ своей жизни, въ усиліяхъ о благосостояніи народа; разительно показавъ властолюбіе противниковъ своихъ, опровергаетъ ихъ упреки.

»Ты глава Церкви; тебѣ благопріятствуетъ время и могущество Императора: сколько же поносили насъ? Чего мы не претерпѣвали? Но измѣнились дѣла человѣческія — и мы можемъ отмстить, и должны наказать тѣхъ, отъ кого сносили столько поношенія. — Что же? Мы торжествуемъ, а преслѣдователи наши скрылись!«

»Да«, присоединяетъ Григорій, »велика для меня та месть, за которую могу я отмстить« и сѣтуетъ о людяхъ, желающихъ нанести зло дру-

гимъ; далѣе продолжаетъ опровергать упреки за неимѣніе роскошнаго стола и пышной свиты. — »Я не зналъ«, говоритъ епископъ, »что мы должны состязаться съ консулами и военачальниками въ роскоши и великолѣпіи. Если находятъ меня въ томъ лишь виновнымъ: пусть провозгласятъ епископомъ другаго, а мнѣ предоставятъ уединеніе и покой.« Окончивъ рѣчь, краснорѣчивый ораторъ заключаетъ прощальнымъ воззваніемъ ко всѣмъ мѣстамъ, близкимъ его сердцу.

»Прощай, церковь Аѳанасія — прощайте, памятники нашей общей славы, знаменитый храмъ — новая побѣда наша — храмъ, который Христосъ наполняетъ столь многочисленною братіею! Прощайте, святыя обители, разбросанныя по городу и служащія невидимою въ немъ связью; прощайте, Св. Апостолы, руководившіе всегда меня къ побѣдамъ; прощай, Святительская каѳедра, совѣтъ первосвященниковъ, украшенный добродѣтелью. Вы, служители Господа, ликъ Назареевъ, гармонія псалмовъ, чистота дѣвъ, скромность женъ, толпы сиротъ и вдовицъ, взоры бѣдныхъ, обращенные къ Богу и на меня — прощайте!«

»Прощайте, любящіе слушать мои рѣчи, тѣснящійся народъ, среди котораго такъ часто многіе скрытно записывали слова мои; прощайте, ограды священнаго храма, не разъ ниспроверженныя паствою, стремившеюся внимать моимъ словамъ; прощайте, сильные земли, служители и придворные, вѣрные своему господину, а бóльшею частію невѣрные Господу Богу! Прославляйте рукоплесканіями, возносите до небесъ новаго вашего витію; но гласъ, уже для васъ не столь пріятный, умолкаетъ. . . .«

»Прощай, верховный градъ, возлюбленный Господомъ; я такъ называю его, а онъ, по усердію своему, не стоитъ этого названія; самая разлука смягчаетъ мои рѣчи. Будьте справедливы; исправтесь, хотя уже слишкомъ поздно.«

»Прощай, Востокъ и Западъ, за васъ я подвизался, за васъ истощилъ всѣ силы. Если другіе епископы захотятъ послѣдовать моему примѣру; то благословляю того, кто будетъ въ состояніи васъ успокоить. Но прощальный гласъ мой высоко вознесется, когда я воскликну: прощайте, ангелы-хранители этой церкви, мои здѣсь покровители; не оставляйте меня и въ изгнаніи! Прости, Святая Троица — мысль и слава моя! Да сохранятъ всѣ къ Тебѣ прежнюю любовь! Да спасетъ Ты мою паству! Да услышу я, что всякій день подвизается она въ мудрости и добродѣтели. Благодать Господа Іисуса Христа да будетъ всегда съ вами!«

Краснорѣчивый архіепископъ отправился въ Кесарію, гдѣ воздавъ подобающее чествованіе останкамъ Василія, съ грустію удалился въ окрестности Аріанза, въ свою родину. — Здѣсь кончилъ онъ жизнь свою, занимаясь обработываніемъ сада и снова одушевленный чувствомъ поэзіи, составлявшей утѣшеніе его юности.

Св. Іоаннъ Златоустъ, воспитанный въ Христіанскомъ законѣ, часто посѣщалъ чтенія о краснорѣчіи Ливанія, друга Юліанова. Мать его двадцати лѣтъ осталась вдовою и до глубокой старости жила уединенно. Ливаній, удивленный рѣшимостью ея, однажды, обратившись къ языческимъ слушателямъ своимъ, сказалъ: »О, боги Греціи! —

вотъ каковы могутъ быть женщины между Христіанами!«

Софистъ-язычникъ обратилъ все свое вниманіе на юнаго Златоуста, и съ безпокойствомъ, но безъ зависти, смотрѣлъ на возвышавшагося противника своей вѣры, не теряя однако надежды частымъ объясненіемъ баснь Омировыхъ, которыя онъ краснорѣчиво излагалъ своимъ слушателямъ, обратить его въ язычество. Въ эту эпоху продолжительной борьбы двухъ религій каждая изъ противныхъ сторонъ считала великимъ торжествомъ преклоненіе на свою сторону человѣка, одареннаго великимъ геніемъ. Тщетны были старанія Ливанія; напрасно посылалъ онъ письма въ Антіохію и выхвалялъ дарованія юноши: онъ не поколебалъ Златоуста, вѣрнаго своимъ догматамъ — Златоуста, который вскорѣ весь предался съ жаромъ Христіанскому Богослуженію.

Ливаній смотрѣлъ на геній своего ученика, какъ на даръ музъ, долженствовавшій сохранять законъ Бога. Мысль эта невольно заставляла его говорить на одрѣ смерти: »Увы, если бы Христіане не похитили у насъ Златоуста, я бы поручилъ ему надзоръ за моею школою.« — Когда борьба противныхъ мнѣній раздѣляетъ общество; тогда обыкновенныя занятія жизни не могутъ достаточно удовлетворить пылкій талантъ. Златоустъ началъ заниматься въ Антіохіи судебными дѣлами; но вскорѣ предался чтенію Св. Писанія, и епископъ этого города спѣшилъ присоединить его, какъ блестящаго генія, къ Христіанскому обществу, назначивъ ему каѳедру въ одной изъ церквей Антіохіи для того, чтобъ онъ имѣлъ время приготовиться къ сану священника. Другъ

его, столь же ревностный Христіанинъ, какъ и онъ, старался увлечь его съ собою въ пустыни Сиріи, гдѣ нѣсколько отшельниковъ вели жизнь благочестивую; но Златоустъ не исполнилъ этого по просьбамъ и сопротивленію матери. — Какъ живо описываетъ онъ трогательныя ея мольбы! Никогда краснорѣчіе его не побѣждало нѣжныхъ и убѣдительныхъ словъ благочестивой женщины — болѣе матери, нежели Христіанки. »Когда мать моя«, говоритъ Златоустъ, »узнала о намѣреніи моемъ удалиться въ пустыни; тогда, взявши меня за руку, отвела въ опочивальню, посадила на кровать, на которой родился я, заплакала и умоляла ея не покидать.« Какъ естественны въ Златоустѣ простодушныя жалобы огорченной матери! Припомнивъ страданія, которыя испытала, оставшись вдовою, она сказала: »Сынъ мой! среди несчастій я находила одно лишь утѣшеніе — безпрестанно любоваться тобою, и въ чертахъ твоихъ созерцать образъ покойнаго отца. Ты служилъ мнѣ отрадою съ самыхъ юныхъ лѣтъ жизни твоей — въ томъ юномъ возрастѣ, когда дѣти доставляютъ родителямъ величайшія радости. Объ одномъ лишь умоляю тебя: не нанеси мнѣ другаго вдовства; не пробуди во мнѣ печальныхъ думъ, начавшихъ изглаждаться изъ памяти; не заставь снова носить печальное одѣяніе; дождись по крайней мѣрѣ дня смерти моей; можетъ быть, не долго мнѣ оставаться на этомъ свѣтѣ. Въ молодыхъ лѣтахъ можно еще ожидать старости; мнѣ же остается желать одной смерти. Скоро прахъ матери соединится вмѣстѣ съ прахомъ отца твоего: тогда предпринимай дальнія странствія; никто не воспрепятствуетъ тебѣ въ этомъ; но пока жизнь моя еще не потухла,

живи со мною, не покидай меня, не навлекай на себя Божьяго гнѣва, не удручай матери такими муками!«

Какъ сильно трогаетъ голосъ скорби и истины! Это простота, вдохновенная самою природою. Христіанскій законъ, противорѣчащій душевнымъ страстямъ, придавалъ словамъ этимъ святость. Вся тайна материнскаго сердца высказывается въ ея чистой, простодушной мольбѣ о томъ, чтобъ сынъ не жертвовалъ ею для собственныхъ своихъ намѣреній. И могъ ли Златоустъ рѣшиться, огорчить мать? Онъ отмѣнилъ свое намѣреніе, предпринять отдаленное путешествіе; но вскорѣ Антіохійцы единогласно изъявили желаніе имѣть его своимъ епископомъ. Дабы отклонить настойчивыя просьбы ихъ, онъ принужденъ былъ удалиться въ пустыни, лежащія близъ Антіохіи. — Тамъ написавъ »О Священствѣ«, сочиненіе, внушенное чувствомъ и живымъ воображеніемъ, въ которомъ представлены тяжкія обязанности епископа, сознается, что онъ никакъ не рѣшался принять предложенія народа, нѣсколько лѣтъ провелъ въ уединеніи — вдали отъ шума свѣта. Такой образъ жизни укрѣпляетъ душевныя силы. Дѣйствительно, уединеніе источникъ глубокихъ мыслей; въ послѣднія столѣтія имперіи оно иногда придавало человѣку силу, какой не имѣетъ общество. Но для душъ слишкомъ слабыхъ или слишкомъ пылкихъ это уединеніе было вредно; потому что доводило многихъ до изступленія. Такимъ образомъ суровая школа пустыни образовывала великихъ людей. Но часто между Христіанами слышны были и жалобы на уединенную жизнь: осуждали рвеніе, заставлявшее человѣка удаляться отъ общества

и изнурявшее силы. Юный Златоустъ, отъ волненій свѣта скрывшійся въ пещеры, показывалъ ложность общепринятаго мнѣнія. Но могли ли его возраженія поколебать предразсудокъ вѣка? Возвратившись въ Антіохію и вступивъ въ низшія должности священства, чрезъ нѣсколько лѣтъ посвященъ онъ былъ въ высокій санъ этотъ епископомъ Флавіаномъ, который поручилъ ему и наставленіе жителей города — Аѳинъ Востока. Проповѣданіе истинъ Евангелія составляло главное занятіе епископовъ первоначальной Церкви; при старости они имѣли обыкновеніе передавать обязанность проповѣданія другому, потому что у всѣхъ народовъ Греческаго происхожденія слово было какъ бы талисманомъ религіознымъ. Всѣ обучались у краснорѣчивыхъ священниковъ — ораторовъ, а впослѣдствіи у софистовъ.

Не только Христіане, но даже Евреи и язычники стекались на бесѣды, въ которыхъ Златоустъ излагалъ Св. Писаніе, съ пылкимъ, живымъ воображеніемъ. Краснорѣчиво вычисляя нравственныя обязанности Христіанъ, нападалъ онъ на пороки, гнѣздившіеся въ Антіохіи, описывалъ изнѣженную жизнь вельможъ, ихъ кедровые дворцы, мотовство и роскошь женъ, наполнявшихъ улицы свитами евнуховъ и невольниковъ, и наконецъ гордость философовъ. Слава о краснорѣчіи его быстро распространилась по всему Востоку: языческіе софисты изъ далекихъ странъ стекались въ Антіохію, и геній его придавалъ могучую силу ученію Христіанъ, находившему нѣкоторое сопротивленіе въ языческихъ философахъ Греціи.

Въ продолженіе многихъ лѣтъ Златоустъ наставлялъ народъ, прежде имъ защищаемый;

творенія его составляютъ полный курсъ нравственнаго проповѣданія, дошедшаго до насъ отъ Христіанской древности. Кромѣ снисхожденія къ предразсудкамъ вѣка, повсюду выказывается великій геній, глубокое познаніе человѣческаго сердца, любовь истинно Евангельская. Рѣчи его любопытны и въ отношеніи историческомъ. Христіанское образованіе Востока, эта эпоха, присоединяющая къ простотѣ религіознаго рвенія въ высокой степени даръ слова, вся ожила въ краснорѣчивыхъ страницахъ оратора Антіохіи.

Посмотримъ, какъ онъ возвышается надъ своими современниками. »Благотворительнаго человѣка«, говоритъ онъ, »можно назвать пристанью, открытою для несчастныхъ. Берегъ принимаетъ всѣхъ безъ различія, подвергающихся кораблекрушенію, и злыхъ и добрыхъ — предлагаетъ имъ убѣжище отъ бури, не смотря ни на ихъ погрѣшности, ни на степень опасности. Такъ же точно должны поступать и вы съ тѣми, которые на землѣ убиты несчастіемъ. Не подвергая строгому сужденію ихъ жизнь, старайтесь облегчить страданія. Богъ не возлагаетъ на васъ обязанности неумолимой бдительности. Будьте только благотворительны. Большая разница между судьею и Христіаниномъ, раздающимъ милостыню. Самое слово »милостыня« получило названіе отъ милованія, которое насъ побуждаетъ быть сострадательными. Вспомните слова Св. Павла: Не переставайте благотворить всѣмъ. Если мы строго будемъ судить ближнихъ нашихъ, то едва ли найдемъ такихъ, которые вполнѣ заслуживали бы наше состраданіе; но если будемъ раздѣлять свое достояніе съ добродушіемъ, то вѣроятно встрѣтимъ и достойныхъ. — Послѣдуемъ примѣру Авраама, который

отверзалъ дверь своего дома всякому нуждавшемуся и былъ осчастливленъ посѣщеніемъ трехъ Ангеловъ. Страданія бѣднаго уже даютъ право на наше благодѣяніе. Если человѣкъ является къ намъ, умоляющій облегчить его несчастіе, то чегожъ болѣе? Оказывая ему помощь, мы уважаемъ въ немъ человѣчество, а не важность его поступковъ; насъ трогаетъ не добродѣтель, а нищета. Намъ ли разсматривать права тѣхъ, которые достойны милости Господа? Намъ ли требовать отчета въ жизни несчастныхъ?«

Краснорѣчивый пастырь желалъ всю жизнь провесть въ Антіохіи; но желаніе его не исполнилось. Епископскій престолъ въ Константинополѣ, по смерти Θеодосія, въ царствованіе двухъ сыновей его, раздѣлившихъ между собою Римскій міръ, никѣмъ не былъ занятъ. Геній Златоуста обратилъ на себя вниманіе всей имперіи, и этого хотѣлъ Аркадій облечь въ это достоинство. Всѣ одобрили выборъ Императора — Златоустъ посвященъ въ санъ епископа; но надъ нимъ невидимо сбиралась грозная туча. Множество соперниковъ домогались этого сана. Епископы, не надѣявшіеся достигнуть цѣли, къ которой стремились, старались по крайней мѣрѣ о томъ, чтобъ на престолъ возведенъ былъ человѣкъ низшаго достоинства. Дворъ Константинопольскій страшился Златоустовыхъ нападеній на пороки. Одинъ лишь народъ, горестный свидѣтель злобы варваровъ, разорявшихъ села и веси — онъ одинъ боготворилъ Златоуста, прославленнаго на Востокѣ. Здѣсь витія увидѣлъ яркое отраженіе всѣхъ пороковъ Азіи, умноженныхъ еще пребываніемъ изнѣженнаго двора. Θеодосій передалъ наслѣднику своему одну лишь страсть къ

суетному великолѣпію. Вѣрное изображеніе Восточной роскоши находимъ въ писаніяхъ Златоуста. Онъ краснорѣчіемъ своимъ утѣшалъ несчастныхъ. По возвращеніи въ Константинополь, произнесъ предъ народомъ рѣчь, дающую понятіе о царствованіи Аркадія: »Я, общій отецъ, обязанъ пещись не объ однихъ счастливыхъ, но и о тѣхъ, которые платятъ дань несчастію; съ этою цѣлью на нѣкоторое время оставлялъ я васъ, желая испросить мольбами и совѣтами милость главамъ имперіи.« Потомъ предавался онъ благочестивымъ размышленіямъ о непостоянствѣ счастія въ здѣшней жизни.

Противъ Златоуста съ новымъ ожесточеніемъ возстали его противники: они именовали священниковъ, придворныхъ, богатыхъ владѣтельницъ, будто оскорбленныхъ истиною словъ оратора, наконецъ Евдоксію и даже Θеодосія. Для удобнѣйшаго приведенія въ исполненіе мести, собранъ былъ соборъ. Θеофилъ, епископъ Александрійскій, нападалъ на безвиннаго со всею силою ужасной ненависти. Но многіе епископы, удивлявшіеся генію Златоуста, отказались принять участіе въ общемъ умыслѣ. Не смотря на всѣ грозныя бури, готовыя разразиться, Златоустъ проповѣдывалъ на Христіанскихъ каѳедрахъ съ новымъ величіемъ. »Чего мнѣ бояться, говорилъ онъ? »Смерти? Но развѣ не извѣстно, что жизнь моя заключается въ Богѣ, и что смерть я почту наградою за здѣшнее странствіе? Изгнанія? Но земля во всемъ своемъ пространствѣ кому же и принадлежитъ, какъ не Богу? Потери ли собственности, богатствъ? Пришедши въ этотъ міръ неимущими, мы тѣмиже и возвратимся отсюда. И такъ, презирая всѣ воображаемые ужасы міра, я посмѣваюсь надъ призра-

ками земнаго блаженства.« . . . »Друзья! кто не знаетъ настоящей причины моей погибели? Да еслибъ хотѣлъ я, чтобъ восхваляли, превозносили меня до небесъ, мнѣ бы стоило лишь домъ мой убрать драгоцѣнными обоями, самому облекаться въ золотыя и шелковыя ткани, льстя изнѣженности и сластолюбію вельможъ. Иродіада требуетъ еще разъ главу Іоанна.« Враги Златоуста, участвовавшіе въ совѣтѣ, воспользовались этою рѣчью, торжественно произнесли низложеніе епископа и просили Императора утвердить ихъ рѣшеніе.

Златоустъ былъ взятъ ночью, и, не смотря на жалобы и сопротивленіе народа, который въ своемъ робкомъ униженіи обоготворялъ его какъ своего защитника, посаженъ на корабль. Народу нравилась строгая жизнь и справедливость его равно въ отношеніи къ богатымъ и бѣднымъ. Лишившись проповѣдника, онъ лишился и единственной опоры; жители Константинополя скорбѣли о своей участи. Землетрясеніе, казалось, возвѣщало гнѣвъ Божій. Довольные и недовольные, всѣ трепетали отъ ужаса. Слабодушный Аркадій и Евдоксія, устрашенные ненавистью народа, спѣшили возвратить въ Константинополь изгнанника; посольства къ Златоусту отправлялись одно за другимъ, и Римъ, нѣкогда угрожаемый опасностью, не посылалъ столькихъ пословъ къ Коріолану.

Ѳеофилъ и многіе епископы скрылись. Весь босфоръ покрылся кораблями, отправившимися на встрѣчу Златоусту. Зажженные свѣтильники и народныя пѣсни восхваляли его возвращеніе; но витія отказался отъ предложенныхъ почестей епископства, и намѣревался остановиться въ предмѣстьи Константинополя. Восторгъ на-

рода принудилъ Златоуста снова занять каѳедру, столь возвышенную и прославленную его геніемъ.

Въ это время онъ витійствовалъ въ Св. Софіи и краснорѣчіе его начинало потрясать могущество враговъ. Сорокъ епископовъ старались низвести его съ престола, а большее еще число уговаривало Императора изгнать его до наступленія Пасхи: опасались, чтобъ въ этотъ торжественный день онъ не порицалъ ихъ съ большимъ ожесточеніемъ. Наконецъ Ѳеодосій обнародовалъ опредѣленіе объ изгнаніи Златоуста. Сначала отправленный въ Никею, а оттуда въ небольшой городокъ Арменіи, принужденъ онъ былъ перемѣнить мѣсто изгнанія и удалиться на берега Чернаго моря. Жестокое обращеніе съ нимъ воиновъ, провожавшихъ его, ускорило лишь исполненіе повелѣній Византійскаго двора. Маститый старецъ, въ знойные дни, съ открытою головой, оскорбляемый стражами, истощившій силы свои бдѣніемъ и суровою жизнію, не могъ перенесть тягостнаго путешествія, и скончался близь Команы.

Жизнь Златоуста сливается съ исторіею его краснорѣчія. Твердость, съ какою онъ переносилъ преслѣдованія, изъясняетъ геній витіи. Занятія его въ Греціи, въ школѣ Ливанія, снисходительная жалость къ матери, побѣгъ въ пустыню, сила, какую имѣлъ онъ надъ жителями Антіохіи, торжества его въ Константинополѣ, твердость, съ какою переносилъ изгнаніе, соотвѣтствуютъ всѣмъ измѣненіямъ его краснорѣчія, то аллегорическаго и снисходительнаго, то строгаго и возвышеннаго. Ни одинъ витія не могъ лучше и славнѣе проповѣдывать

слова Евангельскаго. Онъ по преимуществу витія Христіанскій, строгій преобразователь Церкви. Въ его усладительныхъ и живыхъ бесѣдахъ всегда выказывается воображеніе. Одушевленный языкъ восхищалъ новообращенныхъ Христіанъ Востока, возвышенная нравственность витіи являлась имъ украшенная поэзіею. Краснорѣчіе Златоуста заключаетъ въ себѣ образецъ Азіатской пышности. Въ немъ часто встрѣчаемъ изображеніе высокихъ картинъ природы. Слогъ его болѣе блестящъ, нежели разнообразенъ; это блескъ того ослѣпительнаго огня, который горитъ на очаровательномъ небѣ Сиріи. Читая творенія его, никакъ не вѣришь тому, что онъ жилъ въ эпоху, столь близко подходившую къ грубымъ среднимъ вѣкамъ. Невольно спрашиваешь самого себя, какъ могло общество въ это столѣтіе упадка столько измѣниться при голосѣ новой Религіи и возвыситься надъ древностью, ни мало на нее не походя. Вотъ дѣйствіе, произведенное великимъ геніемъ!

И такъ по справедливости четвертое столѣтіе почитается великою эпохой въ исторіи первоначальной Церкви и золотымъ вѣкомъ духовнаго краснорѣчія.

Чтеніе двадцать пятое.

О краснорѣчія отечественномъ. — Развитіе элемента религіознаго и ученаго въ краснорѣчіи. — Примѣры изъ отечественныхъ витій.

Всѣ періоды цвѣтущаго состоянія краснорѣчія современны важнѣйшимъ событіямъ исторической жизни народовъ. Въ Греціи и Римѣ оно было орудіемъ правленія; назначеніе краснорѣчія Христіанскаго — возвысить духъ надъ чувственностью, безконечное въ насъ начало по возможности освободить отъ преобладанія начала конечнаго. Вездѣ краснорѣчіе, выражая развитіе народнаго духа подъ условіями мѣста и времени, является органомъ сильныхъ страстей, истолкователемъ долга нашего и обязанностей. Представьте на вѣчѣ олицетворенныя страсти народныя въ ихъ витіяхъ — толпы слушателей, слѣдующихъ мыслями за тѣмъ или другимъ ораторомъ; вспомните, что словомъ витійственнымъ рѣшалась участь гражданъ: и вы объясните себѣ одушевленіе истиннаго краснорѣчія, изумительную способность говорить безъ приготовленія и говорить убѣдительно, располагать волею другихъ по своей волѣ.

Гдѣжъ начала краснорѣчія въ нашей отечественной Словесности? Гдѣ развитіе народнаго самопознанія, воспитаніе и приготовленіе ораторовъ?

Въ продолженіе XVI и XVII столѣтій, когда государства Западной Европы уже славились успѣ-

хами наукъ, искусствъ и словесности, умственная дѣятельность наша воспитывалась подъ руководствомъ религіознаго ученія. Всѣ силы могучаго исполина, какимъ является отечество наше во второй половинѣ XVIII вѣка, возбуждаетъ великій Преобразитель Россіи, Петръ 1й. Его зиждительнымъ словомъ возникло благоустроенное войско на сушѣ и на морѣ, возбудилась народная промышленность и торговля, учреждены училища для образованія юношества всѣхъ сословій, пріобрѣтены ученыя сокровища, заведены типографіи, которымъ самъ Монархъ указалъ новыя письмена гражданскія: и мы стали дѣятельными участниками въ событіяхъ и дѣлахъ Европы, возчувствовали себя самихъ, познали, что мы, оставаясь Русскими, можемъ пользоваться благодатными плодами просвѣщенія. Отсюда начинается новая жизнь наша въ ряду Европейскихъ государствъ, періодъ народнаго самопознанія, или періодъ наукъ, искусствъ и словесности.

Въ открытый Петромъ новый міръ, въ міръ знаній, устремились всѣ силы духа; въ знаніи сосредоточилась вся жизнь умственная; творческое искусство, какъ критъ быта общественнаго, не разцвѣтало среди этой умственной работы, во время ученыхъ пріобрѣтеній изъ новаго міра знаній, еще необразовавшихъ стройнаго цѣлаго. Сподвижники Петра на поприщѣ просвѣщенія, Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичь, Гавріилъ Бужинскій, согрѣвая народъ теплотою Вѣры и преданности Престолу, главныхъ стихій народнаго нашего характера, славили спасительное дѣйствіе преобразованій Петровыхъ. Въ училищахъ, учрежденныхъ для дворянства, воспитывались способные люди для службы Государевой,

Московская и Кіевская духовныя Академіи соперничествовали въ образованіи правителей Церкви. Но въ половинѣ осмнадцатаго столѣтія, питомцы Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи проповѣдью на Великороссійскомъ нарѣчіи начинали опережать ученыхъ Малороссіянъ. Академія наукъ въ новомъ градѣ Петра представляла чужеземные плоды на Русской почвѣ: знаменитые ученостью иностранцы, приглашенные въ Академію, продолжали разработывать науку, понятную для немногихъ, посвященныхъ въ ея таинства, и разумѣвшихъ иностранные языки; а благодатный свѣтъ ея распространяется только посредствомъ народнаго слова.

Еще не было средоточія для народнаго самопознанія, въ которомъ бы чужеземныя пріобрѣтенія превращались въ живительную кровь, и, подъ вдохновеніемъ отечественной Вѣры, закона, исторіи, изливались бы въ живомъ Русскомъ словѣ. Какъ потребность духа времени, какъ продолженіе великаго дѣла Петрова — народнаго образованія, по слову Елисаветы, явился Московскій Университетъ. Хранить небесный огнь науки и проливать благотворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ — таково было его призваніе. Тутъ появляются на поприщѣ витійства Димитрій Сѣченовъ, Гедеонъ Криновскій, Порфирій Крайскій, Амвросій Юскевичь, Сильвестръ Кулябка, Арсеній Максѣевичъ.

Между тѣмъ наступило для Русскихъ время полнѣйшаго проявленія народнаго самопознанія — вѣкъ Екатерины II. До этого времени духъ нашихъ предковъ сосредоточивался въ силѣ познавательной; но въ это царствованіе отцы наши болѣе возчувствовали самихъ себя, въ нихъ воспрянула любовь къ самимъ себѣ, къ отечественному слову; наступила пора вы-

разиться силѣ воли въ сознаніи могущества своего, силѣ чувства — въ словѣ фантазіи. Монархиня, высоко цѣнившая дарованія и ученость, занималась Русскимъ словомъ, зная могущественное вліяніе отечественной словесности на образованіе народа: явилось новое поколѣніе писателей, образовавшихся въ Московскомъ Университетѣ. Съ учрежденіемъ Россійской Академіи, не остановилось вліяніе Университета на слово. Если Академія прислушивается къ языку живому, слѣдитъ самобытныхъ писателей — и всѣ сокровища народнаго языка вноситъ въ Словарь свой, всѣ изгибы народной рѣчи вписываетъ въ Грамматику: то сила дѣятельная, изъ нѣдръ своихъ добывающая образы для каждой новой мысли, для каждаго оттѣнка чувства — сила, приводящая все разнообразіе міра словъ въ стройную, народную рѣчь, запечатлѣнную духомъ народнымъ, есть наука. Могуществомъ науки духъ человѣческій, объемля собою всю природу и претворяя ее въ свое собственное существо, воспроизводитъ изъ себя новый міръ въ словѣ, развиваетъ въ немъ всѣ разнообразные помыслы, движенія и чувствованія. И храмъ наукъ, Университетъ, не переставалъ обогащать соотечественниковъ новыми понятіями, облекая ихъ въ новыя выраженія. Къ вѣку Екатерины II принадлежатъ духовные витіи: Платонъ, Георгій, Анастасій, Леванда и многіе достойные ихъ подражатели (*).

Чѣмъ же встрѣченъ былъ у насъ девятнадцатый вѣкъ? — Петръ I вывелъ насъ на поприще Европейской дѣятельности; Ек терина II

(*) См. Рѣчь о содѣйствіи Московскаго Университета успѣхамъ отечественной Словесности. Москва, 1836.

торжественно довершила мысль Преобразителя; Александръ I открылъ намъ поприще Европейскаго просвѣщенія. Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія служила намъ образцомъ изувѣченная схоластикою Латинская словесность, во второй подражательная классическо-Французская литтература. Но когда Германія и Англія перестали подражать однѣмъ формамъ классической древности, изучивъ творческія созданія ея въ сущности, возсоревновали древности въ самомъ творчествѣ; когда убѣдились, что словесность выражаетъ народное самопознаніе; когда новое искусство возчувствовало въ себѣ особое вдохновеніе, узнало силы свои, увидѣло иное направленіе — красоты міровыя сліять съ красотами народными: тогда и мы увѣрились въ существованіи другихъ образцовыхъ писателей, кромѣ писателей Франціи. Главный характеръ просвѣщенія нашего въ этомъ періодѣ состоитъ во всеобщности образованія, въ повсемѣстномъ распространеніи свѣта наукъ; онѣ стали достояніемъ всѣхъ и каждаго, кто только имѣлъ возвышенную душу для воспріятія ихъ блага. По дѣйствію повсюднаго распространенія знаній, образовался новый классъ людей просвѣщенныхъ, занимавшій средину между блескомъ высшаго общества и схоластическою ученостью, съ новымъ языкомъ, съ рѣчью, перелитою въ словесность прямо изъ устъ народа. Здѣсь уже рожденіе мысли объ открытіи народныхъ элементовъ для умственной жизни — мысли о созданіи Русской Словесности. Михаилъ, Амвросій Протасовъ, Августинъ — представители духовнаго витійства этого времени.

При такомъ состояніи умственной жизни нашей, какіежъ элементы краснорѣчія и въ какихъ формахъ могли развиваться? Религія, за-

конодательство, науки — вот элементы нашего витийства. Они, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, развивались въ проповѣди слова Божія, въ манифестахъ или всенародныхъ объявленіяхъ о дѣлахъ Государственныхъ, въ похвальныхъ и надгробныхъ словахъ, въ рѣчахъ Академическихъ. Проповѣди, похвальныя и надгробныя слова, академическія рѣчи соотвѣтствуютъ повѣствовательнымъ рѣчамъ древнихъ; всенародныя объявленія, имѣющія цѣлію убѣжденіе и просвѣщеніе разума, въ основаніи своемъ одинаковы съ рѣчами совѣщательными.

Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, въ духовномъ краснорѣчіи занимаетъ безспорно первое мѣсто *Феофанъ Прокоповичъ*. Современники, говоритъ ученый изслѣдователь успѣховъ витійства нашего въ это время (*), могли услаждаться голосомъ его, тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица; но мы смотримъ на вѣковыя достоинства Феофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на ораторское искусство въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, а особливо на художественное расположеніе частей слова. Порядокъ въ мысляхъ и движенія ораторскія составляютъ отличительное свойство словъ Феофановыхъ. Не обращая вниманія на слогъ его, нечистый, негладкій, состоящій изъ формъ Славяно-Церковнаго языка и испещренный реченіями простонародными Русскими, Малороссійскими и чужестранными, въ каждомъ словѣ видимъ взаимную зависимость мыслей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ главной цѣли, подъ

(*) См. въ Трудахъ Общества Россійской Словесности, Ч. I: *Взглядъ* на успѣхи Россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, Проф. *Каченовскаго*.

сильнымъ влiянiемъ Латинскихъ писателей. Онъ постигалъ важность и пользу для Россiи преобразованiй Петровыхъ: отъ того его слова представляютъ намъ изображенiе великаго характера непреодолимой воли Отца отечества ко благу подданныхъ, его мужества, заботливости, и не посредствомъ холодныхъ описанiй и повѣствованiй, но изображенiемъ въ огненныхъ чертахъ души восторженной.

Взглянемъ на тѣ слова Θеофановы, которыя воодушевлены особенно важными современными событiями: это собственно витiйство. Въ словѣ по случаю Полтавскаго сраженiя Θеофанъ разсматриваетъ: »Коликая супостатская лютость и сила уготована была на насъ; како она оружiемъ Россiйскимъ сломлена на Полтавской баталiи; кiя плоды толь преславной викторiи родилися намъ.« Здѣсь онъ приводитъ примѣры изъ Виргилiя, распространяется о второй Пунической войнѣ, говоритъ, что дѣла Петра превыше дѣлъ Аннибаловыхъ; обращается на поля Полтавы, сѣтуетъ при гибели враговъ на берегахъ Днѣпровскихъ и сравниваетъ эту побѣду съ пораженiемъ льва мощнымъ Самсономъ. Уподобленiе прекрасное: дѣйствительно левъ Швецiи сокрушенъ въ тотъ самый день, когда православная Церковь наша празднуетъ память этого Праведника. Выпишемъ изъ этого слова изображенiе Полтавской битвы, гдѣ первымъ героемъ былъ Петръ Великiй.

»Продолжалося такъ лютое бѣдство съ нѣкiими на обѣ страны перемѣнными успѣхи чрезъ осмь мѣсяцевъ, таже блисну день Самсоновъ: о день присноnамятный! о день многихъ вѣковъ дражайшiй! вiкторiа, слышателiе, вiкторiа! а кто вiкторiю сiю, а кой языкъ, кой гласъ по достоя-

нію провозгласити можетъ? Аще бы громы по человѣческому говорити умѣли, тое развѣ витійство было бы достойно къ славѣ сей.«

»Утреневалъ непріятель, напалъ на редуты, и получилъ нѣкую себѣ утѣху; но къ чему? только дабы извѣстно сотворити, что не дремлющихъ, не сонныхъ мы побѣдили: они паче разбудили нашихъ къ своей погибели. Вступили во огнь двѣ славныя арміи: тую устремила ярость гордая, ужè за рвеніе и житіемъ служающая, сію же ввела праведная ревность и печаль на Бога положенная. Воскликнулъ не одинъ: *буди Господи милость Твоя на насъ, якоже мы уповахомъ на Тя.* Блисну отвсюду страшный огнь, и возгремѣли смертоносные громы. Отвсюду чаяніе смерти, а дымомъ и прахомъ помрачился день: непрестающая стрѣльба, а упоръ непріятельскій непреклонный. Но сердцà Россійская: ваша, храбрѣйшіи Генералы и прочіи офицеры, ваша, вси воини дерзостнѣйшіи, сердцà забыли тѣлеснаго своего состава, возмнилися себе быти адамантова, или паче забыли житейскія сладости, и смерть предпочли житію: такъ вси прямо стрѣльбы, въ лице смерти, никтоже вспять не зритъ: единое всѣмъ попеченіе, дабы не съ тылу смерть пришла.«

»Но паче всѣхъ обращаетъ на себе наши очи Петръ, Петръ и къ скипетру, и къ мечу родившійся, Самодержецъ нашъ и воинственникъ нашъ: гдѣ не съ стороны, аки на позорищи стоитъ, но самъ въ дѣйствіи толикой трагедіи, и гдѣ страшнѣйшій огнь, гдѣ лютость большая, ту и онъ: и какъ въ правленіи государства ни покоемужде Государь другій онъ не есть, такъ и въ дѣлѣ воинскомъ, никоемужде воину тщится быти непослѣдній. И засвидѣтельствова страшный слу-

чай мужественное его смерти небреженіе шляпа, пулею пробитая. О страшный и благополучный случай! далече ли смерть была отъ боговѣнчанныя главы? Не явственно ли симъ показа Богъ, яко самъ Онъ съ Царемъ нашимъ воюетъ? Повелѣ приступити смерти къ нему, но запрети коснутися его. Тутъ же купно и сумнительство Історіямъ, и притвореніе завистнымъ вѣстямъ пресѣчеся, не льзя говорити: латами обложенъ, шлемомъ твердымъ покрытый былъ Царь Петръ; шляпа пробитая заградитъ уста. Не льзя говорити: себе ради не щадитъ крови людской Царь Петръ; шляпа свидѣтельствуетъ, что и своей крови не щадитъ. Извѣстно убо есть, яко цѣлость отечества своего купуетъ кровію, а купуетъ по нуждѣ; не льзя бо говорить, что и отчаянно воюетъ. Мощно рещи о сопротивникѣ его, что отчаянно на смерть ходитъ; гордостію бо и ревеніемъ поощряется, и яко ужѐ не однократно дѣломъ показа въ щастіи и въ нещастіи своемъ мира не любитъ. Но богомудрый нашъ Монархъ и полезнаго мира всегда ищетъ, и нуждею въ войну влекомь такъ не устраняется отъ смерти, какъ то свидѣтельствуетъ шляпа пробитая. О шляпа драгоцѣнная! не дорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ Історики, которыи Россійское Государство описуютъ, что ни на единомъ Европейскомъ Государѣ не видити есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на Монархѣ Россійстѣмъ; но отселѣ ужѐ не корону, но шляпу сію Цареву разсуждайте, и со удивленіемъ описуйте.«

Когда Государь прибылъ изъ путешествія въ новую свою столицу, гдѣ былъ встрѣченъ любовію дѣтей своихъ и народа, Θеофанъ привѣтствовалъ

Монарха. Петръ I^й^ былъ въ восторгѣ. Мудрый Проповѣдникъ довершилъ радость своего Повелителя, какъ пастырь — представитель Россіянъ. Эта рѣчь исполнена піитическаго жара; слогъ ея возвышенъ, чувства нѣжны, разсказъ величественъ. Есть мѣста образцовыя. Касаясь исполинскихъ подвиговъ Государя, ораторъ говоритъ: »Какъ видимъ шумящія волны, устремляющіяся, біющіяся о камень, но самыя отъ него вспять разливающія и не оставляющія даже ни слѣда за собою, а камень (въ буквальномъ переводѣ онъ означаетъ Петра) остается камнемъ, неподвиженъ на своемъ мѣстѣ: такова крѣпость въ терпѣніи крѣпкаго и доблественнаго воина! Хотя на него устремляются біющія, шумящія вражескихъ нападеній волны; но сами отъ него біени, паки вспять устремляются въ бѣгство, не оставляя ниже слѣда храбрости своея, крѣпость же его не превратна! — Видалъ ли, какъ бурные вѣтры, дождь, градъ и громы сильно налегаютъ и приражаются къ горѣ, но отъ тихаго и легкаго воздуха престаютъ, отходятъ и будто переходятъ отъ ярости на кротость, молчаливо отдыхаютъ, и весьма усмиряются, но гора стоитъ непоколебимо? Подобно разсуждай и о великодушіи мужа великодушнаго! — Къ нему, какъ бурные вѣтры съ дождемъ, какъ градъ и громы въ пути на земли, въ пути на морѣ приражаются и налегаютъ, но отъ его крѣпкаго постоянства подаются вспять, престаютъ и творятъ онаго мужа непобѣдима!«

Чрезъ день послѣ этого слова онъ еще говорилъ въ присутствіи Петра Великаго, гдѣ между другими предметами, высокими по существу своему, ораторъ коснулся путешествія

Царя: »Не даромъ Омиръ въ своей Одиссеѣ, похваляя Улисса, именуетъ его мужемъ, видѣвшимъ многихъ людей обычаи и грады. — Подобную рѣкѣ, далѣе и далѣе текущей, растущей болѣе и болѣе, получающей въ себя прибавленіе новыхъ истоковъ и тихо шествіемъ своимъ умножающейся и великую принимающей силу — такъ и странствованіе благоразумному человѣку прибавляетъ много. Чегожъ прибавляетъ: тѣлесныя ли силы? но онѣ изнуряются дорогой. — Богатства ли? — исключая одиихъ купцовъ, путешествіе для всѣхъ прочихъ убыточно. — Чегожъ инаго? основаніе собственному и общему добру — *искусство!*«

Таково витійство Феофаново. Онъ былъ первый изъ соотечественниковъ, которому духовное краснорѣчіе открыло путь къ высшимъ Государственнымъ должностямъ.

Изъ числа духовныхъ витій Елисаветина времени первенство отдается придворному проповѣднику *Гедеону Криновскому*. Онъ также умѣлъ искусно располагать и каждую часть отдѣльно отрабатывать. Въ его проповѣдяхъ, какъ и Феофановыхъ, разсыпаны мысли и примѣры изъ древнихъ писателей; но онъ рѣдко употребляетъ во зло свою ученость. Чтожъ касается до слога, Гедеонъ поступалъ уже вопреки обыкновенію своихъ современниковъ, по бо́льшей части Малороссіянъ: писалъ языкомъ гражданскимъ, дополняя его библейскимъ. Окончанія словъ въ ихъ измѣненіяхъ и строеніе рѣчи у него совершенно Русскія.

Во второй половинѣ минувшаго и въ первой четверти текущаго столѣтія мы по справедливости можемъ хвалиться духовными витіями нашими — *Платономъ, Георгіемъ Конисскимъ, Анаста-*

сіемъ Братановскимъ, *Левандою*, *Михаиломъ Десницкимъ*, *Амвросіемъ Протасовымъ*, *Августиномъ Виноградовымъ*. Проповѣди ихъ большею частію поучительныя, немногія привѣтственныя и надгробныя. Господствующая способность каждаго витіи отразилась въ словѣ. Такъ слова Платона, Августина, преимущественно дышатъ чувствомъ; въ словахъ Анастасія и Левапды нѣжныя чувствованія соединены съ изящными картинами воображенія; въ проповѣдяхъ Михаила и Амвросія дивишься силѣ и изяществу діалектическаго расположенія мыслей. Михаилъ имѣлъ даръ произносить слова без приготовленія.

Взглянемъ на составъ бесѣды Михаиловой *о воскресеніи мертвыхъ*. Витія спрашиваетъ самъ себя: что такое воскресеніе мертвыхъ? Іисусъ Христосъ воскресеніемъ своимъ доказалъ, что и наше воскресеніе *возможно*, и *безъ сомнѣнія будетъ*; Онъ ученіемъ своимъ изъявилъ, *когда* оно будетъ; Его же самого примѣръ можетъ научить насъ, *что* оно такое будетъ. За этимъ разсматриваетъ Михаилъ, въ чемъ состояло Воскресеніе Христово. На это отвѣтствуетъ словами Священнаго Писанія:

»Плоть его прежде была *тлѣнна*, *немощна*, *душевна*, страданіямъ и смерти подвержена; въ воскресеніи же в о з с т а л а *нетлѣнною*, *сильною*, *безсмертною*, *славною*, *духовною*, прославленною, въ Божественный свѣтъ облеченною, словомъ, такою, которая совершенно способна была вознестись съ Божествомъ Сына на небеса, вступить въ Ангельскія безплотнымъ духамъ приличныя мѣста и сѣсть одесную Самаго Небеснаго Отца.«

Изъ этого ученія объясняетъ витія и наше воскресеніе, когда Господь Іисусъ Христосъ паки

пріидетъ на землю и повелитъ святымъ Ангеламъ трубнымъ гласомъ воззвати мертвыхъ.

»Отдадутъ бо стихіи взятыя отъ нихъ части, *и огонь*, *и море*, *и смерть*, *и адъ отдадутъ мертвецы своя*, всѣ сухія кости получатъ жилы, облекутся плотію, оживотворятся духомъ, соединятся паки съ душами своими, съ которыми разлучились при смерти, соединятся и возстанутъ изъ гробовъ, воскреснутъ мертвіи и изыдутъ, и станутъ предъ престоломъ нелицепріятнаго Судіи, *воскреснутъ и судъ пріимутъ отъ написанныхъ въ книгахъ по дѣломъ своимъ.*«

Здѣсь слѣдуетъ живое изображеніе перемѣны бытія человѣческаго при воскресеніи, въ которой участвовать будутъ не только мертвые, отъ начала міра и до того времени умершіе люди, но и самые живые, тѣ, которые живыми останутся въ послѣдній часъ — тѣ, которыхъ въ живыхъ постигнетъ страшный день Господенъ. Заключаетъ витія бесѣду описаніемъ страшнаго суда, когда Господь Богъ силою всемогущества своего праведныхъ облечетъ въ свѣтъ, а грѣшныхъ преобратитъ во тьму — первымъ свой образъ сообщитъ, другимъ видъ сатаны дастъ — первыхъ съ собою въ царство небесное введетъ и благословитъ пользоваться вѣчнымъ блаженствомъ, другихъ, связавъ узами мрака, ввержетъ въ адъ, и тамъ вѣчно мучиться назначитъ. Вотъ слова самого проповѣдника:

»Какъ же скоро изречетъ Господь опредѣленіе свое: тотчасъ, уже совершенно въ густѣйшій мракъ облекшися, *идутъ грѣшныи въ муку вѣчную, праведницы же*, одѣявшися во свѣтъ, идутъ *въ животъ вѣчный.*«

Совершенно другой духъ оживляетъ проповѣдь Платона. Какое прекрасное, стройное художественное произведеніе по изобрѣтательности и движеніямъ чувства родилось изъ мыслей: »И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна:« это привѣтственное Слово при коронованіи Императора Александра I, которое мы уже изучали со стороны внѣшней. Витія разсматриваетъ царственную утварь вѣнчанія: вѣнецъ, скипетръ, державу и порфиру; указываетъ на символическое значеніе этой утвари въ отношеніи къ Государю и подданнымъ. »Сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.«

Изобразивъ царственные труды во благо отечества, витія изъясняетъ священное дѣйствіе коронованія: при теплыхъ моленіяхъ церкви и при усердныхъ желаніяхъ Россіянъ, низпосылается въ святомъ елеѣ помощь небесная; съ таковымъ духомъ Владычнимъ подвигъ Царскій становится удобенъ, бдѣніе сладостно, попеченіе успѣшно, бремя легко, ополченіе побѣдительно и торжественно.

Августинова проповѣдь большею частью есть слово чувства. При совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ, онъ разсуждаетъ сперва о смерти, какъ общемъ жребіи человѣческомъ; потомъ бѣгло обозрѣваетъ кровавое зрѣлище, на которое вселенная взирая, познала силу и могущество Россіи. Но тутъ невольно останавливается на воспоминаніи о православныхъ воинахъ, положившихъ животъ свой за Вѣру, за Царя, за Отечество. Какъ

пастырь-утѣшитель, сѣтуя о смерти храбрыхъ, продолжаетъ:

»Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, превратимъ стенанія, отремъ слезы! — Нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ полей Бородинскихъ.—Онъ тамъ; и дѣти твои сиротствуютъ.— Прижми, прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. — Онъ тамъ; — да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебѣ самой. — Отецъ отечества, Помазанникъ Господень, призритъ на васъ окомъ Своея всеобъемлющія благости, и милостями Своими усладитъ горести ваши. Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его; но вмѣстѣ и утѣштесь тою Вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая Церковь не престанетъ молить Господа, какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его; да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго и увѣнчаетъ славою у Себе Самаго.«

»Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто

росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ Россійскихъ; зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ.«

Вѣнецъ духовнаго современнаго витійства нашего составляютъ слова̀ *Филарета*, Митрополита Московскаго̀, и *Иннокентія*, Викарія Кіевскаго. Строгая логическая послѣдовательность въ первомъ оживляется сильными, вѣковыми мыслями объ Искупителѣ; въ другомъ ученіе Евангельское передается съ такою ясностью и простотою, съ такимъ умиляющимъ сердце чувствомъ, что, сливаясь съ этимъ ученіемъ, удивляешься какъ оно не развивалось прежде, при собственномъ чтеніи Священнаго Писанія. Прочтемъ Слова̀, произнесенныя тѣмъ и другимъ проповѣдникомъ въ великій Пятокъ.

Поразительное слово Филарета начинается такъ:

»Чего теперь ожидаете вы, слушатели, отъ служителей слова? Нѣтъ болѣе слова.«

»Слово, собезначальное Отцу и Духу, рожденное для нашего спасенія, начало всякаго слова *живаго и дѣйственнаго*, умолкло, скончалось, погребено и запечатано. Дабы вразумительнѣе *сказать человѣкамъ пути живота*, Слово сіе оставило небеса, и облеклося плотію: но человѣки не восхотѣли внимать слову; растерзали плоть Его, и се *взять отъ земли животъ Его*. Кто же теперь дастъ намъ Слово жизни и спасенія?«

Разсудивъ о словѣ Божіемъ и Крестѣ, витія изображаетъ земную жизнь Богочеловѣка. Это повѣствованіе по живости и силѣ образцовое.

»Божество соединяется съ человѣчествомъ, вѣчное со временнымъ, всесовершенное съ ограниченнымъ, несозданное съ своимъ созданіемъ, самосущее съ ничтожнымъ: какой необозримый и непостижимый крестъ изъ сего уже слагается!«

»Богочеловѣкъ, Котораго низшествіе на землю прославляютъ небеса, является здѣсь въ уничиженнѣйшемъ возрастѣ человѣчества, въ малѣйшемъ градѣ малѣйшаго изъ царствъ земныхъ; нѣтъ для Него ни дома, ни колыбели; кромѣ убогихъ родителей, едва нѣсколько пастырей занимаются Его рожденіемъ.«

»Исчисляютъ Безначальному осмь дней новаго бытія: и порабощаютъ Его кровавому закону обрѣзанія.«

»Господь храма *приносится во храмъ поставити Его предъ Господемъ*, и пришедый искупить міръ искупляется *двумя птенцами.*«

»Тогда, когда Онъ еще нѣмотствуетъ, уже изощряется на Него въ устахъ Симеона оружіе слова крестнаго, и проходитъ сердце Его матери.«

»Нѣкоторые иноплеменники приходятъ возвеличить Его именемъ Царя Іудейскаго; но сія малая слава воздвигаетъ на Него злобу Іудейскаго Царя, содѣлываетъ Его невинною виною кровопролитія, и принуждаетъ удалиться отъ народа Божія въ страну идолослужителей.«

»Всеобъемлющая Премудрость Божія не иначе, какъ съ возрастомъ *преспѣваетъ премудростію у Бога и человѣкъ;* Источникъ и Податель благодати *пріемлетъ благодать;* тридесять лѣтъ Владыка небесъ и Царь славы сокрывается отъ неба и земли въ глубокомъ повиновеніи двумъ смерт-

нымъ, которыхъ удостоилъ нарещи Своими родителями.«

»Чего потомъ не претерпѣлъ Іисусъ отъ дня вступленія Своего въ торжественное служеніе роду человѣческому!«

»Святый Божій, грядущій освятить человѣковъ, вмѣстѣ съ ищущими очищенія грѣшниками, преклоняется подъ руку человѣка, и пріемлетъ крещеніе: воистину *крещеніе*, слушатели, то есть, погруженіе не столько въ водахъ, сколько въ обиліи креста!«

»Испытующій сердца и утробы самъ поставляется *въ искушеніе*; хлѣбъ небесный предается земной *алчбѣ*; Тотъ, предъ Которымъ должно *преклоняться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ*, допускаетъ князя преисподнихъ требовать отъ себя *поклоненія*.«

»Ходатай Бога и человѣковъ открываетъ Себя человѣкамъ; но Его или не узнаютъ, или не хотятъ узнавать. Его ученіе почитаютъ богохульнымъ, Его дѣла беззаконными, Его чудеса Веельзевуловыми. Если Онъ чудотворитъ и благотворитъ въ субботу: Его называютъ нарушителемъ субботы; если обращаетъ заблудшихъ и пріемлетъ кающихся: Его порицаютъ *другомъ грѣшниковъ*. Тамъ ищутъ уловить Его словомъ; здѣсь ведутъ Его на верхъ горы, дабы низринуть; индѣ вземлютъ на Него каменіе; нигдѣ не даютъ Ему главы подклонити. Онъ воскрешаетъ умершаго; завистники совѣщаются умертвить Его самаго. Народъ во вратахъ Іерусалима привѣтствуетъ Его Царемъ; всѣ земныя власти возстаютъ, дабы осудить Его, какъ преступника. Въ избранномъ сонмѣ Своихъ друговъ Онъ видитъ неблагодарнаго предателя и первое орудіе смерти Своей; лучшіе

изъ нихъ служатъ Ему *соблазномъ*, помышляя человѣческое въ то время, когда Онъ идетъ на дѣло Божіе.«

»Почіешь ли Ты, Божественный Крестоносецъ, хотя на едино мгновеніе отъ ига, непрестанно возрастающаго на раменахъ Твоихъ? Почіешь ли, если не для обновленія Твоихъ силъ къ новымъ подвигамъ, по крайней мѣрѣ изъ снисхожденія къ немощи Твоихъ послѣдователей? — Такъ, приближаясь къ Голгоѳѣ, Ты почіешь на Ѳаворѣ. Гряди на сію гору славы; да просвѣтится лице Твое свѣтомъ небеснымъ, да убѣлятся ризы Твои; да пріидутъ законъ и Пророки признать въ Тебѣ свое исполненіе; да услышится гласъ благоволенія Отчаго!«

За тѣмъ слѣдуетъ разсужденіе о водруженіи Креста Господня въ насъ, какъ драгоцѣннаго залога любви Божіей, не столько наказующей и сокрушающей, сколько пасущей и утѣшающей. Заключается слово обращеніемъ къ человѣку:

»Да ищетъ въ крестѣ средствъ изникнуть отъ міра, и вознестись къ Богу. *Слово крестное спасаемымъ сила Божія есть.*«

Приступъ Иннокентіева слова неожиданный:

»Размышляя о чрезвычайномъ событіи, нынѣ нами воспоминаемомъ, углубляясь въ причину и цѣль крестной смерти Господа нашего, я невольно, Братія, остановился при семъ мыслію на одномъ событіи въ исторіи народа Израильскаго, которое, при всей малости своей, въ сравненіи съ событіемъ Голгоѳскимъ, имѣетъ съ нимъ примѣчательное сходство.«

»У Израильтянъ — такъ пишетъ Священный Историкъ — была жестокая брань съ Моавитянами.

Царь Моавитскій истощилъ всѣ средства къ отраженію враговъ, но безъ успѣха. Наконецъ, осажденный въ стѣнахъ царственнаго града своего, онъ обращается къ послѣдней крайности: беретъ первенца своего, который уже раздѣлялъ съ нимъ престолъ, возводитъ его на стѣну города, и, въ глазахъ всѣхъ непріятелей, приноситъ въ умилостивительную жертву богамъ. Такой безпримѣрный поступокъ произвелъ то, чего не могли сдѣлать ни мужество, ни оружіе: осаждающіе тотчасъ прекратили осаду и брань, и возвратились домой. И *бысть*, говоритъ Священный Историкъ, *раскаяніе великое во Израили, и возвратишася въ землю свою.«*

За этимъ слѣдуетъ приложеніе разсказаннаго событія къ жертвѣ, предъ которою мы предстоимъ: и предъ нами возлюбленный Первенецъ, принесенный во всесожженіе рукою Отца. Продолженіе сравненія превосходно:

»Брань, ужасная брань издавна идетъ у человѣка съ Богомъ. Царь небесный дѣлалъ все для вразумленія враговъ своихъ: и гремѣлъ противъ нихъ проклятіями; и осыпалъ ихъ дарами и благословеніями; и заставлялъ небеса повѣдать славу свою; повелѣвалъ землѣ сотрясаться отъ сея славы; писалъ законъ и на сердцахъ каменныхъ, и на скрижаляхъ каменныхъ; но брань продолжалась! Ослѣпленные потомки несчастнаго праотца продолжали вѣрить болѣе змію губителю, нежели Творцу и Промыслителю, никто не оплагалъ безумнаго желанія, быть *яко Бози*, всѣ шли дерзновенно противу уставовъ неба. Что же дѣлаетъ наконецъ Царь небесный? Увы, Онъ беретъ сына своего возлюбленнаго, *его же положи наслѣдника всѣмъ, имъ же и вѣки сотвори*, бе-

ретъ, и предъ лицемъ всего міра возноситъ Его на крестъ, глаголя: еда како *усрамятся* смерти *Сына моего!«*

»И подлинно усрамилось многое: усрамилось солнце, скрывъ лучи свои среди полудня; усрамилась земля, сотрясшись въ основаніи своемъ; усрамились камни и завѣса храма, расторгшись въ жизнь смерти Сына Божія; усрамилась сама смерть, давъ свободу возстать изъ гробовъ многимъ тѣлесамъ усопшихъ святыхъ. Но люди, люди, ахъ, они не усрамились! Сынъ закланъ, но брань продолжается! жертва принесена, но духовный Іерусалимъ въ осадѣ! Много ли раскаянія видимъ предъ Голгоѳою? Только два — Петрово и Іудино: но и изъ нихъ послѣднее тотчасъ окончилось вѣчною бранію. Много ли произошло и изъ раскаянія на Голгоѳѣ тѣхъ, кои, *видяще бывающая,* біяли въ перси *своя?* — Біяя въ перси, они возвращались, какъ замѣчаетъ Евангелистъ, домой, между тѣмъ какъ тѣло Божественнаго страдальца продолжало висѣть на крестѣ.«

Доселѣ развитіе элемента историческаго; элементъ доказательный состоитъ въ размышленіи о дѣйствіи смерти Сына Божія на сердца наши и о Крестѣ.

»Въ насъ, въ насъ самихъ, Братія, причина нашего нечувствія и окаменѣлости: и трудно ли открыть ее? — *Для* того, чтобы образъ страданій и смерти Христовой оказывалъ постоянное дѣйствіе на жизнь нашу — для сего необходимо, что бы онъ съ плащаницы перешелъ въ нашу душу, что бы оставался тамъ не два, или три дня, а всегда. Въ такомъ только видѣ, усвоенный душѣ и сердцу, сей образъ можетъ дѣйствовать на нашу жизнь и спасать насъ отъ грѣ-

ховъ. Но много ли Христіанъ, у коихъ образъ страданій Спасителя ихъ постоянно изображенъ въ душѣ и сердцѣ?«

»Какъ же послѣ сего дѣйствовать Христу на наше сердце, когда Его нѣтъ въ семъ сердцѣ, когда Онъ остается на хладныхъ дскахъ и убрусахъ? Каково сѣяніе, такова и жатва. Мы посвящаемъ воспоминанію страданій Христовыхъ нѣсколько часовъ въ году, и точно въ сіи часы мы замѣтно дѣлаемся лучше; благихъ впечатлѣній отъ сихъ часовъ у нѣкоторыхъ становится на многіе дни. Но испытайте сдѣлать болѣе для своего Господа: рѣшитесь посвятить на размышленія о смерти Его хотя нѣсколько часовъ въ каждую недѣлю; дайте такимъ образомъ войти образу Его въ вашу душу и сродниться съ нею: и вы увидите, какая перемѣна произойдетъ въ вашихъ мысляхъ, чувствахъ, а потомъ въ самыхъ дѣлахъ и жизни. Господь, вошедши въ храмъ души, не оставитъ тамъ продающихъ и купующихъ, изгонитъ ихъ и содѣлаетъ его чистымъ. Вы сами, поставляя себя какъ можно чаще на Голгоѳѣ, вы сами приучитесь смотрѣть на все съ ея святой высоты; а смотря оттуда, увидите во всемъ мірѣ совсѣмъ другое, нежели что вамъ представлялось дотолѣ: на многое, что теперь останавливаетъ на себѣ ваши взоры, вы не захотите и смотрѣть, и напротивъ, во многомъ, что теперь для васъ вовсе непримѣтно, откроете истинное величіе; широкіе пути міра, ведущіе въ пропасть, представятся вамъ во всей извилистой опасности ихъ; а узкій путь, ведущій къ царствію, явится во всей небесной прямотѣ и краткости. Словомъ, смотря съ Голгоѳы, вы невольно будете смотрѣть прямо въ небесный Іерусалимъ. Послѣ

сего ничто въ мірѣ не заставитъ васъ свести очей съ неба, разлучиться съ своимъ Спасителемъ.«

Здѣсь витія исчисляетъ суетныя блага здѣшней жизни, которыя мы преслѣдуемъ, и тѣ вѣчныя блага, готовящія насъ къ жизни будущей, которыхъ мы чуждаемся.

»И мы боимся сего, боимся пробыть съ Спасителемъ нашимъ и крестомъ его долѣе нѣсколько уреченныхъ дней и часовъ. — Увы, сіе-то самое и составляетъ недугъ нашъ; отсюда-то и происходитъ то, что крестъ Христовъ не производитъ никакого дѣйствія на наши нравы и жизнь. Сколько страстныхъ седмицъ, мѣсяцовъ, можетъ быть, годовъ, проводится нами для міра и съ міромъ; а когда надобно проводить время съ Господомъ, мы *смотряемъ* тогда *дни и мѣсяцы и числа*. Точно, частое размышленіе о страданіяхъ Спасителя должно прогнать отъ насъ много безумныхъ радостей, изгнать буйство чувствъ, угасить пламень страстей, заставить разорвать не одну нечистую связь: но за то вмѣстѣ съ симъ лишеніемъ (если можно назвать лишеніемъ, что губитъ насъ) откроется для насъ изъ-подъ креста Христова источникъ новыхъ утѣшеній и чистыхъ радостей, о коихъ мы теперь вовсе не вѣдаемъ: мы узнаемъ, что такое умиленіе сердца, миръ души съ Богомъ и совѣстію, твердость среди превратностей земнаго счастія, спокойствіе духа на ложѣ смертномъ; за то будемъ ожидать перехода въ другой міръ не какъ невѣрные рабы, пойманные въ бѣгствѣ, а какъ дѣти, возвращающіеся къ Отцу.«

Размышленіе оканчивается напоминовеніемъ смертнаго часа:

»Ахъ, Братія, сколько бы мы ни старались забывать бренность земнаго бытія нашего; но уда-

ритъ наконецъ и для насъ послѣдній часъ, наступитъ и для насъ великій пятокъ — страшный день смерти, послѣ коего надобно будетъ почивать въ сердцѣ земли до всеобщаго воскресенія. Тогда само собою все выпадетъ изъ рукъ, и въ нихъ вложатъ одинъ крестъ. Но можетъ ли сіе оружіе защитишь насъ тогда, если мы въ продолженіе жизни никогда не брали его въ руки и не приучились имъ дѣйствовать? . .«

Заключается слово обращеніемъ насъ къ смерти нашего Господа:

»Попечемся же заранѣе содружиться съ смертію нашего Господа; снимемъ, подобно Іосифу, снимемъ и мы Его со креста, и положимъ во гробѣ новѣ, въ сердцѣ нашемъ, *идѣже можетъ быть еще николиже Онъ лежалъ*, и будемъ, подобно мѵроносицамъ, во всякое удобное для насъ время, ходить къ сему Божественному страдальцу и плакать надъ нимъ о грѣхахъ нашихъ. Господь не останется въ долгу у насъ: мы будемъ раздѣлять съ Нимъ такимъ образомъ Его смерть временную, а Онъ раздѣлитъ съ нами жизнь вѣчную. А безъ сего постояннаго содружества съ крестомъ Господа въ сердцѣ, не ожидайте отъ него дѣйствія и въ жизни вашей. Хладныя поклоненія и лобзанія наши столь же мало могутъ воскресить насъ, какъ и оживить Его.«

Обращаемся къ развитію въ краснорѣчіи отечественномъ элемента ученаго. На этомъ поприщѣ встрѣчаемъ того же великаго преобразователя слова нашего, который далъ намъ Русскую грамматику, первую риторику, первую Русскую оду: онъ же первый написалъ похвальныя слова Петру І^му^ и Елисаветѣ. Ломоносовъ, писатель съ умомъ всеобъемлющимъ, съ разнообразными знаніями,

согрѣтый чувствомъ любви къ Русскому просвѣщенію, предсталъ съ даромъ слова предъ соотечественниками по первому призванію нашего самопознанія. Въ немъ проявилась воля могучаго преобразователя — Петра. Какъ всѣ самобытные умы, высшіе своего вѣка, двигатель народа явился и поэтомъ, и витіею, и ученымъ. Въ его произведеніяхъ выразился новый міръ вѣдѣнія, до него невыраженный. Превосходство его и недостатки носятъ на себѣ знаменіе возраста нашего въ половинѣ истекшаго столѣтія. Тогда духовные витіи безъ надлежащаго разбора употребляли слова библейскаго языка и гражданскаго, пестрили проповѣди свои словами и оборотами чужестранными; правила Славянской грамматики не могли служить руководствомъ для познанія свойствъ Русскаго языка. Поэтому нужно было отдѣлить книжный языкъ и разговорный — показать, какимъ образомъ должно соединять одинъ съ другимъ, вывести правила живой Русской рѣчи. Все это совершено Ломоносовымъ; имъ утверждено основаніе языка. Въ похвальныхъ словахъ его видно вліяніе древнихъ, даже заимствованіе цѣлыхъ мѣстъ изъ Цицерона и Плинія (*); но правильное и ясное расположеніе, живописное повѣствованіе и одушевленный разсказъ, особенно о неимовѣрныхъ дѣяніяхъ Петра Великаго, доселѣ поставляются въ образецъ витійства.

Вотъ содержаніе похвальнаго слова Преобразителю Россіи. Въ приступѣ ораторъ говоритъ, что Петра Великаго давно надлежало прославить; но какъ въ дѣлахъ Ему нѣтъ равнаго, такъ нѣтъ равныхъ примѣровъ и въ краснорѣчіи. Во мно-

(*) См. въ Трудахъ Общества Россійской Словесности ч. 3: О похвальныхъ словахъ Ломоносова, разсужденіе Профессора *Каченовскаго*.

жествѣ высокихъ предметовъ онъ не знаетъ, съ чего начать свое слово: отъ тѣлеснаго ли вида и крѣпости силъ, отъ геройскаго ли взгляда, отъ бодрости ли духа? Но какъ великіе геніи познаются въ совершеніи безпримѣрныхъ дѣлъ и въ преодолѣніи препятствій: то витія раздѣляетъ слово свое на изображеніе важнѣйшихъ дѣлъ Петра, преодолѣніе препятствій и исчисленіе добродѣтелей. Послѣдуемъ за каждою частію слова, по преимуществу историческаго.

Какіяжъ дѣла Петровы живописуетъ предъ нами Ломоносовъ? — Твореніе Петра, какъ твореніе Божіе, начинается свѣтомъ — водвореніемъ въ отечествѣ нашемъ просвѣщенія. Государь призываетъ науки и искусства изъ чуждыхъ странъ, собственнымъ примѣромъ внушаетъ въ подданныхъ любовь къ образованію: и вскорѣ уже утѣшается благотворными плодами водворенныхъ наукъ. Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ развивается сила внѣшняя — учрежденіемъ войскъ, и сила внутренняя — мудрыми законами. Самъ Монархъ обучаетъ войска, снабжаетъ ихъ оружіемъ, заводитъ артиллерію. Витія обращается къ мѣстамъ, свидѣтелямъ трудовъ Великаго:

»Мы, нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ ту же пріемлющаго пищу, видя лице Его пылью и потомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилѣжнѣе, всѣхъ превосходнѣе.«

И какіяжъ слѣдствія неутомимыхъ трудовъ Государя? Побѣды подъ Лѣснымъ и Полтавою.

Тутъ рѣчь склоняется къ непріятелямъ того времени — Шведамъ: быть побѣжденнымъ отъ Петра — славнѣе побѣдъ надъ слабымъ войскомъ.

Повѣствованіе о скоромъ учрежденіи флота принадлежитъ къ изящнѣйшимъ произведеніямъ.

»Пространная Россійская держава, наподобіе цѣлаго свѣта, едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышащіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и наподобіе весны процвѣтающіе корабли, въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ. . . Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ, со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. . . Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны?«

Сравнивъ труды въ учрежденіи сухопутнаго войска и флота, ораторъ изображаетъ и здѣсь Государя въ работѣ вмѣстѣ съ подданными:

»Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго Дома, при знатныхъ чинахъ

Россійскаго Государства, и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравія его боящихся, трудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь, всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель.«

Полный чувствованій къ великости Монарха, витія, въ сильномъ движеніи сердца, обращается къ рѣкамъ, носившимъ на хребтахъ своихъ Великаго — къ берегамъ, освященнымъ стопами Петровыми и потомъ Его орошеннымъ. Изученіе корабельнаго дѣла въ Голландіи и Англіи и описаніе спуска кораблей заключаются торжественною картиною празднества при встрѣчѣ ботика.

Мудрое благоустроеніе внутреннее начинаетъ народную перепись, опредѣляетъ подати, пробуждаетъ промышленность, открываетъ пристани, прорѣзываетъ на дальнихъ пространствахъ каналы, да моря сѣверныя сообщаютъ воды свои южнымъ. Но для внутренняго спокойствія и этого не довольно: учреждается Сенатъ, Синодъ, Коллегіи, утверждаются сношенія съ иностранными державами. И какія неимовѣрныя измѣненія въ возлюбленномъ отечествѣ! Чтобъ помыслилъ тотъ, ктобъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, возвратился въ Россію? »Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода, или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.«

Изобразивъ дѣла, Ломоносовъ повѣствуетъ о преодолѣнныхъ препятствіяхъ — опасности путешествія, мятежахъ внутри отечества, неприяте-

ляхъ — Шведахъ, Полякахъ, Крымцахъ, Персіянахъ, Туркахъ, о врагахъ внутреннихъ — стрѣльцахъ, разбойникахъ, раскольникахъ — о предательствѣ отъ самыхъ ближнихъ. Отсюда начинается развитіе элемента доказательнаго — указаніе на добродѣтели Монарха: благочестіе, мудрость, мужество, великодушіе, правосудіе, милосердіе, трудолюбіе.

Съ какимъ умиленіемъ читаемъ изображеніе Государя благочестиваго: »Выѣзжая на срѣтеніе тѣлу Святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи Невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду, предъ всѣмъ народомъ, помазанныя руки простираетъ, вѣры ради, ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу. Разсыпалъ предъ нимъ, какъ нѣкогда Ерихонскую, Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышащихъ махинъ, но во время Божественной службы.«

Мудрость Петра ораторъ указываетъ во всѣхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ для блага Россіи. Для созерцанія геройскаго мужества, онъ представляетъ намъ Полтавскую битву. Великодушный побѣдитель угощаетъ Шведскихъ военачальниковъ за Царскимъ столомъ своимъ, признаетъ въ нихъ своихъ учителей. За этимъ слѣдуетъ описаніе снисходительности. »Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и Монаршее присутствіе показующаго ве-

ликолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется.«

Изумляясь невмовѣрнымъ трудамъ Великаго, витія на одной картинѣ изображаетъ разнообразныя занятія Петра: »Мы нынѣ съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ Онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ приятель обращался съ подданными своими. . .« Все это изложеніе вѣнчается поразительнымъ изображеніемъ: »Я въ полѣ межь огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межь трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межь стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго морей и самаго океана духомъ обращаюсь: вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча.«

Патетическое заключеніе превосходно: »Комужъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море: дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ; Божества постигнуть не могутъ; обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели человѣка, Богу

подобнаго, по нашему понятію, найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.«

Таково расположеніе похвальнаго слова Петру. Что сказать о немъ въ отношеніи къ содержанію и изложенію? Можно замѣтить, что должно бы разительнѣе показать, какую Россію принялъ Петръ подъ свою державу, и какую оставилъ; мы желали бы видѣть изображеніе стана, лица, взоровъ Государя, слышать Его краткія, но сильныя повелѣнія: этого не находимъ въ словѣ. Напротивъ, встрѣчаемъ повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей, внезапные переходы отъ возвышенности къ простонародности, ненужные обороты и слова иностранныя. Не смотря на все это, по живописной изобразительности и по сильнымъ движеніямъ чувства, похвальное слово Петру всегда будемъ перечитывать съ наслажденіемъ.

Развитіе ученаго элемента въ отечественномъ краснорѣчіи представляютъ также многія образцовыя слова Академическія. Такъ роскошь въ живописномъ повѣствованіи найдете въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ IIй — *Карамзина*, поэтическую изобразительность въ похвальномъ словѣ Александру Iму — *Мерзлякова*, глубокое чувство въ похвальномъ словѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ — *Князя Ширинскаго-Шихматова*, выразительность характера со всѣми тончайшими оттѣнками и художественное повѣствованіе, живое и сильное, въ воспоминаніи о Гёте — *Уварова*. Кто изъ Русскихъ безъ умиленія можетъ читать слѣдующее изящное описаніе благотвореній Императрицы Маріи? »Еслибъ возможно было намъ, почтеннѣйшіе слушатели, проникнутымъ признательностію къ почивающей въ Бозѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, удостоиться увидѣть нынѣ сію Монархиню по-

среди насъ, и призвать всѣхъ облагодѣтельствованныхъ Ею для принесенія Ей справедливой жертвы благодаренія: сколь восхитительная картина, сколь величественное зрѣлище, сколь многолюдное и торжественное собраніе представилось бы изумленному взору нашему? Стогны Петрополя не вмѣстили бы собравшихся множества. Мы увидѣли бы людей разнаго званія, состоянія, пола и возраста, отъ нищихъ, носящихъ рубища, до вельможъ, блистающихъ златыми одеждами; отъ неизвѣстнаго воина до вождя знаменитаго; отъ ратая до царедворца; отъ простаго гражданина до совѣтника Думы Царской; отъ дочери ратника до супруги полководца; отъ младенца въ колыбели до пригвожденной къ одру старости. Мы увидѣли бы ихъ, забывающихъ различіе достоинствъ, заслугъ, породы, сана и достоянія, наперерывъ одинъ передъ другимъ стремящихся изъявить Августѣйшей Благодѣтельницѣ сердечную свою признательность; мы увидѣли бы ихъ всѣхъ, съ свободными отъ заботъ и горестей челами, и, такъ сказать, дышащихъ однимъ только благодареніемъ. Здѣсь защитникъ отечества, поставлявшій грудь свою цѣлію непріятелю, чтобъ удары его не разразились на насъ, приближившись на костыляхъ, простосердечно сказалъ бы Маріи: Ты упокоила израненнаго и ужѐ безполезнаго для Государства воина. Тамъ красота, цвѣтущая здравіемъ и юностію, указывая на счастливаго супруга и веселыхъ дѣтей, воскликнула бы: Тебѣ обязана я семейственнымъ благополучіемъ; Ты призрѣла меня, сироту, и воспитала подъ матернискимъ кровомъ Твоимъ. Индѣ украшенный почестями сановникъ, преклонивъ главу, возвѣстилъ бы, что онъ не престанетъ быть признательнымъ вѣнчанной Благо-

дѣтедьницѣ своей за ту пользу, которую успѣлъ принести Государю и отечеству: онъ былъ взысканъ Ея благостію; Она открыла обширное поле усердію и способностямъ его. Далѣе маститый старецъ, бросясь на колѣна, сказалъ бы Монархинѣ: Ты въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ замѣнила мнѣ кровныхъ и друзей; десять лѣтъ провелъ я въ открытомъ Тобою убѣжищѣ, и въ минуту разлученія съ жизнію Провидѣніе привело Тебя еще, чтобъ утѣшить меня на краю гроба. Здѣсь слѣпцы, никогда не видѣвшіе свѣта солнечнаго, единодушно возгласили бы: Ты была намъ свѣтильникомъ во тьмѣ и звѣздою утѣшенія на скорбномъ пути жизни. Тамъ лишенные слова, простирая длани и вознося къ Ней слезные взоры, самымъ молчаніемъ своимъ громко и краснорѣчиво выражали бы избытокъ чувствованій, волнующихся въ груди ихъ. Но кто можетъ описать всѣ виды признательности, какіе бы явились намъ въ семъ столь же разнообразномъ, сколь и многочисленномъ собраніи? Какая кисть способна выразить всѣ чувствованія, написанныя на лицахъ и во взорахъ милліона людей осчастливленныхъ? Можетъ быть, большая часть присутствующихъ здѣсь, можетъ быть, всѣ вы, Милостивые Государи, присоединились бы къ радостному сонму возвѣщающихъ благодѣянія Маріи, и придали еще болѣе торжественности сему величественному зрѣлищу.«

Воспоминанія о Гёте, при всей краткости, заключаютъ невыразимое богатство мыслей и неподражаемую живопись въ слогѣ. Они имѣютъ важность и въ отношеніи ученомъ. Извѣстно, что въ Германіи вразсужденіи Гёте повторяются два мнѣнія, одно другому совершенно противоположныя. Одни ученые, вмѣстѣ со Шлегелями,

видятъ въ немъ существо идеальное, къ которому смертные могутъ только приближаться. По этому мнѣнію, Гёте въ ряду представителей вѣковъ и народовъ занимаетъ мѣсто послѣ Омира, Данте и Шекспира. Другіе, слѣдуя Менцелю, почитаютъ Гёте талантомъ обыкновеннымъ. По мнѣнію ихъ, не только Шиллеръ, но Уландъ и Гейне стоятъ выше творца Фауста. Воззрѣніе на Гёте и сужденіе о его разнообразномъ геніѣ и твореніяхъ, здѣсь представляемое, есть вѣрнѣйшее и безпристрастное.

»Одаренный всѣми необыкновенными силами духа, соединявшій качества противоположныя, окрыляемый вѣкомъ и самымъ обществомъ, Гёте рано прозрѣвалъ мѣсто, какое призванъ былъ занимать. Долго, казалось, колебался онъ въ выборѣ пути, ведущаго къ этому мѣсту; однако недоумѣніе не только не отдалило его отъ мѣты, но еще послужило къ раскрытію всѣхъ сокровищъ дивнаго его ума, подъ вліяніемъ частію обстоятельствъ времени, частію личнаго его характера. Предъ соотечественниками пламенными и добродушными, съ чистосердечною увѣренностію ожидавшими законодателя языка и вкуса, предсталъ Гёте, безъ предубѣжденій литтературныхъ, безъ вѣрованія въ философскія ученія, неустановившійся въ идеяхъ своихъ, безъ восторга и народности. Такими противоположностями, которыхъ онъ никогда не таилъ, распространилось его владычество, возрасло необъятное умственное могущество, и скипетръ литтературный оставался въ его рукахъ до послѣднихъ дней жизни. Гёте никогда не угождалъ требованіямъ общаго мнѣнія; чародѣйственною властію таланта своего онъ увлекалъ народное мнѣніе за собою, и послѣ оттал-

кивалъ его отъ себя въ противную сторону. Иногда утомленное продолжительнымъ влеченіемъ, искало оно отдыха, хотѣло остановиться на данныхъ самого Гёте: прихотливый геній немедленно истреблялъ свое произведеніе. Такъ Аравитянинъ, среди пустыни, топчетъ шатеръ, защиту каравана отъ зноя — и терпѣливый, послушный караванъ тянется въ путь дальній. Лишь только разгадывали настоящее направленіе любимаго писателя: онъ уклонялся неожиданно — и уже находили его тамъ, отколѣ, повидимому, навсегда онъ удалился. Это истинный Протей, но Протей самоуправный и упрямый, подобно Аріелю и Мефистофелю, всегда опережавшій современниковъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ и искуснѣйшій, неподражаемый, ничѣмъ не жертвовавшій народности, и при всемъ томъ постоянный ея блюститель.«

»Когда духъ Германскій, въ сущности мечтательный и страстный, въ припадкахъ отвращенія отъ людей и всего въ мірѣ, возносился въ идеальную область любви, искушаемой дѣйствительностью житейскою; тогда Гёте издалъ *Вертера*, величайшую драму своего времени, и на этомъ остановился. Совершенство творенія уничтожило подражателей; творецъ, довольный тѣмъ, что этотъ родъ сталъ для другихъ невозможнымъ, обращался къ нему только для того, чтобъ издѣваться надъ собственными своими внушеніями. Соотечественники его пустились въ вѣка рыцарства; на театрахъ и въ романахъ громоздились готическія башни, герои покрывались желѣзными латами, вооружались копьями; не видно было ни искусства, ни истины: Гёте вознегодовалъ — и поставилъ на сценѣ Германской *Гетца фонъ Берлихингенъ*, полное выраженіе природы, сильное, цвѣтъ

родной земли; всѣ разлюбили въ другихъ то, что прежде нравилось. Но поэтъ, совершивъ превосходное созданіе, никогда не принимался за другое подобное. Стали восхищаться красотою Греческой, любоваться утонченнымъ чувствомъ, врожденнымъ, нѣжнымъ вкусомъ, потребностью Греческихъ драматическихъ образцовъ: и Гёте сбросилъ съ себя нарядъ среднихъ временъ — написалъ *Ифигенію*, изящную и прелестную, подобную Греческому изваянію, столь же благозвучную, сколь благозвучна пѣснь Сафы — чистую и непорочную, какъ чистъ бѣлый свитокъ, вырытый изъ-подъ пепла Геркуланскаго. Онъ тогда же подарилъ читателямъ *Римскія элегіи*, дышащія отравляющею нѣгою Тибулла и Проперція. Пристрастилась Германія къ богатой Италіянской поэзіи; очаровалась прелестію ея гармоніи, неистощимой, какъ неистощима въ обиліи ея родина, великолѣпной, какъ великолѣпно ея солнце, нѣжной и сладострастной, какъ человѣкъ въ этой странѣ: обновился и Гёте — въ его *Торкватѣ Тассѣ* отгласилась природа музыкальная, истинная, полуденная; раздался языкъ сладкій, благозвучный. До нашего времени никто изъ его подражателей даже не приближался къ этой усладительной игрѣ фантазіи.«

»Перейдемъ въ другую область идей: Гёте и тамъ шелъ разными путями. Въ *Эгмонтѣ* представилъ онъ пророческую картину освобожденія народнаго, предвозвѣщеннаго утратою одного человѣка. Но послѣ, когда все восколебалось отъ бурей переворотовъ; когда этимъ чадомъ отуманились и умозрительныя головы Германцевъ: Гёте не только не увлекся общимъ потокомъ, но даже пребылъ въ величественномъ безмолвіи. Онъ постоянно оставался аристократомъ въ правилахъ

своихъ, желаніяхъ, чувствованіяхъ, явно обнаруживалъ гордое презрѣніе къ торжествующимъ мнѣніямъ черни. Такъ и въ то время, когда безвѣріе проникло въ Германію; когда страсть къ отвлеченностямъ поколебала основанія нравственныхъ знаній: Гёте сжалился надъ необузданною охотою соотечественниковъ къ метафизическимъ мечтаніямъ — и преслѣдовалъ грозными сарказмами ихъ суесловіе и пытливость. Среди порывовъ Кантизма, онъ мало заботился о непроницаемыхъ, темныхъ произведеніяхъ Кенигсбергскаго мыслителя, въ тогдашнее время превознесенныхъ общимъ восторгомъ, а нынѣ едва извѣстныхъ по заглавіямъ.«

Въ столь тѣсной рамѣ не льзя помѣстить многочисленныхъ твореній Гёте; ораторъ останавливается только на нѣкоторыхъ для того, чтобъ представить различное направленіе генія, показать пути, по которымъ шествовалъ онъ къ литтературному диктаторству въ странѣ своей, пути новые, причудливые, затѣйливые, и доказать, что сравненіе Гёте съ Вольтеромъ и его братіею погрѣшительно.

»Умы своего вѣка покорилъ Гёте не угодливостью, но открытымъ и постояннымъ противоборствомъ. Можетъ быть, дѣйствія его были напередъ расчитаны, и глубокою проницательностію разгадалъ онъ особенный характеръ народа своего, характеръ важный, созерцательный, страстный, искренній; можетъ быть, соотечественникамъ его нуженъ былъ живой парадоксъ для полнаго развитія умственнаго: при всемъ этомъ Гёте, не заботившійся о любви народной, былъ сорокъ лѣтъ идоломъ народа и баловнемъ; суровый и надменный, онъ безпрестанно вооружался противъ мимолетныхъ страстей и

скоропреходящаго вкуса; въ противность Вольтеру, безъ обиняковъ объявлялъ, что рукоплесканія черни ему притворны и оледеняли его — что чернь и въ словесности, равно какъ въ политикѣ, не способна управлять сама собою. *Фаустъ*, одно изъ дивныхъ произведеній его фантазіи, дѣйствительно представляетъ грозную и ѣдкую иронію въ родѣ Рабеле и Шекспира, возвышенную сатиру на страсть Нѣмцевъ копаться въ глубинахъ и пропастяхъ таинственности, разоблачать ея покровы — страсть, безумно воспитанную трансцендентальною философіею, разрушительное развитіе которой ускорили позднѣйшія мудрованія. Трудно изобразить впечатлѣніе отъ этого творенія — впечатлѣніе восторга и негодованія; соотечественники его, осмѣянные въ любимыхъ мечтахъ своихъ, глубоко уязвленные и со всѣхъ сторонъ низложенные, сознавались, что пророкъ ихъ (такъ называли тогда Гёте) никогда не повѣдывалъ столь высокихъ тайнъ и вдохновеній, никогда не видывали столь проницательныхъ взглядовъ. Дѣйствительно, до Фауста никогда не объявлялъ Гёте лютѣйшей вражды духу времени; никогда не нападалъ онъ на труды вѣка съ насмѣшкою столь язвительною. Никто изъ современниковъ Гёте, при такихъ успѣхахъ Фауста, не дерзалъ вооружаться противъ него, противъ произведенія творческаго, противъ этой чудной фантастической прихоти; терпѣли бичеваніе, только приговаривая: такъ сказалъ учитель, αὐτὸς ἔφη.

Заключимъ обозрѣніе отечественнаго витійства однимъ изъ всенародныхъ объявленій царствованія Александра Перваго, соотвѣтствующихъ въ основаніи своемъ совѣщательнымъ рѣчамъ древнихъ. Избираемъ для этого извѣстіе о занятіи непріяте-

лемъ Москвы. Этотъ памятникъ красноречія есть вмѣстѣ памятникъ и нашей отечественной славы.

»Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель Сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими Генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства, и предписать ему такой миръ, какой благоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей, и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ дол-

женъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнонародной арміи его истреблена, частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія смѣлое, или лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ, да не унываетъ никто: и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія Государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ

него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь, и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ-подъ власти его тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо приобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? — Приятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе. Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ.«

Исторія Словесности представитъ многіе отечественные образцы въ краснорѣчіи духовномъ и академическомъ; въ Философіи же Словесности достаточно предложенныхъ примѣровъ, для показанія проявленія общихъ законовъ витійства въ Русскомъ словѣ.

Чтеніе двадцать шестое.

Объ ораторскомъ произношеніи. — Полнота и легкость въ произношеніи. — Пріятность и сила. — Тѣлодвиженія при произношеніи.

По изслѣдованіи состава и каждой части ораторской рѣчи, перейдемъ къ другому важному предмету въ этомъ родѣ краснорѣчія — къ ораторскому *произношенію*. Ораторская рѣчь назначается *для* произношенія; а потому изящное произношеніе должно совершенно соотвѣтствовать изяществу витійства. Извѣстно, какъ высоко ставилъ его Димосѳенъ, по свидѣтельству Цицерона и Квинтиліана. У него спрашивали, что̀ всего важнѣе въ витійствѣ? . . Произношеніе, отвѣчалъ онъ. Потомъ? Произношеніе. А наконецъ? — Тоже произношеніе. И удивительно ли, что самъ Димосѳенъ необыкновенными усиліями искусства старался вознаградить природный недостатокъ въ своемъ произношеніи? Непосвященные въ таинства ораторскаго искусства думаютъ, что произношеніе служитъ только къ украшенію рѣчи и употребляется, какъ второстепенное средство для возбужденія вниманія слушателей. Такое мнѣніе совершенно несправедливо. Изящное произношеніе тѣсно соединяется съ намѣреніемъ витіи — убѣжденіемъ. Вотъ, почему искусство произносить, какъ часть витійства, составляетъ предметъ изученія для ораторовъ.

Словесное сообщеніе другимъ мыслей своихъ и чувствованій всегда предполагаетъ въ насъ намѣреніе произвести впечатлѣніе на тѣхъ, къ кому обра-

щаемъ свое слово. Перемѣны голоса, тѣлодвиженія, глаза, какъ истолкователи помысловъ нашихъ и чувствованій, столько же, какъ и слова̀, даже иногда сильнѣе, насъ поражаютъ. Не рѣдко одинъ выразительный взглядъ, одно восклицаніе, безъ помощи словъ, высказываютъ намъ душу человѣка, и мысли, и страсти, чего не произведетъ цѣлая рѣчь, произнесенная безъ одушевленія. Голосъ и тѣлодвиженіе, по словамъ Цицерона, составляютъ какъ бы особое краснорѣчіе (*). Этотъ языкъ тѣлодвиженія имѣетъ то особенное преимущество, по силѣ дѣйствія своего, что всѣмъ и каждому равно понятенъ, всѣ имъ говорятъ. Потому-то изящное слово, для полнаго дѣйствія, требуетъ изящнаго произношенія. Кто произноситъ слова̀ безъ выраженія чувствованій и мыслей возвышеніемъ и пониженіемъ голоса, тотъ произведетъ въ насъ впечатлѣніе слабое и смѣшанное, иногда вовсе сомнительное. Между чувствованіями и ихъ выраженіемъ столь тѣсная связь, что, кто произноситъ неестественно, тотъ не убѣдитъ насъ и не преклонитъ воли нашей на свою сторону: произношеніе обнаружитъ несогласіе словъ съ чувствованіями. Маркъ Каллидій, обвинявшій противника своего въ покушеніи на его жизнь, говорилъ такъ слабо и вяло, что Цицеронъ, защитникъ обвиненнаго, воспользовался этимъ противъ самаго обвинителя. »Не уже ли — сказалъ онъ между прочимъ Марку Каллидію — сталъ бы ты говорить такъ хладнокровно, если бы вполнѣ убѣжденъ былъ въ справедливости своего обвиненія?« — Шекспиръ

(*) Cic. Orat. c. 55. Est actio quasi quaedam eloquentia, cum constet e voce atque motu.

зналъ также эту тайну слова: въ трагедіи »Ричардъ II« Герцогиня Іоркская, обвиняя супруга своего въ недостаткѣ искренности, говоритъ: Посмотрите на его лице — изъ глазъ его не льются слезы; мольбы ему забава; слова его вытекаютъ изъ устъ, а наши изъ глубины сердца. Онъ умоляетъ, но слабо, и не съ тѣмъ, чтобъ умолить; мы молимъ отъ сердца и души.«

Почитая излишнимъ распространяться болѣе о важности произношенія, исчислимъ важнѣйшія замѣчанія касательно этого искусства.

Въ произношеніи представляются два главные предмета: во-первыхъ, ясность или *полное и легкое сообщеніе слова* слушателямъ; во-вторыхъ, *приятность и сила*, доставляющія удовольствіе и увлекающія вниманіе. Разсмотримъ порознь каждый изъ этихъ предметовъ (*).

Полное и легкое сообщеніе слова требуетъ громкаго голоса, раздѣльности и внятности въ звукахъ словъ, медленности въ извѣстной степени и правильнаго выговора.

Прежде всего должно стараться о произношеніи громкомъ для того, чтобы насъ могли слышать тѣ, къ которымъ обращаемъ мы слово. Для этого пусть голосъ наполняетъ все пространство, гдѣ рѣчь произносится. Скажутъ, можетъ быть, что

(*) О произношеніи можно читать: Quintil. L. XI. — *Göthe's* Werke, Bd. 44. — *J. Walker's* Elements of Elocution; Lond. 1781. 2 voll. 8. — Thom. *Sheridan's* Lectures on the art of Reading, in two parts; Lond. 1781. 8., особенно первая часть: The art of reading Prose. — *Frank* über Declamation; Gött. 1789 и 92. 2. Bde. 8. — (*Cludius*) Grundriss der körperl. Beredsamkeit; Hamburg, 1792. 8. — *Eberhard's* Handbuch der Aesthetik, B. III.

это даръ природы. Дѣйствительно, громкій голосъ дается природою; однако и эта врожденная способность совершенствуется искусствомъ. Навыкъ возвышать голосъ до приличнаго тона и искусно управлять имъ подаетъ здѣсь величайшую помощь. Въ человѣческомъ голосѣ различаютъ три тона: высокій, средній и тихій. Первый употребляемъ мы, когда зовемъ кого-либо издали; тихимъ тономъ сообщаемъ тайну; средній — есть тонъ обыкновеннаго разговора; онъ же въ особенности приличествуетъ ораторскому произношенію. Иные думаютъ, что въ многочисленномъ собраніи надобно говорить тономъ высокимъ. Это значитъ смѣшивать два различныя понятія — силу, или напряженность голоса, и тонъ, которымъ говорятъ. Мы можемъ напрягать, или усиливать голосъ, не измѣняя тона; легче возвышать голосъ, придавать ему приличную силу, или напряженность, когда говоримъ тономъ обыкновеннаго разговора. Напротивъ, начавъ слово тономъ слишкомъ высокимъ, мы стѣснимъ голосъ и должны говорить принужденно. Ослабѣвъ, съ трудомъ произносимъ; отсюда естественно происходитъ утомленіе и въ слушателяхъ. Давайте голосу своему всю силу и полноту; но соблюдайте тонъ разговорный, не возвышайте голоса до той степени, которая требуетъ необыкновеннаго усилія. Пока вы не будете выходить изъ этихъ предѣловъ, голосъ вашъ будетъ легокъ и ясенъ; вы имъ удобно управите: иначе — вы не въ состояніи имъ располагать. Полезно устремлять взоры на отдаленныхъ слушателей, къ нимъ обращать свою рѣчь. Тогда невольно усиливаемъ голосъ, и взаимно возбуждаемъ вниманіе. Такъ бываетъ въ общественныхъ бесѣдахъ и въ рѣчи

ораторской. Не забудемъ, что слишкомъ громкій голосъ въ томъ и другомъ случаѣ не нравится; звуки сливаются въ неясные и смѣшанные отголоски. Притомъ усиленный тонъ даетъ оратору невыгодный видъ человѣка, желающаго преклонить волю слушателей единственно силою голоса.

Другое условіе яснаго произношенія — раздѣльность звуковъ въ словахъ, еще нужнѣе сильнаго голоса. Что касается до громкости голоса, не столь много требуется напряженности, какъ обыкновенно полагаютъ. Слабый, но ясный, раздѣльный голосъ, слышится на дальнѣйшемъ разстояніи, нежели голосъ громкій, но смѣшанный. На это существенное и важное условіе ораторъ долженъ обращать особенное вниманіе: наблюдать, чтобы каждый звукъ имѣлъ надлежащую продолжительность; чтобы каждый слогъ и каждая буква выговаривались раздѣльно, полно и правильно.

Для раздѣльнаго выговора словъ необходима въ произношеніи извѣстная степень медленности. Надобно избѣгать скораго произношенія, отъ котораго сливаются звуки и затемняется смыслъ рѣчи; равно должно удаляться и противоположной крайности: вялое и неодушевленное произношеніе, напередъ дозволяя угадывать мысли читающаго, утомляетъ слушателей и наводитъ на нихъ скуку. Поспѣшность есть болѣе обыкновенный недостатокъ; его должно остерегаться тѣмъ болѣе, что, однажды привыкнувъ произносить скоро, вы съ трудомъ можете оставить такую привычку. Напротивъ, нескорый, раздѣльный и полный выговоръ всѣхъ звуковъ — вотъ первое необходимое условіе для изящнаго произношенія. Такое произношеніе придаетъ рѣчи достоинство, вспомоществуетъ и голосу, доставляетъ оратору отдох-

новеніе, отъ него звуки получаютъ полноту, мысли и чувствованія выражаются съ надлежащею силою. Такимъ образомъ сохраняется присутствіе духа, необходимое для оратора, между тѣмъ какъ произношеніе скорое смущаетъ душу. »Пусть будетъ произношеніе, замѣчаетъ Квинтиліанъ, поспѣшное и нетороцливое, медленное и непротяжное (*).«

Слѣдуетъ правильность выговора. Въ этомъ должно подражать людямъ образованнымъ и избѣгать выговора грубаго, простонароднаго и областнаго, какъ для ясности, такъ и для изящества рѣчи. Въ нашемъ языкѣ величайшее затрудненіе представляется въ удареніяхъ. Каждое простое реченіе имѣетъ только одно удареніе; его-то должно изучать въ каждомъ словѣ. Иные погрѣшаютъ противъ этого правила, повышая голосъ надъ нѣсколькими слогами въ простыхъ реченіяхъ, желая тѣмъ самымъ придать рѣчи болѣе силы и выразительности; но такое напыщенное и принужденное произношеніе ни въ какомъ языкѣ не можетъ нравиться.

Теперь изслѣдуемъ высшія качества произношенія, пріятность и силу, состоящія въ повышеніи голоса, отдохновеніи, тонѣ и тѣлодвиженіяхъ. — Иные думаютъ, что строгое соблюденіе правилъ произношенія нужно въ сильныхъ мѣстахъ какого-либо сочиненія. Напротивъ, произношеніе всякой рѣчи, умѣренной и спокойной, требуетъ повышенія голоса, надлежащей разстановки, приличнаго тона и тѣлодвиженій; одно только изящное произношеніе привлекаетъ вниманіе слушателей и придаетъ рѣчи силу убѣжденія.

(*) »Promptum sit os, non præceps; moderatum, non lentum.«

Прежде всего объяснимъ повышеніе голоса. Сильнѣйшее удареніе обыкновенно дѣлаемъ мы надъ тѣмъ словомъ, въ которомъ заключается особенная важность, и къ которому непосредственно относятся прочія части предложенія. Такое слово нужно отличать особеннымъ звукомъ, равно какъ и удареніемъ. Отъ повышенія голоса рѣчь становится живою и одушевленною, а безъ него она слаба, нерѣдко даже двусмысленна. Сила выраженія въ ораторской рѣчи часто зависитъ отъ повышенія голоса; отъ него одна и та же мысль получаетъ различный смыслъ. Въ обращеніи Спасителя къ Іудѣ: »Лобзаніемъ ли сына человѣческаго предаеши?« мы видимъ, какъ измѣняется мысль отъ различнаго произношенія. »Лобзаніемъ ли сына человѣческаго *предаеши*?« указываетъ на ужасное преступленіе. »Лобзаніемъ ли *сына человѣческаго* предаеши?« останавливаетъ вниманіе на высокомъ званіи Спасителя. »*Лобзаніемъ* ли сына человѣческаго предаеши?« показываетъ недостойное употребленіе знаковъ дружества на погибель ближняго.

Для правильнаго употребленія повышенія голоса надобно быть проникнуту мыслями своими и чувствованіями, постигать ихъ значеніе. Навыкъ правильно повышать голосъ и отличать утонченные отливы мысли бываетъ слѣдствіемъ глубокаго изученія смысла сочиненій и вниманія при произношеніи; имъ познается вѣрность вкуса, тонкость сужденія. Кто изъ насъ не испытываетъ, что и произношеніе, и чтеніе, оживляемыя правильнымъ повышеніемъ голоса, производятъ совершенно другое дѣйствіе, въ сравненіи съ чтеніемъ однообразнымъ? Такъ точно одно и то же музыкальное сочиненіе, смотря по различной игрѣ, производитъ различныя дѣйствія.

До произношенія рѣчи въ собраніи полезно прочитывать ее, отмѣчать мѣста повышеній голоса, особливо въ части рѣчи трогательной, для лучшаго удержанія въ памяти. Если бы ораторы болѣе занимались этою частію произношенія, не надѣялись бы на внезапное вдохновеніе: глубокое впечатлѣніе, какое производили бы они на слушателей, увѣнчало бы ихъ трудъ. — Замѣтимъ также, что не надобно повышать голоса надъ многими словами, отъ чего они теряютъ свою силу: благоразумная умѣренность въ этомъ случаѣ составляетъ главнѣйшее правило. Когда ораторъ придаетъ одинакую важность всѣмъ словамъ рѣчи, возвышая голосъ надъ каждымъ словомъ; тогда онъ ни на одну мысль не обратитъ особеннаго вниманія слушателей.

Послѣ повышенія голоса, разстановки при чтеніи требуютъ также заботливости витіи. Онѣ бываютъ двухъ родовъ: однѣ употребляются для выразительности, другія для раздѣленія смысла. Первыя слѣдуютъ за какою-либо важною мыслію, на которую обращается вниманіе слушателей. Иногда подобными разстановками мы приготовляемъ слушателей къ значительной мысли. Онѣ производятъ такое же дѣйствіе, какое и повышеніе голоса, а потому требуются тѣ же самыя условія для ихъ употребленія. Правильныя разстановки содѣйствуютъ усиленію вниманія.

Обыкновенныя разстановки показываютъ дѣленіе мыслей, и въ то же время даютъ оратору возможность переводить дыханіе. Это также составляетъ весьма важную часть въ произношеніи и чтеніи. Во всякой рѣчи надобно останавливаться и переводить дыханіе безъ раздѣленія тѣхъ словъ, которыя по смыслу должны быть соединены. Отъ не-

правильной же разстановки періодъ лишается округлости и силы. Для избѣжанія этого, при каждомъ членѣ періода, надобно запасаться столько дыханіемъ, сколько нужно для произношенія. Несправедливо иные думаютъ, что переводить дыханіе надобно только при окончаніи періода и при паденіи голоса. Напротивъ, для этого можно пользоваться всякою остановкою; такимъ только образомъ легко произносить длинныя предложенія и періоды, съ соблюденіемъ связи и послѣдовательности въ мысляхъ.

Болѣе всего вредитъ вниманію слушателей произношеніе нараспѣвъ, требующее само по себѣ разстановокъ, независящихъ отъ смысла рѣчи. Мысль должна показывать, гдѣ останавливаться голосу; причины каждой разстановки слушатель ожидаетъ отъ самыхъ мыслей. Въ этомъ лучше согласоваться съ обыкновеннымъ живымъ разговоромъ. Чтобы разстановка въ рѣчи была приятна и выразительна, надобно не только правильно употреблять ее, но и звукомъ голоса опредѣлять ея свойство: это означеніе вѣрнѣе, нежели означеніе протяжностью или быстротою. И тогда достаточно легчайшаго измѣненія голоса; даже нужно соблюденіе нѣкотораго размѣра. Во всѣхъ случаяхъ необходимо произносить рѣчь естественно, какъ обыкновенно говоримъ мы, принимая живое участіе въ содержаніи рѣчи.

При чтеніи и произношеніи стиховъ особенно трудно означать правильныя разстановки. Это происходитъ отъ мелодіи стиха, которая сама по себѣ требуетъ извѣстной протяжности: согласить всѣ протяженія размѣра съ разстановками, которыя соотвѣтствовали бы мысли — вотъ, въ чемъ состоитъ трудность чтенія и произноше-

нія пріятнаго и сильнаго. Протяжность, зависящая отъ мелодіи стиха, двухъ родовъ: одна на концѣ стиха, другая въ срединѣ, или такъ называемая цезура. Первая означается рифмою; это и останавливаетъ наше вниманіе. Въ стихахъ бѣлыхъ представляется болѣе свободы въ переходахъ отъ одного стиха къ другому. Когда мысль не требуетъ разстановки; тогда въ окончаніи стиха довольно небольшой остановки, безъ повышенія и пониженія голоса, и безъ всякаго напѣва. Другой родъ разстановки, сказали мы, бываетъ въ срединѣ стиха, гдѣ стихъ дѣлится на два полустишія. Она короче разстановки въ концѣ стиха, однако слухъ и ее замѣчаетъ. Въ Англійскомъ двѣнадцатисложномъ стихѣ эта разстановка бываетъ послѣ четвертаго, пятаго, шестаго или седьмаго слога; въ нашемъ стихѣ только послѣ шестаго. Очень легко читать стихи, которыхъ отдохновеніе цезуры соотвѣтствуетъ разстановкѣ мыслей; но если цезура раздѣляетъ слова, соединенныя внутреннимъ смысломъ, то чтеніе становится затруднительно. Главное правило въ этомъ случаѣ — останавливаться по требованіямъ смысла.

Перейдемъ къ тону произношенія, который отличается отъ повышенія и пониженія голоса, и состоитъ въ различныхъ его измѣненіяхъ въ отношеніи къ выразительности. Важность вліянія тона на изящество рѣчи видна изъ свойствъ человѣческой природы: каждое чувствованіе имѣетъ особое, свойственное ему измѣненіе голоса; каждая страсть выражается особымъ тономъ. Въ убѣжденіи одно изъ главныхъ началъ есть сочувствіе слушателей съ ораторомъ; цѣль произношенія и чтенія состоитъ въ томъ, чтобъ перелить въ душу слушателя изображаемыя въ словѣ чувствованія: а для

этого не должно ли въ произношеніи показать, сколь сильно мы сами чувствуемъ, что̀ говоримъ? Всѣ дѣйствія духа человѣческаго въ словѣ являются или представленіями, или чувствованіями. Подъ первыми разумѣются мысли, раждающіяся въ умѣ, а подъ вторыми движенія воли и чувства. Первыя изображаютъ внѣшніе предметы, ко вторымъ относятся внутреннія ощущенія. Изящное выраженіе мыслей требуетъ изобразительности; изящное выраженіе чувствованій требуетъ движеній. Какъ же выразить различныя движенія духа безъ соблюденія тоновъ, свойственныхъ различному его состоянію? Главное правило въ этомъ случаѣ — произносить тонами, свойственными живой и умной бесѣдѣ. Извѣстно, что всякой говоритъ съ особеннымъ убѣжденіемъ, излагая мысли о предметахъ близкихъ его сердцу. И не потому ли большею частію рѣчи наши при произношеніи неубѣдительны, что мы оставляемъ обыкновенный, естественный тонъ, замѣняя его тономъ принужденнымъ, искусственнымъ? Странно думать, что на каѳедрѣ необходимо перемѣнять естественный голосъ, и произносить тономъ изысканнымъ и напыщеннымъ. Такое заблужденіе вредитъ произношенію; отъ этого иные произносятъ нараспѣвъ, утомительно и однообразно. Уклоняясь отъ природы, и желая сообщить рѣчи силу и выразительность, замѣняютъ неподдѣльное выраженіе чувства искусственнымъ благозвучіемъ. Бесѣдуемъ ли мы въ обществѣ, или говоримъ предъ многочисленнымъ собраніемъ: всегда должны помнить, что намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобъ выразить свои чувствованія. Вообразите, что въ бесѣдѣ образованныхъ людей возникаетъ разногласіе, и вы сами принимаете въ

немъ участіе. Представьте свой тонъ и перемѣны голоса, когда вы заставляете себя выслушать и рѣшаете преніе; перенесите этотъ тонъ на каѳедру, возьмите его за основаніе произношенію своему: и вы будете произносить пріятно и сильно.

Мы сказали, что произношеніе ораторской рѣчи должно согласоваться съ тонами общественнаго разговора. Въ сочиненіяхъ обработанныхъ возвышенный слогъ и благозвучные періоды нечувствительно возвышаютъ голосъ до музыкальной настроенности. Такое произношеніе и чтеніе называется декламаціей. Сколько бы это произношеніе ни удалялось отъ обыкновеннаго выраженія мыслей и чувствованій, оно всегда должно имѣть основаніемъ естественный способъ выраженія. Притомъ непрерывная декламація вредитъ самому сочиненію. Ораторы, пристрастившіеся къ ней, не рѣдко доходятъ до крайности однообразія. Напротивъ, привыкшій произносить рѣчи тонами обыкновеннаго разговора, всегда избѣгаетъ этой погрѣшности; его голосъ будетъ столь же разнообразенъ, сколь разнообразны тоны разговора. Совершенное произношеніе заключаетъ въ себѣ два достоинства: изящный, живой разговоръ и величественную, благородную декламацію; въ соединеніи того и другаго способа, по приличію частей рѣчи, состоитъ рѣдкое совершенство декламаціи.

Намъ остается говорить о тѣлодвиженіяхъ. Въ этомъ, равно какъ и въ произношеніи, цѣлые народы представляютъ замѣчательныя различія: одни сопровождаютъ обыкновенный разговоръ бóльшими тѣлодвиженіями, нежели другіе. Нѣтъ ни одного народа, даже ни одного человѣка, сколь бы хладнокровенъ онъ ни былъ, который бы не

оживлялъ своей рѣчи какими-либо тѣлодвиженіями, особливо когда говоритъ о предметахъ занимательныхъ. Говорить безъ движенія и не обнаруживать жизни въ словѣ, значитъ дѣйствовать вопреки природѣ и забывать цѣль витійства.

Правила относительно тѣлодвиженій тожественны съ правилами о тонѣ голоса. Замѣчайте взгляды и тѣлодвиженія, въ которыхъ другіе обнаруживаютъ свои внутреннія волненія духа: и вы найдете въ нихъ для себя образцы. Во взглядахъ и въ тѣлодвиженіяхъ много общаго всѣмъ людямъ; найдете также и особенности, принадлежащія только нѣкоторымъ лицамъ. Ораторъ долженъ усвоить тѣ изъ нихъ, которыя въ особенности ему приличны. Притомъ тѣлодвиженія согласуются съ нашими склонностями и привычками; они должны быть ознаменованы тою естественною простотою, которой научаетъ насъ сама природа. *Тѣлодвиженіе* есть языкъ, общій всему роду человѣческому; онъ равно понятенъ для дикаго и для просвѣщеннаго. Слова, говоритъ Цицеронъ, дѣйствуютъ только на тѣхъ, которые знаютъ языкъ; но и знающіе языкъ не всѣ понимаютъ острыя и глубокія мысли; въ людяхъ непросвѣщенныхъ онѣ не производятъ никакого дѣйствія. Напротивъ, выраженное тѣлодвиженіями чувство поражаетъ всякаго; потому что эти выраженія намъ всѣмъ общія. Всѣ народы сопровождаютъ рѣчь тѣлодвиженіями, болѣе или менѣе живыми, болѣе или менѣе сходными. Главное правило изящныхъ тѣлодвиженій состоитъ въ согласованіи ихъ со свойствомъ и степенью душевныхъ чувствованій. Части тѣла, преимущественно способствующія изящному произношенію — *голова*, *лице*, *глаза*, *руки*.

Голова, благороднѣйшая часть тѣла, служитъ и въ произношеніи украшеніемъ оратору; она

также выражаетъ внутренія душевныя движенія. Мановеніемъ головы мы выражаемъ согласіе, удовольствіе, негодованіе, удивленіе, сомнѣніе и другія чувствованія. Движенія головы должны соотвѣтствовать движеніямъ самой рѣчи; но дѣйствовать одною головою не естественно и не прилично. Потупляющій голову обыкновенно представляется унылымъ; поднимающій голову вверхъ—надменнымъ; склоняющій ее на плеча—небрежнымъ. Самымъ приличнымъ и изящнымъ положеніемъ головы почитается положеніе прямое и естественное.

Лице—зеркало души. На немъ изображаются всѣ чувствованія: радость, печаль, гнѣвъ, угрозы, ласка, жалость, ненависть; на немъ мы читаемъ мысли оратора прежде, нежели онъ начинаетъ произносить свое слово. Выраженіе лица, показывающее душевныя совершенства, выше красоты внѣшней. Оно производитъ на насъ столь сильное впечатлѣніе, что мы по первому взгляду часто любимъ тѣхъ, кого прежде вовсе не знали. Когда мы дѣйствительно глубоко чувствуемъ; тогда лице само собою принимаетъ видъ, приличный свойству и степени чувствованій. Но когда желаемъ подражать дѣйствію страсти, не чувствуя ея; тогда слова рѣдко соглашаются съ выраженіемъ лица. Въ этомъ случаѣ природа, а не наука должна насъ руководствовать.

Глаза въ особенности довершаютъ выразительность лица: въ радости они свѣтлѣютъ, въ печали потемняются. Въ избыткѣ радостныхъ чувствованій пробиваются слезы; въ порывахъ горести слезы льются потокомъ. Особенно глаза выражаютъ движеніемъ всѣ страсти, волнующія душу. Самое чело и брови дѣйствуютъ, вмѣстѣ съ глазами, на выраженія чувствованій, то расширяясь и сжимаясь, то возвышаясь и опускаясь. Поло-

женіе шеи должно быть прямое: излишнее протяженіе и сжатіе даютъ безобразный видъ и измѣняютъ голосъ. Возвышеніе и сжатіе плечь также рѣдко могутъ нравиться.

Руки, какъ и слово, служатъ выраженіемъ: помощію ихъ требуемъ, зовемъ, отвергаемъ, угрожаемъ, умоляемъ, вопрошаемъ, отрицаемъ; или изъявляемъ радость, печаль, раскаяніе, сожалѣніе, страхъ, сомнѣніе, удивленіе; или объясняемъ способъ, мѣру, количество; или указываемъ мѣста, вещи, лица. При разнообразіи языковъ, этимъ общимъ способомъ выраженія соединяются народы. Бесѣдуя съ другими, мы болѣе дѣйствуемъ правою рукою, нежели лѣвою; лѣвая только сопровождаетъ движенія правой и дѣйствуетъ въ сильныхъ порывахъ страсти. Движеніе рукъ должно быть легкое, умѣренное и свободное, выражать смыслъ рѣчи, а не значеніе каждаго слова. Руки говорящихъ не должны находиться ни въ постоянномъ покоѣ, ни въ безпрестанномъ движеніи.

Вообще въ тѣлодвиженіи, равно какъ и въ употребленіи голоса, наставницею должна быть природа, и сверхъ того приличіе. Поэтому полезно наблюдать, какъ дѣйствуетъ природа въ разныхъ движеніяхъ душевныхъ, и какихъ условій требуетъ приличіе, предписываемое правилами общежитія (*).

Присоединимъ къ изслѣдованіямъ нашимъ, что, для успѣшнаго произношенія рѣчи, ораторъ долженъ избѣгать смущенія и внутренняго безпокойства, которыя столь обыкновенны при первомъ вступленіи на каѳедру: надобно сохранять присутствіе духа и владѣть собою. Вѣрнѣйшее средство для этого быть проникнуту предметомъ

(*) Quintil. l. XI.

своимъ и постигать его важность; стараться болѣе о томъ, чтобъ убѣдить слушателей, нежели о томъ, чтобъ имъ понравиться. Ораторъ тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ менѣе объ этомъ заботится. Такимъ только образомъ онъ восторжествуетъ надъ страхомъ, отъ котораго приходитъ въ замѣшательство и забываетъ, что̀ и какъ говорить онъ долженъ.

Въ заключеніе совѣтуемъ витіи избѣгать, сколько можно, всякой принужденности, ослабляющей произношеніе. Каковы бы ни были ваши приемы, будьте сами собою; не подражайте никому и сохраняйте свой личный характеръ. Все естественное, не смотря на недостатки, имѣетъ величайшую прелесть; въ этомъ самомъ мы узнаемъ человѣка, слышимъ слово, исходящее изъ сердца. — Произношеніе блистательное, но принужденное и искусственное, никогда не нравится слушателямъ. Вполнѣ совершенное произношеніе есть рѣдкій даръ природы; но каждый можетъ частымъ упражненіемъ пріобрѣсти произношеніе сильное и пріятное. *Для* этого надобно оставить неприличныя привычки, всѣмъ болѣе или менѣе свойственныя, слѣдовать природѣ, произносить передъ многолюднымъ собраніемъ, какъ говоримъ въ обыкновенныхъ бесѣдахъ, одушевляемыхъ предметами, насъ сильно занимающими. Природныя несовершенства въ голосѣ и тѣлодвиженіяхъ должно заранѣе исправлять, а не на каѳедрѣ предъ собраніемъ. Тутъ надобно быть погружену въ свой предметъ, думать о мысляхъ и чувствованіяхъ, какія намѣрены передать слушателямъ; изящное произношеніе, заранѣе изученное и совершенствованное, служитъ истолкователемъ мыслей и чувствованій.

Чтеніе двадцать седьмое.

Преимущественное проявленіе въ изящномъ идеи истины, или сочиненія философскія. — Существенное отличіе этого рода краснорѣчія. — Формы философскихъ сочиненій: монологическая, діалогическая и эпистолярная. — Изящество этого рода сочиненій и образцы.

Въ искусствѣ вообще различаемъ мы три рода изображенія жизни нашей: внѣшней ея стороны, внутренней и гармоническаго соединенія той и другой. Отсюда происходятъ въ немъ три рода представленій: пластическое, музыкальное и словесное. Въ поэзіи и краснорѣчіи эти три рода представленій преимущественно обнаруживаются. Человѣкъ, какъ гражданинъ неба и земли, представляетъ въ себѣ идеальную и дѣйствительную жизнь: въ одной развивается свободный духъ его, неограниченный ни мѣстомъ, ни временемъ; во второй — этотъ духъ заключенъ въ предѣлахъ видимости. Въ такомъ же взаимномъ отношеніи находятся поэзія и краснорѣчіе. Такъ относятся между собою и три представленія жизни въ словѣ: эпопея и исторія, лирика и философія, драма и витійство. Изображеніе временной, конечной жизни въ человѣкѣ, народахъ, человѣчествѣ, есть предметъ *исторіи*. Открытіе въ жизни, природѣ и искусствѣ тѣхъ таинственныхъ законовъ, по которымъ проявляется благо въ человѣкѣ, истина въ природѣ, изящное въ искусствѣ, составляетъ предметъ *философіи*. Преимущественное проявленіе истины въ изящномъ словѣ составляетъ отличительное свойство сочиненій философскихъ. Осу-

ществленіе истины и блага въ дѣйствіяхъ человѣка изображается въ *витійствѣ* (*).

Въ тотъ день, когда человѣкъ въ первый разъ сталъ размышлять, родилась философія. Она есть самое размышленіе, въ связи и порядкѣ возвышенное до степени метода. Ни одна истина не принадлежитъ философіи исключительно, но всѣ истины ея собственность; ея долгъ отдать отчетъ во всѣхъ истинахъ, изслѣдовать ихъ и преобразовать въ идеи. Изслѣдуя законы человѣка, природы и искусства, мысль наша встрѣчаетъ себя и собою себя понимаетъ. Это встрѣча родства, дружбы. Отъ того столь сладостно и успокоительно для духа нашего самопознаніе. Къ этому открытію себя самой въ явленіяхъ стремится мысль наша, жаждетъ изучить себя во всѣхъ существахъ, насъ окружающихъ. Чтожъ по этому философія? — Полное развитіе мысли, потребность разумѣнія, необходимое слѣдствіе не одного какого-либо ума, но всего человѣчества и постепеннаго развитія мыслящей способности. Какая дивная, безконечная духовная жизнь открывается въ простой, естественной потребности ума! Какъ жизнь вещественная, изъ себя самой развиваясь, продолжается непрерывно: такъ и жизнь духовная, царство разума, развивается безпрестанно. И какимъ же образомъ? Разумъ вездѣ и всегда только себя наблюдаетъ, себя постигаетъ.

Но міръ идей, этотъ міръ философіи, для сильнѣйшаго дѣйствія на насъ, имѣетъ надобность

(*) *Garve's* Abhandlung über die Kunst zu denken, in s. Versuchen über verschiedene Gegenstænde aus der Moral, der Litteratur und dem gesellschaftlichen Leben. — *Schelling's* Akademische Vorlesungen.

въ представленіяхъ воображенія и въ чувствованіяхъ сердца. Кто принялъ на себя обязанность быть истолкователемъ истины, тотъ не достигнетъ цѣли своей безъ умѣнья возбуждать въ другихъ вниманіе и любовь къ истинѣ. Одни и тѣ же знанія, представленныя въ образахъ изящныхъ, производятъ впечатлѣніе, отличное отъ сухихъ и холодныхъ поученій. Долгъ писателя-философа состоитъ въ осязательномъ изложеніи предмета, постигаемаго размышленіемъ. Мы не довольствуемся простымъ объясненіемъ предметовъ, но ищемъ познаній живыхъ, ощутительныхъ. Занимая умъ, мы должны приводить въ дѣйствіе и чувство, и воображеніе. Представьте событія, въ которыхъ раскрывалось бы сердце человѣческое; объясните красоты природы, которыя просвѣщали бы разумъ: вы можете быть увѣрены въ успѣхѣ слова своего; оно понравится, научитъ и убѣдитъ.

Философскій, или *доказательный элементъ ораторской рѣчи въ полномъ развитіи* — вотъ *философское сочиненіе*. Предметъ такого сочиненія, какъ уже сказали мы, можетъ быть самъ человѣкъ, природа, искусство. Цѣль философическаго изслѣдованія — наученіе, изъясненіе причинъ, почему существующее въ насъ и въ природѣ именно такъ, а не иначе должно существовать. Желая раскрыть какую-либо истину, мы сами должны быть сю проникнуты, познать ее глубоко во всѣхъ отношеніяхъ. Покажите намъ собственное воззрѣніе на какой-либо предметъ; откройте въ немъ сторону, еще другими незамѣченную: и ваше сочиненіе прольетъ новый свѣтъ на мышленіе, покажетъ намъ новую истину. А всякая новая истина не новый ли шагъ къ духовному благополучію?

Въ познаніи различать должно лице познающее и предметъ познаваемый. Познающею способностію бываетъ всегда духъ нашъ; предметы же познанія измѣняются. Духу познающему, котораго проявленія въ изящномъ словѣ мы изслѣдуемъ, представляются два различные міра. Въ то время, какъ мы своими глазами, руками и другими чувствами приобрѣтаемъ понятія о предметахъ вещественныхъ, внѣ насъ находящихся, другимъ способомъ мы познаемъ то, что составляетъ внутреннее наше бытіе. Наслаждается ли человѣкъ или страждетъ, вѣритъ ли, или сомнѣвается, желаетъ ли чего, или разсуждаетъ о чемъ, все это знаетъ точно такъ же, какъ имѣетъ понятіе о предметахъ внѣшнихъ, круглыхъ или четыреугольныхъ, большихъ или малыхъ, жесткихъ или мягкихъ, твердыхъ или жидкихъ. Всякой поэтому познаетъ себя и все, что въ немъ самомъ находится, равно какъ знаетъ предметы внѣшніе и все, что внѣ его. Способы познаванія этихъ двухъ міровъ различны. Помощію пяти чувствъ познаемъ міръ внѣшній; для изслѣдованія внутренняго своего бытія мы не имѣемъ въ нихъ надобности. Силою внутренняго чувства и сознанія проникаемъ въ нѣдра своего духовнаго бытія, и хотя не можемъ осязать явленій своего духа, но тѣмъ не менѣе ни одно изъ нихъ не можетъ ускользнуть отъ нашего разумѣнія.

Повторимъ, всякой мыслящій человѣкъ неоспоримо различаетъ два міра, доступные для его познанія: міръ внѣшній, подлежащій его чувствамъ, и міръ духовный, постигаемый его внутреннимъ чувствомъ. На эти два міра простирается изслѣдованіе истины (*).

(*) Nouveaux fragmens philosophiques, par *Victor Cousin*. Paris, 1828, in 8°.

Мы не равно пользуемся этими двумя способами знанія. Возьмите въ примѣръ такого наблюдателя, котораго предметъ изученія находится въ природѣ: онъ разсматриваетъ его помощію чувствъ, всякое познаніе приемлетъ способомъ опытнымъ; вниманіе его совершенно устремляется на міръ внѣшній; безъ сомнѣнія, онъ не перестаетъ имѣть познанія о внутреннемъ своемъ бытіи, но къ этому какъ бы невольно приводится. Почитая важными только тѣ открытія, которыя производитъ силою чувствъ, онъ часто забываетъ, что подобныя открытія можетъ произвесть въ другомъ мірѣ, инымъ образомъ. Постигая все помощію зрѣнія или осязанія, почитаетъ несомнѣнными только тѣ понятія, которыя пріобрѣтаетъ этимъ способомъ, и убѣждается, что можно и должно вѣрить только чувствамъ.

Наоборотъ, представьте себѣ такого человѣка, который всю жизнь посвящаетъ наблюденіямъ надъ дѣятельностью мысли, надъ игрою страстей, отъискиваетъ причины, порождающія наши обычаи, и свои внутреннія размышленія прерываетъ только для удовлетворенія необходимыхъ житейскихъ потребностей: онъ какъ бы блуждаетъ въ видимомъ мірѣ, ничего не замѣчая и не слыша, погруженный въ созерцаніе того, что заключается въ немъ самомъ. Предметъ его занятій происходитъ изъ внутренняго сознанія, а не отъ глазъ и рукъ, какъ у перваго наблюдателя. Весь его разумъ погружается въ изслѣдованія собственнаго духа. Хотя чувства служатъ ему средствомъ, доставляющимъ познаніе объ отношеніи и свойствѣ предметовъ внѣшнихъ; но такое пріобрѣтеніе знанія усвояется ему безъ его наблюденій; онъ получаетъ эти свѣдѣнія страда-

шельно и по обычному употребленію. Міръ внѣшній такъ же чуждъ *для* него, какъ міръ внутренній *для* довѣряющаго чувствамъ. Онъ точно знаетъ все, что внутри его; это представляется ему дѣйствительнымъ, яснымъ и очевиднымъ; все прочее онъ усматриваетъ какъ бы вдали. Изъ этого онъ заключаетъ, что умозрѣніе есть единственный способъ истиннаго знанія; онъ вполовину только вѣритъ своимъ чувствамъ; даже иногда покушается принимать міръ вещественный за призракъ или мечту.

Предложите тому и другому вопросъ: *какъ можемъ мы познать истину?* Руководствующійся чувствами укажетъ не предметы внѣшніе, подлежащіе его органамъ чувствъ, а умозритель — на явленія внутреннія, доступныя его сознанію. Вотъ начало двухъ противоположныхъ способовъ знанія, *умозрительнаго* и *опытнаго*. Нельзя сказать, чтобы всѣ эмпирики отрицали несомнѣнное существованіе духовнаго знанія, равно и идеалисты не будутъ отвергать существованія чувствъ; но *для* первыхъ чувство внутреннее не составляетъ столь важнаго предмета, какъ чувства внѣшнія, не столь важныя въ глазахъ послѣднихъ; сверхъ того можно предположить, что найдутся между тѣми и другими умы односторонніе, которые будутъ отрицать, съ одной стороны, бытіе умозрительнаго вѣдѣнія, а съ другой — существованіе міра внѣшняго; каждая сторона признаетъ нелѣпыми требованія стороны противной, исключительно будетъ увѣрена въ своемъ мнѣніи и признаетъ его истиннымъ.

Не споримъ, что опытный способъ познанія очевиднѣе, нежели способъ умозрительный. Потребности человѣка-младенца призываютъ его

въ міръ внѣшній; въ это время образуется способность понимать, посредствомъ внѣшнихъ чувствъ; съ теченіемъ времени такой способъ познанія замѣняется другимъ, высшимъ. Въ этомъ заключается причина того, что мы встрѣчаемъ мало людей, которые разсматривали бы наиболѣе природу внутреннюю; наоборотъ, умозрители, удовлетворяя требованіямъ духа, не могутъ не признать справедливости чувствъ. Жизненныя потребности, общественныя обязанности отклоняютъ ихъ отъ любимыхъ размышленій и призываютъ иногда въ міръ внѣшній.

Странно было бы допустить, что одинъ изъ этихъ двухъ способовъ, разсматриваемый порознь, справедливѣе другаго. Мы не можемъ познавать внутренняго своего бытія глазами и руками: глаза не видятъ духа, руки его не осязаютъ. Съ другой стороны, мы не въ состояніи посредствомъ умозрѣнія постигать міръ внѣшній: онъ внѣ насъ находится. И такъ способы познанія этихъ двухъ міровъ различны. Внутреннюю природу свою мы можемъ чувствовать, внѣшнюю ощущать; эти два различные способа необходимы въ совокупности. Но способностію, пріемлющею въ себя понятія о внѣшнемъ и внутреннемъ, всегда бываетъ только умъ. Отвергать силу его свидѣтельствъ въ одномъ случаѣ, значитъ не надѣяться на него въ другомъ. Вѣрить опыту и не вѣрить умозрѣнію, или наоборотъ, довѣрять умозрѣнію и не вѣрить опыту, значитъ не вѣрить, въ одно и тоже время, уму; и потому эмпирики, довѣряющіе только чувствамъ, и умозрители, полагающіеся на размышленіе, взаимно исключаютъ себя — они несправедливы. Таковы заблужденія ума человѣческаго, когда онъ, обнимая одну только сторону истины, про-

чтитаетъ понятія свои совершенными. Мыслящій вѣритъ и внѣшнимъ чувствамъ, и внутреннему сознанію; онъ не сомнѣвается въ своей способности мышленія, равно видя, что извѣстное тѣло имѣетъ пространство, не сомнѣвается и въ его дѣйствительности. Но это равновѣсіе исчезаетъ для того, кто довѣряетъ своимъ чувствамъ болѣе, нежели умозрѣнію, и для того, кто болѣе познаетъ посредствомъ умозрѣнія, нежели помощію чувствъ; уваженіе къ первому способу увеличивается на счетъ униженія послѣдняго, и частію умозрѣніе, частію опытъ мѣняются между собою преимуществомъ, тогда какъ они должны быть равны въ своей силѣ. Въ сочиненіяхъ философскихъ, имѣющихъ цѣлію истину, необходимо различать эти два способа пріобрѣтенія знаній, или изслѣдованія истины: умозрительный способъ безъ опытнаго ведетъ къ отвлеченностямъ, опытный безъ умозрительнаго непроченъ; оба способа въ совокупности представляютъ живое созерцаніе природы, человѣка и искусства. Такое изслѣдованіе истины, изложенное въ словѣ, будетъ изящно.

И такъ желаніе учить людей просвѣщенныхъ, вновь рѣшить лучше и удачнѣе, что было рѣшаемо въ продолженіе вѣковъ и многими — это желаніе требуетъ весьма важныхъ условій. Чтобъ судить о какомъ-либо предметѣ основательно, надобно имѣть, во-первыхъ, вѣрное возрѣніе на предметы, во-вторыхъ, запасъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ предметамъ, повторить всѣ опыты, обозрѣть всѣ обстоятельства, пересмотрѣть всѣ мнѣнія. Послѣ писателей столькихъ вѣковъ и народовъ въ наше время трудно найти новыя изображенія и картины; большею частію мы подбираемъ колосья, которые древніе обро-

пили. При всемъ этомъ, кто внимательно созерцаетъ природу, безконечно разнообразную; кто наблюдаетъ человѣка въ исторіи и разгадываетъ психологическія причины всѣмъ явленіямъ исторической жизни; кто проникаетъ въ творческій духъ изящныхъ произведеній: тотъ найдетъ много новыхъ изображеній, новыхъ картинъ, новыхъ доказательствъ. Всѣ ли тѣла одушевленныя и неодушевленныя нами изслѣдованы? Всѣ ли свойства организма нашего, души нашей разгаданы? Проникнуты ли всѣ отношенія человѣка къ міру и міра къ Творцу его и Зиждителю? Посмотрите въ ясную ночь на твердь небесную, гдѣ взоръ вашъ теряется въ безпредѣльности; такова безпредѣльность поприща знаній для познающаго разума. Отъ чего въ сужденіяхъ нашихъ происходятъ пренія, несогласія, противорѣчія? Отъ того, что разсудокъ нашъ иногда бываетъ подъ вліяніемъ страстей — онъ принимаетъ различные виды, смотря по дѣйствію воли нашей; а потому достоинство просвѣщеннаго требуетъ, чтобъ мы возносились превыше всѣхъ страстей — чтобъ мы со всею независимостью отъ нихъ искали чистаго свѣта истины. Присоедините къ этому мнѣнія, господствующія въ каждомъ вѣкѣ, образующія духъ времени и составляющія характеристику народную: вотъ источники заблужденій при нашихъ соображеніяхъ. Когда поставимъ себя выше грубой атмосферы, которою дышитъ чернь, увлекающаяся чужимъ мнѣніемъ: тогда разсудокъ нашъ, здравый и чистый, будетъ дѣйствовать самъ собою, озаренный свѣтомъ истины. — При такихъ только условіяхъ слово представляется разумомъ въ явленіи и достигаетъ высокаго назначенія своего — повѣдать истину, указывать на благо, изображать изящество.

Расположеніе сочиненія философскаго совершенно зависитъ отъ основнаго умозаключенія; оно можетъ начинаться или съ общихъ истинъ и оканчиваться частными приложеніями, или на оборотъ, отъ частныхъ случаевъ восходить къ общимъ началамъ; въ первомъ случаѣ разсужденіе будетъ слѣдовать методу синтетическому, во второмъ — аналитическому. Систематическое раздѣленіе каждой части сочиненія также согласно съ развитіемъ посылокъ умозаключенія. Опредѣлите въ самомъ началѣ вопросъ или задачу вашу, покажите всѣ части, на какія вопросъ разлагается: и вы направите все вниманіе слушателей на одну точку — вы сами будете въ извѣстныхъ предѣлахъ, изъ которыхъ не позволите себѣ выходить. Изъ частныхъ познаній разумъ помощію отвлеченія легко выводитъ общія; но когда общія истины предлагаются безъ раздѣленія на частныя, не представляются въ образахъ и картинахъ, дѣйствующихъ на воображеніе: тогда общія понятія сбивчиво начертываются въ умѣ нашемъ или даже бываютъ невразумительны. Въ синтетическомъ и въ аналитическомъ способѣ разсужденія лучше дѣйствовать на разумъ не прямо, а посредствомъ воображенія.

»Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando, pariterque monendo.«

Въ сочиненіяхъ объ ученыхъ предметахъ, читаемыхъ въ собраніяхъ при торжественныхъ случаяхъ, прилично обращаться ко времени, мѣсту и обстоятельствамъ, при которыхъ разсужденія читаются. Такое отступленіе, какъ и въ ораторской рѣчи, должно быть самое простое, притомъ извлеченное изъ сущности объясняемаго предмета.

Изложеніе въ области философіи должно быть образцомъ точности и порядка. Философія не чуждается украшеній, кстати и съ бережливостью разбросанныхъ въ сочиненіи; однако первое достоинство въ ней — ясность. Слова новыя, недовольно вразумительныя, или ненужныя, принужденность, надутость, затемняютъ предметъ. Примѣры, заимствованные изъ исторіи, придаютъ сужденіямъ убѣдительность и служатъ имъ украшеніемъ. Изысканная витіеватость не имѣетъ мѣста тамъ, гдѣ идетъ дѣло о разсмотрѣніи предмета со всѣхъ сторонъ — о томъ, чтобъ извлечь истину. Но можетъ ли тотъ открыть се, кто готовъ пожертвовать ею желанію отличиться, кто ищетъ красивыхъ словъ въ замѣну мыслей? Излишнія подраздѣленія, безъ очевидной надобности вновь составляемыя слова, необыкновенные обороты, слишкомъ длинныя вставки, запутанность, отъ которой смѣшиваются понятія и порядокъ развитія понятій — все это затемняетъ предметъ, вмѣсто объясненія. Не рѣдко такая темнота служитъ прикрытіемъ странныхъ, даже нелѣпыхъ сужденій. — Во многихъ, особливо въ юношахъ, замѣчается при изложеніи страсть преувеличивать предметъ, о которомъ разсуждаютъ, превозносить, приписывать ему всѣ событія въ мірѣ. Безъ сомнѣнія, должно обращать все вниманіе на объясняемый предметъ; однако не надобно терять изъ виду и того, чѣмъ этотъ предметъ обставленъ. Каждый предметъ самъ по себѣ составляетъ часть цѣлаго; въ этомъ цѣломъ каждая часть имѣетъ свое мѣсто, свою степень, свои различныя стороны: показать въ точности всѣ эти отношенія или по крайней мѣрѣ къ нимъ приблизиться — таковы обязанности писателя-философа.

Желая способствовать силѣ разума, онъ одушевляетъ рѣчь теплотою чувства истиннаго и живостью воображенія. Въ этомъ родѣ сочиненій преимущественно подтверждается мудрое изреченіе поэта: Scribendi recte sapere est et principium et fons. »Сознаюсь, говоритъ великій Римскій витія, что я обязанъ совершенствованіемъ дара слова не урокамъ риторовъ, но наставленіямъ Академіи. Тамъ питался я поученіями Платона; тамъ поучается и приходитъ въ силу духъ витіи; оттуда истекаетъ обиліе рѣчи.« Въ особенности здѣсь славное титло писателя стяжаетъ тотъ, кто вступаетъ на это поприще вооруженный разнообразными свѣдѣніями, подобно воину, готовому сразиться съ непріятелемъ, облеченному въ доспѣхи брани. Чтенія Ф. и В. *Шлегелей* объ исторіи словесности и драмѣ, *Вильменовы* о словесности Французской, *Сольгеровы* и *Жанполевы* разсужденія объ эстетикѣ, *Шубертовы*, *Ансильоновы* и *Мерзлякова* разсужденія о физическихъ, нравственныхъ и литтературныхъ предметахъ — могутъ служить образцами изящнаго слова въ области мышленія.

Философскія сочиненія принимаютъ, кромѣ формы *монологической*, форму *діалогическую* и *эпистолярную*.

Діалогическая форма особенно употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно представить истину съ различныхъ сторонъ. Древніе пользовались сею часто въ своихъ философскихъ сочиненіяхъ; въ ней испытывали силы свои и новые писатели. Разговоръ бываетъ двухъ различныхъ родовъ: или его ведутъ между собою многія лица безъ участія сочинителя — таковъ способъ Платона; или въ немъ является и самъ сочинитель для большаго убѣжденія разговаривающихъ лицъ —

этому способу постоянно слѣдовалъ Цицеронъ. Хотя эти два способа различаются нѣсколько между собою; но основаніе ихъ одно и то же, и они подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ.

Если разговоръ того или другаго вида имѣетъ предметомъ развитіе идей истины, блага и изящества; если эти идеи въ немъ вполнѣ раскрыты: то такое сочиненіе достойно можетъ занять мѣсто между художественными произведеніями. Исполненіе этого впрочемъ и не такъ легко, какъ обыкновенно о томъ думаютъ. Не довольно вывести на сцену нѣсколько разговаривающихъ лицъ: дѣйствительный разговоръ долженъ быть выраженіемъ одушевленной бесѣды. Характеры и всѣ поступки вводимыхъ въ него лицъ должны быть рѣзко отличены,— мысли, даже самыя выраженія, составляющія особенности каждаго лица, выдержаны во всемъ сочиненіи. Такое изложеніе истины представляется поразительнымъ. Въ преніяхъ различныхъ лицъ мы ясно видимъ собственныя ихъ мнѣнія, какъ бы слушаемъ живую бесѣду, поучительную и пріятную.

Въ большей части разговоровъ новыхъ писателей находимъ одну только внѣшнюю форму, а не живой разговоръ общественный. Выводятъ нѣсколько разговаривающихъ лицъ, которыя послѣ общихъ мѣстъ о пріятности вечера или утра, о мѣстоположеніи, начинаютъ рѣчь о какомъ-либо важномъ предметѣ: и что же узнаемъ мы изъ такого разговора? Въ одномъ лицѣ является самъ сочинитель, разумѣется, всегда ученый, разсуждающій обо всемъ здраво и справедливо; отъ другаго слышимъ ничтожныя выраженія. Первое изъ этихъ лицъ одерживаетъ надъ своимъ противникомъ совершенную побѣду. Сочине-

нія такого рода холодны и нисколько не занимательны. Это разговоръ по одной формѣ, а не по духу разсужденія. Подобныя сочиненія смѣшиваютъ только наши понятія, а не просвѣщяютъ ума. Вмѣсто этого, не лучше ли излагать предметъ прямо отъ себя, въ формѣ монологической, не вводя въ разговоръ ничтожныя лица?

Платонъ, по изяществу разговоровъ, безспорно занимаетъ первое мѣсто между древними. Онъ описываетъ часто самое мѣсто дѣйствія и всѣ обстоятельства разговора. Характеры различныхъ софистовъ, которыхъ въ несправедливости любилъ обличать Сократъ, выражены со всѣми оттѣнками. У него дѣйствующія лица разнообразны; въ ихъ разговорѣ, исполненномъ огня и жизни, слышишь живую рѣчь. Изъ древнихъ и новыхъ писателей никто не сравнился съ Платономъ въ богатствѣ и красотѣ воображенія. Но при этомъ блестящемъ воображеніи, въ немъ выказывается плодовитость, иногда затемняющая главную мысль— и это единственный его недостатокъ. Воображеніе часто увлекаетъ Платона въ область аллегорій, вымысловъ и восторга. Платонъ является то поэтомъ, то философомъ. Если онъ не всегда излагаетъ намъ новыя, поучительныя мысли, какія мы привыкли слышать отъ него, по крайней мѣрѣ всегда учитъ изящному выраженію — всегда мы остаемся пораженные удивленіемъ его высокому генію.

Въ разговорахъ Цицерона, заключающихъ въ себѣ многія философскія и критическія изслѣдованія, нѣтъ ни живости, ни выразительности характеровъ, что составляетъ достоинство разговоровъ Платона; однако нѣкоторые, въ особенности разговоръ: Объ Ораторѣ, занимательны и естественны. Разговоры Цицероновы происходятъ

между знаменитыми лицами древняго Рима, въ бесѣдѣ образованной и величественной: это невольно внушаетъ участіе. Красноречивый разговоръ — о причинахъ упадка Римскаго краснорѣчія, приписываемый иными Квинтиліяну, другими Тациту, есть счастливое подражаніе Цицерону; даже сочинитель его превзошелъ самого Цицерона.

Лукіанъ писалъ также разговоры съ большимъ успѣхомъ. Характеръ его болѣе остроуміе, нежели глубина мыслей; въ этомъ онъ можетъ служить образцомъ. Веселость и проницательный умъ составляютъ его достоинство. Изображеніе странныхъ предразсудковъ и суетнаго мудрованія философовъ его времени — вотъ предметъ Лукіана. Разговоры боговъ и въ царствѣ мертвыхъ представляютъ современную жизнь писателя и вѣрованія вѣка. Многіе изъ новѣйшихъ писателей подражали разговорамъ въ царствѣ мертвыхъ. Таковы разговоры *Фонтенеля*, отличающіеся живостію и пріятностію; но всѣ дѣйствующія лица, какія имена они ни носятъ, выражаютъ характеръ его соотечественниковъ. Первенство разговора, живаго и занимательнаго, похожаго на разговоръ Платоновъ, между новыми писателями принадлежитъ *Сольгеру*. Эрвинъ его, или разговоръ объ изящномъ, отзывается глубокомысліемъ и одушевленною рѣчью Платона. Вся трудность разговора о нравственномъ предметѣ состоитъ въ изображеніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ; потому что въ спокойномъ разговорѣ нѣтъ дѣйствія и разнообразія въ положеніяхъ, какія можно представить въ драмѣ. Этимъ и объясняется, почему такъ мало отличныхъ писателей разговоровъ. Вотъ отрывокъ изъ Цицеронова разговора: О *старости*. Послушаемъ только Катона;

оставивъ Сципіона и *Лелія*. Изящество разговора состоитъ въ вѣрномъ изображеніи характера главнаго лица, которое въ истинѣ словъ своихъ убѣждаетъ просто, осязательно, и само проникнуто этою истиною. Этотъ родъ преимущественно принадлежитъ древности: все ученіе ихъ было діалогическое, разговорное.

»Вы удивляетесь, что я не скучаю старостью; но чему тутъ удивляться? Всякой возрастъ имѣетъ непріятности для того, кто въ самомъ себѣ не находитъ удовольствія. Напротивъ, довольный собою не ропщетъ на то, что зависитъ отъ законовъ природы. — *Такова старость! Всѣ приближаются къ ней, и всѣ жалуются, когда ее достигаютъ*. Вотъ постоянство человѣческое!«

»Говорятъ, старость обыкновенно приходитъ, какъ гость нежданный. Странное ослѣпленіе! Развѣ мужество скорѣе смѣняется старостью, нежели дѣтство юностью? И уже ли старость была бы въ восемь сотъ лѣтъ сноснѣе, нежели въ восемдесятъ? Минувшіе годы, сколько бы ихъ ни было, не могутъ утѣшить старости безпутной.«

»Все, чему вы удивляетесь, состоитъ въ томъ, чтобъ слѣдовать природѣ, вождю самому вѣрному, и повиноваться законамъ ея, какъ закону Провидѣнія. Всѣ вещи имѣютъ предѣлъ свой, всему назначено старѣть и разрушаться. Такъ падаютъ съ деревьевъ плоды, когда совсѣмъ созрѣваютъ. Мудрецъ, терпѣнье! Природѣ можно ли противиться?«

»Бывало, слыхалъ я Салинатора, слыхалъ и Спурія, бывшихъ консулами, какъ жаловались они на старость, которая будто лишала ихъ удовольствій и уваженія. Въ этомъ случаѣ виноваты мы сами, а не старость. Старики умѣренные, тихіе и веселые не могутъ быть несча-

стливы; а дурной нравъ во всякомъ возрастѣ несносенъ. — Однажды Серифской гражданинъ, въ споръ съ Ѳемистокломъ, сказалъ ему, что онъ славою своей обязанъ отечеству, а не себѣ самому. Тогда Ѳемистоклъ отвѣчалъ: »Еслибъ я былъ и Серифской уроженецъ, то и тогда бы что нибудь значилъ; а ты былъ бы тотъ же и въ Аѳинахъ.« Это можно примѣнить къ старости: она приятна для мудреца и при бѣдномъ состояніи; ужасна для невѣжды и въ изобиліи роскоши. Лучшая ограда отъ скуки въ старости — наука и добродѣтель. Сѣмена, посѣянныя ими въ продолженіе жизни, производятъ безцѣнные плоды. Онѣ никогда не оставляютъ насъ; чистая совѣсть и воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ всегда служатъ утѣшеніемъ.«

»Упрекаютъ старость въ томъ, будто этотъ возрастъ лишенъ удовольствій. — Тѣмъ драгоцѣннѣе то время, которое мертвитъ въ насъ пороки молодости. Справедливъ мудрецъ Архитасъ: нѣтъ ничего, говаривалъ онъ, опаснѣе сластолюбія. Оно раждаетъ страсти; отъ него и равнодушіе къ отечеству, и паденіе государствъ; отъ него всѣ преступленія. Высочайшій и благороднѣйшій даръ, которымъ природа наградила человѣка, есть разумъ; а сластолюбіе непримиримый врагъ разума.«

»И такъ если старость хладнокровна къ наслажденіямъ сластолюбія: то это должно почитать особливымъ ея преимуществомъ. Говорятъ, что старики не могутъ быть добрыми товарищами въ пиршествахъ. Будто это также дурно. Прелесть удовольствій очаровательна; — они прикрываютъ собою самые пороки; на нихъ идутъ люди, какъ рыба на уду. Впрочемъ удовольствія знакомы и старости, но только удовольствія умѣренныя. Въ мое время бывало престарѣлый Дуиллій, первый побѣдитель Карѳагенянъ на морѣ,

выходилъ изъ-за стола съ факелами и флейтами. Конечно для частнаго человѣка это необыкновенно; но уже слава его давала ему на то право. Что касается до моихъ вечеринокъ съ друзьями — то онѣ самыя скромныя; ихъ всегда одушевляетъ живость цвѣтущаго возраста. У меня главнымъ удовольствіемъ почитается не угощенье, а дружеское общество. И всѣ наши пиршества пріятнѣе Греческихъ: у насъ вмѣстѣ обѣдать — значитъ вмѣстѣ жить; у Грековъ — пить и пресыщаться. Я страстно люблю столъ съ друзьями — и не съ одними ровесниками, а вмѣстѣ съ людьми молодыми. По лѣтамъ своимъ не могу съ ними равняться въ обязанностяхъ пиршества; но вмѣсто этого чувствую болѣе потребности въ разговорѣ. Впрочемъ не совсѣмъ отрекаюсь отъ яствъ и напитковъ. По обычаю предковъ нашихъ, большой столъ, заздравное питье, крошечные стаканчики, которые лишь прохлаждаютъ человѣка — лѣтомъ на открытомъ воздухѣ, зимой передъ огнемъ — отъ такого пиршества, скажите, кто откажется? Такъ и теперь живу я въ моей Сабинѣ; у меня каждый день сосѣди — въ такомъ пріятномъ кругу часто и ночь пролетаетъ.«

»А удовольствія сельскія? — Ихъ можетъ вкушать старость въ полной мѣрѣ; это удовольствія мудрости. Въ деревнѣ занимаютъ человѣка родныя нивы, послушныя его трудолюбію; онѣ озлащаютъ тѣ сокровища, которыя онъ ей ввѣряетъ. Какъ чудесны произведенія земли! Она въ отверстыя плугомъ нѣдра пріявъ сѣмена, послѣ закрытыя бороной, согрѣваетъ ихъ, питаетъ соками своими, выводитъ зеленой отпрыскъ, который легохонько колыхась на корешкѣ, непримѣтно растетъ, подымается на колѣнчатомъ стебелькѣ, сперва кроется въ оболочкѣ — и потомъ оттуда вы-

ходитъ полный колосъ, унизанный острой остью — кажется для того, чтобъ птички не смѣли до него коснуться.«

»Что приятнѣе разведенія винограда? Вотъ еще удовольствія, всегда новыя для меня — вотъ отрада въ досугахъ старости. Изъ крошенныхъ, едва примѣтныхъ зернышекъ выростаютъ такія огромныя вѣтьви! Не льзя не дивиться природѣ. Какъ стелется виноградъ по землѣ — вѣтками, точно руками, цѣпляется ко всему, что встрѣтится. Съ весною на вѣтьвяхъ наливаются почки — изъ нихъ пробиваются кисти — и этѣто кисти, согрѣтыя теплотою солнечной, даютъ людямъ столь вкусное пищье. Какой видъ представляютъ деревья, увитыя виноградными вѣтьвями и обремененныя сочными плодами!«

»Кромѣ винограда, деревьевъ, жатвы, сѣнокоса — кромѣ всего этого, сколько удовольствій въ садахъ, огородахъ, отъ скотоводства и пчелъ! — Вы простите мнѣ, что я слишкомъ распространился о деревнѣ: признаюсь — это страсть моя; притомъ старость любитъ-таки поговорить. — Такой сельской жизнью наслаждался Курій, послѣ побѣдъ надъ Самнитянами, Сабинцами, Пирромъ. Любуясь сельскимъ его домикомъ, который недалеко отъ моего, не могу надивиться честности этого великаго мужа и скромности его вѣка. Здѣсь-то онъ, сидя у очага своего, отказался отъ сокровищъ Самнитянъ, сказавъ имъ, что для него славнѣе повелѣвать тѣми, у которыхъ золото, нежели самому его имѣть. *Столь благородная душа могла ли не быть счастлива и въ старости?*«

Философское сочиненіе иногда облекается въ форму *письма*. Съ перваго взгляда, письма открываютъ обширное поприще писателю; потому что всѣ предметы можно объяснять въ

этой формѣ. Шефтесбюри, Гаррисъ и другіе облекали въ форму письма философскія разсужденія; но этого недостаточно *для* изящнаго письма. Часто въ письмахъ, послѣ первыхъ словъ, имя друга исчезаетъ — и мы узнаемъ, что сочинитель имѣлъ въ виду многихъ читателей. Таковы письма *Сенеки*. Они писаны для общества — и въ сущности это разсужденія о разныхъ нравственныхъ предметахъ, которымъ сочинитель далъ форму писемъ. Иногда въ этой формѣ пишутъ объ одномъ какомъ-либо опредѣленномъ предметѣ, напр. объ утѣшеніи, доставляемомъ религіею и нравственностію въ несчастіяхъ. Здѣсь можно избирать тонъ и доказательства по произволу. — Но подобное сочиненіе мы принимаемъ не за письмо, а за рѣчь, обращенную къ какому-либо лицу, сообразно съ его обстоятельствами.

Изящное письмо, какого бы содержанія ни было, дышащее чувствомъ непринужденности и дружбы, можетъ служить пріятнымъ чтеніемъ для людей образованныхъ. Занимательность этого рода сочиненій возрастаетъ вмѣстѣ съ занимательностью предмета, свободою духа, живостью и естественностью, особенно, когда мы принимаемъ участіе въ томъ, кто его пишетъ. Прежде, нежели писатель проявитъ себя въ изящномъ словѣ, долженъ быть самъ объятъ изящнымъ: для этого необходимо условіе, чтобъ содержаніемъ письма былъ предметъ, способный возбудить чувство изящнаго. За тѣмъ уже слѣдуетъ свойство души, воспринимающей ощущенія изящнаго. Отсюда происходитъ любопытство, съ какимъ читаются письма знаменитыхъ людей: въ нихъ надѣемся мы открыть черты ихъ характера. Дружескія письма подходятъ ближе къ обыкновенному разговору; въ нихъ скорѣе можно найти простоту и чистосердечіе, нежели въ дру-

нихъ сочиненіяхъ. Намъ пріятно видѣть писателя лицемъ къ лицу съ его другомъ, слушать, какъ онъ высказываетъ чувствованія, которыми исполнено его сердце.

Поэтому пріятность писемъ зависитъ большею частію отъ сочувствія нашего съ тѣмъ, кто пишетъ; въ нихъ любимъ мы видѣть человѣка, а не писателя. Главное достоинство этого рода есть простота и естественность. Выисканность и холодность не терпимы въ письмѣ, равно какъ и въ дружеской бесѣдѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ живость и остроты нравятся, если только онѣ употреблены кстати и не въ излишествѣ. Чѣмъ кто болѣе хочетъ блистать въ письмахъ и обществѣ, тѣмъ тотъ менѣе нравится. Слогъ писемъ не долженъ быть слишкомъ витіеватъ; довольно, если они написаны слогомъ правильнымъ и естественнымъ. Излишняя разборчивость въ выборѣ словъ, округленные періоды и благозвучныя паденія въ письмѣ выказываютъ только искусственность; напротивъ, простота и легкость всегда въ нихъ нравятся. Рѣчь, изливающаяся отъ сердца и одушевленная воображеніемъ, для письма самая приличная. Но если въ письмахъ не говорятъ ни сердце, ни воображеніе, они холодны. Отъ того письма привѣтственныя, поздравительныя и утѣшительныя, въ которыхъ видѣнъ большой трудъ сочинителя, всегда бываютъ самыя скучныя и утомительныя.

Пріятность и простота, необходимыя въ письмахъ, не освобождаютъ отъ возможной обработки слога. Такъ въ письмахъ даже къ искреннему другу надобно обращать вниманіе и на предметъ, и на слогъ; это долгъ въ отношеніи и къ другу, и къ себѣ самому. Небрежность въ письмѣ можетъ казаться обидною. Главный законъ, кото-

о жизни предковъ. Онъ первый познакомилъ насъ съ отечественными преданіями, очаровательною кистью рисовалъ предъ нами родные нравы, оживилъ памятники, долго тлѣвшіе въ неизвѣстности, заставилъ насъ полюбить даже мѣста, которыхъ до него мы не замѣчали. Вотъ, чѣмъ восхитилъ онъ у всѣхъ современниковъ пальму *перваго писателя*. Главное достоинство и изящество писемъ Карамзина состоитъ въ простодушномъ и добросовѣстномъ отчетѣ друзьямъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и чувствованіяхъ. Эти письма — мысли и чувствованія въ слухъ, бесѣда съ друзьями. Таковы впечатлѣнія благословеннаго неба Швейцаріи. Пріятно также читать бесѣды Карамзина съ Гердеромъ, Виландомъ и Боннетомъ, съ которыми знакомство для нашего путешественника было сладостнѣйшимъ наслажденіемъ. Письмо о Виландѣ любопытно и въ отношеніи къ Нѣмецкому писателю, и въ отношеніи къ нашему путешественнику: здѣсь онъ высказываетъ Виланду задушевную мысль свою — мысль цѣлой жизни: *жить въ мирѣ съ натурою и съ добрыми, любить изящное и имъ наслаждаться.*

Мы не можемъ оставить безъ вниманія изящнаго письма Жуковскаго о Рафаэлевой Мадоннѣ. Карамзинъ пересказываетъ намъ о художественныхъ произведеніяхъ Рафаэля, Микель-Анжело, Корреджія, украшающихъ Дрезденскую картинную галлерею, не останавливаясь ни на одномъ; Жуковскій, проникнутый мыслію великаго художника, передаетъ намъ всю глубину творчества и своихъ чувствованій.

»Я рѣшился придти въ галлерею, какъ можно ранѣе, чтобы предупредить всѣхъ посѣтителей. Это удалось. Я сѣлъ на софу противъ Рафаэлевой Мадонны, и просидѣлъ цѣлый часъ, смотря на нее.

И такова сила той души, которая дышитъ и вѣчно будетъ дышать въ этомъ божественномъ созданіи, что все окружающее пропадаетъ, какъ скоро посмотришь на нее со вниманіемъ. Сказываютъ, что Рафаэль, натянувъ полотно свое для этой картины, долго не зналъ, что на немъ будетъ; вдохновеніе не приходило. Однажды онъ заснулъ съ мыслію о Мадоннѣ, и вѣрно какой нибудь Ангелъ разбудилъ его — онъ вскочилъ: *она здѣсь!* закричалъ онъ, указалъ на полотно, и начертилъ первый рисунокъ. И въ самомъ дѣлѣ, это не картина, а видѣніе: чѣмъ долѣе глядишь, тѣмъ живѣе увѣряешься, что передъ тобою что-то неестественное происходитъ (особливо, если смотришь такъ, что ни рамы, ни другихъ картинъ не видишь). И это не обманъ воображенія; оно не обольщено здѣсь ни живостію красокъ, ни блескомъ наружнымъ! Здѣсь душа живописца, безъ всякихъ хитростей искусства, но съ удивительною простотою и легкостію, передала холстинѣ то чудо, которое во внутренности ея совершилось. Я описываю ее вамъ, какъ совершенно для васъ неизвѣстную; вы не имѣете объ ней никакого понятія, видѣвши ее только въ спискахъ, или въ Миллеровомъ эстампѣ. Не видавъ оригинала, я хотѣлъ купить себѣ въ Дрезденѣ этотъ эстампъ, но увидѣвъ, не захотѣлъ и посмотрѣть на него: онъ, можно сказать, оскорбляетъ святыню воспоминанія. Часъ, который провелъ я передъ этою Мадонною, принадлежитъ къ счастливымъ часамъ жизни, если счастіемъ должно почитать наслажденіе самимъ собою. Я былъ одинъ, вокругъ меня было все тихо; сперва съ нѣкоторымъ усиліемъ вошелъ въ самого себя, потомъ ясно началъ чувствовать, что душа распространялась; какое-то тро-

гательное чувство величія въ нее входило; неизобразимое было для нея изображено, и она была тамъ, гдѣ только въ лучшія минуты жизни быть можетъ. *Геній чистой красоты* былъ съ нею.«

»Не понимаю, какъ могла ограниченная живопись произвести необъятное; передъ глазами полотно, на немъ лица, обведенныя чертами, и все стѣснено въ маломъ пространствѣ, и не смотря на то, все необъятно, все неограниченно! И точно приходитъ на мысль, что эта картина родилась въ минуту чуда: занавѣсъ раздернулся, и тайна неба открылась глазамъ человѣка. Все происходитъ на небѣ; оно кажется пустымъ и какъ будто туманнымъ — но это не пустота и не туманъ, а какой-то тихой, неестественный свѣтъ, полный Ангелами, которыхъ присутствіе болѣе чувствуешь, нежели замѣчаешь: можно сказать, что все, и самый воздухъ, обращается въ чистаго Ангела въ присутствіи этой небесной, мимоидущей Дѣвы. И Рафаэль прекрасно подписалъ свое имя на картинѣ: внизу ея, съ границы земли, одинъ изъ двухъ Ангеловъ устремилъ задумчивые глаза въ высоту; важная, глубокая мысль царствуетъ на младенческомъ лицѣ. Не таковъ ли былъ, долженъ быть самъ Рафаэль въ то время, когда онъ думалъ о своей Мадоннѣ: будь младенцемъ, будь Ангеломъ на землѣ, чтобы имѣть доступъ къ тайнѣ небесной! И какъ мало средствъ нужно было для живописца, чтобы произвести нѣчто такое, чего не льзя истощить мыслію! Онъ писалъ не для глазъ, все обнимающихъ во мгновеніе и на мгновеніе, но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ. Въ Богоматери, идущей по небесамъ, непримѣтно никакого движенія; но чѣмъ болѣе смотришь на нее,

тѣмъ болѣе кажется, что она приближается; на лицѣ ея ничто не выражено, то есть, на немъ нѣтъ выраженія *понятнаго*, имѣющаго *опредѣленное* имя, но въ немъ находишь, въ какомъ-то таинственномъ соединеніи, все: спокойствіе, чистоту, величіе и даже чувство, но чувство, уже перешедшее за границу земнаго, слѣдовательно мирное, постоянное, не могущее уже возмутить ясности душевной; въ глазахъ ея нѣтъ блистанія (блестящій взоръ человѣка всегда есть признакъ чего-то необыкновеннаго, случайнаго, а для нея уже нѣтъ случая—все совершилось!), но въ нихъ есть какая-то глубокая, чудесная темнота, въ нихъ есть какой-то взоръ, никуда особенно неустремленный, но какъ будто видящій необъятное; она не поддерживаетъ Младенца, но руки ея смиренно и свободно служатъ Ему престоломъ. И въ самомъ дѣлѣ, эта Богоматерь есть не иное что, какъ одушевленный престолъ Божій, чувствующій величіе сидящаго. И Онъ, какъ Царь земли и неба, сидитъ на этомъ престолѣ; и въ Его глазахъ есть тотъ же никуда неустремленный взоръ; но эти глаза блистаютъ, какъ молніи, блистаютъ тѣмъ вѣчнымъ блескомъ, котораго ничто ни произвести, ни измѣнить не можетъ! Одна рука Младенца съ могуществомъ Вседержителя оперлась на колѣно, другая какъ будто готова подняться и простереться надъ небомъ и землею. Тѣ, передъ которыми совершается это видѣніе, Св. Сикстъ и Мученица Варвара, стоятъ также на небесахъ: на землѣ этого не увидишь. Старикъ не въ восторгѣ, онъ полонъ обожанія мирнаго и счастливаго, какъ святость. Святая Варвара очаровательна своею красотою: великость того явленія, котораго она свидѣтель, дала и ея стану какое-то разительное величіе;

но красота лица ея человѣческая, именно потому, что на немъ уже есть выраженіе *понятное*: она въ глубокомъ *размышленіи;* она глядитъ на одного изъ Ангеловъ, съ которымъ какъ будто дѣлится таинствомъ мысли. И въ этомъ нахожу я главную красоту Рафаэлевой картины (если слово *картина* здѣсь у мѣста). Когда бы живописецъ представилъ обыкновеннаго человѣка зрителемъ того, что на картинѣ его видятъ одни Ангелы и Святые: онъ или далъ бы лицу его выраженіе изумленнаго восторга, (ибо восторгъ есть чувство здѣшнее: онъ на минуту, быстро и неожиданно отрываетъ насъ отъ земнаго), или представилъ бы его падшаго на землю съ признаніемъ своего безсилія и ничтожества. Но состояніе души, уже покинувшей землю и достойной неба, есть глубокое, постоянное чувство, возвышенное и просвѣщенное, постигнувшее мыслію, безмолвное, неизмѣняемое счастіе, которое все заключается въ двухъ словахъ: *чувствую* и *знаю!* И эта-то блаженствующая мысль царствуетъ на всѣхъ лицахъ Рафаэлевой картины (кромѣ, разумѣется, лица Спасителева и Мадонны), все въ размышленіи и Святые Ангелы. Рафаэль, какъ будто хотѣлъ изобразить для глазъ верховное назначеніе души человѣческой. Одинъ только предметъ напоминаетъ въ картинѣ его о землѣ: это Сикстова тіара, покинутая на границѣ здѣшняго свѣта. — Вотъ то, что я думалъ въ тѣ счастливыя минуты, которыя провелъ передъ Мадонною Рафаэля; какую душу надлежало имѣть, что бы произвести подобное!«

Отъ развитія доказательнаго элемента Ораторской рѣчи, или сочиненій Философскихъ, перейдемъ къ элементу повѣствовательному, или Исторіи.

Чтеніе двадцать осьмое.

Развитіе изящнаго въ исторіи. — Отличительное свойство историческихъ сочиненій изящныхъ — Содержаніе и форма исторіи монологическая, діалогическая и эпистолярная. — Изложеніе исторіи. — Образцы.

По изслѣдованіи Ораторскихъ рѣчей, или собственно витійства, и философскихъ сочиненій, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію третьяго рода краснорѣчія — *Исторіи*. Обогащенные опытами нѣсколькихъ столѣтій, мы любимъ повѣрять размышленія наши съ размышленіями древнихъ, пользоваться ихъ наставленіями; но, по превосходству опытности, мы то же предъ древними, что мужественный возрастъ предъ юностью: отъ того исторія въ наше время получила иное направленіе въ сравненіи съ исторіею Грековъ и Римлянъ. Говоря объ этомъ родѣ краснорѣчія, мы уже не столько станемъ ссылаться на Ѳукидида и Тита Ливія, сколько ссылались на Димосѳена и Цицерона въ бесѣдахъ собственно о витійствѣ.

Показать отношеніе исторіи, какъ изящнаго произведенія, къ другимъ родамъ краснорѣчія, опредѣлить ея *содержаніе*, *форму* и *изложеніе*, вывести условія для историческаго писателя, приложить всѣ эти законы изящнаго къ образцамъ, разсмотрѣть исторію отечественную: вотъ

предметъ изслѣдованій нашихъ въ отношеніи къ Исторіи.

Древніе принимали исторію за пріятное повѣствованіе; не дорожа истиной, они разсказывали краснорѣчиво слышанное или переданное имъ отъ другихъ; желали изображать соотечественниковъ великими, всѣ событія изъ своей исторіи представляли необыкновенными; они не знали ни свидѣтельствъ, ни ссылокъ на ученыя изслѣдованія. Короче, исторія казалась древнимъ прозаическою эпопеею: отъ того Аристотель ставитъ ее ниже эпопеи. Иродотъ признается, что онъ повторяетъ или писателей Персидскихъ и Финикійскихъ, или разсказы Египетскихъ священнослужителей, или ссылается на Омира и Эсхила. Въ Ѳукидидѣ не встрѣчаемъ никакихъ указаній. Титъ Ливій обыкновенно оправдывается выраженіемъ: »такъ повѣствуютъ тѣхъ временъ писатели.« Болѣе отчетливъ Тацитъ. Вообще Греческіе и Римскіе Историки не занимались разсмотрѣніемъ народа въ отношеніи религіозномъ, гражданскомъ и умственномъ; какъ путешественники, разсказывали все, что видѣли или слышали. »Кліо, говоритъ Шатобріанъ, тогда совершала путь свой налегкѣ, безъ грузнаго обоза, какой нынѣ за ней тянется.«

Не таковы условія исторіи въ наше время. Объяснить законы, управляющіе человѣчествомъ, возсоздать тотъ или другой народъ по вѣрнымъ памятникамъ, показать развитіе идей народныхъ и различныя степени образованія, открыть извѣстныя направленія обществъ, въ разныя времена повторяющіяся — опредѣлить мѣсто, занимаемое народомъ въ ряду другихъ народовъ — отдѣлить въ человѣкѣ два стремленія, одно общее всѣмъ временамъ, другое особенное, свойственное одному

какому-либо вѣку: таковы требованія отъ нынѣшней исторіи. Каждый почти вѣкъ, каждое новое направленіе умственное ставитъ людей на особую точку зрѣнія исторіи; отсюда столько различныхъ измѣненій въ воззрѣніи на исторію, каковы: религіозное, философское и другія.

Чтожъ исторія въ отношеніи къ прочимъ произведеніямъ Словесности? Направленіе воли изображеніемъ идеаловъ добродѣтели, убѣжденіе — это предметъ собственно *витійства*. Озареніе ума истиною, открываемою въ возможности и назначеніи природы и человѣка, составляетъ предметъ философскихъ сочиненій. *Для исторіи* остается вѣрное изслѣдованіе дѣйствительной, временной, конечной жизни: это *развитіе историческаго элемента Ораторской рѣчи*. Витія, показавъ, что и какъ происходило, долженъ еще раскрыть, какъ что-либо быть долженствуетъ. Отъ того рѣчь, какъ развитіе полнаго умозаключенія, требуетъ и изложенія историческаго, и доводовъ философскихъ. Эти двѣ стихіи, сливающіяся въ рѣчи Ораторской, являются разрозненными въ Исторіи и Философіи. Дѣйствительное и возможное составляютъ два различныхъ вопроса: одинъ историческій, другой философскій. Въ Исторіи мы преслѣдуемъ обнаруженіе идеи въ явленіяхъ природы или человѣчества; въ Философіи стараемся открыть ту идею, по которой являются предметы природы или дѣйствія человѣчества. Историкъ возводитъ воззрѣнія свои до идеи; философъ низводитъ идею въ живыя созерцанія. Не смотря на то, что историческія сочиненія и философскія представляютъ два противоположныя направленія, они имѣютъ потребность во взаимномъ содѣйствіи: исторія безъ философскихъ со-

ображеній — несвязное изображеніе случайностей; философія безъ историческихъ, опытныхъ изслѣдованій — темная отвлеченность (*).

Исторія, какъ и самая жизнь, можетъ быть разсматриваема въ двоякомъ отношеніи: въ себѣ самой и въ частности, иначе, можетъ изображать или жизнь всеобщую, или жизнь въ проявленіяхъ частныхъ — согласно съ идеею человѣчества, отъ вѣчности единою, и согласно съ проявленіемъ идеи человѣчества въ народахъ, съ условіями мѣста и времени. Отсюда слѣдуетъ необходимость *Исторіи всеобщей и частной.*

Сверхъ того жизнь разсматривается или со стороны вещества, разнообразно обнаруживающагося, или со стороны стремленія духа; предметъ перваго разсматриванія природа; втораго — человѣкъ: еще новое различіе Исторіи природы

(*) *Luciani* πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν. — G. J. *Vossii* Ars historica s. de historiae natura historiaeque scribendae praeceptis commentatio; Lugd. Bat. 1653, 4. — D'*Alembert* — Reflexions sur l'histoire et sur les differentes manieres de l'écrire, dans les melanges. — Lord *Bolingbroke's* Letters on the study and use of history; Lond. 1751, 2 vol. De la manière d'écrire l'histoire, par l'Abbé *Mably*; Paris, 1783, in 12. — *Duncker* de historia ejusque tractandæ varia ratione. Berol. 1834, 4. — F. *Rühs* Entwurf einer Propædeutik des historischen Studiums; Berl. 1811, 8. — W. *Wachsmuth* Entwurf einer Theorie der Geschichte; Halle, 1820. — W. *Humboldt.* Ueber die Aufgabe des Geschichtschreibers (Akadem. Abhandl.); Berl. 1822, 4. — Любопытны объ этомъ замѣчанія *Миллера* въ письмахъ его къ Бонстеттену; въ *Шиллеровомъ* разсужденіи: Was ist, und zu welchem Zwecke studirt man Universalgeschichte; въ *Крейцеровомъ* Historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung; Leipz. 1803, 8.

и человѣка, или Исторіи собственно называемой. Жизнь человѣка, или духовная часть всеобщей жизни вселенной, настоящій предметъ Исторіи, какъ художественнаго словеснаго произведенія, представляетъ въ себѣ совокупность и природы, и духа. Отъ того въ ея изображеніи встрѣчаются гораздо бо́льшія трудности, нежели въ изображеніяхъ природы. Здѣсь, въ событіяхъ человѣчества и народовъ, должно различать двѣ силы, дающія движеніе и направленіе судьбамъ народнымъ: силу высшаго разума, Творца и Зиждителя, и силу воли, дарованной человѣку, какъ образу и подобію Творца. По той же причинѣ въ народахъ и человѣкѣ усматриваемъ мы какъ бы двѣ жизни: *всеобщую*, по которой онъ одинаковъ во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, и *частную* или особую, по которой онъ различествуетъ по странамъ и вѣкамъ. Отъ этого исторія человѣчества, при всемъ безконечномъ разнообразіи событій, представляетъ единство нравственныхъ законовъ.

Внѣшняя жизнь совершается въ пространствѣ и времени: изображеніе ея принадлежитъ или *описаніямъ*, или *повѣствованіямъ*. Исторія, собственно называемая, слагается изъ описаній и повѣствованій. Сверхъ того всякое сочиненіе, какъ особый предметъ, различается по содержанію и формѣ; содержаніе же разсматривается въ отношеніи къ количеству и качеству, а форма со стороны внутренней и внѣшней. Исторія, въ первыхъ двухъ отношеніяхъ, бываетъ, какъ уже сказали мы, общая, частная и особая, или *религіозная*, *политическая* и *ученая*; въ двухъ другихъ, или *этнографическая*, *хронологическая* и *смѣшанная*, или, равно какъ и сочиненія философскія, *монологическая*, *діалогическая* и *эпистолярная*.

Здѣсь мы не будемъ говорить о возможности исторіи, какъ науки. Каждый вѣкъ, каждый народъ осуществляетъ идею человѣчества, особеннымъ, ему только свойственнымъ образомъ; но, какъ проявленіе общей жизни, каждый вѣкъ и каждый народъ сверхъ того касается всеобщей жизни: этого условія всеобщей и частной жизни человѣчества въ совокупности достаточно для исторіи, какъ науки. Въ настоящемъ же случаѣ взглянемъ на *Исторію*, какъ на *изящное словесное произведеніе.*

Умѣнье располагать дѣйствительностью точно такъ же, какъ воображеніе располагаетъ своими вымыслами, притомъ съ сохраненіемъ истины въ самыхъ событіяхъ, умѣнье ставить читателя на такую точку, съ которой бы онъ удобно и легко обозрѣвалъ всѣ происшествія въ связи и послѣдовательности; присоедините къ этому искусство живописать прошедшее настоящимъ, въ каждомъ лицѣ, въ каждомъ дѣйствіи уловлять рѣзкія отличительныя черты: вотъ въ чемъ состоитъ высокое искусство исторіи, какъ изящнаго словеснаго произведенія. Народы представляютъ намъ свои вѣрованія, языки, творенія геніевъ, законы, науки, искусства: во всѣхъ этихъ памятникахъ скрывается непреложный законъ жизни человѣчества, неперестающей развиваться, подобно непреложнымъ законамъ міроздаиія, по которымъ движутся небесныя свѣтила. Открыть этотъ законъ въ неполныхъ лѣтописяхъ народа, большею частію искаженныхъ, ложно истолкованныхъ — озарить ихъ свѣтомъ критики и показать событія такъ, какъ они могли бы и должны были произойти въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, при извѣстныхъ обстоятельствахъ: въ этомъ первый подвигъ писателя-историка. Такъ ученый Нибуръ,

осмотрѣвъ развалины Рима, преслѣдовавъ развитіе идеи человѣчества въ пространствѣ первыхъ вѣковъ, послѣ созданія этого колосса, сличивъ показанія его историковъ съ извѣстіями другихъ писателей, разгадалъ причину событій, которыхъ выполненіе составляло блистательную жизнь Римлянъ въ исторіи человѣчества.

Послѣ этого труда ожидаетъ историка новый трудъ критическій. Съ теченіемъ времени число историческихъ памятниковъ умножается; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается трудность извлечь истину изъ сравненія нѣмыхъ свидѣтелей древности, и вѣроятность возвести на степень достовѣрности. Такъ проницательный Шлецеръ въ нашей отечественной исторіи отдѣлилъ драгоцѣнные перлы, и лѣтописямъ нашимъ придалъ значеніе историческое. Въ этомъ состоитъ *изобрѣтеніе* историка и *содержаніе* исторіи.

Когда такимъ образомъ памятники древности невѣрные, противорѣчащіе, темные, различены, соглашены, освѣщены; когда историкъ вступаетъ въ область печатныхъ, неумолкающихъ свидѣтельствъ, гдѣ ни одна изъ добычъ ума человѣческаго не гибнетъ — въ періодъ жизни народной, уже отчетливой въ дѣйствіяхъ: тогда начинается историческое изящное *расположеніе* — исторія получаетъ изящную *форму*. Съ перваго взгляда нѣтъ ничего легче представить картину жизни, которую мы обыкновенно съ жадностью созерцаемъ; но исполненіе этой живописи есть дѣло особеннаго таланта. Сколько любопытныхъ стекается на всякое ежедневное приключеніе: отъ чего же эти самыя приключенія, перенесенныя въ книгу, иногда бываютъ скучны, незанимательны? Именно отъ того, что они перестаютъ занимать

насъ, подобно живымъ и съ нами разговаривающимъ событіямъ. Все искусство исторической занимательности состоитъ въ живописи, въ представленіи событій предъ нашими глазами, въ изображеніи характеровъ, въ возсозданіи цѣлаго народа изъ происшествій. Историкъ не лѣтописецъ: онъ долженъ умѣть изъ безчисленнаго множества событій избрать то преимущественно, которое состоитъ въ связи и соотношеніи съ природою человѣка вообще и съ природою людей той или другой страны, того или другаго времени, выразить, какъ сказали мы выше, жизнь всеобщую человѣчества и жизнь частную народную. Тогда узнаемъ мы въ народѣ членовъ одного большаго семейства, каково человѣчество; тогда понятно будетъ отношеніе народа къ другимъ народамъ, и всѣ дѣйствія его покажутся вразумительными; тогда каждая частная исторія послужитъ дополненіемъ исторіи всеобщей (*).

Достовѣрность событій есть единственная цѣль историка, а потому безпристрастіе, точность — главныя его качества. Ему неприличны преувеличенныя прославленія, равно какъ и несправедливыя порицанія; чуждый страстей къ той или другой сторонѣ, неувлекаемый личными видами, но, созерцая прошедшее окомъ неумытнаго судіи, историкъ представляетъ намъ вѣрное изображеніе природы человѣческой, какъ философъ изслѣдуетъ истину законовъ природы и человѣка.

Не всякой разсказъ, хотя и вѣрный въ своихъ фактахъ, заслуживаетъ названіе исторіи: это

(*) E. M. *Arndt's* Einleitung zu historischen Charakter — Schilderungen; Berl. 1810, 8.

принадлежность собственно такихъ происшествій изъ временъ прошедшихъ, которыя служатъ къ нашему наставленію, занимательны и представляютъ связь причинъ съ послѣдствіями въ ясномъ и разительномъ порядкѣ. Исторія предполагаетъ научить насъ мудрости; а потому она должна служить дополненіемъ нашей опытности. Какъ поучительно для человѣка изобразить подобныхъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, и тѣмъ внушить ему вѣрныя и здравыя сужденія о всѣхъ превратностяхъ жизни! Это не простой разсказъ, занимающій воображеніе, но мудрый и благородный совѣтъ. Такой совѣтъ не допускаетъ ни излишнихъ украшеній, ни напыщенности, ни блестокъ безполезнаго остроумія. Историкъ представляется мудрецомъ, говорящимъ въ поученіе потомства, изучившимъ свой предметъ, обращающимся болѣе къ нашему разсудку, нежели къ воображенію. Исторія не исключаетъ вовсе украшеній и живости слога; напротивъ, въ ней нравятся украшенія простыя, неизысканныя, какъ бы невольно представляющіяся писателю, который совершенно погруженъ въ происшествія, имъ повѣствуемыя.

Прежде всего историкъ долженъ помыслить о единствѣ своего повѣствованія, не слагать его изъ частей отдѣльныхъ, не имѣющихъ прямой и вѣрной связи съ главнымъ; необходимо, чтобы эта связь соединяла всѣ частныя событія съ однимъ общимъ основаніемъ и производила бы на умъ нашъ впечатлѣніе полнаго и органическаго цѣлаго. Послѣдовательность всегда производитъ сильное дѣйствіе: намъ пріятно видѣть постепенное развитіе обширнаго предначертанія, или необъятной цѣпи событій изъ одного начала, къ которому относятся всѣ различныя историческія явленія.

Повѣствуя о событіяхъ, историкъ открываетъ тайныя пружины дѣйствій и конечныя причины происшествій. Для достиженія этого, особенно необходимо глубокое изученіе человѣческой природы и знаніе духа народнаго. Безъ этихъ условій можно ли объяснить въ исторіи образъ дѣйствій представителей народа и различные перевороты, которымъ подвергаются государства въ теченіе вѣковъ?

Въ отношеніи къ приобрѣтенію свѣдѣній гражданственныхъ, писатели новые пользуются многими преимуществами предъ древними. Въ древности труднѣе было приобрѣтеніе политическихъ свѣдѣній, по причинѣ недостаточной сообщительности между сосѣдственными государствами. Историческіе факты сохранялись большею частію въ преданіяхъ. Если важнѣйшія событія и ввѣрялись письменамъ, то только для своихъ соотечественниковъ; древніе не помышляли писать для иноземцевъ, и еще менѣе для наставленія человѣчества. Отъ того они такъ поверхностно касались подробностей внутренней своей жизни, о которой мы желали бы имѣть извѣстія болѣе полныя.

Требуя отъ историка глубокихъ изслѣдованій описываемаго предмета, мы не желаемъ его собственныхъ размышленій, часто прерывающихъ разсказъ историческій: долгъ его представить намъ событія въ собственномъ ихъ видѣ для совершеннаго познанія народа. Пусть онъ объяснитъ устройство, силы, степень образованности описываемаго государства, сношенія его съ сосѣдними державами; пусть онъ поставитъ насъ на возвышенное мѣсто, съ котораго можно видѣть всѣ основныя причины происшествій: онъ исполнитъ свое назначеніе; вы-

водъ заключеній пусть иногда предоставитъ нашему соображенію.

Изображеніе характеровъ въ исторіи есть одно изъ самыхъ блистательныхъ и труднѣйшихъ украшеній. Не рѣдко отъ частной жизни великихъ людей, отъ самыхъ простыхъ случаевъ, происшествій повидимому самыхъ обыкновенныхъ, проливается свѣтъ на цѣлый рядъ событій.

Что сказать объ историческомъ *изложеніи?* Главнѣйшее качество историческаго повѣствованія — послѣдовательность. Для достиженія этого, историкъ долженъ обладать своимъ предметомъ, обнимать его однимъ взглядомъ, понимать взаимное сцѣпленіе и отношеніе его частей, помѣщать каждый предметъ на приличномъ мѣстѣ, давать намъ возможность легко слѣдовать за происшествіями и развивать ихъ одно изъ другаго. Въ противномъ случаѣ чтеніе исторіи не доставляетъ ни удовольствія, ни пользы.

Занимательность историческаго разсказа зависитъ отъ умѣнія избрать средину между краткимъ, быстрымъ повѣствованіемъ и разсказомъ обильнымъ, медленнымъ, теряющимся во множествѣ подробностей. Историкъ слегка касается происшествій неважныхъ, и останавливается на тѣхъ, которыя сами собою или по своимъ послѣдствіямъ заслуживаютъ тщательнаго разсмотрѣнія. Здѣсь нуженъ также приличный выборъ обстоятельствъ. Случаи общіе имѣютъ слабое вліяніе на душу; только прилично избранныя подробности привязываютъ читателя и занимаютъ; онѣ-то разливаютъ въ сочиненіи жизнь и даютъ ему цвѣтность; онѣ представляютъ воображенію происшествія, какъ бы совершающіяся предъ нашими глазами.

Древніе допускали въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ украшеніе, рѣдко употребляемое писателями новѣйшими — рѣчи, которыя влагали они въ уста главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Рѣчи, выражавшія характеръ лицъ, разнообразили повѣствованіе; въ нихъ излагались нравственныя поученія; доводы и опроверженія показывали мнѣнія различныхъ сторонъ, изображаемыхъ историкомъ. Новѣйшіе историки предпочитаютъ другой способъ повѣствованія, болѣе естественный: они сами излагаютъ мнѣнія и сужденія противныхъ сторонъ, содержаніе рѣчей, произнесенныхъ въ народныхъ собраніяхъ. Такой способъ изложенія историческаго, не столь живой, какъ способъ древнихъ, ближе къ исторической истинѣ.

Обыкновенно говорятъ, что историческій слогъ отличается отъ ораторскаго умѣренностью и хладнокровіемъ; однако ему также необходимы и украшенія. Словесное изящное произведеніе представляетъ собою *духъ въ явленіи*, въ слово облеченную мысль: ясно, что слогъ въ отношеніи къ мыслямъ то же, что тѣло въ отношеніи къ душѣ. Въ тѣлѣ мы видимъ душу; безъ оживленія души, тѣло грубое вещество; душа даетъ тѣлу значеніе и выразительность. Душа свѣтлая, рѣзко и ясно получающая впечатлѣнія, сочувствующая событіямъ и съ ними какъ бы сливающаяся — такая душа отразится въ *живописи* слова. Душа гармоническая, сама съ собою согласная, во всѣхъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ своихъ стройная, отгласится въ живомъ, одушевленномъ повѣствованіи. Мы видѣли, какъ Отцы православной Церкви нашей воздвигали Христіанъ словомъ своимъ на величайшее дѣло — на самопожертвованіе жизнію за Вѣру. Чѣмъ совершалось столь сильное убѣжденіе?

Они не отдѣляли ни слога, ни мыслей отъ всего ихъ существованія; въ словѣ были они сами. Такъ и въ исторіи изложеніе зависитъ отъ показанныхъ отличительныхъ ея свойствъ: достовѣрность въ малѣйшихъ подробностяхъ, разнообразіе знаній, живое представленіе событій въ связи и послѣдовательности, теплота души ко всему, что касается человѣка: вотъ отъ чего зависитъ изящество изложенія историческаго — историческій порядокъ и движеніе.

Ктожъ изъ историковъ наиболѣе удовлетворяетъ этимъ требованіямъ искусства (*)?

Иродотъ повѣствуетъ удачно и пріятно раскрашиваетъ свои повѣствованія; слогъ его течетъ, одушевленный прелестною откровенностью; простота плѣняетъ читателя; чудесные разсказы окружены волшебными видѣніями; легковѣріе его занимательнѣе многихъ историческихъ разсужденій. Но историкъ ли онъ? Поэтическая полутѣнь, таинственный сумракъ, подобно легкой пеленѣ, носится надъ событіями, о которыхъ онъ повѣствуетъ; за ея волнующимися сгибами не видно истины исторической. Вымыслы смѣшиваются съ существенностью; существенность теряется въ вымыслахъ; событія оцвѣчаются драматическимъ колоритомъ. Мы узнаемъ отъ него, что Ксерксъ хотѣлъ покорить Грецію, что была битва при Платеѣ — и не болѣе. Желать научиться исторіи у Иродота значитъ то же, что

(*) Подробнѣйшія характеристики историковъ можно читать у *Шатобріана* и въ *Edinburgh review*.

спрашивать у Шекспира подробностей Англійской исторіи. Шекспиръ говоритъ намъ, что Англичане вторгнулись во Францію; но разговоры героевъ, слова и дѣйствія, описанныя драматическимъ поэтомъ, не составляютъ принадлежностей историческихъ. Такъ и Иродотъ, добродушный, одаренный живымъ воображеніемъ, любитъ драматизировать свой разсказъ: онъ все преувеличиваетъ, охотникъ до чудеснаго, какъ всѣ простолюдины и дѣти. Въ его время философическія изслѣдованія въ Греціи сдѣлали столь же мало успѣховъ, сколь много напротивъ успѣвали скульптура и живопись; рукописи были рѣдки; за нѣсколько лѣтъ до Иродота лѣтописи и не существовали; историкъ былъ вмѣстѣ и поэтъ; прибѣгалъ къ сомнительнымъ преданіямъ, къ народнымъ пѣснямъ. За нѣсколько десятковъ лѣтъ мы столь же мало знали о состояніи Китая, сколь мало *Иродотъ* зналъ о Вавилонѣ и Персеполѣ. Сверхъ того народъ, для котораго Иродотъ писалъ, легковѣрный, жадный до новостей, любившій все чудесное, новое и поразительное, не только не обуздывалъ, но ободрялъ порывы пылкаго воображенія, составлявшіе характеръ его таланта. Исторія Иродотова была поэмою народной, которую вся Греція слушала изъ устъ историка на Олимпійскихъ играхъ. Какихъ свидѣтельствъ, ссылокъ, указаній, какой критики можно было требовать отъ подобнаго историка? Ему нужно было произвесть только мгновенное дѣйствіе, и онъ увѣренъ былъ въ успѣхѣ, полагаясь на занимательность своего предмета, на яркость картинъ, на красоты гармоническаго слога. Повѣствованію его внималъ волновавшійся народъ, гордый именемъ Грека, стекавшійся изъ степей Ливій-

скихъ, изъ новыхъ Италіянскихъ колоній, изъ дикихъ пустынь Дориды, на торжество своего отечества и торжество Иродота. Отъ такихъ слушателей и отъ такого писателя не ожидайте подробнаго и безпристрастнаго изложенія событій. Иродотъ говоритъ намъ о дикихъ невѣдомыхъ животныхъ, о чудесныхъ деревьяхъ, о баснословныхъ птицахъ, о народахъ людоѣдахъ, великанахъ и карлахъ, о варварскихъ божествахъ, древнихъ династіяхъ, которыхъ памятники величествомъ превосходятъ всѣ памятники новѣйшіе, о городахъ, которые обширнѣе цѣлыхъ областей, объ озерахъ величиною съ океанъ, объ укрѣпленіяхъ, подпирающихъ небо, о пирамидахъ, на которыхъ рука мудрецовъ начертала тайны юности міра. Онъ описываетъ намъ, какое таинственное богослуженіе отправляли маги, на утренней зарѣ, на высотахъ горъ своихъ; какъ сбывались древнія предсказанія; какъ правосудіе Зевсово, иногда дремавшее съ громомъ своимъ, наконецъ пробуждалось; какъ грозно мертвые поучали живыхъ, и какимъ высокимъ предопредѣленіемъ потомки героевъ, избѣжавъ меча убійцъ, возвращались къ своимъ семействамъ, исполняли благородныя свои предназначенія.

Эти романическіе источники изобрѣтенія наполняютъ страницы Иродотовой исторіи. Чѣмъ ближе повѣствованіе къ его времени, тѣмъ оно занимательнѣе. Разсказъ о великой борьбѣ Европы съ Азіей, объ этомъ началѣ Европейскаго владычества, возвышаетъ душу воспоминаніями о великомъ урокѣ вселенной. Можетъ ли драма быть трогательнѣе, повѣсть поразительнѣе? Иродотъ и здѣсь придаетъ картинѣ своей колоритъ народнаго преувеличенія: представляетъ рѣки, въ одинъ день изсякшія;

цѣлыя области, томящіяся голодною смертію, отъ одного обѣда воиновъ Азіатскихъ; скалы, сравненныя съ землею сѣкирами и распадающіяся предъ кораблями; государства у него сокрушаются и исчезаютъ. Нѣсколько граждань — героевъ, еще не падшихъ надъ прахомъ родныхъ пепелищъ, противятся, воюютъ и побѣждаютъ. Кажется, и судьба, и боги, и люди противъ нихъ; но они не ослабѣваютъ и — Греція спасена! Какія чувствованія исполняли слушателей при такомъ разсказѣ! Какой восторгъ ихъ одушевлялъ! Можно ли было подобное твореніе читать хладнокровно? Можно ли было не трогаться этой эпопеей, которой баснословная древняя исторія служила прелюдіей, и которой главною мыслію и цѣлію былъ апоѳеозъ Греціи?

Протекли годы; кончилась война Пелопонезская; образованность Греческая распространилась; развилась Аѳинская демократія; родились новыя требованія: на это призваніе явился *Ѳукидидъ*. Онъ уже размышляетъ, изслѣдуетъ, судитъ; но сужденія его часто ложны, соображенія ограниченны, доказательства слабы; тонъ повѣствованія всегда важенъ, краткокъ. Суровая задумчивость, взглядъ государственнаго человѣка, пренебреженіе народными предразсудками и общепринятыми мнѣніями, налагаютъ особенную величественную печать на его твореніе. Онъ искусно повѣствуетъ; никто лучше его не умѣетъ располагать повѣствованій, помѣщать вдали картины обстоятельства второстепенныя, выставлять на первомъ планѣ событія важныя, ставить лица въ надлежащихъ положеніяхъ, сохранять во всѣхъ фактахъ, во всѣхъ физіогноміяхъ надлежащую перспективу. Иродотъ даетъ всему, что возпроизводитъ, равное достоинство, равную

мѣру: у него описаніе Египетскаго идола занимаетъ столько же мѣста, сколько и битва при Платеѣ. Но Ѳукидидъ величайшій историкъ касательно расположенія событій и искусства повѣствованія. Это и есть тайна историческаго генія. Передавать событія, списывать рѣчи, исчислять обстоятельства, даже съ самою отчетливою вѣрностію, не важное достоинство для историка: съ такъ называемою точностью нельзя достигнуть своей цѣли. Положимъ, вы помѣстили въ исторіи все, что нашли въ лѣтописяхъ; но сколько еще остается неизвѣстнаго вамъ, сколько подробностей отъ васъ ускользаетъ? Поэтому полная и точная исторія совершенно невозможна; это значило бы то же, что стараться въ точности выразить всѣ жилки и пóры лица, которое вы списываете. Талантъ живописца, равно и историка, имѣетъ основаніемъ умѣнье выбирать: иначе бы довольно было одного механическаго искусства и терпѣнія, чтобъ стать наравнѣ съ Ѳукидидомъ и Тацитомъ. Историкъ и живописецъ должны уловлять главныя характеристическія черты своего образца; тотъ и другой могутъ стараться достигнуть достовѣрности, только относительной. Такъ Ѳукидидъ пишетъ исторію отступленія отъ Сиракузъ; обманъ чувствъ совершенный: вамъ кажется, что вы видите предъ собой храбрыхъ воиновъ, и раздѣляете ихъ страданія. Эта сила и вѣрность взгляда, не опускающаго ничего важнаго, не останавливающагося ни на чемъ маловажномъ, составляютъ характеръ исторіи Ѳукидида. Въ ней замѣтенъ только одинъ недостатокъ — несоразмѣрность: онъ излагаетъ безконечныя рѣчи, произносимыя главными дѣйствующими лицами, безпрестанно прерывающія повѣство-

ваніе (*). Въ Иродотѣ не кажется страннымъ этотъ способъ выводить героевъ на сцену: у него видите вы то царей и пастуховъ, дружески бесѣдующихъ между собою, то архонтовъ и полководцевъ, столь же многорѣчивыхъ, какъ герои Омировы. Это согласно съ невѣроятностями, которыми наполнено все его твореніе. Но вы требуете болѣе отъ Өукидида, мыслителя строгаго, и быстрый, неожиданный переходъ отъ дѣйствительности къ вымыслу возбуждаетъ справедливое негодованіе. Сверхъ того Өукидидъ, неспособный приноровлять формы слога ко всѣмъ характерамъ, имъ представляемымъ, всегда выказываетъ самого *себя*, заставляетъ ли говорить Клеона или Перикла, ораторовъ Өивскихъ или Коринөскихъ; всякая личная или народная особность стирается и исчезаетъ подъ его кистью. Вездѣ видѣнъ Аттическій ораторъ, одаренный сильнымъ и изящнымъ словомъ, воспитанный въ школѣ діалектиковъ, сжатый до темноты, важный и положительный въ выраженіяхъ. Къ этому недостатку должно еще присоединить ограниченную и часто ошибочную философію, какой должно ожидать отъ Аөинянина, жившаго въ пятомъ вѣкѣ до Рождества Христова. Өукидидъ бѣденъ общими выводами, или умствуетъ, основываясь на ложныхъ началахъ. Смѣтливый и разсудительный, но болѣе проницательный, нежели обширный, онъ чрезвычайно хорошо обсуживаетъ отдѣльные факты, но никогда не возвышается до разсматриванія отношеній и связей, между ними существующихъ; съ глубоко-

(*) *Vertot* de l'usage des harangues, въ Mém. de l'Acad. des Inscr. t. III. — *Posselt* Ueber die Reden grosser Römer in den Werken ihrer Geschichtschreiber (Kleine Schriften, 1795, 8.).

мысліемъ и силою его не равняется обширность соображеній. Въ немъ вы не встрѣтите общихъ идей, столь обыкновенныхъ въ Робертсонѣ и Гердерѣ. Проницательность, его отличающая, совершенно практическая. Воспитанный въ школѣ политиковъ своей страны и своего времени, онъ предугадываетъ, предвидитъ, искусно изыскиваетъ побудительныя причины какого-либо дѣйствія и сокровенныя пружины какого-либо характера; но не любитъ отвлеченностей, и общія замѣчанія его поверхностны. Вообще практическое соображеніе отучаетъ умъ отъ возведенія понятій къ единству. Мудрость Ѳукидида ограничена утонченностію и глубиною. Онъ мало говоритъ объ устройствѣ войскъ, о происхожденіи различныхъ партій, о взаимныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между Греческими республиками; едва касается всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ.

Умственное образованіе Грековъ того времени не позволяло имъ возвышаться до общихъ идей. Философія ихъ болѣе блестящая, нежели основательная, болѣе скорая, нежели твердая, показалась бы нынѣ сцѣпленіемъ софизмовъ. Жизнь ихъ протекала на площади, а по этой причинѣ всѣ разсужденія ихъ были словесныя; у нихъ не было строгихъ правилъ въ сужденіяхъ, свойственныхъ только письменной рѣчи; доказывать иногда значило ослѣплять и поражать удивленіемъ противника, очаровывать слушателей витійствомъ. Кто сталъ бы возноситься до общихъ началъ, искать отвлеченныхъ истинъ, тотъ не достигъ бы этой цѣли (*).

(*) G. F. *Creuzer* Herodot und Thucydides — *Versuch* einer Würdigung ihrer histor. Grundsätze; Leipz. 1798, 8.

При всемъ этомъ Θукидидъ — писатель съ высокимъ краснорѣчіемъ, съ поразительнымъ и сильнымъ разсказомъ, первый изъ Греческихъ историковъ. Онъ далеко оставилъ за собою *Ксенофонта*, котораго достоинство преувеличено. Слогъ Ксенофонта чистъ, способъ выраженія пріятный и легкій; но онъ повидимому хотѣлъ превратить исторію въ нравоученіе. Въ немъ велико изящество вкуса, его отличающее, постоянное соблюденіе благозвучія рѣчи; не достаетъ только силы соображенія. Съ удовольствіемъ можно прочесть его *Отступленіе десяти тысячь и Греческую исторію;* но это чтеніе нисколько не увеличитъ знаній, не озаритъ ума новымъ свѣтомъ. Видно, что Сократъ берёгъ свои возвышеннѣйшія понятія и важнѣйшія истины для другихъ учениковъ, болѣе достойныхъ: робкій и тихій Ксенофонтъ долженъ былъ довольствоваться нѣсколькими легкими положеніями, нѣсколькими начальными основаніями.

Полибій и *Арріанъ* оставили намъ вѣрное описаніе важныхъ происшествій; одна только точность составляетъ все ихъ достоинство. Въ нихъ нѣтъ возвышеннаго и обширнаго таланта, способнаго все обнимать и возпроизводить.

Титъ Ливій является въ исторіи Римскимъ гражданиномъ, повелителемъ свѣта, повинующимся только Юпитеру и своему диктатору. Древнее правленіе міродержавнаго града пошатнулось отъ усилій времени; но геній Римскій еще существовалъ, гордость Римская оставалась неприкосновенною. *Титъ Ливій*, свидѣтель цвѣтущаго состоянія Капитолія, видѣлъ въ прошедшемъ славный путь, по которому Римляне шествовали ко всемірному

владычеству. Исторія его — апоѳеозъ Рима, невѣрна въ отношеніи къ истинѣ всѣхъ частныхъ событій, но вѣрна въ отношеніи къ Римскому духу. Если онъ преувеличиваетъ, то единственно изъ гордости и желанія возвысить свое отечество. Историческое изложеніе удивительно. Онъ не имѣетъ подобнаго себѣ въ живописныхъ описаніяхъ, въ легкости, живости, простотѣ и краснорѣчія; въ немъ нѣтъ ничего принужденнаго, скучнаго и слабаго. Подобной неистощимой плодовитости, удачныхъ и блестящихъ картинъ, глубокихъ и благородныхъ мыслей, не найдемъ мы ни у одного историка: это ручей чистый, быстрый и излучистый, въ своемъ теченіи всегда ровный, очаровательно журчащій, украшающій берега, которые лелѣютъ волны его, и вѣчно обновляемый въ своей свѣжести. Обиліе красотъ, lactea ubertas, какъ говаривали древніе, почти невѣроятно.

Не станемъ подробно разбирать повѣствованій *Юлія Цезаря*; ихъ должно причислить къ *запискамъ*. Изящная ихъ краткость и важная простота достойны великаго полководца — писателя. Онъ разсказывалъ, какъ дѣйствовалъ — какъ полководецъ и государственный человѣкъ. Рѣчь его повелительна, кратка, безъ прикрасъ, быстра въ ходѣ своемъ и совершенна въ своей точности. Но этотъ удивительный образецъ записокъ не есть исторія.

Саллюстій, часто сравниваемый съ Титомъ Ливіемъ, оставилъ намъ только маловажные отрывки, по которымъ, можетъ быть, несправедливо было бы строго судить историческій талантъ. Слогъ его рѣзокъ, насмѣшливъ, надутъ, но быстръ и блистателенъ: это языкъ остро-

умія, поддерживающаго вниманіе слушателей смѣлыми выходками и мнимою замысловатостью. Видно, что Саллюстій или передѣлывалъ факты, въ угожденіе какой-либо стороны, или не могъ отличить истины отъ лжи, среди противныхъ мнѣній, которыми стороны вооружались одна противъ другой. Предметъ важнѣйшаго его сочиненія — заговора Катилины, есть одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ Римской исторіи; Саллюстій нисколько его не объяснилъ.

Изъ историковъ, нами обозрѣнныхъ, иные погрѣшаютъ противъ истины, другіе не имѣютъ изящнаго колорита; обладающіе искусствомъ составлять приятную повѣсть изъ исторіи не понимаютъ ея во всей глубинѣ; у другихъ съ умѣньемъ разсказа не соединена критика; историки точные, каковъ Полибій, не умѣютъ оживлять картинъ. Писатель, превосходящій всѣхъ философическимъ взглядомъ, талантомъ драматическимъ, важностью и возвышенностью мыслей, есть *Тацитъ* (*). Если вы хотите, чтобъ предъ вами дѣйствовали историческіе характеры, какъ живые люди, чтобы глубина души человѣческой, тайныя побудительныя причины дѣйствій, сокровенные элементы мыслей явились во всей наготѣ предъ вашими глазами; если нужно, чтобы Римскій Шекспиръ вызвалъ на сцену своей исторіи лица, болѣе волнуемыя страстями мрачными и пламенными, чѣмъ Отелло и Макбетъ: то читайте Тацита. Шекспиръ и Тацитъ величайшіе драматики. Какъ Гамлетъ есть совершенное твореніе воображенія Шекспирова; такъ Тацитъ совершенно спи-

(*) *Süvern* — Ueber den Kunstcharakter des Tacitus; in den Abhandl. der Berl. Akad. 1822.

салъ съ природы Тиверія. Оба обнажаютъ предъ нами малѣйшіе оттѣнки характеровъ, во всѣхъ отливахъ, во всѣхъ положеніяхъ; подвергаютъ сердце человѣческое подробнѣйшему изслѣдованію; равно умѣютъ покрывать изслѣдованія свои яркимъ колоритомъ, исполненнымъ огня и производящимъ сильное впечатлѣніе. Всѣ эти качества принадлежатъ и Шекспиру, и Тациту.

Тацитъ не имѣетъ себѣ соперника между древними. Иродотъ любитъ разговоры и чудесное, но геній его эпическій, а не драматическій. Разсказъ, безпрестанно прерываемый рѣчами дѣйствующихъ лицъ, живъ и огненъ; но у него всѣ люди, и мужчины и женщины, говорятъ однимъ языкомъ. Ѳукидидъ, болѣе искусный и проницательный, умѣетъ различать оттѣнки и дѣлаетъ правильные очерки; его Клеонъ, Никій и Периклъ сняты съ природы и понятны. Характеры ихъ вѣрны и рѣзки; но это очерки нераскрашенные, не удовлетворяющіе читателя; имъ недостаетъ тѣней и украшеній — это прекрасныя Этрусскія фигуры. Ксенофонтъ много говоритъ, умствуетъ до безконечности, высказываетъ все, что думаетъ о томъ или другомъ человѣкѣ; но разсказъ его не оживленъ. Герои Тита Ливія, странные въ своихъ добродѣтеляхъ и героизмѣ, едва уступаютъ въ порывахъ героямъ Плутарховымъ; имъ всѣмъ вообще приписывается одинакое рвеніе и величіе души, такъ какъ всѣмъ даются одни и тѣ же звучныя названія, одни и тѣ же похвальные эпитеты. Но посмотрите на героевъ Тацита: особность характера ихъ изливается на всѣ дѣйствія, одушевляетъ каждое ихъ слово. Клавдіи его, Нероны, Отоны, Вителліи и Агриппины передъ нами говорятъ и дѣйствуютъ; кажется, мы живемъ въ ихъ дворцахъ

и пользуемся ихъ довѣренностью. Для того, чтобъ мы могли лучше о нихъ судить, Тацитъ то окружаетъ ихъ всѣми драматическими принадлежностями, то открываетъ всю глубину сердца. Этотъ великій живописецъ нашелъ достойный себя подлинникъ въ Тиверіи, котораго изображеніе есть верхъ искусства. Вотъ мрачная душа, которой многочисленные сгибы, глубоко скрывающіе истину, можно считать загадкою. Поддѣльныя добродѣтели обвивали характеръ Тиверія таинственными пеленами; дикое одиночество въ старости довершило дѣло, начатое притворствомъ въ юности. Таланты его еще болѣе увеличивали неслыханную сложность характера; противоположные пороки, повидимому, взаимно себя исключали. Ввести читателя въ его темную пещеру съ тысячами извилинъ; освѣтить мнимыя добродѣтели и сквозь оболочку ихъ дать замѣтить гнусную существенность, подъ ней скрытую; показать, какъ первый сановникъ республики, сенаторъ, свободно вмѣшивавшійся въ сужденія о дѣлахъ общественныхъ, патрицій, равный въ правахъ со всѣми Римскими аристократами, дошелъ до того, что наконецъ сбросилъ личину и превратился, предъ очами своихъ соперниковъ, въ повелителя, жаждавшаго крови и утопавшаго въ чувственныхъ удовольствіяхъ; объяснить эту непостижимую смѣсь мужества и хладнокровія, постоянства и скрытности, развращенную прихотливость, изступленіе порока, совершенное искаженіе всѣхъ нравственныхъ началъ; показать дѣйствіе старости и приближенія смерти, странное смѣшеніе слабости и силы; выставить дѣятельный и зоркій умъ, переживающій крѣпость тѣлесную; начертать изображеніе ветхаго міровластителя подъ бременемъ дряхлости, которая

только увеличиваетъ его жестокость, страсть къ удовольствіямъ и кровавыя прихоти: таковъ великій трудъ историка Тиверіева! Этотъ удивительный повелитель Римлянъ, когда горячка прихотливой чувственности снѣдала его, предвидѣніе близкаго конца мучило, до послѣдняго вздоха пребылъ глубочайшимъ наблюдателемъ, искуснѣйшимъ притворщикомъ. Какая трудная работа для художника, и съ какимъ совершенствомъ Тацитъ ее выполнилъ!

Не смотря на превосходство своего генія, Тацитъ, неподражаемый драматикъ, болѣе удовлетворилъ бы строгихъ мыслителей, еслибъ былъ простѣе и естественнѣе. Онъ иногда ошибается отъ излишества изслѣдованій; хочетъ произвесть сильное впечатлѣніе, и слишкомъ усиливаетъ краски; что ни видитъ и что ни разсказываетъ, для всего пріискиваетъ причины и отдаленныя объясненія. Слогъ его не историческій: противоположность свѣта и тѣни у него слишкомъ рѣзка. Можно подозрѣвать, что онъ принялъ за достовѣрность не одно предположеніе; употреблялъ иногда во зло свою проницательность для того, чтобы искать необыкновенныхъ причинъ дѣйствіямъ самымъ обыкновеннымъ. Ѳукидидъ, не столь блестящій, не столь богатый трагическими и занимательными мѣстами, сколько Тацитъ, менѣе натянутъ, менѣе изысканъ. Читайте Тацита въ отрывкахъ: вы предпочтете его всѣмъ извѣстнымъ писателямъ. Но прочтите всѣ его творенія: они потеряютъ часть своей занимательности — непрерывно сильныя и поразительныя сцены не произведутъ равно сильнаго и глубокаго впечатлѣнія.

Чтеніе двадцать девятое.

Продолженіе изслѣдованій Исторіи. — Исторія отечественная. — Элементы историческіе въ видѣ особыхъ сочиненій: характеры и біографіи.

Переходимъ къ новѣйшимъ историкамъ. Не столь драматическіе и не столь краснорѣчивые, они болѣе изыскиваютъ достовѣрность, не почитаютъ себя обязанными влагать плодовитыя рѣчи въ уста дѣйствующимъ лицамъ, ни прибавлять вымышленныя описанія къ разсказамъ объ истинныхъ событіяхъ. Занимательность повѣствованія безъ сомнѣнія чрезъ то уменьшилась, но достовѣрность увеличилась. Это улучшеніе совершалось постепенно. Со временъ паденія Римской имперіи, сношенія между народами стали чаще, идеи яснѣе и точнѣе, открытія раждались изъ открытій. Книгопечатаніе не допустило погибнуть ни одной изъ добычъ ума человѣческаго; ни одно поколѣніе не исчезло съ лица земли, не оставивъ по себѣ богатаго наслѣдія потомству. Новѣйшіе въ одинъ вѣкъ дѣлали болѣе открытій, чѣмъ древніе въ тысячи лѣтъ. Десять вѣковъ варварства были нужны, для искорененія послѣднихъ зародышей нравственной болѣзни, оставшейся отъ Рима, для очищенія атмосферы, пагубной для добродѣтели, знаній и счастія людей; только по прошествіи десяти вѣковъ, могло начаться образованіе народовъ. Тогда-то Европа подъяла главу: все для нея перемѣнилось. Азіатской монархіи уже не было; образо-

вался великій союзъ народовъ съ одной религіею, но съ различными нравами, законами, языками и обычаями. Различныя народности возникли изъ обломковъ опрокинутаго колосса; всѣ новыя государства, равныя правами и одушевленныя одинакою гордостію, привыкли взаимно уважать другъ друга; ни одно изъ нихъ не думало обладать всѣми другими. Между ними возникло соревнованіе, имѣвшее счастливыя слѣдствія; что было открыто, разобрано, усовершенствовано однимъ народомъ, то обращалось къ пользѣ другихъ: отъ этого равновѣсія умственнаго и нравственнаго сѣверныя страны возъимѣли вліяніе на южныя; знанія разлились во всѣхъ направленіяхъ. Нѣтъ болѣе однообразія, монополіи; все становится дѣятельностію, совмѣстничествомъ. Общество и природа человѣческая представляются наблюдателю въ безчисленномъ многоразличіи видовъ. Какъ единство было девизомъ міра древняго, такъ девизъ новаго міра разнообразіе. Анализы, наблюденія умножаются; облегчается приведеніе фактовъ въ систему и исправленіе ложныхъ началъ.

И сколько успѣховъ оказало обобщеніе идей! Начиная съ эпохи Христіанскаго просвѣщенія, какими глубокими изслѣдованіями, какими безпрерывными сравненіями достигли мы до того, что различаемъ преходящія формы отъ вѣчныхъ началъ, мѣстные предразсудки отъ общихъ идей, исключенія отъ правилъ, случайныя событія отъ теорій! Прежде проницательнѣйшій геній, не имѣя данныхъ для сравненія, смѣшивалъ случайности съ сущностью вещей, принималъ за постоянное то, что было только временнымъ, и перемѣны, нарушавшія обыкновенный порядокъ, находилъ столь

же важными, какъ и основные законы, посредствомъ которыхъ вѣчная истина управляетъ обществомъ. Новѣйшіе писатели не могутъ снова впасть въ подобныя заблужденія: посредственные умы въ этомъ отношеніи знаютъ болѣе Өукидида и Тацита. Таковъ характеръ историковъ новой Европы: въ нихъ менѣе генія, но больше критики; менѣе восторженной фантазіи, но образъ мыслей вѣрнѣе; болѣе учености, точности, философіи. Дѣйствительно таковы *Юмъ* въ исторіи Англіи, *Робертсонъ* — въ твореніи объ Америкѣ, *Гиббонъ* — въ сочиненіи объ упадкѣ и разрушеніи Римской имперіи, *Миллеръ* — въ исторіи Швейцаріи, *Шиллеръ* — въ отпаденіи Нидерландовъ отъ Испаніи и въ тридцатилѣтней войнѣ, *Карамзинъ* — въ исторіи Государства Россійскаго.

Въ исторіи современной должно отличать различный образъ воззрѣнія на событія рода человѣческаго: философскій и историческій. Школа историковъ философская утверждаетъ, что умъ человѣческій творитъ событія; школа чисто историческая говоритъ, что умъ приводится въ движеніе отъ событій. Сверхъ этѣхъ школъ третья — *Өеософическая*, какъ замѣтили мы въ предъидущемъ чтеніи, изслѣдуя происшествія, зависящія отъ воли человѣка, признаетъ въ порядкѣ событій законы Провидѣнія. Въ новыя времена два великихъ писателя озарили исторію новымъ свѣтомъ, открывъ въ человѣчествѣ соединеніе и законовъ высшей необходимости, и закона свободной дѣятельности духа, отражающей въ себѣ и мѣсто, и время: мы разумѣемъ *Вико* и *Гердера*. Начертать всемірную исторію, которая является во времени подъ формою частныхъ исторій; обвести идеальный кругъ,

въ которомъ обращается міръ дѣйствительный: это предметъ *Новой науки* Вико, философія и вмѣстѣ исторія человѣчества. — Мысль, что измѣненія историческія зависятъ не отъ одной чьей-либо воли, но что основаніе ихъ находится въ самой внутренности вселенной, отражающейся въ душѣ человѣка; что степени образованности человѣчества въ извѣстной странѣ, въ извѣстномъ вѣкѣ, отпечатлѣвая на себѣ условія мѣста и времени, заключаются въ законахъ міра; что эти различныя явленія входятъ въ общую область природы и составляютъ часть ея характера; что дѣянія человѣческія составляютъ міръ, гдѣ какъ и въ мірѣ физическомъ, есть своя гармонія, свои развитія — эта мысль служитъ основаніемъ *Исторіи человѣчества* Гердера. Наконецъ Боссюэтъ и Балланшъ излагаютъ исторію въ видѣ Христіанской Ѳеософіи. По ихъ ученію, общій и неизмѣнный законъ управляетъ всѣми судьбами человѣческими; въ этомъ законѣ, думаетъ Балланшъ, развиваются два догмата — паденіе и возстановленіе. Человѣкъ въ этой жизни ищетъ пути, по которому могъ бы надежно шествовать отъ паденія къ возстановленію — и только въ лонѣ Христіанства, Божественнаго Откровенія, можетъ найти искомое блаженство; въ этой жизни онъ только предвкушаетъ сладость бытія будущаго, жизни безсмертной, въ соединеніи созданія съ своимъ Создателемъ, въ сліяніи лучей съ свѣтомъ свѣтовъ.

Разсмотрѣвъ элементы изящнаго въ Исторіи и отличительныя свойства образцовыхъ историковъ, отдадимъ себѣ отчетъ въ первой и единственной книгѣ на отечественномъ языкѣ нашемъ — въ *Исторіи Государства Россійскаго.* Тотъ, кто первый началъ говорить о природѣ, человѣкѣ и

искусствѣ на родномъ языкѣ, общепонятномъ; кто первый обратилъ вниманіе на предметы отечественные, заставилъ полюбить ихъ — въ памятникахъ, тлѣвшихъ въ архивахъ, воскресилъ память прошедшаго и создалъ отечественную Исторію: тотъ заслуживаетъ уваженіе, возлагаемое на каждаго къ высокому дару изящнаго слова. Долгъ такого уваженія лежитъ на насъ въ отношеніи къ *Карамзину*.

Предъидущія изслѣдованія привели насъ къ заключенію, что исторія какого-либо народа тогда только можетъ быть откровеніемъ настоящаго и указаніемъ на будущее, когда она представляетъ развитіе жизни народной, неразрывно связанной съ жизнію человѣчества; что нравственный міръ, какъ и вещественный, движется по опредѣленнымъ законамъ; въ послѣднемъ мы усматриваемъ владычество необходимости, въ первомъ— свободнодѣятельной воли. Въ этомъ мірѣ воли человѣческой также все управляется законами высшими, Божескими: судьбы царствъ и народовъ въ исторіи человѣчества такъ же точно объясняются, какъ движенія планетъ въ исторіи природы. Поэтому долгъ исторіи — показать значеніе описываемаго народа въ извѣстное время, извлечь причины, производившія то или другое событіе, и по возможности вывести изъ прошедшаго правила для будущаго.

Предметъ и Русской исторіи въ отношеніи художественномъ также состоитъ въ развитіи причинъ всего того, что происходило въ Руси, въ показаніи ея значенія въ исторіи человѣчества, въ раскрытіи народнаго характера. Жизнь народа, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, объясняется не одними годами, но духомъ, дѣ-

лами дѣйствующихъ лицъ, нравами, обычаями, повѣрьями. Переселиться въ другой вѣкъ, отдѣлить себя отъ мнѣній настоящаго, оживить нѣмые памятники, дышать однимъ воздухомъ съ людьми изображаемыми, безчисленное разнообразіе событій привести къ единству, вывести читателя на такое мѣсто, съ котораго бы всѣ происшествія представлялись ясно и опредѣленно: въ этомъ трудность историка — художника.

Всѣмъ ли этимъ требованіямъ изящнаго искусства удовлетворяетъ исторія Карамзина, можно отвѣтствовать по его предисловію. Изумительна Россія, девятая часть міра, и по пространству своему, и по разноплеменнымъ жителямъ, и по господству въ общей системѣ государствъ, говоритъ самъ Исторіографъ; но какимъ образомъ исторія Россіи примыкается къ исторіи человѣчества; изъ какого общаго начала проистекли всѣ ея событія — этого не видно въ цѣломъ объемѣ творенія. Между тѣмъ нападеніе Нордманновъ на Финновъ и Славянъ не представляетъ ли остатка движенія народовъ, ходившихъ на добычу колоссальнаго трупа въ древнемъ мірѣ (*)? Не смотря на многія, весьма важныя подробности, трогательныя, великія и ужасныя картины, *жизнь Россіи*, идея Русской исторіи, остается неизвѣстною, духъ народный не развитъ, различные возрасты народа не изображены. Удовлетворительно узнаемъ, чѣмъ дышало отечество наше подъ игомъ Монголовъ; какъ выдерживало оно ужасы временъ Іоанна IV; какъ спаслось при Самозванцахъ:

(*) См. Разборы Исторіи Государства Россійскаго *Каченовскаго*, *Арцыбышева*, *Н. Полеваго*, въ Вѣстникѣ Европы и Телеграфѣ.

ню какъ образовалось оно среди остальныхъ движеній народныхъ девятаго вѣка, и какъ озарилось свѣтомъ Христіанскаго ученія — эти вопросы съ надлежащею глубиною не изслѣдованы. Далѣе, порабощеніе Славянъ и Финновъ Норманнами, бореніе этихъ двухъ элементовъ и сліяніе въ Руссовъ, два полюса Руси, Новгородъ и Кіевъ, сношенія съ Греціею и борьба съ нею, Христіанская Вѣра, раздѣленіе и междоусобія, удѣлы, иго Монгольское, освобожденіе, соединеніе растерзанныхъ частей Государства въ одно цѣлое, самобытность народнаго духа въ низверженіи Самозванцевъ, новая жизнь Россіи подъ благотворнымъ покровомъ Самодержавія Романовыхъ: о всѣхъ этихъ основныхъ, главныхъ событіяхъ повѣствуетъ исторія наша; но они завалены излишними подробностями, не связаны между собою, не образуютъ изъ себя одной правильной картины, не обрисованы раздѣльно представители вѣковъ. Такъ Россія до Іоанна III и Россія отъ Іоанна III до Михаила Ѳеодоровича представляются одинакими державами; такъ Рюрикъ и Іоаннъ III равно мудрые Монархи; воины Святославовы и воины подъ предводительствомъ Пожарскаго, спасшіе отечество, равно народъ славный, великій.

Развитіе историческихъ событій не представляетъ въ исторіи нашей различныхъ возрастовъ народа, какъ условія изящнаго расположенія. Въ картинѣ жизни должно отличать тотъ самый законъ, по которому обнаруживаются стихіи человѣчества и народовъ. Каждая изъ стихій составляетъ особую сферу въ исторіи, или эпоху, періодъ. Первый моментъ жизни народа есть эпоха его происхожденія, или нераздѣльнаго единства. Скоро въ немъ обнаруживается противоположность на-

правленій жизни внѣшней и внутренней. Такъ въ нашей исторіи нападеніе Нордманновъ есть первый періодъ нераздѣльнаго единства; періодъ удѣловъ выражаетъ стремленіе жизни ко внѣшности; періодъ Іоанна III — стремленіе жизни внутреннее. Четвертый періодъ есть живое соединеніе внѣшняго и внутренняго, когда начинается народное самопознаніе. Таково преобразованіе Россіи Петромъ Великимъ. При этомъ воззрѣніи легко и просто объясняется система удѣловъ, причина подпаденія ихъ подъ иго Монголовъ, равно и причина того, что составило изъ нихъ одно Государство. Представители жизни Руси, Рюрикъ, Ярославъ, Іоаннъ III, Петръ I—всѣ являются съ особенными характерами, согласными съ духомъ времени. Такое раздѣленіе дѣйствительно показываетъ различные возрасты народа; въ подобномъ органическомъ построеніи исторіи можно воскресить жизнь народа съ его религіею, языкомъ, правами, повѣріями, и вся исторія представитъ живой организмъ, развивающійся изъ одной идеи. Религіозное и умственное состояніе не должны разсматриваться отдѣльно, но въ совокупности съ практическою жизнью народа; потому что въ этихъ трехъ проявленіяхъ обнаруживаются три стихіи народа — его умъ, воля и чувство.

Выражены ли характеры? Нѣкоторые изъ лицъ историческихъ живутъ передъ нами и дѣйствуютъ: таковы Владиміръ Мономахъ, Александръ Невскій, Димитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ, Скопинъ-Шуйскій. Въ изображеніи Іоанна IV причины ужасовъ не высказаны; характеръ его болѣе описанъ, нежели сколько указанъ въ дѣйствіи. Возвышеніе Бориса объяснено; но отъ чего вдругъ палъ этотъ необыкновенный исполинъ своего времени;

откуда неимовѣрные успѣхи Самозванца, отъ чего странныя дѣйствія Сигизмунда, въ чемъ главная вина спасенія нашего отъ чуждаго владычества; не вездѣ ли видѣнъ перстъ Провидѣнія, указующій пути къ обѣтованному благоденствію Россіи? Всѣ подобные вопросы историческіе требуютъ новыхъ изслѣдованій.

Что сказать объ изложеніи? Въ картинныхъ описаніяхъ, въ одушевленномъ повѣствованіи, въ простотѣ разсказа и благозвучіи —въ этихъ условіяхъ изящества историческаго Карамзинъ не имѣетъ равнаго себѣ между отечественными писателями; а неистощимой плодовитости — этой lacteæ ubertatis, удачныхъ и блестящихъ картинъ, благородства въ образѣ мыслей, не найдемъ болѣе и у писателей иностранныхъ. Это обильная и величественная въ теченіи своемъ рѣка, всегда ровная, орошающая собою берега и питающая ихъ свѣжую зелень. Въ описаніяхъ удѣловъ мы *желали* бы видѣть порядокъ, отношенія, характеръ каждаго удѣла. Они имѣли особыя физіогноміи; это отразилось въ самомъ языкѣ. Главныя отличія его сохранились преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, куда переносились престолы Великокняжескіе и сильнѣйшихъ Удѣльныхъ Князей — въ Новгородѣ, Владимірѣ, Нижнемъ-Новѣгородѣ, Рязани, Твери. Между частными повѣствованіями находимъ превосходнѣйшіе образцы изящнаго. Взятіе Казани есть наша эпопея; въ этомъ повѣствованіи все вѣрно: изображеніе людей, мѣстъ, повѣрій, битвъ, характеры героевъ. Къ такимъ же образцовымъ повѣствованіямъ принадлежитъ уничтоженіе самобытности Новгорода, Пскова, самоотверженіе жителей Козельска, битва Куликовская, подвиги Скопина-Шуйскаго. Если бы достоинствами историка были только пріятность, живость, чистота слога,

яркость и роскошь колорита: то Карамзинъ въ отношеніи художественномъ былъ бы первымъ изъ историковъ.

Согласно съ условіями идеала исторіи, начертаннаго въ предъидущихъ статіяхъ, разсмотримъ изображеніе царствованія Бориса Годунова (*), семи замѣчательныхъ лѣтъ въ нашей отечественной исторіи.

»Буди святая воля Твоя, Господи! наставь меня на путь правый, и не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ! Повинуюсь Тебѣ, исполняя желаніе народа.« Такъ говорилъ Борисъ, убѣжденный сестрою Царицею Ириною, Патріархомъ, вельможами и народомъ. Что повидимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе этого нареченія, и что благоразумнѣе, прибавляетъ Исторіографъ? Перемѣнилось только имя Царя: власть державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно ее имѣлъ, и властвовалъ счастливо для цѣлости Государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но этотъ человѣческою мудростію надѣленный правитель достигъ престола злодѣйствомъ. . . . Казнь небесная угрожала Царю преступнику и Царству несчастному. Вотъ, какую мысль развиваетъ Исторіографъ въ событіяхъ царствованія Борисова.

Когожъ срѣтаетъ Церковь и отечество на Престолъ Мономаховъ? Въ исторіи царствованія Ѳеодора Іоанновича находимъ слѣдующее изображеніе Бориса: »Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вель-

(*) Ист. Госуд. Россійск. т. XI, гл. 1 и 2.

можъ, Борисъ не имѣлъ только . . . добродѣтели, хотѣлъ, умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви ко славѣ и власти, видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли: если бы родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній тамъ, гдѣ зло казалось для нея выгодою — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову.«

Вотъ кто идетъ царствовать. Москва встрѣчаетъ Царя своего; Члены Великой Думы, представители всей Россіи, даютъ обѣтъ »положить души свои и головы за Царя, Царицу и дѣтей ихъ.« — Описаніе встрѣчи Царя въ стѣнахъ Москвы, торжественнаго входа въ столицу и царскаго вѣнчанія Борисова превосходно. Царь, во время священнаго коронованія, осѣненный десницею Первосвятителя, въ порывѣ живаго чувства, какъ бы забывъ уставъ церковный, среди Литургіи, воззвалъ громогласно: *»Отче, великій Патріархъ Іовъ! Богъ мнѣ свидѣтель, что въ моемъ царствѣ не будетъ ни сираго, ни бѣднаго«* — и тряся верхъ своей рубашки, примолвилъ: *»отдамъ и сію послѣднюю народу.«* Какими чувствами умиленія, благодарности и восторга проникнуты были Бояре и народъ! Замѣчаютъ, что никакое царское вѣнчаніе въ Россіи не дѣйствовало сильнѣе Борисова на воображеніе и чувство людей. Желая показать, что новый Самодержецъ предпочитаетъ бранный шлемъ вѣнцу Мономахову, Борисъ еще до вѣнчанія, услышавъ о намѣреніи Казы-Гирея вступить въ предѣлы Московскіе со всею Ордою, двинулъ полмилліона войска къ берегамъ Оки и самъ выѣхалъ въ походъ въ ратномъ доспѣхѣ. Извѣстно, что, вмѣ-

сто тучи враговъ, явились предъ нимъ мирные послы Казы-Гиреевы.

Первые два года царствованія Борисова казались лучшимъ временемъ Россіи съ XV вѣка, или съ ея возстановленія: она была на высшей степени своего могущества, безопасная собственными силами и счастіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а внутри управляемая съ мудрою твердостію и съ кротостію необыкновенною. Борисъ исполнялъ обѣтъ царскаго вѣнчанія, и справедливо хотѣлъ именоваться отцемъ народа, уменьшивъ его тягости; отцемъ сирыхъ и бѣдныхъ, изливая на нихъ щедроты безпримѣрныя; другомъ человѣчества, не касаясь жизни людей, не обагряя земли Русской ни каплею крови, и наказывая преступниковъ только ссылкою. Купечество, менѣе стѣсняемое въ торговлѣ; войско, въ мирной тишинѣ осыпаемое наградами; Дворяне, приказные люди, знаками милости отличаемые за ревностную службу; Синклитъ, уважаемый Царемъ дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ; духовенство, честимое Царемъ набожнымъ — однимъ словомъ, всѣ государственныя состоянія могли быть довольны за себя и еще довольнѣе за отечество, видя, какъ Борисъ въ Европѣ и въ Азіи возвеличилъ имя Россіи безъ кровопролитія и безъ тягостнаго напряженія силъ ея; какъ радѣетъ о благѣ общемъ, правосудіи, устройствѣ.

При такомъ блистательномъ царствованіи, можно ли было ожидать тѣхъ ужасныхъ несчастій, которыя чрезъ нѣсколько годовъ постигаютъ Царя и Россію? Краснорѣчивое повѣствованіе Историка приготовляетъ ли насъ къ этому внезапному взрыву въ народѣ, къ этѣмъ тучамъ, собирающимся надъ отечествомъ, чтобъ вскорѣ разра-

зиться? — Въ отношеніи къ Борису, Исторіографъ постоянно наблюдаетъ всѣ движенія его сердца. »Достигнувъ цѣли, говоритъ онъ, возникнувъ изъ ничтожности рабской до высоты Самодержца, усиліями неутомимыми, хитростію неусыпною, коварствомъ, происками, злодѣйствомъ, наслаждался ли Годуновъ въ полной мѣрѣ своимъ величіемъ, коего алкала душа его — величіемъ, купленнымъ столь дорогою цѣною? Наслаждался ли и чистѣйшимъ удовольствіемъ души, благотворя подданнымъ, и тѣмъ заслуживая любовь отечества? По крайней мѣрѣ не долго.«

Въ другомъ мѣстѣ Карамзинъ съ глубокою наблюдательностью замѣчаетъ: »Вѣнценосецъ зналъ свою тайну, и не имѣлъ утѣшенія вѣрить любви народной; благотворя Россіи, скоро началъ удаляться отъ Россіянъ; отмѣнилъ уставъ временъ древнихъ: не хотѣлъ, въ извѣстные дни и часы, выходить къ народу, выслушивать его жалобы и собственными руками принимать челобитныя; являлся рѣдко, и только въ пышности недоступной. Но убѣгая людей, какъ бы для того, чтобы лицемъ Монарха не напомнить имъ бывшаго раба Іоаннова, онъ хотѣлъ невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ или въ мысляхъ, и недовольный обыкновенною молитвою въ храмахъ о Государѣ и Государствѣ, велѣлъ искуснымъ книжникамъ составить особенную для чтенія во всей Россіи, во всѣхъ домахъ, на *трапезахъ* и *вечеряхъ* за *чашами*, о душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи слуги Божія, Царя, Всевышнимъ избраннаго и превознесеннаго, Самодержца всей Восточной страны и Сѣверной.«

Это замѣчаніе въ исторіи жизни Бориса чрезвычайно важно: онъ, какъ бы не страшась Бога,

тѣмъ болѣе страшился людей, и еще до ударовъ судьбы, до измѣнъ счастія и подданныхъ, еще спокойный на престолѣ, искренно славимый, искренно любимый, уже не зналъ мира душевнаго; уже чувствовалъ, что, если путемъ беззаконія можно достигнуть величія, то величіе и блаженство, самое земное, не одно знаменуютъ. Чтожъ происходитъ въ сердцахъ подданныхъ, въ Россіи? Нѣтъ ли здѣсь изготовляемаго бѣдствія для Бориса? Мысль Россіянъ о Царѣ порфирородномъ, при всѣхъ достоинствахъ Годунова, остававшаяся тревожною, и аристократія, при Іоаннѣ не уничтоженная, а только измѣненная, послѣ же Іоанна усилившаяся: вотъ, въ чемъ должно искать причинъ внезапнаго паденія исполина своего времени, каковъ Борисъ, и неимовѣрныхъ успѣховъ Лжедимитрія. Не одно внутреннее безпокойство души, неизбѣжное для преступника, тревожило Бориса; не одни подозрѣнія его о тайныхъ ковахъ противъ него заставили его быть на стражѣ неусыпной, все видѣть и слышать; но естественно, могли и другіе имѣть жажду къ верховной власти. Бѣльскіе, Черкасскіе, Шестуновы, Репнины, Карповы, Сицкіе, Шуйскіе, Мстиславскіе, Бахтеяровы-Ростовскіе, Щелкаловы, знали глубину сердца Борисова и не могли усыпить въ себѣ чувства властолюбія. Начались гоненія, ссылки, заточенія въ темницы, лишенія собственности; не было всенародныхъ казней, но морили несчастныхъ въ темницахъ, пытали по доносамъ. Отсюда въ седьмой годъ царствованія Борисова не узнаемъ отечества своего: »И въ дикихъ Ордахъ, говоритъ современный лѣтописецъ, Келарь Палицынъ, не бываетъ столь великаго зла: господа не смѣли глядѣть на рабовъ своихъ, ни ближніе искренно

говорить между собою; а когда говорили, то взаимно обязывались страшною клятвою не измѣнять скромности.« Тогда молчаніе народа, служа для Царя явною укоризною, возвѣстило важную перемѣну въ сердцахъ Россіянъ: »они уже не любили Бориса.« Къ этимъ нравственнымъ бѣдствіямъ присоединились физическія — голодъ въ продолженіе двухъ годовъ, опустошавшій Россію. Борисъ доказывалъ свою любовь къ народу заботливостью и щедростью; но уже не могъ тронуть сердецъ, къ нему остылыхъ. Повѣствованіе объ этомъ событіи поразительно: голодъ усиливался и наконецъ достигъ крайности столь ужасной, что не льзя безъ трепета читать ея достовѣрнаго описанія въ преданіяхъ современниковъ. »Свидѣтельствуюсь истиною и Богомъ« — пишетъ одинъ изъ нихъ — »что я собственными глазами видѣлъ въ Москвѣ людей, которые, лежа на улицахъ, подобно скоту щипали траву и питались ею; у мертвыхъ находили во рту сѣно. Мясо лошадиное казалось лакомствомъ: ѣли собакъ, кошекъ, стерво, всякую нечистоту. Люди сдѣлались хуже звѣрей: оставляли семейства и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ. Не только грабили, убивали за ломоть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Путешественники боялись хозяевъ, и гостинницы стали вертепами душегубства: давили, рѣзали сонныхъ для ужасной пищи! Мясо человѣческое продавалось въ пирогахъ на рынкахъ! Матери глодали трупы своихъ младенцевъ! . . . Злодѣевъ казнили, жгли, кидали въ воду; но преступленія не уменьшались. . . . И въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ, въ надеждѣ продать его еще дороже! . . . Гибло множество въ неизъяснимыхъ мукахъ голода. Вездѣ

шатались полумертвые, падали, издыхали на площадяхъ. Москва заразилась бы смрадомъ гніющихъ тѣлъ, если бы. Царь не велѣлъ, на свое иждивеніе, хоронить ихъ, истощая казну и для мертвыхъ. Приставы ѣздили въ Москвѣ изъ улицы въ улицу, подбирали мертвецовъ, обмывали, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные башмаки или коты, и сотнями возили за городъ въ три скудельницы, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца было схоронено 127,000 труповъ, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ. Пишутъ, что въ одной Москвѣ умерло тогда 500,000 человѣкъ, а въ селахъ и въ другихъ областяхъ еще несравненно болѣе, отъ голода и холода: ибо зимою нищіе толпами замерзали на дорогахъ.«

Тогда уже господствовала въ умахъ мысль, страшная для Бориса — мысль, что небо за беззаконія Царя казнитъ Царство. »Изливая на бѣдныхъ щедроты, говорятъ лѣтописцы, онъ въ золотой чашѣ подавалъ имъ кровь невинныхъ, да піютъ во здравіе; питалъ ихъ милостынею богопротивною, расхитивъ имѣніе вельможъ честныхъ, и древнія сокровища Царскія осквернивъ добычею грабежа.« Охлажденіе народной любви къ Борису довершилось кончиною Ирины, первой державной Царицы Россійской. Всѣми любимая, какъ истинная мать народа и въ келліи, она не мѣшала Борису державствовать, а служила ему Ангеломъ-хранителемъ. Тутъ настало время явной казни для Бориса: не потомки Рюриковы, не Князья и вельможи, имъ гонимые, не дѣти и друзья ихъ, вооруженные местію, умыслили свергнуть его съ царства: это дѣло умыслилъ и совершилъ презрѣнный бродяга, именемъ младенца, давно

лежавшаго въ могилѣ. Историографъ эту неслыханную и неимовѣрную катастрофу въ судьбѣ Бориса изображаетъ превосходно; . . . какъ бы дѣйствіемъ сверхъестественнымъ тѣнь Димитріева вышла изъ гроба, чтобы ужасомъ поразить, обезумить убійцу и привести въ смятеніе всю Россію.«

Мы замѣтили, что въ исторіи царствованія Борисова, кромѣ распрей аристократіи, не раскрыта мысль, таившаяся въ народѣ, мысль о Царѣ порфирородномъ. Нужно было только коснуться этой мысли — и она, какъ искра, воспламенилась въ народѣ. Лжедимитрій воспользовался этимъ народнымъ чувствомъ. При этомъ воззрѣніи понятны успѣхи Самозванца, описанные Историографомъ: »Лжедимитрій шелъ съ мечемъ и съ манифестомъ: объявлялъ Россіянамъ, что онъ, невидимою десницею Всевышняго устраненный отъ ножа Борисова и долго сокрываемый въ неизвѣстности, сею же рукою изведенъ на театръ міра подъ знаменами сильнаго, храбраго войска, и спѣшитъ въ Москву взять наслѣдіе своихъ предковъ, вѣнецъ и скипетръ Владиміровъ; напоминалъ всѣмъ чиновникамъ и гражданамъ присягу, данную ими Іоанну; убѣждалъ ихъ оставить хищника Бориса и служить Государю законному; обѣщалъ миръ, тишину, благоденствіе, коихъ они не могли имѣть въ царствованіе злодѣя богопротивнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Воевода Сендомирскій именемъ Короля и вельможныхъ Пановъ обнародовалъ, что они, убѣжденные доказательствами очевидными, несомнѣнно признали Димитрія истиннымъ Великимъ Княземъ Московскимъ, дали ему рать и готовы дать еще сильнѣйшую для восшествія на престолъ отца его. Сей манифестъ довер-

шилъ дѣйствіе прежнихъ подметныхъ грамотъ Лжедимитрія въ Украйнѣ, гдѣ не только сподвижники Хлопковы и слуги опальныхъ Бояръ, ненавистники Годунова — не только низкая чернь, но и многіе люди воинскіе повѣрили Самозванцу, не узнавая бѣглаго діакона въ союзникѣ Короля Сигизмунда, окруженномъ знатными Ляхами; въ витязѣ ловкомъ, искусномъ владѣть мечемъ и конемъ; въ военачальникѣ бодромъ и безстрашномъ: ибо Лжедимитрій былъ всегда впереди, презиралъ опасность, и взоромъ спокойнымъ искалъ, казалось, не враговъ, а друзей въ Россіи.«

Чтожъ въ это время происходитъ во дворцѣ и въ сердцѣ Борисовомъ? Изображеніе преступнаго властолюбца художественное. Прочтемъ это мѣсто. »Сіи быстрые успѣхи обольщенія поразили Годунова и всю Россію. Царь увидѣлъ, вѣроятно, свою ошибку — и сдѣлалъ другую; увидѣлъ, что ему надлежало бы не обманывать людей знаками лицемѣрнаго презрѣнія къ Разстригѣ, но готовымъ сильнымъ войскомъ отразить его отъ нашей границы и не впускать въ Сѣверскую землю, гдѣ еще жилъ старый духъ Литовскій и гдѣ скопище злодѣевъ, бѣглецовъ, слугъ опальныхъ, естественно, ожидало мятежа какъ счастія; гдѣ народъ и самые люди воинскіе, удивленные безпрепятственнымъ входомъ Самозванца въ Россію, могли, вѣря внушенію его лазутчиковъ, думать, что Годуновъ дѣйствительно не смѣетъ противиться истинному Іоаннову сыну. Новое доказательство, сколь умъ обманчивъ въ раздорѣ съ совѣстію, и какъ хитрость, чуждая добродѣтели, запутывается въ сѣтяхъ собственныхъ! Еще Борисъ могъ бы исправить сію ошибку: сѣсть на бранняго коня и самолично вести Россіянъ противъ злодѣя. При-

существіе Вѣнценосца, его великодушная смѣлость и довѣренность безъ сомнѣнія имѣли бы дѣйствіе. Не рожденный героемъ, Годуновъ однакожъ съ юныхъ лѣтъ зналъ войну; умѣлъ силою души своей оживлять доблесть въ сердцахъ и спасти Москву отъ Хана, будучи только Правителемъ. За него были святость вѣнца и присяги, навыкъ повиновенія, воспоминаніе многихъ государственныхъ благодѣяній — и Россія на полѣ чести не предала бы Царя Разстригѣ. Но смятенный ужасомъ, Борисъ не дерзалъ идти на встрѣчу къ Димитріевой тѣни: подозрѣвалъ Бояръ, и вручилъ имъ судьбу свою, назвавъ главнымъ Воеводою Мстиславскаго, добросовѣстнаго, лично мужественнаго, но болѣе знатнаго, нежели искуснаго предводителя; велѣлъ строго людямъ ратнымъ всѣмъ безъ исключенія, спѣшить въ Брянскъ, а самъ какъ бы укрывался въ столицѣ! — *Никто* изъ Россіянъ до 1604 года не сомнѣвался въ убіеніи Димитрія, который возрасталъ на глазахъ всего Углича, и коего видѣлъ весь Угличъ мертваго, въ теченіе пяти дней орошавъ его тѣло слезами; слѣдственно Россіяне не могли благоразумно вѣрить воскресенію Царевича; но они — *не любили Бориса!*«

Изобразивъ упадокъ духа въ исполинѣ-повелителѣ, Карамзинъ слегка касается мысли, которую должно было развить, какъ основную. »Любя, говоритъ онъ, древнее племя Царей и съ жадностію слушая тайные разсказы о мнимыхъ добродѣтеляхъ Лжедимитрія, Россіяне тайно же передавали другъ другу мысль, что Богъ дѣйствительно, какимъ нибудь чудомъ, достойнымъ его правосудія, могъ спасти Іоаннова сына для казни ненавистнаго хищника и тирана. Такъ нелюбовь къ Государю

раждаетъ нечувствительность и къ государственной чести. Общее смятеніе умовъ въ цѣломъ Государствѣ представлено съ искусствомъ художника: »Грозный часъ опыта наступалъ: не льзя было медлить; ибо Самозванецъ ежедневно усиливался и распространялъ свои мирныя завоеванія. Бояре, Князья Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Андрей Телятевскій, Димитрій Шуйскій, Василій Голицынъ, Михайло Салтыковъ, Окольничіе Князь Михайло Кашинъ, Иванъ Ивановичъ Годуновъ, Василій Морозовъ, выступили изъ Брянска, чтобы пресѣчь успѣхи измѣны и спасти Новогородскую крѣпость, которая одна противилась Разстригѣ, уже среди подвластной ему страны. — Не только Годуновъ съ мучительнымъ волненіемъ души слѣдовалъ мыслями за Московскими знаменами, но и вся Россія сильно тревожилась въ ожиданіи, чѣмъ судьба рѣшитъ столь важную прю между Борисомъ и ложнымъ или неложнымъ Димитріемъ: ибо не было общаго удостовѣренія ни въ войскѣ, ни въ Государствѣ. Мысль поднять руку на дѣйствительнаго сына Іоаннова или предаться дерзкому обманщику, клятому Церковію, равно ужасала сердца благородныя. Многіе, и самые благороднѣйшіе изъ Россіянъ, не любя Бориса, но гнушаясь измѣною, хотѣли соблюсти данную ему присягу; другіе, слѣдуя единственно внушенію страстей, только желали или не желали перемѣны Царя, и не заботились объ истинѣ, о долгѣ вѣрноподданнаго; а многіе не имѣли точнаго образа мыслей, готовясь думать, какъ велитъ случай. Если бы въ сіе время открылась проницанію наблюдателя и самая внутренность душъ; то онъ, можетъ быть, еще не рѣшилъ бы для себя вопроса о вѣроятной удачѣ или неудачѣ Самозванцева дѣла: столь расположеніе умовъ было

отчасти несогласно, отчасти неясно и нерѣшительно! Войско шло, повинуясь Царской власти, но колебалось сомнѣніемъ, толками, взаимнымъ недовѣріемъ.«

Послѣ битвъ, въ Трубчевскѣ, не видя для себя безопасности въ Рыльскѣ, Лжедмитрій тщетно искалъ ее въ Путивлѣ, уже хотѣлъ тайно уйти въ Литву; но, какъ бы Провидѣніемъ призванный, остался; не успѣвъ поразить войска Борисова мечемъ, вздумалъ поражать умы народа мятежными разглашеніями о вымышленномъ своемъ спасеніи. Если вспомнимъ Бориса, при благословеніяхъ и восклицаніяхъ народныхъ шествовавшаго на престолъ Россійскій, и въ настоящій моментъ представимъ себѣ его, изгоняемаго съ престола тѣнью Димитрія въ лицѣ бродяги-самозванца: то поистинѣ ужасаемся и вмѣстѣ благоговѣйно успокоиваемся, видя дѣйствія бодрствующаго правосудія небеснаго. Изображеніе Бориса художественное, оконченное заключается поразительнѣйшею картиною трона, вѣнца и могилы, вѣнценосной супруги, дѣтей, ближнихъ Царскихъ, уже обреченныхъ жертвъ судьбы, рабовъ неблагодарныхъ, уже съ готовою измѣною въ сердцѣ. Болѣе того, что представлено на этой картинѣ, мы и не въ правѣ требовать отъ Историка: молчаніе современниковъ, подобно непроницаемой завѣсѣ, сокрыло отъ насъ зрѣлище столь важное, столь нравоучительное, дозволяя дѣйствовать одному воображенію. Заключимъ обозрѣніе царствованія Борисова словами Карамзина: »Душа сего властолюбца жила тогда ужасомъ и притворствомъ. Обманутый побѣдою въ ея слѣдствіяхъ, Борисъ страдалъ, видя бездѣйствіе войска, нерадивость, неспособность или зломысліе Воеводъ, и боясь смѣнить ихъ, чтобы не избрать

худшихъ; страдалъ, внимая молвѣ народной, благопріятной для Самозванца, и не имѣя силы унять ее ни снисходительными убѣжденіями, ни клятвою Святительскою, ни казнію: ибо въ сіе время уже рѣзали языки нескромнымъ. Доносы ежедневно умножались, и Годуновъ страшился жестокостію ускорить общую измѣну: еще былъ Самодержцемъ, но чувствовалъ оцѣпенѣніе власти въ рукѣ своей, и съ престола, еще окруженнаго льстивыми рабами, видѣлъ открытую для себя бездну! Дума и Дворъ не измѣнялись наружно: въ первой текли дѣла, какъ обыкновенно; второй блисталъ пышностію, какъ и дотолѣ. Сердца были закрыты: одни таили страхъ, другіе злорадство; а всѣхъ болѣе долженъ былъ принуждать себя Годуновъ, чтобы уныніемъ и разслабленіемъ духа не предвѣстить своей гибели — и, можетъ быть, только въ глазахъ вѣрной супруги обнаруживалъ сердце: казалъ ей кровавыя, глубокія раны его, чтобы облегчать себя свободнымъ стенаніемъ. Онъ не имѣлъ утѣшенія чистѣйшаго: не могъ предаться въ волю Святаго Провидѣнія, служа только идолу властолюбія; хотѣлъ еще наслаждаться плодомъ Димитріева убіенія, и дерзнулъ бы конечно на злодѣяніе новое, чтобы не лишиться пріобрѣтеннаго злодѣйствомъ. Въ такомъ ли расположеніи души утѣшается смертный вѣрою и надеждою Небесною? Храмы были отверсты: Годуновъ молился — Богу неумолимому для тѣхъ, которые не знаютъ ни добродѣтели, ни раскаянія! Но есть предѣлъ мукамъ — въ бренности нашего естества земнаго. Борису исполнилось 53 года отъ рожденія: въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ мужества онъ имѣлъ недуги, особенно жестокую подагру, и легко могъ,

уже старѣясь, истощить свои тѣлесныя силы душевнымъ страданіемъ. Борисъ 13 Апрѣля, въ часъ утра, судилъ и рядилъ съ Вельможами въ Думѣ, принималъ знатныхъ иноземцевъ, обѣдалъ съ ними въ Золотой палатѣ, и, едва вставъ изъ-за стола, почувствовалъ дурноту: кровь хлынула у него изъ носу, ушей и рта; лилась рѣкою: врачи, столь имъ любимые, не могли остановить ее. Онъ терялъ память, но успѣлъ благословить сына на Государство Россійское, воспріять Ангельскій Образъ съ именемъ Боголѣпа, и чрезъ два часа испустилъ духъ, въ той же храминѣ, гдѣ пировалъ съ Боярами и съ иноземцами. »

Вотъ образецъ Исторіи нашей, драгоцѣннаго палладіума народной славы, въ которомъ Карамзинъ является представителемъ народнаго самопознанія! Слава, признаваемая въ писателѣ цѣлымъ народомъ, есть сліяніе чувствъ милліоновъ, жертва народа своему представителю слова. Привести въ порядокъ разбросанныя свѣдѣнія объ отечествѣ, сохранившіяся въ историческихъ попыткахъ его предшественниковъ, оживить мертвые памятники и дать языкъ нѣмымъ хартіямъ, угадать народный духъ въ Словесности — такой подвигъ есть подвигъ высокаго ума, непреодолимой воли, изящнаго чувства. При нѣкоторыхъ недостаткахъ, какъ дани своему времени, Исторія Государства Россійскаго стоитъ въ ряду творческихъ произведеній Словесности.

Историческіе элементы — *характеры* и *жизнеописанія*, отдѣльно развитые, составляютъ особыя сочиненія. Изображеніе характеровъ требуетъ вѣрности и правильности, какъ въ цѣломъ, такъ и въ самыхъ малѣйшихъ измѣненіяхъ и от-

пѣникахъ, точности и живости въ образѣ разговора и дѣйствіяхъ. Они должны сохранять отъ начала до конца ровность и согласіе въ поступкахъ и въ ходѣ мыслей, вѣроятность и естественность. Изящная живопись характеровъ требуетъ краткости и силы. Для большей живости и поразительности, иногда представляются характеры противоположные. Кромѣ историческихъ характеровъ, бываютъ характеры вымышленные. Таковы характеры *Ѳеофрастовы*, *Лабрюйеровы*. Но изъ историческихъ характеровъ изящны: *Миллеровъ* Фридриха II, *Бредовсовъ*—Карла Великаго, *Н. Полевымъ* представленное изображеніе Петра Великаго, многіе характеры *Булгарина*. *Жизнеописаніе* повѣствуетъ о судьбѣ и дѣяніяхъ лицъ, которыхъ жизнь богата происшествіями, или которые заслугами, иногда страннымъ стеченіемъ обстоятельствъ и перемѣнъ счастія обратили на себя вниманіе современниковъ. Въ жизни описываемаго лица избираются такія событія, которыя могутъ довести насъ до новыхъ полезныхъ и занимательныхъ выводовъ о человѣкѣ и природѣ. Между многоразличными случаями жизни, превратностями, слабостями и дѣйствіями тѣ предпочитаются, которыя служатъ урокомъ или спасительнымъ примѣромъ для подражанія; потому что хорошій примѣръ сильнѣе дѣйствуетъ на насъ, нежели всѣ наставленія. Удовольствіе, получаемое отъ этого рода сочиненій, проистекаетъ изъ любви къ подобнымъ себѣ — изъ желанія видѣть великаго человѣка не только на сценѣ общественной дѣятельности, но и въ укромной его обители, быть съ нимъ лицемъ къ лицу. Отъ того и выраженіе въ біографіи, кромѣ свойствъ, общихъ всѣмъ историческимъ сочиненіямъ, должно отличаться естественною просто-

тою (*). Изъ древнихъ писателей оставили намъ изящныя жизнеописанія: *Плутархъ*, *Діогенъ Лаэрцій*, *Корнелій Непотъ*, *Светоній* и *Тацитъ*. Изъ новыхъ образцами могутъ служить: *Джонсонъ*, *Робертсонъ*, *Вашингтонъ Ирвингъ*, *Іерусалемъ*, *Николаи*, *Гердеръ*, *Вильменъ* (**). Украсимъ чтеніе наше нѣкоторыми мѣстами изъ *Гречева* жизнеописанія того, священное воспоминаніе о комъ извлекаетъ искреннія слезы изъ очей вѣрныхъ подданныхъ. »Рожденіе Великаго Князя Александра Павловича, послѣдовавшее посреди побѣдъ и торжествъ царствованія Великой Екатерины, было для всей Россіи радостнѣйшимъ событіемъ, даровавъ наслѣдника Императорскому Дому, къ утвержденію и распространенію славы и величія Имперіи подъ владычествомъ сей благословенной Богомъ династіи. Воспитаніе Его было однимъ изъ главнѣйшихъ царственныхъ попеченій Августѣйшей Его Бабки. Она сама назначала для Него занятія и предметы ученія, сама писала книги для развитія Его ума и образованія сердца; выбирала Ему наставниковъ, учителей и товарищей, предвидя въ младенцѣ и отрокѣ великаго Государя. Главнымъ попечителемъ при Немъ былъ Графъ (въ послѣдствіи Князь) Н. И. Салтыковъ, а воспитателемъ Швейцарецъ Лагарпъ, къ которымъ Императоръ до конца Своей жизни сохранилъ искреннюю любовь и благодар-

(*) D. *Jenisch* Theorie der Lebensbeschreibung; Berl. 1802, 8. — *Woltmann's* Vorlesung: Biographie, als Bedürfniss der Gegenwart, in s. kl. historischen Schriften; Jena, 1797, 2 Bände, 8.

(**) Biographie universelle, ancienne et moderne, redigée par une société de gens de lettres; Paris, 1811 — 28, 52 voll. in 8, и Supplem. T. 53 — 61, 1835. — Biographien und Charakteristiken; erste Reihe Bd. 1 — 6, zweite Reihe Bd. 1 — 6, dritte Reihe Bd. 1 — 4; Leipz. 1816 — 33, 8º.

ность. Императоръ Павелъ Петровичъ, по восшествіи своемъ на престолъ, удѣлялъ часть трудовъ царственныхъ своему Наслѣднику. Великій Князь Александръ Павловичъ, сверхъ отправленія обязанностей военной службы, былъ Санктпетербургскимъ Военнымъ Губернаторомъ, Членомъ Совѣта и Сената; но все свободное время посвящалъ изученію великаго подвига, къ которому былъ призванъ Провидѣніемъ. Онъ вступилъ на престолъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда свѣтъ, его неблагодарность, его неумѣнье наслаждаться настоящимъ счастіемъ, его пустыя сожалѣнія о прошедшемъ, и несбыточные замыслы о будущемъ еще не разочаровали человѣка, обаятнаго великодушными мечтами юныхъ лѣтъ. Александръ поклялся въ душѣ Своей быть другомъ, хранителемъ, утѣхою ввѣренной Ему Провидѣніемъ Россіи и всего человѣчества. Въ двадцатипятилѣтнее Его царствованіе Россія и человѣчество видѣли подвиги, совершенные Имъ для исполненія сего священнаго обѣта.«

»Александръ, великій и мудрый между Государями, былъ и человѣкъ необыкновенный: прекрасная Его наружность, благородная осанка, величественный взглядъ являли душу возвышенную. Основаніемъ Его чувствованій, помысловъ и дѣяній было благочестіе самое чистое и искреннее, а слѣдствіемъ этого освященія души Его огнемъ небеснымъ — были твердость въ бѣдствіяхъ, смиреніе въ счастіи, кротость къ побѣжденнымъ, снисхожденіе къ преступнымъ, любовь къ правосудію, порядку, тишинѣ и благоустройству. Онъ былъ врагъ всякой пышности, всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, похвальныхъ словъ и льстивыхъ выраженій. Каждаго человѣка считалъ сво-

имъ ближнимъ, котораго, по заповѣди Божіей, обязанъ былъ любить, какъ самого себя: Онъ, одинъ изъ всѣхъ Государей земныхъ, получилъ, какъ человѣкъ, награду за спасеніе человѣка. Это было въ 1807 году, на пути въ Бѣлоруссію: Государь, увидѣвъ лежащаго на дорогѣ въ безпамятствѣ крестьянина, съ неимовѣрными усиліями возвратилъ его къ жизни. Англійское Общество Человѣколюбія поднесло Ему, въ ознаменованіе этого подвига, золотую медаль. Въ Декабрѣ 1812 года, прибывъ въ Вильну къ побѣдоносной Своей арміи, Онъ отправился не въ торжественное собраніе, не на великолѣпное, уготованное Ему пиршество, а въ госпитали, гдѣ томились больные и раненые непріятели, ободрилъ, утѣшилъ, оживилъ несчастныхъ словами любви и милости, и извлекъ слезы благодарности изъ глазъ закоснѣлыхъ враговъ своихъ. Въ войнѣ 1813 и 1814 года являлся Онъ всюду ангеломъ мира и спасенія: мы упоминали уже о великодушномъ Его посредничествѣ для спасенія столицы народа, который за полтора года до того былъ виновникомъ разрушенія первопрестольнаго города Россіи. — За годъ до Его кончины, мы, жители Петербурга, видѣли нашего незабвеннаго Государя геніемъ хранителемъ нашимъ, посреди бѣдствій, причиненныхъ грознымъ явленіемъ природы. И эта доброта душевная проявлялась во всѣхъ дѣлахъ и случаяхъ жизни Его необыкновенною кротостью, вѣжливостью и предупредительностію. Обращеніе Его было самое пріятное и привлекательное. Люди, предубѣжденные противъ Него, послѣ самой короткой съ Нимъ бесѣды становились Его друзьями и поборниками. Ничто не могло противиться очарованію Его обворожительной улыбки.«

Къ элементамъ историческимъ принадлежатъ *путешествія*, состоящія въ описаніяхъ и повѣствованіяхъ, представляющія намъ положительныя свѣдѣнія о какой либо странѣ. Къ области изящнаго относятся путешествія живописныя, гдѣ, кромѣ наблюденій, обогащающихъ умъ, находимъ и впечатлѣнія, питающія воображеніе. Здѣсь природа изучается не въ бездушныхъ механическихъ формахъ, а въ одушевленной игрѣ жизни; собираются не безцвѣтные чертежи, а живыя картины. Такія сочиненія, проявляя вдохновеніе, могутъ быть изящными; они, какъ и всѣ поэтическія созданія, проникнутыя народными вѣрованіями, склонностями, привычками, страстями, служатъ выраженіемъ умственной и нравственной жизни народовъ. Таково Батюшково описаніе Финляндіи. »Я видѣлъ страну, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ, также какъ въ странахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастіе. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюменя до шумной Улеи, въ бурное военное время, и спѣшу сообщить глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажетъ видъ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма. Здѣсь лѣто продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ; осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранитные, на которыхъ вѣтеръ

съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранитныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлитіемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна; — снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, которыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Ботническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальные утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркалѣ водъ. — На нихъ-то хищныя птицы вьютъ свои гнѣзда, и, по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера вызываютъ крикомъ своимъ бурю изъ тайной глубины пещеръ. Вѣтеръ повѣялъ съ сѣвера, и поверхность соннаго озера пробудилася, какъ отъ сна. — Видишь ли, какъ она пѣнится? Слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презираютъ порывъ бурь и ярость волнъ? — Сосѣдніе лѣса повторяютъ голосъ бури, и вся природа является въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминаютъ мнѣ мрачную миѳологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда во гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество.«

»Лѣса Финляндскіе непроходимы; они растутъ на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждаютъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ пространныхъ вертепахъ, путникъ слышитъ только рѣзкій крикъ плотоядной птицы, завыванія волка, ищущаго добычи,

паденіе скалы, низвергнушой рукою всесокрушающаго времени, или ревъ источника образованнаго снѣгомъ, который спрѣлою прошекаешъ по каменному дну между скалъ гранишныхъ, быстро превозмогаешъ всѣ препятствія и увлекаешъ въ шеченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри далѣе: огнь небесный, или неутомимая рука пахаря зажгли сей боръ? Опаленныя сосны, исторгнутыя изъ утробы земной съ глубокими корнями, обожженныя скалы, дымъ восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуешъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на ближнемъ озерѣ, которое величественно дремлешъ въ отлогихъ берегахъ своихъ, или на зеленой поляпѣ, гдѣ волъ жуешъ сочную и густую траву, орошенную водами источника.«

»Здѣсь царство зимы. Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; иней падаешъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ утреннемъ морозѣ, блистаютъ радугою, отражая солнечные лучи тысячью приятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошенія зимы; едва явится, и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной стужи. Мѣсяцъ, въ теченіе всей ночи, изливаетъ серебряные лучи свои и образуешъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, объленныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но приятное зрѣлище — сія необыкновенная ти-

шина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань шороіпко пробирается въ чащу, отрясая съ роговъ своихъ оледенѣлый иней; стадо тетеревей дремлетъ въ глубокой тишинѣ лѣса, и всякій шагъ странника слышенъ въ снѣжной пустынѣ.«

»Но и здѣсь природа улыбается веселою, но краткою улыбкою. Когда снѣга растаяли отъ теплаго лѣтняго вѣтра и яркихъ лучей солнца, когда воды съ шумомъ утекли въ моря, образовавъ въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ, тысячи водопадовъ; тогда природа примѣтно выходитъ изъ тягостнаго и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ озимыя поля одѣваются зеленымъ бархатомъ, луга душистыми цвѣтами. Ходъ растительной силы примѣтенъ. Сегодня все мертво, завтра все цвѣтетъ, все благоухаетъ. Народныя басни всегда имѣютъ основаніемъ истину. Древніе Скандинавы полагали, что Оденъ, сей великій чародѣй, чуткимъ ухомъ своимъ слышитъ, какъ весною прозябаютъ травы. Конечно, быстрое, почти невѣроятное ихъ возрастаніе подало поводъ къ сему вымыслу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ великолѣпіи на концѣ озера, позлащеннаго внезапу румяными лучами. Пустынныя птицы радостно сотрясаютъ съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу; рѣзвыя бѣлки выбѣгаютъ изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, растущихъ на отлогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера злятыми чешуями, между тѣмъ какъ мелкіе жители влажной стихіи играютъ стадами у подошвы скалъ или близъ песчанаго

берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умираютъ на гранитныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ прелестныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Стада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣтствуютъ вечернее солнце. — Оно погружается въ бездиѣ Ботническаго залива, и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, воцарился въ пустынѣ.«

Къ этому роду изящныхъ произведеній принадлежитъ путешествіе къ Святымъ мѣстамъ — *Муравьева*. Имѣя это путешествіе отечественное, мы не завидуемъ словесности, гордящейся живописными путешествіями *Шатобріана* и *Ламартина*. На всемъ пространствѣ земнаго шара нѣтъ страны, столько поэтической, какъ Палестина, колыбель и гробъ священнѣйшихъ воспоминаній человѣчества — страны, въ которой сосредоточены всѣ пути міродержавнаго Промысла. Въ Святой землѣ и колыбель религіи, матерь нашего просвѣщенія и нашей гражданственности, и отчизна чудесъ, смиряющихъ умъ въ послушаніи вѣры. Здѣсь на каждомъ шагу нашъ путешественникъ встрѣчаетъ печать таинства, не стертую вѣками — въ каждомъ звукѣ слышитъ эхо пророчествъ, пережившее тысячелѣтія; для него вездѣ глубокій смыслъ, вездѣ сокровенная жизнь, святая, божественная поэзія.

Чтеніе тридцатое.

Средства и способы къ образованію и усовершенствованію Оратора.

Какимъ же образомъ можно образовать и совершенствовать себя въ Краснорѣчіи? Краснорѣчіе, въ полномъ смыслѣ этого слова, есть даръ, принадлежащій малому числу избранныхъ и развивающійся съ большими усиліями. Трудно написать изящную рѣчь на какой-либо извѣстный предметъ и пріятно ее произнести; но истинное краснорѣчіе, въ различныхъ его проявленіяхъ, нами изслѣдованныхъ, принадлежащее къ высшимъ способностямъ ума человѣческаго, какихъ трудовъ и усилій требуетъ! Искусство преклонять волю и убѣждать не простая игра воображенія, но дѣйствіе на умъ и сердце, произведеніе въ нихъ живаго и глубокаго впечатлѣнія. Сколько врожденныхъ дарованій и пріобрѣтенныхъ способностей нужно для достиженія этой степени совершенства! Воображеніе сильное, живое, сердце чувствительное, сужденіе основательное, всегдашнее присутствіе духа, долговременное изученіе искусства писать, представительная наружность, пристойныя тѣлодвиженія, голосъ полный и гибкій: вотъ условія для витіи. Удивительно ли, что совершенный ораторъ — рѣдкое явленіе.

Но это не должно приводить насъ въ отчаяніе. Велико разстояніе отъ посредственности до совершенства, и если совершенство такъ рѣдко и трудно, то еще много почетныхъ мѣстъ на пути къ нему. Великъ подвигъ — достигнуть

его, но прекрасно и приближеніе къ совершенству. Можетъ быть, число превосходныхъ поэтовъ превышаетъ число первостепенныхъ ораторовъ; но занятіе краснорѣчіемъ имѣетъ то преимущество, что поэзія не терпитъ посредственности.

. . . Mediocribus esse poëtis
Non homines, non Dî, non concessere columnæ.

Напротивъ, въ краснорѣчіи можно съ достоинствомъ занимать мѣсто и не на первыхъ высотахъ.

Излишнимъ почитаемъ распространяться о томъ, что̀ болѣе способствуетъ къ образованію оратора — природа или наука: мы уже имѣли случай объ этомъ нѣсколько бесѣдовать. Природа во всѣхъ родахъ талантовъ полагаетъ первые зародыши; наука ихъ только развиваетъ; природа все приготовляетъ, требуя отъ науки окончательной помощи. Въ краснорѣчіи особенно наука имѣетъ сильное вліяніе на образованіе оратора. Поэзія принимаетъ полезные совѣты отъ науки; но поэтъ и силою генія можетъ быть творческимъ. Ораторъ, неизучавшій глубоко искусства своего, никогда не будетъ совершеннымъ. У Омира не было наставниковъ; Димосѳена же и Цицерона образовали труды и наставленія предшественниковъ.

Основаніемъ въ образованіи и приготовленіи себя къ витійству служитъ нравственный характеръ. Для истиннаго краснорѣчія и для убѣжденія необходимо питать въ себѣ чувства добродѣтели: »non posse oratorem esse, nisi virum bonum« — главное правило древнихъ въ отношеніи къ оратору. Утѣшительно видѣть тѣсную связь между добродѣтелью и благороднѣйшимъ изъ изящныхъ искусствъ. Что способствуетъ къ

убѣжденію нашему болѣе добраго мнѣнія, пріобрѣтеннаго честностью, безкорыстіемъ, правотою и другими нравственными качествами? Эти качества придаютъ рѣчамъ вѣсъ и силу; въ нихъ заключается истинное изящество; они невольно заставляютъ насъ со вниманіемъ и удовольствіемъ слушать, производятъ въ насъ сочувствіе съ мнѣніемъ витіи. Но при мысли объ ухищреніи, коварствѣ, шаткости правилъ витіи, можетъ ли воздѣйствовать на насъ его слово? Оно займетъ насъ, мы выслушаемъ его съ удовольствіемъ, но какъ красивыя выраженія, незаслуживающія довѣренности. Мы съ большимъ удовольствіемъ даже читаемъ книгу, которой сочинитель пользуется нашимъ уваженіемъ. Напротивъ, не могущественнѣе ли вліяніе на наше мнѣніе оратора, передъ нами говорящаго и лично обращающагося къ намъ о важныхъ предметахъ? Можетъ быть, скажутъ, что это замѣчаніе относится къ показанію вліянія только мнѣнія, а не самой добродѣтели; можетъ быть, иные сомнѣваются въ томъ, что добродѣтель непосредственно помогаетъ успѣхамъ въ краснорѣчіи, безъ всякаго отношенія къ мнѣніямъ, ею внушаемымъ. Дѣйствительно, она служитъ намъ надежнѣйшею руководительницею въ занятіяхъ науками и искусствами, одушевляетъ похвальнымъ соревнованіемъ, пріучаетъ къ трудамъ, облегчаетъ умъ, освобождая его отъ ига постыдныхъ страстей, которыя поставляютъ непреоборимую преграду для всякаго успѣха. Объ этомъ Квинтиліанъ справедливо говоритъ: »Если много времени отнимаютъ у ученія излишняя заботливость о поляхъ, хлопотливость о домашней жизни, охота, зрѣлища; чтожъ сказать о сластолюбіи, корыстолюбіи, зависти? Сердце злаго и порочнаго человѣка есть

существо самое озабоченное, хлопотливое, волнуемое и раздираемое многими и различными страстями. Въ этомъ безпорядкѣ можетъ ли оставаться досугъ для наукъ и искусствъ (*)?«

Кромѣ этого отъ добродѣтели проистекаютъ всѣ тѣ чувства, которыя производятъ столь сильное и вѣрное впечатлѣніе на сердца другихъ. Не смотря на испорченность нравовъ, ничто сильнѣе добродѣтели не дѣйствуетъ на человѣка. Никакой языкъ не понятенъ столько всѣмъ, сколько языкъ добродѣтельныхъ чувствованій; кто ими одушевленъ, тотъ только можетъ говорить сердцу. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ благородныя и возвышенныя чувствованія имѣютъ силу увлекающую и непреодолимую; они придаютъ слову нашему теплоту, разливающуюся по всѣмъ слушателямъ. А это не главный ли двигатель краснорѣчія, посредствомъ котораго оно производитъ дивныя свои дѣйствія? Здѣсь искусственность и подражаніе безсильны; личина добродѣтели насъ не трогаетъ: одно только истинное чувство передаетъ намъ себя. Потому-то знаменитые ораторы, Димосѳенъ и Цицеронъ, не славны ли столько же доблестями, сколько краснорѣчіемъ; все ихъ витійство не пламенная ли любовь къ отечеству? Безъ сомнѣнія, самыя сильныя дѣйствія, произведенныя ихъ краснорѣчіемъ, принадлежатъ ихъ добродѣтели; мѣста въ рѣчахъ, дышащія чувствами благород-

(*) Quod si agrorum nimia cura, et sollicitior rei familiaris diligentia, et venandi voluptas, et dati spectaculis dies, multùm studiis auferunt, quid putamus facturas cupiditatem, avaritiam, invidiam? Nihil enim est tam occupatum, tam multiforme, tot ac tam variis affectibus concisum, atque laceratum, quàm mala ac improba mens. Quis inter hæc litteris, aut ulli bonæ arti locus?

ными, суть места, которымъ не престаемъ мы удивляться.

Изъ этого слѣдуетъ, что домогающіеся каѳедры ораторской должны заранѣе полюбить добродѣтель, развить въ себѣ всѣ нравственныя чувствованія. Въ комъ они погасли, тотъ лишенъ самыхъ сильныхъ способовъ преклонять волю другихъ. Но кто не равнодушенъ къ подвигамъ честности и великодушія; чье сердце волнуется отъ дѣйствій несправедливости и злобы; кто приходитъ въ восторгъ отъ славы и торжества мудрости, добродѣтели, изящнаго таланта: тотъ уже носитъ въ себѣ искры огня, воспламеняющіяся отъ слова, тотъ можетъ убѣждать и преклонять волю другихъ — тотъ ораторъ. Умъ холодный, унижающій все великое, издѣвающійся надъ тѣмъ, чему всѣ удивляются — такой умъ не предвѣщаетъ дара слова. Ораторъ по *призванію* не только благоговѣетъ предъ истиною, благомъ и изяществомъ, но сочувствуетъ другимъ, сострадателенъ къ несчастіямъ себѣ подобныхъ, раздѣляетъ съ ними ихъ страданія, негодуетъ на обиды, имъ нанесенныя; ему знакомы впечатлѣнія и ощущенія другихъ; онъ умѣетъ ставить себя на мѣсто тѣхъ, о комъ говоритъ. — А новый элементъ витійства Христіанскій? Можно ли быть одушевленнымъ истолкователемъ слова Искупителева тому, кто самъ не проникнутъ этимъ словомъ? Можно ли вознести духъ нашъ въ горняя тому, чей духъ долу пресмыкается? Можетъ ли тотъ пробудить въ насъ чувство безконечнаго, кто самъ измученъ заботами о здѣшнихъ конечныхъ, временныхъ благахъ? Необходимо также, чтобы въ ораторѣ скромность соединялась съ самоуваженіемъ: скромность, какъ всегдашняя подруга

дарованій и истинныхъ достоинствъ, привлекаетъ къ себѣ благосклонность; но она не должна переходить въ слабость и малодушіе. Пусть ораторъ надѣется на себя самого; пусть будетъ увѣренъ въ справедливости мнѣній своихъ: такія чувствованія способствуютъ произведенію ожидаемыхъ впечатлѣній.

Кромѣ нравственныхъ качествъ, оратору необходимо имѣть достаточный запасъ свѣдѣній. Omnibus disciplinis et artibus debet esse instructus orator — часто повторяетъ Цицеронъ и Квинтиліанъ; ему должно знать все и глубоко изучить предметъ, о которомъ желаетъ говорить. Scribendi recte sapere est principium et fons: мудрость мать красорѣчія. Нѣтъ искусства, которое научило бы краснорѣчиво говорить о незнакомомъ предметѣ. Одни только древніе софисты, какъ замѣчали мы, учили искусству защищать и опровергать одинъ и тотъ же предметъ. Слогъ, составъ и расположеніе сочиненія, изложеніе — вся наука краснорѣчія доставляетъ только средства къ изящнѣйшему развитію мыслей, порождаемыхъ знаніемъ предмета, о которомъ говоримъ. Хотите преимущественно заниматься краснорѣчіемъ судебнымъ? Вы должны глубоко изучить законы и права отечественные, всѣ пособія къ уразумѣнію началъ и источниковъ отечественныхъ постановленій. Призванъ ли кто проповѣдывать слово Божіе? Кромѣ изученія Богословія, тому необходимо изучить сердце человѣческое, чтобъ открыть въ немъ тайну трогать и преклонять волю. — Зовутъ ли васъ высшія государственныя почести? Несите туда глубокія свѣдѣнія по тѣмъ частямъ правленія, къ которымъ призываетесь, и подробныя частныя знанія о своемъ отечествѣ. Полюбите ли скромное поприще

ученыхъ? Изслѣдуйте всѣ тончайшія нити, составляющія знаніе ваше — всѣ законы духа познающаго: и вы, съ помощію науки объ изящномъ словѣ, будете говорить о своемъ предметѣ краснорѣчиво.

Кромѣ познаній, составляющихъ необходимую потребность званія, которому ораторъ посвящаетъ себя, желающій достигнуть совершенства долженъ заниматься вспомогательными знаніями Словесности. Поэзія послужитъ къ украшенію слога витіи, доставитъ живыя картины *для одушевленныхъ* изображеній. Философія раскроетъ сердце человѣческое, на которое дѣйствовать готовится витія. А Исторія? Не она ли представитъ всѣ событія, характеры дѣйствующихъ лицъ (*)? Какъ часто изящный вкусъ и обширныя, разнообразныя знанія приносятъ пользу оратору въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ, *доставляя* не только украшенія, но и самые доводы! Предъ ораторомъ ученымъ невольно преклоняются другіе съ меньшимъ запасомъ свѣдѣній.

Къ совѣтамъ о пріобрѣтеніи знаній должно присоединить совѣтъ о необходимости полюбить трудъ и занятія: это единственное средство возвыситься надъ посредственностью въ какомъ бы ни было родѣ знаній. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что можно вдругъ быть судебнымъ ораторомъ или проповѣдникомъ: для достиженія этого недостаточно кратковременнаго труда и

(*) *Quintil.* l. XII, cap. 4. Inprimis vero, abundare debet orator exemplorum copiâ, cum veterum tum etiam novorum; adeò ut non modo quae conscripta sunt historiis, aut sermonibus velut per manus tradita, quaeque quotidié aguntur, debent nosse; verùm ne ea quidem, quae a clarioribus poëtis sunt ficta, negligere.

поверхностнаго знанія; извѣстная степень превосходства достигается постояннымъ трудомъ, обратившимся въ привычку. Это законъ природы, которому покорствуютъ и величайшіе геніи. Трудъ доставляетъ высочайшее наслажденіе; безъ него жизнь была бы нестерпима, однообразна; силы душевныя слабѣютъ отъ праздности и разсѣянія; напротивъ, онѣ крѣпнутъ и развиваются отъ труда и занятій. Во всѣхъ искусствахъ, особенно въ краснорѣчіи, тотъ любитъ свое дѣло, кто къ нему чувствуетъ призваніе. А любовь къ предмету, насъ занимающему, какихъ не перенесетъ трудовъ для достиженія желаемой цѣли? Такъ пламенно любили свое искусство всѣ великіе творческіе умы древніе и новые; восторгъ къ предметамъ искусства своего — ихъ отличительный характеръ. Да живится такою любовію юное сердце, призванное убѣждать и преклонять волю другихъ: если въ юности не загорится этотъ священный огнь къ изящному, возрастъ зрѣлый будетъ холоденъ, неубѣдителенъ.

Внимательное изученіе образцовъ много способствуетъ къ совершенствованію въ Краснорѣчіи. Каждый писатель долженъ непремѣнно имѣть собственный, самобытный слогъ; слишкомъ рабское подражаніе губитъ дарованія, или обнаруживаетъ ихъ скудость. Не смотря на то, нѣтъ такого самобытнаго генія, который бы не извлекъ пользы изъ лучшихъ образцовъ, въ отношеніи къ мыслямъ, слогу и самому произношенію. Образцы представляютъ намъ всегда новыя стороны въ предметахъ, распространяютъ или исправляютъ наши о нихъ понятія, оживляютъ мысли, возбуждаютъ соревнованіе. Здѣсь важность состоитъ въ *выборѣ* образцовъ для подражанія; при самомъ

же счастливомъ выборѣ, надобно остерегаться, чтобы не впасть въ слѣпое и безпредѣльное удивленіе: decipit exemplar vitiis imitabile. Самые совершенные образцы имѣютъ свои недостатки, недостойные подражанія; поэтому должно знать истинныя красоты каждаго писателя, и только имъ слѣдовать.

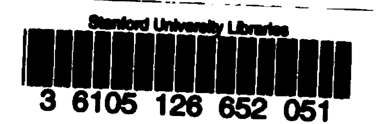
Въ подражаніи любимому писателю необходимо различать изящное въ изустномъ произношеніи отъ изящнаго въ сочиненіи. Живое слово и книга, которую мы читаемъ, производятъ различныя дѣйствія. Въ книгѣ обращается вниманіе на правильность и точность выраженій, стараются избѣгать многословія, повтореній, употребляютъ языкъ совершенно обработанный; живое слово допускаетъ слогъ болѣе свободный, обильный, рѣчь менѣе обработанную; позволяетъ повторенія, вводныя слова; одна и та же мысль можетъ быть представлена съ различныхъ точекъ зрѣнія. Слушатель ловитъ мысли при произношеніи, и не можетъ, подобно читателю, снова возвращаться къ прежней мысли, останавливаться на каждой до совершенно яснаго уразумѣнія. Такъ слогъ отличныхъ писателей показался бы напыщеннымъ и даже темнымъ, если бы изъ книги перенесенъ былъ въ ораторскую рѣчь, назначенную для произношенія.

Сверхъ внимательнаго изученія образцовъ, необходимо частое упражненіе въ сочиненіи и произношеніи. Сочиненія особенно тѣ полезны, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему назначенію. Надобно заранѣе ознакомиться съ тѣмъ родомъ Краснорѣчія, къ которому себя готовимъ. Впрочемъ, какой бы родъ ни былъ избранъ нами, должно упражняться въ сочиненіяхъ съ возможною тщательностью, совершенною оконченностью. Кто

хочетъ изящно говорить и писать, не долженъ себѣ позволять погрѣшностей и въ самомъ маловажномъ сочиненіи, ни въ разговорѣ, ни въ письмѣ. Здѣсь мы не разумѣемъ изысканности, но совѣтуемъ точность въ выраженіяхъ, порядокъ, одушевленіе. Изъ дружескихъ бесѣдъ не рѣдко небрежность въ словѣ переносится и въ сочиненія. Напротивъ, какъ сладостна рѣчь того, чье слово и въ кругу друзей столько же изящно, сколько въ сочиненіи.

Образованію и совершенствованію дара слова въ Ораторѣ содѣйствуютъ *литтературныя собранія*, въ которыхъ юноши, соединенные любовью къ наукамъ и Словесности, переводятъ, сочиняютъ, разбираютъ свои переводы и сочиненія словесно и письменно, разбираютъ и знаменитѣйшихъ писателей. Нѣтъ драгоцѣннѣе и усладительнѣе времени, проведеннаго въ кругу равныхъ и ближнихъ, когда во всѣхъ чувства еще свѣжи и невинны; когда тягостныя заботы не отравляютъ ихъ убійственнымъ своимъ дыханіемъ и страсти не возмущаютъ сердецъ, привязанныхъ къ занятіямъ благороднымъ. Любовь къ изящному, взаимное искреннее довѣріе юношей, высказывающихъ другъ другу мысли свои и чувствованія, непритворныя, чистыя — такое стремленіе къ совершенствованію содѣйствуетъ и развитію дара слова. Идея, служащая основаніемъ любви къ изящному, есть идея красоты вѣчной и безпредѣльной; безпрестанное приближеніе къ ней есть непрерывное образованіе эстетическое. Это образованіе совершается успѣшнѣе при взаимномъ столкновеніи умовъ.

Конецъ втораго курса.

Stanford University Libraries
3 6105 126 652 051

